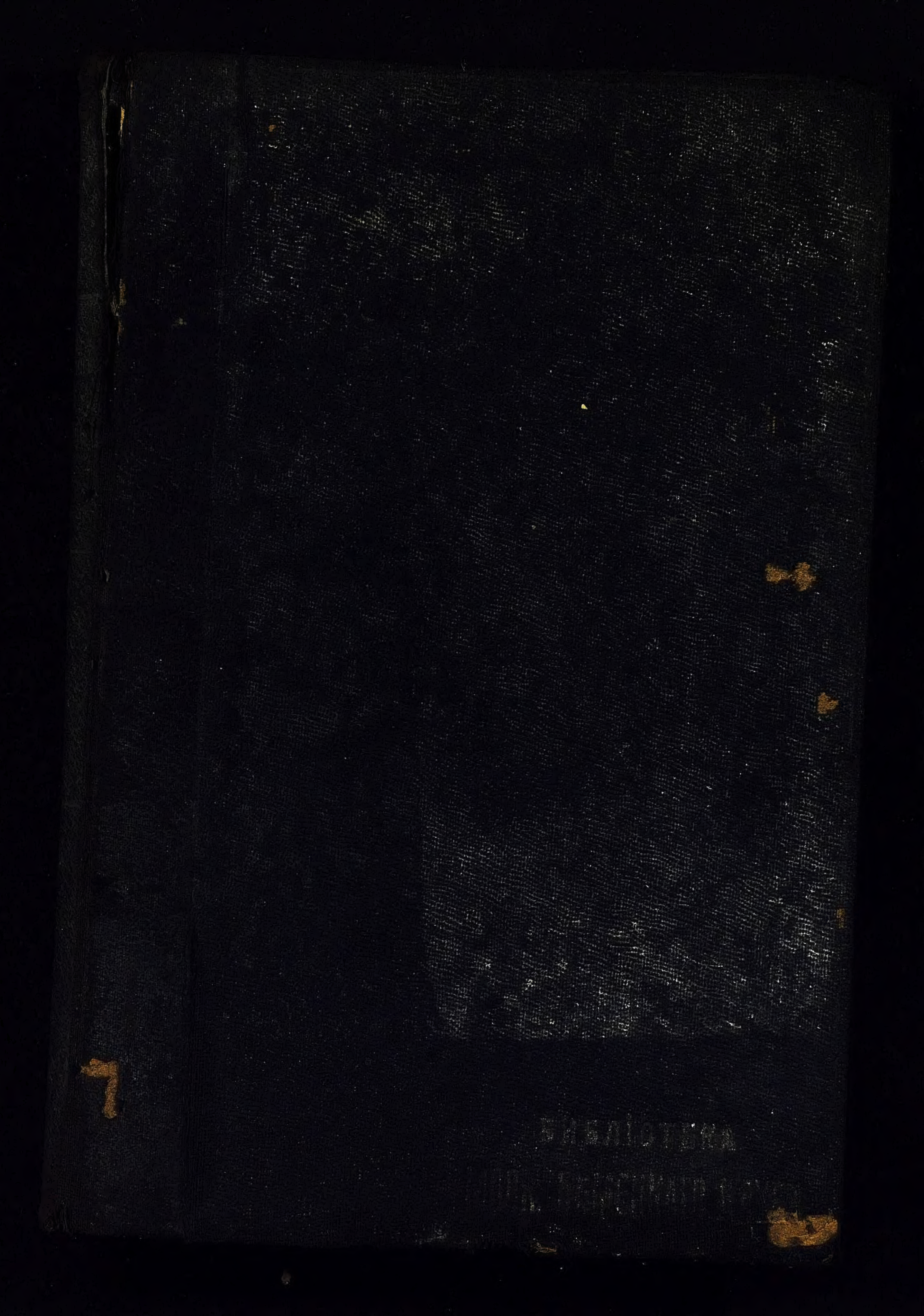
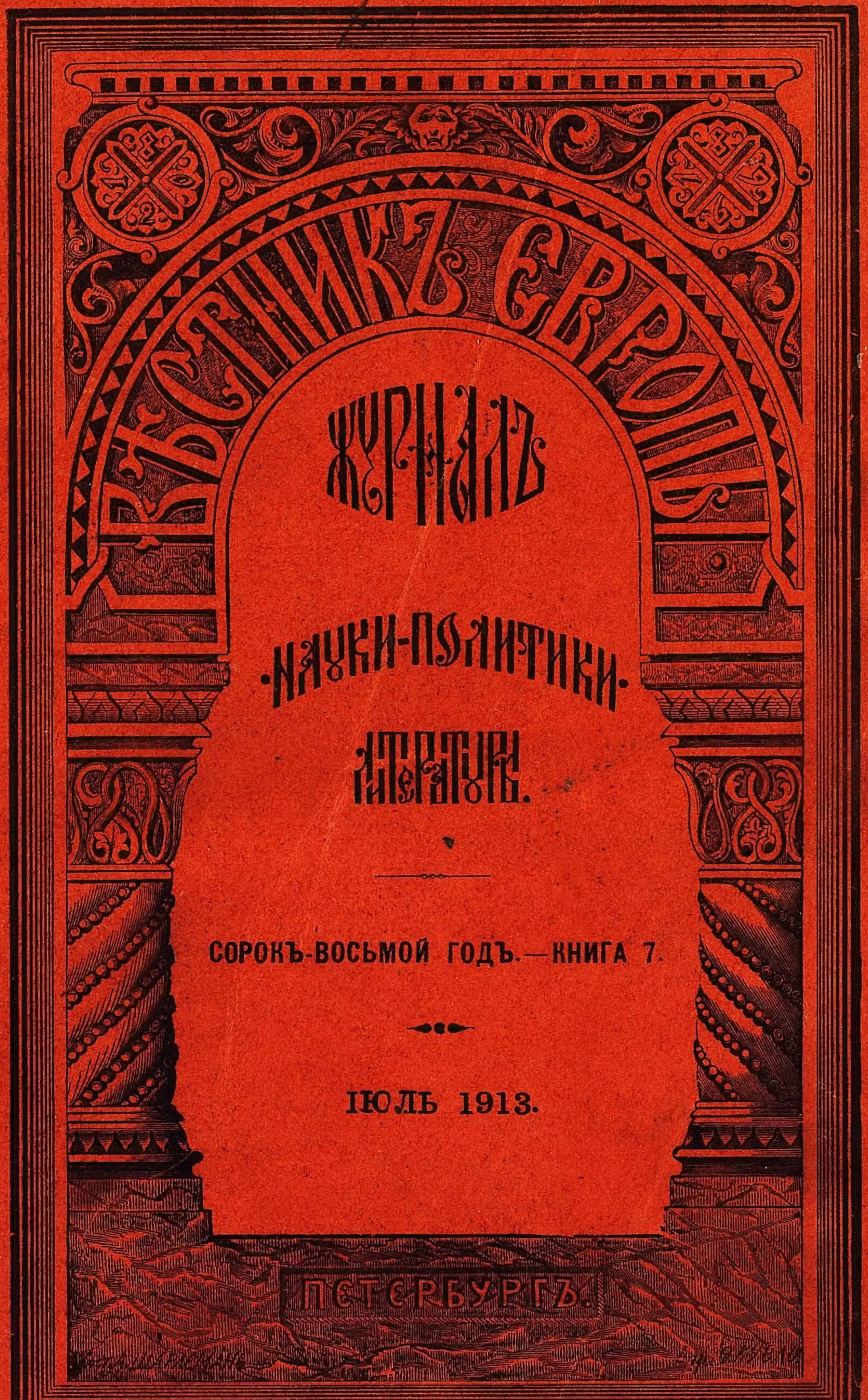

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
НАУКИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.—КНИГА 7.
ІЮЛЬ 1913.
ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 7-я.—ІЮЛЬ. 1913.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

ІЮЛЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

Типографія т-ва „Общественная Польза", Спб., Б. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА СЕДЬМАЯ. — ІЮЛЬ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: К. К. Арсеньева — по субботамъ отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

НА НОВОЙ ДОРОГѢ.

Деревенскіе этюды.

(Окончаніе [1]).

VIII.

Никифоръ помахивалъ кнутикомъ, какъ мухъ сгонялъ. Выѣхавъ изъ села, тарантасикъ легко катился по мягкой полевой дорогѣ. Несмотря на жаркій день, «Рыженькій» бѣжалъ довольно бойко, старуха пристяжная старалась поспѣвать, чтобъ постромки не висѣли. Кругомъ разстилались зеленѣющія поля уже высоко поднявшейся ржи и, хотя еще низкихъ, но уже густыхъ и сочныхъ, яровыхъ. Какъ острова, въ этомъ зеленомъ морѣ хлѣбовъ, виднѣлись, то тутъ, то тамъ, большіе и малые лѣсочки и рощи; попадались овражки и рвы; виднѣлись вдали убогія постройки деревень; и, какъ вѣтви дерева, развѣтвлялись полевыя дорожки. У Евгеніи Алексѣевны на душѣ была такая же ширь, такой же просторъ, какъ передъ ея глазами; и, какъ по развѣтвленіямъ полевыхъ дорожекъ, бѣжали по разнымъ направленіямъ и ея мысли, и не было между ними ни одной мрачной, ни одной гнетущей. Все, что въ быстро бѣгущемъ потокѣ нахлынувшихъ воспоминаній могло бы сейчасъ всплыть нерадостнаго, вызывающаго горькія размышленія, все, какъ облака въ голубомъ небѣ, расплылось бы въ синѣющей дали зеленыхъ надеждъ и мечтаній. И вспоминается ей все только хорошее, все только свѣтлое. «Какое странное, и ма-

---

[1]) См. іюнь, стр. 5.

нящее, и несущее, и чудесное въ словѣ: дорога! И какъ чудна она сама, эта дорога!» Когда-то этотъ отрывокъ диктовалъ въ институтѣ учитель, въ котораго она была влюблена. Когда-то она знала все это наизусть... теперь врываются въ память отрывки... «Кони мчатся»...

Улыбка промелькнула у нея по губамъ: развѣ это *кони*—эти трусящія лошадки! А вѣдь настроеніе все то же... какъ будто и въ самомъ дѣлѣ «кони мчатся»... «На вершинѣ неба солнце»...—«Легче, легче,—слышится голосъ, и телѣга спускается съ кручи. Внизу плотина, широкая, и широкій ясный прудъ»... «Какъ звѣзда, блеститъ вершина креста сельской церкви»...

Никакого креста нѣтъ, ни пруда, ни кручи,—а настроеніе все то же! «Боже, какъ ты хороша подчасъ далекая, далекая дорога! Сколько родилось въ тебѣ поэтическихъ замысловъ, поэтическихъ грезъ»...

И думается Евгеніи Алексѣевнѣ: какое это счастье, что она испытываетъ теперь эту «дорогу»! Это не вагонъ, не грохотъ чугунныхъ колесъ о желѣзные рельсы, не противныя, усталыя лица невольныхъ спутниковъ-пассажировъ—это вотъ вся эта Божья благодать безконечныхъ полей и лѣсовъ, которые развернулись передъ ней. «Кони мчатся»... Ей сейчасъ и смѣшно, что она поѣхала вотъ съ этимъ «побѣдоносцемъ», когда могла воспользоваться предложеніемъ Петра Сидорова; и въ то же время и люба ей эта мизерность ея колесницы, коней и возничаго. «Мы, русскіе,—широки, а въ сущности—ужасно сентиментальны!»—думаетъ съ усмѣшкой Евгенія Алексѣевна и шутливо доказываетъ себѣ всю непрактичность своего образа дѣйствій: огромная потеря времени, безполезная и ничѣмъ не вызванная—кромѣ сентиментальности. «А для души-то!..»—мысленно восклицаетъ она; и на всемъ лицѣ ея—радостная улыбка. Ей любо—стало быть, такъ и нужно! Развѣ все это не въ гармоніи съ тѣмъ общимъ настроеніемъ, которое создало и «кающагося дворянина», и «широкую и убогую Русь»! Развѣ не это же незаконное сочетаніе шири съ сентиментальностью толкнуло и ее бросить болѣе «хлѣбное» мѣсто въ столицѣ и трепаться вотъ теперь по деревнямъ и мужицкимъ избамъ, чтобы выводить изъ мужицкихъ садовъ червяковъ и жуковъ, какъ выводятъ клоповъ и таракановъ изъ домовъ. Но развѣ она сейчасъ не чувствуетъ себя счастливой? Она благодаритъ судьбу, что судьба дала ей эту жизнь, это настроеніе и эту родину, вѣчно кающуюся въ своемъ убожествѣ, вѣчно стремящуюся «не уда-

рить въ грязь лицомъ», пріобрѣсти обликъ «не хуже, чѣмъ у людей», и въ тоже время сохранить свои добрыя и безхитростныя, немудрыя «хрестьянскія» души!..

Отъ села отъѣхали уже нѣсколько верстъ. Никифоръ неожиданно обратился къ Евгеніи Алексѣевнѣ:

— А что я вамъ хочу сказать, барышня!.. Вы къ Пальчиковой, Марьѣ Михайловнѣ, не поѣдете?

— Поѣду. А что? Мнѣ про нее говорили.

— Такъ я бы васъ прямо къ ней свезъ.

— А ты ее знаешь?

— Какъ же! Сколько разъ важивалъ.

— Такъ какъ же мы къ ней поѣдемъ? Мнѣ говорили, что къ ней нужно со слѣдующей станціи.

— Оно-точно. Тамъ у нихъ свой полустанокъ. Тамъ до нихъ всего пять верстъ. А можно и съ нашей. Только что вѣдь на полустанкѣ лошадей безъ заказу нѣтъ. Она и сама-то, коли не закажетъ выѣхать, то съ нашей станціи ѣздитъ. Ежели у васъ не заказаны отъ нея лошади — такъ вамъ вѣдь отсюда къ ней ѣхать надо.

— Ну?—сказала удивленная и нѣсколько раздосадованная Евгенія Алексѣевна.—Что же мнѣ раньше этого никто не сказалъ!

— А я вотъ и хотѣлъ вамъ предложить, барышня. Чѣмъ вамъ черезъ станцію крюкъ дѣлать, такъ лучше вотъ сейчасъ здѣсь свернуть къ нимъ. Дорожка прямехонько будетъ въ ея имѣнье. Супротивъ того, какъ намъ сейчасъ на станцію ѣхать—къ Пальчиковой мы верстъ пять лишнихъ проѣдемъ—а двадцать верстъ вы сбережете.

Евгенія Алексѣевна, зная по прежнимъ опытамъ, куда приводятъ иногда проселки, на которыхъ версты «баба клюкой мѣряла», нерѣшительно спросила:

— А ты дорогу хорошо знаешь?

— Помилуйте, мальчишкой ѣздилъ... и теперь ѣзжу. Каждый кустикъ на примѣтѣ.

— Ну, хорошо, поѣзжай.

— Вы мнѣ тогда прибавите маленько,—добродушно сказалъ Никифоръ:—ну, а вамъ, извѣстно, много ближе будетъ.

— Прибавлю, прибавлю!.. Поѣзжай къ Пальчиковой.

— Вотъ сейчасъ тамъ, у лѣсочка, и свернемъ.

Евгенія Алексѣевна взглянула: впереди виднѣлся большой лиственный лѣсъ. Никифоръ уже не просто махнулъ, а весело «стеганулъ» сивую кнутикомъ. Лошади побѣжали побойчѣе.

Неурядица проселочныхъ способовъ передвиженія и сообщенія немного нарушила-было хорошее настроеніе Евгеніи Алексѣевны. Но она уже была такъ склонна видѣть все въ радужныхъ краскахъ свѣтлаго майскаго дня, такъ дороги и милы были ей въ эту минуту всѣ черты хотя и некрасиваго, но родного лица русской жизни, что она сейчасъ же и забыла о маленькомъ измѣненіи направленія своего путешествія. И, какъ птицы въ воздушномъ океанѣ, понеслись опять во всѣ стороны ея мысли и мечтанія.

А Никифоръ дѣловито говорилъ:

— Вотъ у Пальчиковой садъ-то!.. Знаменитый садъ!.. Въ прошломъ году она изъ города садовника привозила—чего-то все осматривалъ. Да что-то знать недовольна имъ осталась.

— А какой садовникъ? Откуда?

— А тамъ тоже въ городѣ садъ есть. Всякіе тамъ деревья и ягоды... Отъ земства, стало-быть, на-показъ мужикамъ устраивали. Семь тысячъ въ него ухлопалъ садовникъ-отъ! А толку, слышь, мало. Теперь уволили.

— А кто же тамъ теперь?

— Не знаю. Только-что этого-то больше нѣтъ.

Никифоръ помолчалъ, потомъ почему-то кивнулъ головой и медленно, стараясь своимъ беззубымъ ртомъ выразить насмѣшку, произнесъ:

— А форсистый былъ! Съ тросточкой. Картузъ съ двумъ козырькамъ носилъ—«здравствуйте» и «прощайте».

Евгенія Алексѣевна заинтересовалась:

— Это какой же такой картузъ?

Никифоръ обернулся къ ней и, рисуя пальцами въ воздухѣ, объяснилъ, что одинъ козырекъ былъ сзади, а другой спереди:

— Одинъ значитъ «здравствуйте», другой «прощайте»! Аглицкій, слышь.

Евгенія Алексѣевна разсмѣялась.

— А одѣвалъ-то картузъ,—продолжалъ пояснять Никифоръ:—не прямо на лобъ, а подъ картузомъ-то обручъ такой сдѣланъ, чтобы воздухъ проходилъ. Голова-то издали казалась большая-большая... а только въ ней-то, вѣрно, немного чего было.

— А у Пальчиковой есть садовникъ?—спросила Евгенія Алексѣевна.

— Не должно... Та все больше сама, барыня обстоятельная. Ну, и земля тоже у нея... хо-ро-шая! Знаменитая земля!

Доѣхали до рощи. Влѣво отъ дороги сворачивала въ лѣсъ мало-проѣзженная колея.

— Ну, вотъ и наша дорожка,—сказалъ Никифоръ, и дернулъ за лѣвую возжу. Но коренникъ было заупрямился и пробѣжалъ мимо. Пришлось натянуть возжу потуже и подхлестнуть коней, чтобы, проѣхавъ теперь немного по лужку, вбиться опять въ колею.

— Ишь ты, не хочетъ!—ворчливо прошамкалъ Никифоръ, и опять хлестнулъ коренного. Но «Рыженькій» уже добросовѣстно побѣжалъ по новой дорожкѣ. Повидимому онъ и самъ былъ радъ, что отъ солнца попали въ тѣнь, а Евгенія Алексѣевна глубоко вдохнула въ себя свѣжій воздухъ и воскликнула:

— Какъ тутъ хорошо!

Лѣсъ былъ не очень старый, смѣшанныхъ породъ, когда-то прорубленная широкая просѣка успѣла уже по краямъ зарости—частью орѣшникомъ, частью ольхой,—и теперь дорожка мѣстами сузилась на столько, что, пожалуй, двумъ встрѣчнымъ и не разъѣхаться безъ труда. Евгеніи Алексѣевнѣ здѣсь все показалось такъ красиво, такъ поэтично, все располагало къ мечтательности. Но проѣхали нѣсколько десятковъ саженъ, и не то проползшій черезъ дорогу корень дерева, не то какая-то выбоина такъ встряхнули тарантасъ, что Евгенія Алексѣевна невольно вскрикнула. Никифоръ попридержалъ лошадей.

— Потише надо,—глубокомысленно замѣтилъ онъ.

Поѣхали гдѣ шагомъ, гдѣ трусцой.

Немного погодя и Евгенія Алексѣевна не удержалась отъ восклицанія:

— Однако, дорога-то здѣсь неважная!

— Ну—извѣстно, не поле—лѣсная дорога!—съ философскимъ спокойствіемъ отвѣтилъ Никифоръ. —Да ничего, Богъ дастъ, доѣдемъ. За̀все тутъ ѣздимъ.

Это «Богъ дастъ» немного смутило Евгенію Алексѣевну. Въ ея странствіяхъ ей уже не разъ приходилось по разнымъ случаямъ считаться съ этимъ «Богъ дастъ». И она вдругъ занервничала и сказала Никифору:

— А то не лучше ли намъ вернуться?

— Пошто ворочаться,—все съ тѣмъ же своимъ философскимъ спокойствіемъ возразилъ Никифоръ; и снова повторилъ:— За̀все тутъ ѣздимъ. Потомъ, подумавъ, онъ какъ бы нехотя сказалъ:

— Вотъ тутъ только въ одномъ мѣстѣ мостикъ есть—въ овражкѣ—плоховатъ ужъ сталъ... Ну, да мы и такъ, коли что, и безъ мостика... объѣдемъ.

И онъ замолчалъ. Ничего больше не говорила и Евгенія

Алексѣевна; но она начинала досадовать на себя, что поддалась предложенію старика поѣхать по глухой дорогѣ. Настроеніе изъ мечтальнаго дѣлалось все болѣе и болѣе нервнымъ. Дорога, клонившаяся подъ гору, шла все также между деревьями и кустарниками, и теперь приближалась къ крутому повороту.

Молчавшій Никифоръ точно проснулся и сказалъ:

— Вотъ ужо́ сейчасъ...

И сейчасъ же за его словами, изъ-за поворота дороги, точно изъ земли выросли, появились два мужика. Оба съ топорами.

Евгенія Алексѣевна ахнула.

Одинъ изъ мужиковъ, въ заплатанной ситцевой рубахѣ, въ старомъ картузѣ, бросивъ на землю топоръ, обрадованный, закричалъ:

— Аа! Тпрру!.. стой! — И всталъ прямо передъ мордой коренника, широко разставивъ руки.

Лошади остановились. Никифоръ отнесся къ этому загадочно спокойно. Евгенія Алексѣевна чувствовала, что у нея отнялись руки и ноги. Сразу мелькнула мысль, что старикъ завезъ ее въ подготовленную засаду. Все это было дѣломъ одного мгновенія, и на это мгновеніе она закрыла глаза.

Но мгновенно же и открыла.

А мужикъ уже повисъ руками и ногами на оглобляхъ и обхватилъ морду коренного руками и цѣлуетъ ее, и цѣлуетъ, и все хочетъ обнять покрѣпче. И, радостно смѣясь, точно всхлипываетъ, приговариваетъ:

— Ахъ, Рыженькій!.. Рыженькій!..

Другой мужикъ стоитъ рядомъ, смотритъ на товарища и тоже осклабился.

А Никифоръ уже говоритъ:

— Ахъ, ты, озорной, Гришутка!

Евгенія Алексѣевна ничего не понимала; но у нея уже отлегло отъ сердца.

А озорной Гришутка,— мужикъ лѣтъ подъ сорокъ,—нацѣловавшись вдоволь съ «Рыженькимъ», уже спустился съ оглобель, подошелъ къ козламъ и, протянувъ Никифору руку, весело произнесъ:

— Здорово, старина!

Добродушными, смѣющимися глазами смотря на Евгенію Алексѣевну, онъ поклонился и ей, приподнимая толстыми, какъ палки, пальцами маленькій, съ маленькимъ козырькомъ, картузишко.

Евгенія Алексѣевна улыбалась, но все еще не понимая, что тутъ произошло. Никифоръ спрашиваетъ мужиковъ:

— Вы что — не мостъ ли чините?

— Починили.

— Ну, слава Тебѣ Господи! Стало, проѣдемъ?

— Въ лучшемъ видѣ.

Евгенія Алексѣевна, всунувъ руку въ карманъ и не вынимая портмонэ, добыла оттуда двугривенный и предложила мужику. Тотъ сначала смущенно посмотрѣлъ, потомъ добродушно протянулъ руку и взялъ деньги.

— Ну, что-жъ — выпьемъ, стало-быть, съ Петрухой за ваше здоровье! Въ родѣ какъ контрибуція съ васъ. Таможенная пошлина.

И уже тономъ строгаго городового, самъ сторонясь, крикнулъ:

— Проѣзжай!

Отдавая Евгеніи Алексѣевнѣ честь подъ козырекъ, онъ всталъ во фронтъ. Но не успѣли еще лошади тронуться, онъ отчаянно закричалъ:

— Постой! постой!.. Топоръ-отъ на дорогѣ...

Онъ бросился со всѣхъ ногъ поднять топоръ, споткнулся, чуть не упалъ, и потомъ, уже съ топоромъ въ рукахъ, всталъ рядомъ съ товарищемъ въ сторонкѣ, — оба съ наивно улыбающимися лицами.

Никифоръ кивнулъ головой, махнулъ кнутикомъ, лошади пошли. Мужики еще разъ поклонились. Отъѣзжая, Никифоръ обернулся и сказалъ:

— Отцу-то кланяйся.

— Ладно! Поклонимся! — весело отвѣтилъ озорной Гришутка. И уже въ догонку крикнулъ:—Рыженькій! Ау!.. Прощай, Рыженькій. Прощай!..

Евгенія Алексѣевна спросила:

— Это кто-же такіе?

— Плотники. Изъ сосѣдней деревни. Я, вишь, у Григорьева-то отца коренного-то этого купилъ. У меня былъ вороной меринъ, хорошій, да палъ... Ахъ, хорошая была лошадь! Все равно, какъ отецъ родной! Бывало, я отвезу проѣзжающихъ, поѣду домой, лягу въ тарантасъ: спи до зари—вороной куда надо привезетъ... А этотъ молокососъ-отъ туда же еще артачится—видѣли давѣ: не сворачиватъ!

И Никифоръ любовно стегнулъ «молокососа» кнутикомъ. И продолжалъ...

— Этотъ Рыженькій-то у нихъ доморощенный. Имъ деньги нужны были — вотъ, значитъ, мнѣ и продали. Мнѣ вѣдь безъ лошади нельзя. У меня жизнь вся тутъ—на козлахъ. А Григорью-то очень ужъ не хотѣлось разставаться съ конемъ-то. Любитъ лошадей до страсти. Вишь, онъ въ прежніе года-то въ конницѣ служилъ.

Помолчавъ, Никифоръ вздохнулъ и сказалъ:

— Ну, теперь, слава Богу, мостъ починили, проѣдемъ знатно. Вотъ за мостомъ тутъ только маленько въ горку поднимемся, лѣсъ кончится, и дорожка полемъ хорошая пойдетъ...

Но у Евгеніи Алексѣевны уже и на этой дорожкѣ нервное настроеніе опять перешло въ радужное. Все, всякія неудобства пути искупались для нея тѣмъ, что она только сейчасъ вотъ пережила. «Милая, милая, дорогая Русь!» —твердила она. Вся жуть, весь ужасъ,—все это былъ только одинъ мгновенный сонъ. И опять сердце ея наполнялось вѣрой, что родному народу предстоитъ великое будущее и что «нѣмецъ» въ концѣ концовъ не «опередитъ» его. Вся отдаваясь охватившему ее приливу энергіи, Евгенія Алексѣевна, сдвинувъ брови, въ экстазѣ мысленно повторяла: «Надо только работать, работать, работать!.. Не покладая рукъ, работать надъ просвѣщеніемъ народа, поднимать его матеріальное благосостояніе, расширять его кругозоръ, съ вѣрой, съ вдохновеніемъ браться каждому за дѣло, которое ему по душѣ и по силамъ!»

И въ ея воображеніи проносятся картины видѣннаго и пережитаго—и далекаго, и вчерашняго...

И опять о. Николай!.. Да, теперь она понимала его! Понимала то, что онъ говорилъ о «духовной» миссіи... Однимъ благосостояніемъ—никакимъ!—не воспитаешь того живого духа, которымъ былъ пронизанъ весь вотъ этотъ, сейчасъ промелькнувшій передъ ней, кусокъ жизни. И никакая бѣдность, никакая горечь существованія не изгладятъ свѣтлыхъ чертъ народнаго характера, если ихъ хоть что-нибудь поддерживаетъ въ окружающей жизни. Что именно надо—она даже не можетъ датъ себѣ отчета. Училась вотъ она за границей, гдѣ все тамъ такъ хорошо, такъ культурно, а тянуло ее домой, неудержимо тянуло... Хотѣла ли бы она остаться на чужой сторонѣ навсегда?.. Нѣтъ! Есть что-то неуловимое, что-то мистическое, что связываетъ человѣка съ *его* землей.

Вдругъ она почувствовала, какъ кровь прилила къ лицу. Ей стыдно: неожиданно, внезапно почувствовала, что стало стыдно! Отъ пустяковъ. Просто мелькнула мысль: «зачѣмъ дала

двугривенный!» Что, еслибъ кто-нибудь ей сунулъ, такъ же вотъ... на водку! Ни съ того, ни съ сего! Отъ добраго сердца! Барская доброта! Не это ли такъ, и тянетъ всегда русскаго человѣка изъ-за границы домой, что здѣсь онъ чувствуетъ себя все еще бариномъ?.. А вѣдь народъ уже проснулся...

Но сейчасъ же подумала: «Да, вѣдь, онъ взялъ!»... Не обидѣлся—или не хотѣлъ обидѣть ее?.. А въ сущности, какъ мало мѣняется жизнь въ ея мелочахъ отъ всякихъ «великихъ» событій! Развѣ и она не давала тѣ же барскіе на-чаи «гражданамъ» Франціи, Швейцаріи?.. Вильгельмъ Телль—и кельнеры!.. Тамъ берутъ и даютъ, не задумываясь надъ собственнымъ достоинствомъ, а только надъ достоинствомъ монеты!..

И то, что сейчасъ казалось ей стыднымъ, кажется ей уже смѣшной щепетильностью, которую можетъ проявлять только россійскій «кающійся дворянинъ». Пришло же, вѣдь, ей въ голову, что староста подалъ ей высокомѣрно два пальца, вмѣсто доброй мужицкой пятерни.

Ея мысли бѣгутъ одна за другой, непослѣдовательныя, отрывочныя, спутанныя. Опять о. Николай! Вся его красивая фигура, красивый голосъ... Какъ ни отгоняй навязчивую мысль, а она тутъ. Напрашивается вопросъ: «пошла ли бы за него?» Отвѣтъ ясный, неизмѣнный: «Нѣтъ!»

«Духовное званіе!» Для нея это что-то далекое-далекое.. Ни за что! И въ самой правдѣ его словъ сколько горечи: «А мы, поповичи, должны имѣть это призваніе!.. Наши жены, изъ поповенъ, должны имѣть призваніе быть нашими женами!»

О. Николай представляется ея воображенію уже «сложившимъ санъ», она представляетъ себѣ, какимъ бы онъ былъ въ другой одеждѣ, въ другой обстановкѣ...

И опять ее тревожитъ мысль: да кого же онъ ей такъ напоминаетъ?.. Когда-то она была въ восторгѣ отъ портрета Владиміра Соловьева...—есть сходство... Но нѣтъ, — это не то! Самого-то Соловьева она никогда не видала, а здѣсь все, вся фигура... даже голосъ... Ну, вспомнила, вспомнила! Это не совсѣмъ-то,—даже разница большая,—но при встрѣчѣ съ о. Николаемъ воспоминаніе-то было именно это! Ковригинъ—вотъ кто вспомнился!.. Какъ могла она такъ забыть его, что не догадалась сразу! Всего мѣсяцъ тому-назадъ—а впечатлѣніе уже затерялось въ массѣ другихъ.

Зато теперь это воспоминаніе властно захватываетъ ее!.. Знакомство длилось немножко больше, чѣмъ съ о. Николаемъ—три дня! Но такъ же, какъ и здѣсь... Интимная бесѣда... полу-

намеками, полупризнаніями... Въ чемъ? Не въ любви же?.. Двѣ-три встрѣчи, два-три разговора, общность интересовъ, общность служенія народному благу, просвѣщенію... Онъ земецъ, она лаборантка, и совершенно естественно, что онъ предлагалъ ей мѣсто въ земствѣ... Да, вѣдь, это все было и будетъ съ нею вездѣ! Вѣдь это предстоитъ ей на каждомъ шагу: встрѣчать молодыхъ симпатичныхъ земскихъ дѣятелей и получать приглашенія на службу въ земствѣ... Быть-можетъ, современемъ придется даже принять одно изъ такихъ предложеній. Что-жъ изъ этого? Было бы смѣшно о каждомъ думать, что онъ въ тебя влюбится. Развѣ она здѣсь за этимъ? Развѣ *это* въ подкладкѣ ея стремленій къ живому дѣлу, къ личной свободѣ, къ культурной миссіи?.. Нѣтъ, нѣтъ,—еще нигдѣ ни на одинъ лишній часъ не остановилась она изъ-за того, что *ей* тутъ пріятно... Дальше, дальше! Жизнь не ждетъ! Кончивъ дѣло, не осталась она тамъ съ Ковригинымъ, не осталась здѣсь... Мимо!..

«А конецъ какой?.. А моя личная жизнь?»...

И ей дѣлается какъ будто жаль, что она ужъ такъ добросовѣстна въ исполненіи инструкторской—всего только инструкторской!—миссіи. Въ воображеніи снова рисуется красивая фигура Ковригина... И опять навязчивый, противный вопросъ: «пошла ли бы?» И опять ей хочется сказать «нѣтъ», а въ сердцѣ она слышитъ другое:—«да!»

...Ковригинъ богатъ, образованъ... «не изъ духовнаго званія»... И не уйдетъ съ своего поста: самъ говоритъ—«прикованъ къ землѣ»... Какое чудное имѣніе! Какая библіотека...

«Да по какому праву думаю *я* такъ о немъ?»—обрываетъ себя Евгенія Алексѣевна.—«Вообразила себѣ!.. То-было и изъ памяти вонъ, а тутъ вдругъ размечталась!.. Мимо!»

Она досадуетъ на себя за эти мысли, ей уже кажется, что она чему-то и кому-то измѣнила,—измѣнила самой себѣ,—что она не та, какой хотѣла бы быть, что въ ней сказалась женщина, только слабая женщина,—ничего больше!..

...Но хватитъ ли у нея духу упрекнуть даже о. Николая за его неподобающіе ему помыслы о семейномъ очагѣ?

...Сознаніе исполненнаго долга... свобода... пусть даже нравственный героизмъ, пусть даже слава—все это красиво... А личное счастье?.. Что если, во-время не остановленное, пройдя мимо, оно скажетъ такому герою: «счастье не ждетъ!»...

Замечтавшись, задумавшись, Евгенія Алексѣевна совсѣмъ забыла про Никифора. Молчаливо помахивая кнутикомъ, онъ,

очевидно, тоже весь ушелъ въ свои думы—или совсѣмъ ничего не думалъ...

И только уже подъѣзжая къ цѣли поѣздки, онъ указалъ впередъ кнутовищемъ:

— Вонъ садъ—какъ лѣсъ хорошій. Это Пальчиковскій.— Какъ бы отъ особеннаго удовольствія потряся головой, добавилъ:—Богатая барыня!

Евгенія Алексѣевна посмотрѣла въ даль, но ничего ему не отвѣтила.

А Никифоръ, еще немного помолчавъ, сказалъ:

— А только что, я такъ думаю, ни къ чему имъ это...

— Что?—машинально спросила Евгенія Алексѣевна, вырываясь изъ сферы своихъ мечтаній въ дѣйствительность.

— Да вотъ на счетъ садовъ: хоша бы у мужиковъ. Только пить больше будутъ. Что денегъ больше будетъ—такъ только грѣха больше. Какъ лишнихъ-то нѣтъ, оно спокойнѣе: не думается.

Евгенія Алексѣевна посмотрѣла на его черный, морщинистый, какъ потрескавшаяся земля, затылокъ, на его скрюченную спину, улыбнулась широкой улыбкой и подумала: «Ахъ, ты, побѣдоносецъ!»

IX.

Въ то время, какъ божественно непостижимый, безконечно сложный организмъ человѣка создаетъ себѣ и вокругъ себя то прекрасную, то ужасную, безконечно сложную внѣшнюю и внутреннюю жизнь; въ то время, какъ мозгъ, въ безграничномъ творчествѣ своемъ состязается съ самимъ создавшимъ его Творцомъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ міровъ, и то взлетаетъ въ область все пронизывающаго свѣта, то впадаетъ въ непронизаемую тьму; въ то время, какъ глаза видятъ переливы всѣхъ цвѣтовъ радуги, уши слышатъ всѣ тона музыкальной гаммы, а руки лѣпятъ изъ грубаго матеріала, даннаго природой, культурныя формы, или перелицовываютъ на свой ладъ всю поверхность земли, или же, лѣнясь, отдыхая, спятъ и бездѣйствуютъ,—одно только сердце, маленькая частица большого организма, никогда не зная ни отдыха, ни смѣны, исполняетъ для всей многообразной жизни тѣла свою служебную работу. Такую однообразную, монотонную, никѣмъ незримую, ничѣмъ не вознаграждаемую, одну и ту же изо дня въ ночь, изъ ночи въ день, изъ минуты

въ минуту, изъ секунды въ секунду! Но стóитъ этой однообразной, неощутимой работѣ незримаго сердца хоть на время утратить не замѣчаемую нами точность своихъ біеній, и это, такъ или иначе, въ большей или меньшей степени, сейчасъ или потомъ, неизбѣжно отзовется на видимой многообразной дѣятельности всего организма. Стóитъ прекратиться этимъ неустаннымъ, механически-скучнымъ біеніямъ—и всякому творчеству человѣка, которому это сердце служило, наступаетъ конецъ.

Такъ съ жизнью тѣла, такъ съ жизнью духа.

Такъ и съ жизнью народовъ, расъ, племенъ.

Есть у каждаго народа свое, собирательное, народное сердце, незримо бьющееся въ груди единицъ, составляющихъ массы. Въ яркихъ историческихъ событіяхъ, въ пестротѣ общественной дѣятельности, въ исключительныхъ проявленіяхъ народнаго быта, мы видимъ всегда только *лицо* народное. Оно то сіяетъ восторгомъ, то искажается гнѣвомъ, то оно свѣтлое, то мрачное. Но мы не видимъ ни въ этихъ событіяхъ, ни въ этой дѣятельности и этихъ проявленіяхъ той неустанной, однообразной, повседневной кропотливой работы единицъ, составляющихъ массы,—работы, поддерживающей жизнь тѣла. И все-таки—именно по внѣшнимъ проявленіямъ народной жизни мы можемъ судить или гадать о незримой работѣ народнаго сердца, о степени ея правильности, напряженности, устойчивости, такъ же, какъ по степени энергіи, проявляемой человѣкомъ, мы судимъ или гадаемъ о здоровьѣ его сердца. И если знающій врачъ, приникнувъ ухомъ къ груди, чтобъ изслѣдовать дѣятельность сердца, опредѣляетъ и ея характеръ, и крѣпость сердечныхъ мускуловъ, и ихъ предполагаемую выносливость, независимо отъ внѣшнихъ проявленій въ жизни тѣла, а иногда и совершенно въ разрѣзъ съ ними,—предсказываетъ больному выздоровленіе или узнаетъ скрытую болѣзнь въ цвѣтущемъ на видъ человѣкѣ, такъ и свѣдущій изслѣдователь быта, приникнувъ чуткимъ ухомъ къ груди народной, слышитъ біеніе народнаго сердца. И когда онъ убѣждается, что незримая, кропотливая, повседневная, изъ вѣка въ вѣкъ одна и та же будничная работа этого сердца идетъ съ своей обычной устойчивостью, не нарушимой никакими внѣшними вліяніями, онъ можетъ народу, уже пережившему бурную юность, предсказать и благополучное прохожденіе созидательной работы зрѣлаго возраста, и достиженіе свѣтлой, безмятежной и глубокой старости.

Благо народу, котораго ждетъ радостная старость!.. Свершивъ со временемъ «въ предѣлахъ земныхъ все земное», испол-

нивъ въ міростроительствѣ возложенную на него Великимъ Зодчимъ задачу и сливаясь въ назначенный ему вѣкъ съ вѣчностью, онъ уступитъ мѣсто своимъ ближайшимъ потомкамъ, передавая имъ все накопленное культурное наслѣдіе; и это наслѣдіе облегчитъ этимъ потомкамъ дальнѣйшее прохожденіе ими таинственнаго пути всѣхъ народовъ къ никому донынѣ невѣдомой конечной цѣли всей міровой жизни.

Но если незримая работа народнаго сердца перестаетъ быть правильной, устойчивой, если она даетъ перебои, если наступаетъ ожирѣніе или атрофія сердечныхъ мускуловъ, организмъ рано слабѣетъ, не выдерживаетъ борьбы съ окружающей средой и, не достигнувъ полнаго развитія, не свершивъ своей задачи, преждевременно умираетъ. Преждевременно могутъ умирать и народы, могутъ вымирать племена и расы, оставляя послѣ себя не культурное наслѣдіе, не духъ народный, а лишь разлагающійся трупъ, грубую матерію, перевоплощающуюся въ новыя формы низшаго порядка.

Евгенія Алексѣевна подъѣзжала теперь къ усадьбѣ Пальчиковой съ чувствомъ большой бодрости,—той бодрости душевной, которая заставляла ее забывать всякую физическую усталость — и рабочую, и дорожную. Какъ Антей, прикоснувшись къ землѣ, набирался силы, такъ и она: чѣмъ больше ѣздила она по деревнямъ, тѣмъ больше укрѣплялось въ ней сознаніе, что она на хорошей дорогѣ. Не крупныя событія, не выдающіяся явленія, не исключительныя личности, а мелочи родной дѣйствительности, не бросающіяся въ глаза, но понятныя родной душѣ, вызывали въ ней эту бодрость духа. Все, что Петербургъ на своемъ подкрашенномъ, гримированномъ лицѣ отразилъ болѣзненнаго въ народномъ организмѣ, казалось ей теперь уже такимъ незначительнымъ, когда она въ себѣ и вокругъ себя почувствовала вѣковѣчное, здоровое біеніе народнаго сердца, — того сердца, при неустанной работѣ котораго выросло это огромное тѣло—Россія.

— Вотъ и Марья Михайловна,—весело сказалъ Никифоръ, въѣзжая въ ворота усадьбы.

Евгенія Алексѣевна увидала у крыльца дома разговаривавшую съ какой-то молодой бабой довольно полную старушку съ слѣдами несомнѣнной былой красоты въ лицѣ. Повидимому, помѣщица совсѣмъ старозавѣтная. Имѣніе большое, богатое, благоустроенное, а сама хозяйка—въ ситцевой юбкѣ, въ ситцевой кофточкѣ, въ бѣломъ плоёномъ чепчикѣ—больше похожа

на экономку, чѣмъ на владѣлицу этого прекраснаго, хорошо содержимаго стараго барскаго дома.

Когда Евгенія Алексѣевна объяснила ей цѣль своего пріѣзда, Марья Михайловна степенно, не слишкомъ ласково, но доброжелательно отвѣтила:

— Что же, милости просимъ, поглядите. Можетъ-быть, и вы что-нибудь доброе посовѣтуете, а можетъ-быть, и отъ насъ полезное услышите.

Дѣло было къ вечеру, скоро предстоялъ ужинъ, но Марья Михайловна все-таки распорядилась подать для гостьи чаю и закусить.

— Умыться бы,—скромно обратилась къ хозяйкѣ Евгенія Алексѣевна.—Почиститься бы... пылища по дорогѣ...

— Ну, конечно! Аннушка, проводи барышню.

Точно домой, въ родное гнѣздо, пріѣхала — такое чувство охватило Евгенію Алексѣевну, когда горничная дѣвушка привела ее во второй этажъ, въ «комнату для пріѣзжихъ». Все тутъ такъ чистенько, такъ уютно, по старинному, какъ-то подѣтски наивно. Желѣзная кроватка съ коленкоровыми чехлами въ изголовьи и въ ногахъ. Подъ бѣлымъ пикейнымъ одѣяломъ, съ гофрированной накидкой на подушкахъ—она вся такая бѣленькая-бѣленькая, точно бѣлокурая дѣвочка въ бѣломъ фартучкѣ и пелериночкѣ. Вотъ вязанная салфеточка на столикѣ у кровати. Деревянные подсвѣчники въ бисерныхъ чехликахъ. На стѣнѣ—бисерный башмачекъ для часовъ. И тутъ же, надъ кроватью, «картина», вышитая по канвѣ шелками, бисеромъ и стеклярусомъ: какіе-то фантастическіе цвѣты, которые и росли-то только въ головѣ художника или, вѣроятнѣе, художницы, и только въ моментъ безсознательнаго творенія этой картины. Какія тутъ кресла—точно пауки съ кривыми ногами! Должно-быть дѣлалъ ихъ еще крѣпостной столяръ. А вотъ еще картинка, старая гравюра: дѣвушка въ розовомъ вѣнкѣ кормитъ изо рту сидящаго у ней на плечѣ голубка. Да неужели все это уцѣлѣло до XX-го столѣтія!

Евгенія Алексѣевна, умывшись холодной, ключевой водой и крѣпко-сухо вытираясь бѣлоснѣжнымъ полотенцемъ, смотрѣла теперь на себя въ небольшое круглое зеркало въ рамкѣ краснаго дерева, качавшееся на двухъ точеныхъ столбикахъ. И сама себѣ улыбалась. Ея глаза свѣтились такимъ удовольствіемъ, какъ будто съ ней не вѣсть что случилось хорошее-расхорошее. И ей оторваться не хотѣлось отъ зеркала: ея лицо глядѣло на нее оттуда такимъ молодымъ, такимъ задорно радостнымъ, что она чувство-

вала себя въ эту минуту точно влюбленной въ самое себя. Что было внезапной причиной этой безпричинной радости, она не знала. Это какъ и съ неожиданно нападавшей иногда на нее грустью. Старушка ли Пальчикова ей понравилась; переходъ ли отъ тряскаго тарантасика и пыльной дороги въ ласкающій уютъ барскаго дома; мечты ли, которымъ отдавалась сейчасъ, въ дорогѣ, и которыя, потерявъ теперь свою опредѣленность, оставили, какъ слѣдъ, общее свѣтлое настроеніе; доносившійся ли въ открытое въ садъ окно ароматъ безчисленныхъ цвѣтущихъ яблонь; воспоминанія ли милаго дѣтства промелькнули смутными видѣніями въ этой чужой, но и такой «родной» комнатѣ; или и вся эта старинная, но не обветшавшая, обстановка заставила ее почувствовать свою юность сравнительно съ цѣлымъ столѣтіемъ, которое прожили вотъ всѣ эти окружающія ее вещи,—но только, когда Евгенія Алексѣевна, причесавшись и пріодѣвшись, спускалась по лѣстницѣ, въ столовую, къ чаю, ей захотѣлось по ребячески скатиться внизъ по периламъ, не касаясь ступенекъ. Она этого не сдѣлала,—но въ столовую вошла уже не какъ скромная гостья, а какъ *своя*, домашняя, съ высоко поднятой головой и радостно объявила:

— Какая очаровательная у васъ эта «комната для пріѣзжихъ»! Такъ бы не ушелъ изъ нея...

Пальчикова ласково улыбнулась и просто сказала:

— Ну, чтожъ-жъ, вотъ и погостите.

Евгенія Алексѣевна немного смутилась и ничего не отвѣтила: «точно напросилась...» И уже нѣсколько сдержаннѣе сказала:

— И сада вашего кусочекъ изъ окна видѣла. Богато цвѣтетъ.

— Да, жду урожая.

Говорятъ, земля у васъ дивная.

Съ чуть-чуть самодовольной улыбкой Пальчикова сказала:

— Да вѣдь и худой земли не бываетъ, а бываютъ худые хозяева.

Евгенія Алексѣевна скромно замѣтила:

— Это вѣрно, конечно, только отчасти. Удачный афоризмъ, но не безспорная истина.

Пальчикова спокойно возразила:

— При моихъ родителяхъ тутъ никакой «дивной» земли не было.

— Ну, въ такомъ случаѣ, тѣмъ больше чести вамъ.

Въ столовую вошелъ невысокаго роста старичекъ, въ старой, еще сѣраго сукна тужуркѣ съ погонами капитана въ отставкѣ.

— Мой мужъ — Петръ Ѳедоровичъ,—рекомендовала его Пальчикова Евгеніи Алексѣевнѣ.

Старичекъ, по-военному, стукнулъ каблукомъ, хотя шпоръ на нихъ и не было. Пожимая ему руку, отрекомендовала себя и Евгенія Алексѣевна.

Чай былъ поданъ собственно для гостьи, но Марья Михайловна налила и мужу. Едва успѣла она поставить передъ нимъ стаканъ, онъ уже вскочилъ изъ-за стола.

— Куда-жъ ты?—спросила Марья Михайловна.

Старичекъ только кивнулъ головой и проговорилъ:

— Сейчасъ... сейчасъ!.. покурить.

Минутъ черезъ пять онъ вернулся, внося съ собой крѣпкій запахъ табачнаго дыма. Послѣ куренія онъ, очевидно, подфабрилъ торчавшіе, по-модному, кверху, небольшіе сѣдые усики. Да кстати пригладилъ и зачесанные, по старинному, височки.

«Прихорашивается...»—подумала Евгенія Алексѣевна:—«А вѣдь ему подъ семьдесятъ?»

Разговоръ съ самого начала принялъ спеціальный характеръ. Марья Михайловна много перечитала на своемъ вѣку всякихъ книжекъ по плодоводству, и Евгеніи Алексѣевнѣ трудно было сказать Пальчиковой что-нибудь такое, чего бы та уже не знала, чего бы она въ своемъ саду не испробовала. Но уже и то, что съ этой молодой дѣвушкой можно поговорить о любимомъ дѣлѣ, какъ съ знатокомъ, было для старушки огромнымъ удовольствіемъ; и черезъ полчаса обѣ уже чувствовали другъ къ другу такую симпатію, какъ будто были вѣкъ знакомы. Еще больше способствовало сближенію то, что кругозоръ Марьи Михайловны не ограничивался личными выгодами. Когда Евгенія Алексѣевна стала ей разсказывать обо всемъ, видѣнномъ ею въ ея поѣздкахъ по деревнямъ, Пальчикова разспрашивала ее о разныхъ подробностяхъ съ такимъ интересомъ, какъ будто сама собиралась принять дѣятельное участіе въ поднятіи уровня всей деревенской жизни.

Петръ Ѳедоровичъ слушалъ молча и только поглаживалъ свои гладко выбритыя щеки. Онъ опять уходилъ покурить, возвращался, уходилъ снова, и снова садился на свое мѣсто.

Чай отпили, а Марья Михайловна, заговорившись, и не собиралась вставать изъ-за стола. Она горячо говорила теперь о нравственномъ долгѣ каждаго интеллигентнаго человѣка, сидящаго на землѣ, быть не только теоретикомъ-учителемъ темнаго народа, но и личнымъ примѣромъ для него, а въ извѣстной мѣрѣ и его опорой, его помощникомъ.

— И главное—не распускаться!—впервые вставилъ свое замѣчаніе Петръ Ѳедоровичъ, и, погладивъ подбородокъ, пояснилъ:—Дисциплина! Прежде всего—дисциплина-съ! Главное—самого себя умѣть держать въ дисциплинѣ—и тогда все окружающее тебя приметъ стройный видъ.

Евгенія Алексѣевна перевела на минуту свой взглядъ съ Марьи Михайловны на ея супруга, и ей хотѣлось улыбнуться, глядя на этого скромнаго, почти робкаго проповѣдника строгой выдержки. Но она была достаточно дисциплинирована воспитаніемъ, чтобы съ прежней серьезностью снова обратиться къ хозяйкѣ дома. А Марья Михайловна, пропустивъ слова мужа мимо ушей, продолжала:

— Я имѣю право ставить себя въ примѣръ. Я приняла это имѣніе въ наслѣдство отъ матери, обремененное долгами и запущенное. Намъ предстояло воспитывать въ Москвѣ своихъ трехъ малолѣтковъ на одно офицерское жалованіе. Я — тогда еще совсѣмъ молоденькая женщина—предпочла уѣхать въ «свою» деревню, мужъ — блестящій офицеръ — вышелъ ради меня въ отставку, и вотъ результатъ моего тридцатилѣтняго хозяйничанія—я считаюсь богатой женщиной. Долговъ нѣтъ. Живемъ въ довольствѣ, помогаю замужней дочери и женатому сыну съ внуками и внучками...

— И сосѣднимъ крестьянамъ,—подсказала Евгенія Алексѣевна, какъ о фактѣ ей извѣстномъ.

Марья Михайловна равнодушно отвѣтила:

— Ну, это помощь небольшая. Я не милліонерша. Дѣлаю, что по силамъ.

Горничная пришла убирать чай и накрывать къ ужину.

— Пойдемте пока на террасу, — сказала Марья Михайловна, вставая и направляясь къ выходу.

Петръ Ѳедоровичъ оказался съ лѣвой стороны отъ Евгеніи Алексѣевны и, согнувъ въ локтѣ правую руку, съ молодцоватымъ видомъ предложилъ ее гостьѣ:

— Mademoiselle, dois je vous offrir mon bras.

Евгенія Алексѣевна съ улыбкой посмотрѣла на старичка и любезно отвѣтила:

— Простите. Я — человѣкъ рабочій, ужъ давно отвыкла отъ салонныхъ шествій. Шествую и по комнатамъ, какъ и въ жизни, безъ опоры.

А Марья Михайловна бросила на мужа снисходительный взглядъ и насмѣшливо сказала:

— Молодой человѣкъ!

Петръ Ѳедоровичъ съ улыбкой причесалъ ладонью лысину и, немножко растерянный, сказалъ;

— Ну, въ такомъ случаѣ я покурить пойду.—И съ улыбкой пояснилъ Евгеніи Алексѣевнѣ: — ибо ma femme не любитъ, когда я курю въ ея присутствіи даже въ саду.

На террасѣ было такъ же уютно, какъ и въ домѣ. Вездѣ изящная плетеная мебель новѣйшихъ фасоновъ,—старая, должно быть, уже истлѣла, — вездѣ цвѣты и вьющіяся растенія, подъ ноги коврики, скамеечки. Но видъ съ террасы былъ не широкъ. Цвѣтникъ изъ нѣсколькихъ клумбъ замыкался съ боковъ аллеями изъ липъ и кленовъ, а впереди—высоко разросшимися кустами сирени. Уже темнѣло, но очертанія клумбъ и кустовъ еще были видны. Вечеръ стоялъ теплый, сырости не ощущалось, но Марья Михайловна все-таки не пожелала спуститься съ террасы и предложила Евгеніи Алексѣевнѣ присѣсть.

— Въ садъ ужъ васъ сегодня не поведу. Вечерами-то я сырости побаиваюсь.

— А хорошо у васъ тутъ!—вырвалось у Евгеніи Алексѣевны восторженное восклицаніе.

— Я люблю свой уголъ, — сердечнымъ тономъ сказала Марья Михайловна.—Только вотъ жаль, что отсюда вида нѣтъ.

Евгенія Алексѣевна сейчасъ же возразила:

— А мнѣ такъ это нравится. Этотъ замкнутый садикъ точно большая комната... безъ потолка. Точно это еще продолженіе дома.

Помолчавъ, она добавила:

— Впрочемъ, мнѣ это особенно мило, быть можетъ, потому, что напоминаетъ милое дѣтство: въ бывшемъ нашемъ имѣніи было въ этомъ же родѣ.

Марья Михайловна спросила:

— А ваше имѣніе гдѣ было?

Евгенія Алексѣевна сказала. И потомъ, слово за словомъ, отвѣтами на вопросы, стала разсказывать Марьѣ Михайловнѣ о себѣ, о своемъ прошломъ. Воспоминанія были все такія свѣтлыя,—если только не считать краха, разсѣявшаго сразу всю грезу благополучія, — настроеніе у Евгеніи Алексѣевны было такое хорошее, вечеръ такой поэтичный, садъ такъ ласково дышалъ ароматомъ своихъ безчисленныхъ цвѣтовъ, что разсказъ Евгеніи Алексѣевны выливался самъ собой въ красивыя формы, въ красочныя описанія, въ элегическіе тона,—и Марья Михайловна ея заслушалась. И вдругъ, какъ аккомпаниментъ къ этой мелодекламаціи, изъ отдаленнаго окна дома послышались тихіе

звуки рояля. Евгенія Алексѣевна сразу замолкла. Прислушалась: что-то нѣжное, зовущее, обѣщающее,—незнакомое и какъ будто давно извѣстное, тихое и, вмѣстѣ, неотразимо-властное....

Марья Михайловна тоже молча, видимо, сосредоточенно слушала.

— Это кто?—тихонько спросила Евгенія Алексѣевна.

— Да мужъ—у себя въ комнатѣ играетъ.

Евгенія Алексѣевна промолчала и такъ же тихо, почти благоговѣйно, сказала:

— А какъ хорошо!.. Это что?

— Не знаю. Ноктюрнъ какой-нибудь. Я еще какъ будто не слыхала этого. Можетъ быть вольное potpourri... а можетъ быть, и собственная импровизація.

— А развѣ Петръ Ѳедоровичъ сочиняетъ?.. — съ оттѣнкомъ изумленія спросила Евгенія Алексѣевна.

Марья Михайловна съ улыбкой, но очень сердечно сказала:

— Нѣтъ. Не записываетъ. Не запоминаетъ даже. А такъ... импровизируетъ часто. У него хорошій слухъ.

Евгенія Алексѣевна помолчала, и тономъ серьезнаго одобренія замѣтила:

— Въ такіе годы... Вѣдь, мнѣ думается, Петру Ѳедоровичу за шестьдесятъ?..

Марья Михайловна не безъ нѣкоторой похвальбы поправила ее:

— Скоро восемьдесятъ.

— Какая, значитъ, крѣпкая натура!

Марья Михайловна улыбнулась и шутливо сказала:

— Какъ онъ говоритъ, дисциплинированная.

Звуки рояля продолжали сливаться съ ароматомъ цвѣтущаго сада. На террасѣ молчали. Въ кустахъ что-то хрустнуло. Евгенія Алексѣевна вздрогнула и сказала:

— Вѣрно, кошка.

Марья Михайловна отвѣтила:

— Можетъ быть... Только бы не заяцъ!

И, точно ее кто толкнулъ, она вдругъ заговорила раздраженнымъ тономъ, громко, забывъ и звуки музыки, и всю поэзію вечера.

— Вотъ еще наше великое зло—эти зайцы! Какъ саранча. Проскальзываютъ проклятые не вѣсть откудова. Другой разъ зимой выйдешь утромъ въ садъ, смотришь, у какого-нибудь дерева вся кора снизу обглодана. Откуда пролѣзъ косой—и дыръ-то въ заборѣ не найдешь.

— А вы ихъ стрѣляйте,—сказала Евгенія Алексѣевна.

Марья Михайловна тономъ отчаянія отвѣтила:

— Стрѣляемъ!..Да развѣ въ саду съ ними справишься. По пятку сразу пролѣзаютъ—поди гоняйся за ними между деревьями-то! Читали вы, я думаю, какія на нихъ въ Америкѣ облавы устраиваютъ. Вотъ! Ихъ не стрѣлять по одиночкѣ, ихъ, какъ саранчу, истреблять надо!

Евгеніи Алексѣевнѣ показалось страннымъ — не гармоничнымъ—такое рѣзкое проявленіе «кровожадности» у этой благодушной старушки, и ей хотѣлось какъ-нибудь смягчить ея настроеніе. Но, прежде чѣмъ она успѣла сказать что-нибудь, пришла горничная, спросить что-то насчетъ ужина, и Марья Михайловна встала и пошла распорядиться.

Въ столовой Евгенія Алексѣевна сказала Петру Өедоровичу:

— Какъ вы дивно сейчасъ играли.

Старичекъ погладилъ свой подбородокъ и, смотря Евгеніи Алексѣевнѣ прямо въ глаза веселыми глазками, шутливо отвѣтилъ:

— Случается, угождаю.

— Вы, кажется, импровизировали, какъ объяснила мнѣ Марья Михайловна?

— Сумерничалъ. Въ потемочкахъ.

Помолчавъ, спросилъ:

— А вы играете?

Евгенія Алексѣевна также шутливо отвѣтила:

— Случается. Въ Петербургѣ ежедневно, а въ пути—гдѣ придется.

Петръ Өедоровичъ указалъ ей черезъ двери на большой рояль въ гостиной:

— Un splendide Blüthner à votre disposition.

Евгенія Алексѣевна скромно поблагодарила.

— Съ удовольствіемъ. Только позвольте прежде послушать васъ.

— Дилеттантъ-съ! Дилеттантъ—не больше. Но могу и въ четыре руки. Классиковъ—à livre ouvert.

Евгенія Алексѣевна съ любезной улыбкой сказала:

— Попробуемъ.

Вошла Марья Михайловна. За ней несли кушанія.

— Мусинька, разрѣшишь намъ съ mademoiselle усладить твой слухъ кѣмъ-нибудь изъ старичковъ—на двухъ табуреткахъ?

Марья Михайловна отнеслась къ вопросу съ сдержанной холодностью, и только сказала:

— Отчего-же, очень пріятно... Только, я думаю, Евгенія Алексѣевна съ дороги на покой хочетъ...

Старичекъ смущенно и торопливо заговорилъ:

— О, да, да, конечно, не сегодня, не сегодня!.. Завтра... тамъ... послѣ работъ... да, да...

И замолчалъ.

Сѣли за столъ. Марья Михайловна стала угощать гостью «чѣмъ Богъ послалъ». Но видно было, что въ этомъ домѣ, надѣясь на Бога, и сами не плошали. Марья Михайловна не даромъ произнесла давеча: «живемъ въ довольствѣ».

Въ числѣ кушаній былъ, между прочимъ, поданъ оставшійся отъ обѣда такъ-называемый «заяцъ» изъ рубленаго мяса. Это дало Марьѣ Михайловнѣ поводъ возобновить начатый на террасѣ разговоръ съ Евгеніей Алексѣевной.

— Вотъ ѣсть ихъ, проклятыхъ, настоящихъ-то, люблю. Осенью они превкусные бываютъ. А только ужъ, Богъ съ ними, лучше бы ихъ и совсѣмъ на свѣтѣ не было, да были бы цѣлы мои сады и огороды. А то, знаете, голубушка, въ прошломъ году они у меня въ огородѣ всю капусту, какъ есть, потравили!.. Вѣдь сторожа держу, такъ проспалъ подлецъ! Теперь ужъ двухъ наняла: въ ночь и днемъ два раза смѣняются. Съ ружьями. И часы контрольные вѣшаю на заборѣ. А то, просто, житья нѣтъ! И отъ кого же—отъ зайца!

Евгенія Алексѣевна спросила:

— Отчего же у васъ здѣсь ихъ такъ много? Вѣдь еслибъ всѣ землевладѣльцы сообща взялись бы истребить ихъ, такъ они и переведутся.

Марья Михайловна энергично мотнула головой:

— Всѣ! Вотъ въ томъ-то и бѣда, что не всѣ этого желаютъ. А другіе еще охраняютъ ихъ да и разводить стараются.

— Кто же это?

— Кто! Любители! Охотники — вотъ кому зайцы дороже хлѣба насущнаго. Вотъ, недалеко ходить, у насъ тутъ ближайшій сосѣдъ-помѣщикъ, Кобылкинъ — страстный охотникъ. Еще гончихъ держитъ, по-старинному. Земли у него большія. Ну, онъ въ своихъ лѣсахъ и бережетъ заячьи логовища. Поохотятся осенью, да и о приплодѣ на будущій годъ позаботятся. Охъ, большое это зло—эти заячьи охотники! И я, и мужики, мы отъ нихъ какъ страдаемъ, а что съ этими господами подѣлаешь. Мы, говорятъ, въ своихъ владѣніяхъ. А лѣсъ-то его у моей межи. Еслибъ Кобылкинъ только захотѣлъ, такъ въ одинъ годъ мы отъ этой

язвы избавились бы. Волковъ вотъ истребляютъ же—и зайцевъ нечего щадить.

Евгенія Алексѣевна шутя-вызывающе замѣтила:

— А они такіе сѣренькіе, такіе славненькіе! Ушки прижмутъ и съёжатся отъ страха. Бѣдненькіе! Неужели вамъ было бы не жалко убивать ихъ. Они—вегетаріанцы, капустку любятъ, а вы хотите ихъ за это по лбу.

Марья Михайловна тоже въ шутливомъ тонѣ заворчала:

— Ну, вотъ еще, нашлась защитница! Выдумайте тоже: не жалко! Конечно, жалко. Да мнѣ вѣдь и себя жалко. Не для зайцевъ же я работаю! Я такой сентиментальности не признаю.

Петръ Ѳедоровичъ вставилъ отъ себя:

— A la guerre comme à la guerre.

А Марья Михайловна продолжала:

— Своими руками убивать не стану, а вотъ Кобылкинъ—онъ охотникъ, такъ пусть этимъ и займется. По моему, вотъ когда эти господа ради забавы травлю на нихъ съ собаками устраиваютъ, такъ это варварство. Это все равно, какъ дѣти животныхъ мучаютъ. А истребить всѣхъ сразу,—изъ ружья,—такъ это все равно, какъ вотъ мы на деревьяхъ червяковъ и гусеницъ уничтожаемъ.

Евгенія Алексѣевна одобрительно кивнула головой и полушутя, полусерьезно сказала:

— Вѣрно, Марья Михайловна, вѣрно! я въ борьбѣ съ древесными паразитами никакой пощады не знаю. Я думаю, милліоны ихъ своими руками и всякими способами истребила! Безъ сентиментальности. Горе всякимъ жучкамъ и букашкамъ, гдѣ я появилась! Давайте и зайцевъ истреблять. И да здравствуетъ капуста!

— Vivent les choux!—поддакнулъ Петръ Ѳедоровичъ.

— Вы вотъ Кобылкину это внушите... Можетъ-быть, вы и къ нему поѣдете—у него вѣдь тоже большой плодовый садъ?—спросила Марья Михайловна.

— Отчего не поѣхать, если стóитъ того,—отвѣтила Евгенія Алексѣевна.—А гдѣ это?

— Да версты три отъ насъ всего.

— Тѣмъ болѣе!

Но Петру Ѳедоровичу мысль о поѣздкѣ къ Кобылкину показалась, очевидно, несовсѣмъ удачной. Онъ качнулъ раза два въ стороны головой и какъ бы про-себя пропѣлъ staccato съ оттѣнкомъ вопроса:

— Къ Кобылкину? Къ Кобылкину?..

И Марья Михайловна поняла его, и замѣтила:

— Да, вотъ только удобно ли вамъ поѣхать-то къ нему?

— А что?

— Да онъ холостой.

Евгенія Алексѣевна усмѣхнулась:

— Ну, гдѣ-жъ мнѣ это разбирать! не въ первый разъ. Я ѣду не въ гости, а по дѣлу.

— Такъ-то такъ,—согласилась Марья Михайловна.—Только бы кутежа у него не застать...

— А тогда, не заходя, я проѣду мимо,—увѣренно сказала Евгенія Алексѣевна.—А можетъ-быть, я еще познакомлюсь съ нимъ у васъ?

— Въ томъ то и дѣло, что мы съ нимъ знакомства не поддерживаемъ, не бываемъ другъ у друга. Самодуръ онъ большой,—пренебрежительно сказала Марья Михайловна.

А Петръ Ѳедоровичъ съ юморомъ добавилъ:

— Мужчина храбрый. Грозилъ мнѣ дуэлью.

Евгенія Алексѣевна усмѣхнулась:

— Вы меня заинтересовали. За что? Разскажите.

— Да просто за то только, что я съ нимъ не собутыльничалъ. Это было давно: когда я еще служилъ по земству.

— Ну, и что же?

— Ничего. Не вызвалъ. Кто-то ему сказалъ, что я призъ за стрѣльбу имѣю. Ну, да и помоложе я тогда былъ. Глаза-то зоркіе были, рука вѣрная...

Евгенія Алексѣевна посмотрѣла въ его и сейчасъ еще живые глаза и спросила:

— А онъ вашихъ лѣтъ?

— Нѣтъ, тогда онъ былъ мальчишкой! Ему и теперь-то не больше пятидесяти.

— А садъ-то у него какой? Хорошій? Имѣніемъ-то онъ занимается?—обратилась Евгенія Алексѣевна уже къ хозяйкѣ.

— Садъ большой,—одобрительно отозвалась Марья Михайловна.—Хотя не думаю, чтобъ въ очень большомъ порядкѣ. Но здѣсь это одно изъ лучшихъ имѣній.

Евгенія Алексѣевна серьезно сказала:

— Тогда, уѣзжая отъ васъ, заѣду. Я не изъ робкихъ, и, если дѣло представляетъ интересъ, я иду, куда оно зоветъ меня.

Зашла рѣчь о томъ, въ чьихъ садахъ Евгеніи Алексѣевнѣ стоило еще побывать въ этой мѣстности.

У Марьи Михайловны все болѣе и болѣе увеличивалось расположеніе къ ея случайной гостьѣ, умѣвшей съ такой непринуж-

денностью переходить отъ музыки и элегическаго настроенія къ веселой шуткѣ, отъ шутки къ строгой дѣловитости. И когда, кончая ужинъ и бесѣду, встали изъ-за стола, благодушно настроенная старушка пожелала проводить гостью въ ея комнату, чтобъ убѣдиться, все ли тамъ въ порядкѣ. Сзади пошла горничная дѣвушка. Ну, и разумѣется, все было сдѣлано, какъ по росписанію! Накидка съ подушекъ снята, подушки взбиты, одѣяло отогнуто уголкомъ, вся постель, при свѣтѣ свѣчки, сверкала снѣжной бѣлизной, и радужный свѣтовой зайчикъ пробѣжалъ по подушкѣ, когда свѣчу поставили на столикъ около граненаго графина со свѣжей ключевой водой.

— Я вотъ только шторку не спустила,—ласковымъ голоскомъ сказала горничная.—Думала, можетъ, вы съ открытымъ окномъ спать будете, какъ прикажете—закрыть?

— Нѣтъ, нѣтъ!—отвѣтила Евгенія Алексѣевна.—Я такъ рада воздуху. Все хорошо. Спасибо, милая.

Горничная ушла. Евгенія Алексѣевна, крѣпко пожимая руку Марьѣ Михайловнѣ, сердечнымъ тономъ сказала:

— Благодарю васъ очень, очень, добрая Марья Михайловна, за ваше доброе вниманіе. Право, мнѣ у васъ такъ хорошо, что мнѣ вотъ сейчасъ, какъ вошла сюда вмѣстѣ съ вами, пришла въ голову смѣшная мысль: хорошо бы и каждому взрослому человѣку имѣть добрыхъ папашу и мамашу и чувствовать себя на ихъ попеченіи.

Марья Михайловна грустно улыбнулась и спросила:

— А вы развѣ круглая сирота?

Евгенія Алексѣевна весело отвѣтила:

— Давно. Я—одинока. Есть братья и сестры, но мы живемъ врозь, каждый своими интересами.

— Жаль, что такъ.

— Мнѣ обыкновенно не жаль. Люблю свою свободу. Съ родными—именно съ ними—мнѣ, можетъ-быть, было бы тяжелѣе. Но... иногда, вдругъ, вотъ какъ у васъ сегодня, почувствуешь и холодъ своего одиночества, и тепло чужой жизни...

Марья Михайловна немного помолчала и задушевнымъ тономъ сказала:

— А я, вѣрите ли, привыкла нянчиться-то... Вотъ экзамены въ гимназіяхъ кончатся, такъ къ намъ сюда въ этомъ году дочь съ внуками пріѣдетъ на все лѣто. А пока вотъ нѣтъ-то никого, и для васъ теплое мѣстечко нашлось... Ну,—рѣшительно прервала она самоё себя:—будетъ время и завтра по-

говорить-то. Устали, я думаю, съ дороги-то, спать, поди-ка, хочется? Прощайте.

— Да, только до подушки...—съ улыбкой отвѣтила Евгенія Алексѣевна, щуря глаза.—Покойной ночи, дорогая Марья Михайловна.

— Ну, и спите съ Богомъ, голубушка,—ласково сказала старушка, и, поддаваясь привычкѣ обращенія со своими близкими, перекрестила «на сонъ грядущій» полюбившуюся ей гостью. Потомъ, точно послѣ минутнаго раздумья, и поцѣловала ее.

X.

Но какъ только Евгенія Алексѣевна добралась до подушки, сна какъ не бывало. Чувствовалось какое-то особенное, «подъемное» настроеніе. Вспорхнуть, и летѣть! Тѣло радовалось этой мягкой постели, этой нѣжащей чистотѣ,—душа, отвѣчая на случайную ласку красоты всего окружающаго, хотѣла бы отвѣтить лаской... кому?—всему окружающему! Сна не было, но мысли, какъ сновидѣнія на яву, ползли одна за другой... одна за другой... стародавнія... недавнія... прерывались, путались, мѣшались, то ласкали-убаюкивали, то волновали, то раздражали своей безцѣльностью... У маленькой дѣвочки была маленькая кроватка съ высокой сѣткой по краямъ, чтобъ дѣтка не вылѣзла, не упала... А у мамы была огромная, двуспальная... Неужели и она будетъ спать когда-нибудь на двуспальной кровати?.. Смѣшно... комично... конечно, никогда. Сродство душъ... Найти его—какая задача! Вотъ Марья Михайловна съ своимъ покорнымъ супругомъ—какъ они нашли другъ друга?.. Тутъ вопросъ о равноправіи женщинъ рѣшенъ!.. По своему—патріархально. А вѣдь этотъ старикашка былъ когда-то молодъ и красивъ. Душа есть. Они, пожалуй, и сейчасъ любятъ другъ друга. «Подъ башмакомъ» или нѣтъ? Просто, деликатная любовь... Призъ за стрѣльбу, не трусъ, а слушается... Просто—кротокъ. Дисциплинированъ... О. Николай, посмотрите здѣсь—что это: любовь истинная?.. «Хотѣла ли бы я такого мужа?.. Не знаю»... А какого?.. «А кто-жъ его знаетъ?» И вообще—вся эта жизнь, какъ здѣсь... на всю жизнь... Все такъ хорошо, а, пожалуй, не вынесла бы... Кочевая натура, что ли?.. Что́ всего ярче, всего пріятнѣе вспоминается? Дѣтство? Институтъ? Увлеченія?.. Нѣтъ—время заграничнаго ученія,—вотъ, гдѣ радость! Жизнь впроголодь. Булка и двѣ сосиски на весь день!

Радость богемы. Прелесть свободы дѣйствій—и свободы мечтаній! Что значатъ «лишенія», когда живешь «надеждами»! «Тогдашнее» уже дало теперешнее, сулитъ еще и будущее... Радость мечтающей богемы! Въ ней вмѣщается больше, чѣмъ можетъ дать самая удавшаяся дѣйствительность...

Въ исходѣ второго часа ночи Евгенія Алексѣевна думала: «Брать радость жизни!.. вездѣ... гдѣ она дается... все... И дальше, дальше... жизнь не ждетъ!.. Къ чему всѣ труды, всѣ заботы, если нѣтъ смѣлости жить!.. То чинъ, то санъ—что-нибудь да мѣшаетъ... Чувство, вѣчно подчиненное произволу навязаннаго чужого «разума»!.. Развѣ не чувство заставило ее отказаться отъ вѣрнаго заработка въ конторѣ и броситься учиться за границу? Развѣ не чувство заставило искать «живого» дѣла?.. И какъ все хорошо вышло... А «разумъ» все время противился... разумъ «предостерегалъ»...

Евгеніи Алексѣевнѣ душно, жарко... Она сбросила съ себя легкое одѣяло, которымъ была на половину прикрыта, встала и подошла къ открытому окну. Тутъ свѣжѣе. Но тепло. Ночь еще не совсѣмъ остыла. Еще утренній холодокъ, предтеча разсвѣта, не проснулся. Только край неба налѣво сталъ свѣтлѣе... Да бѣлый нарядъ цвѣтущихъ яблонь замѣтнѣе выдѣлился изъ общей тьмы глубокой ночи...

«Она любила на балконѣ предупреждать зари восходъ...»—думалось Евгеніи Алексѣевнѣ. И думалось еще: да пристало ли ей, «рабочему человѣку», заниматься этимъ?.. Но—думалось—стоитъ ли и работать, если нельзя «предупреждать зари восходъ»?.,

Стало еще свѣтлѣе, цвѣтъ яблонь забѣлѣлъ во тьмѣ еще отчетливѣе. И уже другія, «рабочія», мысли пробѣжали въ головѣ Евгеніи Алексѣевны. На смѣну поэзіи ароматной ночи уже просыпалась поэзія трудового дня. Надо бодро встрѣтить его, этотъ свѣтлый рабочій день...

И Евгенія Алексѣевна, съ рѣшительнымъ желаніемъ уснуть, опустила штору и легла,—грезы и думы отлетѣли, на стражѣ встала дежурная мысль: завтра надо проснуться рано.

Проснулась Евгенія Алексѣевна позже обыкновеннаго. Тишина кругомъ. Неужели еще все спитъ? Евгенія Алексѣевна протянула руку, взяла съ ночного столика часы. «Ай, стыдъ какой!» Скоро десять—вотъ осрамилась-то для начала! Этого ей и добрѣйшая Марья Михайловна не проститъ... Вскочила, и давай скорѣй умываться, одѣваться.

За дверьми зашуршали чьи-то тихіе шаги. И, послѣ минутной тишины, голосъ Марьи Михайловны:

— Вы встали?

— Встала, встала, Марья Михайловна!.. Простите великодушно, проспала! Сейчасъ иду.

— Ну, ну, ничего, бываетъ, съ дороги-то. Я и то говорю себѣ: въ десять часовъ пойду провѣдать, жива ли. Ну, одѣнетесь, приходите.

И, не дослушавъ отвѣта, старушка сейчасъ же ушла.

— А какой день-то! Солнце-то какое!—восторгалась Евгенія Алексѣевна, сидя за кофе, который ей подали на террасу.— Ай, какъ мнѣ стыдно, что я проспала это чудное утро!.. Отчего вы не велѣли разбудить меня, когда встали, дорогая Марья Михайловна!

Старушка улыбнулась:

— Да вѣдь я встаю въ шесть.

— И я! И въ пять вставала въ деревняхъ. И съ восходомъ солнца вставала. Мужики говорили: «дѣвка работящая». Но сегодня, ей Богу же, я не виновата, Марья Михайловна, что нарушила вашъ утренній порядокъ. Вѣдь въ деревняхъ-то и пѣтухи, и овцы, и коровы, все это съ утра-то какъ заголосятъ, такъ ужъ не до сна. Да и спишь-то не всегда на сѣнникѣ,—случалось, и на голой лавкѣ, въ душной избѣ, не раздѣваясь. Не разоспишься. И вдругъ сегодня—какъ въ райской обители! Да еще съ вашимъ-то благословленіемъ!.. Какъ тутъ не проспать.

Марья Михайловна, смѣясь, спросила:

— Вѣрно, сны райскіе снились?

Евгенія Алексѣевна тоже разсмѣялась и энергично-радостно отвѣтила:

— Никакихъ!

И черезъ мгновеніе, точно не сдержавъ себя или умышленно давая волю чувству, немного восторженно произнесла:

— На яву грезила!..

Не день, не два, больше недѣли прожила Евгенія Алексѣевна у Пальчиковой. Въ первый разъ за все время своихъ инструкторскихъ скитаній она оставалась такъ долго на одномъ мѣстѣ не потому, что этого требовало дѣло, а потому, что ей тутъ было пріятно. Дѣла собственно нашлось ей у Пальчиковой не очень много. Садъ былъ отлично ухоженъ, и Марьѣ Ми-

хайловнѣ было, дѣйствительно, чѣмъ похвастаться. Нашлось же, однако, и для Евгеніи Алексѣевны, на чемъ показать свои познанія, свое искусство и что она «дѣвка работящая». И недаромъ сказала она: «горе червячкамъ, жучкамъ и букашкамъ, гдѣ я появилась!» Кажется, ни одного не оставила она здѣсь въ живыхъ. Война была объявлена истребительная. Даже Петръ Ѳедоровичъ, забывъ свои годы и былую элегантность, которую онъ напустилъ-было на себя передъ гостьей, принялъ участіе въ этомъ походѣ: помогалъ разводить мѣдный купоросъ и сѣрную печень, мѣшать деготь съ керосиномъ. Когда Евгенія Алексѣевна обходила садъ, осматривая каждое дерево, и, засучивъ рукава, то собирала съ вѣтвей червей и гусеницъ, то опрыскивала листву какимъ нибудь растворомъ, Петръ Ѳедоровичъ ходилъ за ней или съ корзинкой, или съ ведромъ, или съ лейкой.

А вечеромъ онъ игралъ ей свои импровизаціи. Играли раза два и въ четыре руки. Марья Михайловна не только не ревновала, а, напротивъ, сама какъ будто помолодѣла въ эти дни. Показала она Евгеніи Алексѣевнѣ все усадебное хозяйство, разсказала ей всю свою тридцатилѣтнюю исторію перехода отъ упадка къ благосостоянію, подѣлилась былыми тревогами семейными, подѣлилась тревогами за будущее: вѣдь подростали внуки и, въ особенности, внучки, а жизнь становилась такой неясной, такой пугающей, въ какую сторону ни посмотри. И въ томъ, что Евгенія Алексѣевна въ свою очередь разсказала ей о себѣ, Марья Михайловна находила много успокоительнаго, Вѣдь вотъ могла же эта одинокая дѣвушка найти себѣ дорогу въ наше непогодное время,—думалось старушкѣ,—не пропадутъ и внучки! Никакая политическая борьба сама по себѣ не интересовала Марью Михайловну. Но не считаться съ ней она не могла, какъ не могла не считаться съ излишней жарой, производящей засуху, или съ непрерывными ливнями, мѣшающими росту всякихъ плодовъ. Ее одинаково возмущали крайности и крайнихъ правыхъ, и крайнихъ лѣвыхъ, раздражала и безплодная умѣренность крайнихъ умѣренныхъ. Правда, добросовѣстность, трудъ,—только съ этими законами, только съ этими идеалами хотѣла бы считаться Марья Михайловна; а жизнь часто заставляла задумываться то надъ разбойничествомъ безудержныхъ, то надъ палачествомъ удерживающихъ, то надъ корыстной приспособляемостью безпартійныхъ. Когда Марья Михайловна заговорила объ этомъ съ Евгеніей Алексѣевной, на сцену опять появился сосѣдъ Кобылкинъ:

— Вотъ онъ—политиканъ. Когда началось и у насъ тутъ освобожденіе-то это, такъ онъ тогда одинъ изъ первыхъ въ кадеты записался. Шумѣлъ больше всѣхъ. Въ Думу лѣзъ. Думалъ, что этимъ заставитъ трепетать передъ собой весь уѣздъ. Ему вѣдь только это и нужно: на комъ-нибудь свою удаль проявлять. Онъ потому и въ деревнѣ-то живетъ, что въ городѣ свободы ему такой не будетъ. А здѣсь—волюшка: сегодня дружитъ, завтра ссорится, то собутыльничаетъ съ властями, и съ большими и съ малыми, то каверзы имъ всякія устраиваетъ. А вотъ какъ наступила реакція, круто въ другую сторону повернулъ: въ союзъ русскаго народа хотѣлъ записаться. Не сдѣлалъ этого только потому, что главнымъ-то «союзникомъ» объявился его сосѣдъ съ той стороны, а онъ съ тѣмъ давнюю тяжбу ведетъ изъ-за какой-то ненужной ни тому, ни другому пустоши.

Разсказывала это Марья Михайловна при Петрѣ Ѳедоровичѣ, и тотъ замѣтилъ:

— Пустошь нужна имъ обоимъ для охоты съ гончими.

Марья Михайловна ворчливо сказала:

— Ну да, изъ-за зайцевъ этихъ проклятыхъ.

И потомъ, уже смѣясь, добавила:

— Да эти заячьи политиканы еще что выдумали! Я вотъ вамъ говорила, что у меня сторожа на капустномъ полѣ съ ружьями. Я отъ губернатора разрѣшеніе имѣю. А хотѣли сосѣди мужики на своемъ полѣ тоже сдѣлать, такъ Кобылкинъ устроилъ, что запретили: палками, говорятъ, и трещетками гоняйте, а ружья нельзя—революцію устроите.

Потомъ Марья Михайловна разсказала, какъ одинъ землевладѣлецъ, изъ молодыхъ купцовъ, хотѣлъ градобойныя мортиры поставить, такъ тѣ же союзники, и попъ съ ними, возстали; это, дескать, и кощунственно—въ небо изъ пушекъ стрѣлять, да и революціонеры этой артиллеріей воспользоваться могутъ.

И въ заключеніе Марья Михайловна сказала:

— Такъ вотъ—гдѣ ужъ намъ съ этими политиканами сговориться! Живемъ сами по себѣ, потихоньку.

И теперь Марья Михайловна уже не хотѣла пускать Евгенію Алексѣевну къ Кобылкину. Въ эти дни старуха такъ сроднилась съ своей гостьей, что ей уже было больно при мысли: а вдругъ у Кобылкина Евгенію Алексѣевну если не кто-нибудь, то что-нибудь оскорбитъ? То, что полюбилось Марьѣ Михайловнѣ сразу въ этой одинокой, свободной дѣвушкѣ—ея самостоятельный трудъ; то, что, казалось ей, должно будетъ спасти отъ всякихъ грядущихъ бѣдъ и ея внучекъ—смѣлое и серьезное

отношеніе къ жизни, удачамъ и неудачамъ,—это уже отодвигалось на второй планъ, какъ только Евгенія Алексѣевна стала мила ей сама по себѣ, всѣмъ существомъ своимъ, независимо отъ своей дѣятельности. И у Марьи Михайловны уже не выходитъ изъ головы мысль, что вѣдь замужъ дѣвушкѣ надо:—никакъ не представляетъ себѣ старушка счастливой жизни иначе, какъ семьей. И уже ищетъ, подыскиваетъ въ умѣ и не находитъ подходящихъ жениховъ среди ближайшихъ сосѣдей... А къ Кобылкину,—и какъ у нея только языкъ повернулся сказать тогда про него! Изъ-за глупости, изъ-за зайцевъ! Выдумала тоже—посылать дѣвушку къ человѣку, который вездѣ твердитъ: «люблю бабъ, всѣхъ вмѣстѣ, и ни одной въ особенности!»

Не упоминая больше о Кобылкинѣ, Марья Михайловна стала зато рекомендовать Евгеніи Алексѣевнѣ поѣздки по окрестнымъ деревнямъ.

— Чѣмъ вамъ по избамъ-то клоповъ кормить, такъ вы лучше съѣздите, куда надо, вернитесь, переночуйте здѣсь, а на другой день въ другое мѣсто. Лошади у меня выѣздныя свободны—пользуйтесь.

Евгенія Алексѣевна смущенно поблагодарила:

— Да съ какой стати буду я злоупотреблять вашей любезностью, Марья Михайловна?

— Ну, вотъ—злоупотреблять! Выдумали тоже! Благоупотреблять—вотъ какъ скажите. Одному Богу-то служимъ. Вы на пользу народу свой трудъ даете, такъ неужто я лошадей дать пожалѣю. Мнѣ-то самой много ли надо!

Евгенія Алексѣевна обняла и крѣпко поцѣловала старуху. Марья Михайловна продолжала:

— Вотъ ужъ когда уѣдете отъ меня, такъ тамъ, какъ Богъ пошлетъ... А пока у меня—пользуйтесь.

И Евгенія Алексѣевна пользовалась.

За день до окончательнаго отъѣзда ея, Марья Михайловна сказала:—Дамъ я вамъ письмо къ одной пріятельницѣ, у нея поживите, тоже дѣльный она человѣкъ. Имѣньице небольшое, а она садъ такъ устроила, что онъ съ двѣнадцати десятинъ ей на кругъ по шести—семи тысячъ въ годъ даетъ. А при покойномъ мужѣ ея они и со всего-то имѣнья тысячи рублей не получали.

Евгенія Алексѣевна вспомнила о Кобылкинѣ и высказала намѣреніе, какъ говорила и раньше, заѣхать по пути и къ нему, Марья Михайловна стала отговаривать. Но Евгенія Алексѣевна разсмѣялась:

— Милая Марья Михайловна, я вѣдь задорная: будь я мужчина — я бы одна на медвѣдя ходила. Такъ неужели я заячьяго охотника испугаюсь! Мало ли мнѣ къ какимъ мужикамъ или помѣщикамъ придется еще поѣхать, не справляясь объ ихъ душевныхъ качествахъ, а только о размѣрахъ ихъ садовъ.

Марья Михайловна согласилась:

— Да, конечно, такъ... Я старуха — еще не могу отдѣлаться отъ старыхъ предразсудковъ. А въ дѣйствительности...

— Не съѣстъ онъ меня?

— Нѣтъ, скорѣе накормитъ. А ужъ напоить, если согласитесь, напоитъ непремѣнно.

— За меня не бойтесь — я «дѣвка работящая» и «непьющая».

Марья Михайловна ласково улыбнулась и, помолчавъ, сказала:

— А все-таки, поѣзжайте къ нему ужъ лучше отсюда и вернитесь. Какъ онъ будетъ знать, что вы отъ насъ, съ нашимъ кучеромъ, такъ лучше... для вашего же спокойствія.

— И для вашего, — также улыбаясь, сказала Евгенія Алексѣевна, и поцѣловала старуху.

X.

На травѣ, въ тѣни, подъ цвѣтущими яблонями раскинутъ большой коверъ, на него брошены двѣ кожаныхъ подушки. Опершись на нихъ локтями, лежатъ, лицомъ другъ къ другу, окруженные бутылками хозяинъ и гость. Когда встрѣтившійся на дворѣ кобылкинской усадьбы мужикъ сказалъ Евгеніи Алексѣевнѣ, что баринъ въ саду съ землемѣромъ, и вызвался проводить ее туда, она никакъ не думала, что какъ разъ и попадетъ въ веселую компанію. Легкая нервная дрожь пробѣжала у нея по тѣлу, когда она, пройдя уже часть сада, издали увидала и лежавшихъ мужчинъ, и повѣшенную на сучкѣ гитару. Но отступленія не было. И, энергично поднявъ голову, она вслѣдъ за мужикомъ пошла впередъ. Навстрѣчу ей прежде всего поднялся изъ-подъ хозяйскихъ ногъ красавецъ молодой борзой песъ и старый, плохо остриженный пудель. Борзой остался стоять на мѣстѣ и спокойно смотрѣлъ на подходившую незнакомку, а пудель бросился было на нее съ лаемъ и заставилъ ее остановиться. Тогда всталъ и самъ хозяинъ и сдѣлалъ нѣсколько

шаговъ къ Евгеніи Алексѣевнѣ. Она смотритъ на него внимательно: походка твердая, взглядъ спокойный—не пьянъ. Мужчина не только «храбрый», но и рослый. Онъ ей даже нравится. Не красивъ, съ большой сѣдиной, но есть что-то внушительное и въ лицѣ, и во всей фигурѣ. Бѣлая рубаха на выпускъ, шитая шелковымъ узоромъ на воротѣ и подолѣ, козловые сапоги,—въ памяти Евгеніи Алексѣевны почему то вдругъ мелькнула стрѣлецкая фигура съ Суриковской картины.

Кобылкинъ, съ спокойной улыбкой, предупредительно спросилъ:

— Съ кѣмъ имѣю честь?

Евгенія Алексѣевна подала свою визитную карточку и начала объяснять ему, кто она и зачѣмъ. Кобылкинъ улыбнулся любезнѣе и, протягивая руку, сказалъ:

— Чрезвычайно радъ. Милости прошу къ нашему шалашу.

И онъ повелъ Евгенію Алексѣевну къ все еще лежавшему на коврѣ гостю. Тотъ всталъ. Кобылкинъ представилъ его:

— Рекомендую: Матвѣй Матвѣевичъ. По фамиліи, между прочимъ, Селезневъ. Землемѣръ. Мужицкіе надѣлы въ порядокъ приводитъ. Нѣкоторымъ образомъ вашъ коллега по устройству прекрасной земли русской.

Селезневъ, маленькій бѣлокурый толстякъ, коротко остриженный, гладко выбритый, съ маленькими подстриженными усиками, въ бѣлой, какъ и Кобылкинъ, рубашкѣ на выпускъ, чичунчовыхъ широкихъ панталонахъ и туфляхъ-скороходахъ, точно весь приспособленный, чтобы не чувствовать жары, видимо страдалъ и отъ жары, и отъ тучности, и вяло, молча, протянулъ Евгеніи Алексѣевнѣ руку.

Евгенія Алексѣевна отвѣтила на рукопожатіе и обратилась къ Кобылкину:

— Я вамъ, кажется, помѣшала.

— То-есть ни чуточки!

Кобылкинъ сказалъ мужику:—Ступай,—и снова повторилъ Евгеніи Алексѣевнѣ:—Ни чуточки! Напротивъ, если осчастливите своимъ присутствіемъ, такъ покорно просимъ. Мы вотъ тутъ послѣ обѣда отдыхаемъ... Вотъ подушечка, присядьте-ка.

Евгенія Алексѣевна такъ же любезно отвѣтила:

— Благодарю васъ. Я все время только-что сидѣла въ телѣжкѣ. Хочется походить. Если позволите мнѣ посмотрѣть вашъ садъ, я бы сдѣлала это, не теряя времени.

— Да куда же вамъ такъ спѣшить?

Евгенія Алексѣевна немного вызывающе улыбнулась:

— Да я ужъ такъ вездѣ спѣшу... А къ вамъ я на пальчиковскихъ лошадяхъ, кучеръ меня на дворѣ дожидается.

— Ага!.. А я и не догадался спросить,—спохватился Кобылкинъ. И уже значительно суше сказалъ:—Ну, что-жъ, какъ угодно. Такъ вотъ-съ, садъ къ вашимъ услугамъ.—На мгновеніе задумавшись, онъ весело и рѣшительно произнесъ:—А могу, между прочимъ, васъ и проводить.

— А кто, собственно, садомъ завѣдуетъ?—дѣловито спросила Евгенія Алексѣевна.

— Да есть тутъ у меня... вродѣ садовника—Иванъ. Вотъ я сейчасъ велю его позвать.

Онъ три раза хлопнулъ въ ладоши и крикнулъ псамъ: «ату его»! Борзой и пудель бросились съ лаемъ въ домъ, а черезъ минуту уже бѣжалъ оттуда въ садъ мальчикъ-казачекъ. Кобылкинъ крикнулъ ему:

— Петруха, поди-ка, найди Ивана. Пошли сюда.

Мальчикъ побѣжалъ къ дворовой калиткѣ, а псы спокойно вернулись на свое мѣсто.

— А пока—пожалуйте, и безъ Ивана,—сказалъ Кобылкинъ.

И повелъ Евгенію Алексѣевну осматривать садъ, позвавъ и гостя.

— Матвѣй Матвѣевичъ, иди, просвѣщайся.

Землемѣръ неохотно поплелся. Побѣжали съ ними, обнюхивая каждое дерево, и псы.

Евгенія Алексѣевна начала осмотръ деревьевъ, какъ дѣлала вездѣ: указывая паразитовъ, если они попадались, спрашивала о томъ, какъ съ нимъ борются, дѣлилась своими знаніями, распрашивала объ урожаяхъ, о доходности, записывала въ книжку интересовавшія ее свѣдѣнія.

Немного погодя, подошелъ Иванъ, еще совсѣмъ молодой мужикъ, съ умнымъ лицомъ и бойкими живыми глазами, и молча поклонился.

— Вотъ, парень, слушай,—полушутя, пожалуй, даже насмѣшливо, сказалъ ему Кобылкинъ.—Барышня учить насъ пріѣхала...

Евгенія Алексѣевна серьезно, вѣжливо прервала его:

— Я вамъ сказала:—«и сама учиться тоже». Я знакомлюсь съ общимъ состояніемъ садоводства въ каждой мѣстности...

Кобылкинъ съ вызывающей усмѣшкой взглянулъ ей въ глаза и снова обратился къ Ивану:

— Барышня, видишь ли, ученая, такъ и намъ отъ нея поучиться можно, какъ чтобы деревья лучше росли, чтобы

яблочковъ намъ больше давали. Вотъ, ты и слушай, просвѣщайся.

Иванъ опять поклонился, съ лукавой усмѣшкой въ глазахъ, и пошелъ за хозяиномъ и гостьей.

Но обходъ сада шелъ вяло. Землемѣръ уже черезъ четверть часа отказался идти въ компаніи и вернулся на свое мѣсто, на коверъ. Евгенія Алексѣевна чувствовала, что и для самого садовладѣльца плодоводство дѣло второстепенное, и что ея рвеніе будетъ здѣсь безплодно—отношеніе Кобылкина къ ея словамъ и дѣйствіямъ все равно останется слегка пренебрежительнымъ. Не располагала къ особому усердію и погода. Было знойно, душно, но небо уже заволакивалось тучами, вдали прогрохоталъ громъ. И Евгенія Алексѣевна была, пожалуй, и рада, что Кобылкинъ, не углубляясь въ болѣе отдаленную часть сада, тоже вскорѣ повернулъ назадъ, къ ковру, гдѣ землемѣръ уже тянулъ изъ длиннаго узенькаго стаканчика лимонадъ съ коньякомъ.

Кобылкинъ обратился къ Евгеніи Алексѣевнѣ:

— Ну, а между прочимъ, барышня хорошая, жарко, и жажда томитъ. Стаканчикъ газесцу позволите?

И въ его тонѣ не слышалось уже задирающей насмѣшки, а только ласковость милаго хозяина.

Евгенія Алексѣевна, поставившая себѣ за правило ладить со всѣми, съ кѣмъ ей приходилось сталкиваться по своей профессіи, добродушно-вопросительно посмотрѣла Кобылкину въ глаза и, съ улыбкой, сказала:

— А вы какъ думаете?

Онъ не думалъ, а махнулъ рукой Ивану:

— Ну-ка, сбѣгай за стаканчикомъ.

И уже сердечнымъ тономъ сказалъ Евгеніи Алексѣевнѣ:

— А между прочимъ, барышня хорошая, присядьте-ка все-таки.

Онъ придвинулъ ей большую кожаную подушку.

Евгенія Алексѣевна присѣла.

Кобылкинъ оживился еще болѣе. Лицо его, грубовато-суровое, стало добрымъ и красивымъ, и онъ, опускаясь на коверъ около землемѣра, уже съ какой-то дѣтской радостью и растерянностью одобрялъ Евгенію Алексѣевну:

— Вотъ это такъ!.. А вы, должно быть, славная?..

Она засмѣялась.

— Ничего себѣ, не изъ дурныхъ...

— Вотъ этакихъ мы любимъ!..

Казачекъ принесъ стаканчикъ, принесъ еще и лимонаду и, на тарелкѣ, мелко наколотаго льду.

Евгенія Алексѣевна не отказалась не только отъ лимонаду со льдомъ, но и отъ прибавки въ него коньяку, и нашла, что напитокъ недуренъ.

— Мы имъ шампанское замѣняемъ, — торжественно провозгласилъ Кобылкинъ.—За ваше здоровье!

Чокнулись. Землемѣръ залпомъ опорожнилъ свой стаканъ, вздохнулъ и какъ-то ласково-печально, точно провожая друга, произнесъ:

— Хорошій напитокъ!

Кобылкинъ, въ тонъ ему, досказалъ:

— Въ особенности подъ гитару... — И спросилъ Евгенію Алексѣевну:—Вы не поете?

— Нѣтъ, не пою.

— А играете?

— На рояли, да.

— Вотъ отлично-то! Пойдемте-ка, сыграйте. Вы поаккомпанируете, а я вамъ спою.

— Ну, это ужъ когда-нибудь въ другой разъ... если придется съ вами поближе познакомиться,—сухо, сдержанно отвѣтила Евгенія Алексѣевна.

Кобылкинъ просто и сердечно сказалъ:

— Ну, давайте, знакомьтесь поближе.

И онъ открытымъ взглядомъ посмотрѣлъ ей въ глаза.

Евгенія Алексѣевна не нашлась сразу, чѣмъ отвѣтить на этотъ вызовъ. Помолчавъ, и, подавляя невольное смущеніе, очень серьезно сказала:

— Мои знакомства обыкновенно начинаются... и кончаются—на дѣловой почвѣ.

— Что-жъ, хорошо и это.

Онъ всталъ, снялъ съ сучка яблони гитару, и снова сѣлъ на прежнее мѣсто и искреннимъ тономъ сказалъ Евгеніи Алексѣевнѣ:

— Будемъ говорить *дѣло*. Говорите, я слушаю.

Землемѣръ взглядомъ спросилъ его, не наполнить ли опять стаканчики коньякомъ съ лимонадомъ. И Кобылкинъ, утвердительно кивнувъ ему головой, взялъ на гитарѣ звучный аккордъ.

Евгенія Алексѣевна молчала. Кобылкинъ немного грустнымъ, вызывающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее. Струны тихо рокотали у него подъ пальцами. Онъ сказалъ:

— Я слушаю внимательно.

Евгенія Алексѣевна съ улыбкой отвѣтила:

— А я прислушиваюсь къ вамъ.

Онъ на мгновеніе отнялъ руку отъ гитары и съ подчеркнутой вѣжливостью спросилъ:

— Развѣ это мѣшаетъ нашему дѣловому разговору? Вѣдь мы же не въ классѣ? Что касается меня, я привыкъ жить и любое дѣло дѣлать подъ пѣсню.

Евгенія Алексѣевна задумчиво отозвалась:

— А я... не привыкла.

— Попробуйте,—тихо сказалъ Кобылкинъ.

Гитара зазвучала опять: что-то ласково-уговаривающее. Псы, вытянувъ по землѣ морды, лежали у ногъ хозяина смирнехонько.

И Евгенія Алексѣевна попробовала заговорить о томъ, что знакомство съ постановкой плодоводства въ Германіи пріучило ее смотрѣть на каждый садъ со стороны его «рентабельности»— доходности—и вотъ то, что она сейчасъ здѣсь осматривала... не вполнѣ соотвѣтствуетъ... ея представленію о...

Ласковыя струны гитары неожиданно разсмѣялись такъ рѣзко, такъ громко, что Евгенія Алексѣевна оборвалась на полусловѣ. И сама улыбнулась. И слушала... И вдругъ, шутя, подумала: «Вотъ развѣ теперь о зайцахъ съ нимъ поговорить?..» И какой-то внутренній голосъ сурово подсказалъ ей: «Нѣтъ!» И она молчала.

А Кобылкинъ, перебирая звучныя струны, все тѣмъ же немного грустнымъ, все чего-то ожидающимъ взглядомъ смотрѣлъ прямо ей въ лицо. И вдругъ, немного прищуривъ глаза, точно смотря уже чрезъ нее куда-то въ безконечную даль, тихо, спокойно спросилъ:

— Вы Варю Панину слыхали?

Евгенія Алексѣевна точно очнулась:

— Нѣтъ... О ней слыхала, ее—нѣтъ.

Кобылкинъ сильнымъ, глубокимъ голосомъ, но такъ сдержанно, какъ сдерживаютъ на мундштукѣ рвущагося впередъ горячяго коня, запѣлъ:

— «И въ моемъ сердцѣ, съ прежнею силою,
Вновь пробудились видѣнія...
Тайныя встрѣчи съ подругою милою,
Клятвы любви, увѣренія...»

И точно желая остаться наединѣ съ самимъ собою, съ своими дорогими и горькими воспоминаніями, онъ опустилъ глаза, и пѣлъ, забывъ все окружающее:

— «Я вѣрилъ въ счастье тогда безконечное
И,—что любовь не пройдетъ...
Но все на свѣтѣ не долговѣчное,
Что было, то не придетъ».

«Какой голосъ!.. Какой голосъ!..»—думала Евгенія Алексѣевна. И тоже опустила глаза, чтобъ не видѣть ни Кобылкина, сидѣвшаго въ неловкомъ положеніи, съ подогнутой ногой, ни землемѣра, который, подперевъ локтемъ щеку и облокотившись на подушку, казался уснувшимъ.

И красивые, точно тихо рыдающіе звуки страстнаго голоса и страстной пѣсни вызывали передъ внутреннимъ взоромъ Евгеніи Алексѣевны другіе образы, смутныя видѣнія — чего-то неяснаго, чего-то неизвѣстнаго и давно желаннаго, безконечно прекраснаго и безнадежно, мучительно недостижимаго...

Давеча отдаленный, громъ прогрохоталъ теперь почти надъ самой головой и, перекатываясь, сильнѣе и сильнѣе, на мгновеніе замолкъ, чтобъ вдругъ разразиться вдали рѣзкимъ, сильнымъ ударомъ съ новыми, замирающими раскатами.

Евгенія Алексѣевна вздрогнула и взглянула на небо. Тучи, свинцовыя, сѣрыя, коричневыя, желтыя, какъ клубы дыма, то медленно плыли вдали, то быстро неслись-надвигались надъ садомъ, все ближе и ближе... Потянуло холодкомъ. Солнце, уже клонившееся къ закату, теперь, захваченное облаками, словно спѣшило скорѣе уйти, до грозы, на покой. Потемнѣло. Точно убѣгая отъ спускавшихся съ неба грозовыхъ великановъ, заторопились-зашелестѣли листья деревьевъ...

Землемѣръ, открывъ глаза, поднялся съ подушки. Забезпокоились и псы, встали, и, опустивъ хвосты, смотрѣли тревожнымъ взглядомъ по направленію къ дому.

Кобылкинъ пѣлъ:

— «Въ ночи безсонныя грезы мятежныя
Душу тревожатъ мою:
Взоры голубки страстные...»

Евгенія Алексѣевна быстро встала и, протягивая Кобылкину руку, любезно, но рѣшительно сказала:

— Прощайте, однако! А то я подъ ливень попаду.

Кобылкинъ быстро отложилъ въ сторону гитару и, протягивая къ Евгеніи Алексѣевнѣ руки, взмолился:

— Постойте, куда же вы?.. Нѣтъ, нѣтъ, дождя не будетъ. Тучу пронесетъ.

И онъ, не вставая, потянулся, чтобъ обнять колѣни Евге-

ніи Алексѣевны. Но она сдѣлала шагъ назадъ и успѣла вывернуться. Кобылкину удалось только захватить одной рукой край ея юбки.

— Подождите, подождите,—умолялъ онъ.—Вѣдь надо же мнѣ *кому-нибудь* пѣть?.. Постойте... я васъ слушаю... внимательно... Вѣдь я еще не все успѣлъ усвоить изъ вашей науки.

Евгенія Алексѣевна поблѣднѣла, но добродушно улыбающаяся, выдергивала у него изъ рукъ юбку:

— Пустите. Для перваго урока достаточно для васъ и для меня.

Землемѣръ уже всталъ, въ ожиданіи ея ухода; но Кобылкинъ, все еще на колѣняхъ, и не выпуская ея юбку, страстнымъ полушепотомъ убѣждалъ:

— Но вѣдь вы же хорошая!

Евгенія Алексѣевна продолжала настойчиво протягивать ему руку и уже совершенно серьезно говорила:

— Все-таки прощайте.

— Ну... хорошо...—сказалъ Кобылкинъ, освобождая ее и поднимаясь на ноги. — Господь съ вами! Для перваго урока довольно—но когда же второй?

— Этого ужъ я не знаю.

— Но вы заѣзжайте. Я буду ждать васъ. Вы отъ Пальчиковой? Вы долго у нея пробудете?

— Нѣтъ, вѣроятно, завтра уѣду.

— Такъ скоро? Куда?

— А еще сама не знаю. По другимъ имѣніямъ.

— Хотите, я васъ возить буду? У меня тройка чудная. Возьмите въ кучера.

— Нѣтъ ужъ, зачѣмъ же... Прощайте.

Кобылкинъ и землемѣръ пошли проводить ее до тарантаса. Но Кобылкинъ, уже безъ шутокъ и приставаній, уговаривалъ теперь Евгенію Алексѣевну войти въ домъ и переждать грозу. Вѣтеръ уже шумѣлъ въ деревьяхъ, рѣзкій и, послѣ бывшаго зноя, казавшійся холоднымъ.

— Только бы не градъ!—повторялъ съ озабоченнымъ видомъ Кобылкинъ.—Поля у меня стоятъ дивныя.—Ну, какъ да все побьетъ?

Евгеніи Алексѣевнѣ было не по себѣ. Она, съ ясно выраженнымъ неудовольствіемъ, сказала:

— Вотъ видите, что надѣлало ваше пѣніе! Мнѣ надо было давно уѣхать.

— Теперь все равно не поможешь... Оставайтесь.

— Ни за что! Тутъ такъ близко, что и подъ дождемъ доѣхать можно. А переждать Богъ знаетъ сколько времени...

Но едва успѣли они дойти до двора, кучеръ еще не успѣлъ вывести лошадей изъ-подъ навѣса, куда онъ поставилъ ихъ съ самаго пріѣзда въ защиту отъ солнца, какъ вѣтеръ сразу стихъ, и, безъ молніи, безъ грома, начали падать крупныя, какъ градины, капли теплаго дождя.

— Ну, скорѣй, спасайтесь на террасу!—крикнулъ обрадованный Кобылинъ.—Матвѣй Матвѣевичъ, бѣги же скорѣй!.. Сюда, сюда, барышня!

Ливень хлынулъ такой, что изъ-за него не видно было съ террасы ни деревьевъ сада, ни построекъ на другомъ концѣ двора. Но сразу же стало и свѣтлѣе.

— Ну, слава Богу, отлегло отъ сердца!—весело говорилъ Кобылкинъ.—Теперь мои хлѣба только еще лучше будутъ.

Повеселѣла и Евгенія Алексѣевна: ливень быстро проходилъ, сейчасъ можно будетъ спокойно уѣхать. Даже землемѣръ оживился и, вдыхая полной грудью свѣжій влажный воздухъ, благосклонно произнесъ:

— Вотъ такъ дождь!

— А онъ и пересталъ!—радостно воскликнула Евгенія Алексѣевна.

Выглянуло солнце, уже на склонѣ, почти надъ горизонтомъ. И мгновенно опять затянулось темной завѣсой облаковъ.

— Ну, прощайте, скорѣе, скорѣе!—заторопилась Евгенія Алексѣевна.—Надо засвѣтло доѣхать.

Уже усадивъ Евгенію Алексѣевну въ тарантасъ, Кобылкинъ сказалъ ей:

— Спасибо вамъ.

— За что?

— Что пріѣзжали.

— Не за что. Это мой долгъ.

— Ко мнѣ дамы не ѣздятъ. Боятся.

— А вы не пугайте.

— Вы опять-то пріѣдете?

Евгенія Алексѣевна, со свѣтлой улыбкой, скромно и просто произнесла:

— Сомнѣваюсь.

Кобылкинъ задумчиво посмотрѣлъ ей въ глаза, помолчалъ, потомъ началъ-было:

— Ну, такъ...

Не договоривъ, протянулъ Евгеніи Алексѣевнѣ руку, крѣпко

пожалъ протянутую ему и, сказавъ кучеру: — «Трогай»! — пошелъ къ крыльцу.

Послѣ дождя легкій, почти неуловимый паръ поднимался надъ полями и дорогой. Дышалось легко-легко всей природѣ. Высоко поднявшуюся рожь мѣстами ливнемъ немного приклонило къ землѣ, но завтра же она поднимется. Евгенія Алексѣевна смотрѣла вокругъ себя широко раскрытыми, пытливыми глазами, точно она въ первый разъ видѣла передъ собой чудную картину омытыхъ дождемъ зеленыхъ полей. И все ее радовало: въ душѣ смутное чувство какой-то побѣды надъ чѣмъ-то. Мысли и о Кобылкинѣ, какимъ онъ рисовался ей по отзывамъ Марьи Михайловны, когда она ѣхала къ нему, и о Кобылкинѣ, какимъ онъ вотъ сейчасъ стоялъ на колѣняхъ передъ ней; и о ложныхъ страхахъ, не разъ сбивавшихъ ее съ пути; мысли о промчавшейся грозѣ и нѣжащей ласкѣ этого чуднаго вечера; мысли о всѣхъ недавнихъ встрѣчахъ, гдѣ ей оказывали столько вниманія, и о всѣхъ былыхъ неудачахъ, о всѣхъ разочарованіяхъ, — клубокъ такихъ же рѣзкихъ контрастовъ, такихъ же яркихъ свѣтотѣней, какими играла сейчасъ вокругъ нея вся природа. Тучи разбитой, разсѣявшейся грозы все еще ползали по небу, все еще хоть на мгновеніе, хоть однимъ краемъ задѣвали-закрывали солнце, мѣшая ему, передъ закатомъ, обогрѣть всю землю своими животворными лучами. Зато какими яркими, свѣтящимися пятнами на фонѣ вечерняго облачнаго неба и земной темноты выступало все, на что упадали, ежеминутно мѣняя направленіе, пробивавшіеся изъ-за бѣгущихъ облаковъ лучи! Вонъ, вдалекѣ, какъ брилліанты въ изумрудахъ, вспыхнули на яркой зелени сада на мгновеніе освѣтившіяся бѣлыя каменныя постройки пальчиковской усадьбы. Погорѣли съ минуту, и опять все потускнѣло... А лучи солнца уже перебросились въ другую сторону, — вонъ по верхушкамъ кладбищенской рощи пробѣжали они, и на темной, свинцовой тучѣ за погостомъ, засвѣтился неземнымъ свѣтомъ золоченый крестъ кладбищенской колокольни. Онъ еще не померкъ, а уже въ другомъ мѣстѣ, другіе лучи плетутъ на дорожной колеѣ золотое кружево изъ застоявшейся дождевой воды. Вѣтра нѣтъ, а гонимыя какой-то незримой силой облака бѣгутъ и бѣгутъ, мѣняя съ неуловимой быстротой краски, мѣняя очертанія, бѣгутъ, какъ видѣнія, проносятся, какъ призраки, и, сплетаясь съ солнечными лучами, пишутъ по землѣ и по небу іероглифы, полные значительнаго содержанія. Кажется, вся природа вокругъ что-то оживленно говоритъ въ эту минуту нѣмымъ, беззвучнымъ, но для чуткой души понятнымъ языкомъ. И ши-

роко раскрытыми, пытливыми глазами всматривается Евгенія Алексѣевна во всѣ эти внезапные переливы свѣта, тѣней и красокъ, и ясно читаетъ и видитъ—написано всюду великое, свѣтлое слово: «Живите!»

XII.

Начало августа. Евгенія Алексѣевна возвращается въ Петербургъ. Дамскій вагонъ третьяго класса. Спящія дамы и бабы всѣхъ возрастовъ, съ дѣтьми и безъ дѣтей. Ночь холодная, окна и вентиляторы закрыты, въ вагонѣ ночная духота. Одинъ изъ младенцевъ только недавно угомонился, и Евгенія Алексѣевна упорно старается наконецъ забыться. Но безсоница сильнѣе ея стараній—не уснуть ей никакъ! Плэдъ на жесткой скамейкѣ—плохая постель, и однообразное постукиванiе вагонныхъ колесъ о стыки рельсовъ не убаюкиваютъ.

Возвращеніе домой рисуетъ Евгеніи Алексѣевнѣ предстоящую ей знакомую трудовую жизнь въ лабораторіи да въ аудиторіи и, вмѣстѣ, будитъ въ памяти все пережитое во время поѣздки, точно приготовляя къ какому-то экзамену всѣ накопившіяся впечатлѣнія. И то, что отдѣльными словами, намеками, краткими описаніями, занесено было наскоро въ записную книжку, или и вовсе пропущено, какъ неважное, то теперь—не во снѣ, въ полузабытьѣ—проносится въ ея воображеніи, какъ въ кинематографѣ, быстро смѣняющимися, иногда безсвязными, но яркими картинами. Напрашиваются сравненія своей жизни съ чужой. Хочется подвести итоги—поймать вѣчно ускользающую изъ рукъ аріаднину нить въ безконечномъ лабиринтѣ пестрыхъ житейскихъ впечатлѣній и неразрѣшимыхъ противорѣчій,—поймать не затѣмъ, чтобъ уйти изъ жизни, изъ этой, хотя иногда и страшной, но красивой и загадочно-интересной неразберихи,—нѣтъ, найти и держать въ рукахъ путеводную нить, чтобъ, бродя по величественнымъ заламъ лабиринта, только не забрести туда, гдѣ тебя слопаетъ Минотавръ.

Уйти отъ жизни!.. Отъ ужаса, отъ грязи—уйти!.. Можно и просто отвернуться,—а куда уйдешь отъ скуки, отъ однообразія?.. Все лѣто давила червяковъ... и ломала сухіе прутья!.. Только ли?.. Неблагодарная!

...Какъ хорошъ монастырскій садъ!.. Даже было жаль говорить, что и въ немъ надо будетъ рубить сучки... Монашкамъ много ли надо: что имъ нѣсколько лишнихъ пудовъ грушъ и

яблоковъ, когда въ тѣни деревъ такъ сладостно уйти отъ солнца жизни!.. Чернички милыя! Какъ онѣ красивы въ своихъ бѣлыхъ рубахахъ, въ черныхъ сарафанахъ съ синими передниками!.. Какъ онѣ были милы, когда водили ее по саду... Взглянетъ на тебя нечаянно любопытнымъ взглядомъ такая затворница—и глубоко скрытой страстной жаждой жизни повѣетъ отъ этихъ «ушедшихъ»!.. Ходишь съ ними по этому райскому саду и думаешь: «А гдѣ же древо познанія?.. Оно тутъ—оно должно быть непремѣнно тутъ!» Хочешь спросить, и не смѣешь... Въ деревняхъ дѣвушки показывали ей старинные наряды... самодѣльные... шитые шелкомъ и жемчугомъ... страшно красиво... а развѣ не дѣвичьи сердца бьются подъ черными сарафанами за монастырской оградой!.. «Въ ночи безсонныя думы мятежныя душу тревожатъ мою...» Такъ и не дослушала она тогда конца... А теперь вертится это въ памяти... «Но все на свѣтѣ недолговѣчное...» Говорили, что Кобылкинъ когда-то увезъ изъ этого монастыря черничку... и пропала безъ вѣсти... А мать игуменья какая смѣшная въ своей ватной кацавейкѣ! Жарища, а она жалуется: «все болѣю... потѣю...» У нея ея земная душа, кажется, уже пропала безъ вѣсти, а небесная еще не нашлась... Какой контрастъ съ милѣйшей Марьей Михайловной! Сколько у той небеснаго во всемъ ея земномъ.

Паровозъ свиститъ, поѣздъ умѣряетъ ходъ. Остановка. На платформѣ среди ночной тишины гулко раздаются шаги. Евгенія Алексѣевна приподнимается и смотритъ въ окно. Должно-быть, полустанокъ. Трель кондукторскаго свистка, и поѣздъ медленно трогается. И опять однообразное постукиваніе колесъ о стыки рельсовъ. Евгенія Алексѣевна уже и не пытается уснуть. Съ закрытыми глазами, она всматривается въ далекую даль.

...Передъ ней опять о. Николай. И что-то безконечно жалостливое къ нему шевельнулось въ ея сердцѣ. Ее ждало уже письмо отъ него, когда она пріѣхала въ монастырь. Письмо почти безсодержательное для постороннихъ, но для нея—оно, какъ взглядъ монашки, говорило о тайной тревогѣ одиноко мятущагося духа. И зачѣмъ только написала она ему такой «безсодержательный» отвѣтъ, который ему-то можетъ показаться откликомъ родственной души!.. Зачѣмъ... Какъ часто пустой любезностью можно ранить чужое сердце...

А въ ея дремотѣ, въ полуснѣ, изъ-за облика о. Николая, точно сливаясь съ нимъ, выступилъ Ковригинъ. И Евгенія Алексѣевна, какъ раненая, уже не дремлетъ—гонитъ прочь отъ себя это видѣніе! Зачѣмъ онъ ей? Богатый баринъ... развѣ

онъ когда-нибудь чувствовалъ *такъ* свою близость къ бѣдняку, какъ судьба заставила это чувствовать ее?..

И ее уже начинаетъ сердить, что она почему-то все считается съ воображаемыми достоинствами и недостатками Ковригина, точно онъ не чужой ей человѣкъ! Похвалилъ ее, порисовался передъ ней своимъ народолюбіемъ, предложилъ устроить ей мѣсто въ земствѣ, поманилъ предложеніемъ работать рука объ руку въ общемъ земскомъ дѣлѣ — и точно не вѣсть что случилось!.. Да Богъ съ нимъ!

Не вспоминался бы, можетъ-быть, еслибъ не сходство съ о. Николаемъ.

И Евгенія Алексѣевна торопливо шепчетъ про себя: «Отойди отъ меня, сатана!»

А изъ-за Ковригина уже глядятъ на нее задумчивые, грустные глаза Кобылкина. «Да вѣдь надо же мнѣ кому-нибудь пѣть?». И въ самомъ дѣлѣ: землемѣру, что-ли?.. Бѣдный!.. Бѣдный «храбрый мужчина»!..

Въ сердцѣ Евгеніи Алексѣевны вдругъ начинаетъ расти и шириться чувство безграничной любви-жалости ко всѣмъ. У каждаго свое горе. И каждый ищетъ родственной души. А встрѣчаетъ недовѣріе и наглухо заколоченныя двери.

...Въ двери ея души стучались многіе, и она не отперла ихъ...

...Что-жъ, можетъ быть, это и хорошо! Можетъ-быть потому и отдала она свою душу всѣмъ, что никого не пустила въ нее въ особенности?.. Она не отперла дверей своей души, потому что ихъ и нѣтъ. «На свободномъ мѣстѣ—вездѣ ворота»,—говорятъ въ деревняхъ.

...Но свободное мѣсто—также и пустое мѣсто!.. Какую пустоту образуетъ въ душѣ отсутствіе личной любви, хотя бы любовь ко всему міру наполняла эту душу!.. Монахиня въ міру!.. Побѣда надъ себялюбіемъ, конечно, побѣда,—только не Пиррова ли?

...О. Николай, быть-можетъ, правъ... монахъ не даетъ страждущей душѣ мірянина того теплаго, душевнаго, какое можетъ дать священникъ-семьянинъ... Какъ тепло было ей у Пальчиковой! Тамъ, у Марьи Михайловны, большой запасъ душевнаго тепла припасенъ для внуковъ и внучекъ. Что ей стоило удѣлить частичку этого запаса полюбившейся ей случайной гостьѣ, одинокой дѣвушкѣ!.. Какъ жаль, что нѣтъ инструментовъ для опредѣленія температуры и свойствъ душевнаго тепла бабушекъ и матерей!

...Милая Марья Михайловна!.. Несомнѣнно, она посватала ее за Сашеньку Рогожникова! Не будь этого въ ея письмѣ къ Рогожниковой,—ей не оказали бы тамъ столько ласки и вниманія.

Отъ тряски вагона оконная рама опустилась. Рѣзкая струя свѣжаго воздуха ворвалась въ вагонъ. Евгенія Алексѣевна, обрадованная, повернулась лицомъ къ окну, чтобъ подышать. Но ея сосѣдка стремительно встала и закрыла окно, потомъ поправила одѣяльце на спавшей у окна дѣвочкѣ, и молча улеглась опять на свое мѣсто.

И опять тишина и мѣрное постукиваніе колесъ возвращаетъ Евгенію Алексѣевну къ прерваннымъ мыслямъ.

Вспоминается ей, какъ Марья Михайловна напутствовала ее, провожая къ Рогожниковымъ... Что-жъ, она права по-своему! Сашенька—мальчикъ славный... Но—мальчикъ. Ему двадцать,—почти десять лѣтъ разницы!

...Понятно, почему Марьѣ Михайловнѣ онъ кажется созданнымъ для семейной жизни: изъ него можно сдѣлать второй экземпляръ Петра Ѳедоровича. Любовно слушается маменьки, будетъ любовно слушаться жены, какъ съ увлеченіемъ слушалъ теперь фуги Баха... Какъ онъ упрашивалъ: «Ну, поиграйте еще... Ну, останьтесь на денекъ!»

...И еслибъ остаться?..

Евгенія Алексѣевна задаетъ себѣ вопросъ: что это значитъ, что ей вездѣ, рядомъ съ ея профессіональными задачами, приходилось наталкиваться на рѣшеніе задачи своей *личной* жизни?.. Что ея знанія, ея трудъ оказались всѣмъ пригодны, это только подтвердило ей безошибочность ея выбора профессіи,—выбора случайнаго, сдѣланнаго по настроенію. Но, чтобъ она сама, какъ личность, оказалась въ спросѣ, этого она совсѣмъ не ожидала, отправляясь въ свои поѣздки!..

...Да, Рогожниковымъ нечего дѣлать въ городѣ. Чего Сашенькѣ еще учиться, когда ему съ трудомъ удалось и реальное-то осилить. И мать права, что торопится его женить. Удивительно, какъ парнюга сохранился такимъ чистымъ. Способенъ увлекаться Бахомъ... и не знается съ Бахусомъ!.. Сохранилъ еще всю мужиковатость отца, а мягкость характера, вѣрно, отъ матери. Очевидно, все въ жизни, и радость, и горе, приметъ просто, тихо... Богатый наслѣдникъ, чрезъ годъ совершеннолѣтній, и никакихъ желаній... А душа свѣтлая... Когда она стала играть ему изъ «Валькиріи», какъ расширились его небольшіе сѣрые глазки! Съ какимъ благоговѣйнымъ, молитвен-

нымъ выраженіемъ смотрѣлъ онъ на нее!.. А какъ покраснѣлъ, когда она сказала ему у вокзала, что онъ правитъ тройкой, какъ богъ! И мать похвасталась, обрадованная. «Я только съ нимъ и рѣшаюсь ѣздить на этихъ лошадяхъ»... Да, Сашенька чудный молодой дичокъ для прививки...

...Она понимаетъ, какую жену ищетъ Рогожникова для своего Сашеньки! Любящую жену-мать, для которой въ ея семьѣ Сашенька былъ бы тоже только старшимъ сыномъ...

...И еслибъ остаться?..

Съ воемъ, съ визгомъ, съ грохотомъ пронесся встрѣчный курьерскій поѣздъ. Вырванная изъ своего полудремотнаго состоянія, Евгенія Алексѣевна съёжилась, нервный холодокъ пробѣжалъ у нея по тѣлу. Она встала, сняла разостланный по скамейкѣ плэдъ свой, развернула его, половину опять подостлала, другой прикрылась, и, скорчившись, снова погрузилась въ дрёму и думы подъ мѣрный стукъ пассажирскаго тихохода.

«...Но что значитъ личная жизнь?—думаетъ Евгенія Алексѣевна.—Личная жизнь—ничто! Мнѣ съ моей личной жизнью дѣваться некуда, если негдѣ развернуться моимъ индивидуальнымъ свойствамъ, если нѣтъ подходящей атмосферы для цвѣтенія сада моей духовной жизни... Вѣчная *личная* жизнь въ деревнѣ!»

...Но атмосферу надо создать! «Нѣтъ худой земли, есть худые хозяева»—сказала Марья Михайловна. И не только сказала—доказала...

...Развѣ атмосфера... развѣ климатическія условія не мѣняются подъ вліяніемъ культуры!.. Болота осушаютъ, безводную пустыню орошаютъ, тундра согрѣвается, въ степи разводятъ лѣса...

...А сколько болотъ, пустынь и тундръ въ народной массѣ ждутъ культурной работы!.. Вспоминаются ей деревни, сплошь зараженныя, гдѣ она боялась пить и ѣсть, чтобъ не заразиться; вспоминается сцена дикой расправы мужиковъ съ своими же озвѣрѣвшими пьяными односельчанами; вспоминаются обманы, мошенничества, суевѣрія, тупость—и тьма, тьма, тьма...

Мимо! мимо!.. Она не хочетъ засаривать память этими воспоминаніями! Красота и чистота такъ же заразительны, какъ безобразіе и грязь,—насаждайте красоту! Вѣдь рядомъ съ тьмой народной, сколько вездѣ желанія учиться, сколько желанія работать, стать «людьми», сколько смѣтливости и ума, какое стремленіе къ свѣту, къ отрезвленію, къ правдѣ Божіей, сколько незлобивости, сколько терпѣнія!..

...Терпѣніе—вотъ, что нужнѣе всего, вездѣ и всегда. Тер-

пѣніе было самымъ надежнымъ ея спутникомъ. Оно выработалось у нея, еще когда она давала уроки. Умѣніе терпѣливо ладить съ дѣтьми научило ее ладить и съ бородатыми мужиками, и съ сварливыми бабами.

Въ дремотѣ улыбается Евгенія Алексѣевна. Вспомнилось ей сейчасъ, какъ, съ недѣлю тому назадъ, въ большой деревнѣ обходила она крестьянскіе сады вмѣстѣ съ мѣстнымъ земскимъ инструкторомъ. Грубоватый, безцеремонный. Пришли, — дома только старуха бабка. Не хотѣла пускать ихъ: вечеръ—поздновато. Инструкторъ смѣется старухѣ въ глаза и идетъ-себѣ, баба поперекъ дороги ему встала. Обошелъ и опять смѣется: «Не украдемъ твои яблоки, не украдемъ!» — и идетъ впередъ. А старуха ворчитъ: «Пошли вонъ!.. Вонъ пошли!» Она-то остановилась, а инструкторъ и ее зоветъ: «Пойдемте, чего на эту каргу смотрѣть». А старуха взяла прутикъ и сердито машетъ имъ: «Пошли, говорю!.. Говорю, пошли»!.. Что-жъ тутъ оставалось, какъ не сказать этой милой «каргѣ»: «Уйдемъ, бабуся, уйдемъ!» Ребенокъ, когда его хотятъ мыть холодной водой, колотитъ няньку кулачками, по чему попало,— развѣ на него сердятся?..

...Народъ, какъ ребенокъ: подходить къ нему надо съ лаской и терпѣніемъ. И съ уваженіемъ...

И Евгенія Алексѣевна съ доброй улыбкой шепчетъ теперь про-себя: «Пошли, говорю!.. Говорю, пошли»!

...Вѣдь на другой-то день, когда она пришла сюда одна, та же бабка нарвала ей въ подарокъ самыхъ спѣлыхъ яблоковъ...

За Колпинымъ, когда контролеръ отбиралъ билеты, разбудили и Евгенію Алексѣевну. Послѣ безсонной ночи утренній сонъ былъ крѣпокъ, рѣзкое пробужденіе вызвало тупую боль во всемъ тѣлѣ. Петербургъ встрѣчаетъ холоднымъ дождемъ. Но все это казалось уже такимъ обычнымъ, такимъ привычнымъ.

Въ спокойно-покорномъ, сѣренькомъ настроеніи вернулась Евгенія Алексѣевна въ свою маленькую меблированную комнатку «въ бездѣтномъ нѣмецкомъ семействѣ». Тамъ все было на своихъ мѣстахъ, какъ она оставила предъ отъѣздомъ. Кажется, даже пыль на книжкахъ та же. Только на кровати слѣды чьего-то пребыванія. Должно-быть, еще и сегодня спала тутъ Дуняша.

А на письменномъ столѣ лежало нѣсколько нераспечатан-

ныхъ писемъ. Евгенія Алексѣевна взглянула на почтовые штемпеля конвертовъ: получены недавно. Почеркъ сестры, почеркъ товарища по лабораторіи, потомъ чей-то совсѣмъ незнакомый и чей-то—любопытно—какъ будто знакомый. Прежде всего за этотъ. Вынула изъ конверта—узнала сразу: о. Николай! Стала читать—охватило волненіе. Сняла шляпу, бросила на кровать, сѣла къ столу, читаетъ длинное посланіе... читаетъ... что это?.. заглянула въ конецъ, вернулась къ началу. На лицѣ—то улыбка, то какое-то суровое, почти болѣзненное выраженіе. Письмо, какъ и то, что было къ ней въ монастырь, полно неясныхъ намековъ, но уже, видно, писано безъ опаски, что можетъ попасть въ чужія руки, и только еще широкіе рукава рясы, должно-быть, мѣшали ясности выраженій.

Дочитавъ, Евгенія Алексѣевна опустила руку съ письмомъ и задумалась.

И опять передъ ней,—въ мысли, какъ на яву,—красивая фигура о. Николая. Его проповѣднической, ласкающій грудной голосъ... И томленіе одинокой души... не на своемъ мѣстѣ... *его* трагедія... *ея* трагедія... Что онъ пишетъ!.. Ясно—если она, какъ подруга, протянетъ ему руку, онъ пойдетъ съ нею всюду по ея садамъ «насаждать вертоградъ Господень», пойдетъ семьяниномъ-міряниномъ—учителемъ духовной жизни, священникомъ безъ рясы—съ проповѣдью царствія Божія на землѣ... Или?.. Отрекшись отъ міра, отреченный отъ жизни, въ вѣчномъ противорѣчіи съ самимъ собой и съ окружающимъ, встанетъ онъ на молитву,—не покаянную, не благодарственную,—на молитву скорбящаго-недоумѣвающаго надъ своими несбывшимися желаніями, надъ всѣми несовершенствами міра...

Что можетъ отвѣтить она ему на это?.. Все равно, не то, чего онъ хотѣлъ бы. «Рука объ руку!» *Она* съ нимъ могла бы. Только это... не по ея дорогѣ. *Онъ* съ ней—не пойдетъ. Не по пути. Кто-нибудь изъ двухъ тянулъ бы въ сторону. При встрѣчѣ съ такимъ она, быть-можетъ, даже склонилась бы предъ нимъ... подъ благословеніе... но пропустила бы его мимо...

У Евгеніи Алексѣевны является какое-то чувство скорби при мысли о встрѣчѣ съ о. Николаемъ. Что написать ему,—какъ объяснить ему свои чувства,—какъ объяснить ихъ самой себѣ? Ей кажется такимъ страннымъ его внезапное влеченіе къ ней. Она не рѣшается подумать, а невольно думается: развѣ любовь вспыхиваетъ такъ сразу? Увидалъ и влюбился, что-ли?.. Право, у него это отъ одиночества. Не она, такъ другая. Не трогаетъ ее эта внезапная любовь.

...А можетъ-быть, это именно потому, что у нея... не почувствовалось этого влеченія... сразу... Къ нему—нѣтъ!...

...Мелькнулъ въ памяти Ковригинъ... и она сейчасъ же отогнала эту мысль!.. И уже опять въ раздумьи смотритъ на письмо о. Николая. Совсѣмъ не отвѣчать?—безсердечно. А отвѣть?.. ея отвѣтъ на то его письмо уже дѣлаетъ ее отвѣтственной вотъ за содержаніе этого... а дальше?.. дальше пойдетъ переписка!..

...И почему именно я—не другая—оказалась ему такой близкой?.. Онъ не знаетъ меня, а наружность...

Точно у нея явилось желаніе провѣрить себя—Евгенія Алексѣевна встала и подошла къ зеркалу. Усталое съ дороги, блѣдное лицо, неумытое... прическа растрепалась, прядь волосъ прилипла къ виску, красная полоска на лбу, надавленная шляпкой... межъ бровей рѣзкая морщинка...

Евгенія Алексѣевна улыбнулась: вѣдь *онъ*—кто бы онъ ни былъ—онъ долженъ будетъ любить и такую... и радостно смотрѣть на неприглядную, какъ на ненаглядную... Она вѣдь не претендуетъ на красоту. Она только удивляется, если кто этакъ «вдругъ» почему-то потянется къ ней душой... или—«храбрый мужчина»—схватитъ за юбку...

Смотритъ она въ зеркалѣ себѣ въ глаза, смотритъ и смѣется,—улыбается и оторваться не хочетъ—точно смѣшатъ-забавляютъ ее теперь всѣ ея думы. Смотритъ минуту, и еще минуту, и уже какъ будто перестаетъ видѣть свое лицо,—видитъ только глаза. Все остальное отодвигается куда-то, какъ рама, которую не замѣчаютъ, когда отдаются созерцанію вставленной въ нее картины. Да, въ нихъ, въ этихъ глазахъ картина,—картина большой, сложной и красивой души. Евгенія Алексѣевна сама точно впервые разглядѣла ее. Разглядѣла теперь свою душу, внѣшне, давно зная, непрерывно чувствуя ея внутреннее содержаніе. Она смотритъ и смотритъ, оторваться не можетъ.

...Но, можетъ-быть, потому такъ и манятъ ее эти глаза, что она такъ хорошо себя знаетъ?..

...А что если другіе... разглядываютъ вдругъ?.. И манитъ ихъ эта красивая картина... души?..

И улыбка сбѣгаетъ съ лица Евгеніи Алексѣевны. Строго и грустно начинаютъ смотрѣть на нее изъ зеркала эти красивые глаза... И перестали смотрѣть... Взглядъ души обращается вглубь, внутрь самой себя.

Евгенія Алексѣевна отходитъ отъ зеркала, садится въ глу-

бокомъ раздумьи за столъ и безотчетно беретъ слѣдующее письмо.

...Вотъ съ этимъ какъ просто! Милый мальчикъ! Ну, конечно, пойдемъ, пойдемъ и гулять, и въ театръ. И чай пить у меня будемъ...

Ждетъ не дождется! «Вѣдь вы,—изволите ли видѣть!—для меня, какъ лейденская банка: заряжаюсь отъ васъ электричествомъ, энергіей». Ахъ, комикъ!.. Просто, безъ требованій, ничего не надо... А такъ тепло, тепло... И весело... И въ лабораторіи, рядомъ съ нимъ, какъ-то всѣ препараты кажутся моложе и веселѣе. До завтра, до завтра, другъ мой!..

Евгенія Алексѣевна съ дружественной улыбкой сложила маленькое письмецо, вложила въ конвертъ, бросила его на столъ, взяла другое.

«Съ чувствомъ сомнѣнія, какого я, кажется, еще никогда не зналъ, начинаю я это письмо»...

Странное начало, безъ обращенія по имени, кто это?... Евгенія Алексѣевна заглянула на подпись,— Ковригинъ!... Глаза ея широко раскрылись, уставились въ одну точку. Сердце забилось такъ быстро и сильно, что она слышала его и инстинктивно прижала руку къ груди.

Содержаніе письма казалось ей уже ясно. Только собраться съ силами, убѣдиться, что это такъ! Она не могла держать письмо въ рукѣ, она положила его на столъ передъ собой и, наклонившись надъ нимъ, подперла голову обѣими руками, стала читать медленно, слово за словомъ, съ самаго начала.

«Съ чувствомъ сомнѣнія, какого я, кажется, еще никогда не зналъ, начинаю я это письмо. Сомнѣнія не въ томъ, слѣдуетъ ли писать его, а въ томъ, напишу ли я его, какъ слѣдуетъ. Оно должно быть простымъ, безыскусственнымъ, такимъ, каковъ я самъ, какимъ я хочу быть, и вмѣстѣ оно должно сказать вамъ то, что я хочу сказать, чтобъ достигнуть моей цѣли,— достигнуть вашего сердца.

«Когда вы, пробывъ у насъ три дня, уѣхали, я вдругъ почувствовалъ, что мнѣ чего-то не достаетъ. Все было по-прежнему на своемъ мѣстѣ, я занимался все тѣми же дѣлами, съ тѣмъ же интересомъ, встрѣчался съ тѣми же людьми, велъ тѣ же разговоры; но, гдѣ бы я ни былъ, что бы я ни дѣлалъ, мнѣ все казалось, что чего-то не хватаетъ. И когда я, наконецъ, понялъ, что это оттого, что тутъ нѣтъ васъ, Евгенія Алексѣевна, мнѣ это показалось страннымъ. Почему вы стали мнѣ вдругъ такъ дороги, такъ нужны? Вѣдь, кажется, между нами не про-

изошло ничего такого, что могло бы послужить основаніемъ для такой... близости. И разстались мы такъ, какъ разстаются дѣловые люди, которыхъ дѣло же можетъ свести опять вмѣстѣ, а можетъ-быть, они никогда больше и не встрѣтятся. Но съ тѣхъ поръ я, не переставая, думаю о васъ. Провѣряю свое чувство, ищу ему объясненія. Я думаю, васъ удивило бы, если бы я сказалъ, что я полюбилъ васъ. И мнѣ тоже было бы неловко сказать или написать это слово. Какъ любить, когда, быть-можетъ, не встрѣтишь взаимности,—когда, быть-можетъ, вы уже любите другого,—когда наши жизненныя задачи, быть-можетъ, окажутся совсѣмъ неоднородными, несмотря на видимую внѣшнюю однородность дѣла, на которомъ мы случайно сошлись. Безъ общей духовной жизни я не признаю любви. Суррогаты ея распространены на каждомъ шагу, и самые разнообразные. Но я хотѣлъ бы найти любовь самоцѣнную и неизмѣнную, какъ червонное золото. Я хотѣлъ бы, чтобъ въ этомъ словѣ, когда я произношу его, не было никакой фальши, ни сознательной, ни безсознательной, я хочу произносить его съ увѣренностью въ безошибочности его примѣненія къ моему чувству. И вотъ я думаю, что я могу смѣло сказать: я полюбилъ ваши глаза! Только глаза. Пока. Не знаю, что изъ этого будетъ дальше. Но сейчасъ я люблю ваши глаза такъ, какъ никогда ничего не любилъ. И то, чего мнѣ сейчасъ, вездѣ и всегда, не достаетъ, это—вашего взгляда. Что въ немъ такое—я не знаю; но мнѣ теперь кажется, что я, до встрѣчи съ вами, все какъ будто ходилъ вокругъ да около почки какого-то невѣдомаго мнѣ дивнаго цвѣтка; увидѣлъ васъ, ваши глаза, и въ нихъ сразу же расцвѣлъ передо мной этотъ дивный невѣдомый цвѣтокъ; но я еще не успѣлъ и разсмотрѣть его, а его уже у меня отняли.

«Мнѣ скоро сорокъ лѣтъ. Я видѣлъ въ жизни много глазъ, смотрѣвшихъ на меня съ любовью, смотрѣвшихъ изъ глубины широко открытаго для меня сердца, и ни въ однихъ я не видѣлъ того, что увидѣлъ въ вашихъ, смотрѣвшихъ на меня безъ любви изъ глубины невѣдомой мнѣ души, чуть-чуть пріоткрывшей предо мной свои тайны. И теперь мнѣ уже хотѣлось бы постоянно смотрѣть въ эти глаза съ той любовью, какую они заронили, какъ сѣмя чуднаго цвѣтка, въ мое сердце,—смотрѣть, чтобъ постичь всю—полную—тайну души, отразившейся въ этихъ глазахъ. Вѣдь за цвѣткомъ долженъ быть еще и плодъ, конечно, прекрасный и, надѣюсь, не ядовитый. Я не буду повторять вамъ того, что въ нашихъ разговорахъ, попутно съ прозой, было поэзіей, —не буду вспоминать того, что дало мнѣ

возможность оцѣнить вашъ умъ, ваше сердце, ваше пониманіе жизни. Я, кажется, тоже что-то говорилъ вамъ о своихъ планахъ общественной дѣятельности. Теперь я хочу сказать еще, какой представляю я себѣ подругу всей моей дальнѣйшей жизни, проще говоря—жену мою. Прошла безвозвратно пора теремного и гаремнаго быта; пройдетъ—потому что уже проходитъ, если уже не прошла—и мода на внѣшній блескъ; проходитъ мода и на самоотверженіе; потому что не хотятъ больше люди мириться ни съ существованіемъ зоологическимъ, ни съ существованіемъ аскетическимъ, въ какихъ бы формахъ то или другое ни проявилось. Жизнь предъявляетъ во всѣхъ областяхъ требованіе на людей новой формаціи—нарождается интеллигентный трудовикъ. И для здороваго роста человѣчества нужна новая женщина: не просто женщина, не просто трудовая баба, не просто интеллигентная работница—нужна интеллигентная трудовая *женщина*. Домашній очагъ не жертвенникъ Венеры, какъ и не жертвенникъ Весты. Das ewig Weibliche—«вѣчно женственное», эстетическое—а вѣдь оно же и этическое—начало должно быть положено въ основу трудовой культуры. И на помощь ей и на совмѣстное съ ней свободное развитіе призываются всѣ науки и всѣ искусства. Уже вездѣ накопилось достаточно *разсадниковъ* культуры, теперь нужны культуртрегеры-кустари. Потому что только культурныя одиночныя семьи, объединившись, могутъ создать культурный народъ, а объединенные культурные народы единое культурное человѣчество. И женщина-мать призвана сыграть здѣсь первенствующую роль».

„Какъ видите, въ моей семьѣ, если она будетъ, я уступаю моей женѣ лучшее мѣсто. И я такъ хотѣлъ бы теперь посовѣтоваться по этому вопросу съ вами, Евгенія Алексѣевна. Позвольте мнѣ пріѣхать только ради этого въ Петербургъ, чтобъ пожить тамъ, видѣться съ вами и, не торопясь, совмѣстно рѣшить, не совпадаютъ ли наши жизненныя зáдачи и не слить ли намъ ихъ въ одну".

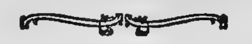
Евгенія Алексѣевна, пока читала, забыла самоё себя и все окружающее. Захваченная взволновавшимъ ее письмомъ, не замѣтила она, какъ Дуняша принесла и поставила на столикъ самоваръ и чайный приборъ,—не отвѣтила на вопросъ Дуняши, хорошо ли барышня съѣздила,—не замѣтила, что кипѣвшій самоваръ, разбрызгивая во всѣ стороны капли кипятку съ паромъ, шумно напоминалъ о своемъ присутствіи и ожиданіи заварки. Она снова и снова перечитывала нѣкоторые строки письма и то улыбалась, встрѣчая подтвержденіе своихъ собст-

венныхъ мыслей и чувствъ, то сдвигала брови, напряженно стараясь сейчасъ же рѣшить свое отношеніе къ прочитанному. А волненіе все росло, горло что-то сжимало, глаза застилались слезами... Кончивъ, она откинулась на спинку стула и съ высоко поднятой головой смотрѣла теперь въ окно, какъ будто ища тамъ неба. По запыленнымъ стекламъ рамы слезился мелкій, упорный, жалкій дождикъ, и чрезъ него, какъ чрезъ сѣтку, виднѣлась, отдѣленная узкимъ дворомъ, сѣро-зеленая пятиэтажная стѣна, гдѣ за каждымъ никогда не видѣвшимъ солнца окномъ ютились мелкія, упорныя, жалкія существованьица. Евгенія Алексѣевна не думала въ эти минуты ни о нихъ, ни о себѣ, ни о солнцѣ, ни о дождѣ. Она улыбалась, уносясь душой куда-то въ безпредѣльную, безформенную даль,—улыбалась, а слезы все больше застилали глаза, все больше сдавливали горло. И упавъ головой на руки, склонившись надъ столомъ, она вдругъ бурно зарыдала.

То слезы ли радости, вызванныя нежданнымъ лучемъ, поманившимъ къ новому счастью, или то слезы о всѣхъ чужихъ печаляхъ; волненіе ли это восторженнаго сознанія сбывающихся надеждъ или горе измѣны самой себѣ; торжествующая побѣду долгая борьба или обезсиленный героизмъ, уступающій наконецъ слабости,—Евгенія Алексѣевна не разбиралась въ чувствѣ, которое вырвалось наружу въ этихъ облегчающихъ усталую душу рыданіяхъ.

Но еслибъ Ангелъ-Утѣшитель, посланный Міродержавной Благостью искать страдающихъ и утолять печали ихъ, сейчасъ явился бы здѣсь и, осѣнивъ крыломъ эту рыдающую дѣвушку, заглянулъ бы, скорбный, ей въ лицо взглядомъ умиротворяющаго сучувствія иль ободряющей надежды, онъ только улыбнулся бы и не потревожилъ бы утихающихъ рыданій, онъ поцѣловалъ бы эти влажные глаза и съ пригоршней этихъ жемчужинъ-слезъ полетѣлъ бы, самъ утѣшенный, радостный и благостный, къ другимъ рыдающимъ, къ другимъ печальнымъ.

А. Луговой.

КОЛДУНЬѢ.

Я знаю, ты колдунья,
Страшитъ меня твой взглядъ:
Онъ манитъ темной страстью,
Въ немъ жгучій тайный ядъ...

Ты знаешь козни ночи,
Ты чуешь вздохи травъ
И ищешь въ спящемъ полѣ
Невѣдомыхъ отравъ,

Тебѣ знакомы сказки
И тайны синихъ горъ,
Ты слышишь думы моря
И звѣздный разговоръ...

Но чарами своими
И лаской черныхъ глазъ
Меня ты обольстила
Теперь въ послѣдній разъ!

Какъ только съ горъ весеннихъ
Помчится внизъ вода,
Уйду я въ міръ широкій —
Ищи меня тогда!..

Леонидъ Старкъ.

НАБРОСКИ КАРАНДАШОМЪ.

I.

Никита Павловичъ Загаринъ.

— Господа дома?

— Пожалуйте въ садъ. Они только что откушали и теперь пьютъ чай въ саду.

— Вотъ и прекрасно, — сказалъ господинъ, обращаясь къ своей спутницѣ.—Идемъ, Манечка.

Манечка была прелестная маленькая брюнетка. Даже горничная, провожавшая ихъ теперь, всегдѣ говорила: «какая красавица эта барыня». На это нянюшка возражала: «Хороша, да проста, наша лучше, наша благолѣпная».

Господинъ, шедшій впереди Манечки, былъ высокій, плотный и нѣсколько сутуловатый. Рѣдкіе каштановые волосы едва прикрывали его сильно развитой черепъ, а широкій и низкій лобъ былъ точно выточенъ изъ слоновой кости, чуть-чуть пожелтѣвшей отъ времени. Они прошли большую переднюю, длинный, узкій залъ, затемненный массой растеній, и остановились на порогѣ гостинной.

— Чудная комната,—сказала Манечка,—я никогда не перестаю любоваться ею.

Дѣйствительно, гостиная представляла рѣдкое соединеніе роскоши со вкусомъ и оригинальностью. Въ ней, говорили, была собрана вся Европа. Хозяинъ дома часто ѣздилъ за границу, и изъ каждаго столичнаго города привозилъ что нибудь характерное. Каждый уголъ имѣлъ свою исторію.

Дверь на балконъ была открыта, и зеркала на противопо-

ложной сторонѣ отражали лужайку, находящуюся передъ балкономъ, и двѣ колосальныя ели.

— Ну, вотъ, — сказалъ господинъ, шагнувши изъ дверей гостиной на деревянный полъ, который былъ посланъ на самой землѣ и мѣстами начиналъ уже прогнивать,—удивительное соединеніе роскоши съ убожествомъ. Онъ сошелъ съ балкона и безъ церемоніи сталъ оглядывать стѣны, которыя со стороны сада представляли полный контрастъ съ затѣйливымъ фасадомъ, обращеннымъ на улицу.

— А, представь, мнѣ это нравится, проговорила Манечка, вѣдь теперь такъ мало осталось подобныхъ усадьбъ. Мнѣ нравится, что, когда перешагнешь порогъ гостиной, точно очутишься въ какой-то заброшенной деревенской усадьбѣ. Здѣсь ничто не напоминаетъ города.

— Кромѣ запаха, который несется съ лѣвой стороны?

— Но это чужой дворъ.

— Къ сожалѣнію, запахи не стѣсняются чужими дворами и стремятся распространиться какъ можно дальше и напомнить намъ, что мы несомнѣнно находимся въ городѣ. Слышишь? — повелъ онъ своимъ короткимъ носомъ.

— У тебя, милый, болѣзненное обоняніе. Я ничего не слышу. Я чувствую себя, точно въ деревнѣ, воскликнула она, и широко развела руками.

— Милочка ты моя, поѣдешь, непремѣнно поѣдешь это лѣто въ деревню.

Они взялись за руки и пошли дальше.

Садъ былъ большой и на половину запущенный. Хорошо расчищалась только широкая каштановая аллея. Она начиналась отъ лужайки передъ балкономъ и спускалась затѣмъ внизъ до самаго забора. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ деревья образовали ниши, украшенныя статуями. Въ одной изъ нихъ, самой дальней и самой большой, на гигантскомъ пнѣ былъ устроенъ столъ. Вокругъ него стояла садовая мебель. Ниша эта, окруженная густыми каштанами, называлась капеллой. Это несомнѣнно свидѣтельствовало о томъ, что усадьба принадлежала полякамъ.

Въ капеллѣ никого не оказалось.

— Да гдѣ же это они?—воскликнулъ господинъ.

— Вѣроятно, подъ березками, я знаю ближайшую дорогу.

Манечка быстро свернула на узенькую тропинку. Пройдя нѣсколько саженей среди такихъ густыхъ зарослей, что мѣстами приходилось нагибаться, чтобъ не оцарапать себѣ рукъ и лица, они сразу увидали лужайку, со всѣхъ сторонъ окаймленную гро-

мадными плакучими березами. Эта лужайка составляла какъ бы плято, отъ котораго во всѣ стороны разбѣгались обрывистые спуски, покрытые яркой зеленью. Съ той стороны, откуда зашли наши посѣтители, былъ перекинутъ узенькій мостикъ, дрожавшій подъ ихъ ногами. Здѣсь, на этомъ высокомъ плято, никогда не бывало большой тѣни. Солнце цѣлый день заглядывало сквозь серебристую рѣдкую зелень, и теперь его красноватые лучи придавали еще болѣе прелести этому живописному мѣстечку.

— Вотъ и профессоръ,—воскликнулъ Никита Павловичъ, вставая изъ за стола: милости просимъ. Садитесь, пожалуйста.

— А гдѣ же Клавдія Егоровна?—спросилъ Алексѣй Фомичъ, такъ звали профессора.

— Она сейчасъ взберется къ намъ, вѣдь вы знаете, вашъ маленькій паціентъ послѣ болѣзни командуетъ мамашей, какъ своей рабой.

— Бѣдненькая, она ужасно измучилась. Нѣтъ, право, вамъ бы слѣдовало имѣть другого ребенка,—сказала Манечка.

— О, нѣтъ, — проговорилъ хозяинъ: — это черезъ-чуръ скучно.

— Полноте, не говорите такъ, у насъ четверо, и мы совершенно довольны и счастливы. А вотъ и она вынырнула, — воскликнула Манечка.

На краю плято, дѣйствительно, точно изъ земли выросшая, появилась Клавдія Егоровна. Манечка подбѣжала къ ней, и обѣ женщины дружески расцѣловались. Дѣйствительно, нянюшка имѣла право утверждать, что «наша лучше». Теперь, когда обѣ эти женщины стояли другъ противъ друга, въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Манечка была яркая брюнетка съ маленькимъ вздернутымъ носикомъ и натуральными завитками черныхъ волосъ. Далеко разставленные глаза и пухлый ротикъ придавали наивность ея личику. Клавдія Егоровна была ни брюнетка, ни блондинка. Цвѣтъ лица ея не поражалъ яркими тонами. Ничто во всей ея фигурѣ не выдѣлялось особенной красотой, а между тѣмъ нельзя было оторвать глазъ отъ ея лица. Въ очертаніи ея губъ, улыбалась ли она, говорила, или молчала, было нѣчто неуловимо трогательное и чарующее. Точно какая-то дума залегла въ уголкахъ ея рта, и она никакъ не могла съ нею справиться.

— Гдѣ же вашъ повелитель? — спросилъ ее Алексѣй Фомичъ.

— Узналъ, что вы пріѣхали, и ни за что не хотѣлъ подняться наверхъ.

— Голубчикъ, проговорила Манечка, онъ боится, что опять начнутъ его мучить осмотромъ.

— А что Барминъ,—спросила Клавдія Егоровна,—утвердилъ его министръ?

— Удивительная женщина, — замѣтилъ Никита Павловичъ: — можетъ интересоваться людьми, которыхъ совсѣмъ не знаетъ и никогда даже не видѣла.

— А я могу сказать о тебѣ: вотъ человѣкъ, который никогда никѣмъ не интересуется.

— А знаете, чѣмъ я болѣе всего заинтересованъ въ настоящую минуту? началъ Алексѣй Фомичъ, поглядывая на пустые стаканы и на самоваръ, давно переставшій кипѣть.

— А чѣмъ?—спросила Клавдія Егоровна поспѣшно.

— Чтобъ вы меня напоили чаемъ.

— О, непремѣнно,—воскликнула Клавдія Егоровна,—я уже послала нянюшку. Сейчасъ принесутъ другой самоваръ, и я непремѣнно напою, не безпокойтесь, — добавила она, улыбаясь своей чудной улыбкой.

— На этотъ разъ я вамъ повѣрю, — сказалъ Алексѣй Фомичъ.

Онъ говорилъ все это, ласково улыбаясь, съ той довѣрчивой фамильярностью, какая устанавливается между людьми давно знакомыми и хорошо понимающими другъ друга.

— Да,—замѣтилъ Никита Павловичъ насмѣшливо, — супруга моя можетъ иногда угощать своихъ гостей одними пріятными разговорами.

— Скажите, дорогая,—обратилась Клавдія Егоровна къ Манечкѣ,—развѣ я не умѣю принять своихъ друзей?

— Мнѣ очень нравится, отвѣтила та, что ѣда у васъ не впереди всего. Право, протянула она, въ иномъ домѣ не успѣешь явиться, какъ тебя ужъ начинаютъ пичкать, и это такъ скучно, неправда-ли?

— Въ ожиданіи тепленькаго и сладенькаго стаканчика я растянусь вонъ тамъ, на томъ мѣстечкѣ, откуда еще не сбѣжало солнце. Позволяете, Клавдія Егоровна?

— Сдѣлайте одолженіе,—проговорила она.

Алексѣй Фомичъ снялъ шляпу и простерся на землѣ.

— Боже, какъ хорошо!—воскликнулъ онъ.

— Лежи, лежи, милый,—послала ему Манечка.

Никита Павловичъ въ полуоборотъ посмотрѣлъ по напра-

вленію, гдѣ лежалъ Алексѣй Фомичъ, и Клавдія Егоровна уловила тѣнь неудовольствія, скользнувшую по его лицу.

Она начала очень внимательно разспрашивать Манечку о ея дѣтяхъ. Принесли самоваръ. Никита Павловичъ сидѣлъ молча, позѣвывая исподтишка, и прикрывая ротъ маленькой салфеточкой. Манечка невинно смотрѣла по сторонамъ и весело отвѣчала на разспросы хозяйки, у которой лицо какъ будто подернулось дымкой.

Солнце между тѣмъ сбѣжало даже съ того мѣста, гдѣ лежалъ Алексѣй Фомичъ, и стало тонуть за дальними постройками, которыя зубчатой массой возвышались на горизонтѣ.

— Алексѣй Фомичъ, — закричала Клавдія Егоровна, — не лежите такъ долго на травѣ, недавно шелъ дождь, и я боюсь, что земля еще не совсѣмъ просохла, и къ тому-же вѣдь только начало мая.

Алексѣй Фомичъ вскочилъ и быстро подошелъ къ столу.

— Ужасно люблю лежать на землѣ и смотрѣть въ небо,— заговорилъ онъ торопливо и съ оживленіемъ. Я помню,—продолжалъ онъ,—когда мы съ братомъ пріѣзжали на каникулы домой, я всегда выбиралъ себѣ для ночлега или копну сѣна, или чердакъ какого-нибудь дыряваго сарая, чтобъ имѣть надъ своей головой это необъятное небо. Особенно хорошо въ іюлѣ, ночь темная, и эта бездна звѣздъ. Прелесть.

Никита Павловичъ хранилъ глубокое молчаніе, а Алексѣй Фомичъ, не замѣчая ничего, продолжалъ:

— Неправда ли, Клавдія Егоровна, когда смотришь въ это необъятное, неизмѣримое море звѣздъ, какъ ничтожна кажется тогда наша жизнь со всѣми ея ненужными перегородками.

— О, нѣтъ, нѣтъ,—воскликнула Клавдія Егоровна,—я не могу оторваться отъ моей земной жизни, она меня всю поглощаетъ, и кажется мнѣ иногда такой важной, такой длинной и трудной, безконечно трудной.

— Какимъ это она голосомъ все проговорила, милочка моя,—воскликнула Манечка. Она сорвалась съ мѣста и чмокнула ее въ щеку.

Алексѣй Фомичъ расхохотался, Клавдія Егоровна покраснѣла, а Никита Павловичъ насмѣшливо улыбался.

— Такъ какъ вы всецѣло охвачены земной жизнью, то я буду говорить о вашемъ кузенѣ Барминѣ,—началъ Алексѣй Фомичъ.—Онъ пишетъ, что назначеніе его уже почти состоялось. Да и нѣтъ поводовъ министру не утвердить его, вѣдь онъ

ни въ чемъ не замѣшанъ. Какъ только онъ явится сюда, тотчасъ будетъ вамъ представленъ.

— Какой онъ тамъ кузенъ Клавдіи Егоровнѣ?—замѣтилъ Никита Павловичъ и брезгливо повелъ губами.

— А все же кузенъ, — перебила его Клавдія Егоровна.

— Какъ это пословица говорится: «когда у твоей бабушки кокошникъ горѣлъ, такъ его дѣдушка пришелъ и руки погрѣлъ»,— кажется, подобное родство,—добавилъ Никита Павловичъ.

— Нѣсколько ближе, — отвѣтила Клавдія Егоровна: мой отецъ и его мать двоюродные братъ и сестра.

— Удивительное родство,—протянулъ Никита Павловичъ.

— Ну, посмотрите, пожалуйста; право, вы придираетесь къ каждому ея словечку,—воскликнула Манечка.

— Онъ влюбленъ въ меня, — проговорила Клавдія Егоровна съ такимъ серьезномъ видомъ, что супруги Вознесенскіе расхохотались, а ея супругъ покраснѣлъ и пожалъ плечами.

Алексѣй Фомичъ смотрѣлъ на Клавдію Егоровну съ нескрываемой нѣжностью, какъ смотрятъ взрослые на дѣтей, которыя имъ нравятся.

— Однимъ словомъ,—началъ онъ,—кузенъ онъ вамъ или не кузенъ, но только къ вамъ пріѣдетъ молодой психіатръ, будетъ къ кому обратиться.

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста, — перебилъ его Никита Павловичъ,—не я первый обращусь къ какому-то мальчишкѣ.

— Вотъ те и на, ему тридцать восемь лѣтъ, а мнѣ было всего 36, и это не мѣшало вашей милости обращаться ко мнѣ за помощью.

— Это не я, это все моя жена,—выпалилъ Никита Павловичъ.

— Часъ отъ часу не легче,—смѣясь заговорилъ Алексѣй Фомичъ, — уѣдемъ, Манечка, поскорѣй уѣдемъ: Никита Павловичъ начинаетъ говорить дерзости.

Онъ въ самомъ дѣлѣ поднялся съ мѣста.

— Извините, пожалуйста, — началъ было Никита Павловичъ.

— Э, полноте,—пребилъ его профессоръ,—я не способенъ придавать значенія пустякамъ, мнѣ предстоитъ два консиліума, и хочется передъ этимъ подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Если бы вы были моимъ мужемъ, — проговорила Манечка, прощаясь съ хозяиномъ, — я бы каждый день плакала, вы такой злой.

— Не угодно ли вамъ, — воскликнулъ профессоръ,—что

прикажете дѣлать мужу, если супруга говоритъ подобныя вещи? Извините насъ, Бога ради, Никита Павловичъ, но любовь моей Манечки къ вашей женѣ доходитъ до обожанія. Итакъ, будьте здоровы, до свиданія.

Клавдія Егоровна пошла провожать ихъ.

— Поѣдемте съ нами,—приглашалъ ее Алексѣй Фомичъ.

— Развѣ поѣхать?—колебалась Клавдія Егоровна.

— Поѣдемте, теперь такъ хорошо, пыли нѣтъ. Скорѣй барынѣ кофточку и шляпку,—скомандовалъ онъ слугѣ, стоявшему у экипажа.

Пока слуга бѣгалъ за тѣмъ и другимъ, обѣ женщины вскочили въ фаэтонъ, и между ними завязалась борьба, кому сидѣть на переднемъ мѣстѣ.

Алексѣй Фомичъ съ добродушной усмѣшкой смотрѣлъ на ихъ возню, самъ онъ никогда не дерзалъ сѣсть спиной къ лошадямъ, у него начиналось головокруженіе, и онъ ежеминутно рисковалъ вывалиться изъ экипажа. Борьба ихъ кончилась тѣмъ, что обѣ онѣ усѣлись на переднемъ сидѣньи. Принесли шляпу и кофточку, и лошади тронулись.

— Такъ никто и не желаетъ быть моей сосѣдкой?—спросилъ профессоръ.—Одинъ я въ выигрышѣ, сижу противъ васъ и любуюсь обѣими вами. Въ самомъ дѣлѣ, какія вы обѣ теперь хорошенькія!

— Только теперь?—спросила Манечка.

— Нѣтъ, всегда,—поправился онъ и расхохотался.

Въ это время мимо нихъ промчался экипажъ, кто-то раскланялся съ Алексѣемъ Фомичемъ.

— Ну, бѣда, — сказалъ онъ, — проѣхали Сычовы, будутъ теперь трубить по всему городу, что я *дошелъ* до такого самодурства, что заставляю обѣихъ дамъ сидѣть на переднемъ сидѣньи. Клавдія Егоровна, не компрометируйте вашего доктора, Бога ради, сжальтесь надо мной.

Клавдія Егоровна сжалилась.

— Ну, хвала Аллаху, господа Сычовы успокоятся, мы не станемъ ихъ больше шокировать. Впрочемъ, на кой шутъ говорю я о нихъ, кажется, они этого не стоятъ.

— Конечно, не стоятъ, — сказала Клавдія Егоровна, — лучше разскажите что-нибудь о Барминѣ.

— Вотъ те и на, онъ вашъ кузенъ, а я вамъ о немъ разсказывай; вѣдь я его знаю только по научнымъ сочиненіямъ. Жаль мнѣ его.

— Почему жаль?—спросила его Клавдія Егоровна.

— Потому что у него не будетъ клиники. Ужъ что хуже моего госпиталя, а у него и этого не будетъ. Онъ попросту будетъ висѣть въ воздухѣ.

— Если онъ похожъ на свою мать, то ничѣмъ не станетъ огорчаться. Я помню эту свою тетушку. Она была голубоглазая, со свѣтлыми развивающимися локонами, всегда жизнерадостная, наполнявшая весь домъ веселымъ смѣхомъ. Мой отецъ всегда говорилъ о ней: «наша сіяющая, очаровательная Софочка попалась къ медвѣдю, но къ счастью, доброму медвѣдю, и онъ ее не задавитъ».

— Вы какимъ его желаете видѣть, брюнетомъ или блондиномъ?—спросилъ профессоръ.

— Брюнетовъ я не люблю, — проговорила Клавдія Егоровна и вспыхнула. Супруги переглянулись.

Когда Вознесенскіе подвезли ее домой, было уже совершенно темно.

— Мнѣ ее ужасно жаль,—сказала Манечка,—не любитъ брюнетовъ, а мужъ ея брюнетъ. Она, со своей тоненькой шейкой, напоминаетъ мнѣ водяную лилію.

— А супругъ ея репяхъ—отвѣтилъ профессоръ—и репяхъ непремѣнно задавитъ лилію. Всегда сорная трава глушитъ цвѣты. Вотъ человѣкъ—продолжалъ онъ—какъ будто и хорошъ, и уменъ, ни подъ что подкопаться нельзя, а для меня воня-е-ет-ъ, и кончено.

— Его считаютъ красивымъ и оригинальнымъ, но я-бъ повѣсилась, будь я его женой, это язва какая-то!—воскликнула Манечка.

— Милочка ты моя, твое сердечко требуетъ ласки, большой ласки и нѣжности,—сказалъ профессоръ.

Манечка привскочила на мѣстѣ.

— Въ самое ухо чмокнула,—засмѣялся онъ,—хорошо, что теперь темно. На улицѣ цѣлуются, чтобъ сказали господа Сычовы? Какъ меня безпокоитъ ея ребенокъ!

— А что?—спросила Манечка.

— Сдается мнѣ, что онъ недолговѣченъ, черезъ-чуръ развитъ, а послѣ этой страшной болѣзни сталъ еще нервнѣе и безпокойнѣе. Мать, когда носитъ ребенка, должна быть счастлива и покойна, а эта точно всегда на горячихъ угольяхъ. Она черезъ-чуръ тонко чувствующая для подобнаго субъекта. Это особенно сильно сказывалось во время болѣзни ребенка. Такъ и хотѣлось сказать: «уберите вы его, пожалуйста, онъ только мѣшаетъ намъ». Бѣдная она женщина.

Сердце Манечки переполнилось жалостью къ Клавдіи Егоровнѣ, и всю дорогу до дому они не проронили больше ни одного слова.

II.

— Гдѣ баринъ?—спросила Клавдія Егоровна слугу, отворившаго ей дверь.

— Они были у себя въ кабинетѣ.

Клавдія Егоровна прошла залъ, ярко освѣщенный четырьмя лампами, и заглянула въ кабинетъ. Тамъ не было Никиты Павловича. Изъ гостиной она направилась въ дѣтскую. Это была большая квадратная комната, посреди которой стояли двѣ кровати: одна большая, а другая маленькая. Больше никакой мебели, кромѣ этажерки съ игрушками. Слабый свѣтъ ночника едва освѣщалъ ее. Какой-то особенно живительный ароматъ стоялъ здѣсь. Комната была окнами на югъ, и это солнце лило сюда свою сладость.

Она сѣла у маленькой кроватки и съ безпокойствомъ смотрѣла на своего спящаго малютку. Мальчикъ закинулъ голову и такъ неестественно выгнулъ свою спинку, точно собирался сдѣлать сальто-мортале.

Вошла няня.

— Смотрите, опять онъ такъ странно спитъ, —обратилась къ ней Клавдія Егоровна.

— И часто такъ, матушка: выгнется, выгнется, а начнешь поправлять, проснется и заплачетъ. И какъ это онъ только вязы себѣ не вывихнетъ, голубчикъ нашъ.

Вошла горничная и шепнула Клавдіи Егоровнѣ, что ее проситъ баринъ.

Клавдія Егоровна, не спѣша, вышла.

Никита Павловичъ сидѣлъ въ ея будуарѣ и предавался своему любимому занятію—«набрасывать каррикатуры». На первомъ планѣ былъ Алексѣй Фомичъ. Онъ лежалъ подъ березой, поднявъ обѣ ноги и упершись ими въ стволъ дерева. На выпукломъ его черепѣ не было ни одного волоска, а на лицѣ застыла блаженно-глупая улыбка. Передъ нимъ стояла Манечка, квадратная толстушка съ непомѣрно-вздернутымъ носикомъ, и длинная, какъ жердь, Клавдія Егоровна. Сходство было поразительное. Внизу надпись гласила: «Голубчикъ, какъ онъ хорошо говоритъ».

Онъ протянулъ женѣ листъ съ каррикатурами.

— Знаю, заранѣе знаю, что тамъ нарисовано, и потому не желаю смотрѣть.

— Не любите! Конечно, друзья. А позвольте спросить, гдѣ это вы бѣгали, сударыня?

Клавдія Егоровна молчала.

— Вы сидѣли спиной къ кучеру въ дрянномъ фаэтонишкѣ господина профессора, бранили правительство и защищали жидовъ.

— Да, я сидѣла спиной къ кучеру, мы бранили правительство и защищали жидовъ,—проговорила она машинально.

Ее безпокоила поза ребенка. Въ такомъ видѣ онъ часто спалъ во время своей болѣзни, и Вознесенскій очень не любилъ заставать его съ запрокинутой головой.

— А вотъ я не защищаю ихъ, — началъ Никита Павловичъ.—Въ послѣднемъ засѣданіи, когда этотъ болванъ Комковъ вздумалъ заговорить о Герценштейнѣ, я шепнулъ ближайшему сосѣду: «однимъ жидомъ меньше, и слава Богу»: это, какъ волна, разлилось по собранію.

— Какая храбрость съ вашей стороны. Почему шепнулъ, а не крикнулъ?—проговорила она.

— Потому что я воспитанный человѣкъ, а вотъ вашъ Успенскій, или, какъ бишь его, Воскресенскій...

— Вознесенскій,—поправила Клавдія Егоровна.

— Ну, Вознесенскій, все равно, и то и другое на постномъ маслѣ. Такъ вотъ вашъ Вознесенскій хамъ.

— Дальше что?—спросила она.

— Кто далъ ему право растягиваться на травѣ въ нашемъ присутствіи?

— Право человѣка, которому мы очень многимъ обязаны.

— Чѣмъ же это мы ему обязаны, позвольте васъ спросить, сударыня?

— Тѣмъ, что онъ васъ спасъ и нѣсколько разъ спасалъ нашего ребенка.

— Я ему платилъ за все это.

— Есть вещи, за которыя нельзя заплатить.

— Такъ вы думаете, что профессоръ, какъ его тамъ...

— Вознесенскій,—подсказала она.

— Вознесенскій станетъ къ тебѣ даромъ ѣздить? Попробуй платить ему не 10 рублей за визитъ, какъ ты это дѣлаешь, а 3 рубля: что онъ запоетъ?

— Ко мнѣ лично онъ станетъ и даромъ ѣздить.

— Когда ты поумнѣешь?—воскликнулъ Никита Павловичъ,—ты совершенный младенецъ, къ тому же еще глупый и упрямый младенецъ. Чего стоятъ всѣ твои друзья? До сихъ поръ я не знаю ни одного человѣка, который, подружившись съ тобой, не попросилъ бы у тебя денегъ взаймы.

— Это доказываетъ только, что я дружусь съ людьми нуждающимися.

— А я тебѣ запрещаю распоряжаться моими средствами, слышишь? Я буду требовать отчета въ каждой копейкѣ, истраченной тобой.

— Начинается, — произнесла она брезгливо и махнула рукой.

— Начинается и съ этихъ поръ будетъ всегда продолжаться.

— Я даю то, что принадлежитъ мнѣ, значитъ и разговаривать тутъ нечего, добавила она.

— Тебѣ, прежде всего, ничего не принадлежитъ. Ты получаешь деньги на свои костюмы, раздаешь ихъ разнымъ идіотамъ, а сама ходишь чумичкой.

— Придумайте что-нибудь поновѣе, чѣмъ можно меня мучить, это уже устарѣло.

— Что это за письма вы получаете, сударыня?

Онъ взялъ со стола распечатанный конвертъ и бросилъ ей на колѣни.

Въ письмѣ было слѣдующее:

«Глубокоуважаемая Клавдія Егоровна! Я не смѣю прійти благодарить васъ, вы мнѣ это запретили, но не сказать вамъ, что вы сдѣлали для моего сына—это, значитъ, быть неблагодарной. Вы не только спасли его отъ ссылки, но вы еще дали ему возможность продолжать свое ученіе. Вы...»

— Перестань читать идіотскія письма,—сказалъ онъ.

Она подняла голову и посмотрѣла на него.

— Тебѣ кто далъ право возиться съ террористами?

— Я не знаю никакихъ террористовъ. Этотъ юноша...

— Не желаю слышать ни о какихъ юношахъ. Вѣроятно, его слѣдовало повѣсить, а вы побѣжали къ своему дядюшкѣ, налгали ему въ три короба, и онъ вамъ повѣрилъ?

— И прекрасно, что повѣрилъ, а вотъ вы, вы навѣрное не повѣрили.

— Я не такъ глупъ, какъ вашъ дядюшка. Ты сколько ему сунула?

— Сунула и конецъ. Терпѣть не могу, когда распечатываютъ мои письма, а еще считаете себя джентельменомъ.

— Не джентельменъ, а джентльменъ — поправилъ онъ ее.—Я жду, что въ одинъ прекрасный день вы объявите мнѣ, что роздали все мое состояніе.

— Сегодня вы совсѣмъ не находчивы и не остроумны,— замѣтила она.

— За то вы сегодня очаровательны.—Онъ съ какой-то насмѣшливой нѣжностью посмотрѣлъ на нее.—Конечно, вы считаете себя очень добродѣтельной женщиной?—спросилъ онъ.

— Сравнительно съ вами я сама добродѣтель, конечно.

— И я дѣлаю васъ несчастной, не такъ-ли?

— Да, вы дѣлаете меня несчастной.

— Потому что у меня нѣтъ прописныхъ добродѣтелей?

— Потому что въ васъ ничего нѣтъ.

— Не всѣхъ Богъ одинаково одѣляетъ: овому талантъ, овому два, а овому и шишъ подъ носъ. Но короткости съ господиномъ Вознесенскимъ я не потерплю, вы это слышите?— проговорилъ онъ уже совершенно другимъ тономъ.

— Скажите ему сами, чего проще?

— Это, сударыня, не мое дѣло, вы завели съ нимъ амикошонскія отношенія, вы и расхлебывайте ихъ, а я не желаю вести знакомства съ хамами.

— Благодаря вамъ, я и такъ растеряла всѣхъ своихъ друзей,—проговорила она.

— Я не нуждаюсь ни въ какихъ друзьяхъ. Я знаю, всѣ друзья до черныхъ дней; грянетъ громъ—и друзья разбѣгутся. Только вы не понимаете такихъ простыхъ вещей.

— И не хочу понимать,—воскликнула Клавдія Егоровна.— Я не могу жить съ такимъ холодомъ въ душѣ, съ какимъ живете вы. Пусть лучше я буду ошибаться, но я желаю вѣрить людямъ, а вы ни во что не вѣрите, никого и ничего не любите, кромѣ самого себя.

— Теперь начинай ломать руки,—проговорилъ онъ,—это первый актъ комедіи.

— И не подумаю,—возразила Клавдія Егоровна.

На щекахъ ея появились красныя пятна, и глаза ея горѣли. Она начинала волноваться.

— А что, вотъ я и добился, что ты перестала терзаться моими пороками.

— И перестала любить васъ,—сказала она.

— О, лжешь, лжешь. Никогда этому не повѣрю!

Тутъ онъ сказалъ нѣчто такое, что заставило ее вскочить отъ негодованія.

— Какой цинизмъ!—воскликнула она,—почему вы, всегда со всѣми сдержанный, со мной не стыдитесь раздѣваться до до гола, скажите, пожалуйста?

— Тоже словечко: «раздѣваться до гола», это, сударыня, ваша привилегія—раздѣваться до гола, которой, впрочемъ, вы по глупости никогда не пользуетесь. А почему я не стыжусь васъ, продолжалъ онъ невозмутимо,—потому, что мы съ вами составляемъ одно цѣлое, нераздѣльное.

— Я не могу составлять съ вами одно цѣлое.

— А между тѣмъ составляете, и это тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе вы желаете этому противиться.

— Зачѣмъ вы меня мучаете,—воскликнула она и заплакала.

— Начинается, это второй актъ комедіи—проговорилъ онъ сухо, безъ всякаго раздраженія въ голосѣ.—Терпѣть не могу слезъ, лучше убраться по добру, по здорову.

Онъ вышелъ изъ будуара, хлопнувъ за собою дверью. Она вздрогнула.

— Извините, ваше высочество,—проговорилъ онъ, просовывая голову въ полуоткрытую дверь, — я не хотѣлъ васъ испугать.

И онъ опять хлопнулъ дверью.

Клавдія Егоровна не вздрогнула, она смотрѣла на двери и думала: неужели онъ опять просунетъ голову, и она опять услышитъ этотъ ненавистный голосъ? Голосъ его былъ цѣлая гамма звуковъ. Когда-то онъ очаровывалъ ее этой удивительной способностью выразить голосомъ самыя тончайшія изгибы души своей. Ей казалось, что самое имя ея «Клавдія» онъ умѣлъ произносить на тысячу ладовъ, но это было такъ давно, и продолжалось такъ не долго. Она откинулась на спинку кресла и продолжала плакать. Вотъ она, эта тонкая жестокость, этотъ рафинированный цинизмъ. Что за невыносимая мука! Каждый человѣкъ имѣетъ хоть маленькій уголокъ въ своемъ я, куда не заглядываетъ чужой глазъ, ея же каждое слово, каждое движеніе души подвергается издѣвательству. Чего, чего не перепробовала она за эти три года своей супружеской жизни, и всегда слова его, подобно мутному потоку, лились на всѣ ея молодыя мечты и начинанія, не давая имъ расцвѣсть и окрѣпнуть. Неужели онъ ее любитъ? Эта мысль заставила ее содрогнуться. Онъ никогда не задумывался доводить ее до взрывовъ изступленнаго отчаянія. Повидимому, онъ даже любилъ ее видѣть въ подобномъ состояніи, это была какъ бы пря-

ная приправа къ его желаніямъ. Никогда нельзя было предугадать, а еще меньше предсказать, что можетъ произойти въ слѣдующій часъ. Сегодня онъ осыпалъ ее брильянтами, завтра или даже черезъ нѣсколько часовъ онъ могъ закатить дикую сцену за лишній истраченный ею рубль. Одно было ясно, опредѣленно и неизмѣнно. Пока въ его жизни ничего и никого не существовало, кромѣ ея одной. Даже ребенка своего онъ называлъ не иначе, какъ «мой счастливый соперникъ». Онъ ничѣмъ никогда серьезно не занимался. Онъ упорно отказывался отъ всѣхъ должностей, предлагаемыхъ ему, какъ почетныхъ, такъ равно и денежныхъ, точно желая сохранить все свое время на борьбу съ нею. Еслибъ не ребенокъ, котораго она такъ страстно любила, могла-бъ ли она оставаться въ его домѣ? Никогда! Онъ разъ сказалъ своимъ удивительнымъ жесткимъ голосомъ, что не отдастъ ей ребенка, и она почувствовала, что это такъ и будетъ. Сидя въ креслѣ съ запрокинутой головой, она стала испытывать невѣроятную усталость. Самое сильное желаніе въ ней было: запереть дверь на ключъ и хоть на время остаться одной, но и этого она не смѣла сдѣлать. Онъ способенъ былъ выломать двери.

Пробило двѣнадцать, и, какъ всегда, раздался голосъ Никиты Павловича:

— Ты не спишь еще?—спросилъ онъ, заглядывая въ будуаръ, такимъ тономъ, точно между ними никогда не происходило никакихъ сценъ, и они представляли собой самое счастливое супружество.

Клавдія Егоровна почувствовала, что никакія слова, ничто въ эту минуту не можетъ возстановить ея правъ.

— Ну, иди же сюда, иди, моя милочка, скорѣй.

Въ его голосѣ звучала мольба, но эта мольба могла быстро превратиться въ ярость. И это она прекрасно знала. Какъ часто въ подобныя минуты ей хотѣлось или выскочить изъ окна, или разбить себѣ голову объ стѣну. Она покорно встала и вошла въ спальню, до боли, до дрожи чувствуя свое униженіе. Какой это былъ актъ ея супружеской трагедіи?—думала она; конечно, самый позорнѣйшій.

III.

Клавдія Егоровна только что вернулась изъ сада и перемѣнила ботинки, какъ раздался звонокъ, и вбѣжавшая горничная объявила, что пріѣхалъ профессоръ и съ нимъ еще какой-то

докторъ. Это былъ Барминъ. Она знала. Его ждали со дня на день. Все это время она, не переставая, думала о немъ, сердилась на себя, но мысль ея упорно обвивалась вокругъ этого незнакомаго ей человѣка: точно съ его пріѣздомъ должна была начаться новая эра ея существованія. Конечно, онъ похожъ на тетю Софочку, голубоглазый, жизнерадостный, съ развѣвающимися свѣтлыми волосами. Тетя Софочка умѣла создать вокругъ себя атмосферу любви и беззаботнаго веселья. Сына ея она никогда не видѣла, и это еще болѣе обостряло въ ней жажду познакомиться съ нимъ. Каковъ онъ, этотъ молодой ученый, о которомъ Вознесенскій говоритъ съ такимъ уваженіемъ? Онъ психіатръ, онъ долженъ угадывать чужое страданіе. Какъ отнесется онъ къ ней? Ученый, серьезный, хотѣлось ей думать, но помимо ея воли тетя Софочка и онъ сливались въ одно цѣлое, нараздѣльное. Войдя въ гостиную, она едва не крикнула отъ удивленія, до того Барминъ не былъ похожъ на того кузена, какимъ она его себѣ представляла. Онъ былъ высокаго роста, тонкій, узкоплечій, со сжатой грудью и блѣднымъ лицомъ, на которомъ горѣли два большихъ черныхъ глаза.

— Вотъ и кузенъ вашъ, нашъ молодой профессоръ, отрекомендовалъ его Вознесенскій.

— Я совсѣмъ не такимъ васъ представляла, сказала она, вмѣсто всякаго привѣтствія.

Онъ засмѣялся густымъ басомъ сквозь едва открытый ротъ, и слегка, точно по принужденію, коснулся губами ея руки.

— Нѣтъ, право, васъ подмѣнили, вы совсѣмъ не похожи на тетю Софочку,—прибавила она.

— Очень жаль, что я не оправдалъ вашихъ ожиданій, отвѣтилъ онъ полушутя, полусерьезно.

Она, подавшись нѣсколько впередъ, смотрѣла на него во всѣ глаза.

— Я думала, у васъ свѣтлые, развѣвающіеся волосы и голубые глаза, а теперь я вижу, глаза у васъ трагическіе.

— Неужели!?—воскликнулъ Барминъ и расхохотался.

Вознесенскій тоже смѣялся.

— Такъ у него трагическіе глаза? спросилъ онъ.

— Да, трагическіе.

Она нисколько не стѣснялась тѣмъ, что онъ, повидимому, о ней совсѣмъ не думаетъ и не думалъ, въ то время какъ она даже опредѣлила цвѣтъ его глазъ.

Никита Павловичъ, сидѣвшій въ углу гостиной, нетерпѣливо поводилъ плечами и брезгливо морщился.

— Вы поете? спросила она Бармина.

— Почему вы меня спрашиваете объ этомъ?

— У васъ такой голосъ.

— Да, я могу пѣть, вы угадали.

— Но теперь, началъ Вознесенскій, онъ не поетъ, а вопіетъ, съ нимъ случилось несчастье.

— Что такое, что?—спросила Клавдія Егоровна поспѣшно.

— Я едва не погибъ,—отвѣчалъ Барминъ.—Въ Москвѣ меня отравили рыбой.

— И потому, обратился къ ней Вознесенскій, вы, по праву родства, должны пріютить его, пока онъ найдетъ себѣ квартиру. Ему нельзя ѣсть гостиничныхъ обѣдовъ, а я, вы вѣдь знаете, въ какихъ теперь критическихъ обстоятельствахъ,—и обращаясь въ сторону Никиты Павловича, онъ добавилъ:—я долженъ самъ перебраться на нѣсколько дней въ гостиницу. У меня вѣдь сгорѣла кухня, и половина квартиры залита водой.

У Клавдіи Егоровны при первыхъ словахъ Вознесенскаго сжалось сердце, и пока тотъ говорилъ въ сторону ея мужа, она взглянула на Бармина, и тотъ прочелъ въ ея глазахъ, что ему не слѣдуетъ принимать ея приглашенія, еслибъ оно даже послѣдовало. Произошло неловкое молчаніе, среди котораго раздался голосъ Никиты Павловича:

— Мы будемъ очень рады.

Никакой радости не слышалось въ его тонѣ, и Барминъ поспѣшно проговорилъ:

— Очень вамъ благодаренъ, но я не могу воспользоваться вашей любезностью.

— Напрасно,—перебилъ его Вознесенскій, со свойственнымъ ему непониманіемъ того, что происходитъ въ данную минуту.— Вы рискуете серьезно расхвораться. Вы не знаете, какого ухода требуетъ теперь вашъ желудокъ послѣ той трепки, какую вы ему, сударь, задали. Вы должны убѣдить его, Клавдія Егоровна,—обратился онъ къ ней.—Ему нуженъ хорошій супъ, манная кашка, и хорошее молоко, вы сами знаете, что въ гостиницѣ ничего подобнаго достать нельзя.

Никита Павловичъ не повторилъ своего приглашенія. Клавдія Егоровна сидѣла пристыженная, подавленная и кусала себѣ губы. Положеніе становилось критическимъ, но въ эту минуту дверь изъ столовой распахнулась, и въ гостиную вбѣжалъ очаровательный мальчикъ. Онъ видимо только-что проснулся, щеки его горѣли, коротенькая рубашенка, приподнятая сзади, обнажила его розовое тѣльце. Заливаясь радостнымъ смѣхомъ, от-

того что ему удалось провести свою нянюшку и убѣжать отъ нея, онъ направился было къ матери, но увидавъ Вознесенскаго, съ крикомъ устремился назадъ въ столовую, гдѣ его приняла въ свои объятія спѣшившая за нимъ няня.

— Вотъ онъ, мой паціентъ, обратился Вознесенскій къ Бармину. За то, что я его вылѣчилъ, онъ меня возненавидѣлъ.

Барминъ всталъ и началъ прощаться.

Послѣ ухода гостей Никита Павловичъ началъ было:

— Вашъ глупый кутейникъ хотѣлъ навязать намъ вашего братца на излѣченіе.

— Я не желаю слушать вашихъ пошлостей,—крикнула ему Клавдія Егоровна.

Она топнула ногой и быстро ушла въ садъ. Никита Павловичъ, конечно, не растерялся. То ли еще бывало.

Онъ ушелъ въ кабинетъ, присѣлъ къ столу и какъ всегда хотѣлъ набросать каррикатуру на Бармина, но, увы, никакой каррикатуры не выходило. Имъ овладѣло какое-то непрошенное, непонятное безпокойство, онъ никакъ не могъ уловить чертъ лица только что ушедшаго. Барминъ не выходилъ смѣшнымъ и похожимъ на себя. Настроеніе исчезало. Ему не сидѣлось на мѣстѣ, его тянуло въ садъ, за ней. Что она теперь дѣлаетъ, невольно думалъ онъ, гдѣ она теперь? Посидѣвъ еще нѣсколько минутъ надъ своей безплодной работой, онъ бросилъ карандашъ и вышелъ въ садъ.

На главной аллеѣ ея не было.

Онъ прошелъ среди жимолости на березовую площадку, но и тамъ не нашелъ ее. Безпокойство въ душѣ его усиливалось, онъ злился, но не могъ побороть въ себѣ желанія немедленно увидѣть ее.

Въ каштановой бѣсѣдкѣ ея тоже не было. Онъ спустился въ самый оврагъ, куда не заглядывалъ уже болѣе десятка лѣтъ.

Подымаясь на верхъ, исцарапалъ себѣ всѣ руки. Досада возрастала въ немъ пропорціонально страху. Въ послѣднее время она особенно нетерпѣливо относилась къ его выходкамъ. Что-то неуловимо угрожающее появилось въ ея поведеніи. Проходя мимо бочки, вкопанной въ землю, куда сливалась вода для поливки сада, онъ невольно остановился и заглянулъ въ нее, потомъ, какъ бы испугавшись чего-то, быстро пробѣжалъ главную аллею.

«Что, если она гдѣ нибудь притаилась и наблюдаетъ за нимъ». Не успѣлъ онъ еще хорошенько собрать противорѣчивыхъ мыслей, какъ вдругъ совершенно неожиданно увидалъ ее

сидящей на самой ближайшей скамьѣ къ балкону. Тутъ онъ окончательно растерялся. Отсюда она могла видѣть, какъ онъ искалъ ее и даже, какъ онъ заглянулъ въ бочку и отскочилъ отъ нея.

Что ему дѣлать? сѣсть около нея, или сдѣлать видъ, что онъ ее не замѣтилъ? Глаза ихъ встрѣтились. Лукавая усмѣшка и задорное выраженіе ея лица уничтожили въ немъ всякую попытку овладѣть собой. Онъ неловко примостился на краю скамьи и силился спокойно взглянуть на нее.

— Гдѣ ваша воспитанность? спросила она тихо, стараясь въ свою очередь быть сдержанной, но смѣхъ прыгалъ въ уголкахъ ея розовыхъ губъ.

— Чему ты смѣешься?—спросилъ онъ.

Вмѣсто отвѣта она дѣйствительно засмѣялась.

— Глупо,—замѣтилъ онъ съ досадой, чувствуя, что ведетъ себя не такъ, какъ слѣдовало въ данномъ случаѣ.

Она неудержимо громко расхохоталась.

— Идіотка,—процѣдилъ онъ сквозь зубы.

Продолжая смѣяться, она устремила на него свои глаза, которые показались ему въ этотъ разъ необыкновенно большими, зелеными и загадочными. Дѣлая надъ собой невѣроятное усиліе, чтобъ не разразиться руганью, онъ поспѣшно заговорилъ:

— Все ли готово къ отъѣзду въ деревню? намъ незачѣмъ тутъ оставаться, жарко.

Онъ ожидалъ протеста съ ея стороны. Еще вчера она доказывала, что ребенка опасно увозить въ глушь, гдѣ нельзя имѣть докторской помощи, а теперь она, все съ тѣмъ же задорнымъ выраженіемъ лица, быстро проговорила:

— О, у меня все въ самомъ образцовомъ порядкѣ, все готово къ отъѣзду, мой повелитель.

— Какимъ глупымъ тономъ ты все это говоришь,—замѣтилъ онъ.

Вмѣсто отвѣта, она неудержимо расхохоталась.

— Прійди, пожалуйста, въ нормальный видъ,—воскликнулъ онъ уже съ нескрываемымъ раздраженіемъ.—Съ тобой невозможно говорить... Это глупо.

Онъ всталъ и быстро направился къ дому, какъ-то неестественно вздернувъ плечи и размахивая палкой на ходу.

Она повалилась на скамью и хохотала такъ долго, что съ нею едва не сдѣлался истерическій припадокъ. Къ вечернему чаю она совсѣмъ не вышла, и онъ не послалъ просить ее и самъ не явился за ней, какъ это всегда случалось раньше. Она не

могла себѣ дать яснаго отчета, почему ей хотѣлось смѣяться теперь и смѣяться чуть не до смерти, но только она никогда ничего подобнаго не испытывала. Разозленная и униженная тѣмъ, что не могла помочь своему больному родственнику, она выбѣжала въ садъ и сѣла на первую попавшуюся скамью. Когда она увидѣла, какъ онъ началъ ее искать, какъ бѣгалъ по саду, заглядывая во все уголки и даже въ бочку съ водой, она почувствовала приливъ необычайнаго веселья. Сконфуженный видъ Никиты Павловича еще болѣе раззадорилъ ее. Теперь, пусть онъ выльетъ на нее весь свой запасъ циничныхъ остротъ и шутокъ, пусть разразится самой площадной руганью, она не заплачетъ, она будетъ хохотать и хохотать.

Никита Павловичъ всегда читалъ въ постели. По его мнѣнію, это разнообразило сновидѣнія. Въ этотъ вечеръ онъ особенно напряженно не отрывался отъ книги, но передъ тѣмъ, какъ потушить лампу, онъ обернулся къ ней, и вдругъ увидалъ, что она лежитъ съ открытыми глазами, готовая тотчасъ разразиться смѣхомъ. Желаніе задушить ее и страхъ передъ этой мыслью одновременно пронизали его сознаніе. Онъ шумно захлопнулъ книжку, потушилъ лампу и, закутавшись съ головой въ одѣяло, силился успокоиться. Предчувствіе чего-то страшнаго, неизбѣжнаго заставляло его дрожать, какъ въ лихорадкѣ. Первый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, ей удалось выбить его изъ колеи. «Этого человѣка нужно высмѣивать», думала она съ радостнымъ сознаніемъ, что наконецъ ей удалось найти средство оставаться побѣдительницей.

VI.

Клавдія Егоровна очень скоро сознала, что высмѣиваніе далеко ненадежное орудіе, особенно въ ея рукахъ. Оно совсѣмъ не гармонировало съ ея любвеобильной природой. А когда жизнь выдвигаетъ серьезный поводъ къ борьбѣ, то гдѣ ужъ тутъ смѣяться. Ей предстояло сломить упорное желаніе Никиты Павловича везти ее и сына въ деревню. Имѣніе ихъ находилось далеко отъ губернскаго города и въ 30-ти верстахъ отъ станціи желѣзной дороги. Ея зоркій материнскій глазъ сталъ улавливать какую-то перемѣну въ ребенкѣ. Трудно было опредѣлить, что происходитъ съ нимъ, но послѣдніе дни онъ точно потухалъ. Позвали Вознесенскаго. Мальчикъ отнесся къ нему совершенно апатично. Это тоже былъ дурной знакъ. Профессоръ нашелъ, что у него неестественно расши-

рены зрачки, и совѣтовалъ родителямъ не раздражать и не утомлять ребенка длинной дорогой, подождать, пока выяснится, что происходитъ съ нимъ. Послѣ отъѣзда профессора Никита Павловичъ обрушился цѣлымъ потокомъ обидныхъ словъ и предположеній по адресу уѣхавшаго. Выходило такъ, что тотъ чуть ли не основываетъ все свое благосостояніе на мнимой болѣзни ихъ сына. Ужъ если ей непремѣнно хочется, чтобы сынъ ихъ превратился въ гусыню, несущую для ея пріятеля золотые яйца, пусть мальчикъ остается въ городѣ, а они уѣдутъ. Даже нянюшка, всегда снисходительная, вынянчившая самого Никиту Павловича, возмутилась этимъ обиднымъ пустословіемъ.

— Креста на тебѣ нѣтъ!—воскликнула она.—Родителевъ своихъ огорчалъ, жену хорошую мучишь, свою единственную плоть не жалѣешь, людей честныхъ позоришь.

Никита Павловичъ невозмутимо выслушалъ всю эту тираду, и рѣшилъ сразу покончить со всей этой исторіей. Отъѣздъ ихъ предполагался на другой день. Онъ позвалъ горничную и приказалъ ей поскорѣй укладываться, они ѣдутъ сегодня съ восьмичасовымъ поѣздомъ.

Первымъ побужденіемъ Клавдіи Егоровны было кинуться на него, или швырнуть ему въ лицо что нибудь тяжелое, и она опустилась въ кресло, совершенно подавленная сознаніемъ своего безсилія. Хоть бы онъ ушелъ и оставилъ ее одну, мучительно думалось ей. Но Никита Павловичъ сидѣлъ тутъ и упорно смотрѣлъ на нее. Его пронизала мысль, что она, чего добраго, убѣжитъ изъ дому, и онъ рѣшилъ ее стеречь. Однако оставаться долго на одномъ мѣстѣ было не въ его характерѣ, его потянуло въ кабинетъ набрасывать каррикатуры. На порогѣ будуара онъ обернулся и сказалъ по французски:

— Если вы уйдете изъ дому, я возьму ребенка и увезу его въ деревню.

Она молчала. Когда онъ скрылся за дверью, вздохъ облегченія вырвался изъ ея груди. Какъ она его ненавидѣла въ эту минуту! Подойди онъ къ ней, она способна была или укусить, или больно ударить его. Ей припомнился разсказъ одного врача, который сопровождалъ партію преступныхъ женщинъ на Сахалинъ. Изъ 62-хъ преступницъ, говорилъ онъ, 40 были осуждены за убійство своихъ мужей, и только одна изъ нихъ 42-хъ лѣтъ отравила своего мужа вмѣстѣ со своимъ любовникомъ, всѣ же остальныя были молодыя, симпатичныя женщины между 18—25-ью годами. Она тогда не была замужемъ и ее возмутилъ этотъ разсказъ. «Развѣ не могли онѣ уйти отъ своихъ мужей?» Теперь она всѣмъ

своимъ существомъ понимала этихъ несчастныхъ, доведенныхъ издѣвательствомъ до преступленія. Когда Никита Павловичъ опять появился на порогѣ будуара, онъ увидалъ, что она дѣятельно помогаетъ горничной укладываться.

— Мы беремъ ребенка?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, онъ останется здѣсь—сказала она, не оборачиваясь, и такимъ тономъ, что Никита Павловичъ тотчасъ сообразилъ, что безполезно протестовать. Однако онъ не почувствовалъ удовлетворенія. Она что-то замышляетъ, думалъ онъ. Ему до страсти захотѣлось или заключить ее въ свои объятія, или заставить ее протестовать. Что за спокойствіе...

— Анисья,—обратился онъ къ горничной,—позовите, сюда экономку.

— Анисьѣ нельзя уходить, мы не успѣемъ уложиться—сказала она твердо, и подошедши къ письменному столу, начала что-то писать.

— Ты кому пишешь?—спросилъ онъ.

— Подожди, сейчасъ—отвѣтила она, и черезъ нѣсколько минутъ подала ему листикъ бумаги, тамъ стояло:

1 пудъ сахару рафинаду.

1 пудъ—и все въ такомъ же родѣ.

Никита Павловичъ почувствовалъ себя разочарованнымъ. Онъ думалъ, что она писала ему.

— Еще забыла—проговорила она и, взявъ изъ его рукъ листикъ, приписала это нѣчто. Онъ невольно улыбнулся. Это нѣчто былъ его любимый молочный шоколадъ.

— Пусть Фекла Васильевна немедленно ѣдетъ за покупками,—сказала она, и опять принялась рыться въ своемъ шифоньерѣ. Никитѣ Павловичу ничего не оставалось, какъ продолжать начатое имъ дѣло. Когда онъ вышелъ изъ будуара, Клавдія Егоровна, не оборачиваясь, спиной почувствовала, что онъ ушелъ изъ ея комнаты. Нѣтъ, думала она, я рѣшительно потеряла способность переносить его присутствіе. Обѣдали они молча, Никита Павловичъ постоянно съ напряженіемъ наблюдалъ за ней. Подали лошадей. Клавдія Егоровна долго прощалась со своимъ ребенкомъ и затѣмъ приказала нянюшкѣ увести его въ садъ, чтобъ онъ не видалъ ихъ отъѣзда. Никита Павловичъ чувствовалъ себя совсѣмъ сбитымъ съ толку. Что означала вся эта суровая покорность и даже предупредительность? Говорить не желаетъ, а о шоколадѣ вспомнила. Что она затѣваетъ? Она поднесла платокъ къ глазамъ, неужели она плачетъ, почему она не попроситъ его остаться? Желаніе ѣхать въ деревню уже давно покинуло его,

но ему неловко отступить, садовникъ повезъ вещи, провизію и, вѣроятно, уже успѣлъ взять билеты. Какъ хорошо было-бы свалить всю эту неудавшуюся затѣю на нее. Когда они садились въ экипажъ, Клавдія Егоровна обернулась къ нему и торопливо проговорила.

— Никъ, представь, я забыла лиловый мѣшечекъ въ шифоньерѣ, а тамъ всѣ мои деревенскіе ключи.

Не обратись она къ нему со словомъ Никъ, онъ не тронулся-бъ съ мѣста. Но слово Никъ разсѣяло всѣ его подозрѣнія; оно такъ давно не было на ея устахъ.

— Гдѣ же ключъ отъ шифоньера?—спросилъ онъ.

Она заглянула въ сумочку, и съ виноватой улыбкой проговорила по-французски:

— Я, вѣроятно, не вынула изъ замка. Никита Павловичъ укоризненно покачалъ головой и быстро направился въ домъ. Когда онъ возвратился, неся въ рукахъ лиловый мѣшочекъ и въ сердцѣ досаду на себя, ни жены его, ни лошадей не было у подъѣзда. Сконфуженный лакей бормоталъ что-то, чего онъ никакъ не могъ разобрать, а горничная, какъ болѣе смѣлая, объявила, что барыня поѣхали догонять профессора Вознесенскаго: имъ нужно что-то у нихъ спросить и они сейчасъ вернутся. Никита Павловичъ невозмутимо прослушалъ всю эту импровизацію. Онъ прекрасно зналъ, что она вернется развѣ только послѣ отхода поѣзда. Какъ въ тотъ день перваго визита Бармина, что-то непонятное и страшное надвинулось на него. Нарочно ли она продѣлала всю эту исторію съ мѣшочкомъ, или, увидавъ Вознесенскаго, она неожиданно для самой себя помчалась за нимъ. Вѣдь и это было совершенно въ ея характерѣ. Ему страстно хотѣлось разспросить прислугу, сидѣлъ ли Барминъ въ экипажѣ. Теперь у нея будетъ не одинъ, а два пріятеля въ городѣ.

— Здравствуйте,—закричала Клавдія Егоровна, когда ея экипажъ поравнялся съ экипажемъ Вознесенскаго; на передней скамьѣ сидѣлъ Барминъ.

Не дожидаясь приглашенія, она выскочила изъ коляски и сѣла около своего кузена.

— Я съ трудомъ догнала васъ—и, обернувшись къ Бармину, спросила—какъ ваше здоровье?

— Ничего, очень благодаренъ. Вамъ неловко сидѣть. Можетъ быть, мнѣ лучше пересѣсть къ вамъ въ вашъ экипажъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ, сидите, я вѣдь ненадолго. Мнѣ всего нѣсколько словъ... Какъ я васъ люблю, Алексѣй Фомичъ—вдругъ

обратилась она къ профессору. Тотъ искренно расхохотался, и взявши ея руку поднесъ ее къ губамъ.

— Я хочу спросить васъ, можно мнѣ моего мальчика повезти въ Севастополь.

— Ни подъ какимъ видомъ!—воскликнулъ профессоръ—что вы за нетерпѣливый народъ, ну подождите нѣсколько дней, повеселѣетъ, оживится ребенокъ и вы повезете его въ деревню. А теперь ему нуженъ покой, какъ можно меньше впечатлѣній. Она глубоко вздохнула и откинулась на спинку экипажа. Барминъ исподтишка съ любопытствомъ разглядывалъ ее.

— А что,—спросила она—ваша квартира будетъ скоро готова?

— Мы не переѣзжали въ гостиницу—отвѣчала Манечка поспѣшно—вѣдь пострадала главнымъ образомъ кухня и ваша любимая голубая комната.

— Какъ, нѣтъ значитъ моей любимой голубой комнаты!—воскликнула Клавдія Егоровна.

— Напротивъ—вмѣшался профессоръ—она стала еще голубѣе; ее оклеили новыми обоями.

— Какое счастье, какое счастье!—захлопала она въ ладоши.

Барминъ засмѣялся своимъ густымъ смѣхомъ и подумалъ: чему она такъ обрадовалась, ребенокъ она еще, или кривляется?

— Сегодня вечеромъ я пріѣду къ вамъ и привезу съ собой одного молодого человѣка—сказала Клавдія Егоровна.

— Молодого человѣка,—воскликнула Манечка—съ какихъ поръ у васъ въ домѣ завелись молодые человѣки?

— Я знаю, кто этотъ молодой человѣкъ—это Павелъ Никитичъ.

— Вы угадали, конечно, вы угадали—проговорила Клавдія Егоровна, и, положивъ свою руку на руку профессора, она почти прошептала: какъ я вамъ благодарна, Алексѣй Фомичъ.

— У васъ завелись секреты съ моимъ мужемъ,—начала Манечка—смотрите, я васъ, милочка, приревную.

— Не бойтесь—отвѣчала Клавдія Егоровна—я уже влюблена.

— Въ молодого человѣка?—спросила Манечка.

— Конечно. Однако, который часъ, обратилась она къ Бармину.

— Безъ пяти минутъ восемъ.

— Вотъ и прекрасно. Теперь я поѣду домой. Черезъ часъ, милашечка, я буду у васъ съ молодымъ человѣкомъ—и,

пересаживаясь къ себѣ въ свой экипажъ, она продекламировала: «Онъ статный юноша въ кудряхъ. Полукафтанъ на немъ широкій. И шляпа черная въ рукахъ».

— Плотина прорвалась,—проговорилъ профессоръ, когда экипажъ Загариной скрылся изъ виду.

— Я ничего не понимаю—замѣтила Манечка.

— Павелъ Никитичъ—это сынъ Никиты Павловича, она привезетъ его сегодня вечеромъ къ намъ, нужно спасать мальчика отъ сумасбродныхъ выходокъ папаши. Ребенокъ плохъ, совсѣмъ плохъ, а лѣвая нога папаши захотѣла ѣхать въ деревню. Семенъ,—позвалъ онъ кучера—поворачивай домой. Мы приготовимъ ей голубую комнату.

— Какъ она все это устроитъ,—воскликнула Манечка.— Онъ сгноитъ ее упреками и придирками.

— Да, проговорилъ Вознесенскій, обращаясь къ Бармину, какія колизіи бываютъ въ жизни. Вамъ еще и не то предстоитъ.

Солнце садилось, и лучи его, подобно гигантскому огненному вѣеру, сверкали на горизонтѣ. Наканунѣ шелъ проливной дождь, и воздухъ былъ чистъ и прозраченъ, безъ той удручающей мглы, какая вотъ ужъ нѣсколько недѣль стояла надъ городомъ. Клавдія Егоровна равнодушно смотрѣла на чудную картину, разстилавшуюся передъ ней, и думала: «Цѣлый день я лгала, притворялась и хитрила; я такъ ненавидѣла всякую ложь, а теперь... Неужели предстоитъ выдержать сцену со своимъ супругомъ, вынести этотъ потокъ ненавистныхъ ей словъ, нѣтъ, нѣтъ, она не выйдетъ изъ экипажа, она пошлетъ Ивана за ребенкомъ, Иванъ скажетъ, что барыня хочетъ покатать панича, чтобъ паничъ лучше заснулъ. Мальчикъ плохо спитъ. Она отвезетъ его къ Вознесенскому. Она начнетъ открытую борьбу съ нимъ. Она его ненавидитъ. Дядя заступится за нее».

На встрѣчу ей мчался парный извозчикъ. Они разъѣхались. Кучеръ привсталъ на козлахъ и закричалъ во все горло:

— Иванъ, Иванъ!

Сидѣвшій на извозчикѣ человѣкъ былъ дѣйствительно Иванъ. Онъ соскочилъ и подбѣжалъ къ Клавдіи Егоровнѣ.

— Паничъ...—началъ онъ и запнулся.

— Что паничъ, да говори-жъ Бога ради!

— Няня... родимчикъ съ ними приключился,—выпалилъ онъ наконецъ.

V.

Клавдія Егоровна стояла на колѣняхъ передъ маленькимъ диванчикомъ. Схватившись руками за голову и зажавъ уши, она

все-жъ не могла не слышать этого ужаснаго крика. Уже нѣсколько дней, какъ мальчикъ ея, находящійся въ полномъ безсознательномъ состояніи, по временамъ начиналъ кричать. Происходило ли это отъ боли или отъ чего другого, но этотъ дикій ревъ, въ которомъ слышались и страданіе и вмѣстѣ безуміе, сводилъ ее съ ума. Цѣлыхъ двѣ недѣли она помогаетъ докторамъ вырвать его изъ рукъ смерти, цѣлыхъ двѣ недѣли она ежечасно твердитъ себѣ, что смерть лучше того состоянія, въ какомъ онъ находится, что лучше потерять ребенка, чѣмъ имѣть его идіотомъ, но увы, за два года этотъ маленькій человѣкъ былъ единственнымъ существомъ, которое она любила со всей страстью, со всей нѣжностью, присущей ея натурѣ. Она такъ много ломала себя, такъ много потратила на него силъ, ума и здоровья, что потерять его—эта мысль не укладывалась въ ея истерзанной душѣ. Нѣтъ, нѣтъ, онъ выздоровѣетъ, онъ долженъ выздоровѣть. Должно совершиться чудо, онъ долженъ остаться живъ! Пусть будетъ, что будетъ, она станетъ любить его такимъ, каковъ онъ есть; она своею любовью, своими заботами вдохнетъ въ него умъ и душу. О, еслибъ она могла молиться! но она не можетъ, и это дѣлаетъ ея страданіе острымъ до невыносимости. Ей стало казаться, что онъ уже пересталъ кричать. Кто-то вошелъ въ гостиную, кто-то взялъ ее за плечи. Она быстро вскочила. Передъ ней стоялъ Вознесенскій. Обыкновенно, когда онъ входилъ послѣ подобныхъ припадковъ, онъ говорилъ ей: «Идите къ нему, идите, онъ уже успокоился». Она взглянула на доктора: лицо его было блѣдно и губы слегка дрожали. Онъ смотрѣлъ на нее и не могъ произнести ни слова. Что-то тяжелое и страшное поднялось изъ глубины ея души, ударило въ голову и вдругъ опять съ такой же силой отхлынуло назадъ. Она схватила обѣими руками плечи доктора, закинула голову и смотрѣла на него остановившимися безумными глазами.

— Клавдія Егоровна, голубушка моя, опомнитесь,—говорилъ онъ: Бога ради, опомнитесь! и видя, что она продолжаетъ стоять, точно въ столбнякѣ, онъ взялъ ее за плечи и, тряся, со слезами, которыя неудержимо лились изъ его глазъ, твердилъ: «Онъ умеръ, умеръ! Плачьте, кричите! Вашъ мальчикъ умеръ, кричите, дорогая, плачьте...»

Послѣ бурнаго припадка отчаянія, въ продолженіи котораго Вознесенскій и Барминъ едва могли справиться съ ней, она съ искусанными до крови губами, съ распухшими вѣками, какъ-то неестественно выпрямившись, стояла около своего мертваго ребенка. Нарочно подпилили ножки стола, чтобы ей удобнѣе было

смотрѣть на него. На ея лицѣ застыло ожесточеніе. Никита Павловичъ умолялъ докторовъ не позволять ей оставаться долго у трупа, но они настаивали на томъ, что теперь, въ томъ состояніи, въ какомъ она находится, слѣдуетъ позволить ей дѣлать все, чего она пожелаетъ.

— Никакихъ насилій, Бога ради, никакихъ насилій!—настаивали они, обращаясь къ Никитѣ Павловичу. Теперь, когда острый приступъ прошелъ, ея собственное я лучше всѣхъ насъ сумѣетъ вынести ее изъ тяжелаго напряженія.

И такъ она стояла и не сводила глазъ съ маленькаго желтаго личика. Носикъ его заострился, глаза ввалились, и около нихъ уже образовались несомнѣнные признаки смерти.

По другую сторону находился Никита Павловичъ. Онъ казался такимъ маленькимъ, такимъ жалкимъ. Все время болѣзни его ребенка его точно не существовало, была она—мать. Даже больной ребенокъ интересовалъ всѣхъ настолько, насколько его болѣзнь и смерть могутъ причинить страданія этой матери.

Никита Павловичъ не могъ дать себѣ яснаго отчета, жалѣетъ ли онъ своего сына, любилъ ли онъ его когда-нибудь; онъ чувствовалъ только, что смерть этого малютки должна произвести переворотъ въ его жизни. Что будетъ—неизвѣстно, но неизвѣстность эта леденила его кровь и заставляла отъ времени до времени вздрагивать. Онъ смотрѣлъ не на блѣдное личико своего погибшаго сына, а на искаженное страданіемъ лицо матери. Ему хотѣлось что-нибудь сказать ей, что-нибудь такое, что могло приблизить его къ ней, и не находилъ въ своемъ богатомъ лексиконѣ острыхъ и насмѣшливыхъ словъ ни одного подходящаго выраженія. Но желаніе обратить ея вниманіе на себя росло въ немъ съ такой неудержимой силой, что онъ не могъ наконецъ побороть своей жажды услышать звукъ ея голоса.

— Клавдія,—позвалъ онъ ее.

Она, видимо, не слышала его.

— Клавдія, дорогая моя дѣвочка!—опять позвалъ онъ ее.

Она подняла голову, и глаза ихъ встрѣтились. Онъ прочелъ въ нихъ полное къ себѣ равнодушіе. Она смотрѣла какъ будто не на него, а сквозь него.

— Клавдія, дорогая моя! позволь мнѣ стать рядомъ съ тобою,—произнесъ онъ умоляющимъ голосомъ.

Она какъ будто силилась вникнуть въ смыслъ этихъ словъ; голосъ его показался ей совсѣмъ чужимъ, незнакомымъ и далекимъ.

— Позволь мнѣ стать рядомъ съ тобой,—опять попросилъ онъ.

— Зачѣмъ?—проговорила она, и въ этомъ словѣ, сказанномъ глухимъ, страдальческимъ голосомъ, онъ почувствовалъ, что совершенно безполезно—и не только безполезно, но даже опасно настаивать на своемъ желаніи. Онъ продолжалъ стоять и смотрѣть на нее. Вошла няня. Она подошла къ Клавдіи Егоровнѣ, остановилась возлѣ нея и устремила на мертваго ребенка свои потухшіе отъ старости глаза.

— Ахъ, няня,—простонала Клавдія Егоровна: нѣтъ нашего мальчика! и, повалившись ей на плечо такъ, что старушка едва могла ее сдерживать, она заплакала тихо, горько, какъ плачетъ человѣкъ, который понялъ наконецъ все свое горе и покорился ему. Няня бережно охватила ее, и обѣ, сгорбившись и всхлипывая, удалились изъ комнаты.

Никита Павловичъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ, и лицо его, по мѣрѣ того, какъ онѣ уходили, принимало землистый цвѣтъ. Какой актъ комедіи былъ это? Несомнѣнно, тотъ актъ, въ которомъ онъ всѣмъ своимъ существомъ чувствовалъ, что онъ ей совершенно чужой, болѣе чужой, чѣмъ эта старая женщина, даже болѣе чужой, чѣмъ гробовщикъ, который вошелъ въ залъ и съ серьезнымъ лицомъ сталъ снимать мѣрку съ маленькаго трупика. Этотъ гробовщикъ пойдетъ къ ней, и она безъ раздраженія станетъ съ нимъ говорить. Одинъ онъ обреченъ на полное одиночество. Онъ стоялъ, смотрѣлъ на мертваго ребенка, и ему начало казаться, что самъ онъ уже на половину умеръ. Онъ, шатаясь, подошелъ къ кушеткѣ и почти безъ чувствъ опустился на нее.

VI.

Когда зарывали въ землю маленькій бѣлый гробикъ, Клавдія Егоровна, не выпуская рукъ Вознесенскаго и не оборачиваясь въ сторону мужа, стояла блѣдная, безжизненная, съ сухими глазами. Въ этотъ день она совсѣмъ не плакала, но по выраженію ея лица видно было, что она страдаетъ, и страдаетъ глубоко. Никита Павловичъ не сводилъ съ нея глазъ, и вдругъ то, чего онъ прежде никогда не хотѣлъ допустить, теперь стояло передъ нимъ грознымъ, непобѣдимымъ фактомъ. Цѣпь, связывавшая ихъ, оборвалась. Она имѣетъ свою волю и отнынѣ будетъ поступать согласно своимъ желаніямъ. Отнынѣ ему предстоитъ или опять

завоевать ее, или навсегда уйти съ ея дороги. Повинуясь внѣшней дисциплинѣ, которая никогда при постороннихъ не покидала его, онъ пошелъ первый на встрѣчу ея рѣшенію.

— Дорогой, — обратился онъ къ Вознесенскому: — пожалуйста, пріютите жену мою на нѣсколько дней; ей тяжело будетъ вернуться домой.

И когда Вознесенскіе отвѣтили, что у нихъ уже приготовлена для нея комната, онъ проговорилъ быстро и ни на кого не глядя:

— Я тоже не вернусь къ себѣ, я переѣду въ гостиницу.

Клавдія Егоровна все такъ же неподвижно стояла подъ руку съ Вознесенскимъ и смотрѣла передъ собой, ничего не видя и ничего не сознавая.

Когда всѣ вышли за ворота кладбища, Никита Павловичъ предоставилъ свой экипажъ въ распоряженіе Вознесенскихъ, а самъ объявилъ, что пойдетъ пѣшкомъ, обѣщая на другой день заѣхать провѣдать жену. Подсаживая Манечку, онъ почему-то два раза поцѣловалъ протянутую ему руку.

— И его скрутило, — подумала Манечка.

Экипажъ тронулся, и Никита Павловичъ, вмѣсто того, чтобы вернуться въ городъ, побрелъ отъ него совсѣмъ въ противоположную сторону. Чувство пустоты и одиночества, охватившее его, разросталось съ невѣроятной силой. Онъ вскорѣ вышелъ за черту города и шелъ вдоль шоссе, по узенькой дорожкѣ, протоптанной пѣшеходами. Онъ не отдавалъ себѣ отчета, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Хотя онъ не раздѣвался и не спалъ три ночи, онъ не чувствовалъ ни малѣйшей усталости, онъ бы хотѣлъ идти до безконечности, какъ вѣчный жидъ, потому что ничто теперь не могло ни успокоить его, ни наполнить той пустоты, которая грозила ему въ будущемъ. Пройдя верстъ пять, онъ вдругъ совершенно неожиданно наткнулся на оврагъ, который служилъ свалочнымъ мѣстомъ нагорной части города. Не возвышайся кучи мусора по всему краю этого провалья, онъ бы могъ свалиться въ него. Теперь онъ остановился и, убѣдившись, что его нельзя ни перейти, ни обойти, сѣлъ на землю, обхватилъ колѣни руками и предался отчаянію. То, что онъ вдругъ очутился у свалочнаго мѣста, казалось ему теперь предначертаніемъ свыше. Онъ самъ собственными руками задушилъ свою жизнь. Ему и мѣсто здѣсь, у этого оврага, куда городъ свозитъ свои нечистоты. Онъ никуда не уйдетъ, онъ будетъ сидѣть здѣсь. Вѣдь онъ никогда не увидитъ ее и не услышитъ ея голоса. Она не сказала ему, что уходитъ, но развѣ не знаетъ онъ этого? Вся ихъ су-

пружеская жизнь была преддверіемъ того, что должно было случиться рано или поздно. Онъ, какъ слѣпой, упорно топталъ ее, и она ушла, она должна была уйти. Нѣтъ ея, нѣтъ! Эти слова наполнили для него весь міръ. Они стучали ему въ виски и остріемъ вонзались въ сердце.

Была глубокая ночь, когда онъ возвратился въ городъ. По календарю полагалась луна, но ея не было, и улицы утопали во мракѣ. Онъ направился къ себѣ. Долго не открывалась дверь на его звонокъ; наконецъ послышались шаги, и испуганный голосъ горничной спросилъ:

— Кто тамъ?

Его впустили.

— Не было никакихъ извѣстій отъ доктора Вознесенскаго?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, никакихъ.

Онъ зналъ, что другого отвѣта получить нельзя, но какая-то смутная надежда помимо его воли зашевелилась гдѣ-то тамъ, въ его душѣ.

— А нянюшка дома?—опять спросилъ онъ.

— Нянюшка приходила, забрала вещи для барыни и опять ушла, — отвѣчала горничная. — Нянюшка говорила, что ваша милость будете ночевать въ гостиницѣ, — добавила горничная.

Весь этотъ разговоръ происходилъ въ передней.

Когда онъ вошелъ въ залъ, столъ, на которомъ лежалъ мертвый ребенокъ, былъ убранъ, но растенія остались на прежнемъ мѣстѣ, образуя полукругъ. Легкій трупный запахъ заглушался ѣдкимъ ароматомъ увядающихъ цвѣтовъ. На полу валялись растоптанныя розы, и цѣлый вѣнокъ свѣжихъ цвѣтовъ, растрепанный и помятый, лежалъ тутъ-же на ближайшемъ креслѣ. Никита Павловичъ присѣлъ на диванчикъ. Какъ все это скоро кончилось! Онъ бы хотѣлъ, чтобы она стояла тамъ, въ полукругѣ растеній, со сжатыми губами, не позволяя ему подойти къ себѣ. Даже то состояніе его душевной муки было лучше теперешняго всепоглощающаго сознанія, что онъ навсегда потерялъ ее. Здѣсь, среди знакомой обстановки, онъ почувствовалъ себя еще болѣе раздавленнымъ, уничтоженнымъ.

— Боже, Боже! — простоналъ онъ, ломая руки:—какъ я буду жить безъ нея, какъ буду жить.

Вошли заспанные слуги и хотѣли убрать растенія.

— Не троньте! — закричалъ онъ:—пусть все остается по прежнему.

Тамъ, въ полукругѣ этихъ пальмъ, какъ будто еще остава-

лась частица ея самой. Онъ долго, упорно смотрѣлъ въ это пустое пространство, желая вызвать ея образъ. Наконецъ ему страстно, до боли захотѣлось увидѣть ее. Въ кабинетѣ, надъ его письменнымъ столомъ, висѣлъ ея большой портретъ.

Извѣстный художникъ нарисовалъ ее en face. Въ ея свѣтлыхъ глазахъ отражалась молодая, еще нетронутая горемъ, душа. Она улыбалась, и улыбка ея была торжествующая. Когда ее рисовали, она чувствовала себя счастливой невѣстой любимаго человѣка. Этотъ портретъ не удовлетворялъ его теперь, онъ хотѣлъ бы ее видѣть измученной, съ потухшимъ взглядомъ и распухшимъ отъ слезъ лицомъ.

— Дѣвочка моя, дѣвочка,—шепталъ онъ, до боли сжимая пальцы.

Разбитый, едва передвигая ноги, онъ взялъ свѣчу и побрелъ въ свою одинокую спальню. Первое, что ему бросилось въ глаза, это былъ ея розовый легкій капотикъ, который она всегда по утрамъ набрасывала на свои худенькія плечи, спѣша въ дѣтскую. Онъ схватилъ этотъ капотикъ, завернулся въ него съ головой, бросился на постель и сталъ громко, судорожно рыдать.

Онъ звалъ ее, сначала тихо, а потомъ все громче и громче...

— Баринъ, а баринъ,—раздался надъ нимъ чей-то голосъ:—проснитесь, баринъ.

Онъ вздрогнулъ и вскочилъ на ноги.

— Вы, баринъ, кричали и звали барыню во снѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ онъ.

— Прикажете съѣздить за ними? — предложилъ ему слуга.

— Нѣтъ, не нужно,—отвѣчалъ онъ. Уходи, я постараюсь опять уснуть.

Когда слуга удалился, онъ вышелъ въ садъ и началъ ходить взадъ и впередъ по большой аллеѣ, которая едва сѣрѣла, окутанная темнотой майской ночи. Мысли его перестали прыгать и причинять ему такія острыя страданія, отъ которыхъ ему хотѣлось кричать. Но по мѣрѣ того, какъ онъ успокоивался, онъ точно старѣлся и съеживался, и надежда справиться съ собой и вернуться опять къ своей прежней жизни какъ будто потухала въ немъ. Онъ вошелъ въ домъ, когда загорающійся день смотрѣлъ уже во всѣ окна. Онъ быстро опустилъ шторы. Этотъ назойливый свѣтъ такъ мало гармонировалъ съ его душевнымъ состояніемъ. Ему хотѣлось мрака, непроницаемаго мрака, ему хотѣлось туда, гдѣ нѣтъ никакихъ желаній, никакихъ раскаяній; ему хотѣлось смерти, и,

покорившись этому неодолимому желанію, онъ сѣлъ и сталъ быстро писать женѣ своей. Въ письмѣ его заключалось слѣдующее:

«Дорогая моя дѣвочка! Когда я пишу эти строки, я хочу еще разъ мысленно перенестись въ то время, когда мы впервые встрѣтились. Я возвращался изъ-за границы, гдѣ провелъ нѣсколько безобразныхъ лѣтъ, хмурый, усталый. Ты вошла въ вагонъ такая веселая, молодая, красивая, а самое главное—несмотря на то, что у насъ съ твоими родными произошло столкновеніе изъ-за мѣстъ, ты такъ была полна чѣмъ-то происходившимъ внутри тебя, что не обратила вниманія на меня, на меня, Никиту Павловича. Мы сидѣли бокъ-о-бокъ съ тобой, и ты ни разу во все время не взглянула даже въ мою сторону. Потомъ, когда вамъ предложили другое купе, ты, точно обрадовавшись, такъ весело вспорхнула, что это не могло не задѣть меня. Когда ты ушла, мнѣ показалось, будто въ нашемъ отдѣленіи стало пусто и мрачно. Меня это разсердило; я волновался, я безпрестанно вскакивалъ и заглядывалъ туда, гдѣ ты сидѣла. Мнѣ первый разъ въ жизни неудержимо захотѣлось знать: о чемъ говоритъ эта прелестная дѣвочка, что ее занимаетъ, надъ чѣмъ она смѣется, чему она такъ всецѣло отдалась, что никого не видитъ, вся ушла въ свой внутренній міръ, заливается серебристымъ, молодымъ смѣхомъ, а главное—не замѣчаетъ меня, меня, Никиту Павловича. До сихъ поръ никто не выказывалъ въ отношеніи меня такого обиднаго равнодушія, и я заинтересовался тобой. Я никогда не говорилъ тебѣ, что я тамъ же въ вагонѣ рѣшилъ обратить на себя твое вниманіе. Меня охватило острое желаніе во чтобы то ни стало овладѣть тобой. Мнѣ, конечно, было пріятно узнать, что ты принадлежишь къ хорошей дворянской семьѣ, и я повелъ аттаку. Въ этомъ отношеніи у меня была колоссальная практика. Я такъ хорошо дѣйствовалъ, что твои опекуны начали заискивать во мнѣ и прочить тебѣ въ женихи. Замѣтивъ, что ты мною увлекаешься, я долго не сдавался, кокетничалъ и мучилъ тебя. Я хотѣлъ, чтобы ты первая постучалась ко мнѣ, въ мою дверь. О, какъ я хорошо помню этотъ подстроенный мною отъѣздъ за-границу, твой дѣтскій испугъ и твои невольныя слезы. Я тронулся ими и милостиво снизошелъ къ тебѣ. Во всемъ этомъ я проявилъ такъ же много подлости, какъ много ты выказала красоты и душевнаго изящества. Я прекрасно понималъ, что ты не меня любишь, а то, что хотѣла во мнѣ любить, но это обстоятельство не только меня не охлаждало, напротивъ, мнѣ улыбалась перспектива бороться съ тобой и побѣждать тебя. Вѣдь всю жизнь свою я

провелъ въ безплодной болтовнѣ, я дошелъ до виртуозности въ спорахъ и лживыхъ доказательствахъ. Не вѣрь, Бога ради, если кто станетъ утверждать, что законъ и религія могутъ освѣщать браки, подобные нашему. Я никогда не былъ ни твоимъ мужемъ, ни твоимъ другомъ, ни даже любовникомъ твоимъ. Я всегда только насиловалъ твою душу, твое тѣло и твою волю, я дѣлалъ то, чего люди никогда не прощаютъ другъ другу. Я не берусь анализировать, почему твои терзанія доставляли мнѣ такое ненасытное наслажденіе. Можетъ быть это не была обыкновенная борьба двухъ несходныхъ характеровъ, можетъ быть это была борьба добра и зла, любви и ненависти, борьба духа и плоти, жизни и смерти. Она не только не ослабѣвала, но съ годами, казалось, все болѣе и болѣе разросталась. Вездѣ, конечно, во всемъ цивизизованномъ мірѣ есть люди, подобные мнѣ, но нигдѣ эти свойства не достигаютъ такой виртуозности, какъ у насъ. Только на почвѣ рабства, только вѣками разнузданная воля, только отсутствіе общественныхъ интересовъ и общественнаго духа можетъ создать человѣка, у котораго всѣ силы души направлены на то, чтобы оголить себя отъ всѣхъ человѣческихъ свойствъ ради самаго процесса оголенія. Я представляю собой поразительный примѣръ человѣка безъ всякихъ принциповъ и традицій,—безо всякихъ чувствъ и устоевъ, съ однимъ непоколебимымъ лозунгомъ: «моей волѣ не препятствуй», нѣтъ лучше: «моей плоти не препятствуй». Вѣдь я никогда ни передъ чѣмъ не благоговѣлъ и ни передъ кѣмъ не преклонялся. Одно только желаніе могло мощно охватить меня—это желаніе овладѣть женщиной. Но всѣ женщины, которыми я владѣлъ до тебя, были такъ ничтожны, такъ грязны и алчны, что скоро внушали мнѣ отвращеніе. Всѣ онѣ искали и любили не меня, а мое состояніе. Ты одна хотѣла полюбить меня, какъ человѣка, и для меня составляло одинаковое неизсякаемое наслажденіе—какъ владѣть тобой, такъ равно и терзать тебя. Я понималъ твою страстную любовь къ ребенку, и я думалъ въ безуміи своемъ, что посредствомъ ребенка буду вѣчно держать тебя при себѣ; но грянулъ громъ, и въ тотъ моментъ, когда я почувствовалъ, что ты уходишь отъ меня и уходишь навсегда, я понялъ всю наготу свою и не только понялъ, но почувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, что жить мнѣ безъ борьбы съ тобой такъ же невозможно, какъ невозможно воскресить нашего умершаго мальчика. Еще одно, не вѣрь, пожалуйста, если кто станетъ доказывать тебѣ, что ты могла меня спасти, или—что еще хуже—должна была это сдѣлать. Въ мои годы люди не измѣ-

няются. Вернись ко мнѣ, и я попрежнему буду стараться, чтобы ни одно твое слово, ни одно движеніе чистой души твоей не кануло въ вѣчность, не будучи осмѣяно, поругано мною... Кто прожилъ до тридцати восьми лѣтъ и никогда не почувствовалъ, что значитъ полюбить кого-нибудь человѣческой любовью, тотъ совершенно безполезный человѣкъ на землѣ.

Спрашивается, что я могу сдѣлать? Самое большее—раздать все свое состояніе на какія-нибудь добрыя дѣла, но, положа руку на сердце, я даже словъ-то этихъ не понимаю; они никогда не доходили до моего сознанія.

Твое счастье, что ты попалась грубому, чувственному эгоисту, но баричу по природѣ; бѣда, еслибъ судьба надѣлила меня какимъ-нибудь талантомъ, или прилежаніемъ; а что еще страшнѣе—большимъ честолюбіемъ,—тогда, при всей наготѣ своей, я-бъ смотрѣлъ на себя вверхъ, и, конечно, все-бъ вокругъ меня трепетало. Но съ какой стороны ты ни подойдешь ко мнѣ я все-жъ не болѣе, какъ самый ординарный трутень, чувственный, лѣнивый, грубый и пошлый и, можетъ быть, самое лучшее, что я когда нибудь способенъ былъ сдѣлать, это сказать себѣ: убирайся ты по добру, по здорову, ты могъ быть радостью и счастьемъ единственнаго существа, которое тебя хотѣло любить, въ продолженіи трехъ лѣтъ ты былъ палачемъ ея. Ты могъ разлить любовь и благоденствіе вокругъ себя, и ты не пожелалъ узнать даже, что значатъ эти слова.

Ни возродиться, ни исправиться я, конечно, не могу, но умереть я долженъ и умру такимъ,какимъ жилъ всегда, голымъ, грубымъ, пошлымъ, циничнымъ, все понимающимъ и все попирающимъ. Finita la comedia».

VII.

Былъ жаркій іюньскій день. Поѣздъ медленно двигался съ юга на сѣверъ, какъ-бы изнемогая отъ жары. Въ маленькомъ купе перваго класса сидѣлъ Никита Павловичъ. Онъ точно приклеился къ стѣнкѣ вагона и сидѣлъ тамъ блѣдный, со сжатыми губами и блуждающимъ взоромъ. Подъемная штора окна была не только опущена, но сильно натянута; однако свѣтъ все-же проникалъ въ боковую скважину, и рисовалъ на противоположной стѣнѣ яркую, яркую, колеблющуюся полоску. О, какъ ненавистны были ему эти безконечные дни начала іюня, и это торжествующее, всевоскрешающее солнце. Оно не переставало

сіять съ самаго дня смерти его ребенка. Ему казалось, что солнце это совсѣмъ не пряталось за горизонтъ, такъ коротки были промежутки между вечерней и утреней зарей. Ночью свѣтила луна, тоже какъ будто освѣщенная этимъ ненавистнымъ ему солнцемъ. И никуда нельзя отъ него спрятаться. Въ душѣ его былъ мракъ и злоба. Какъ, унизившись до подобнаго письма, онъ не только не получилъ ничего взамѣнъ, но даже письмо ему возвратили обратно. За всѣ его страданія никакого удовлетворенія, никакой награды. Когда онъ писалъ, ему казалось, что онъ искренно желаетъ покончить съ собой; хотя письмо и было немедленно отправлено по назначенію, онъ, однако, не прикоснулся къ револьверу, онъ бросился на диванъ и заснулъ. Спалъ онъ долго и совершенно покойно. Когда наконецъ лакею удалось разбудить его, онъ узналъ, что барыня два раза справлялась о немъ по телефону, потомъ заѣзжалъ профессоръ Вознесенскій, считалъ у него соннаго пульсъ и сказалъ: пусть спитъ, разбудите, его, когда пріѣдетъ барыня. Барыня уже пріѣхала, но не захотѣла войти въ домъ, а сидитъ на балконѣ.

Безумная радость охватила его.

Она прочла его письмо, она справлялась о немъ, она прислала своего друга узнать, здоровъ ли онъ, не принялъ ли онъ яду, и наконецъ сама пріѣхала отогнать отъ него мрачныя мысли. Это она, она, его Клавдія, онъ узнаетъ ее. Увы, достаточно было ему взглянуть на ея застывшее, мертвое лицо, чтобы всякая надежда на примиреніе умерла въ немъ. Онъ едва узналъ ее въ первую минуту, до того она не была похожа на прежнюю Клавдію. Онъ остановился въ нѣсколькихъ шагахъ, не смѣя подойти къ этой, чужой ему женщинѣ.

Они молча смотрѣли другъ на друга.

— Хорошо, что вы остались жить,—проговорила она.

Почему хорошо, потому ли что смерть его могла набросить тѣнь на ея репутацію? Нѣтъ, самый звукъ ея голоса, сухой, безжизненный, несомнѣнно свидѣтельствовалъ о томъ, что ей рѣшительно все равно, будетъ онъ жить или умретъ. Его обуревали чувства, взаимно противорѣчащія и даже уничтожающія другъ друга.

— Вы уѣзжаете?—опять нарушила она молчаніе.

— Да, я уѣду,—отвѣтилъ онъ, и подумалъ:—вѣдь я совсѣмъ не намѣренъ былъ уѣзжать, я хотѣлъ умереть.

— А вы?—спросилъ онъ.

— Я поѣду съ дядей за границу.

«Значитъ, навсегда», подумалъ онъ. Этотъ дядя, ея бывшій

опекунъ, фантазеръ и мечтатель, обожалъ свою племянницу и терпѣть не могъ его, Никиту Павловича. Теперь, когда онъ овдовѣлъ, онъ уцѣпится за нее. Онъ будетъ настаивать на ихъ разрывѣ. Бѣшеная ревность вдругъ охватила его. Ему хотѣлось и броситься передъ нею на колѣни, рыдать и молить, и осыпать ее упреками, жесткими, бурными и оскорбительными.

Пока онъ боролся съ собой, блѣдный, задыхающійся, она поднялась съ мѣста, намѣреваясь уйти.

— Вы не зайдете въ домъ?—спросилъ онъ чуть слышно.

— Нѣтъ—отвѣтила она,—я никогда не войду въ этотъ домъ.

Углы ея губъ дрогнули. Она встала и направилась къ воротамъ.

Онъ слѣдовалъ за ней и думалъ: она сказала въ этотъ домъ, но не въ вашъ домъ. Она не войдетъ въ него, потому что все будетъ ей напоминать смерть ея единственнаго ребенка; но, можетъ быть, со временемъ, когда острота горя уляжется, можетъ быть, она проститъ, забудетъ все и вернется къ нему. Она не можетъ не читать его письма́, она безъ конца станетъ его перечитывать, и ей, помимо ея воли, наперекоръ своему дядюшкѣ, захочется узнать, каковъ онъ теперь, какимъ онъ сдѣлался. Развѣ не повторяла она ему на тысячи ладовъ въ тотъ краткій промежутокъ ихъ совмѣстной, счастливой жизни, что онъ интересный человѣкъ, что его нельзя не любить? Да, онъ неотразимо интересенъ, и голосъ его проникаетъ въ душу.

Онъ стоялъ за воротами и долго смотрѣлъ вслѣдъ удаляющемуся экипажу. Когда онъ вернулся къ себѣ и взошелъ на балконъ, ему бросилось въ глаза что-то бѣлое, лежащее на столѣ. Это было его письмо. Въ первое мгновеніе все точно запрыгало и зашаталось вокругъ него. Значитъ, она нарочно явилась сюда, чтобъ возвратить ему его посланіе. Она хотѣла показать ему, что рветъ съ нимъ окончательно, безповоротно. Она не желаетъ даже имѣть доказательства его любви и страданій. Для нея онъ пустое пространство. Все, все лучше этого убійственнаго равнодушія, этого всеуничтожающаго презрѣнія. Всѣ эти мысли вихремъ пронеслись въ его сознаніи. Онъ разорвалъ письмо и, какъ затравленный звѣрь, вскочилъ въ гостиную. Первымъ его побужденіемъ было кинуться на всѣ предметы, находящіеся тутъ, бить и топтать ихъ ногами. Онъ схватилъ вазу, дивную вазу, которую везли черезъ всю Европу, и кинулъ ее съ такой силой, что, казалось, весь домъ содрогнулся отъ ея паденія.

На порогѣ показались люди, съ блѣдными, испуганными

лицами. Растерянный видъ ихъ и поверхностная дисциплина, которой онъ привыкъ подчиняться, взяли верхъ надъ его бѣшенствомъ. Онъ схватился за голову, выбѣжалъ изъ дому, взялъ перваго попавшагося извозчика и до самаго вечера продержалъ его въ одномъ изъ загородныхъ ресторановъ. Теперь, сидя въ купэ, онъ испытывалъ злобу непреоборимую, доводящую его до изнеможенія. Какъ могъ онъ до такой степени унизиться? Это не онъ, нѣтъ, нѣтъ, это не онъ, всегда насмѣшливый, всегда разлагающій и оплевывающій всякую человѣческую мысль и всякое человѣческое движеніе души. Ему припомнился далекій эпизодъ изъ его жизни. Когда его привезли въ одно изъ привилегированныхъ закрытыхъ заведеній, онъ, тринадцатилѣтній мальчикъ, съ упругими завитками черныхъ до синевы волосъ, очень напоминалъ портретъ великаго писателя. Кто-то изъ воспитателей, глядя на него, спросилъ:

— «Желалъ бы онъ быть Пушкинымъ, такимъ знаменитымъ, великимъ, какимъ былъ онъ». Мальчикъ прекрасно понялъ вопросъ, и ни минуты не колеблясь, гордо поднявъ голову, отвѣтилъ: «Я желаю быть Никитой Павловичемъ Загаринымъ». Гдѣ онъ теперь, этотъ гордый, неуязвимый, насмѣшливый, блестящій Никита Павловичъ? Онъ сидитъ тутъ оплеванный, униженный и, что самое ужасное, не можетъ оторвать своихъ мыслей отъ той, которая довела его до подобнаго состоянія. Она здѣсь, около него. Въ колеблющейся тѣни отъ висячаго пальто онъ улавливаетъ ея профиль съ тонкой шеей. Онъ мысленно осязаетъ ея всегда горячія, сухія руки. И, сжимая по временамъ до боли свои тонкіе пальцы, онъ шепчетъ густымъ, хриплымъ голосомъ: «Я хочу, хочу тебя, слышишь, я тебя хочу»...

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ одномъ изъ загородныхъ притоновъ Петербурга кутила компанія золотой молодежи. Были женщины, былъ и Никита Павловичъ Загаринъ, только что вернувшійся изъ за-границы. Шампанское лилось рѣкой. Припоминались разные пикантные эпизоды изъ прошлаго. Кто-то напомнилъ Загарину канунъ Новаго года въ одномъ очень фешенебельномъ домѣ. Писались билетики, что кому предстоитъ дѣлать весь наступающій годъ. Загаринъ постоянно вынималъ билетъ, на которомъ стояло только одно слово или «violer», или «debaucher». Кто-то заподозрилъ даже, не много ли написано билетиковъ съ подобными предположеніями. Была произведена

строжайшая ревизія, но оказалось, что ихъ было всего два и эти два неизмѣнно попадались Никитѣ Павловичу.

Сколько было смѣха, сколько интересныхъ писемъ написалъ онъ изъ за-границы по этому поводу. Какъ восхищались всѣ его неисчерпаемымъ остроуміемъ и находчивостью. Онъ самъ готовъ быть рукоплескать себѣ.

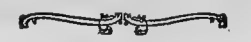
Вспоминая все это, онъ чувствовалъ себя помолодѣвшимъ на нѣсколько лѣтъ, громко смѣялся, сыпалъ остротами, и съ наслажденіемъ сознавалъ, что блѣдная тѣнь со сжатыми губами и надорваннымъ голосомъ и маленькій неподвижный трупикъ— все это уходитъ, уходитъ отъ него далеко.

Онъ нашелъ себя, нашелъ Никиту Павловича Загарина. Какое счастье! Онъ центръ собравшихся здѣсь. Его засыпали вопросами въ перемежку съ легкими упреками. Что онъ дѣлалъ, гдѣ скрывался, почему бездѣйствовалъ въ то время, когда отечество горитъ и нужно спасать его отъ иноплеменниковъ? Развѣ передъ нимъ не открыты всѣ дороги къ власти и вліянію? Съ его богатствомъ, съ его умомъ и связями, съ его образованіемъ? Ну, сначала предводитель дворянства, затѣмъ вице-губернаторъ, губернаторъ и, наконецъ, министръ. Почему нѣтъ? Пьяный, разстрепанный, онъ обнималъ говорившихъ, острилъ и сквернословилъ по адресу инородцевъ и ихъ защитниковъ, требовалъ безъ конца шампанскаго, обѣщалъ впредь не бездѣйствовать, достигнуть власти и вліянія, и вмѣстѣ съ ними тушить пожаръ.

Три дня не могъ онъ опомниться послѣ этого знаменитаго кутежа, и когда, наконецъ, ему удалось изъ министровъ превратиться въ Никиту Павловича, то первой его мыслью было: «какое счастье, что эта блѣдная дура возвратила ему его злополучное письмо».

А Клавдія Егоровна, вынимая носовой платокъ, нечаянно обронила это письмо. На балконъ вошла горничная, увидала его и положила на столъ.

Александра Толочинова (Шабельская).

РЫБАКЪ.

Льдины плывутъ по рѣкѣ. А ужъ ты свой челнокъ снаряжаешь:
Руль за кормой укрѣпивъ, новыя весла несешь;
Парусъ твой ветхій починенъ, натянуты снасти тугія;
Тутъ же, на влажномъ пескѣ ты невода разстелилъ.

Къ бѣлому лбу прикасаясь всегда загорѣлой рукою,
Вотъ—изъ-подъ хмурыхъ бровей смотришь въ широкую даль:
Паръ на востокѣ алѣетъ. Холодныя свѣтятся воды.
Вешнее солнце встаетъ. Льдины плывутъ по рѣкѣ.

Юрій Верховскій.

ВЪ СѢВЕРНОМЪ МОРѢ.

I.

Насъ три натуралиста и три человѣка команды на маленькомъ деревянномъ суденышкѣ, которое медленно идетъ на сѣверъ.

Это обыкновенный промысловый карбасъ, какихъ много у поморовъ Бѣлаго моря и Мезенской губы. Онъ едва ли больше шести саженъ въ длину, но цѣлыя три сосновыя мачты съ небольшими тряпичными флажками на верху, поскрипывая, поддерживаютъ его старые холщевые паруса. За эти три мачты мы гордо величаемъ фрегатомъ нашъ старый карбасикъ, а какъ его кличетъ самъ хозяинъ, сѣдой «коршикъ» (кормчій) Фома Увакинъ, изъ села «Долгая Щель», что на рѣкѣ Кулоѣ, этого я признаться, не знаю. Можетъ быть, оно крещено «Святымъ Николаемъ», въ честь любимаго чудотворца бѣломорскихъ поморовъ, или «Апостоломъ Фомой», по ангелу своего хозяина; быть можетъ, старикъ не хочетъ произносить святого имени передъ неблагочестивыми ушами чужихъ пришельцевъ, Богъ вѣсть, какой вѣры, какого крещенія.

А, можетъ быть, и никакъ не зоветъ онъ свое суденышко? И это бываетъ! Чего его звать? Карбасъ такъ карбасъ, судно такъ судно!..

Въ маленькой каютѣ или, какъ зоветъ ее Фома, «кибткѣ», въ которой нельзя выпрямиться, а можно только лежать, сидѣть да стоять на колѣнахъ, на задней стѣнѣ противъ входа прибитъ небольшой образокъ «Чудотворца Николы». Впрочемъ, этотъ образокъ можно встрѣтить на каждомъ поморскомъ суднѣ,

потому что Св. Николай чтится тамъ особымъ покровителемъ всѣхъ моряковъ, и безъ него ни одинъ дорожащій жизнью благочестивый христіанинъ не станетъ ввѣрять себя волнамъ морскимъ.

Есть тутъ еще икона Божьей Матери, и лежатъ уютно на особой полочкѣ двѣ книжицы въ кожанныхъ переплетахъ въ формѣ поминаній. На ихъ закапанныхъ воскомъ сѣрыхъ страницахъ медленно разбираемъ мы апокрифическій, съ усиліемъ писанный стариннымъ славянскимъ почеркомъ текстъ молитвы Михаилу Архангелу и сказанія о снѣ Богородицы.

Сказаніе это удивительно по своей краткости и странному содержанію. Въ немъ говорится о томъ, какъ Богородица уснула, и какъ ей явился Божественный Сынъ ея, Христосъ Спаситель, и сказалъ ей, что, кто этому сну увѣруетъ и его для себя спишетъ, на томъ будетъ благословеніе Божіе и спасеніе въ напастяхъ, а кто этому сну не увѣруетъ и его не спишетъ, того ждутъ на этомъ свѣтѣ всѣ бѣды и казни, а на томъ вѣчныя муки и огнь неугасимый.

Фома Увакинъ списалъ благоговѣйно и сонъ Богородицы, и молитву Архангелу, и потому-то онъ плаваетъ благополучно по Бѣлому и Ледовитому морю вотъ уже пятьдесятъ пять лѣтъ съ лишнимъ, вырастилъ двухъ сыновей и сироту племянника, и сталъ его домъ, какъ богатая полная чаша.

И намъ нечего бояться на морѣ, пока цѣлы у Фомы его святыя молитвы...

Карбасъ нашъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что по его бортамъ вдѣланы массивныя деревянныя уключины, и два тяжелыхъ бревенчатыхъ весла лежатъ тутъ же на палубѣ на тотъ случай, если повиснетъ отъ безвѣтрія парусъ, и будетъ нужда подгребаться впередъ или къ берегу ручною работой.

На такой то утлой посудинкѣ мы идемъ въ Ледовитое море и смѣло поднимаемся къ сѣверу въ виду опасныхъ береговъ Канина.

Ни одинъ большой купецкій корабль, ни одинъ пароходъ чужестранный не проходитъ безтрепетно близко отъ этихъ пустынныхъ, но обильныхъ морскими богатствами береговъ.

Неизвѣданное дно, неизвѣстныя мели, по здѣшнему «кошки», не помѣченныя ни на какихъ картахъ, безпрестанно мѣняющіяся по волѣ прихотливыхъ теченій, необычайно большая разница въ уровнѣ прибылой и убылой воды (прилива и отлива), при неизмѣренной глубинѣ водъ, все это пугаетъ самыхъ опытныхъ шкиперовъ и заставляетъ ихъ держаться подальше отъ невѣрнаго Канина.

Но всѣхъ этихъ опасностей для насъ не существуетъ, потому что мы идемъ въ море съ Фомой Увакинымъ, который знаетъ эти воды, мели и берега, какъ свой родной домъ. И если мы и чувствуемъ теперь нѣкоторый трепетъ, то это не чувство страха, а небывалой, еще неиспытанной радости.

Вѣдь мы въ океанѣ, въ самомъ Ледовитомъ океанѣ, съ которымъ связано столько дѣтскихъ грезъ, далекихъ отъ будничной жизни. Мальчикомъ мечталъ я не мало о дальнихъ тропическихъ странахъ, о путешествіяхъ, опасностяхъ, роковыхъ встрѣчахъ, былъ убѣжденъ, что со временемъ увижу и Южную Америку, и Австралію, и дикую Африку, но почему-то Ледовитый океанъ казался мнѣ такимъ недостижимымъ, такимъ таинственнымъ. Мнѣ и въ голову не приходило, что я когда нибудь увижу его на яву. А теперь вотъ онъ вокругъ меня. Сѣверное солнце привѣтливо блещетъ надъ нимъ. Мягко свѣтится его молочно-голубое стекло. Я любуюсь игрой его узорчатой глади. Я вдыхаю запахъ его волнъ, я слышу его голоса, неслыханные мною никогда, голоса океана.

II.

Ласково встрѣтилъ насъ океанъ, когда изъ широкаго устья Мезени, вмѣстѣ съ быстрымъ отливомъ, мы вступили въ его постепенно раздвигающійся просторъ.

Тихо летѣлъ нескончаемый іюньскій день, освѣщавшій насъ ровнымъ немеркнущимъ свѣтомъ. Слабый южный, по здѣшнему «русьскій» вѣтеръ слегка надувалъ паруса карбаса, и попутное прѣсное теченіе отъ устья рѣки помогало ему нести насъ на сѣверъ.

Морская гладь тиха и кажется почти бѣлой подъ этимъ нѣжно голубымъ небомъ, полнымъ невыразимо радостнымъ покоемъ. Скоро вѣтеръ упалъ почти совершенно, и вода стала гладкой, какъ на озерѣ. Нигдѣ, ни въ какомъ другомъ морѣ не видѣлъ я такой тишины, и никогда у меня не было такъ мирно и хорошо на душѣ, какъ здѣсь. И было ново мнѣ то чувство, которое переживали мы въ морѣ на маленькомъ парусномъ суднѣ. Это совсѣмъ не то, что на большомъ пароходѣ. Тамъ чувствуешь себя въ человѣческомъ мірѣ, въ мірѣ все еще городской культуры и техники. Тамъ знаешь, что тебя везутъ по расписанію. Машина работаетъ послушно. Неутомимо крутятся сзади винты, пахнетъ машиннымъ масломъ, гарью и дымомъ.

Буфетъ, лакей, стадо людей, которые больше смотрятъ другъ на друга, чѣмъ на море и небо, и, не успѣвъ отъѣхать отъ берега, начинаютъ уже скучать, томиться и ждать конца или, по крайней мѣрѣ, звонка къ завтраку или обѣду... Настроеніе не то вокзала, не то гостиницы, и этотъ противный запахъ, и стукъ машины, и полоса дыма надъ пароходной трубой.

А здѣсь, на карбасѣ! Неизмѣримо далеко все городское и слишкомъ человѣческое. Небо и море надъ тобой и кругомъ. Чувствуешь себя преданнымъ волѣ стихій и для своего произвола, для своей воли остается совсѣмъ небольшой уголокъ, почти только одна возможность выжидать и выбирать случай. Захочетъ вѣтеръ нести, куда тебѣ надо, и ты будешь двигаться очень быстро. Не захочетъ, бросай якорь и стой, пока не измѣнится вѣтеръ. Сначала что-то протестуетъ въ моей городской натурѣ, что-то возстаетъ противъ этой покорности судьбѣ. Глядишь, удивляешься невозмутимо спокойнымъ лицамъ поморовъ, силишься понять ихъ тихую душу, ихъ безмолвную задумчивость.

И вдругъ начинаешь понимать. Начинаешь такъ, какъ никогда, всѣмъ существомъ своимъ чувствовать, что вѣдь вокругъ тебя море, великій могучій океанъ и небо надъ нимъ, и вольный вѣтеръ между ними. Вѣдь все это велико и прекрасно, такъ значительно, такъ важно само по себѣ, что всѣ человѣческія намѣренія и цѣли начинаютъ казаться ничтожными и мелкими, чѣмъ-то такимъ, что можетъ и подождать. Неожиданно для самого себя, какъ-то по новому, ярко возникаетъ сознаніе величія жизни, жизни всего большого, необъятнаго міра. И чувство связи съ этимъ великимъ, безконечнымъ и прекраснымъ, что обнимаетъ тебя со всѣхъ сторонъ, такъ чудесно, такъ сильно, такъ ново, что кромѣ слова «радость» никакое другое не просится на языкъ.

III.

Мы сидимъ, почти лежимъ у борта на носу. Бревенчатый бушпритъ съ толстымъ канатомъ, взлетающимъ отъ его конца къ вершинѣ передней мачты, не мѣшаетъ намъ видѣть впередъ, сколько хватаетъ глазу, спокойное море. Справа узкой темной полоской еще виднѣется далекій берегъ Канина. Попутный теплый вѣтеръ едва трогаетъ паруса, и чуть замѣтная водяная дорожка струится за рулемъ позади лѣниво бредущаго карбаса. Свѣтомъ полонъ

воздухъ, небо и море. Ласково грѣетъ, не припекая, полярное солнце. Южный теплый вѣтеръ ласкаетъ кожу лица.

Шесть человѣкъ почти недвижимы, имъ нечего дѣлать. Вѣтеръ и береговое теченіе за нихъ дѣлаютъ то, что нужно. Дремлетъ старый Фома, сидя у ручки руля. Несмотря на тепло, онъ въ своемъ полушубкѣ и оленьей шапкѣ съ ушами. Молча сидятъ по бортамъ бородатые Филя и Мотя; думаютъ тихо о чемъ то. Молчатъ мои товарищи, молчу и я.

И въ голову не приходитъ говорить. На душѣ хорошо и полно. Плавно, какъ волны, приходятъ и уходятъ мысли, какъ будто не оставля слѣда. Если бы спросить насъ, сколько времени мы уже въ морѣ, мы, вѣроятно, посмотрѣли бы удивленно, словно спросонокъ и не смогли бы отвѣтить.

Время? Сколько времени? Развѣ это знаетъ кто-нибудь? И развѣ теперь нужно знать время?..

И какъ будто сами, не спрашиваясь, смотрятъ глаза и сами слушаютъ уши.

А кругомъ царитъ то, что нельзя назвать ни тишиной, ни шумомъ. Это тишина, потому что ни одного привычнаго звука не доноситъ до ушей прозрачный воздухъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ едва уловимые, тихіе голоса океана понемногу заполняютъ все, неразрывно сливаясь съ блескомъ солнца и неба и голубовато-бѣлымъ отсвѣтомъ моря.

Тихое бульканье раздвигающейся у носа воды, говоръ волны у руля, шелестъ тряпичнаго флага на остріѣ мачты, звукъ ослабѣвшаго и вновь напрягающагося паруса, легкое кряхтѣнье реекъ и мачтъ—эти ближайшіе звуки не заслоняютъ другихъ, которые живутъ всюду надъ спокойными водами моря. Въ самомъ безмолвіи его чудится тихая безконечно-красивая музыка жизни и вѣчности, пѣсня времени, которая плыветъ и уплываетъ куда-то.

Вотъ рѣзкій всплескъ кого-то большого, разыгравшагося у поверхности воды; вотъ прыгнула въ воздухъ и снова упала, испуганная вражьимъ преслѣдованіемъ, бойкая рыбка.

Вотъ, неизвѣстно откуда, промчалась рѣзвая пара длинно-хвостыхъ крачекъ. Острыя крылья ихъ быстро разсѣкаютъ воздухъ, длинный хвостъ распущенъ, какъ у касатки, широкою вилкой. Правда, онѣ значительно больше, но также стремительны и смѣлы, какъ ласточки, и какъ ласточки вьются вокругъ насъ и съ визгомъ огибаютъ высокія мачты.

Что имъ нужно отъ насъ? Нравятся ли имъ паруса, похожіе на большія, бѣлыя крылья? Манитъ ли ихъ извивающійся узкій флагъ наверху? Любопытны ли имъ странные задумчивые

люди, молчаливо лежащіе у борта? Кто ихъ знаетъ. Онѣ свистятъ, присаживаются на мгновеніе на рею и улетаютъ на длинныхъ мелькающихъ крыльяхъ. Онѣ бѣлыя, слегка сѣрыя сверху, съ красными лапками и носами.

Мы плывемъ дальше. Береговое теченіе медленно несетъ насъ на сѣверъ вмѣстѣ со щепками и птичьимъ пухомъ, который легко качается на гладкой морской зыби. Этотъ мягкій и сѣрый пухъ не разъ попадался намъ по пути и говорилъ намъ о томъ, что мы проходимъ мѣстами, гдѣ передъ тѣмъ сидѣли, ныряли и плавали несмѣтныя стаи морскихъ птицъ.

Но что это? Ясно слышится тихій мелодическій звонъ, доносящійся къ намъ издали. Мы настораживаемся, слушаемъ, стараемся проникнуть въ голубую гладь океана, разгадать причину странныхъ звуковъ. Звонъ растетъ, и можно теперь замѣтить, что онъ доносится со стороны берега, уже исчезнувшаго изъ вида. Кажется, будто чья-то невидимая рука встряхиваетъ огромную связку бубенчиковъ и звенитъ ими. Мы хватаемся за бинокли.

Узкая черная лента плавно летитъ надъ моремъ все ближе къ намъ. Скоро мы начинаемъ различать цѣлую тучу черныхъ птицъ, быстро несущихся надъ водой. Взмахи и свистъ безчисленныхъ крыльевъ, звонкіе крики ихъ голосовъ рождаютъ среди воднаго простора странную, неожиданную музыку, которая все крѣпнетъ, становится все шире съ приближеніемъ къ намъ. «Черныя утки», говоритъ Фома, едва поворачивая голову. Это турпаны, несмѣтнымъ роемъ летящіе въ океанъ.

Съ гомономъ, свистомъ и стономъ, какъ буря, проносятся они надъ мачтами и опускаются гдѣ-то далеко на воду, почти скрываясь изъ нашихъ глазъ. Ошеломленные, мы долго сидимъ, обернувшись въ ту сторону и долго не можемъ забыть ихъ необычайнаго появленія.

Проходитъ время, и вотъ мы снова поражены новыми звуками. Громкіе вопли женщины, въ изнеможеніи зовущей на помощь; печальные стоны дѣвушки, жалобы юной тоски, невозвратно погибшей надежды.

Что это? Откуда несется этотъ удивительный голосъ, такой сильный, красивый и такой тоскливый? Умолкъ онъ, и какъ будто стало печальнѣе молчаливое море. Все затаилось кругомъ. Вотъ снова несутся грустные стоны, надрываютъ душу тоской, плачутъ и снова смолкаютъ среди тишины океана.

— Ревуха стонетъ, говоритъ Филиппъ, замѣчая наши удивленныя лица. Ревухой зовутъ большую сѣверную гагару, вьющую

гнѣзда повсюду—среди тундръ, по озерамъ и полузаросшимъ болотцамъ, большею частью невдалекѣ отъ морскихъ береговъ. Летаетъ она и на море, садится на воду, и издалека даетъ о себѣ знать своими криками, похожими на громкое рыданье. И послѣ не разъ мы видали ее проносящейся высоко надъ моремъ, похожую на пущенную изъ лука стрѣлу своимъ стремительнымъ и прямолинейнымъ полетомъ. Короткія, но сильныя крылья съ необычайной скоростью несутъ ее впередъ, всегда прямо, безъ поворотовъ, какъ будто по заранѣе выбраннымъ невидимымъ рельсамъ.

IV.

Вотъ снова и снова новые нежданные звуки.

Ясно до нашихъ ушей доносится чей-то тяжелый вздохъ. Вотъ еще и еще; неизвѣстно откуда рождаются они среди тишины океана. Мы смотримъ кругомъ, удивленно вглядываемся въ морскія волны, не знаемъ, что думать.

То не царь ли морской, не морская ль царевна грустить объ утраченномъ счастьи? Иль это вздыхаетъ самъ старикъ-океанъ, растревоженный тоскливыми жалобами гагары. Быть можетъ, это просто больное воображеніе обманываетъ обострившійся въ тишинѣ слухъ и заставляетъ насъ бредить такими странными звуками...

Но нѣтъ: мы всѣ вмѣстѣ ясно слышимъ повторные тяжелые вздохи и спрашиваемъ тихо другъ друга: «Что же это такое».

И снова на выручку приходитъ намъ спутники поморы.

— Отэць, говоритъ Мотя отцу своимъ мягкимъ поморскимъ нарѣчіемъ. Бѣлуха играетъ. Вонъ тамъ: на побережникъ,—и онъ указываетъ рукою на сѣверо-западъ [1]).

Мы направляемъ туда наши взоры. Тамъ, далеко среди свѣтлаго приволья морской глади сверкаютъ то тутъ, то тамъ ослѣпительно—бѣлыя блестки. Вспыхиваютъ и погасаютъ, какъ блуждающіе огни, и отъ нихъ до насъ долетаютъ эти странные вздохи, о причинѣ которыхъ мы сами не могли догадаться.

Бѣлухой зовется огромный бѣлый дельфинъ, до двухъ саженъ длиною, появляющійся иногда стаями у береговъ сѣверныхъ морей. Въ тихую погоду, въ лучезарномъ сіяніи солнца,

---

[1]) Побережникъ—сѣверо-западный вѣтеръ, или просто сѣверо-западъ у поморовъ.

его бѣлоснѣжная кожа ярко блеститъ среди сѣро-голубой водной пустыни и легко выдаетъ присутствіе бѣлыхъ звѣрей.

Бѣлухи движутся густыми стаями, преслѣдуя несмѣтныя воинства рыбъ, идущихъ для метанья икры къ мелкимъ прибрежнымъ водамъ. Безъ устали ныряютъ онѣ, плаваютъ въ глубинѣ, хватаютъ добычу неуклюжею пастью и вновь появляются наверху, чтобы передохнуть и выбросить воду. Вода падаетъ, бурлитъ и шумитъ, и этотъ шумъ слышится за нѣсколько верстъ и кажется тяжкими вздохами сказочнаго существа.

V.

Такъ среди тихихъ голосовъ океана, зачарованные чудеснымъ покоемъ, въ блескѣ долгаго полярнаго дня мы идемъ спокойно на сѣверъ. Береговыя и приливныя теченія то приближаютъ насъ къ низкому Канину, то относятъ далеко въ море. Иногда съ отливомъ мы садимся на песчаную «кошку», разуваемся, ходимъ босикомъ по обнажившемуся морскому дну, собираемъ оставшихся въ лужахъ рачковъ, червей и полиповъ и разныхъ другихъ мелкихъ диковинныхъ тварей, обогащаемъ наши коллекціи, а съ приливомъ вновь взбираемся на карбасъ и трогаемся въ путь.

Но вотъ неожиданно подулъ крѣпкій «повѣтеръ», т. е. попутный вѣтеръ. Это не «руській» вѣтеръ, т. е. не южный, а юго-западный—«шалонникъ». Встрепенулся старый Фома, парни бросились къ мачтамъ. Повелительнымъ голосомъ командуетъ опытный «коршикъ». Надулись бѣлые паруса, и тотчасъ у носа забулькали разсѣкаемыя волны, а сзади руля побѣжала прямая и свѣтлая водяная дорожка.

Океанъ потемнѣлъ, гряды чернѣющихъ волнъ понеслись по всей его ширинѣ, и нашъ подбодрившійся карбасъ дрогнулъ и быстро, какъ чайка, помчался впередъ, наклоняясь направо высокою главною мачтой. И я сижу и думаю о томъ, какъ незримо надъ старымъ Фомой заспѣшилъ торопливыми прозрачными крыльями неотлучный ангелъ-хранитель, глянулъ заботливо съ неба Святой Николай Чудотворецъ и невидимымъ, но крѣпкимъ покровомъ разостлался кругомъ чудесный и вѣрный «Богородицынъ сонъ».

Шалонникъ крѣпчалъ. Появились на волнахъ бѣлые пѣнные гребни. Флагъ затрепался вверху лихорадочной дрожью и, ныряя все круче, прибавлялъ рѣзваго бѣга нашъ трехмачтовый карба-

сикъ. Солеными свѣжими брызгами начали насъ угощать бьющіе въ руль сѣдыя верхушки валовъ.

— Ничего! Скоро будемъ въ защитѣ,—говоритъ Филлипъ, показывая головой впередъ. Черный носъ видно...

Впереди передъ нами темной полоской выдвигается въ море поднимающаяся линія берега. Берегъ выступаетъ здѣсь высокимъ мысомъ возлѣ устья рѣки Чижи и образуетъ глубокую и хорошо защищенную бухту.

Устье Чижи! Это вѣдь первая станція на нашемъ пути. Здѣсь мы должны пересѣсть на простую весельную лодку, чтобы подняться вверхъ по теченію рѣки и врѣзаться въ самое сердце тундры, покрывающей дикій полуостровъ. Подгоняемые вѣтромъ, мы быстро бѣжимъ туда, тихо роняемъ слова, думаемъ о томъ, что будетъ, и слѣдимъ, какъ растетъ все выше и выше темная полоса приближающагося Чернаго носа.

Наше созерцаніе прерывается криками: «Бѣлуха, бѣлуха! Опять бѣлуха!»...

Но теперь мы уже въ срединѣ цѣлаго стада бѣлухъ. Скрытыя бѣлою пѣною волнъ, онѣ оставались для насъ незамѣтными, пока мы неожиданно для нихъ и для себя не оказываемся среди ихъ стаи. Странно смотрѣть, какъ внезапно то съ той, то съ другой стороны вокругъ насъ вспучиваются изъ пѣнистыхъ водъ ихъ огромныя бѣлыя туши и тотчасъ, изогнувшись дугой, ныряютъ въ морскую пучину.

На мгновеніе мелькаетъ въ воздухѣ толстая, словно обрубленная, голова съ маленькими темными глазками, округлое туловище выгибается мягко и беззвучно и какъ будто кувыркается черезъ голову. Стадо безъ малаго въ нѣсколько сотенъ головъ. Такъ кажется намъ, когда мы видимъ каждый мигъ появляющихся надъ водой бѣлыхъ животныхъ.

Товарищи мои оба хватаютъ винтовки и ждутъ момента, чтобы выстрѣлить. Я уговариваю ихъ не стрѣлять, находя, что мало надежды убить сразу большого звѣря, а раненый онъ все ровно уплыветъ и не дастся намъ въ руки. Доводы мои не имѣютъ успѣха. Одинъ за другимъ гремятъ торопливые выстрѣлы, когда огромное бѣлое морское чудо вдругъ выкидывается изъ волнъ саженъ за пятнадцать впереди носа.

Сизый дымъ стелется по водѣ, запахъ ружейнаго огня кидается въ ноздри. Звѣрь съ плескомъ ныряетъ, поднимая цѣлое облако пѣны, и тотчасъ по водѣ начинаетъ расплываться свѣтлое, лоснящееся пятно, какъ разлитое по бумагѣ масло.

Мотя и Филиппъ разомъ одинаково крякаютъ и смѣются.

— Попали, говоритъ Мотя.

— Ишь какъ «лосо» [1]) то изъ него побѣжало!..

Фома качаетъ головой и тоже одобряетъ выстрѣлъ. Но звѣрь все-таки только раненъ и ныряетъ такъ далеко, что мы не можемъ услѣдить его больше.

Мнѣ жаль его. Досадно, что зря искалѣчено и, быть можетъ, загублено великолѣпное и громадное животное. Я думаю о томъ, какъ въ покорномъ молчаніи отправилось оно страдать и медленною смертью умирать отъ случайно настигшей его пули. Я думаю о томъ, какъ ненавистенъ долженъ быть всему живущему человѣкъ, это страшное чудовище, убивающее ради убійства, несущее смерть ради любопытства, ради удовольствія, ради пустого, мимолетнаго желанія.

Скоро исчезло, потерялось куда то все распуганное выстрѣлами стадо, а мы уже входимъ полнымъ ходомъ въ широкое устье Чижи и огибаемъ темную стѣну Чернаго носа. Гладко въ заливѣ за высокой природной оградой. Бѣлой каймой свѣтлѣютъ пески по краямъ широчайшаго устья. Чернѣютъ на берегу маленькія курныя избушки промысловаго становища.

Нѣсколько шнякъ и карбасовъ качаются на якоряхъ у самаго берега. Кучка людей, столпившись, смотрятъ на насъ, ожидая причала нашего «фрегата». Вотъ уже мы различаемъ ихъ загорѣлыя лица, ихъ темную одежду и головы, укутанные отъ комариныхъ укусовъ полотенцами и бабьими платками.

Видимъ бѣлесыя травы, наклоняющіяся надъ свѣтлой прибрежной песчаной каймой. Видимъ красивыхъ чернобѣлыхъ морскихъ сорокъ съ длинными носами и клювами, безпокойно перелетающихъ по берегу, темныхъ хищныхъ поморниковъ, носящихся надъ заливомъ, крошечныхъ зуйковъ, сѣменящихъ маленькими ножками у самой воды.

Мягкой туманной дымкой чуть замѣтныхъ сумерекъ встрѣчаетъ насъ незнакомая чужая земля. Что ожидаетъ насъ тамъ, за этими молчаливыми плоскими берегами. Какія новыя тайны откроются нашимъ глазамъ въ неизвѣстной Канинской тундрѣ?

VI.

Прошло незамѣтно около полутора мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили па берегъ Канина. Все это время мы были

[1]) Лосо—т. е. жиръ, сало.

оторваны отъ людей, предоставлены собственнымъ силамъ и мужеству.

Мы оставили Мотю и Филиппа сторожить карбасъ и, взявъ съ собой старика, вмѣстѣ съ нимъ пересѣкли два раза дикій полуостровъ, на парусной лодкѣ проѣхали по рѣкамъ Чижѣ и Чешѣ, узнали задумчивую тишину тундры, видѣли молчаливыя озера, которыя таятся въ сердцѣ пустынной земли.

Мы сроднились съ неслабѣющимъ свѣтомъ полярнаго дня, съ несмолкающимъ звономъ неизмѣримыхъ комариныхъ роевъ, съ густой зеленью прибрежной ивовой «еры» (кустарника), наклоняющейся къ водѣ съ низкихъ рѣчныхъ береговъ. Мы собирали яркіе цвѣты, пріютившіеся на солнечной сторонѣ пригорковъ, мягкую бѣлую пушицу, выросшую на моховыхъ кочкахъ, желтыя ягоды морошки, которою любятъ лакомиться не только люди, но и бѣлые медвѣди. Мы находили на каждомъ шагу озерки, болотца и лужи, населенныя дикой водяной птицей: куликами, чайками, утками и гусями, мы слышали голосъ рогатаго жаворонка въ тундрѣ и пѣночки въ зарасляхъ ихъ. Мы нагибались, чтобы поласкать нѣжныя вѣточки карликовой березки, которая прячетъ свое гибкое тѣло подъ толстымъ моховымъ ковромъ и выставляетъ наружу одни только красивые зубчатые листочки, величиной съ ноготь мизинца.

Мы видѣли на той сторонѣ Канина холодныя волны Чешской губы, мрачный берегъ, покрытый во время отлива вязкою «няшей»: чернымъ иломъ, осѣвшимъ изъ студеной воды. Мы слышали туманное дыханіе ледяныхъ горъ, приплывшихъ къ Канинскимъ берегамъ изъ далекаго Карскаго моря.

Мы бодро несли всѣ тягости труднаго пути по илистымъ поймамъ, по болотамъ, съ ледянымъ, нерастаявшимъ дномъ, по спутаннымъ чащамъ, по безконечнымъ извивамъ тундрянныхъ рѣчекъ.

Мы спали то въ курныхъ промысловыхъ избушкахъ, то на голыхъ склонахъ рѣки, то въ мокромъ болотѣ, на раскинутыхъ поверхъ стеблей тростника толстыхъ шкурахъ сѣвернаго оленя. Мы шли до изнеможенія, гребли до боли въ рукахъ, терпѣли уколы жадной до крови мошкары, напрасно стараясь спасти отъ нея кисейными сѣтками наши лица, перчатками изъ волосатой шерсти наши руки. Въ ѣдкомъ дымѣ костра, отъ котораго слезы текли по нашимъ щекамъ, мы садились за нашъ походный обѣдъ, питаясь убитою дичью и черствыми сухарями. Мы двигались все впередъ и впередъ, то пользуясь теченіями приливовъ и отливовъ, то волоча, подобно бурлакамъ, нашу лодку.

Мы дѣлали снимки, шагали взадъ и впередъ съ землемѣрными снарядами въ рукахъ, и наши выстрѣлы гремѣли по тундрѣ, поднимая на крылья все то, что можетъ летать, неся съ собой смерть и ужасъ пернатымъ.

Не разъ мы сбивались съ дороги и тратили много времени, отыскивая потерянный путь. Мы теряли и вновь находили другъ друга, подвергались всѣмъ тѣмъ бѣдамъ, которыя всегда выпадаютъ на долю путниковъ въ ненаселенной землѣ.

И вотъ, наконецъ, мы на обратномъ пути домой къ югу. Намъ еще не разъ придется высадиться на сушу, не разъ заглянуть въ разные уголки выдвигающихся въ море береговъ. Еще не насытилось наше любопытство къ сѣверу, наша жажда къ неизвѣстной землѣ, къ рѣчкамъ, озерамъ, тундрѣ, прибрежнымъ высокимъ отвѣсамъ.

Еще не скоро мы будемъ среди родныхъ луговъ и полей.

VII.

Опять мы среди людей, отъ которыхъ такъ сильно успѣли отвыкнуть.

Правда, они совсѣмъ не похожи на тѣхъ, что мы знаемъ, что живутъ въ городахъ, въ деревняхъ и селахъ. Здѣшнихъ никакъ нельзя отдѣлить отъ той земли, воды и неба, которыя ихъ обнимаютъ кругомъ.

Когда я вспоминаю о нихъ, я вижу пустынный берегъ холоднаго ледовитаго моря, я вижу влажную «лайду»—поемные, топкіе луга, покрытые густой травой, мшистую тундру, берега извилистой рѣчки, окаймленные густо сплетеньями ивы и травъ, наклоняющихся къ тихой водѣ. Я вижу немного поодоль песчаныя гряды высокихъ дюнъ, поросшія рѣдкой сухою и жесткой травой, сырыя болотца съ окнами воды посрединѣ—привольный пріютъ безчисленной плавающей птицы.

Мы входимъ въ устье маленькой рѣчки, въ той болѣе южной части Канина, гдѣ еще попадаются кое-гдѣ рощицы чахлыхъ деревьевъ, и кустарникъ по рѣчнымъ берегамъ растетъ гуще и выше, чѣмъ въ болѣе сѣверныхъ тундрахъ. Рѣчка вьется змѣей и, блестя серебристою рябью, выползаетъ изъ густого ивняка и корявыхъ лиственницъ. Странная эта рѣчка. Отъ ея имени вѣетъ мракомъ долгихъ и темныхъ полярныхъ ночей. Она называется—«Мгла».

Нѣсколько деревянныхъ домовъ брошены въ безпорядкѣ на

высокой ея сторонѣ. Они прикрыты отъ студеныхъ морскихъ вѣтровъ высокимъ дюновымъ валомъ. Это одно изъ крайнихъ сѣверныхъ русскихъ селеній, гдѣ живутъ люди, которые не только ловятъ рыбу, бьютъ тюленей, но и косятъ сѣно, держатъ коровъ, лошадей, овецъ и куръ и даже сажаютъ немного картофеля.

Имя поселка взято отъ имени рѣки—«Нижняя Мгла».

— Здѣсь живетъ Илья! Хорошій человѣкъ! Добрый человѣкъ! Другъ мнѣ...

Такъ говоритъ Ѳома, когда мы причаливаемъ къ берегу. Мы беремъ наши ружья и сумки и выходимъ на берегъ.

Теперь насъ только двое, кромѣ команды карбаса. Третій товарищъ не выдержалъ тягостей пути: его нѣтъ больше съ нами. Воспользовавшись случаемъ, онъ уѣхалъ, дня за два назадъ, на югъ съ рыбаками, направлявшимися въ городъ Мезень.

На берегу насъ встрѣчаетъ Илья, голубоглазый, красивый поморъ съ привѣтливой, доброй улыбкой, съ густыми русыми кудрями и ладною свѣтлой бородкой. Онъ радостно привѣтствуетъ Фому и радушно приглашаетъ насъ въ домъ.

Въ его привѣтѣ нѣтъ раболѣпнаго поклона господамъ, въ ясныхъ глазахъ его не спрятано хитрыхъ расчетовъ, нѣтъ мысли о возможности поживиться отъ васъ, услужить вамъ за деньги. Мы видимъ только гостепріимство свободнаго человѣка, который радуется новымъ людямъ, пришедшимъ издалека, чтобы нарушить его одиночество.

Въ его движеніяхъ много благородства и достоинства. Я любуюсь его статной фигурой и думаю о томъ, что такими, быть можетъ, были отважные свободные новгородцы, заселявшіе сѣверъ.

VIII.

Въ просторномъ домѣ встрѣчаетъ насъ мальчикъ-подростокъ, улыбающійся намъ всѣмъ ртомъ и глазами и блѣдная, задумчивая дѣвушка лѣтъ восемнадцати. Она смотритъ широко раскрытымъ взглядомъ на меня и на моего высокаго спутника, который вѣжливо и ласково кланяется ей со словами: «Здравствуй, красавица»...

Дѣвушка кланяется, густо краснѣетъ и уходитъ съ улыбкой смущенія и радости. Мы переглядываемся и говоримъ, оставшись вдвоемъ, о томъ, что пріятно послѣ столькихъ дней непрерывныхъ скитаній вновь очутиться въ тепломъ и чистомъ жильѣ,

слышать человѣческую рѣчь, видѣть красивыхъ людей. «И красивую дѣвушку», прибавляетъ товарищъ.

Подходитъ Илья и ведетъ насъ показывать домъ и хозяйство. Домъ большой, въ два жилья: лѣтнее и зимнее. Первое внизу, второе вверху надъ нимъ. Въ томъ и другомъ по нѣскольку комнатъ и клѣтей. Въ нижнемъ клади и амбары, вверху, вровень съ жильемъ, зимніе хлѣвы и закуты для скота и домашней птицы. Этотъ верхній дворъ зовется «повѣтью», какъ вездѣ на сѣверѣ. Бревенчатый пологій, широкій сходъ ведетъ оттуда на задній дворъ, окруженный плетнемъ и сѣннымъ сараемъ.

По приставленной лѣстницѣ мы взбираемся со двора на крышу, чтобы оглядѣть окрестность. Видимъ свѣтлую полоску рѣки, кудрявую кайму прибрежныхъ кустовъ, низкую лайду, поросшую буйной травой и усѣянную лужами стоячей воды. Вдали, откуда течетъ рѣка, темнѣетъ полоска лѣса.

— Тамъ за лѣсомъ озеро. Наша Мгла выпадаетъ оттуда,— говоритъ Илья и указываетъ пальцемъ. Узкая сѣровато-голубая ленточка надъ темною стѣною деревьевъ.

Завтра же мы съѣздимъ на озеро. Илья будетъ насъ провожать.

Мы слѣзаемъ съ крыши. Илья на ходу отвѣчаетъ на наши разспросы. Разговаривая, онъ ведетъ насъ къ берегу моря. Тамъ стоитъ старый деревянный крестъ, поставленный дѣдомъ Ильи, первымъ поселенцемъ на р. Мглѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра ***. Насмотрѣвшись, мы поворачиваемъ домой. Мы подходимъ къ крыльцу и видимъ его дочь, которая стоитъ неподвижно за пріоткрытою дверью и захлопываетъ ее, когда наши шаги начинаютъ звучать по деревяннымъ ступенямъ.

— Какая красавица у тебя дочь,—говорю я Ильѣ.—Только не въ тебя она; должно быть въ жену.

— Да,—отвѣчаетъ Илья.—Въ покойницу она вся. Въ первую мою жену. Я, вѣдь, на второй поженился, — добавилъ онъ, и вдругъ лицо его дѣлается серьезнымъ и перестаетъ улыбаться.

Мы проходимъ въ горницу, садимся за столъ.

— Ну, Катюша,—говоритъ Илья дочери.—Угощай гостей, ставь на столъ, что есть въ домѣ.

Дочь, потупясь, подаетъ посуду, хлѣбъ, молоко. Товарищъ ласково говоритъ съ ней и опять называетъ красавицей. Дѣвушка снова краснѣетъ и какъ-то странно усмѣхается. Грустная мысль, какъ тѣнь, проходитъ по ея лицу.

За самоваромъ Илья разспрашиваетъ насъ о нашей поѣздкѣ, о жизни въ далекой Россіи, о большихъ городахъ и столицахъ.

Мой спутникъ въ ударѣ. Онъ много говоритъ, разсказываетъ о всѣхъ нашихъ приключеніяхъ, о томъ, гдѣ онъ бывалъ, о Кавказѣ, Туркестанѣ, Персіи, говоритъ о теплыхъ странахъ, гдѣ не бываетъ зимы и длинныхъ ночей, говоритъ о южномъ солнцѣ и синемъ небѣ, говоритъ о Москвѣ и Петербургѣ, о другихъ большихъ городахъ, о томъ, какъ быстро тамъ возитъ въ большихъ каретахъ людей невидимая сила, какъ ярко горятъ фонари по ночамъ, какъ много тамъ людей, лошадей и машинъ, какъ шумно и суетно бѣжитъ повседневная городская жизнь.

Всѣ слушаютъ и дивятся. Катюша неотступно глядитъ на разсказчика.

И вдругъ, какъ бы забывшись, спрашиваетъ:

— А правда, что въ Москвѣ церквей сорокъ сороковъ и всѣ съ золотыми головами?

— Правда,—отвѣчаетъ товарищъ и улыбается ей.

Мы встаемъ, благодаримъ и уходимъ готовить все на завтра для поѣздки на озеро.

Я отправляюсь на карбасъ, собираю пожитки, приказываю спустить и уладить весельную лодку, на которой мы двинемся въ путь. Забираю свою двустволку, порохъ и дробь, чтобы заготовить себѣ патроновъ и вычистить ружье.

Возвращаюсь и вижу недалеко отъ крыльца рядомъ двухъ человѣкъ, которые смотрятъ въ лицо другъ другу: высокую фигуру товарища съ ружьемъ, которое онъ только что чистилъ шомполомъ съ навернутымъ на него кускомъ грубой тряпки, и маленькую худую фигурку Катюши съ нервно сжатыми пальцами рукъ.

Она, волнуясь, говоритъ ему: вотъ онъ называетъ ее красавицой, а она только несчастная дѣвушка, о которой позабылъ Богъ. Она больна, она сохнетъ день ото дня, а ее не хотятъ лѣчить; жить ей здѣсь постыло, никто не любитъ ее. Отецъ раньше любилъ, а женился на молодой, пересталъ любить такъ, какъ прежде; а мачеха не даетъ ей жить, попрекаетъ хлѣбомъ, слабой работой, а про болѣзнь не вѣритъ.

Она говоритъ, что ей хотѣлось бы посмотрѣть ту далекую сторону, откуда мы пришли, гдѣ солнце грѣетъ теплѣе и дольше, гдѣ не бываетъ такой темной зимы, какъ здѣсь. Она будетъ молиться за него, будетъ служить ему до самаго гроба, если онъ сдѣлаетъ это.

Она говоритъ, не запинаясь, не робѣя, торопливо и нервно, какъ не говорятъ деревенскія дѣвушки.

Спутникъ мой удивленно качаетъ головой; на лицѣ его

растерянность и досада. Онъ толкуетъ ей что-то про доктора, недовѣрчиво оглядываетъ ее съ ногъ до головы и вдругъ отворачивается и уходитъ въ избу. Дѣвушка остается одна и стоитъ неподвижно, какъ будто не замѣчая меня.

Она задумчиво смотритъ мимо — туда, гдѣ темнѣетъ море. На лицѣ ея разцвѣтаетъ странная мечтательная улыбка, и глаза, покрытые прозрачною дымкой, глядятъ неподвижно и странно.

Что съ ней?

Я спохватываюсь на томъ, что стою и наблюдаю за дѣвушкой. Мнѣ становится стыдно, и я прохожу въ домъ, стараясь не глядѣть на нее.

Странная дѣвушка!

IX.

Мы хорошо отдохнули на мягкихъ постеляхъ, постланныхъ намъ Катюшей. Утромъ немного проспали, и теперь торопимся собраться скорѣе, чтобы не упустить прилива, который далеко вбѣгаетъ вверхъ по рѣчкѣ и поворачиваетъ на нѣкоторое время ея теченіе вспять. Илья торопитъ дочь, которая подаетъ намъ ѣду. Товарищъ благодаритъ ее, но уже не улыбается больше и не называетъ ее красавицей. За то дѣвушка не перестаетъ свѣтиться своей странной улыбкой и не сводитъ глазъ съ товарища.

И вотъ мы снова въ пути. Мы исчезаемъ изъ дома на трое сутокъ. Илья, товарищъ и я поднимаемся вверхъ по привольной, извилистой Мглѣ. Мы идемъ то силой прилива, то веслами, то вѣтромъ. Смотримъ, разспрашиваемъ, дѣлаемъ съемки.

Здѣсь уже не такъ пустынно, какъ на Чижѣ и на Чешѣ. Кое-гдѣ попадаются люди, косятъ и сушатъ сѣно, ставятъ стоги, смотрятъ на насъ съ любопытствомъ.

Иногда мы встрѣчаемъ небольшіе поселки въ три-четыре дома. Мы пристаемъ къ нимъ, выходимъ на берегъ, знакомимся съ людьми. Мы всему любопытствуемъ и записываемъ то, что удается услышать.

Намъ нравятся эти потомки новгородцевъ, продолжающіе до сихъ поръ ихъ дѣло покоренія суроваго сѣвера. Мы слышимъ въ ихъ говорѣ старинные обороты, древнія слова, давно вышедшія изъ нашего обихода.

Насъ занимаетъ ихъ умѣніе обходиться безъ заимствованныхъ басурманскихъ словъ и названій, для обозначенія прони-

кающихъ къ нимъ новыхъ вещей и понятій. Намъ нравится, что они зовутъ «маткой» компасъ, «маховкой»—флагъ на вершинѣ мачты, «полуночникомъ»—свирѣпый нордъ-остъ.

Мы узнаемъ, что этотъ смѣлый, грамотный и умный народъ сумѣлъ унести съ собой за полярный кругъ тотъ старинный укладъ и упорство искренней старой вѣры, которая долго цвѣла вездѣ по сѣвернымъ лѣснымъ скитамъ.

Познакомившись ближе съ людьми, мы начинаемъ лучше понимать то, что поражало насъ среди безлюдной пустыни. Вѣдь мы не разъ находили пріютъ во время нашего пути въ маленькихъ промысловыхъ избушкахъ, построенныхъ невѣдомо кѣмъ, невѣдомо когда по морскимъ и рѣчнымъ берегамъ. Въ нихъ встрѣчали мы запасъ топлива, коробки спичекъ, положенныхъ у чернаго зѣва печки, иногда мѣшокъ съ высохшими черными сухарями и сухою мукой, прикрытой берестовой коробкой.

Возлѣ кинутыхъ людьми становищъ мы встрѣчали часовни съ деревянными крестами вверху; въ часовняхъ иконы въ старинныхъ серебряныхъ ризахъ, лампады, полныя масломъ, церковные подсвѣчники съ восковыми свѣчами, небольшой запасъ свѣчей и деревяннаго масла и мѣдную тарелку съ оставленными кѣмъ-то на ней мелкими монетами.

Сколько времени лежатъ эти скромныя приношенія неизвѣстныхъ людей?

Говорятъ, много мѣсяцевъ, потому что только разъ въ годъ пріѣзжаетъ староста часовни за деньгами, сложенными на блюдѣ и оставляетъ новый запасъ спичекъ, лампаднаго масла и свѣчей.

Неизвѣстные путники приходятъ и ночуютъ въ становищахъ, заходятъ помолиться въ часовни, и никому не является лукавая мысль коснуться жертвенныхъ денегъ. Проходятъ кочевья полуязычниковъ - самоѣдовъ со своими оленями, поправляютъ покосившійся отъ вѣтра крестъ на часовнѣ и идутъ дальше. Пріѣзжаютъ и останавливаются поморы, промышленники за рыбой или звѣремъ. Усердно крестятся двуперстіемъ, глядя на убранные темные лики, крѣпко кладутъ въ земь уставные поклоны, каждый молитъ объ удачѣ и добромъ промыслѣ и каждый съ охотой возжигаетъ свою свѣчу передъ своимъ угодникомъ.

Всѣ они, сколько могутъ, оставляютъ на мѣдной тарелкѣ посильную жертву, а съ собой уносятъ умиленіе и неложную надежду на заступничество и помощь.

Чьи это избы, чьи часовни и все, что въ нихъ?

Всѣхъ и каждаго, кому придется здѣсь быть, и всякій бережетъ это общее достояніе, какъ умѣетъ.

Не похожи люди, которыхъ родитъ суровая мать пустыня на тѣхъ, что живутъ въ суетныхъ городахъ и шумныхъ столицахъ.

X.

Мы поднимаемся все выше и выше по рѣкѣ.

Подъ защитой высокихъ холмовъ береговыхъ грядъ разрастаются настоящія рощи березъ, елей, лиственницъ, привѣтно зеленѣющихъ озаренною солнцемъ листвой. На пути мы встрѣчаемъ «заборы», перегораживающіе рѣку для ловли проходной рыбы. Противъ поднятыхъ маленькихъ шлюзовъ — «засововъ» положены плетеныя «ежи», т. е. верши. Мы съ трудомъ подвигаемся черезъ эти препятствія и двигаемся дальше. Вотъ, наконецъ, озеро, которое мы искали. Впрочемъ, сперва мы видимъ чахлый хвойный лѣсокъ корявыхъ пихтъ, находящихся въ смертельной борьбѣ съ болотомъ. Корни ихъ зябнутъ въ мерзлой землѣ, никогда не оттаивающей больше, чѣмъ на аршинъ глубины. Вершины ихъ сохнутъ, голыя вѣтви, изуродованныя морозомъ и вѣтромъ, похожи на простертыя въ послѣднемъ отчаяніи руки. Зловѣщими длинными прядями свѣшивается съ нихъ, какъ истрепанныя, грязныя лохмотья, черный лишай, мрачный предвѣстникъ ихъ смерти.

Но лѣсъ невеликъ. Скоро ужъ сквозь темные стволы деревьевъ начинаетъ свѣтлѣть голубое стекло тихаго озера. Берега его уложены, словно каймою, приземистой порослью ивъ. Кое-гдѣ сбѣгаетъ къ водѣ влажный моховой коверъ, по которому раскиданы кочки съ кустами цвѣтовъ и бѣлыми султанами пушицы. Кое-гдѣ сочатся моховые ручьи въ берегахъ, еле возвышающихся надъ водой. Кое-гдѣ виднѣются корявыя пихты и лиственницы. Многочисленныя утиныя стаи плаваютъ поодаль, прячась съ приближеніемъ лодки въ темнозеленыя чащи озернаго высокаго камыша. Мы у цѣли.

Высаживаемся на берегъ возлѣ промысловой избушки, построенной Ильей, раскладываемъ костеръ и ставимъ на него нашъ походный котелъ. Усаживаемся на разостланныя оленьи шкуры и принимаемся за ѣду. Илья подсаживается къ намъ и ѣстъ съ нами изъ одного котла. Поздно ложимся мы спать. Илья въ избѣ, мы съ товарищемъ на волѣ на нашихъ оленьихъ шкурахъ. Мы шепчемся о томъ, какъ спокойно и тихо въ пу-

стынѣ. Вспоминаемъ о странной дѣвушкѣ, которую мы встрѣтили въ Нижней Мглѣ.

— Порченая она у меня,—раздается неожиданно для насъ голосъ Ильи изъ темной избы. — Самъ не знаю, что съ ней. Чего кажется? Все есть у нея. Такъ нѣтъ. Рвется, тоскуетъ, говоритъ, что не любятъ ее. А ужъ, какъ больше любить и не знаю!

Мы молчимъ, не знаемъ, что отвѣтить.

— Мачеха точно,—не всегда ласкова,—прибавляетъ тихо Илья и умолкаетъ.

Грустнымъ вдругъ показалось мнѣ озеро. Въ этомъ негаснущемъ днѣ стало чудиться мнѣ какое-то напряженіе черезъ силу, какое то томленіе и тоска. Я долго не могу заснуть и ворочаюсь съ боку на бокъ.

XI.

На другой день Илья ведетъ насъ на «Чудскія ямы». Это послѣдніе слѣды древняго становища таинственной Чуди, которая когда-то крѣпко боролась за землю съ новогородцами и отъ которой осталось лишь ея имя да вотъ эти ямы, еле замѣтные слѣды ея землянокъ. Мы обходимъ, обмѣриваемъ озеро и на слѣдующій день возвращаемся на Нижнюю Мглу.

По дорогѣ Илья показываетъ намъ другую избушку, которую онъ недавно построилъ. Онъ хвастаетъ тѣмъ, что въ окошкахъ вставлены даже стекла. Роскошь немалая среди тундры. Въ углу, ниже образа, пристроена заботливо полка. На ней сухой каравай, соль въ деревянной коробкѣ, мѣшочекъ съ мукой, запечатанная жестянка, немного крупной дроби и пыжей для шомпольнаго ружья.

— Для чего ты столько заготовилъ,—спрашиваю я его.

— А кого Богъ приведетъ, заблудится кто: вотъ и пригодится,—отвѣчаетъ Илья. Простые глаза его свѣтятся лаской и добротой...

Еще нѣсколько дней гостили мы у Ильи въ Нижней Мглѣ. Это послѣдняя наша станція на Канинѣ. Мы изслѣдуемъ морскіе берега, охотимся, чертимъ планы окрестностей, снимаемъ шкурки птицъ и укладываемъ наши коллекціи. За ужиномъ иногда засиживаемся, когда собираются всѣ, разспрашиваемъ стариковъ и сами отвѣчаемъ на ихъ разспросы.

Катюша сидитъ въ углу, не ѣстъ съ нами, молчитъ, о чемъ то думаетъ.

— А гдѣ же твоя жена, Илья?—спрашиваю я его.—Отчего мы ее не видали.

Катя встаетъ, криво усмѣхается, смотритъ на отца и уходитъ съ недоброй улыбкой.

Илья глядитъ на меня растерянно. Лицо его становится жалкимъ и грустнымъ. Онъ машетъ рукой, какъ будто отмахивается и говоритъ:

— Не спрашивай, милый. Скоро пріѣдетъ. Да что ужъ. Не спрашивай...

И снова машетъ рукой и грустно смолкаетъ. И мнѣ странно думать о томъ, что и здѣсь у самаго края пустыни, такъ далеко отъ нашей тѣсной изломанной жизни, на этомъ привольѣ, среди добрыхъ, простыхъ и, казалось мнѣ, сильныхъ людей, живетъ тяжелая тайна, что-то больное, что гнететъ и гложетъ ихъ сердце и что нужно скрывать и прятать.

XII.

Но ужъ поздно. Августъ все гуще начинаетъ хмурить по ночамъ свои короткія сумерки. Съ сѣвера наплываютъ облака. Становится холоднѣе. Надо пользоваться попутнымъ вѣтромъ. Фома говоритъ, что всю ночь онъ слышалъ, какъ чавкали по рѣкѣ утки. А это значитъ, по его примѣтѣ, что надо плыть, чтобы не остаться на долго.

Мы сносимъ на баркасъ нашу поклажу и прощаемся съ добрымъ Ильей. Я остаюсь съ нимъ вдвоемъ и хочу дать ему денегъ за всѣ хлопоты и тревоги, которыя мы ему причинили. Онъ не беретъ, обижается, говоритъ, что былъ радъ принять насъ и послужить, чѣмъ могъ. Я чувствую, что не надо настаивать и сдаюсь. Прощаюсь съ нимъ и съ подросткомъ сыномъ. Добрыя пожеланія провожаютъ меня.

Наконецъ я беру послѣднюю поклажу и направляюсь къ карбасу, гдѣ Филя и Мотя ставятъ паруса, и уже вьется по вѣтру на мачтѣ длинная маховка. Илья съ Фомой остаются еще въ избѣ, имъ хочется что то сказать на прощанье другъ другу. Недалеко отъ карбаса, у прибрежныхъ кустовъ я вдругъ останавливаюсь, какъ онѣмѣлый.

Мой высокій спутникъ, нагибаясь, стоитъ спиною ко мнѣ. Передъ нимъ на землѣ на колѣняхъ Катюша. Она цѣпляется за

его руки, она торопится высказать все, что чувствуетъ. Слезы бѣгутъ по ея щекамъ, но глаза открыты и смотрятъ вверхъ на него горячечнымъ взоромъ, какъ будто въ бреду.

Она говоритъ, что не можетъ здѣсь оставаться. Она умоляетъ взять ее вмѣстѣ съ собой. Здѣсь все ей постыло, все не мило, здѣсь ей все равно не житье. Онъ долженъ ее спасти, долженъ увезти ее, показать ей златоглавыя церкви, прекрасные города, другое солнце, другое небо. Она не хочетъ больше зимы, хочетъ тепла, вѣчнаго лѣта и за то она будетъ любить его, будетъ его вѣрной служанкой.

Она говоритъ ему такъ, какъ стыдятся говорить дѣвушки, не выпускаетъ его руку, не отрываетъ отъ него своихъ глазъ. Онъ наклоняется къ ней низко, тихо говоритъ ей о чемъ то, гладитъ ее по головѣ и вдругъ вырываетъ руку, выпрямляется и, повернувшись, идетъ большими шагами, быстро взбѣгаетъ по сходнямъ на карбасъ.

Нѣсколько минутъ остается еще на землѣ блѣдная дѣвушка, потомъ медленно встаетъ и, схватившись руками за грудь, медленно, пошатываясь, проходитъ мимо меня, не оглянувшись ни разу назадъ.

Я стою неподвижно, гляжу ей вслѣдъ и думаю о томъ, что случилось. Съ берега тихо спускаются къ карбасу Илья и Фома, останавливаются, жмутъ руки и крестятъ другъ друга.

Вдругъ всѣ вздрагиваютъ и поворачиваютъ головы: гдѣ то недалеко у моря громко заплакала гагара. Льются печальные вопли, плачутъ и стонутъ, жалуются, зовутъ на помощь, надрываютъ душу тоской...

XIII.

Слабый повѣтеръ чуть выгибаетъ паруса на мачтахъ. Мы дѣлаемъ послѣднiй переходъ на нашемъ карбасикѣ. Идемъ на Мезень, гдѣ пересядемъ на большой пароходъ, чтобы ѣхать въ Архангельскъ.

Тамъ уже будетъ все инымъ; тамъ оборвется связь, родившаяся между нами и сѣвернымъ моремъ и этимъ небомъ и низкими берегами, которые все еще маячатъ вдали, теперь уже слѣва отъ насъ.

Мы тихо уходимъ на югъ и уносимъ съ собой смутное чувство вины, нашей или невѣдомо чьей, неясную тревогу, которая медленно замираетъ среди морского покоя. Снова неслышный

ходъ карбаса баюкаетъ и опьяняетъ насъ, снова для насъ время останавливаетъ свой полетъ, снова плачутъ гагары и звенятъ крылья птичьихъ стай, тяжко вздыхаютъ въ морѣ бѣлые дельфины, звучитъ невыразимая музыка Ледовитаго моря. Но теперь къ ней прибавляется то, чего мы не знали, когда шли въ іюнѣ на сѣверъ: это грустныя и красивыя, ночныя многоцвѣтныя зори.

Въ августѣ солнце садится глубже за край горизонта, сумерки густѣютъ все больше и больше. За то весь западъ и сѣверъ загораются свѣтозарными отблесками, которые, какъ золотое зарево земного пожара ходитъ по небу, мѣняя и силу и цвѣтъ. И все, что творится на небѣ, повторяетъ въ себѣ внизу глубина океана.

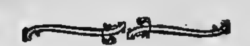
Намъ не до сна въ эти послѣднія сѣверныя ночи. Молча сидимъ мы вновь до утра у борта и хотимъ наглядѣться на небо, проститься съ океаномъ. И вмѣстѣ съ золотыми и багряными отсвѣтами, озаренныхъ небесныхъ тумановъ, летятъ наши думы, безслѣдно уплывая въ безвѣстную даль. Вспоминается покинутая пустынная земля, молчаливая тундра и все, что мы пережили въ ней, бродя по ея воднымъ дорогамъ. И въ моей душѣ шевелится какое то неладное чувство, не то обиды, не то сожалѣнія. Зачѣмъ мы приходили въ эту пустыню и уходимъ такими же чужими ей, какъ и были?

Вспоминаются люди на Нижней Мглѣ: смущенное лицо Ильи и его прорвавшаяся наружу, но не разгаданная нами тайна; вспоминается блѣдная дѣвушка съ ея печальной жалобой, съ ея послѣдней мольбой, не получившей отвѣта. «Порченая», слышится мнѣ сокрушенный голосъ отца. «Порченая», повторяетъ за нимъ мой товарищъ. Не знаю я, порченая ли она или просто больная, изстрадавшаяся душа. Не все ли равно. Ея жизнь стиснута горемъ, она чахнетъ и гнется подъ тяжелымъ сѣвернымъ небомъ, въ надоѣвшемъ, опостылѣвшемъ мірѣ отцовскаго дома. Она тянется къ солнцу, проситъ тепла и свѣта. А мы? Мы только путники, случайно проходившіе мимо. Мы чуждые люди, люди другой земли. Чѣмъ могли мы помочь ей? Вѣдь ей приснился сказочный сонъ, многоцвѣтный, какъ осеннія зори, сонъ о прекрасномъ Иванѣ Царевичѣ, который долго скитался по морямъ и дорогамъ, чтобы отыскать и освободить ее изъ плѣна, увезти въ свои золотыя хоромы къ горячему яркому солнцу. И этотъ сонъ обманулъ ее. Не дождаться ей Ивана Царевича, не уйти изъ постылой неволи... Что-жъ, это участь не одной только блѣдной дѣвушки изъ Нижней Мглы.

А зори съ каждымъ днемъ все длиннѣе и радужнѣе. На темнѣющемъ синемъ востокѣ загорается безсмертнымъ огнемъ величавый и яркій Юпитеръ, первая и единственная звѣзда, которую мы наконецъ видимъ.

Прощай, владыко сѣверъ! Мы плывемъ къ родинѣ. Теперь уже скоро надъ нами раскинется другое, болѣе темное и знакомое небо, богатое звѣздами, опоясанное блѣднымъ сіяніемъ млечнаго пути. Оно не знаетъ этого нескончаемаго лѣтняго дня, не знаетъ и долгаго зимняго мрака. Но и такихъ медленныхъ богатыхъ, радужныхъ зорь, безконечныхъ въ своихъ грустныхъ переливахъ, въ многоцвѣтномъ горѣніи не знаетъ небо моей родины. Прощай, могучій и привольный сѣверъ.

С. В. Покровскій.

ИЗЪ ДѢТСТВА.

Въ годы дѣтства голубого, знойнымъ лѣтомъ, ночью звѣздной,
Мнѣ проснуться было ново у открытаго окна,—
И слѣдить теченье ночи, и глядѣть въ ночныя бездны,
Раскрывать живыя очи, прогоняя чары сна.

Песъ дворовый, спавшій чутко, подходилъ, хвостомъ махая,
На меня въ истомѣ жуткой обращалъ съ вопросомъ взглядъ:
И съ нимъ вмѣстѣ мы внимали и глядѣли, понимая,
На лазоревыя дали и на полный тайны садъ.

Что-то знающая кошка, непонятно мнѣ откуда,
Появлялась у окошка и смотрѣла на меня,
Какъ на друга. Было страшно, и отрадно. Было чудо.
Ночь плыла свѣтло и мрачно, міръ крылами осѣня.

Мать спала, совсѣмъ не зная, чѣмъ я ночью упивался.
Ночь разсѣивалась, тая. Утромъ слышалъ я вопросъ:
«Ты сегодня блѣденъ, крошка?» Я за таинство боялся.
Я молчалъ. Молчала кошка. Нѣмъ и простъ былъ добрый песъ.

В. Фишеръ.

КЪ ТЕОРІИ ГОРОДСКОЙ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ [1]).

Когда вырабатывались основы общей теоріи ренты, экономисты мало интересовались городской рентой [2]). Въ центрѣ изслѣдованія стоялъ тогда вопросъ о хлѣбныхъ цѣнахъ. Въ началѣ XIX в. вниманіе англійскаго общества привлелекало странное на первый взглядъ совпаденіе высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, — независимо отъ хлѣбныхъ пошлинъ, — съ расширеніемъ обрабатываемой площади и улучшеніемъ сельскохозяйственной культуры. Изслѣдованіе этого загадочнаго явленія и привело почти одновременно (около 1815 г.) нѣсколькихъ англійскихъ экономистовъ (Веста, Мальтуса и Рикардо) къ открытію такъ назыв. «закона уменьшенія земледѣльческаго дохода» [3]). Теорія сельскохозяйственной ренты могла тогда найти себѣ законное выраженіе. Къ идеѣ объ экстенсивномъ

---

[1]) Докладъ, прочитанный въ отдѣленіи теоретической экономіи общества имени А. И. Чупрова 3 апрѣля текущаго года.

[2]) Правда, уже Ад. Смитъ затрогивалъ вопросъ о городской рентѣ, видя въ ней результатъ монополіи владѣльцевъ городской земли. Но неопредѣленность его общихъ взглядовъ на природу поземельной ренты мѣшала ему и здѣсь составить достаточно ясное сужденіе, тѣмъ болѣе, что онъ касался вопроса о городской рентѣ мимоходомъ (въ связи съ вопросами о «естественныхъ неравенствахъ заработной платы и прибыли» и объ установленіи налоговъ на городскіе дома). Wealth of nations, ed. by Cannan, I стр. 119—120 и II, стр. 324—329. Мы находимъ у него, впрочемъ, какъ всегда, отдѣльныя интересныя замѣчанія, сходныя съ нѣкоторыми соображеніями, выдвинутыми въ новѣйшемъ обсужденіи вопроса.

[3]) Принципъ этого «закона» былъ ясно понятъ и отчетливо выраженъ еще Тюрго въ написанномъ около 1768 г. и повидимому оставшемся совершенно неизвѣстнымъ англійскимъ эномомистамъ этюдѣ: «Observations sur le mémoire de M. de Saint-Peravy». См. Ed. Cannan, «A history of the theories of production and distribution in english political economy» (изд. 2-ое, Лондонъ), 1903, стр. 147—146.

предѣлѣ обработки, хорошо формулированной уже Андерсономъ, присоединилось указаніе интенсивнаго предѣла, и основной кругъ объясненія ренты могъ быть замкнутъ. Эти существенные элементы теоріи сельскохозяйственной ренты лучше всего удалось связать въ одно цѣлое и объединить съ общей системой теоретической экономіи Давиду Рикардо. И хотя теорія ренты Рикардо не имѣла недостатка въ возраженіяхъ, порой весьма рѣзкихъ, она стойко выдержала нападенія критики и въ основахъ своихъ остается непоколебленной.

Иную судьбу имѣла теорія городской ренты. Когда, въ связи съ обостреніемъ жилищнаго вопроса въ большихъ городахъ, началась теоретическая разработка и вопроса о городской поземельной рентѣ, не появилось ни одной теоріи, которая встрѣтила бы единодушное или сколько-нибудь широкое признаніе. Сложность и запутанность практическихъ проблемъ городского земле-и домовладѣнія застилала отъ взоровъ изслѣдователей чисто-теоретическіе горизонты и чѣмъ дальше, тѣмъ въ большей степени. Въ выросшей до громадныхъ размѣровъ,—преимущественно нѣмецкой,—литературѣ вопроса попытки глубокаго теоретическаго изслѣдованія тонутъ въ массѣ практическихъ соображеній, связанныхъ съ текущими нуждами и злобами дня, и въ безконечной—иногда переходящей границы пристойности—полемикѣ. Правда, въ новѣйшемъ обсужденіи вопроса о городской рентѣ все сильнѣе слышится убѣжденіе, которому не остаются чужды и авторы, выдвигающіе на первый планъ практическія задачи,—въ необходимости прежде всего выяснить теоретическую сторону дѣла. «Если нѣтъ полной ясности относительно понятія и сущности поземельной ренты, научное обсужденіе городскаго земельнаго вопроса невозможно» [1]). Но для того, чтобы поставить теоретическое изслѣдованіе городской ренты на должную высоту, необходимо строго логически связать его съ основами общей теоріи ренты, намѣченными при анализѣ ренты сельскохозяйственной. Въ теоретической сумятицѣ, поднятой полемическими увлеченіями и заботами о скорѣйшемъ рѣшеніи наболѣвшихъ практическихъ вопросовъ минуты, затерялась ясная для прежнихъ экономистовъ связь вопроса о городской рентѣ съ общей теоріей ренты Рикардо-Тюнена. Нужно прежде всего поднять эту оброненную нить и поискать въ теоріи ренты Рикардо отправныхъ пунктовъ, которые помогли бы освѣщенію поставленнаго спеціальнаго вопроса. Это не исклю-

---

1) Ad. Weder. Boden und Wohnung. Leipzig, 1908, стр. 23

чаетъ, конечно, дальнѣйшаго пристальнаго изученія особенностей природы городской ренты. Если черезчуръ поверхностное сближеніе теоріи городской ренты съ теоріей ренты сельскохозяйственной мѣшаетъ выясненію существенныхъ сторонъ городской ренты, то не меньшимъ, а иногда даже болѣе тормозящимъ правильный ходъ научной работы недостаткомъ являются и чрезмѣрныя претензіи на оригинальность, поспѣшный отказъ отъ богатаго наслѣдства предковъ. Намъ кажется, что въ основу изслѣдованія каждаго спеціальнаго вида ренты необходимо поставить слѣдующую мысль, заключенную въ теоріи Рикардо: *въ мѣновомъ хозяйствѣ рента возникаетъ въ результатѣ установленія цѣны продуктовъ на единомъ рынкѣ этихъ продуктовъ.*

Всякій, внимательно изучавшій Рикардо, знаетъ, что его теорія ренты тѣснѣйшимъ образомъ связывается съ теоріей рыночныхъ цѣнъ. Но по особенностямъ своей писательской манеры, оставляющей многое на долю проницательности читателя, Рикардо мало останавливается на этой сторонѣ дѣла. Въ первой фразѣ главы о рентѣ своихъ Principles Рикардо ставитъ себѣ задачей разсмотрѣть, «создаетъ ли обращеніе земли въ собственность и вытекающее отсюда появленіе ренты какое-либо измѣненіе въ относительной цѣнности товаровъ независимо отъ количества труда, необходимаго для производства» [1],—и заполняетъ эту главу почти исключительно соображеніями о натуральной рентѣ, рентѣ въ продуктѣ. Вопросу о натуральной рентѣ онъ удѣляетъ много мѣста и въ другихъ отдѣлахъ книги. Отмѣчая связь ренты съ установленіемъ рыночныхъ цѣнъ, Рикардо почти всегда предполагаетъ, что предѣльныя условія предложенія сельско-хозяйственныхъ продуктовъ (производство хлѣба на худшихъ участкахъ) допускаютъ полную свободу конкуренціи, ибо такіе худшіе участки находятся въ изобиліи по отношенію къ спросу на нихъ. Отсюда Рикардо интересуется по преимуществу дифференціальной рентой, и существуетъ довольно распространенное мнѣніе, приписывающее Рикардо односторонній взглядъ на ренту въ смыслѣ признанія только дифференціальной ренты. Между тѣмъ Рикардо совершенно опредѣленно высказывался и за возможность монопольной ренты. Въ главѣ о «налогахъ на иные товары, чѣмъ сырой продуктъ», т. е. на издѣлія обрабатывающей промышленности, онъ мимоходомъ (характерно для его писательской манеры!) бросаетъ нѣсколько

---

[1]) D. Ricardo, «Principles of Political Economy and Taxation». (Лондонъ, 1895, стр. 44).

замѣчаній, имѣющихъ громадное принципіальное значеніе для изслѣдованія ренты. Въ отличіе отъ обыкновенныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, такіе предметы, какъ рѣдкія вина, производимыя на почвахъ совершенно особаго качества, продаются на рынкѣ по монопольной цѣнѣ. «Ихъ количество не можетъ быть увеличиваемо и ихъ цѣна ограничивается только размѣрами (покупательной) силы и желаніями покупателей. Рента съ такихъ виноградниковъ можетъ быть поднята дальше всякихъ умѣренно намѣчаемыхъ предѣловъ, потому что никакая другая земля не можетъ производить такихъ винъ и не можетъ быть введена въ конкуренцію съ ними» [1]).

Ясно, что Рикардо считалъ возможной ренту, не находящуюся ни въ какой связи съ издержками производства, и которая, слѣдовательно, должна входить, наряду съ издержками, какъ самостоятельный элементъ въ цѣну продукта. Но онъ придавалъ ей практически мало значенія. Если его перечень («нѣкоторыя рѣдкія статуи и картины, рѣдкія книги и монеты, вина особаго качества») и не былъ исчерпывающимъ съ его точки зрѣнія, то во всякомъ случаѣ онъ полагалъ, что такіе товары «образуютъ очень незначительную часть массы товаровъ, ежедневно обращающихся на рынкѣ» [2]). Рикардо предвидѣлъ и случай монопольной цѣны хлѣба и образованіе монопольной ренты съ полевыхъ участковъ. И не только въ видѣ временнаго уклоненія отъ нормы, но и какъ постоянное явленіе, «если на имѣющихся земляхъ нельзя приложить больше капитала съ выгодой, и когда поэтому ихъ продуктъ не можетъ быть увеличенъ. Въ такое время каждая доля земли, находящейся въ обработкѣ, и каждая доля капитала, приложеннаго къ землѣ, будетъ давать ренту, различающуюся, конечно, соотвѣтственно разницѣ въ выручкѣ» [3]).

Такимъ образомъ, приступая къ изслѣдованію городской ренты, мы можемъ располагать слѣдующими общими положеніями, содержащимися въ ученіи Рикардо:

1) Рента возникаетъ въ результатѣ образованія цѣны на рынкѣ продуктовъ данной категоріи. Такъ какъ для разныхъ продуктовъ рынки различны и даже для одного и того же продукта обычно существуютъ различные рынки, то изслѣдованіе каждаго частнаго вида ренты должно начинаться съ тщательнаго опредѣленія границъ соотвѣтственныхъ рынковъ.

2) При свободномъ установленіи цѣны возможна лишь

---

1) Ricardo, указ. соч., стр. 234—235.
2) Тамъ-же, стр. 6.
3) Ricardo, указ. соч., стр. 235.

дифференціальная рента. На предѣльныхъ участкахъ цѣна продуктовъ только покрываетъ издержки, потому что такихъ участковъ имѣется больше спроса на нихъ.

3) Предѣлъ обработки, т. е. когда цѣна, вырученная за продуктъ, покрываетъ только издержки его производства, устанавливается какъ экстенсивно («худшіе участки»), такъ и интенсивно (предѣльныя затраты труда и капитала въ силу закона убывающей доходности).

4) При монопольномъ установленіи цѣны наряду съ дифференціальной можетъ существовать и монопольная рента.

5) Дифференціальная рента не входитъ въ цѣну продукта [1]).

6) Монопольная рента образуетъ составную часть цѣны продукта [2]).

Если Рикардо не предпринималъ спеціальнаго и разносторонняго изслѣдованія связи поземельной ренты съ рыночной цѣной (да и самый анализъ цѣны онъ проводилъ крайне односторонне, ограничиваясь почти исключительно характеристикой тяготѣнія цѣны къ издержкамъ производства),—то связь эта была ему ясна и была опредѣленно имъ указана. Какъ ранѣе Андерсонъ, а позднѣе Тюненъ, и Рикардо ставилъ центромъ изслѣдованія сельскохозяйственныхъ отношеній рынокъ, на который поступаютъ продукты земледѣлія. Поэтому упрекъ, дѣлаемый Рикардо Визеромъ, будто его теорія ренты страдаетъ недостаткомъ «научнаго углубленія» въ смыслѣ связи ея съ теоріей цѣнности и цѣны [3]), можно принять только съ большими оговорками. Скорѣе у самого Визера, съ особеннымъ уда-

---

[1]) Это положеніе надо понимать не въ томъ смыслѣ, что часть продукта, получаемая какъ рента, не оказываетъ вліянія на установленіе его цѣны, ибо цѣна эта опредѣляется всей совокупностью предложенія даннаго продукта, и значитъ въ соотвѣтственной мѣрѣ и той его частью, которая уплачивается какъ рента,—а только въ томъ, что *уплата ренты* землевладѣльцамъ не оказываетъ вліянія на установленіе цѣны. Рикардо говоритъ объ этомъ вполнѣ опредѣленно, но нѣкоторые экономисты присоединили къ его мнѣнію указанное выше дополненіе, запутывающее весь вопросъ о связи ренты съ цѣной. Ср. I. B. Clark. Essentials of economic theory. Нью-Іоркъ, 1907, стр. 191—193.

[2]) Такъ же ставитъ вопросъ и Дж. Ст. Милль. Теоретически онъ допускалъ возможность монопольной ренты, но осуществленія необходимыхъ для этого условій онъ нигдѣ не видѣлъ, «кромѣ, быть можетъ, какого-нибудь маленькаго острова, отрѣзаннаго отъ остального міра», и не считалъ вѣроятной опасность возникновенія такого состоянія въ виду имѣющагося «во всѣхъ сколько-нибудь обширныхъ странахъ» запаса свободныхъ земель, доступныхъ сельскохозяйственной культурѣ. J. St. Mill. Principles of Political Economy (Лондонъ, 1900, стр. 323).

[3]) Fr. v. Wieser. Die Theorie der städtischen Grundrente. (Вѣна-Лейпцигъ, 1909, стр. 5—6).

реніемъ настаивающаго на такой связи, мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ менѣе ясное пониманіе ея, чѣмъ какое сквозитъ въ бѣглыхъ и порой по случайнымъ поводамъ высказанныхъ замѣчаніяхъ Рикардо. Это видно уже изъ (по существу ненужнаго) оправдыванія Визеромъ ученія Рикардо. Для изученія сельскохозяйственной ренты Визеръ считаетъ несущественнымъ особое углубленіе въ процессъ установленія рыночныхъ цѣнъ; при изслѣдованіи же городской ренты анализъ образованія цѣнъ выдвигается, наоборотъ, на первое мѣсто. Поэтому, по мнѣнію Визера, теорія Рикардо хороша для своей спеціальной задачи—объясненія сельскохозяйственной ренты, но отъ нея нѣтъ перехода къ теоріи городской ренты. Выгоды сельскохозяйственныхъ участковъ, за которыя уплачивается рента землевладѣльцамъ, заключаются въ сбереженіи издержекъ; для образованія же ренты съ городскихъ земель сбереженіе, напримѣръ, строительныхъ издержекъ особенностями грунта имѣетъ второстепенное значеніе. Здѣсь важно положеніе участка какъ таковое, ибо оно и создаетъ главнымъ образомъ выгоды пользованія даннымъ участкомъ, а оно не имѣетъ никакого отношенія къ строительнымъ издержкамъ. Визеръ присоединяется поэтому къ указанію Панталеони, что теорія сельскохозяйственной ренты должна исходить изъ того, что за продукты земли получаются при неравныхъ издержкахъ равныя цѣны; теорія же городской ренты—напротивъ, изъ того, что при равныхъ издержкахъ получаются неодинаковыя цѣны [1]). «Это противоположеніе, добавляетъ Визеръ, можно прослѣдить еще глубже... Простая мысль, лежащая въ основѣ теоріи ренты Рикардо, можетъ быть понята, и не входя въ тонкости теоріи цѣны, и обыкновенно при ея выясненіи совершенно не обращаются къ теоріи цѣны. Сельскохозяйственная рента предполагаетъ въ своемъ первоначальнѣйшемъ проявленіи совершенное отсутствіе рынка; въ замкнутомъ крестьянскомъ домашнемъ хозяйствѣ болѣе плодородному участку, производящему одинаковое количество продукта съ меньшими издержками, избытокъ будетъ приписанъ какъ его рента. Напротивъ, городская рента есть вполнѣ явленіе рынка; чтобы быть въ состояніи объяснить ее, должно владѣть готовой теоріей цѣны и сверхъ того должно общую

---

[1]) Такое же разграниченіе проводилъ, не зная о приведенномъ афоризмѣ Панталеони, и Фуксъ въ своей статьѣ «Meliorations-und spekulations-verschuldung» и другихъ работахъ. См. его заявленіе объ этомъ въ ст. Ueber städtische Bodenrente und Bodenspekulation. Archiv für Socialwiss., 23 Bd., стр. 712—713.

теорію цѣны очень точно приладить къ особенностямъ рынка городскихъ наемныхъ помѣщеній и развить ее дальше» [1]).

Въ этомъ отказѣ отъ преемственности разработки теорій сельскохозяйственной и городской ренты проглядываетъ обычное для австрійской школы невниманіе къ идеямъ классическихъ экономистовъ. Визеръ охотно принимаетъ рѣзкое противоположеніе условій образованія городской и сельскохозяйственной ренты, не пытаясь заглянуть дальше въ особенности природы городской ренты. Формула Панталеони болѣе остроумна, чѣмъ глубока. Несомнѣнно, что положеніе играетъ различную роль для городскихъ и для сельскохозяйственныхъ участковъ; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что положеніе городскихъ участковъ не имѣетъ никакого отношенія къ сбереженію издержекъ. Сбереженіе издержекъ наступаетъ и тамъ, и здѣсь, но разнымъ процессомъ. Въ сельскомъ хозяйствѣ удобное положеніе участка сберегаетъ издержки по производству полевыхъ работъ и по доставкѣ товара на рынокъ. Въ городѣ непосредственное сбереженіе издержекъ на постройку домовъ въ силу разницы положенія участковъ, на которыхъ они воздвигаются, имѣетъ, конечно, второстепенное значеніе. Удобства положенія различныхъ участковъ сказываются здѣсь въ *повышеніи качества* продуктовъ, т. е. помѣщеній, создаваемыхъ на этихъ участкахъ. Роль положенія городскихъ участковъ можно сравнивать поэтому не съ ролью положенія земледѣльческихъ участковъ, а съ вліяніемъ плодородія почвы въ земледѣліи. Лучшее положеніе городского участка сообщаетъ ему *большую производительность* и тѣмъ сберегаетъ издержки на единицу продукта. Магазинъ, помѣщенный въ центрѣ города, развиваетъ на данномъ пространствѣ большій оборотъ товаровъ; квартира, обращенная окнами на городской скверъ, даетъ больше въ смыслѣ пользованія воздухомъ и свѣтомъ. Эти выгоды лучше расположенныхъ помѣщеній и составляютъ натуральный эквивалентъ денежной ренты. Въ городѣ, такъ-же, какъ и въ сельскомъ хозяйствѣ, рента имѣетъ двойную природу и теоретически ее можно разсматривать и какъ ренту въ цѣнности (денежную ренту), и какъ ренту въ продуктѣ (натуральную ренту). Если бы въ параллель къ указываемому Визеромъ сельскохозяйственному округу, занятому крестьянами-собственниками въ условіяхъ натуральнаго хозяйства, взять маленькій городъ, цѣликомъ слагающійся изъ домовладѣльцевъ, то поскольку положеніе различныхъ раіоновъ этого

---

[1]) Wieser, указ. соч., стр. 6—7.

города давало бы нѣкоторымъ домовладѣльцамъ возможность жить съ большимъ комфортомъ въ смыслѣ пользованія воздухомъ и свѣтомъ, близости къ собору, рыночной площади, мѣстамъ увеселеній,—этотъ большій комфортъ мы и приписали бы имъ, какъ ихъ ренту.

Натуральная городская рента можетъ существовать такъ-же, какъ и сельскохозяйственная; но она имѣетъ одну особенность, рѣзко отличающую ее отъ городской ренты и которая, повидимому, и служитъ источникомъ разсматриваемаго недоумѣнія.

Особенность эта заключается въ томъ, что натуральная городская рента не отдѣлима отъ остальной части продукта. Сельскохозяйственная рента можетъ быть легко выдѣлена изъ общей массы продукта и, какъ таковая, непосредственно передана предпринимателемъ (фермеромъ) землевладѣльцу; тогда какъ натуральная рента съ городскихъ участковъ можетъ быть непосредственно использована, какъ таковая, только самимъ землевладѣльцемъ; при наймѣ же городскихъ помѣщеній землевладѣльцу можетъ быть переданъ лишь ея денежный или иной эквивалентъ. Въ этомъ смыслѣ и можно говорить, что городская рента есть по преимуществу явленіе цѣны, тогда какъ сельскохозяйственная рента можетъ быть удобно разсматриваема и теоретически освѣщаема и со стороны ея натуральной формы. Но отсюда вовсе не вытекаетъ, что для изслѣдованія сельскохозяйственной ренты установленіе связи ея съ образованіемъ цѣнъ имѣетъ меньше значенія, чѣмъ для городской ренты.

Еще менѣе удачны разграниченія, проводимыя между городской и сельскохозяйственной рентой представителями германскаго историко-этическаго направленія. Указываемыя ими особенности городской ренты или несущественны, или основываются на прямомъ недоразумѣніи. Больше другихъ удѣлилъ вниманія этой сторонѣ дѣла Фуксъ. Это—одинъ изъ даровитыхъ членовъ младшаго поколѣнія историко-этической школы, но сколько въ его соображеніяхъ теоретической наивности! Что, напримѣръ, можно сказать по поводу утвержденія, что въ отличіе отъ сельскаго хозяйства, гдѣ земля «сама» производитъ продукты, въ городѣ «земля не производитъ сама» домовъ? Или— какъ оцѣнить соображеніе, выдвигаемое Фуксомъ съ большой настойчивостью,—что въ то время какъ сельскохозяйственная рента получается въ результатѣ одинаковой цѣны продуктовъ, городская рента съ дѣловыхъ помѣщеній, въ особенности съ магазиновъ, въ общемъ покоится на *высшихъ* цѣнахъ соотвѣтственныхъ продуктовъ, требуемыхъ и въ дѣйствительности уплачи-

ваемыхъ въ магазинахъ лучшихъ частей города? Исключеніе составляютъ, по мнѣнію Фукса, только торговля съѣстными припасами, кондитерскими и булочными товарами, сигарами и т. п., а также универсальные магазины. Не говоря уже о неумѣстности параллели между цѣнами сельскохозяйственныхъ продуктовъ и продуктовъ, продаваемыхъ въ городскихъ магазинахъ,—представляется чрезвычайно страннымъ, что Фуксъ закрываетъ глаза на одну изъ характернѣйшихъ чертъ современной торговли. Магазины въ центральныхъ частяхъ города выигрываютъ вовсе не отъ нажима на покупателей, а отъ того, что тамъ возможенъ болѣе широкій оборотъ. «Большой оборотъ—маленькая польза»—принципъ современнаго раціонализированнаго торговаго предпріятія, примѣняемый не по исключенію одними универсальными магазинами, а и всѣми, правильно поставленными торговыми предпріятіями и тѣмъ болѣе—лучшими изъ нихъ, находящимися въ городскомъ центрѣ. По общему правилу цѣны на товары вовсе не стоятъ выше въ магазинахъ, расположенныхъ ближе къ центру города; если же онѣ иногда и бываютъ выше, то это указываетъ, что данные магазины даютъ своимъ кліентамъ иныя, особо цѣнимыя ими выгоды (напр., особенно хорошій подборъ товаровъ). [1]) На недоразумѣніи же основано и разграниченіе городской и сельскохозяйственной ренты по областямъ производства и потребленія. Сельскохозяйственная рента,—указываетъ Фуксъ,—возникаетъ при производствѣ хозяйственныхъ благъ; городская же, поскольку дѣло идетъ не о дѣловыхъ, а о жилыхъ участкахъ,—при потребленіи. [2]) Фуксъ смѣшиваетъ здѣсь наемъ дома или квартиры съ арендой сельскохозяйственнаго участка. Найму квартиры соотвѣтствуетъ въ сельскомъ хозяйствѣ не аренда участка, а продажа произведенныхъ на немъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Продуктъ, создаваемый на сельскохозяйственномъ участкѣ, есть рожь или пшеница; продуктъ, производимый на городскомъ участкѣ, есть домъ, квартира или иное помѣщеніе. Какое назначеніе получитъ данная постройка,—вопросъ второго порядка, самъ по себѣ не лишенный значенія (ниже мы будемъ имѣть случай вернуться къ нему), но совершенно несущественный для выясненія общей природы городской ренты, какъ для природы сельскохозяйственной ренты несущественно,

---

[1]) Fuchs. Ueber städtische Bodenrente und Bodenspekulation. Archiv für Socialwiss. 23 Bd. стр. 733—735. Ср. критическія замѣчанія Ад. Вебера въ указ. соч., стр. 28—29. Также Marshall, Principles of economics, (изд. 6-е, Лондонъ, 1910, стр. 451).

[2]) Fuchs указ. соч. стр. 733.

будетъ ли собранный съ даннаго участка продуктъ употребленъ непосредственно, или съ цѣлями дальнѣйшаго производства (напр., какъ кормъ для скота). Изъ соображеній Фукса заслуживаетъ вниманія также несущественное для абстрактнаго изученія городской ренты, но имѣющее большое значеніе для изслѣдованія конкретныхъ условій городской жизни извѣстнаго историческаго періода указаніе на ограниченность рыночной территоріи городскихъ помѣщеній. Правда, рынокъ ограниченъ и въ сельскомъ хозяйствѣ. Но пути сообщенія расширяютъ его до громадныхъ предѣловъ. Въ городѣ же пути сообщенія не имѣютъ такой силы, потому что здѣсь перевозятся не товары, а люди, и вопросъ ихъ перевозки есть вопросъ не однихъ издержекъ, а также вопросъ ихъ рабочаго времени и ихъ нервовъ, ставящій опредѣленныя границы. [1] Однако, именно самая незначительность городской территоріи служитъ гарантіей того, что вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ. Для того, чтобы городской земли было достаточно для нуждъ населенія, радіусъ городской территоріи не надо растягивать на сотни километровъ. А въ предѣлахъ немногихъ десятковъ километровъ, которые требуются въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, техника современныхъ путей сообщенія представляетъ полную возможностъ дешеваго и быстраго передвиженія. [2] Не неразрѣшимъ и вопросъ о сокращеніи нормальныхъ границахъ рабочаго дня. Какъ ни важны эти стороны для текущей соціальной политики, въ теоретическомъ трактованіи вопроса о городской рентѣ они занимаютъ столь же мало мѣста, какъ и вопросъ о надлежащемъ оборудованіи общей желѣзнодорожной сѣти въ теоріи сельскохозяйственной ренты.

Итакъ, есть ли надобность, приступая къ изслѣдованію городской ренты, отрѣшаться отъ выводовъ, полученныхъ изученіемъ ренты сельско-хозяйственной и ожидать во всемъ совершенно новыхъ объясненій? Городская рента имѣетъ своеобразную природу—это вѣрно (хотя и не вполнѣ въ томъ смыслѣ, какъ полагаютъ Визеръ или Фуксъ); но между нею и сельскохозяйственной рентой остается все же много общаго. Та и другая

---

[1]) Fuchs, указ. соч., стр. 740—741.

[2]) См., напр., описаніе значенія льготныхъ тарифовъ для бельгійскихъ городскихъ рабочихъ въ извѣстной книгѣ Вандервельде «Бѣгство изъ деревни и возвращеніе къ полямъ», рус. пер. М. 1904, стр. 150—163. Еще Paul Voigt въ своей классической работѣ «Grundrente und Wohnungsfrage in Berlin und seinen Vororten» (Iena, 1901, стр. 166. опредѣлялъ область берлинскихъ предмѣстій въ 80 километровъ въ западно-восточномъ и въ 60 кил. въ сѣверно-южномъ направленіи.

двусторонни, та и другая сберегаютъ издержки, изслѣдованіе той и другой въ условіяхъ мѣнового хозяйства имѣетъ методологически весьма крупное значеніе. И нѣтъ надобности заранѣе опутывать себя поспѣшной презумпціей, будто здѣсь мы имѣемъ передъ собой совершенно особую задачу и особый путь изслѣдованія.

И мы нисколько не уклонимся отъ линіи изученія, проложенной Рикардо, если начнемъ изслѣдованіе городской ренты съ опредѣленія круга развертывающихся въ городѣ рыночныхъ отношеній. Первое, съ чѣмъ мы должны здѣсь считаться,—это разнообразіе рынковъ, къ которымъ тяготѣютъ различные типы городскихъ помѣщеній. Рента устанавливается не единообразно въ предѣлахъ городской территоріи. Поэтому, во избѣжаніе смѣшенія вліяній различнаго порядка, необходимо постоянно имѣть въ виду, о какомъ именно рынкѣ городскихъ помѣщеній идетъ рѣчь. Новѣйшія теоріи городской ренты и въ частности разсматриваемая теорія Визера серьезно считаются съ фактомъ множественности рынковъ городскихъ помѣщеній, и въ этомъ ихъ немалая заслуга. Наиболѣе рѣзко обособлены и представляютъ наиболѣе крупный теоретическій интересъ рынокъ жилищъ и рынокъ торговыхъ и дѣловыхъ помѣщеній. Наибольшую же практическую остроту—благодаря ненормальнымъ условіямъ застройки современныхъ большихъ городовъ—создаетъ вопросъ о рентѣ съ жилищъ, тѣсно связанный съ такъ назыв. жилищнымъ вопросомъ, и потому изслѣдователи городской ренты удѣляютъ ему обычно больше вниманія, лишь мимоходомъ затрагивая образованіе ренты съ торговыхъ и дѣловыхъ помѣщеній. Это приводитъ иногда къ пагубному для ясности выводовъ стиранію различій, существующихъ между образованіемъ ренты съ помѣщеній того и другого рода. Такимъ чрезмѣрнымъ сближеніемъ этихъ двухъ видовъ городской ренты грѣшитъ и разсматриваемый этюдъ Визера, выдѣляющійся, по сравненію съ другими новѣйшими попытками теоретическаго выясненія вопроса о городской рентѣ, большой тонкостью анализа и изяществомъ логическаго построенія. Визеръ удачно отмѣчаетъ характерную черту рынковъ городскихъ помѣщеній. Каждый обширный видъ такихъ рынковъ, напр. жилищъ или торговыхъ помѣщеній, въ свою очередь подраздѣляется на цѣлый рядъ частичныхъ рынковъ, находящихся въ постоянномъ взаимодѣйствіи другъ съ другомъ. Анализъ такого взаимодѣйствія и составляетъ, по убѣжденію Визера, основную проблему изслѣдованія городской ренты. Онъ находитъ возможнымъ, ранѣе изслѣдованія особенностей крупныхъ рынковъ

городскихъ наймовъ, намѣтить общую линію образованія городской ренты. Предполагая для простоты сначала городъ съ медленно растущимъ населеніемъ и съ большими запасами свободной земли на его окраинѣ, Визеръ принимаетъ для такого города наличность только дифференціальной ренты. Помѣщенія на худшихъ участкахъ этого города не будутъ давать никакой ренты, или говоря точнѣе, будутъ давать только незначительную прибавку къ рентѣ, какая уплачивалась бы за сельско-хозяйственное пользованіе этой землей. Изъ-за участковъ же, расположенныхъ болѣе удобно, число которыхъ ограничено, возникнетъ конкуренція между нанимателями. Согласно теоріи цѣны, защищаемой австрійскими экономистами, при такомъ состязаніи одержать побѣду наниматели, соединяющіе сильнѣйшую потребность съ наибольшей платежной силой. Они должны «проявить свою платежную силу и преодолѣть болѣе слабыхъ конкурентовъ столь обильными надбавками, чтобы они не могли продолжать борьбы». За первой надбавкой къ рентѣ за сельско-хозяйственное пользованіе по мѣрѣ повышенія удобствъ участковъ присоединяются дальнѣйшія приплаты и въ тѣмъ большей мѣрѣ, чѣмъ благопріятнѣе и ограниченнѣе положеніе и чѣмъ болѣе платежеспособные слои населенія должны быть вытѣснены. Изъ этихъ послѣдовательныхъ надбавокъ и слагается городская рента. По опредѣленію Визера, «городская рента есть та часть наемной платы, которая дается въ болѣе удобно расположенныхъ мѣстахъ, какъ приплата надъ цѣной издержекъ» (Aufgeld über den Kostenpreis) [1]. Простая мысль, добавляетъ Визеръ, столь же простая, какъ и та, что сельско-хозяйственная рента возникаетъ въ силу сбереженія издержекъ, и имѣющая столь же обширное значеніе.

Въ этой мысли Визеръ утверждается еще болѣе, непосредственно переходя къ рынку жилищъ, а затѣмъ легко переноситъ ее и на рынокъ дѣловыхъ помѣщеній. Главнымъ факторомъ въ оцѣнкѣ положенія квартиры онъ считаетъ не разстояніе отъ центра, а условіе соціальнаго характера—желаніе нанимателей отмѣтить райономъ своей квартиры свое общественное положеніе. «Выборъ жилища, какъ класса вагона на желѣзной дорогѣ, есть актъ общественной самооцѣнки, находящійся подъ общественнымъ давленіемъ... Скажи мнѣ, рядомъ съ кѣмъ ты живешь, и я скажу тебѣ, кто ты—таково чувство, подъ вліяніемъ котораго наниматели выбираютъ свои квартиры. Хорошо или плохо мѣстоположеніе, опредѣляется прежде всего тѣмъ, поселился ли тамъ болѣе видный или

1) Wieser, указ. соч., стр. 10.

менѣе значительный общественный классъ»... [1]). Зоны заселенія городской территоріи располагаются такимъ образомъ соотвѣтственно численности различныхъ общественныхъ классовъ, причемъ верхніе классы, разростаясь числомъ, захватываютъ части территоріи, занятой классами, слѣдующими за ними на общественной лѣстницѣ. Каждый классъ имѣетъ свой частичный рынокъ городскихъ земель, но границы этого рынка могутъ раздвигаться за счетъ другого, и т. д., вплоть до окраины. Визеръ находитъ теоретическое выраженіе этому явленію, присоединяя къ обычному разграниченію «благъ, увеличиваемыхъ по произволу» и «увеличиваемыхъ съ повышенными издержками»—третью группу благъ, «увеличиваемыхъ за приплату» (gegen Aufgeld vermehrbar). Въ этомъ Визеръ усматриваетъ пополненіе пробѣла теоріи цѣны Рикардо, у котораго рѣдкія блага не знаютъ никакого закона цѣны, а продаются соотвѣтственно капризу покупателей или случайностямъ ихъ имущественнаго положенія. Рынокъ городскихъ жилищъ указываетъ, что и образованіе цѣнъ рѣдкихъ благъ можетъ идти весьма регулярно. Различныя ступени цѣнъ связываются здѣсь другъ съ другомъ не менѣе твердо, чѣмъ цѣны на продукты отраслей производства, работающихъ наиерегулярнѣйшимъ образомъ. И постоянство цѣнъ продуктовъ, опредѣляемыхъ издержками (Kostengüter), основывается на томъ, что они являются предметомъ спроса для массоваго потребленія. «Законъ городской ренты и законъ цѣны продуктовъ сходятся въ концѣ концовъ въ томъ, что оба они покоятся на твердой основѣ общественныхъ массовыхъ явленій» [2]).

Обращаясь къ рынку торговыхъ и дѣловыхъ помѣщеній, Визеръ не находитъ въ немъ ничего существенно отличнаго въ образованіи ренты и безъ колебаній прилагаетъ къ нему выведенную ранѣе формулу. Здѣсь онъ также отмѣчаетъ существованіе ряда частичныхъ рынковъ. Выбравъ для изслѣдованія только рынокъ торговыхъ помѣщеній, Визеръ указываетъ на отличіе этого рынка отъ рынка жилищъ. Онъ идетъ отъ центра по радіусамъ большихъ улицъ, разбиваясь по мѣрѣ удаленія отъ него на частичные рынки, которые въ силу ограниченности удобнаго мѣста недоступны такому расширенію, какъ частичные жилищные рынки, и борьба конкуренціи на нихъ обострена рѣзче. Визеръ отмѣчаетъ и болѣе важное въ теоре-

[1]) Wieser, указ. соч., стр. 13. Для простоты Визеръ отвлекается здѣсь отъ извѣстнаго факта, что различные общественные классы располагаются и въ различныхъ этажахъ домовъ одного и того же квартала.

[2]) Wieser, указ. соч., стр, 15—16.

тическомъ отношеніи различіе между этими и жилищными рынками. «Повышенные торговые доходы, получаемые въ болѣе выгодныхъ мѣстахъ, повышаютъ фондъ для надбавокъ, и такъ какъ они повышаютъ этотъ фондъ для всѣхъ предпріятій, которыя могли бы быть устроены въ опредѣленномъ мѣстѣ, то конкуренція на сторонѣ спроса здѣсь весьма интенсивна». Здѣсь мѣра надбавокъ дается по этому не одними рентами за участки ближайшаго пояса, но и самими барышами предпринимателей, торгующихъ въ лучшемъ поясѣ, хотя Визеръ полагаетъ, что предпринимателямъ приходится отказываться въ пользу землевладѣльцевъ не отъ всей суммы избыточныхъ барышей, создаваемыхъ выгодами участковъ даннаго пояса. Во всякомъ случаѣ напряженность платъ за торговыя помѣщенія значительно больше, чѣмъ квартирныхъ, и платы эти рѣзко возвышаются надъ квартирными платами [1]).

Въ этой части разсужденія Визера замѣтно нѣкоторое колебаніе. Объясненіе ренты съ торговыхъ помѣщеній у него не вполнѣ сходится съ объясненіемъ ренты жилищъ. Визеръ находитъ возможнымъ примѣнить и здѣсь свое основное положеніе о „надбавкахъ", но это удается ему только цѣной большихъ натяжекъ. Въ самомъ дѣлѣ, что это за надбавки къ цѣнѣ производства, уплачиваемыя торговцемъ владѣльцу земли, на которой стоитъ его магазинъ? Возьмемъ для сравненія два однородныхъ магазина, съ одинаковой стоимостью постройки, одинъ—въ центрѣ города, другой—въ отдаленной части. Центральный магазинъ, благодаря преимуществамъ положенія (мимо него проходитъ больше и болѣе состоятельной публики), можетъ привлечь къ себѣ, при одинаковой постановкѣ дѣла, значительно большій кругъ покупателей, покупающихъ къ тому же на большія суммы, и, слѣдовательно, будетъ имѣть болѣе обширный оборотъ и болѣе крупную чистую выручку. Въ томъ и другомъ случаѣ нанимателю передается на поверхностный взглядъ одинъ и тотъ-же продуктъ: извѣстнымъ образомъ оборудованное помѣщеніе такой-то вмѣстимости. Но вѣдь наниматель пріобрѣтаетъ не помѣщеніе само по себѣ, а *помѣщеніе, привлекающее извѣстный кругъ покупателей*. Если въ центрѣ города при равныхъ затратахъ можно выстроить помѣщеніе, создающее двойной оборотъ товаровъ, по сравненію съ болѣе отдаленной частью, то это значитъ, говоря другими словами, что въ центрѣ города на единицу оборота требуется меньше издержекъ, что положеніе магазина здѣсь

[1]) Указ. соч., стр. 16—17.

также *сберегаетъ издержки*, какъ лучшая почва, дающая двойной противъ худшей урожай пшеницы, сберегаетъ сельскому хозяину издержки на пудъ пшеницы. Въ этомъ сбереженіи издержекъ и кроется источникъ ренты съ торговыхъ помѣщеній. Разъ въ рукахъ владѣльца лучше расположеннаго магазина остается извѣстный чистый остатокъ, въ силу именно этого лучшаго положенія, то этотъ остатокъ и можетъ быть уплоченъ землевладѣльцу въ качествѣ ренты. И если рента, фактически уплачиваемая землевладѣльцу, не превышаетъ указаннаго сбереженія, то въ чемъ ея разница отъ ренты сельскохозяйственной? Капиталистъ-предприниматель терпитъ при этомъ ущербъ въ своей нормально опредѣляемой для даннаго города прибыли столь же мало, какъ и фермеръ, арендующій имѣніе, а публика не испытываетъ уменьшенія своихъ доходовъ, такъ какъ, ради уплаты такой ренты предпринимателю, нѣтъ надобности повышать цѣны продаваемыхъ имъ продуктовъ. Выше мы уже говорили, что по общему правилу цѣны на товары не бываютъ выше въ магазинахъ, расположенныхъ въ центральныхъ частяхъ города и расчитанныхъ на болѣе широкій оборотъ. При сравнительно громадномъ размѣрѣ рентъ торговыхъ помѣщеній нельзя говорить объ ихъ высокой „напряженности", и они обычно не вызываютъ такихъ протестовъ и не создаютъ особаго соціальнаго вопроса, какъ ренты съ жилищъ. Ренты выше, но и доходность предпріятій, уплачивающихъ ихъ, также выше. И поскольку ренты съ торговыхъ помѣщеній не превосходятъ образующагося въ торговыхъ предпріятіяхъ избытка, избытокъ этотъ никакъ нельзя называть „фондомъ для надбавокъ", ибо никакихъ надбавокъ къ цѣнѣ производства здѣсь нѣтъ. Въ такихъ условіяхъ рента съ торговыхъ помѣщеній остается дифференціальной рентой въ смыслѣ Рикардо, и въ ней нельзя видѣть дохода особаго типа, требующаго непремѣнно новаго теоретическаго объясненія, принципіально отличнаго отъ теоріи сельскохозяйственной дифференціальной ренты.

Другое дѣло—рента съ жилыхъ помѣщеній. Здѣсь мы встрѣчаемъ случаи, къ которымъ дѣйствительно неприложимы теоретическія положенія, выведенныя для дифференціальной сельскохозяйственной ренты. Но это не значитъ еще, чтобы къ нимъ была приложима и „теорія надбавокъ" Визера. Поскольку же и здѣсь имѣется дифференціальная рента, она также находитъ себѣ достаточное объясненіе въ основныхъ принципахъ теоріи сельскохозяйственной дифференціальной ренты. Если квартира оплачивается дороже, потому что и поскольку она помѣщается

въ лучшихъ условіяхъ — близости къ центру, чистоты воздуха, благоустройства квартала и т. п.,—мы имѣемъ типичный случай дифференціальной ренты. Если же за квартиры, *мало* разнящіяся по качеству, уплачиваются *далеко* неравныя суммы,—то передъ нами, дѣйствительно, особенныя условія установленія цѣны и образованія ренты. Насколько удачно освѣщаетъ ихъ теорія Визера?

Если принять, что при распредѣленіи городскихъ районовъ между различными общественными слоями моментъ качественнаго превосходства жилищъ лучшихъ кварталовъ не играетъ большой роли, если здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, сходнымъ съ уплатой разныхъ цѣнъ за мѣста въ театрѣ, за классы вагоновъ и т. п., то конкуренція нанимателей выразится въ надбавкахъ надъ цѣнами производства пріобрѣтаемыхъ продуктовъ. Визеръ считаетъ, что надбавки эти не могутъ быть высокими. «Болѣе богатые слои поставлены по отношенію къ снабженію ихъ жилищами не такъ хорошо, какъ относительно пищевыхъ средствъ всеобщаго распространенія, за которыя они платятъ обыкновенно только по масштабу платежной силы бѣднѣйшихъ классовъ, но съ другой стороны, они не попадаютъ и въ такое положеніе, какъ при спросѣ на алмазы, цѣну на которые они поднимаютъ своей собственной конкуренціей до цѣнъ роскоши. Рынокъ жилищъ держится посрединѣ; богатые должны напрягать нѣсколько больше свою платежную силу, но лишь настолько, насколько необходимо въ борьбѣ съ примыкающими слабѣйшими слоями, которые, впрочемъ, съ своей стороны уже прежде должны были выдержать борьбу съ еще болѣе слабыми» [1]).

Визеръ указываетъ, однако, и болѣе тяжелый для нанимателей случай ренты. Переходя отъ принятыхъ ранѣе допущеній къ условіямъ жизни современнаго большого города, для которыхъ остаются въ силѣ выведенныя ранѣе теоретическія положенія [2]), Визеръ отмѣчаетъ здѣсь особо неблагопріятныя условія для одной группы нанимателей. Вслѣдствіе индустріализаціи большихъ городовъ «возникаютъ кварталы бѣднѣйшаго пролетаріата, которые отграничиваются отъ остального рынка рѣзче, чѣмъ какой-либо частичный рынокъ и къ условіямъ которыхъ приноравливается своеобразное предложеніе. Въ большихъ городахъ квартирныя платы повсюду высоко напряжены благодаря повышенію строительныхъ издержекъ и переплатамъ конкурирующихъ нанимате-

---

1) Wieser, указ. соч. стр. 15.
2) «Wir brauchen... für die moderne Stadt keine neue Theorie zu suchen». указ. соч., стр. 24.

лей, а въ этихъ кварталахъ изъ перевѣса силы на сторонѣ предложенія и безсилія на сторонѣ спроса легко возникаютъ крайняя жилищная нужда и ростовщическія квартирныя платы; въ высшей степени важная глава изъ коммунальнаго управленія, но— спѣшитъ добавить Визеръ, — безъ особаго значенія для теоріи городской ренты, ибо отъ этихъ почти изолированныхъ рынковъ не идетъ никакого повышающаго вліянія на цѣны для остальной части города, точно такъ-же, какъ отъ ростовщическаго рынка легкомысленныхъ заемщиковъ и займовъ въ силу нужды не испытываетъ вліянія процентъ прима-векселей...» [1]).

Такимъ образомъ, для спасенія теоріи надбавокъ, уплачиваемыхъ за блага, «воспроизводимыя за приплату», Визеръ исключаетъ изъ намѣчаемаго для себя круга изслѣдованія, какъ несущественный, случай уплаты надбавокъ при неувеличиваемомъ предложеніи. Проводя новизну построенія изъ теоріи ренты и въ область теоріи цѣнъ, Визеръ закрываетъ глаза на выводы, уже установленные въ общей теоріи цѣны. Въ этой теоріи оба случая, указываемые Визеромъ,—и уплата большей цѣны за вещь, качественно мало разнящуюся отъ другой, но продаваемую болѣе состоятельному кругу покупателей, и повышеніе цѣны предметовъ, предложеніе которыхъ неподвижно, а спросъ возрастаетъ,— укладываются въ одну линію. Въ томъ и другомъ случаѣ мы имѣемъ монопольное установленіе цѣнъ, съ той разницей, что предѣлъ власти монополиста надъ покупателемъ въ одномъ случаѣ ограниченнѣе, чѣмъ въ другомъ. Визеръ самъ предвидитъ возможность такого возраженія и заранѣе бронируетъ себя опредѣленіемъ монополіи. «Монополія, говоритъ онъ, есть всегда господство надъ предложеніемъ или спросомъ одной стороны, будетъ ли это одно физическое лицо или какое либо явное или скрытое объединеніе нѣсколькихъ или многихъ лицъ. Съ монополіей не слѣдуетъ смѣшивать ограниченную конкуренцію; даже если она очень ограничена, она никогда не дастъ такой власти надъ рынкомъ, какъ истинная монополія, ибо только та позволяетъ не стѣсняемую ничѣмъ монопольную политику. Смѣшивать монополію съ рѣдкостью—запутывающее представленіе, которое, къ сожалѣнію, стало обычнымъ со времени классической школы, также какъ съ другой стороны—путаница говорить о совершенно свободной конкуренціи, такъ какъ въ хозяйствѣ ничто не «увеличиваемо по произволу» [2]). Хотя городская рента, также какъ

[1]) Wieser, указ. соч., стр. 27.
[2]) Wieser, указ. соч., стр. 30.

и сельскохозяйственная, является незаслуженной собственникомъ формой дохода, но она справедливѣе «облагаетъ» потребителей. «Въ то время какъ цѣны сельскохозяйственныхъ продуктовъ для всѣхъ покупателей на одномъ и томъ же рынкѣ лежатъ на одномъ уровнѣ, и поземельная рента ложится на нихъ, поскольку они покупаютъ одинаковые продукты, равномѣрно, кривая городской ренты строится такимъ образомъ, что она облагаетъ нанимателей соотвѣтственно величинѣ ихъ доходовъ. Приплата за благопріятное положеніе означаетъ самообложеніе нанимателей по принципамъ,—по крайней мѣрѣ по отношенію къ квартирнымъ платамъ,—точно соотвѣтствующимъ требованіямъ податной справедливости»... [1]).

Здѣсь у Визера опять проскальзываетъ странная мысль о сравнительной легкости ренты съ жилищъ. Если принимать наличность надбавокъ надъ цѣной производства и въ рентѣ съ торговыхъ помѣщеній, то крупные размѣры этой ренты будутъ постоянно затемнять и спутывать ея оцѣнку. Ужъ если проводить аналогію между городской рентой и податнымъ обложеніемъ, то ближе къ требованіямъ податной справедливости оказалось бы именно взиманіе ренты за торговыя помѣщенія, а не за жилища. Но вернемся къ поставленному вопросу: къ какому же типу установленія цѣнъ относятся уплаты за городскія помѣщенія?

Возьмемъ сначала случай, гдѣ дѣйствительно имѣются надбавки надъ цѣнами прозводства. Такой случай указанъ самимъ Визеромъ въ жилищахъ бѣднѣйшихъ слоевъ городского населенія; и опять-таки самъ онъ сближаетъ его съ кредитнымъ ростовщичествомъ. Нетрудно видѣть, что здѣсь мы имѣемъ типичную форму монопольнаго установленія цѣны. Вѣдь ростовщическій кредитъ есть именно монополія въ дѣлѣ выдачи ссудъ [2]). И если мы провели бы это сравненіе дальше, взявъ въ параллель ростовщическому кредиту сдачу квартиръ бѣднѣйшимъ нанимателямъ, а въ параллель нормальному коммерческому кредиту наемъ торговыхъ помѣщеній, то намъ ясно обрисовалась бы природа монопольной городской ренты. Въ рентѣ съ торговыхъ помѣщеній мы нашли бы сходство съ производительнымъ кредитомъ, въ рентѣ жилищъ—съ потребительнымъ. Въ первомъ случаѣ для высоты процента, взимаемаго кредиторомъ, есть опредѣленная граница, указываемая размѣромъ выгоды, по-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 38.

[2]) Ср. напр. опредѣленіе ростовщическаго кредита у Miaskowski. Die Wucherfrage und die Frage der ländlichen Kreditorganisaton (Schriften d. Ver. f. Soc. pol., Bd 38, стр. 7).

лучаемой заемщикомъ отъ примѣненія занятаго капитала въ его предпріятіи. Во второмъ—такой опредѣленной границы нѣтъ, ибо источникомъ уплаты процентовъ служитъ независящій отъ этой сдѣлки доходъ (или имущество) заемщика. При монополіи на сторонѣ кредитора въ сдѣлкахъ производительныхъ его притязанія скоро наталкиваются на твердый барьеръ—нежеланіе предпринимателя получать кредитъ, отъ пользованія которымъ у него не остается никакой добавочной выгоды; при аналогичной же монополіи въ сдѣлкахъ потребительныхъ для ростовщичества открывается болѣе широкій просторъ. Поэтому хотя рента съ дѣловыхъ помѣщеній гораздо выше ренты съ жилищъ, элементъ эксплоатаціи нанимателя землевладѣльцемъ здѣсь значительно меньше. Рента съ торговыхъ помѣщеній урѣзываетъ чистый добавочный доходъ, получаемый нанимателемъ отъ нанимаемаго помѣщенія; рента жилищъ давитъ на потребительный бюджетъ нанимателя. И поскольку это давленіе сильнѣе, чѣмъ идущее отъ другихъ основныхъ частей рабочаго бюджета, тѣмъ рѣзче ухудшеніе благосостоянія нанимателя. Не даромъ отмѣчается, что повышеніе заработка рабочаго часто не даетъ ему дѣйствительнаго повышенія его реальнаго дохода, такъ какъ оно срѣзывается растущей квартирной платой.

Между этими крайними случаями мы имѣемъ въ цѣнахъ за городскія помѣщенія рядъ переходныхъ ступеней, съ большимъ или меньшимъ давленіемъ на нанимателей. Изученіе особенныхъ условій, въ какихъ находятся по отношенію къ такому давленію различные классы городского населенія, должно составить одну изъ важныхъ задачъ изслѣдованія городской ренты. Значеніе фактора «соціальной самооцѣнки», указываемаго Визеромъ, намъ представляется преувеличеннымъ даже для западноевропейскихъ городовъ (о русскихъ и говорить нечего). Поскольку же такой факторъ дѣйствительно существуетъ и оказываетъ дѣйствіе, мы опять имѣемъ передъ собой случай монопольной ренты. Характерно, что и здѣсь, въ качествѣ поясняющаго примѣра, Визеръ беретъ пріемъ монопольнаго установленія цѣнъ. Онъ говоритъ о разницѣ оплаты различныхъ классовъ желѣзной дороги и разныхъ мѣстъ въ театрѣ. Но вѣдь здѣсь опять мы имѣемъ типичные случаи установленія монопольныхъ цѣнъ. Поскольку позволяютъ условія сбыта, монополистъ назначаетъ цѣны, варьируя нѣсколько внѣшность продаваемыхъ предметовъ, чтобы дифференцировать своихъ покупателей на разряды по ихъ платежеспособности. Въ назначеніи такихъ цѣнъ скорѣе можно видѣть и аналогію съ податнымъ обложеніемъ, также разби-

вающимъ плательщиковъ налоговъ по ихъ платежной способности. И конечно, здѣсь монополія городского землевладѣнія чувствуется не такъ остро, какъ въ указанномъ выше примѣрѣ рабочихъ кварталовъ.

Можно ли, слѣдовательно, отрицать наличность монопольныхъ элементовъ въ установленіи цѣнъ за городскія помѣщенія? Съ точки зрѣнія Визера приводимыя нами соображенія не могутъ быть убѣдительными, потому что городское землевладѣніе вообще не подходитъ подъ устанавливаемое имъ понятіе монополіи. Но опредѣленіе Визера, въ извѣстномъ смыслѣ правильное, не исчерпываетъ всего существа дѣла. Визеръ предполагаетъ *абсолютную* монополію, и *такую* монополію его опредѣленіе дѣйтельно покрываетъ. Но вѣдь въ дѣйствительной жизни все абсолютное встрѣчается рѣдко, не часты и случаи абсолютной монополіи. Какъ же быть, если намъ встрѣтится не полная монополія? Выходъ ясенъ: намъ необходимо намѣтить крайніе пункты, между которыми помѣстились бы переходныя формы. Размѣщая изслѣдуемыя явленія въ послѣдовательной цѣпи, мы найдемъ, что концами этой цѣпи будутъ съ одной стороны абсолютная монополія, съ другой—совершенная конкурренція. Визеръ, какъ мы знаемъ, отрицаетъ совершенную конкуренцію. Но признавать абсолютную монополію и въ тоже время отрицать совершенную конкуренцію едва ли логично. Та и другая въ дѣйствительности встрѣчаются крайне рѣдко, но это не мѣшаетъ намъ пользоваться обоими понятіями для цѣлей теоретическаго анализа. Присматриваясь къ этимъ понятіямъ, найдемъ, что они соотносительны, хотя и противоположны другъ другу. Какъ я говорилъ уже въ другомъ мѣстѣ, абсолютная монополія и совершенная конкуренція—«противоположные концы *одной линіи*, и потому, какъ только мы переходимъ отъ нихъ къ понятіямъ неполной монополіи и ограниченной конкуренціи, эти понятія легко переходятъ одно въ другое. Неполная монополія есть ограниченная конкуренція, а ограниченная конкуренція есть неполная монополія. Выборъ того или другого понятія опредѣляется условно, сообразно отдаленности даннаго случая отъ того или другого изъ крайнихъ пунктовъ; ближе къ свободѣ рынка, мы предпочитаемъ говорить объ ограниченной конкуренціи, ближе къ полной власти надъ рынкомъ,—мы говоримъ о неполной монополіи. Принципіальнаго же различія между тѣмъ и другимъ понятіями нѣтъ, ибо въ обоихъ нихъ смѣшиваются элементы свободы и ограниченія, т. е. конкуренціи и монополіи, и мы выбираемъ тотъ или иной

терминъ только по преобладанію того или иного элемента» [1])...

Не будемъ поэтому спорить о словахъ и станемъ говорить только о монопольныхъ элементахъ городской ренты, или еще лучше—объ элементахъ ограниченія предложенія городскихъ земельныхъ участковъ, приводящихъ къ повышенію цѣнъ за городскія помѣщенія выше издержекъ производства ихъ на предѣльныхъ участкахъ. Въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ такіе элементы имѣются, и мы въ правѣ въ этомъ смыслѣ говорить о рентѣ съ нѣкоторыхъ городскихъ помѣщеній какъ о монопольной рентѣ. Можно, конечно, назвать этотъ видъ ренты и какимъ-нибудь другимъ терминомъ, лишь бы онъ ясно указывалъ, что эта рента, говоря словами Рикардо, «входитъ въ цѣну продукта», въ отличіе отъ дифференціальной ренты, въ цѣну продукта не входящей.

Необходимо отмѣтить, наконецъ, что монопольные элементы имѣются и въ самой дифференціальной рентѣ. Владѣльцы лучшихъ участковъ получаютъ ренту потому, что съ увеличеніемъ неселенія предложеніе этихъ участковъ оказывается ограниченнымъ по сравненію съ спросомъ на нихъ и возникаетъ необходимость перехода къ худшимъ участкамъ, требующимъ большихъ затратъ. Ограниченность предложенія лучшихъ участковъ и даетъ владѣльцамъ ихъ возможность требовать болѣе высокой цѣны; если бы худшихъ участковъ было недостаточно для удовлетворенія всего спроса, цѣна установилась бы выше издержекъ на предѣльныхъ участкахъ; но такъ какъ, по предположенію, предѣльныхъ участковъ имѣется больше, чѣмъ нужно, то владѣльцы лучшихъ участковъ могутъ использовать преимущества своего положенія только до предѣла цѣны издержекъ на худшихъ земляхъ. До этого же предѣла въ силу своего особеннаго положенія, назовемъ ли мы его монопольнымъ, или какъ-нибудь иначе, они могутъ идти безпрепятственно, ибо постольку они находятся внѣ конкуренціи, и, значитъ, постольку и дифференціальная рента имѣетъ монопольный характеръ [2]).

Итакъ, анализъ городской ренты не уводитъ насъ далеко въ сторону отъ выводовъ, установленныхъ Рикардо для сельско-хозяйственной ренты. На городской территоріи также можетъ образоваться какъ дифференціальная, такъ и монопольная рента. Монопольная рента возникаетъ въ городѣ или потому, что въ послѣдовательномъ по качеству ряду участковъ цѣна продуктовъ

---

1) Очерки политической экономіи, изд. 7-ое, стр. 1134—1135.

2) Ср. W. Lexis. Allgemeine Volkswirtschaftslehre (Лейпцигъ, 1910, стр. 217).

предѣльныхъ участковъ не только покрываетъ издержки, но даетъ и нѣкоторый излишекъ, или потому, что на городской территоріи имѣется особый замкнутый кругъ участковъ, на которомъ избытокъ надъ цѣной производства получается именно въ силу этой замкнутости. Въ теоріи Визера, на нашъ взглядъ, заслуживаетъ вниманія не противоположеніе городской ренты рентѣ сельскохозяйственной, а подчеркиваніе одной стороны въ образованіи цѣнъ, ошибочно считаемой имъ за исключительную принадлежность рынка городскихъ помѣщеній, на самомъ же дѣлѣ имѣющейся и въ цѣнахъ на сельскохозяйственные продукты, а только выраженной значительно рѣзче въ цѣнахъ городскихъ помѣщеній. Визеръ очень мѣтко указываетъ, что иногда кажущійся единымъ обширный рынокъ слѣдуетъ разсматривать какъ своеобразный конгломератъ цѣлаго ряда частичныхъ рынковъ, находящихся въ извѣстномъ взаимодѣйствіи. Такое строеніе рынка особенно существенно для образованія цѣнъ однородныхъ, но разнокачественныхъ продуктовъ, какими и являются обычно городскія помѣщенія. Такъ какъ качество городскихъ помѣщеній опредѣляется ихъ положеніемъ, выражаемымъ въ простѣйшей формѣ ихъ растояніемъ отъ центра города, то рынки этихъ разнокачественныхъ продуктовъ территоріально разграничены и взаимоотношенія между ними представляются болѣе наглядными, чѣмъ для рынковъ разнокачественныхъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Это и даетъ возможность при анализѣ городской ренты установить съ большей отчетливостью процессъ образованія цѣнъ, регулируемый взаимодѣйствіемъ такихъ частичныхъ рынковъ. Здѣсь каждый частичный рынокъ имѣетъ свои особыя условія установленія цѣнъ; но въ слѣдующемъ за нимъ рынкѣ онъ встрѣчаетъ довольно твердый регуляторъ, сдерживающій капризные скачки и повороты въ его цѣнахъ. Такъ, высшія и болѣе выгодныя и въ тоже время болѣе рѣдкія культуры связываются въ образованіи цѣнъ ихъ продуктовъ рядомъ переходовъ съ менѣе рентабельными формами хозяйства, вплоть до послѣднихъ, предѣльныхъ участковъ. Въ указаніи на регулярность такихъ связей мы и видимъ крупную теоретическую заслугу Визера, хотя мы и не можемъ принять основного содержанія теоріи этого выдающагося аналитика. Наглядность построенія Визера затемняется только его напраснымъ стремленіемъ доказать во что бы то ни стало, что въ регулируемыхъ такимъ образомъ цѣнахъ отсутствуетъ монопольный элементъ. Въ дѣйствительности въ намѣчаемыхъ Визеромъ рыночныхъ ступеняхъ мы видимъ лишь послѣдовательное смягченіе монопольнаго элемента, вполнѣ исчезающаго

только въ послѣднемъ кругу (предѣльныхъ участковъ, и то лишь при условіи достаточнаго свободнаго запаса такихъ участковъ). Визеръ могъ бы найти намеки на такое пониманіе разсматриваемаго явленія у писателя, близкаго къ нему по теоретическому міровоззрѣнію,—у Джевонса: «Собственность есть только другое названіе для монополіи. Но когда разныя лица обладаютъ собственностью совершенно одного рода, они подчиняются важному закону безразличія..., именно, что на одномъ и томъ же открытомъ рынкѣ въ любой моментъ не можетъ быть двухъ цѣнъ на одинъ и тотъ же родъ товара. Такимъ образомъ *монополія ограничивается конкуренціей*»... [1]). Джевонсъ имѣетъ въ виду одинъ рынокъ и притомъ совершенно открытый, съ свободнымъ предложеніемъ товара въ любомъ количествѣ. Если же мы предположимъ, что отъ этого послѣдняго рынка идутъ по направленію къ городскому центру послѣдовательно суживающіяся кольца взаимно-связанныхъ рынковъ, съ все болѣе ограниченнымъ предложеніемъ, то существенной чертой этихъ рынковъ представится наличность монопольнаго элемента, наиболѣе интенсивнаго въ центрѣ и смягчаемаго вліяніемъ послѣдующихъ рынковъ по направленію къ окраинѣ. Монопольный характеръ дифференціальной ренты, отмѣчаемый многими лишь мимоходомъ, находитъ себѣ отчетливое теоретическое выраженіе въ такой характеристикѣ строенія рынка. Конструкція ряда отдѣльныхъ, но взаимно-связанныхъ рынковъ поможетъ намъ разобраться и въ вопросѣ, до сихъ поръ весьма спорномъ, — считать ли альтернативное употребленіе земли подъ болѣе и менѣе выгодныя культуры источникомъ монопольной или дифференціальной ренты. Или, какъ обыкновенно ставятъ этотъ вопросъ, можно ли считать, что при альтернативномъ употребленіи земли рента вытѣсняемыхъ низшихъ культуръ входитъ въ цѣну продукта высшихъ культуръ? Вопросъ этотъ вполнѣ опредѣленно поставилъ Джевонсъ и отвѣтилъ на него утвердительно [2]), и съ этого времени въ немъ стали видѣть одинъ изъ сильныхъ аргументовъ противъ дифференціальной теоріи ренты Рикардо, согласно которой «рента не входитъ въ цѣну продукта». Въ новѣйшей литературѣ на такую точку зрѣнія съ особенной рѣзкостью сталъ Гобсонъ, по мнѣнію котораго правильное объясненіе образованія ренты при альтернативномъ употребленіи земли совершенно уничтожаетъ теорію Рикардо. «Хотя худшая земля,

---

[1]) W. St. Jevons. The Theory of Political Economy, (3-е изд., Лондонъ, 1888, стр. XLV).

[2]) Theory, стр. XLVII—XLIL.

занятая подъ пастбище,—говоритъ Гобсонъ,—можетъ не давать никакой ренты, худшая земля, воздѣлываемая подъ пшеницу, можетъ лучше годиться для пастбища, чѣмъ лучшая пастбищная земля, въ какомъ случаѣ она можетъ быть получена подъ посѣвъ пшеницы только путемъ уплаты нѣсколько бо́льшей суммы, чѣмъ ея дифференціальная рента за пастьбу. Эта рента за худшую землю подъ пшеницей будетъ положительной рентой и войдетъ въ цѣну пшеницы. Далѣе, худшая огородная земля, конкурирующая на данномъ рынкѣ, можетъ быть довольно сносной землей для воздѣлыванія пшеницы, а если такъ, то рента, которую она могла бы получить за пшеницу, образуетъ предѣльную ренту за огородную землю. Такимъ образомъ, если мы будемъ восходить къ высшимъ и болѣе спеціальнымъ формамъ пользованія землею, мы найдемъ, что дифференціальныя ренты должны быть измѣряемы не отъ предѣльныхъ участковъ, не дающихъ ренты (not from a no-rent margin), а отъ минимальной специфической ренты высшаго порядка, пока мы не достигнемъ городской земли, рента съ которой измѣряется отъ минимума, долженствующаго превышать ренту, какую эта земля могла бы получить за лучшее, возможное для нея сельскохозяйственное употребленіе» [1]).

Такъ же смотритъ Визеръ и большинство теоретиковъ городской ренты безъ различія направленій. Если бы этотъ взглядъ былъ правиленъ, то это значило бы лишь, что къ данному случаю нельзя приложить теорію дифференціальной ренты Рикардо. Общей же конструкціи его теоріи ренты эти соображенія не задѣваютъ, такъ какъ его ученіе включаетъ въ себя и идею монопольной ренты, входящей въ цѣну продукта, которая и была бы здѣсь примѣнима. Но нѣтъ никакой надобности принимать эти соображенія. Съ точки зрѣнія отдѣльнаго предпринимателя они, конечно, правильны. Приступая къ застройкѣ предѣльной городской земли, предприниматель вводитъ въ счетъ своихъ издержекъ и ренту, которую онъ долженъ платить за нее (или капитализировать покупкой), т. е. высшую сельскохозяйственную ренту + нѣкоторый излишекъ. Но онъ платитъ ренту за застраиваемую землю въ бо́льшемъ размѣрѣ по сравненію съ сельскохозяйственной потому, что застройка ея даетъ ему больше выгодъ, чѣмъ сельскохозяйственное пользованіе. И значитъ, въ общей цѣпи рыночныхъ отношеній, въ которую данная ступень ренты входитъ какъ одно изъ послѣдовательныхъ

---

[1]) J. A. Hobson, The Economics of Distribution. (Лондонъ, 1900, стр. 120—121).

звеньевъ, уплата ея не можетъ считаться частью той цѣны продукта, отъ которой идетъ послѣдовательный счетъ рентъ. Если въ силу сбереженія издержекъ на трудъ и капиталъ противъ предѣльныхъ, принятыхъ за 100, лучшая пастбищная земля даетъ 10 единицъ свободнаго остатка, земля подъ пшеницей—20, огородная—30, а худшая городская—40, то уплата каждой изъ этихъ повышающихся рентъ будетъ опредѣляться выгодами земель разныхъ типовъ по сравненію съ предѣльной землей, и хотя бы всѣ промежуточныя ступени выпали, и остались бы только предѣльные участки и земля, годная подъ наилучшее употребленіе, разница въ рентѣ осталась бы та же самая. Поскольку переходъ къ другимъ культурамъ соединяется съ большей выручкой, т. е. съ уменьшеніемъ издержекъ на единицу цѣнности этой выручки, увеличеніе ренты объясняется именно уменьшеніемъ издержекъ. При разсмотрѣніи же этого явленія съ частнохозяйственной точки зрѣнія получается оптическій обманъ, объясняемый тѣмъ, что капиталистъ-предприниматель, уплачивая ренту, разсматриваетъ ее не какъ долю чистой выручки, а какъ часть производимыхъ имъ издержекъ. И понятно, что такъ понимаемыя издержки растутъ въ глазахъ предпринимателя съ увеличеніемъ удобствъ и выгодъ нанимаемыхъ имъ участковъ. Въ дѣйствительности же онъ только получилъ возможность располагать выгодами, въ которыхъ тонутъ меньшія выгоды участковъ, занятыхъ подъ худшія культуры. Рента, которую платятъ за пользованіе худшими городскими участками, не является «положительной» или монопольной рентой отъ того, что она нѣсколько превышаетъ сельско-хозяйственную ренту; въ этой уплатѣ можетъ сказываться лишь то, что застройка земли при извѣстныхъ условіяхъ есть высшая форма пользованія землей, дающая предпринимателю больше выгодъ, чѣмъ всякія другія культуры. Вступая съ окружающей городъ сельскохозяйственной площади на городскую территорію, мы еще не знаемъ, имѣется здѣсь монопольная рента, или нѣтъ. Необходимо спеціальное изслѣдованіе образованія цѣнъ помѣщеній на предѣльныхъ городскихъ участкахъ. Если предложеніе этихъ участковъ ограничено и собственники ихъ имѣютъ возможность использовать эту сторону въ рыночной борьбѣ, тогда можетъ идти рѣчь и о дѣйствительной монопольной городской рентѣ.

Вопросъ этотъ особенно живо обсуждался и продолжаетъ обсуждаться въ нѣмецкой литературѣ послѣдняго времени. Но теоретическая разработка его подвигается туго, главнымъ образомъ, благодаря парадоксальной его постановкѣ Эберштадтомъ,

вызвавшей рѣзкіе протесты и не менѣе горячія контръ-возраженія. Выросшая до громадныхъ размѣровъ полемическая литература крайне бѣдна теоретическимъ содержаніемъ. Эберштадта интересуютъ главнымъ образомъ практическія задачи: борьба съ вреднымъ, съ точки зрѣнія народнаго блага, процессомъ расширенія большихъ городовъ въ современной Германіи, именно съ застройкой окраинъ многоэтажными домами-казармами, въ связи съ спекулятивными закупками свободныхъ земель и особенностями нѣмецкаго гипотечнаго кредита и строительныхъ правилъ. Этотъ мѣстный вопросъ, самъ по себѣ весьма важный, Эберштадтъ обобщилъ въ особую «теорію», которая естественно приняла весьма странный видъ и включила въ себя рядъ парадоксовъ. Земельная спекуляція—главный врагъ Эберштадта. И не посчитавшись съ тѣмъ, что даетъ для изслѣдованія ренты на предѣльныхъ участкахъ общая теорія ренты, Эберштадтъ надѣется найти въ однихъ ухищреніяхъ спекулянтовъ свой собственный ключъ для рѣшенія этого сложнаго вопроса. Рядомъ съ естественнымъ образованіемъ дифференціальной городской ренты по мѣрѣ близости участковъ къ городскому центру Эберштадтъ усматриваетъ возможность возникновенія особой монопольной ренты на самихъ предѣльныхъ участкахъ. По естественному порядку вещей за эти участки должна была бы уплачиваться лишь рента, немного превышающая ренту сельскохозяйственнаго пользованія, или, какъ ее называетъ Эберштадтъ, рента за мѣсто для дома (Hausplatzrente). Въ дѣйствительности же здѣсь имѣется «искусственно» вздутая добавочная рента и соотвѣтственно поднятая цѣна земли въ силу «тѣсной, многоэтажной, монополистической стройки». Такую искусственно созданную ренту Эберштадтъ обзываетъ кличкой «казарменной ренты» (Kaserniernndsrente). Значеніе этой ренты въ связи съ другими видами городской ренты Эберштадтъ изображаетъ наглядно слѣдующей (произвольно намѣченной) схемой:

	Цѣнность ренты за мѣсто постройки (Hausplatzrente).		Цѣнность преимуществъ положенія.		Цѣнность казарменной стройки.		Всего.
I зона. .	10	+	40	+	30	=	80
II » . .	10	+	30	+	30	=	70
III » . .	10	+	20	+	30	=	60
IV » . .	10	+	10	+	30	=	50
V » . .	10		—	+	30	=	40

Возможность полученія казарменной ренты и приводитъ къ застройкѣ окраинъ многоэтажными домами. Спекуляція какъ бы окружаетъ городъ желѣзнымъ кольцомъ, скупая вокругъ лежащія земли, и задерживая затѣмъ предложеніе земель, годныхъ къ застройкѣ. Спекулянтъ продаетъ землю подъ постройки съ готовымъ, принудительно навязываемымъ планомъ. Повышеніе цѣны продаваемой земли заранѣе предопредѣляетъ типъ застройки. При цѣнѣ въ 50—70 марокъ за квадратный метръ строительный предприниматель вынужденъ къ многоэтажной стройкѣ. Дѣло облегчается чрезмѣрнымъ пользованіемъ гипотечнымъ кредитомъ, и въ результатѣ самъ домовладѣлецъ является лишь безплатнымъ управляющимъ гипотечныхъ банковъ, къ аккуратному платежу процентовъ которымъ сводятся его заботы. Повышеніе цѣны окраинной земли дѣйствуетъ повышающимъ образомъ и на цѣны земель внутреннихъ поясовъ, и такимъ образомъ поднимается общій уровень земельныхъ цѣнъ. Наемная казарма становится характернымъ типомъ окраиннаго дома, а между тѣмъ это—не только соціально и гигіенически самая дурная, но и экономически — самая невыгодная форма стройки. Квартирныя платы въ городахъ, заполненныхъ домами-казармами, абсолютно наивысшія, и они движутся въ постоянно повышающемся направленіи. Спекуляція приводитъ даже къ тому, что естественный законъ спроса и предложенія теряетъ силу по отношенію къ цѣнамъ городскихъ земель. «Согласно естественному порядку, говоритъ Эберштадтъ, цѣны земли должны стоять ниже всего на имѣющейся въ изобиліи, легко доступной и легко застраиваемой территоріи, и наоборотъ, выше всего тамъ, гдѣ земельныя условія неблагопріятны и гдѣ расширеніе города наталкивается на трудности территоріи... Въ дѣйствительности же цѣны земель стоятъ выше всего тамъ, гдѣ имѣются въ распоряженіи обширнѣйшія земельныя пространства и расширеніе города можетъ совершаться почти безпрепятственно». Напримѣръ, въ Дюссельдорфѣ, гдѣ земля подъ постройки имѣется въ великомъ изобиліи и весьма удобна, цѣны на земли и на квартиры стоятъ всего выше; самыя же низкія цѣны Эберштадтъ нашелъ на холмистой, трудной для застройки территоріи Эльберфельда и Бармена. Объясненіе этому Эберштадтъ видитъ въ земельной спекуляціи. Излюбленная область спекуляціи—окраинныя земли; чѣмъ ихъ больше и чѣмъ они удобнѣе, тѣмъ шире можетъ развернуться спекуляція [1]).

[1]) R. Eberstadt. Handbuch des Wohnungswesens und der Wohnungsfrage. Iena. 1910, стр. 68—113. Работы Эберштадта довольно многочисленны, но онъ повторяетъ всюду одни и тѣ же основныя мысли, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ.

Слово «спекуляція» на людей, мало искушенныхъ въ экономическихъ вопросахъ, дѣйствуетъ обыкновенно устрашающимъ образомъ, и пропаганда Эберштадта быстро нашла себѣ сочувственный откликъ. Необходимо, однако, внимательно провѣрить, какого рода эта спекуляція съ городскими землями. Вѣдь въ современномъ хозяйственномъ строѣ спекуляція образуетъ необходимый элементъ и наряду съ злоупотребленіями, порой вызывающими справедливое негодованіе, выполняетъ и полезную функцію. Затратить теперь деньги въ дѣло, рыночная реализація котораго можетъ состояться въ будущемъ, требуетъ риска. Этотъ рискъ и беретъ на себя спекулянтъ, надѣясь, что дѣло сложится въ сторону, благопріятную для его расчетовъ. Онъ можетъ при этомъ просто предвидѣть или предугадывать будущую конъюнктуру, вліять на которую не въ его власти, или онъ будетъ употреблять спеціальныя усилія, чтобы положеніе рынка сложились именно такъ, какъ для него выгодно. Эберштадтъ предполагаетъ послѣднее и думаетъ, что городской спекулянтъ достигаетъ своихъ цѣлей искусственнымъ ограниченіемъ предложенія скупленныхъ имъ участковъ. Въ этомъ и заключается его главная ошибка. Въ дѣйствительности городская спекуляція руководится обоими расчетами—и на благопріятную конъюнктуру, предвидимую ею, но отъ ея воли не зависящую, и на возможность давленія на рынокъ. Говоря иными словами, городской спекулянтъ можетъ вести игру или на повышеніе дифференціальной ренты, или на созданіе собственными усиліями добавочной монопольной ренты. Если первый способъ обѣщаетъ ему больше выгоды, чѣмъ второй, онъ предпочтетъ идти по линіи наименьшаго сопротивленія и не будетъ тратить напрасныхъ усилій на образованіе во чтобы то ни стало особой монопольной ренты. Какъ показала критика даже со стороны людей, въ общемъ сочувствующихъ идеямъ Эберштадта,—нельзя привести сколько-нибудь обширныхъ фактическихъ свидѣтельствъ въ пользу того, что городская спекуляція ограничиваетъ предложеніе земель, годныхъ къ застройкѣ. Отдѣльные случаи, конечно, бываютъ,—и въ этомъ согласны даже наиболѣе рѣзкіе противники Эберштадта [1]), но отсюда еще громадное разстояніе до признанія широкой распространенности такой дѣятельности спекулянтовъ. «О намѣренномъ продолжительномъ удерживаніи земли собственно-земельными спекулянтами (Terrainunternehmer)... намъ ничего неизвѣстно за все время отъ 1870 до 1902 (въ Дрезденѣ)... Ожиданіе лучшихъ цѣнъ естественно... бываетъ часто

---

[1]) См. напр. Ad. Weber. Boden und Wohnung, стр. 48.

и равно естественно во времена дурной конъюнктуры и недостаточнаго спроса на строительные участки сильно пріостанавливалось предпринимателями по скупкѣ земель включеніе (новыхъ, годныхъ къ застройкѣ участковъ) и сбытъ (уже готовыхъ) строительныхъ участковъ. Но чтобы земельные предприниматели во всемъ этомъ направленіи дѣлали больше, чѣмъ сдѣлалъ бы всякій нормальный торговецъ, что они развивали особую систему «изъятія земли» (Aussperrung), объ этомъ намъ, какъ было сказано, ничего неизвѣстно... [1]) Мангольдъ правильно указываетъ и причины такой тактики спекулянтовъ. Затративъ большія суммы на пріобрѣтеніе земель, отчасти полученныя въ кредитъ, они должны ежегодно нести большіе расходы по уплатѣ процентовъ и рѣзко чувствуютъ потерю процентовъ на затраченный капиталъ за время, пока земля не продана. Ихъ расчетъ,—поскольку возможно, ускорить продажу купленной земли. [1]) Также необосновано и утвержденіе Эберштадта, будто постройка домовъ-казармъ поднимаетъ цѣну квартиръ. Конечно, нельзя отрицать возможности образованія монопольной ренты и на окраинахъ большихъ городовъ, что мы и отмѣчали уже выше, говоря о теоріи Визера. Но эти случаи нельзя связывать съ особымъ типомъ застройки. Рента на периферіи отмѣчается и для странъ съ распространеннымъ типомъ мелкихъ окраинныхъ домовъ, напр., въ Англіи и Бельгіи. Причины этого явленія сложны и требуютъ каждый разъ особаго изслѣдованія. Бываетъ также, что высокія цѣны на квартиры, занимаемыя рабочими классами, объясняются особенностями помѣщенія строительныхъ капиталовъ. Подмѣчено, что постройка квартиръ для болѣе состоятельныхъ классовъ охотнѣе выполняется строительными предпринимателями, иногда создавая даже увеличенное сверхъ необходимости предложеніе, въ то время какъ предложеніе мелкихъ квартиръ не поспѣваетъ за растущимъ спросомъ [2]). Поэтому—исключая не могущее быть доказаннымъ совершенное отрицаніе монопольной городской ренты—возраженія, выдвинутыя противъ утвержденій Эберштадта молодымъ поколѣніемъ нѣмец-

---

[1]) K. v. Mangoldt. Die städtische Bodenfrage. Göttingen, 1907, стр. 158.

[2]) Тамъ-же, отдѣлъ третій, глава 7 (passim).

[3]) Ср. Fuchs. Die Spekulation im modernen Städtebau. Schmoller's Jahrbuch 1907, стр. 1356—1358. Іоллесъ пытается даже доказать, что монопольная городская рента вообще образуется не вслѣдствіе «природы земли, а природы строительнаго капитала» (H. Iolles. Die allgemeine Monopolrente von städtischem Grundbesitz. Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaft. 62 Bd., стр. 442—451. Но его соображенія преувеличены. См. Fr. Pabst. Ist die Grundrente in der Peripherle der Stadt «allgemeine Monopolrente»? Jahrbücher f. Natoek. u. Stat., III Folge, 33 Bd., стр. 1—20 (положительныя указанія Пабста на причины монопольной городской ренты слабы).

кихъ экономистовъ (имѣющимъ сильный наклонъ къ либерализму въ рѣшеніи вопросовъ соціальной политики) въ главномъ справедливы. Но въ разгаръ полемики представители этого направленія ударились въ противоположную крайность и, въ свою очередь, наговорили много рискованнаго. Напр., Andreas Voigt сталъ доказывать, что домъ-казарма и въ гигіеническомъ отношеніи лучше маленькаго дома, и что жилищныя условія англійскихъ рабочихъ, стремящихся жить въ отдѣльныхъ коттэджахъ, вовсе не лучше нѣмецкихъ, живущихъ въ большихъ домахъ казармахъ. Даже больше: переходъ отъ большихъ многоэтажныхъ домовъ къ маленькимъ домамъ можетъ совершиться, по мнѣнію Фохта, только за счетъ требованій гигіены.[1]) Равнымъ образомъ Ад. Веберъ (въ книгѣ «Bodenrente und Bodenspekulation») договорился до утвержденія, что «общая сумма убытковъ компаній по скупкѣ земель (Terraingesellschaften), если принять въ расчетъ потери на процентахъ, довольно значительно (nichtunwesentlich) превышаетъ общую сумму ихъ прибыли». Вебера ввело въ недоумѣніе отсутствіе (или крайне ничтожная величина) ежегодно распредѣляемыхъ дивидендовъ у многихъ городскихъ земельныхъ обществъ, объясняемое просто тѣмъ, что задача этихъ обществъ — постепенный сбытъ купленныхъ земель, который въ первые годы естественно долженъ идти слабо, такъ какъ земля должна быть достаточно подготовлена къ застройкѣ, и вообще не можетъ идти равномѣрно по годамъ. Поэтому нѣкоторыя изъ такихъ обществъ при самомъ учрежденіи отказываются отъ годичнаго распредѣленія дивидендовъ и дѣлятъ (иногда очень крупные) барыши при ликвидаціи всего дѣла [2]). Конечно, одни барыши земельныхъ спекулянтовъ еще ничего не говорятъ объ ихъ источникѣ, каковымъ можетъ быть какъ монопольная, такъ и дифференціальная рента. Если крупному спекулянту удалось пріобрѣсти участки земли у первоначальныхъ владѣльцевъ далеко ниже той цѣны, на которой они будутъ стоять позже, соотвѣтственно правильной капитализаціи даваемой ими дифференціальной ренты,—спекулянты могутъ сдѣлать „хорошее дѣло“, безъ вся-

---

1) A. Voigt und P. Geldner. Kleinhaus und Mietkaserne. Berlin. 1905, стр. 260—264. Фохтъ обнаруживаетъ здѣсь между прочимъ поразительную неосвѣдомленность о жилищныхъ условіяхъ англійскихъ рабочихъ.

2) См. P. Mohr. Beiträge zur Frage der Bodenspekulation und ihrer Gewinne. Schmoller's Jahrbuch, 1907, стр. 1057—1098. Баллодъ имѣлъ терпѣніе пересмотрѣть одинъ за другимъ отчеты обществъ, признанныхъ Веберомъ бездоходными, и нашелъ, что изъ нихъ только два (и то изъ самыхъ мелкихъ) имѣли незначительные доходы; большая же часть, и притомъ самыя крупныя, дали большіе барыши. *C. Ballod*, Zur Frage nach den Gewinnen der Terraingesellschaften. Schmoller's Jahrbuch, 1908, стр. 51 66.

каго ущерба для нанимателей квартиры въ домахъ, выстроенныхъ на проданныхъ *ими* участкахъ. И потому въ общемъ тезисъ, защищаемый Веберомъ противъ Эберштадта, что спекуляція не можетъ по произволу поднимать цѣну земель, что она просто учитываетъ напередъ дѣйствительныя выгоды, которыя будутъ давать эти участки послѣ застройки нанимателями выстроенныхъ помѣщеній и въ мѣрѣ которыхъ наниматели и будутъ платить,—можно считать весьма близкимъ къ истинѣ. Можно согласиться даже и съ указаніемъ Вебера, что спекуляція часто можетъ приводить къ пониженію земельныхъ цѣнъ, потому что она вноситъ широкую иниціативу въ дѣло расширенія городской территоріи и включаетъ въ кругъ земель, годныхъ къ застройкѣ, новыя земли значительно скорѣе, чѣмъ это сдѣлали бы безъ нея ихъ первоначальные владѣльцы [1].

Мангольдтъ считаетъ первоначальныхъ владѣльцевъ прилегающихъ къ городу земель болѣе опасными по сравненію съ земельными спекулянтами. Въ цѣнѣ этихъ земель Мангольдтъ усматриваетъ ярко выраженный монопольный элементъ. Онъ не согласенъ съ утвержденіемъ, что въ ней напередъ учитывается будущая дифференціальная рента. Высокая цѣна ихъ объясняется въ его глазахъ именно монопольнымъ положеніемъ ихъ первоначальныхъ владѣльцевъ, которые быстро оріентируются въ условіяхъ, создаваемыхъ расширеніемъ современныхъ большихъ городовъ и стараются поднять цѣну своихъ земель сокращеніемъ ихъ предложенія. Владѣльцы „узкаго кольца" земель, непосредственно примыкающихъ къ городской территоріи, находятся въ положеніи владѣльцевъ товара, на который существуетъ весьма сильный, настоятельный и платежеспособный спросъ, и въ то же время не вынуждены спѣшить съ его продажей. Они не встрѣчаютъ конкуренціи со стороны далѣе лежащихъ земель, потому что городскіе жители не желаютъ селиться на незастроенныхъ пустыряхъ, внѣ необходимыхъ культурныхъ условій существованія и сообщенія съ городомъ, потому что устройство улицъ въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ потребовало бы чрезмѣрныхъ издержекъ, потому что этихъ земель нельзя достигнуть безъ юридическаго согласія собственниковъ узкаго кольца и потому наконецъ, что въ сторону интересовъ владѣльцевъ узкаго кольца дѣйствуетъ и политика городскихъ управленій. Городскія управленія, въ которыхъ представлены по преимуществу интересы домовладѣльцевъ, имѣютъ тенденцію поддерживать запасъ подготовленныхъ къ застройкѣ

[1]) Ad. Weber, Boden und Wohnung, стр. 52—54.

улицъ въ довольно тѣсныхъ границахъ. Это дѣлается якобы для борьбы съ земельной спекуляціей, въ дѣйствительности же приводитъ къ вздорожанію земель узкаго кольца [1]).

Мангольдтъ характеризуетъ процессъ образованія цѣнъ незастроенныхъ земель удачнѣе Эберштадта, но въ примѣненіи къ вопросу о городской рентѣ и его теорія остается весьма спорной. Если земли узкаго кольца переходятъ, хотя и по высокой цѣнѣ, въ руки крупныхъ спекулятивныхъ обществъ, а эти общества при обыкновенныхъ условіяхъ не въ состояніи вынудить образованіе монопольной ренты на продаваемыхъ ими земляхъ,— то это значитъ, что повышеніе цѣнъ земель узкаго кольца имѣетъ свой предѣлъ. Если бы ихъ владѣльцы поставили своей задачей перейти его,—спекулятивныя общества отказались бы отъ покупокъ, потому что такія покупки не обѣщали бы имъ никакой выгоды. Въ своемъ утвержденіи объ образованіи монопольной ренты усиліями собственниковъ «узкаго кольца» Мангольдтъ идетъ дальше Эберштадта, который не считаетъ возможнымъ увеличеніе окраинной ренты далѣе предѣловъ «казарменной ренты», и представляющейся, какъ мы видѣли, по общему правилу,—по крайней мѣрѣ, въ значительной ея части,—особымъ видомъ дифференціальной ренты. Если земельные спекулянты находятъ все же возможнымъ покупать земли узкаго кольца, терять время, пока земли начнутъ находить сбытъ и значитъ нести потери на процентахъ съ затраченнаго капитала,— то это не можетъ не указывать, что собственники узкаго кольца не въ силахъ предъявлять очень крупныхъ претензій и что въ концѣ концовъ и цѣны ихъ земель регулируются ожидаемымъ въ будущемъ нормальнымъ доходомъ, за вычетомъ издержекъ и прибылей спекулятивныхъ обществъ.

Намъ хотѣлось бы подчеркнуть одинъ существенный теоретическій недостатокъ въ конструкціи Эберштадта, мало отмѣчаемый въ вызванной его работами обширной литературѣ. Это— поразительное невниманіе къ вопросу объ образованіи ренты при *интенсивномъ* использованіи земли. Эберштадтъ видитъ въ застройкѣ окраинъ многоэтажными домами искусственный процессъ, создаваемый ухищреніями спекулянтовъ и облегчаемый дурной организаціей гипотечнаго кредита и строительными правилами. Въ дѣйствительности же нормальный процессъ использованія земельной площади заключается въ переходѣ къ новымъ участкамъ, къ расширенію обрабатываемой территоріи лишь послѣ

---

[1]) Die städtische Bodenfrage, стр. 221—248.

того, когда на занятой уже площади достигнутъ интенсивный предѣлъ обработки. Когда спросъ на участки, скупленные спекулянтами, значительно превышаетъ размѣры находящейся въ ихъ рукахъ площади, если бы она была застроена не пяти, а одно—или двухъ-этажными домами, то естественный экономическій расчетъ долженъ побуждать владѣльцевъ этихъ участковъ использовать имѣющееся пространство наиболѣе интенсивнымъ образомъ. Само собой разумѣется, что такой способъ застройки, повышая сумму ренты съ данной земельной площади (но не съ единицы продукта, т. е. не съ отдѣльной квартиры, что представляется единственно существеннымъ для нанимателя), тѣмъ самымъ какъ бы обязываетъ и всѣхъ другихъ владѣльцевъ земель даннаго района къ такому же интенсивному пользованію. Въ высокой цѣнѣ земельныхъ участковъ проявляется не эксплоатація квартиронанимателей, а большая эксплоатація самой земли. Если бы въ то время, какъ на окраинахъ стали появляться многоэтажные дома, участки, болѣе близкіе къ центру, по инертности ли ихъ владѣльцевъ, по недостатку ли свободныхъ капиталовъ, или по какимъ нибудь другимъ причинамъ, застраивались бы менѣе интенсивно,—то предѣлъ пользованія городской землей перемѣстился бы отъ окраинъ къ центру, въ чемъ сказался бы столь же естественный процессъ образованія ренты, какъ и въ обычномъ ея движеніи. А такъ какъ интенсивная застройка при условіяхъ новѣйшей строительной техники можетъ быть проведена очень далеко въ вертикальномъ направленіи, то законъ уменьшенія доходности по мѣрѣ увеличенія числа этажей можетъ не проявиться до тѣхъ поръ, пока высота домовъ не превзойдетъ нормы, указываемой, соотвѣтственно ширинѣ улицъ, самыми мягкими строительными правилами [1]). Такимъ образомъ высокая, т. е. интенсивная застройка предполагается общимъ дѣйствіемъ экономическихъ законовъ, вытекая изъ естественнаго стремленія владѣльцевъ городскихъ земель извлечь изъ нихъ всѣ доступныя выгоды. Протесты противъ застройки окраинъ большими домами-казармами экономически лишенъ смысла. Это—протестъ противъ лучшей экономической культуры и потому естественно, что защита Эбер-

[1]) Визеръ, исходя изъ соображенія, что масса нанимателей предпочитаетъ въ общемъ нижніе этажи верхнимъ, устанавливаетъ, по аналогіи съ закономъ уменьшенія земледѣльческаго продукта «законъ убыванія доходности этажей» (das Gesetz des abnehmenden Stockwerkertrages) Указ. соч. стр. 19-20. См. также H. Wolff. Haushöhe und Hausrente. Halle. 1909. Современная техника находитъ, однако, возможнымъ смягчить неудобства подъема въ верхніе этажи устройствомъ лифта. Такія «внутри-домовыя средства сообщенія» сглаживаютъ разницу въ оцѣнкѣ этажей и отодвигаютъ вверхъ границу дѣйствія закона убывающей доходности.

штадтомъ своего тезиса о вредѣ застройки окраинъ многоэтажными домами *экономическими аргументами* потерпѣла рѣшительное крушеніе. Какъ ни рѣзки нападки критиковъ Эберштадта, ихъ нельзя не признать справедливыми, поскольку они раскрываютъ слабость экономической аргументаціи Эберштадта. Сваливать жилищныя бѣдствія современныхъ городовъ на злонамѣренность спекулянтовъ болѣе чѣмъ наивно. Какъ бы ни были велики злоупотребленія спекуляціи, по существу не въ нихъ дѣло. Если бы спекуляція была совершенно уничтожена, многоэтажные дома все равно выростали бы на окраинахъ въ силу экономическихъ преимуществъ такого способа использованія земли. Въ городахъ, быстро растущихъ, гдѣ болѣе близкіе къ центру кварталы еще не достигли предѣла интенсивности застройки, трудность быстрой замѣны домовъ стараго типа въ этихъ кварталахъ и приводитъ къ тому, что наиболѣе экономически-раціональная форма застройки шире распространяется на окраинахъ, если она не встрѣчаетъ препятствій въ строительныхъ правилахъ или въ нравахъ и привычкахъ населенія.

Но вѣдь экономически-раціональное не всегда совпадаетъ съ болѣе широко понимаемыми общественными выгодами. Національное здоровье и крѣпость моральныхъ устоевъ выше спеціально экономическихъ интересовъ. Ради этихъ высшихъ благъ общество вправѣ требовать отъ своихъ членовъ извѣстныхъ экономическихъ жертвъ. Обыкновенно бываетъ при этомъ, что экономическій организмъ общества довольно легко приспособляется къ предъявляемымъ ему требованіямъ, и жертвы, чувствительныя въ началѣ, со временемъ смягчаются и становятся подъ конецъ совершенно ненужными. Размѣщеніе бѣднѣйшихъ слоевъ городского населенія въ огромныхъ домахъ-казармахъ вредно въ гигіеническомъ и моральномъ и отвратительно въ эстетическомъ отношеніи. Это—большое зло современной городской жизни, и общество должно изыскивать мѣры борьбы съ нимъ. Въ энергичномъ указаніи на это зло и заключается крупная заслуга Эберштадта, какъ практическаго дѣятеля въ области улучшенія современнаго большого города. Отсюда и сочувственный откликъ, какой нашли въ германскомъ обществѣ призывы Эберштадта. Широкой публикѣ некогда разбираться въ достоинствахъ выдвигаемой аргументаціи; она интересуется основнымъ практическимъ тезисомъ, а основной тезисъ Эберштадта, что высокая стройка на окраинахъ есть общественно-вредное явленіе, самъ по себѣ правиленъ. Какъ вести борьбу,—конечно, другое дѣло. Мы видѣли, что борьба съ спекуляціей здѣсь можетъ мало помочь.

Теоретическій анализъ городской ренты указываетъ, что сущность борьбы съ неустройствами жилищныхъ условій большихъ городовъ должна сводиться къ уменьшенію ренты интенсивнаго использованія городской земли за счетъ экстенсивнаго расширенія города. Чтобы эта цѣль достигалась экономически съ наименьшими пожертвованіями, необходимо по возможности сгладить различія въ качествѣ городскихъ земель. Такъ какъ качества городскихъ участковъ находятся въ прямой зависимости отъ ихъ разстоянія отъ (общегородского или спеціальнаго) центра, —то наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ борьбы является экономическое приближеніе окраинъ къ центру проведеніемъ скорыхъ, дешевыхъ и удобныхъ путей сообщенія. Чѣмъ дальше будутъ прокладываться радіусы городскихъ путей, тѣмъ шире будетъ предложеніе городскихъ земель и тѣмъ меньше мѣста будетъ оставаться не только для монопольной, но и для дифференціальной жилищной ренты. Дальнѣйшее качественное сближеніе окраинъ съ внутренними районами дается ихъ благоустройствомъ въ смыслѣ гигіеническихъ и культурныхъ приспособленій и гарантіи безопасности жителей. Тогда предѣльные участки городской земли захватили бы громадный районъ и, устранивъ совершенно возможность образованія монопольной ренты, свели бы до незначительнаго минимума и размѣры дифференціальной жилищной ренты. Именно жилищной ренты, потому что рента съ торговыхъ, дѣловыхъ и т. п. помѣщеній имѣетъ свой особый кругъ причинъ, и едва ли была бы очень существенно затронута нивеллировкой жилищной ренты. Но съ этимъ видомъ городской ренты и не связывается остраго соціальнаго вопроса. Важнѣйшій общественный интересъ представляетъ здѣсь налоговая проблема, возникающая изъ сознанія несправедливости скопленія въ частныхъ рукахъ крупнаго незаслуженнаго прироста цѣнности. Конечно, для того, чтобы трудящіеся классы общества могли вполнѣ воспользоваться указаннымъ расширеніемъ городской территоріи, однимъ изъ существенныхъ условій представляется сокращеніе ихъ рабочаго дня, въ силу котораго для нихъ было бы менѣе тягостнымъ ежедневное передвиженіе отъ мѣста жилья къ мѣсту работы. Далѣе, такъ какъ опытъ показываетъ, что частная иниціатива недостаточна въ дѣлѣ снабженія рабочихъ хорошо устроенными жилищами, большое значеніе могло бы имѣть муниципальное строительство образцовыхъ жилищъ какъ для семейныхъ, такъ и для холостыхъ рабочихъ. При быстромъ расширеніи промышленныхъ городовъ могла бы быть весьма цѣлесообразна планировка новыхъ окраинныхъ частей по

типу такъ называемыхъ городовъ-садовъ, создающая новые центры тяготѣнія жилищъ на окраинахъ. Крупную роль могутъ сыграть также и спеціально-юридическія мѣропріятія въ видѣ строительнаго права и городского землеустройства. Здѣсь мы не имѣемъ возможности входить въ обсужденіе всѣхъ этихъ вопросовъ, касающихся практической стороны дѣла [1]). Нашей задачей было—показать, на разборѣ нѣкоторыхъ новѣйшихъ теорій городской ренты, что можетъ дать для выясненія этой спеціальной проблемы общая теорія ренты Рикардо. Думается, что при свѣтѣ общихъ принциповъ, установленныхъ Рикардо, явственнѣе выступаютъ недочеты современныхъ попытокъ построенія теоріи городской ренты и отчетливѣе обрисовываются задачи ея дальнѣйшей разработки.

В. Желѣзновъ.

1) См. объ этомъ только что вышедшую книгу М. Д. Загряцкова: «Земельная политика городского самоуправленія въ Германіи». Москва, 1913.

ИЗЪ ИСТОРІИ ФРАНЦУЗСКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПЕЧАТИ.

Свобода печати уже съ средины XVIII вѣка сдѣлалась во Франціи однимъ изъ главныхъ политическихъ требованій. Но никогда не занимала она до такой степени общественное мнѣніе, никогда страстная борьба за нее такъ не заполняла собой политическую жизнь, какъ въ эпоху реставраціи Бурбоновъ. Въ эти годы, когда во Франціи созидались конституціонные порядки, когда вся Европа жадно прислушивалась къ дебатамъ французскихъ палатъ, свобода печати была боевымъ кличемъ приверженцевъ парламентаризма. Въ ней видѣли самое благородное, самое возвышенное проявленіе индивидуальной свободы человѣка; ею дорожили не только какъ могущественнымъ средствомъ политической борьбы, но и какъ самостоятельнымъ благомъ, самодовлѣющей цѣлью стремленій интеллигентнаго общества. Но насколько велика была въ обществѣ вѣра въ спасительную силу свободнаго слова, настолько же великъ былъ страхъ предъ нимъ у правительства Бурбоновъ. Соглашаясь на введеніе конституціоннаго строя, оно не могло сохранить всѣ пріемы наполеоновскаго деспотизма и принуждено было признать въ конституціонной хартіи 1814 г. принципъ свободы печати (§ 8). Но отъ признанія принципа до осуществленія его на практикѣ было очень далеко. Правительство постоянно сопротивлялось установленію дѣйствительно свободнаго режима по отношенію въ прессѣ. Вотъ почему малѣйшія колебанія правительственнаго курса немедленно отражались на законодательствѣ о печати. За шестнадцатилѣтній періодъ реставраціи законы о печати подвергались пересмотру *восемь* разъ. Особенной страстностью борьба отличалась въ періодъ съ 1817 по 1820 г., когда французскому обществу удалось

добиться изданія либеральныхъ законовъ 1819 г., но затѣмъ, съ наступленіемъ въ 1820 г. реакціи, пришлось потерять почти всѣ свои завоеванія.

Послѣ режима Наполеона, задушившаго всякую общественную самодѣятельность, свобода печати была однимъ изъ самыхъ главныхъ требованій, предъявленныхъ новому правительству. Устами Бенжамена Констана либеральная партія высказала и тѣ основные принципы, которые должны были лечь въ основу будущаго закона о печати: полное отсутствіе какихъ-либо предупредительныхъ мѣръ и отвѣтственность писателей или издателей предъ судомъ присяжныхъ. Но либераламъ скоро пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ. Законъ 21 октября 1814 г. подчинилъ предварительной цензурѣ всѣ произведенія печати размѣрами менѣе 20 печатныхъ листовъ и обусловилъ изданіе періодическихъ органовъ особымъ королевскимъ разрѣшеніемъ. Короткій періодъ стодневнаго владычества Наполеона былъ временемъ полной свободы печати; но со второй реставраціей Бурбоновъ законъ 21 октября 1814 года опять вступилъ въ силу, и цензура надъ газетами была возстановлена. Духу времени была сдѣлана уступка только въ видѣ освобожденія отъ цензуры всѣхъ неперіодическихъ изданій, независимо отъ ихъ размѣровъ. Ожесточенная политическая реакція, начавшаяся съ созывомъ знаменитой «безподобной» палаты, была моментомъ, менѣе всего благопріятствовавшимъ свободѣ печати. Правительство широко пользовалось закономъ 21 октября 1814 г. для того, чтобы закрывать одинъ за другимъ органы либеральной оппозиціи (*Censeur*, *Nain Jaune*, *Indépendant*, *Courrier*, *Echo du Soir*), а такъ называемый «законъ о мятежныхъ возгласахъ», изданный 9 ноября 1815 года, внесъ въ юридическое положеніе печати новое ухудшеніе. Онъ каралъ ссылкой всякое печатное произведеніе, въ которомъ можно было усмотрѣть прямой или косвенный призывъ къ ниспроверженію существующаго правительства, и угрожалъ тюремнымъ заключеніемъ до пяти лѣтъ и штрафомъ до 20.000 франковъ за всякій призывъ къ неповиновенію властямъ. При этомъ существо предусматриваемыхъ закономъ преступленій было выражено до такой степени неясно, что при примѣненіи закона въ рукахъ администраціи оставался самый широкій просторъ для произвольныхъ толкованій.

Распустивъ «безподобную» палату ордонансомъ 5 сентября 1816 г., министерство Ришелье какъ будто перехо-

дило на путь либеральной политики. Казалось, что признаніе свободы за политической прессой должно было быть первымъ выводомъ изъ новаго курса. Но министерство не спѣшило сдѣлать этотъ выводъ. Единственная уступка, которую оно согласилось сдѣлать общественному мнѣнію, заключалась въ томъ, что по истеченіи срока дѣйствія закона о цензурѣ 21 октября 1814 года оно не внесло законопроекта о его продленіи, и офиціально цензура съ 27 февраля 1817 года перестала существовать. Но тотъ же законъ 27 февраля 1817 года сохранилъ необходимость правительственнаго разрѣшеніи для существованія періодическихъ органовъ печати до 1 января 1818 г., а законъ 30 декабря 1817 г. продолжилъ дѣйствіе этого порядка до конца сессіи 1818 г., т. е. до весны 1819 г. Уничтоженіе офиціальной цензуры не мѣшало цензурѣ неофиціальной продолжать функціонировать. Правительство, пользуясь своимъ правомъ давать и брать назадъ разрѣшенія на существованіе газетъ и журналовъ, постоянно посылало въ редакціи запрещенія говорить о томъ или иномъ вопросѣ, подъ угрозой закрытія газеты въ случаѣ неповиновенія, или старалось внушить, въ какомъ духѣ для него желательны статьи. Иногда такая система оказывалась даже хуже предварительной цензуры, такъ какъ бывали случаи, когда статья, безпрепятственно пропущенная офиціознымъ цензоромъ, влекла за собой тѣмъ не менѣе закрытіе газеты.

Особенную подозрительность правительство проявляло по отношенію къ либеральной прессѣ. Либеральныя газеты не смѣли не только критиковать правительство, но даже во время выборовъ печатать списки своихъ кандидатовъ. Въ 1817—1818 гг. правительство закрыло два либеральные органа, *Constitutionnel* и *Mercure de France*. Очень характерно то обстоятельство, что *Constitutionnel* былъ закрытъ за статью о художественной выставкѣ 1817 года. Въ описаніи бывшаго на ней портрета Изабе, который изображалъ мальчика съ букетомъ *незабудокъ* въ рукахъ, правительство увидѣло намекъ на сына Наполеона и распорядилось немедленно о закрытіи газеты. Не отказывалась администрація и отъ чисто административныхъ формъ воздѣйствія. Въ силу временныхъ законовъ объ ограниченіи индивидуальной свободы, представители администраціи имѣли право ареста и высылки лицъ, подозрѣваемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ, безъ судебнаго приговора. И администрація пользовалась этимъ правомъ по отношенію къ журналистамъ оппозиціоннаго лагеря не только въ разгаръ роялистической реакціи 1815—1816 гг., но и послѣ ордонанса 5 сентября. Типиченъ въ этомъ отно-

шеніи инцидентъ въ департаментѣ Сарты, гдѣ мѣстный префектъ Пакье (братъ министра), несмотря на оправдательный приговоръ суда, подвергъ публициста Ригомера Базена тюремному заключенію въ административномъ порядкѣ.

Къ закрытію газетъ и къ административной расправѣ представители правительства прибѣгали въ исключительныхъ случаяхъ; нормальнымъ средствомъ борьбы для нихъ въ эти годы служили обыкновенно судебные процессы. И это послѣднее средство оказывалось тѣмъ болѣе дѣйствительнымъ, что въ 1815—1816 гг. все судебное вѣдомство подверглось основательной «очисткѣ», и обновленный составъ магистратуры отличался большой угодливостью по отношенію къ желаніямъ правительства. Процессы слѣдовали одинъ за другимъ, и судебнымъ преслѣдованіямъ подвергались одинаково и редакторы журналовъ, и авторы отдѣльныхъ брошюръ. Парижская прокуратура (Ватимениль, Гюа, Маршанжи), проявляла особенное усердіе по отношенію къ оппозиціонной прессѣ и старалась не допускать ни малѣйшей критики правительства, подводя всякое проявленіе оппозиціи подъ оскорбленіе особы короля. Оскорбленіемъ королевской власти въ ея устахъ оказывалась критика дѣятельности министерства или отрицательные отзывы о дѣйствующемъ законодательствѣ. Оскорбленіемъ особы короля было всякое упоминаніе о революціи или объ эпохѣ Наполеона, если оно не сопровождалось осужденіемъ послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ исторіи Франціи съ точки зрѣнія чистаго легитимизма. Оскорбленіемъ королевскаго авторитета оказывался даже всякій протестъ противъ оккупаціи Франціи иностранными войсками, бывшей результатомъ второго парижскаго мира 1815 г.

Такъ напримѣръ, авторъ біографіи Карно, Ріу (Rioust), поплатился 10.000 франковъ штрафа и двухлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ за то, что нашелъ въ дѣятельности Карно нѣкоторыя черты, достойныя похвалы, а «узурпатора» Наполеона называлъ «монархомъ». Редакторы либеральнаго *Censeur'a*, Контъ и Дюнойе, были привлечены къ суду за напечатаніе приписывавшейся Наполеону «Рукописи съ о. Св. Елены». Несмотря на то, что въ слѣдовавшемъ за нею комментаріи были крайне рѣзкіе отзывы о политикѣ Наполеона, прокуратура усмотрѣла въ самомъ фактѣ напечатанія косвенный призывъ къ возстановленію имперіи, и оба редактора *Censeur'a* были приговорены къ 3.000 фр. штрафа и къ годичному тюремному заключенію. Даже роялистъ Фьеве поплатился трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Ему было поставлено въ вину, что

онъ назвалъ Францію эпохи революціи «притономъ бандитовъ», а о носителяхъ королевской власти вообще выразился, что они говорятъ о любви къ нимъ народовъ «съ добродушіемъ, внушающимъ жалость». Въ первой фразѣ прокуратура усмотрѣла оскорбленіе по адресу вандейцевъ, остававшихся въ годы революціи вѣрными законной династіи, а во второй—личное оскорбленіе по адресу Людовика XVIII-ый.

Несмотря на энергію, которую проявляло правительство, и на усердіе его агентовъ, скоро стало обнаруживаться, что такой режимъ не можетъ продолжаться, такъ какъ онъ встрѣчаетъ единодушный протестъ всего общества. Наиболѣе сильное негодованіе политика правительства, естественно, встрѣчала въ рядахъ либеральной партіи. Ея представители въ палатѣ депутатовъ (Лаффиттъ, Шавеленъ, Казиміръ Перье, Биньонъ) настойчиво требовали исполненія обѣщаній хартіи и ордонанса 5 сентября. Они оказывали матеріальную поддержку осужденнымъ писателямъ, и изъ учрежденной съ этой цѣлью ассоціаціи нѣсколько позже образовалось даже спеціальное «Общество друзей свободы печати», которое занялось обсужденіемъ желательныхъ законовъ о прессѣ. На ряду съ этимъ либеральные журналисты широко пользовались тѣмъ, что правительственная цензура распространялась только на періодическія изданія, и старались пропагандировать свои политическіе взгляды въ отдѣльныхъ брошюрахъ. Когда попытка создать свободные періодическіе органы окончилась неудачей, либеральная партія воспользовалась свободой непеpіодической прессы для того, чтобы обойти запрещеніе закона. Съ этой цѣлью она основала нѣсколько такъ называемыхъ полупеpіодическихъ изданій, отдѣльные номера которыхъ умышленно выпускались въ свѣтъ чрезъ различные промежутки времени, но фактически представляли собой непрерывно продолжающіеся ежемѣсячные или еженедѣльные журналы. Первымъ такимъ журналомъ по времени возникновенія былъ *Censeur Européen*. За нимъ послѣдовали: *Homme Gris, Lettres Normandes*, знаменитая *Minerve Française, Bibliothèque* и *Nouvel Homme Gris*. Несмотря на постоянныя преслѣдованія (напримѣръ, изъ 15 номеровъ журнала *Homme Gris*, вышедшихъ въ свѣтъ, 7 были арестованы по приговору суда), эти «journaux marrons», какъ ихъ называли въ придворныхъ кругахъ, фактически создали то, чего хотѣло избѣжать правительство установленіемъ надзора за газетами: свободную періодическую прессу.

Кромѣ либераловъ, составлявшихъ въ парламентѣ крайнюю лѣвую, свобода печати нашла въ эти годы защитниковъ изъ проти-

воположнаго лагеря—изъ среды крайней правой партіи ультра-роялистовъ. Въ 1814—1815 гг. представители крайняго роялизма относились къ свободѣ печати враждебно. Свободное слово, бывшее завоеваніемъ общественнаго движенія послѣднихъ десятилѣтій, рѣзко противорѣчило ихъ реакціоннымъ вожделѣніямъ, и они возлагали всѣ свои надежды на спасительную силу традиціоннаго королевскаго авторитета. Но когда начался конфликтъ между «безподобной» палатой и министерствомъ Ришелье, ультра-роялисты, оставаясь вѣрными своей соціальной программѣ, измѣнили пріемы политической тактики, и изъ сторонниковъ абсолютной монархіи превратились въ поборниковъ парламентаризма. Свобода печати была необходимымъ элементомъ системы парламентскаго управленія и вошла теперь въ ихъ политическую программу. Enfant terrible роялизма, Шатобріанъ, смѣло поднялъ знамя свободы въ своей знаменитой «Monarchie selon la Charte» и даже подалъ примѣръ активнаго сопротивленія властямъ, когда его книга была конфискована по распоряженію правительства. Сообразно съ этимъ въ сессіяхъ 1816—1817 и 1817—1818 гг., во время преній о законахъ, сохранявшихъ за правительствомъ надзоръ за періодической прессой, ораторы правой смѣло выступали въ защиту свободнаго слова. Виллель, Корбьеръ, Лабурдоннэ, Кастельбажакъ одинъ за другимъ нападали на диктаторскія замашки министерства Ришелье, ссылались на авторитетъ Монтескье и Делольма, доказывали, что свобода печати является «душой представительнаго образа правленія», что она лучшее средство выраженія общественнаго мнѣнія и единственный «противовѣсъ безмѣрной силѣ правительства». Даже Бональдъ, путемъ софистическихъ уловокъ, старался примирить съ свободой печати свою теорію безусловнаго подчиненія человѣческой личности установленнымъ авторитетамъ. Наконецъ, даже въ рядахъ министерскаго большинства, сначала послушно вотировавшаго за всѣ правительственные законопроекты, стали замѣчаться колебанія по вопросу объ отношеніи къ свободѣ печати. Раньше всего это почувствовалось въ поведеніи группы такъ называемыхъ доктринеровъ (Ройе-Коллара, Камилля Жордана, Серра и др.), бывшихъ фактическими лидерами парламентскаго центра. Они охотно поддерживали министерство во время сессіи 1816—1817 г.г., но въ слѣдующую сессію уже открыто стали высказываться за свободу печати и увлекли за собой значительную часть министерскаго большинства. Къ этому присоединилось еще и то обстоятельство, что правительство начинало терпѣть неудачи въ судебныхъ процес-

сахъ по дѣламъ печати. Обвиненія часто оказывались такъ мало обоснованными, что при переносѣ дѣлъ въ высшія инстанціи постановлялись оправдательные приговоры или по крайней мѣрѣ сильно смягчались наказанія. Къ сессію 1817 — 1818 г.г. министръ юстиціи Пакье сдѣлалъ попытку внести въ палаты законопроектъ, который сохранялъ въ рукахъ правительства надзоръ за прессой, внося кое-какія частичныя улучшенія въ существующій порядокъ. Но его проектъ встрѣтилъ рѣзкую критику и справа, и слѣва и потерпѣлъ полную неудачу.

Совокупность этихъ обстоятельствъ наглядно показывала, что законодательство о печати нуждается въ реформѣ, и что реформа должна быть проведена въ духѣ отмѣны существующихъ стѣсненій. Толчкомъ, который побудилъ правительственные круги рѣшиться на этотъ шагъ, были частичные выборы осенью 1818 г., усилившіе лѣвое крыло палаты депутатовъ. Ришелье, напуганный ихъ результатомъ, вышелъ въ отставку, и власть перешла въ руки министерства Дессоля-Деказа, опиравшагося на лѣвый центръ и включившаго въ свой составъ Серра, одного изъ дѣятельныхъ членовъ кружка доктринеровъ. Новое министерство немедленно подняло вопросъ о свободѣ печати.

Подготовкой новаго законодательства о печати занялся одинъ изъ молодыхъ доктринеровъ, герцогъ Бройль, при содѣйствіи своего близкаго друга, Гизо. Въ основу своей работы они положили труды «Общества друзей свободы печати». Бройль рѣшилъ выразить совокупность всѣхъ необходимыхъ постановленій по вопросамъ, касающимся печати, въ трехъ отдѣльныхъ законопроектахъ. Два первые, выработанные имъ самимъ, касались преступленій, совершаемыхъ путемъ печати, и судопроизводства по дѣламъ печати. Третій законопроектъ, работу надъ которымъ взялъ на себя Гизо, касался спеціально періодической прессы. Бройль въ своемъ трудѣ исходилъ изъ того принципа, что спеціальныхъ преступленій печати не существуетъ, а есть только обыкновенныя преступленія, совершаемыя посредствомъ печати. Сообразно съ этимъ всякій призывъ къ тому, что уголовными законами предусматривается какъ преступленіе, если этотъ призывъ сопровождается соотвѣтственнымъ дѣйствіемъ, онъ подводилъ подъ понятія соучастія въ преступленіи. Въ томъ же случаѣ, когда за призывомъ не слѣдуетъ соотвѣтственнаго дѣйствія, онъ предлагалъ пропорціонально уменьшать размѣры наказанія. Кромѣ прямого призыва къ преступленіямъ, Бройль выдѣлялъ въ особыя категоріи караемыхъ поступковъ нарушеніе (outrage)

общественной нравствености, оскорбленіе особы короля и вообще высшихъ органовъ государственной власти и диффамацію или клевету по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. Подъ нарушеніемъ общественной нравственности онъ подразумѣвалъ не только оскорбленіе нравственнаго чувства въ узкомъ смыслѣ слова, но и оскорбленіе чувства религіознаго. Онъ допускалъ свободное обсужденіе въ печати любого религіознаго или философскаго вопроса подъ единственнымъ условіемъ, чтобы это обсужденіе не носило оскорбительнаго характера по отношенію къ чьимъ бы то ни было вѣрованіямъ и убѣжденіямъ и отличалось бы спокойнымъ и умѣреннымъ тономъ. Въ порядокъ преслѣдованія преступленій печати и судопроизводства по дѣламъ этого рода Бройль вносилъ слѣдующія крупныя нововведенія. Во-первыхъ, всѣ эти дѣла передавались въ вѣдѣніе суда присяжныхъ. Во-вторыхъ, въ случаѣ привлеченія какого-нибудь печатнаго произведенія къ отвѣтственности, конфискація его до судебнаго приговора воспрещалась. Въ-третьихъ, въ случаѣ обвиненія въ диффамаціи, обвиняемый освобождался отъ всякаго наказанія, если онъ могъ доказать истинность сообщенныхъ имъ фактовъ.

Что касается законопроекта о періодической прессѣ, то онъ уничтожалъ необходимость правительственнаго разрѣшенія и замѣнялъ концессіонный порядокъ изданія явочнымъ. Въ качествѣ гарантіи того, что періодическія изданія не будутъ злоупотреблять свободой, каждый періодическій органъ долженъ былъ имѣть двухъ отвѣтственныхъ издателей или собственниковъ изданія. Затѣмъ каждое періодическое изданіе обязано было предварительно внести залогъ, который для ежедневныхъ органовъ опредѣлялся въ 10.000 франковъ ренты (около 130.000 франковъ капитала), а для всѣхъ прочихъ органовъ—въ 5.000 франковъ ренты. Всякій номеръ періодическаго изданія до появленія въ свѣтъ долженъ былъ быть представляемъ мѣстной администраціи.

Таково было содержаніе проектовъ Бройля и Гизо. Министерство нашло ихъ слишкомъ радикальными. Совѣтъ министровъ внесъ въ нихъ два существенныхъ ограниченія. Понятіе призыва къ преступленію было значительно расширено, подведеніемъ подъ него цѣлаго ряда поступковъ, не предусмотрѣнныхъ уголовнымъ кодексомъ. Суду было предоставлено право налагать арестъ на всякое изданіе немедленно послѣ привлеченія его къ отвѣтственности.

Несмотря на эти ограниченія, законопроекты все-таки представляли крупное улучшеніе сравнительно съ тѣмъ положеніемъ,

въ которомъ до тѣхъ поръ находилась печать. Они создавали впервые во Франціи настоящее законодательство о печати. Ихъ основные принципы, при всѣхъ тѣхъ измѣненіяхъ и искаженіяхъ, которыя были внесены позднѣйшими новеллами, надолго пережили эпоху реставраціи. Тѣмъ не менѣе далеко не все общество приняло эти законопроекты съ чувствомъ полнаго удовлетворенія. Особенно страстную критику они встрѣтили въ рядахъ либеральной партіи. Бенжаменъ Констанъ еще согласенъ былъ ихъ привѣтствовать, какъ несомнѣнный шагъ впередъ, но Контъ и Дюнойе подвергали ихъ на страницахъ *Censeur'a* суровой критикѣ. *Minerve*, устами Эвариста Дюмулена, шла дальше и готова была предпочесть прежній порядокъ, съ сохраненіемъ цензуры, а два крайніе органа—*Bibliothèque Historique* и *Nouvel Homme Gris* видѣли въ новыхъ законопроектахъ «послѣднее усиліе деспотизма» и «коварное стремленіе наложить на прессу узы рабства». Такая рѣзкая критика объяснялась тѣмъ обстоятельствомъ, что въ данную минуту либеральная партія была совершенно упоена своими успѣхами на выборахъ. Она была убѣждена, что въ самомъ близкомъ будущемъ въ ея руки перейдетъ большинство въ палатѣ депутатовъ, и потому сдѣланныя правительствомъ уступки казались ей ничтожными. Кромѣ того, новые законопроекты вводили, съ ея точки зрѣнія, одно ухудшеніе: они подводили подъ понятіе періодической прессы и полупеперіодическіе органы и лишали ихъ той свободы, которою они до тѣхъ поръ пользовались, заставляя ихъ издателей внести соотвѣтственные залоги. Наконецъ, передача процессовъ по дѣламъ печати въ вѣдѣніе суда присяжныхъ не имѣла, по ихъ мнѣнію, реальнаго значенія до преобразованія самаго суда присяжныхъ, такъ какъ въ области судебной организаціи реставрація цѣликомъ унаслѣдовала наполеоновскіе порядки, въ силу которыхъ присяжные фактически назначались префектами.

Со стороны партіи ультра-роялистовъ законопроекты министерства встрѣтили гораздо болѣе сдержанное отношеніе. Одинъ только Шатобріанъ въ *Conservateur'ѣ* нападалъ на нихъ, какъ на недостаточно либеральные. Остальные органы ультра-роялистовъ предпочитали хранить по отношенію къ нимъ молчаніе или отдѣлываться ничего не значущими отзывами. Дѣло въ томъ, что въ 1819 г. отношеніе партіи къ вопросу свободы печати успѣло сильно измѣниться. Періодъ съ 1816 по 1819 г. былъ временемъ непрерывныхъ успѣховъ либеральной оппозиціи, и ультра-роялисты на практикѣ убѣждались, что свобода печати оказывается гораздо болѣе выгодной для крайней лѣвой, чѣмъ

для крайней правой. Шумные тріумфы представителей либерализма очень скоро положили конецъ ихъ защитѣ идеи свободной прессы, о которой они такъ энергично говорили во время сессіи 1816—1817 гг. Уже во время сессіи 1817—1818 гг. выступленія ихъ ораторовъ отличались гораздо большей умѣренностью и сопровождались цѣлымъ рядомъ оговорокъ. Въ 1819 г. они окончательно успѣли разочароваться въ свободѣ печати, но не рѣшались заявить объ этомъ публично и предпочитали отмалчиваться. Такой же тактики они держались и въ палатѣ, когда въ ней начались пренія по поводу законопроектовъ. Ихъ ораторы не выступали вовсе на трибунѣ, а затѣмъ вся партія голосовала противъ. Представители либерализма поступали діаметрально противоположнымъ образомъ. Всѣ виднѣйшіе ораторы партіи, съ Бенжаменомъ Констаномъ и Манюэлемъ во главѣ, вели съ министерствомъ долгую и страстную борьбу изъ-за каждаго параграфа закона, стараясь отвоевать для прессы возможно болѣе широкій просторъ. Въ конечномъ счетѣ они, само собой разумѣется, голосовали за министерство. Настоящимъ героемъ этой борьбы былъ Серръ, во всемъ блескѣ развернувшій свой замѣчательный ораторскій талантъ. Онъ безпрерывно отражалъ нападенія на законопроекты со стороны оппозиціи и произнесъ во время дебатовъ о нихъ въ общей совокупности 60 рѣчей. Представителямъ лѣвой удалось, однако, добиться нѣкоторыхъ уступокъ. Благодаря ихъ усиліямъ почти по всѣмъ пунктамъ были понижены размѣры наказаній, принята поправка, избавлявшая отъ отвѣтственности владѣльцевъ типографій, когда были извѣстны авторъ или издатель инкриминируемаго произведенія, и значительно уменьшены размѣры залоговъ для изданій, выходящихъ въ департаментахъ.

Пренія въ палатѣ пэровъ отличались гораздо меньшей страстностью, и всѣ три законопроекта были приняты ею безъ особыхъ затрудненій. 17 мая, 26 мая и 9 іюня 1819 г. они были утверждены Людовикомъ XVIII и вступили въ законную силу.

Еще до утвержденія этихъ законовъ, правительство съ 1 мая освободило газеты отъ всякаго надзора, и пресса поспѣшила широко воспользоваться предоставленной ей свободой. Короткій періодъ полнаго дѣйствія новыхъ законовъ, продолжавшійся съ 1 мая 1819 г. по 1 апрѣля 1820 г., былъ временемъ наибольшаго расцвѣта политической прессы въ эпоху реставраціи и, по царившему въ литературныхъ кругахъ оживленію, можетъ быть сравниваемъ только съ послѣдними мѣсяцами этой эпохи, предшествовавшими польской революціи. Расцвѣтъ по-

литической прессы начался еще раньше, съ 1818 г., но только теперь, съ уничтоженіемъ всякихъ слѣдовъ цензуры, печать рѣшилась заговорить вполнѣ свободнымъ языкомъ. Къ старымъ, уже раньше существовавшимъ періодическимъ изданіямъ, прибавились новыя, и всѣ существовавшіе въ обществѣ оттѣнки политической мысли нашли выраженіе въ особыхъ органахъ печати.

Особеннаго развитія достигла въ 1818—1820 гг. либеральная пресса. Въ средѣ либеральной партіи можно было замѣтить три различныхъ оттѣнка: чисто либеральный; бонапартистскій — или, вѣрнѣе, милитаристскій — и революціонно-демократическій. Каждый изъ этихъ оттѣнковъ имѣлъ своихъ представителей въ прессѣ. Чисто либеральнымъ характеромъ отличались *Censeur* Конта и Дюнойе, съ іюня 1819 г. превратившійся въ ежедневную газету, *Minerve Française* и новая газета *Renommee*, основанная Бенжаменомъ Констаномъ. Органомъ либеральнаго бонапартизма былъ *Constitutionnel*, со времени своего закрытія въ 1817 г. выходившій подъ названіемъ *Journal du Commerce*, а послѣ 1 мая 1819 г. принявшій прежнее имя. *Constitutionnel* былъ самымъ распространеннымъ изъ либеральныхъ изданій; число его подписчиковъ доходило до громадной по тому времени цыфры 11.500. Болѣе ярко выраженный милитаристскій характеръ имѣлъ новый органъ, возникшій послѣ отмѣны цензуры—газета *Indépendant*. Наконецъ, интересы революціонно-демократическаго теченія находили свое отраженіе въ трехъ періодическихъ журналахъ: *Bibliothèque Historique*, *Lettres Normandes* и *Nouvel Homme Gris*.

Ультра-роялисты также имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько періодическихъ изданій. Главнымъ органомъ ихъ партіи былъ журналъ *Conservateur*, созданный по образцу либеральной *Minerve* и объединявшій въ своей редакціи всѣхъ виднѣйшихъ представителей партіи, съ Бональдомъ и Шатобріаномъ во главѣ. Изъ ежедневныхъ органовъ наибольшею нетерпимостью отличалась газета *Drapeau Blanc*, не допускавшая никакихъ компромиссовъ съ принципами революціонной Франціи. Двѣ другія газеты, *Quotidienne* и *Gazette de France*, тоже вздыхали о добромъ старомъ времени, но согласны были до извѣстной степени мириться съ конституціонными порядками. Гораздо болѣе умѣреннымъ характеромъ отличался *Journal des Débats*. Эта газета пользовалась большимъ вліяніемъ среди умѣренно-роялистической буржуазіи, и переходъ ея въ 1819 г. на сторону ультра-роялистовъ былъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ для этой

партіи. Одновременно съ оживленіемъ политической прессы въ Парижѣ, началось, подъ вліяніемъ новыхъ законовъ о печати, развитіе провинціальной прессы. До 1819 г. въ провинціи почти не существовало свободныхъ органовъ печати. Теперь они одинъ за другимъ стали возникать во всѣхъ крупныхъ городахъ; своими газетами обзавелись Канъ, Ле-Манъ, Реннъ, Нантъ, Бордо, Марсель, Гренобль, Страсбургъ и т. д. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти изданія носили либеральный характеръ.

Такимъ образомъ обѣ крайнія партіи стремились широко использовать свободу, предоставленную прессѣ. Положеніе министерства, очутившагося между двухъ огней, оказывалось затруднительнымъ. Кромѣ *Moniteur*'а и чисто офиціальныхъ изданій въ департаментахъ, оно имѣло въ своемъ распоряженіи только двѣ совершенно незначительныя парижскія газеты: *Journal de Paris* и *Journal des maires*. Доктринеры, поддерживавшіе министерство и придававшіе тѣмъ больше значенія свободной прессѣ, что законы 1819 г. были по преимуществу ихъ твореніемъ, попытались создать свой собственный ежедневный органъ, *Courrier*, который немедленно началъ дѣятельную полемику на оба фронта. Но несмотря на выдающійся составъ редакціи (главную роль въ ней играли Гизо, Бройль и Ремюза), ихъ газета не имѣла успѣха и съ трудомъ продержалась до февраля 1820 г.

Съ освобожденіемъ печати отъ цензуры тонъ газетной полемики сталъ пріобрѣтать рѣзкій характеръ. Ультра-роялисты неустанно нападали на всесильнаго «фаворита» Деказа и ежедневно выливали потоки обвиненій противъ министерства. Либералы негодовали на политику вѣчныхъ колебаній между двумя крайними лагерями (système de bascule) и вышучивали министерское «брюхо» (le ventre), какъ былъ прозванъ центръ палаты, на который опиралось министерство. Конечно, все это могло казаться очень блѣднымъ и умѣреннымъ сравнительно съ полемическими пріемами памфлетовъ и газетъ эпохи революціи, но за послѣднія 20 лѣтъ французское общество позабыло языкъ революціонной прессы, и послѣ многолѣтняго молчанія подобныя выходки противъ министерства производили сильное впечатлѣніе. Представители администраціи пробовали бороться съ прессой прежними средствами, т. е. привлеченіемъ авторовъ и издателей къ судебной отвѣтственности; но передача дѣлъ о печати въ вѣдѣніе суда присяжныхъ, несмотря на искусственный подборъ состава присяжныхъ, не замедлила сказаться на характерѣ судебныхъ приговоровъ, и большинство процессовъ оканчивалось оправданіемъ. Поэтому въ правительственныхъ кругахъ, которые

въ сущности очень неохотно согласились на свободу печати, скоро послѣ изданія законовъ 1819 г. начало чувствоваться сожалѣніе о сдѣланной уступкѣ. Министерству не только не удалось создать вокругъ себя сильную партію, а наоборотъ, оппозиція противъ него выросла и справа, и слѣва. Несомнѣнно, что по истеченіи нѣкотораго промежутка времени возбужденіе печати улеглось бы само собой; но громадное большинство представителей администраціи эпохи реставраціи воспиталось въ школѣ бюрократическаго деспотизма Наполеона и поэтому вовсе не намѣрено было ждать такого успокоенія. Деказъ уже съ лѣта 1819 г. сталъ сомнѣваться въ правильности того слишкомъ, по его мнѣнію, либеральнаго курса, который взяло министерство, а частные выборы осенью 1819 г.,на которыхъ либералы одержали блестящую побѣду за счетъ правой и министерства, укрѣпили министра въ мысли о необходимости повернуть направо. Сначала онъ хотѣлъ ограничиться только измѣненіемъ избирательнаго закона, но убійство племянника Людовика XVIII, герцога Беррійскаго, въ ночь съ 13 по 14 февраля 1820 г. положило предѣлъ его колебаніямъ и окончательно толкнуло его на путь реакціи. Въ преступленіи одного фанатика придворные круги обвиняли всю либеральную оппозицію, и кару за него прежде всего должна была понести свободная пресса. Уже на слѣдующій день послѣ убійства Деказъ внесъ въ палаты законопроектъ, въ силу котораго для всѣхъ періодическихъ изданій возстановлялась необходимость правительственнаго разрѣшенія и сверхъ того на 5 лѣтъ вводилась предварительная цензура. Хотя при этомъ всѣ остальныя статьи законовъ 17 и 26 мая и 9 іюня 1819 г. сохранялись въ силѣ, но введеніе цензуры сводило въ сущности всѣ завоеванія предшествующаго года на нѣтъ. Ультра-роялисты, давно дожидавшіеся предлога для того, чтобы отказаться отъ свободы печати, жадно ухватились за несчастіе въ королевской семьѣ, какъ за основаніе для возвращенія къ исключительнымъ законамъ. Деказу, однако, не удалось сохранить за собой власть цѣною уступокъ реакціи; и чрезъ нѣсколько дней онъ принужденъ были подать въ отставку, а на постъ перваго министра опять былъ призванъ Ришельё. Въ правительствѣ реакція, такимъ образомъ, одержала полную побѣду.

Нѣсколько труднѣе было одержать побѣду въ палатѣ депутатовъ. Правая, вмѣстѣ съ правымъ центромъ, готова была голосовать за установленіе цензуры. Но лѣвый центръ перешелъ теперь въ оппозицію и вмѣстѣ съ лѣвой составлялъ почти половину общаго числа депутатовъ. Министерству Ришельё пришлось,

поэтому, вынести тяжелую борьбу съ сплотившимися противъ него силами.

Либеральная оппозиція видѣла въ законахъ 1819 г. осуществленіе обѣщаній хартіи 1814 г. и потому въ возстановленіи цензуры усматривала нарушеніе конституціи. Представители ея одинъ за другимъ въ страстныхъ рѣчахъ громили политику правительства и доказывали, что нарушеніемъ конституціи правительство подвергаетъ опасности существованіе самой династіи, такъ какъ всѣ ея права покоятся исключительно на конституціи. Вскорѣ, однако, обнаружилось, что законъ во всякомъ случаѣ будетъ принятъ, хотя и незначительнымъ количествомъ голосовъ. Тогда представители лѣвой стали пытаться смягчить дѣйствіе закона цѣлымъ рядомъ поправокъ. Ихъ тактика приняла характеръ настоящей обструкціи. Къ десяти параграфамъ закона было внесено свыше двадцати всевозможныхъ поправокъ, и ораторы лѣвой пользовались этимъ, чтобы произносить новыя и новыя рѣчи. Но всѣ ихъ старанія не привели ни къ чему, и послѣ 15-дневныхъ дебатовъ, 30 марта 1820 г., законъ о цензурѣ былъ принятъ 136 голосами противъ 109. Единственная уступка, которой добилась оппозиція, заключалась въ томъ, что, согласно поправкѣ, принятой въ палатѣ пэровъ (законъ обсуждался сначала въ верхней палатѣ), цензура была установлена не до 1825 г., а только до конца законодательной сессіи 1820—1821 г.г.

Цензура стала дѣйствовать съ 1 апрѣля 1820 г. Независимая пресса рѣшила бороться съ нею всѣми возможными средствами. Учрежденная въ Парижѣ центральная комиссія не оставляла безъ вниманія и ультра-роялистическіе органы: журналъ *Conservateur*, напр., долженъ былъ прекратить свое существованіе. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ цензура смотрѣла сквозь пальцы на выходки ультра-роялистовъ и всю свою энергію направляла на борьбу съ либеральной прессой.

Сначала либеральная партія безмолвно протестовала противъ цензуры тѣмъ, что ея органы оставляли бѣлыя колонны на мѣстѣ запрещенныхъ статей или обозначали точками мѣста, вычеркнутыя цензорами. Кромѣ того, вопреки прямому запрещенію закона, нѣкоторыя газеты прямо нарушали запретъ и печатали исключенные цензурой абзацы. Цензура распространялась только на газеты, и поэтому отъ времени до времени руководители газетъ печатали въ видѣ брошюры небольшіе сборники, состоявшіе изъ запрещенныхъ статей. До изданія закона 9 іюня 1819 г., какъ мы видѣли, журналисты удачно обходили цензуру при помощи полуперіодическихъ изданій. Теперь они были ли-

шены этого средства, и полуперіодическіе органы, какъ одинъ изъ видовъ періодической прессы вообще, тоже были подчинены цензурѣ. *Minerve Française* и *Bibliothèque Historique* предпочли прекратить свое существованіе. Но въ то же время редакціи обоихъ журналовъ стали продолжать свои изданія въ формѣ особыхъ сборниковъ подъ разными названіями и выпустили каждая по нѣскольку отдѣльныхъ брошюръ. Одинъ изъ парижскихъ издателей, Корреаръ, попытался даже создать нѣчто въ родѣ ежедневной газеты и въ теченіе апрѣля и мая 1820 г. выпустилъ свыше 50 маленькихъ брошюрокъ, величиной въ нѣсколько страницъ, появлявшихся регулярно каждый день или, въ крайнемъ случаѣ, черезъ день, одна послѣ другой.

Правительство, совершенно опредѣленно повернувшее теперь въ сторону реакціи, отнюдь не намѣрено было снисходительно относиться къ такому обходу закона. Цензурная комиссія очень скоро перестала разрѣшать выходъ въ свѣтъ номеровъ газетъ съ бѣлыми колоннами или съ точками на мѣстѣ текста. За помѣщеніе запрещенныхъ статей газеты немедленно привлекались къ суду. Прокуратура и въ Парижѣ, и въ департаментахъ дѣятельно преслѣдовала распространеніе либеральныхъ брошюръ и привлекала къ отвѣтственности ихъ авторовъ или издателей. Судьи поддались общей реакціонной волнѣ и, въ противоположность процессамъ 1819 г., постановляли почти всегда обвинительные приговоры. Въ серединѣ іюня 1820 г. громадное большинство журналистовъ либеральнаго лагеря оказалось приговореннымъ къ такимъ высокимъ штрафамъ, что у нихъ не было больше средствъ продолжать борьбу. Вслѣдъ за *Minerve Française* и *Bibliothèque Historique* послѣдовательно закрылись: *Nouvel Homme Gris*, *Indépendant*, *Censeur*, *Renommée* и *Lettres Normandes*. Изъ многочисленныхъ органовъ либеральной прессы къ осени 1820 г. уцѣлѣлъ одинъ *Constitutionnel*, беспрекословно подчинявшійся цензурной расправѣ. Къ нему присоединился еще доктринерскій *Courrier*, съ февраля 1820 г. перешедшій въ руки новой редакціи и принявшій болѣе либеральный оттѣнокъ. Наоборотъ, ультра-роялистская пресса, къ которой цензура относилась гораздо болѣе снисходительно, сохранила, за исключеніемъ *Conservateur'a*, всѣ свои органы.

Такимъ образомъ либеральные законы о печати, изданія которыхъ французское общество добилось только черезъ 5 лѣтъ послѣ хартіи, ихъ обѣщавшей, не продержались даже одного года. Попытка отстоять свободу печати отъ покушеній реакціи окончилась неудачей. Пресса снова должна была замолкнуть, и

правительство торжествовало полную побѣду. Но упорная борьба, которую пришлось вытерпѣть правительству, показывала, какіе глубокіе корни пустила свобода печати въ общественномъ мнѣніи. Когда пронеслась волна реакціи, либеральная партія съ новой энергіей возобновила борьбу за лучшее завоеваніе умственнаго движенія новаго времени—за свободное, независимое слово.

В. Бутенко.

НАША ЭМИГРАЦІЯ ВЪ 70-хъ ГОДАХЪ.

I.

Звѣздъ первой и особенно второй величины я засталъ довольно много, когда въ концѣ лѣта 1878 г. въ первый разъ пріѣхалъ за-границу. Можно даже сказать, что ни раньше, ни позже наша политическая эмиграція въ зап. Европѣ не была столь богата выдающимися людьми, какъ въ періодъ, охватывающій конецъ 70-хъ и первую половину 80-хъ годовъ XIX-го вѣка. Достаточно привести только слѣдующія имена: П. Лавровъ, М. Драгомановъ, Г. Плехановъ, П. Ткачевъ, Л. Мечниковъ, П. Кропоткинъ, С. Кравчинскій, В. Засуличъ, П. Аксельродъ, Н. Зайцевъ, Н. Соколовъ, Л. Тихомировъ. Многіе изъ этихъ лицъ оставили очень глубокій слѣдъ въ нашемъ освободительномъ движеніи.

Указанный періодъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что въ эмиграціи имѣлись представители многихъ тайныхъ обществъ и кружковъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи въ 60-хъ и 70-хъ годахъ. Тамъ находились также участники разныхъ политическихъ процессовъ. Въ эмиграціи были тогда представлены всѣ идейныя теченія, существовавшія въ средѣ нашей радикальной интеллигенціи во второй половинѣ минувшаго столѣтія. Изъ этихъ теченій одни въ концѣ 70-хъ годовъ, когда я очутился въ эмиграціи, доживали послѣдніе дни, конецъ другихъ былъ уже близокъ, а третьи тогда только возникали и продолжаютъ существовать до настоящаго времени.

Самымъ крупнымъ изъ всѣхъ теченій 70-хъ годовъ безспорно слѣдуетъ признать бакунинское. Послѣдователи «апостола всеобщаго разрушенія» безраздѣльно господствовали со второй

половины указаннаго десятилѣтія какъ въ Россіи, такъ и среди изгнанниковъ. Къ нимъ принадлежало наибольшее число выдающихся эмигрантовъ; они, главнымъ образомъ, занимались тогда устной и печатной пропагандой взглядовъ Бакунина. Эмигранты-анархисты больше, чѣмъ сторонники какихъ-либо другихъ изъ существовавшихъ тогда за границей политическихъ теченій, имѣли связей съ дѣйствовавшими въ Россіи революціонерами, а, слѣдовательно, больше и вліяли на послѣднихъ.

Когда я очутился въ эмиграціи, почти всѣ бакунисты сосредоточились въ Женевѣ. Большинство ихъ сгруппировалось вокругъ начавшаго выходитъ въ томъ же году ежемѣсячнаго органа — «Община», являющагося, по отзыву А. Туна, «превосходнымъ съ литературной стороны» и «лучшимъ произведеніемъ революціонной литературы».

Дѣйствительно, вокругъ «Общины» собрались всѣ наиболѣе даровитые и извѣстные приверженцы Бакунина, исключая одного лишь П. Кропоткина. Кромѣ Аксельрода, Клеменса, Кравчинскаго, въ этомъ журналѣ мы находимъ статьи Элизе Реклю, Драгоманова и бывшихъ коммунаровъ — Артура Арну, Рудольфа Кана и др.

Редакціонная коллегія «Общины» образовалась изъ представителей двухъ политическихъ формацій или поколѣній — изъ шестидесятниковъ и семидесятниковъ. Къ первымъ, кромѣ Н. И. Жуковскаго, принадлежали З. Ралли и А. Эльсницъ; ко вторымъ — Аксельродъ, Клеменсъ, Кравчинскій и др. Ралли и Эльсницъ совершенно неизвѣстны новѣйшимъ поколѣніямъ; между тѣмъ въ 70-хъ годахъ они играли довольно замѣтную роль среди бакунистовъ; и не слѣдуетъ предавать ихъ имена полному забвенію.

Въ качествѣ студентовъ Московскаго университета, З. Ралли и А. Эльсницъ были замѣшаны въ волненіяхъ, происходившихъ въ 1869 г. въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обѣихъ столицъ. Затѣмъ ихъ привлекли по нечаевскому дѣлу, но имъ удалось скрыться за-границу. Въ Цюрихѣ, гдѣ въ то время сосредоточились всѣ русскіе студентки и эмигранты, Ралли и Эльсницъ сблизились съ Бакунинымъ и подъ его непосредственнымъ воздѣйствіемъ скоро превратились въ ярыхъ его послѣдователей. Но, спустя нѣкоторое время, вслѣдствіи недоразумѣній, произошедшихъ у нихъ съ другомъ и правой рукой Бакунина — Россомъ (Сажинымъ), они переселились въ Женеву. Тамъ они основали свою собственную наборную и приступили къ изданію анархическихъ произведеній. Такъ, сообща съ Жуковскимъ, ими составлена и издана была въ 1875 г. обширныхъ размѣ-

ровъ книга: «Сытые и голодные», имѣвшая въ свое время нѣкоторый успѣхъ и давно ставшая библіографической рѣдкостью; затѣмъ, сообща съ Гольдштейномъ, также замѣшаннымъ въ нечаевское дѣло, а отчасти и при содѣйствіи П. Аксельрода и др., Ролли и Эльсницъ стали въ 1876 г. издавать первую русскую популярную газету, называвшуюся «Работникъ».

Вообще Ралли и Эльсницъ въ срединѣ того десятилѣтія проявляли довольно большую энергію и предпріимчивость. Люди умные и довольно образованные, они манерами и обращеніемъ произвели на меня впечатлѣніе настоящихъ европейцевъ. Ни во внѣшности ихъ, всегда изящной, ни въ пріемахъ, вполнѣ корректныхъ, не было рѣшительно ничего русскаго, а тѣмъ болѣе—нигилистическаго, что такъ сильно бросалось въ глаза, за рѣдкими исключеніями, у остальныхъ эмигрантовъ. Кромѣ воспитанія и довольно долгаго ихъ уже тогда пребыванія за-границей, отчасти эти внѣшнія ихъ отличія, быть можетъ, объяснялись также тѣмъ, что Ралли по происхожденію румынъ, а Эльсницъ былъ чуть-ли не изъ остзейскихъ бароновъ. Но оба они, какъ выросшіе и воспитавшіеся въ Россіи, цѣликомъ преданы были ея интересамъ.

Группа «Работникъ»,—какъ стали называться Ралли, Эльсницъ и ихъ друзья, — находилась въ довольно близкихъ сношеніяхъ съ той московской соціалистической организаціей, которая вскорѣ затѣмъ вся почти была разгромлена и привлечена къ извѣстному процессу «пятидесяти». Эта группа также сносилась и съ немногими уцѣлѣвшими отъ погрома «чайковцами»—Д. Клеменцомъ, С. Кравчинскимъ, Н. Морозовымъ, П. Аксельродомъ и др.,—пріѣхавшими въ эмиграцію въ первой половинѣ 70-хъ годовъ.

Подъ вліяніемъ общественнаго оживленія, вызваннаго въ Россіи русско-турецкой компаніей 1877 г., а также и начавшагося осенью того же года въ Петербургѣ процесса 193-хъ,— обѣ группы—«Работникъ» и «Чайковцы»—рѣшили совмѣстно приступить къ изданію органа, для чего соединили свои типографіи. Съ января 1878 г. начала, такимъ образомъ, выходить «Община».

Журналъ этотъ совершенно не занимался изложеніемъ, а тѣмъ болѣе разработкой принциповъ анархизма; за исключеніемъ одной помѣщенной въ «Общинѣ» посмертной статьи Бакунина, въ немъ не было никакой другой, которая знакомила-бы читателей съ этимъ ученіемъ. Мало того: даже самый терминъ «анархія» почти совершенно отсутствуетъ въ этомъ органѣ и вмѣсто него всюду употребляется «федерализмъ», подъ кото-

рымъ многіе противники централизма, даже и не причислявшіе себя къ послѣдователямъ Бакунина, охотно подписывались. Въ этомъ органѣ также не было никакихъ специфически бакунинскихъ лозунговъ—ни призывовъ «дѣлать бунты вездѣ и всегда», ни отрицанія пропаганды и знаній, ни ссылокъ на особенную революціонность и чрезвычайную, будто-бы, склонность русскихъ крестьянъ къ соціализму, присущій имъ «общинный духъ». Въ этомъ отношеніи характерна помѣщенная въ пятомъ номерѣ «Общины» статья одного изъ ближайшихъ друзей и ярыхъ послѣдователей Бакунина, Н. И. Жуковскаго, подъ заглавіемъ: «Реформы и революціи». Въ ней авторъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ «какъ нужно дѣйствовать»: «Всегда и вездѣ дѣйствовать противъ государства и внѣ государства; дѣйствовать всѣми средствами, сообразно съ условіями области, мѣстности, въ которой дѣйствуешь. Агитація, пропаганда словомъ, листокъ, книга, организація рабочихъ группъ всякаго рода, слагающихся для борьбы съ патронатомъ во всѣхъ его формахъ и съ властью, всегда и всюду защищающей интересы владѣльческаго меньшинства, личное участіе въ вызываемыхъ обстоятельствами народныхъ бунтахъ и стачкахъ—вотъ средства дѣйствія». Кромѣ первой фразы, смыслъ которой едвали былъ вполнѣ ясенъ самому автору, всѣ остальные рекомендуемые имъ пріемы дѣйствій охотно признали-бы революціонеры любого направленія.

Еще шире, терпимѣе высказался по вопросу о томъ, что надо дѣлать, другой редакторъ «Общины», П. Б. Аксельродъ, въ статьѣ: «Переходный моментъ нашей партіи». Въ ней авторъ прямо призналъ «*одинаково* важными теоретическую пропаганду и организацію массъ», что съ точки зрѣнія правовѣрныхъ бакунистовъ первой половины 70-хъ годовъ являлось непростительной ересью. Въ названной статьѣ Аксельродъ придавалъ также «огромное значеніе дѣятельности среди городскихъ рабочихъ», на что русскіе послѣдователи Бакунина не обращали почти никакого вниманія. Наконецъ, Аксельродъ рекомендовалъ «обратить серьезное вниманіе на организацію въ широкихъ размѣрахъ соціалистической прессы».

Такими взглядами, излагавшимися на страницахъ «Общины» заграничными бакунистами, они обнаруживали свое рѣзкое отличіе отъ большинства дѣйствовавшихъ тогда въ Россіи «народниковъ» и «бунтарей», также считавшихся послѣдователями Бакунина. Даже по поводу вопроса объ отношеніи къ политической свободѣ существовало нѣкоторое различіе между бакунистами, дѣйствовавшими въ Россіи и находившимися въ изгна-

ніи. Хотя послѣдніе также считали «избирательную и парламентскую агитацію противной соціалистическимъ принципамъ и вредной для развитія революціоннаго сознанія рабочихъ», но все же они допускали помѣщеніе въ «Общинѣ» статей Драгоманова, открыто проповѣдывавшаго необходимость конституціи. Такая терпимость была совершенно немыслимой въ описываемое время со стороны дѣйствовавшихъ въ Россіи бакунистовъ.

Указанныя отличія заграничныхъ нашихъ единомышленниковъ объяснялись тѣмъ, что они находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ западно-европейскаго рабочаго движенія. А мы, будучи въ Россіи, совершенно не знали, да и мало тогда старались узнать, что происходитъ въ болѣе передовыхъ странахъ. Подобно славянофиламъ, многіе изъ насъ, послѣдователей Бакунина, особенно изъ числа дѣйствовавшихъ на югѣ «бунтарей», искренно были увѣрены въ томъ, что намъ нечему учиться у запада. Между тѣмъ, члены редакціи «Общины» являлись тоже бакунистами, но окрашенными въ европейскій цвѣтъ и совершенно свободными отъ самобытныхъ тенденцій. Что же касается допущенія въ «Общинѣ» статей Драгоманова, то, по объясненію, полученному мною теперь письменно отъ Аксельрода, это вытекало изъ составившагося у редакціи взгляда на него, какъ на «умѣреннаго анархиста, отличавшагося отъ бакунистовъ только меньшей революціонностью, но близко стоявшаго къ нимъ по своимъ идеаламъ, по «конечной цѣли».

Насъ, вновь пріѣхавшихъ тогда за-границу «бунтарей», такая терпимость редакціи «Община» къ Драгоманову крайне возмущала, что отчасти и выразилъ Стефановичъ въ помѣщенномъ имъ въ томъ же органѣ критическомъ разборѣ воззрѣній Драгоманова.

Какъ я уже выше упомянулъ, только посмертная статья самого Бакунина, озаглавленная: «Парижская коммуна и понятіе о государственности» даетъ, да и то крайне слабое представленіе объ «идеалѣ будущаго общежитія» съ точки зрѣнія послѣдовательнаго анархиста.

«Будущая соціальная организація должна быть основана единственно снизу вверхъ, путемъ свободной ассоціаціи и федераціи, сперва въ товариществахъ, затѣмъ въ общинахъ, въ областяхъ, въ націяхъ»,—вотъ, въ сущности, *все*, что самъ родоначальникъ этого теченія говоритъ о проповѣдываемомъ имъ анархическомъ строѣ. Изъ содержанія этой статьи, какъ и другихъ, помѣщенныхъ въ «Общинѣ», нельзя составить себѣ представленіе о томъ, какимъ образомъ, по воззрѣніямъ Бакунина и

его послѣдователей, въ анархическомъ общежитіи будутъ организованы производство и распредѣленіе продуктовъ.

Здѣсь умѣстно будетъ привести нѣкоторыя объясненія, полученныя мною недавно, въ отвѣтъ на мои вопросы, отъ одного изъ наиболѣе активныхъ редакторовъ «Общины», П. Б. Аксельрода. «Между тѣмъ, какъ «народники-бунтари» въ Россіи,—пишетъ онъ,—проявляли стремленіе къ узкому практицизму, склонны были смотрѣть сверху внизъ на далекіе «идеалы» и игнорировать западно-европейское рабочее движеніе,—«Община», наоборотъ, проникнута была сознаніемъ необходимости и важности подчеркивать тѣсную связь, существовавшую между нашей революціонной практикой и западно-европейскими соціалистическими теоріями. Заправскіе «народники бунтари» не придавали пропагандѣ среди рабочихъ серьезнаго значенія и стремились одѣть соціализмъ въ сермягу, т. е. превратить его исключительно въ идеологію крестьянскую, съ лозунгомъ «Земля и Воля»—а въ «Общинѣ» раздавались голоса о важности пропаганды среди рабочихъ. Далѣе, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Драгоманова, мы, члены редакціи «Общины», чуть-чуть не подмѣнивали «анархію» федерализмомъ, — правда, лишь какъ переходной общественно-политической организаціей. Мысль о «конечной цѣли» какъ будто совсѣмъ улетучилась изъ нашего сознанія, замѣнившись представленіемъ о федералистическомъ строѣ. Но это логически и психологически связано было съ стремленіемъ русскихъ послѣдователей Бакунина выработать приспособленныя къ условіямъ родной дѣйствительности и потребностямъ крестьянъ программу и тактику. Этимъ же стремленіемъ объясняется и то, что «Община» не посвящала статей изложенію анархизма: она ставила себѣ другую задачу. Но приверженность руководителей «Общины» къ воззрѣніямъ Бакунина проходитъ красной нитью, пропитываетъ собою содержаніе статей всѣхъ авторовъ, вплоть до князя Черкезова».

Варлампій Черкезовъ, привлекавшійся по Каракозовскому, а затѣмъ по Нечаевскому дѣлу и въ срединѣ 70-хъ гг. бѣжавшій изъ Сибири за границу, велъ въ «Общинѣ» отдѣлъ «Внутреннее обозрѣніе», подчасъ страдавшій чрезмѣрной склонностью къ обобщеніямъ. Помню, напр., что однажды этотъ обозрѣватель, сообщивъ по русскимъ газетамъ о нѣсколькихъ случаяхъ пожаровъ, закончилъ свой перечень восклицаніемъ: «такимъ образомъ, мы видимъ, что *вся Россія горитъ*!»—Это вы уже черезчуръ хватили!—заявилъ Николай Ивановичъ Жуковскій, который и

самъ не прочь былъ сдѣлать смѣлое обобщеніе относительно Россіи, въ особенности пессимистическаго характера.

Кромѣ упомянутой выше статьи Аксельрода о «Переходномъ моментѣ», большой интересъ въ свое время представлялъ рядъ его очерковъ, помѣщенныхъ въ нѣсколькихъ номерахъ «Общины» подъ общимъ заглавіемъ: «Итоги германской соціально-демократической партіи», въ которыхъ, съ бакунинской точки зрѣнія, авторъ подвергалъ критикѣ взгляды и тактику руководителей нѣмецкой рабочей партіи.

Однако, несмотря на содержательность статей, корректный и выдержанный тонъ ихъ, «Община», имѣла крайне ограниченный успѣхъ и распространеніе въ Россіи. Причиной тому было указанное уже выше отсутствіе тогда у дѣйствовавшихъ въ Россіи послѣдователей Бакунина интереса почти ко всему являвшемуся съ Запада. Къ этому индифферентизму въ концѣ лѣта того же года присоединилось еще то обстоятельство, что въ Петербургѣ основанъ былъ собственный органъ народниковъ—газета «Земля и Воля». Къ «Общинѣ» пропалъ тогда всякій интересъ. Просуществовавъ всего около года и издавъ за это время только девять номеровъ, этотъ лучшій бакунинскій органъ зимой того же 1878 г. навсегда прекратился. Послѣ «Общины» никогда уже не возникало болѣе изданій чисто бакунинскаго направленія.

Нѣкоторые изъ русскихъ послѣдователей Бакунина вскорѣ затѣмъ стали «народовольцами», другіе—«соціал-демократами», а иные совсѣмъ отстали отъ движенія, уйдя въ частную, семейную жизнь. Только очень немногіе изъ находящихся въ живыхъ до сихъ поръ остаются вѣрными старымъ своимъ воззрѣніямъ. Самое видное мѣсто между послѣдними безспорно занимаетъ Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ, семидесятилѣтній юбилей котораго въ декабрѣ минувшаго года справлялся во многихъ городахъ стараго и новаго свѣта.

II.

Въ описываемое мною время Кропоткинъ всецѣло ушелъ въ пропаганду анархизма среди европейскихъ рабочихъ, главнымъ образомъ въ романской Швейцаріи. Онъ редактировалъ тогда газету «L'Avantgarde» и регулярно посѣщалъ засѣданія женевской секціи, происходившія разъ въ недѣлю въ одномъ и томъ же ресторанѣ.

Уже въ то время нашъ соотечественникъ былъ самымъ даровитымъ и образованнымъ представителемъ бакунизма не только среди русскихъ, но и среди лицъ, принадлежавшихъ къ другимъ націямъ. Даже знаменитый географъ Элизе Реклю, проживавшій въ качествѣ эмигранта, послѣ пораженія парижской коммуны, въ Швейцаріи, какъ по теоретической своей подготовкѣ, такъ и по агитаторскимъ способностямъ уступалъ первое мѣсто своему другу Кропоткину. И послѣдній съ душой и тѣломъ ушелъ въ дѣла швейцарской анархической федераціи.

При одной изъ первыхъ нашихъ встрѣчъ, Кропоткинъ посовѣтывалъ мнѣ и Стефановичу посѣщать засѣданія женевской секціи. Получивъ отъ него адресъ, мы отправились туда въ указанный имъ намъ вечеръ. При этомъ, помню, меня чрезвычайно поразилъ слѣдующій случай. Мы почему-то не могли сразу розыскать кафе, въ которомъ происходили засѣданія. Побродивъ немного и увидѣвъ полисмена, мы направились къ нему, но не успѣли еще толкомъ объяснить, что намъ нужно, какъ онъ самъ сказалъ:—Вы, вѣроятно, розыскиваете, гдѣ происходятъ засѣданія мѣстной анархической секціи? На нашъ утвердительный отвѣтъ блюститель тишины и порядка, сдѣлавъ съ нами нѣсколько шаговъ, указалъ входъ въ маленькій, невзрачный ресторанчикъ. По наслышкѣ я уже зналъ тогда, что въ Швейцаріи дозволяются собранія приверженцевъ самыхъ крайнихъ революціонныхъ направленій. Но такое наглядное этому подтвержденіе, въ особенности послѣ незадолго предъ тѣмъ испытанныхъ много ощущеній въ Россіи, да и въ конституціонной Германіи, не могло не поразитъ меня. На родинѣ малѣйшее подозрѣніе въ сношеніяхъ или даже только въ мимолетномъ знакомствѣ съ революціонерами влекло за собою тяжкую кару. Когда мы проѣзжали черезъ Германію—что было вскорѣ послѣ покушеній Геделя и Нобилинга на Вильгельма I,—насъ предупреждали знакомые, чтобы мы были въ дорогѣ поосторожнѣе, такъ какъ, въ случаѣ ареста, намъ грозитъ опасность быть выданными Россіи (что, нѣсколько лѣтъ спустя, и случилось со мною во Фрейбургѣ). Мы, поэтому, чувствовали себя въ Германіи довольно жутко и торопились какъ можно скорѣе миновать ее. И вотъ, послѣ всего этого, мы собственными глазами увидѣли, какъ полицейскій вѣжливо и предупредительно указалъ намъ дорогу на засѣданіе страшнаго анархическаго общества!

Аналогичные факты, случавшіеся въ Швейцаріи нерѣдко, должны были-бы, казалось, навести насъ, бакунистовъ, отрицавшихъ всякое значеніе за политической свободой, на мысль, что

она вовсе уже не такая скверная штука и все же имѣетъ кое-какія преимущества передъ нашимъ русскимъ строемъ. Но мы совершенно игнорировали всѣ такіе факты, не дѣлали изъ нихъ никакихъ благопріятныхъ для парламентскихъ странъ выводовъ и оставались при твердомъ убѣжденіи, что преимущество Россіи передъ западно-европейскими странами заключается отчасти въ отсутствіи конституціонныхъ учрежденій — иначе, молъ, скоро разрушилась-бы «община» и другіе устои, благодаря которымъ наша родина, перескочивъ черезъ буржуазный порядокъ, сразу попадетъ въ наисовершеннѣйшій, анархическій строй. Вернемся, однако, къ засѣданію женевской секціи.

Очутившись внутри кафе, я почувствовалъ большое разочарованіе. То было первое рабочее собраніе, на которомъ я присутствовалъ. Отправляясь за границу, я предполагалъ, что тамъ повсюду происходятъ многочисленныя собранія въ обширныхъ помѣщеніяхъ, гдѣ произносятся зажигательныя рѣчи и раздаются оглушительные аплодисменты. Вмѣсто этого я увидѣлъ небольшую кучку людей, свободно расположившихся вокругъ одного стола въ слабо освѣщенной задней комнатѣ невзрачнаго ресторанчика.

Наиболѣе активнымъ лицомъ, какъ на этомъ, такъ и на всѣхъ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ, посѣщавшихся мною втеченіи нѣкотораго времени, былъ Кропоткинъ. Онъ бралъ слово по поводу каждаго вопроса, вносилъ предложенія, давалъ разъясненія, предлагалъ проекты резолюцій и т. п.

Меня, какъ и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ, не смотря на нашу, сравнительно съ Кропоткинымъ, молодость, — мнѣ тогда было 23 года, а ему лѣтъ 36 — 37, — довольно скоро сталъ удивлять пылъ, проявляемый имъ во время этихъ засѣданій. Намъ казалось совершенно непонятнымъ, какъ могли его, серьезнаго и занятаго учеными трудами человѣка, увлекать незначительные, большею частью, вопросы, во всѣ детали которыхъ онъ неизмѣнно вникалъ. Получалось впечатлѣніе, будто зрѣлый человѣкъ принимаетъ горячее участіе въ развлеченіяхъ подростковъ.

Но изъ неоднократныхъ разговоровъ съ Кропоткинымъ на эту тему мы убѣдились, что онъ дѣйствительно придавалъ серьезное значеніе всѣмъ крохотнымъ дѣламъ мѣстной секціи. Уже и тогда, по нашему мнѣнію, та горсточка швейцарскихъ ремесленниковъ и рабочихъ, ради которыхъ онъ совершенно оставилъ заботы о революціонномъ движеніи на его родинѣ, не давала ни малѣйшихъ надеждъ стать чѣмъ-нибудь болѣе значительнымъ и въ будущемъ. Но Кропоткинъ совсѣмъ иначе смотрѣлъ на по-

ложеніе анархическаго теченія въ Западной Европѣ вообще и въ Швейцаріи въ частности. Какъ себя самого, такъ и другихъ онъ старался увѣрить, что наступила лишь незначительная, къ тому же только кратковременная задержка въ развитіи анархическаго теченія, вслѣдствіе полученнаго французскимъ пролетаріатомъ, послѣ пораженія парижской коммуны, чрезвычайнаго кровопусканія; но рабочее движеніе уже стало оправляться отъ тяжкихъ ударовъ, и вскорѣ вновь начнется усиленный притокъ ихъ въ ряды анархическихъ секцій. При этомъ онъ съ чисто юношескимъ умиленіемъ и ликованіемъ указывалъ на тѣ или другіе, въ сущности незначительные факты, подтверждавшіе, какъ ему казалось, основательность его надеждъ.—Вотъ еще недавно,—говорилъ онъ, напримѣръ,—мы печатали «L'Avant-garde» въ 1000 экземпляровъ, а теперь требуютъ уже 1500! Или онъ сообщалъ, что раньше на засѣданія секціи приходило всего 10 — 15 человѣкъ, а въ настоящее время является по 25 и даже цѣлыхъ 30. И всѣ такіе «отрадные факты» вызывали неподдѣльную радость у этого безусловно искренняго человѣка! Замѣчу къ слову, что примѣръ Кропоткина, Лаврова и др. могутъ отчасти служить нагляднымъ опроверженіемъ тѣмъ утвержденіямъ тогдашнихъ нашихъ реакціонеровъ—да и однихъ-ли ихъ?—будто только «недоучившіеся юноши», которымъ къ тому же «ѣсть нечего», шли въ революцію и увлекались «несбыточными планами», «химерами», «утопіями».

При сообщеніи о какомъ-нибудь «отрадномъ фактѣ» по серьезному лицу Петра Алексѣевича разливалась добродушнѣйшая улыбка. Мы, слушатели, также улыбались, по поводу его неимовѣрнаго оптимизма—а уже на что сами-то мы, юноши, склонны были ко всякимъ преувеличеннымъ надеждамъ и разнымъ утопіямъ!

Когда кто-нибудь изъ насъ, являвшихся, вообще, единомышленниками Кропоткина, рѣшался высказать ему свои сомнѣнія на счетъ основательности его ликованія, то это вызывало въ немъ чуть не бурю возмущенія.—Какъ можно быть такимъ Ѳомой невѣрующимъ!—говорилъ онъ.—Вамъ приводятъ факты, а вы сомнѣваетесь!

Пропаганда соціализма, которою Кропоткинъ занимался въ этой секціи, не отличалась большимъ разнообразіемъ. Главнымъ образомъ, она сводилась къ доказательству возможности обойтись безъ всякой, даже выборной «власти» въ будущемъ совершенномъ строѣ.

— Если прежнія революціи,—восклицалъ онъ,—не вносили никакой существенной перемѣны въ условія жизни трудящихся массъ, то это происходило исключительно потому, что заправилы являлись «государственниками», «якобинцами», которые занимались обсужденіями всякихъ новыхъ законовъ, вмѣсто того, что-бы позаботиться о немедленномъ снабженіи всѣхъ нуждавшихся пищей, жилищемъ, и т. д.

По мнѣнію Кропоткина,—котораго, судя по послѣднимъ его произведеніямъ, онъ придерживается и до настоящаго времени,—не представляется ни малѣйшей трудности «на второй день революціи» надѣлить всѣмъ необходимымъ всѣхъ голодныхъ, неимѣющихъ платья, жилища и пр. Для этого нужно только предоставить «полную, ничѣмъ неограниченную свободу» населенію, и «народъ въ 24 часа самъ составитъ точный инвентарь всѣхъ имѣющихся въ каждомъ данномъ пунктѣ предметовъ первой необходимости, а въ 48 часовъ будутъ изданы въ милліонахъ экземпляровъ подробные списки, въ которыхъ указано будутъ, гдѣ кто можетъ взять все ему необходимое». И это совершится безъ всякаго «начальства», даже выборнаго, мирно, безъ ссоръ и дрязгъ, ко всеобщему удовольствію, при содѣйствіи однихъ лишь «добровольцевъ», не облеченныхъ никакой властью, и такіе добровольцы всюду въ любой моментъ найдутся въ достаточномъ количествѣ.

Даже наиболѣе пламенные послѣдователи Бакунина выражали сомнѣніе, что-бы все могло дѣйствительно устроиться такъ скоро, тихо и гладко, какъ это изображалъ Кропоткинъ. При этомъ не трудно было замѣтить, что онъ впадалъ въ противорѣчія. Нападая, съ одной стороны, на утопическихъ соціалистовъ за ихъ готовность помѣстить всѣхъ въ «фаланстерахъ», т. е. въ «соціалистическихъ казармахъ», а съ другой—на сторонниковъ научнаго соціализма за признаваемый ими «государственный принципъ», Кропоткинъ не замѣчалъ, что его собственныя построенія тоже сводились къ неосуществимымъ, необыточнымъ надеждамъ, основаннымъ только на его представленіи о присущихъ людямъ чувствахъ «солидарности», «любви къ ближнему» и т. п.

Поэтому, не смотря на пламенность рѣчей Кропоткина и энтузіазмъ, съ какимъ онъ отстаивалъ свои планы будущаго благополучія при торжествѣ неограниченной ничѣмъ свободы, аудиторія, помню, не проявляла особеннаго восторга. Случалось даже, что нѣкоторые изъ присутствовавшихъ позволяли себѣ выражать сомнѣніе на счетъ осуществимости его проектовъ,

а иной рѣшался даже вступить съ нимъ въ споръ. Мнѣ припоминается такой случай.

Однажды, когда Кропоткинъ особенно краснорѣчиво доказывалъ, что всякое «начальство вредно», такъ какъ «власть портитъ», одинъ рабочій — женевецъ, среднихъ лѣтъ,—спросилъ:—А какъ полагаете, товарищъ, на пароходѣ во время рейса будетъ капитанъ или другое какое-нибудь главное лицо, распоряженіямъ котораго всѣ обязаны подчиняться?

Вопросъ этотъ нисколько не смутилъ Кропоткина: онъ сталъ доказывать, что даже и на пароходѣ можно будетъ обходиться безъ «начальника», такъ какъ среди поссажировъ всегда найдется «доброволецъ», умѣющій управлять пароходомъ; такое лицо возьметъ на себя обязанности капитана, но безъ его власти надъ остальными, и всѣ охотно будутъ слѣдовать его «совѣтамъ» и «указаніямъ», а не «требованіямъ», подъ угрозой разныхъ наказаній.

— Спасибо,—воскликнулъ тотъ же рабочій,—я на такомъ пароходѣ не поѣхалъ-бы; мнѣ жизнь еще не надоѣла.

Взрывъ одобрительнаго смѣха покрылъ его слова. Не помню, какъ на это реагировалъ Петръ Алексѣевичъ,—кажется, онъ также добродушно смѣялся, но, конечно, остался при своемъ убѣжденіи, что «всюду и вездѣ можно обойтись безъ начальства, даже выборнаго».

Много мѣста въ своихъ рѣчахъ Кропоткинъ удѣлялъ также изобличеніямъ порочности и преступности господствующихъ классовъ, и, наоборотъ, онъ всегда превозносилъ присущія трудящимся массамъ добродѣтели. Впечатлѣнія рѣчей Кропоткина на насъ, русскихъ эмигрантовъ, въ своеобразной формѣ выразилъ наборщикъ Лейзеръ Цукерманъ, почти одновременно со мною прибывшій въ Женеву. Это былъ беззавѣтно преданный народному дѣлу человѣкъ, довольно развитый и многое на своемъ недолгомъ вѣку испытавшій. Годъ спустя онъ былъ арестованъ въ народовольческой типографіи въ Петербургѣ и по процессу 16-ти былъ осужденъ на каторгу, по окончаніи которой, въ срединѣ 80-хъ годовъ, водворенъ былъ на поселеніе въ совершенно изолированномъ улусѣ Якутской области. Очутившись «на волѣ», о которой онъ страстно мечталъ на каторгѣ, Цукерманъ не могъ вынести ужасныхъ условій новой обстановки и покончилъ съ собою.

Хотя во время пребыванія въ Женевѣ Цукерманъ почти совсѣмъ не владѣлъ французскимъ языкомъ, тѣмъ не менѣе въ

первое время онъ довольно аккуратно посѣщалъ засѣданія мѣстной секціи.

Когда, однажды, насъ нѣсколько человѣкъ возвращались съ собранія, Цукерманъ, отличавшійся большимъ остроуміемъ, вдругъ заявилъ серьезнымъ тономъ:

— На слѣдующемъ засѣданіи секціи я попрошу слова.

— Но вы вѣдь не говорите по-французски?—удивился кто-то изъ насъ.

— Чтобы произнести рѣчь въ нашей секціи, вовсе не нужно владѣть французскимъ языкомъ, и моихъ знаній для этого вполнѣ достаточно,—отвѣтилъ онъ.

— Что же вы хотите сказать?—заинтересовались мы.

— Я скажу: «compagnons! Les bourgeois—fi, fi, fi! Mais les prolétaires—o! o! o! Всѣ меня поймутъ и похлопаютъ.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я совершенно пересталъ посѣщать засѣданія женевской секціи.

III.

Между Кропоткиномъ и руководителями «Общины» существовали наилучшія отношенія. Причиной тому, кромѣ единства во взглядахъ, было расположеніе, которое всякому, безъ различія направленій, внушали выдающіяся личныя качества Петра Алексѣевича. На сколько могу теперь припомнить, никто не вступалъ съ нимъ въ продолжительный споръ, хотя кое въ чемъ нѣкоторые бывали съ нимъ и не согласны. Иной, напр., находилъ, что онъ черезчуръ много времени и вниманія удѣляетъ швейцарцамъ, совершенно при этомъ игнорируя своихъ русскихъ единомышленниковъ. Другому досадно было, что онъ за все время своего пребыванія тогда въ эмиграціи—болѣе двухъ съ половиной лѣтъ—не написалъ ничего для соотечественниковъ и, въ частности, ни въ «Общинѣ», ни въ «Землѣ и Волѣ» не помѣстилъ ни одной статьи. Не нравилась многимъ также и крайняя его односторонность. Даже и по отношенію къ кардинальнымъ для бакуниста вопросамъ о «власти» и «государствѣ» сторонники «Общины» не высказывали столь утопическихъ взглядовъ, какъ Кропоткинъ. Изъ моихъ словъ не слѣдуетъ, конечно, заключить, будто руководители «Общины» шли на компромиссы или меньше преданы были принципамъ анархіи, чѣмъ Кропоткинъ. Но, въ противоположность Петру Алексѣевичу, ихъ вниманіе поглощено было насущными интересами и злободневными во-

просами русскаго революціоннаго движенія. Насколько то было для редакціи «Общины» доступно, она старалась передать западно-европейскій опытъ своимъ русскимъ единомышленникамъ. Кромѣ того, нѣкоторые изъ членовъ редакціи «Общины» находились подъ прямымъ, а другіе подъ косвеннымъ вліяніемъ «Капитала» Маркса, между тѣмъ какъ соціально-революціонныя воззрѣнія Кропоткина сложились, повидимому, подъ исключительнымъ вліяніемъ Бакунина и Прудона. Отсюда проистекала прямая противоположность между его безусловно фанатически враждебнымъ отношеніемъ къ Марксу и тѣмъ, какое проявляли къ послѣднему руководителю «Общины».

Когда, бывало, заходила у насъ рѣчь съ членами редакціи «Общины» объ основателѣ научнаго соціализма, они произносили его имя съ благоговѣніемъ. Признавая огромное значеніе теоріи Маркса для развитія рабочаго класса, они считали необходимымъ основательное изученіе его главнаго произведенія. Всего за нѣсколько лѣтъ до описываемаго мною времени, а именно въ 1872 г., по настояніямъ Маркса и Энгельса, Бакунинъ, какъ извѣстно, былъ на Гаагскомъ конгрессѣ исключенъ изъ интернаціонала, что, по мнѣнію самого Бакунина и его послѣдователей, было совершенно несправедливо. Воспоминаніе объ этомъ актѣ было еще очень живо среди членовъ редакціи «Общины», а потому отношеніе къ Марксу является весьма характернымъ для умственнаго ихъ настроенія.

Даже наиболѣе изъ всѣхъ членовъ редакціи «Общины» преданный Бакунину, Жуковскій—и тотъ не разъ внушалъ намъ, молодымъ «бунтарямъ», что, несмотря на всѣ несправедливости, совершенныя Марксомъ по отношенію Бакунина, все же слѣдуетъ высоко чтить его заслуги и изучать его «Капиталъ». Это, однако, не мѣшало самому Жуковскому довольствоваться лишь самымъ поверхностнымъ знакомствомъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ съ произведеніемъ Маркса, которое онъ называлъ не книгой, а «кирпичемъ». Во всѣхъ бесѣдахъ о Марксѣ Жуковскій любилъ повторять, какъ самъ Бакунинъ совѣтовалъ преклоняться предъ авторомъ «Капитала».—Гдѣ бы и когда бы вы ни встрѣтили Маркса,—говорилъ намъ Бакунинъ,—отвѣсьте ему низкій, низкій поклонъ.

— И вотъ,—сообщилъ намъ, однажды, Жуковскій,—будучи на Ривьерѣ, я завернулъ въ Монте-Карло. Захожу въ казино, гдѣ играютъ въ рулетку, смотрю: Марксъ стоитъ у одного изъ столбовъ и смотритъ на игру,—это было незадолго до его смерти, и врачи отправили его на Ривьеру. Я подошелъ къ нему и, отвѣ-

сивъ низкій поклонъ, назвалъ себя по-фамиліи. Онъ тотчасъ вспомнилъ меня по интернаціоналу. Говорю: «учитель, мы всѣ, хотя и бакунисты, глубоко вамъ признательны за вашъ «Капиталъ»». А вы его читали?—спросилъ онъ. Нѣтъ, учитель!—отвѣтилъ я. Лицо Маркса приняло суровое выраженіе.—«Эту книгу нельзя читать», — сказалъ я. Марксъ сталъ еще мрачнѣе. «Ее надо изучать!»—закончилъ я. Марксъ просіялъ. И затѣмъ мы долго съ нимъ бесѣдовали, прохаживаясь по казино.

Впослѣдствіи эта встрѣча съ Марксомъ послужила для находчиваго Жуковскаго неисчерпаемымъ источникомъ всякаго рода разсказовъ, иллюстрацій, доводовъ «за» и «противъ» тѣхъ или иныхъ взглядовъ. Когда уже послѣ смерти Маркса была основана нами, нѣсколькими его послѣдователями, первая русская группа марксистовъ, задавшаяся цѣлью распространять его воззрѣнія среди нашихъ соотечественниковъ, Жуковскій, какъ ярый бакунистъ, былъ, конечно, противъ насъ. На помощь себѣ онъ взялъ самого Маркса, который, будто бы, во время все той же знаменитой бесѣды съ нимъ въ Монте-Карло, сказалъ ему, что «его идеи въ Россіи не примѣнимы» и что мы, русскіе его приверженцы, неправильно ихъ комментируемъ».

Въ теченіе довольно долгаго времени нельзя было въ присутствіи Жуковскаго заикнуться о чемъ-либо имѣвшемъ отношеніе къ марксизму, чтобы онъ тотчасъ не вставилъ: А вотъ Марксъ, когда мы съ нимъ встрѣтились въ Монте-Карло, сказалъ мнѣ и т. д.

Когда, однажды, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ Жуковскій повторилъ: «а вотъ Марксъ мнѣ сказалъ...», Г. В. Плехановъ его остановилъ: Знаете, Николай Ивановичъ, что Марксъ потомъ разсказывалъ своимъ близкимъ по поводу бесѣды въ вами въ Монте-Карло? А что?—спросилъ онъ. Марксъ сказалъ: «ну, и навралъ же я Жуковскому по поводу русскихъ моихъ послѣдователей, а онъ, поди, теперь повсюду распространяетъ это».

— Кому же онъ это сказалъ? — съ изумленіемъ спросилъ Жуковскій.

— Своему зятю, Лафаргу,—не моргнувъ глазомъ, отвѣтилъ Плехановъ.

Втеченіе нѣкотораго времени Жуковскій не находилъ отвѣта; затѣмъ, покачавъ головой, онъ сказалъ съ укоромъ:

— Скверный у васъ характеръ, Георгій Валентиновичъ!

Съ этихъ поръ Николай Ивановичъ пересталъ ссылаться на свою бесѣду съ Марксомъ и, такимъ образомъ, лишился самаго, казалось, неуязвимаго аргумента противъ русскихъ марксистовъ.

Конечно, не всѣ члены редакціи «Общины» довольствова-

лись, подобно Жуковскому, однимъ внѣшнимъ почитаніемъ заслугъ Маркса, не потрудившись познакомиться съ его ученіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ П. Б. Аксельродъ, уже и тогда довольно хорошо знали главное его произведеніе и умѣли кстати процитировать соотвѣтствующее мѣсто изъ «Капитала».

Совсѣмъ иначе къ автору этого произведенія относился Кропоткинъ: онъ отрицалъ даже значеніе Маркса, какъ выдающагося ученаго, сдѣлавшаго огромный вкладъ въ экономическую науку. Въ концѣ 70-хъ, или въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ, слѣдовательно, задолго до Эдуарда Бернштейна, нашъ соотечественникъ на одномъ собраніи русской колоніи въ Женевѣ выступилъ съ критикой «Капитала». Помню, между прочимъ, что Кропоткинъ слѣдующимъ образомъ опровергалъ извѣстное положеніе Маркса о все возрастающей концентраціи производства въ капиталистическомъ обществѣ.

— Если бы это утвержденіе было вѣрно,—говорилъ Кропоткинъ,—не существовала бы на каждомъ шагу масса мелкихъ ремесленниковъ и промышленниковъ. Но они не только «не концентрируются», а, наоборотъ, постоянно возникаетъ еще много новыхъ. Даже въ Лондонѣ, въ столицѣ самой капиталистической страны, вы увидите множество мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ, существующихъ на ряду съ крупными магазинами и огромными фабриками и заводами. Ну, развѣ не абсурдно утвержденіе Маркса!—побѣдоносно воскликнулъ онъ.

Не смотря на то, что почти всѣ мы считались тогда бакунистами, слѣдовательно, единомышленниками Кропоткина, однако, «абсурднымъ» утвержденіе Маркса намъ не показалось. Хотя изъ числа присутствовавшихъ на этомъ собраніи русскихъ эмигрантовъ нѣсколько человѣкъ были въ состояніи опровергнуть ошибочныя утвержденія Кропоткина, но почему-то никто не сдѣлалъ этого. Только молодой польскій соціалистъ С. Дикштейнъ, авторъ очень извѣстной книжки «Кто съ чего живетъ?», горячо сталъ возражать Кропоткину, но послѣдній, конечно, остался при убѣжденіи, что теорія Маркса ошибочна и напрасно ей придаютъ большое значеніе.

Впослѣдствіи, другъ Кропоткина, упомянутый мною выше В. Черкезовъ, пошелъ еще дальше, начавъ утверждать, будто Марксъ и Энгельсъ занимались просто плагіатомъ: идеи знаменитаго ихъ «Коммунистическаго Манифеста» позаимствованы ими у фурьериста Консидерана, безъ ссылки на него. И этому замѣчательному открытію человѣка, издавна склоннаго къ «смѣлымъ

обобщеніямъ», повѣрили и неимовѣрно обрадовались не только мало свѣдущіе анархисты, но и нѣкоторые почтенные профессора.

IV.

Мое непосредственное знакомство съ Лавровымъ состоялось въ январѣ 1880 г., когда, послѣ полугодового пребыванія въ Россіи, мы четверо: В. Засуличъ, Г. Плехановъ, Стефановичъ и я, вторично пріѣхали за-границу. Оставивъ товарищей въ Швейцаріи, я, нѣсколько дней спустя, отправился въ Парижъ съ намѣреніемъ пожить тамъ нѣкоторое время.

Стояла необычайно суровая зима: Сена замерзла, что случается раза два въ столѣтіе. Непривыкшіе къ такимъ холодамъ парижане умирали массами на улицахъ и въ домахъ, совершенно неприспособленныхъ къ морозамъ.

Поселившись въ Латинскомъ кварталѣ, я, въ первый же день по пріѣздѣ, отправился передъ вечеромъ, вмѣстѣ съ однимъ знакомымъ эмигрантомъ, обѣдать въ дешевый ресторанъ: «Douze marmites» (двѣнадцать горшковъ), въ которомъ столовались многіе русскіе изгнанники. Не доходя немного до него, я увидѣлъ на противоположной сторонѣ улицы высокаго, хорошо сложеннаго старика, лѣтъ 60-ти на видъ, въ довольно поношенномъ и не очень тепломъ пальто.

— Это Петръ Лавровичъ,—сказалъ сопровождавшій меня эмигрантъ. Онъ тоже обѣдаетъ въ «Douze marmites» и ѣстъ всего одно блюдо.

— Какъ онъ легко одѣтъ въ такой холодъ! — невольно вырвалось у меня.

— О, онъ очень выносливъ!—отвѣтилъ мой знакомый. — Петръ Лавровичъ ведетъ очень скромный и регулярный образъ жизни и помогаетъ каждому, обращающемуся къ нему съ просьбой.

— Развѣ онъ располагаетъ матеріальными средствами? — удивился я.

— Нисколько!—воскликнулъ мой собесѣдникъ.—Онъ живетъ исключительно литературнымъ трудомъ, и заработки его очень ограниченны. Но Петръ Лавровичъ обрѣзываетъ себя во всемъ, кромѣ книгъ; къ тому же онъ всегда умѣетъ доставать средства для нуждающагося въ матеріальной поддержкѣ у зажиточныхъ своихъ знакомыхъ.

Теплый отзывъ о Лавровѣ моего знакомаго, вообще несклоннаго къ оптимистическому отношенію къ людямъ, возбудилъ во мнѣ желаніе ускорить знакомство съ Лавровымъ. На слѣдующій день я отправился на улицу Сенъ-Жакъ № 328, гдѣ во дворѣ, онъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ занималъ небольшую квартирку въ двѣ комнаты съ кухней.

Я засталъ у него какого-то русскаго. Живя за-границей, я, въ виду моего революціоннаго прошлаго, не былъ гарантированъ отъ ареста и выдачи нашему правительству; поэтому, изъ предосторожности, я прописывался на квартирахъ и рекомендовалъ себя незнакомымъ лицамъ не подъ своей настоящей фамиліей. Тоже сдѣлалъ я и въ описываемомъ случаѣ. Назвавъ себя первой подвернувшейся фамиліей, я заявилъ, что только-что эмигрировалъ изъ Петербурга и указалъ общихъ знакомыхъ.

Лавровъ очень привѣтливо обошелся со мною и сталъ распрашивать о томъ, что дѣлается въ революціонной средѣ.

Это было вскорѣ послѣ происшедшаго въ Петербургѣ раздѣленія общества «Земля и Воля» на двѣ организаціи — «Народную Волю» и «Черный Передѣлъ»,—о чемъ въ общихъ чертахъ Петръ Лавровичъ уже зналъ. Но, не зная, что собою представляетъ его гость, я старался отдѣлаться общеизвѣстными фактами и сообщеніями, а затѣмъ, посидѣвъ короткое время, удалился. Прощаясь съ Лавровымъ въ передней, я попросилъ его назначить мнѣ свободный вечеръ, когда я могъ-бы потолковать съ нимъ, не рискуя встрѣтить никакого другаго посѣтителя. Онъ указалъ мнѣ одинъ изъ ближайшихъ вечеровъ.

— А вѣдь я уже знаю, кто вы!—заявилъ Петръ Лавровичъ, поздоровавшись, когда я пришелъ къ нему въ условленное время.

— Какимъ образомъ?—удивился я.

— Да мой гость, котораго вы у меня тогда застали, Пащенко, мнѣ сказалъ вашу настоящую фамилію: онъ встрѣчалъ васъ въ Швейцаріи. Вотъ видите, какъ трудно сохранить за-границей incognito!

Эта неудачная моя конспирація какъ-то сразу расположила насъ обоихъ на непринужденный тонъ. Къ тому же, какъ вскорѣ оказалось, Петръ Лавровичъ многое уже зналъ обо мнѣ отъ общихъ нашихъ знакомыхъ. Поэтому, не смотря на то, что онъ былъ болѣе чѣмъ вдвое старше меня, мы заговорили какъ давніе хорошіе знакомые.

— Я очень, очень радъ, что вы уѣхали изъ Россіи,—ска-

залъ онъ.—Тамъ теперь ужасное время! Вы мнѣ сегодня все подробно разскажете, что тамъ творится; но прежде я приготовлю чай.

И Петръ Лавровичъ методично принялся за дѣло. Поставивъ на каминѣ спиртовую лампочку и водрузивъ на ней жестяную кастрюльку, онъ налилъ въ нее воду и зажегъ фитиль; послѣ этого досталъ чайныя принадлежности. Вслѣдствіе крайней своей близорукости, онъ напряженно всматривался въ нужныя ему вещи и отыскивалъ ихъ ощупью.

Странно было смотрѣть на всѣ эти манипуляціи крупныхъ размѣровъ старика въ маленькой комнатѣ, сплошь заставленной мебелью и полками съ книгами вдоль всѣхъ стѣнъ.

Желая облегчить ему хлопоты съ приготовленіемъ чая, я попробовалъ помочь ему, но Петръ Лавровичъ воспротивился этому.

— Нѣтъ, ужъ вы сидите, не помогайте!—заявилъ онъ.— Вы мнѣ только все спутаете, и потомъ я ничего не найду на своемъ мѣстѣ. Знаете, у стариковъ вырабатываются свои привычки: всякая вещь должна находиться на опредѣленномъ мѣстѣ. А то, случалось, вздумаетъ помочь мнѣ по хозяйству какой-нибудь посѣтитель, вотъ какъ вы, и только все перепутаетъ.

Я не сталъ спорить, но, когда вода закипѣла, онъ великодушно разрѣшилъ мнѣ исполнять роль хозяйки дома—разливать чай.

По его предложенію, я подробно разсказалъ ему о причинахъ, приведшихъ къ расколу въ обществѣ «Земля и Воля» и о создавшемся послѣ этого положеніи въ революціонной средѣ.

Петръ Лавровичъ чрезвычайно внимательно слѣдилъ за моимъ разсказомъ, лишь изрѣдка прерывая его тѣмъ или инымъ вопросомъ. Помню, что меня тогда удивило проявленное имъ близкое знакомство какъ со многими обстоятельствами, касавшимися революціоннаго міра, такъ и съ нѣкоторыми лицами, упоминаемыми мною, которыхъ онъ зналъ или лично, по Цюриху, или по наслышкѣ. Такая освѣдомленность со стороны почтеннаго ученаго мнѣ тѣмъ болѣе была пріятна, что я подобной не встрѣчалъ среди менѣе старыхъ, чѣмъ Лавровъ, эмигрантовъ.

Когда я окончилъ свой разсказъ и отвѣтилъ на всѣ вопросы Петра Лавровича, онъ вновь повторилъ:

— Вы и ваши товарищи хорошо сдѣлали, что уѣхали изъ Россіи: увлеченіе терроромъ, это—временное настроеніе, и его

можно было давно предвидѣть. Но оно скоро пройдетъ, и вновь придется вернуться къ единственному вѣрному способу—къ пропагандѣ: я, по прежнему, не перестаю въ нее вѣрить. Но я не «лавристъ»; я давно не имѣю ничего общаго съ лицами, носящими эту кличку: своимъ поведеніемъ они скомпрометировали себя и меня.

Мнѣ хотѣлось разспросить его, почему онъ разошелся со своими послѣдователями, но я замѣтилъ, что ему тяжело говорить объ этомъ: голосъ его какъ-то измѣнился и, не смотря на очевидно присущія ему уравновѣшенность и хладнокровіе, онъ все же отозвался неодобрительно, хотя и крайне сдержанно, о бывшихъ своихъ приверженцахъ—«лавристахъ».

Помню, подъ конецъ вечера мнѣ тяжело было смотрѣть на этого безусловно симпатичнаго, хорошаго старика, столь беззавѣтно и искренно преданнаго отдаленной своей родинѣ и вообще обездоленнымъ массамъ. Онъ, несомнѣнно, ни предъ какими личными интересами не остановился-бы, ради облегченія тяжелой участи трудящихся классовъ. Между тѣмъ, обстоятельства въ то время сложились такъ, что Петръ Лавровичъ стоялъ вдали отъ дѣлъ и былъ, въ сущности, выброшенъ за бортъ. Фактически онъ въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ былъ совершенно устраненъ отъ всякаго участія въ происходившей на дорогой ему родинѣ освободительной борьбѣ. Для него, неутомимаго, энергичнаго общественнаго дѣятеля, положеніе, въ которомъ онъ очутился въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ, не могло не быть невыносимо тяжелымъ.

Но, въ отличіе отъ «лавристовъ», Лавровъ не переставалъ чувствовать себя тѣсно связаннымъ съ происходившимъ въ Россіи революціоннымъ движеніемъ, хотя и принявшимъ несимпатичную ему форму. Тогда Петръ Лавровичъ скорѣе склонялся на сторону «чернопередѣльцевъ», и выразилъ даже готовность сотрудничать въ нашемъ органѣ, что вскорѣ и осуществилось.

Всего, о чемъ мы переговорили въ этотъ вечеръ, я, конечно, теперь, по прошествіи 33 лѣтъ, не въ состояніи воспроизвести. Но хорошо помню, что, уходя отъ Лаврова въ двѣнадцатомъ часу ночи, я вынесъ о немъ наилучшее впечатлѣніе.

При прощаніи мы условились, что разъ въ недѣлю, кажется по вторникамъ, я буду приходить къ нему, и никого другого онъ въ тотъ вечеръ не будетъ принимать.

Во время этихъ моихъ посѣщеній, сопровождавшихся такими же, какъ въ первое, чаепитіями, главнымъ разсказчикомъ

являлся, большею частью, Петръ Лавровичъ. Я старался, какъ говорится, выудить изъ него возможно больше сообщеній о немъ самомъ, о его многочисленныхъ встрѣчахъ съ разными выдающимися людьми, о его жизни въ Петербургѣ въ 60-хъ годахъ, о ссылкѣ и побѣгѣ оттуда, о разныхъ заграничныхъ перипетіяхъ и т. д. Я многое узналъ отъ него о Чернышевскомъ, Щедринѣ, Тургеневѣ, Бакунинѣ и другихъ замѣчательныхъ людяхъ, съ которыми Лавровъ лично былъ знакомъ. Повидимому, онъ охотно разсказывалъ о прошломъ и говорилъ просто, искренно, но не пускался въ большія подробности. Помню, на меня Петръ Лавровичъ произвелъ впечатлѣніе не разсказчика по природѣ. Онъ ни о комъ не отзывался сколько-нибудь рѣзко. Даже о завѣдомо враждебныхъ ему людяхъ онъ говорилъ въ чрезвычайно сдержанномъ тонѣ, и лишь по чуть-чуть измѣнявшейся интонаціи его голоса можно бывало заключить, что данный человѣкъ ему несимпатиченъ. По всему видно было, что Петръ Лавровичъ въ высшей степени гуманный и деликатный человѣкъ.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ я наступленія каждаго слѣдующаго вторника. Мнѣ чрезвычайно пріятно, да и поучительно было провести вечеръ съ многое знавшимъ и немало на своемъ вѣку видѣвшимъ старикомъ, въ его уютномъ кабинетѣ, освѣщавшемся лампой съ абажуромъ. Съ каждымъ такимъ вечеромъ Петръ Лавровичъ становился все болѣе со мною откровеннымъ. Мнѣ хотѣлось узнать, какъ чувствуетъ себя этотъ хорошій, но совершенно одинокій старикъ, у котораго, судя по его же словамъ, не было тогда за-границей ни одного сколько-нибудь близкаго человѣка. Не помню, въ какое мое посѣщеніе, я рѣшился спросить его объ этомъ. Какъ-бы обрадовавшись моему вопросу, Петръ Лавровичъ воскликнулъ:

— Тяжело, тоскливо, непріютно чувствую себя! Временами особенно невыносимо мнѣ жить такъ, какъ теперь приходится. Нерѣдко въ такія минуты мнѣ вспоминается такая же, какъ моя, одинокая и полная лишеній старость Огарева. Не разъ уже представлялъ я себѣ, что вотъ ночью расхвораюсь и даже не смогу открыть дверь консьержкѣ, когда она придетъ утромъ съ почтой...

Въ тотъ вечеръ, помню, я ушелъ отъ Петра Лавровича въ очень грустномъ настроеніи. Но опасенія его относительно смерти въ одиночествѣ не оправдались: онъ умеръ окруженный друзьями и близкими.

Недолго продолжались эти наши вторники: совершенно

неожиданное обстоятельство заставило насъ прекратить ихъ, но оно же еще болѣе насъ сблизило, такъ такъ связало общимъ интересомъ. Разскажу о немъ по возможности подробнѣе.

VI.

Немного раньше меня пріѣхалъ въ Парижъ Левъ Гартманъ, участвовавшій, какъ извѣстно, въ устройствѣ подкопа подъ полотно Московско-Курской жел. дороги, а затѣмъ взрыва поѣзда 19 ноября 1879 г. Ему, какъ лицу, игравшему роль хозяина дома, изъ котораго проведенъ былъ подкопъ, еще значительно опаснѣе, чѣмъ мнѣ, было проживать заграницей подъ своей настоящей фамиліей. Но, конечно, среди эмигрантовъ очень скоро всѣ узнали, что, положимъ, Карловъ—главный участникъ Московскаго взрыва.

Я былъ съ Гартманомъ знакомъ еще въ Россіи. Неглупый человѣкъ, онъ являлся однимъ изъ тѣхъ, которыхъ разочаровала дѣятельность въ народѣ, потому что другіе въ ней разочаровались, и которыхъ увлекъ терроръ по аналогичной причинѣ; короче—онъ слѣдовалъ за большинствомъ. Образованіемъ, начитанностью онъ не обладалъ и, вообще, не представлялъ собою рѣшительно ничего оригинальнаго или достопримѣчательнаго; только случайность сдѣлала его очень важнымъ политическимъ преступникомъ. Въ нашей средѣ онъ слылъ за простого, исполнительнаго человѣка, обладавшаго нѣкоторыми техническими способностями, и добраго товарища, о которомъ говорятъ: рубаха парень, но звѣздъ съ неба не хватаетъ.

Гартманъ не состоялъ членомъ общества «Земля и Воля», а входилъ въ одну изъ филіальныхъ ея группъ—кажется, въ саратовскую. Когда начались споры между «деревенщиками» и сторонниками террора о наилучшемъ способѣ борьбы, Гартманъ принадлежалъ къ «хранителямъ старины», т. е. къ «деревенщикамъ». Когда же по всему видно стало, что народничество теряетъ популярность среди молодежи, онъ присоединился къ новой фракціи, да и то, по его словамъ, на время только, чтобы помочь товарищамъ своими техническими знаніями.

Въ послѣдній разъ мы видѣлись съ нимъ въ Петербургѣ вскорѣ послѣ ноябрьскаго взрыва, когда онъ, собираясь эмигрировать, захотѣлъ получить отъ меня, незадолго предъ тѣмъ пріѣхавшаго изъ-за границы, нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни тамъ.

Узнавъ о моемъ пріѣздѣ въ Парижъ, Гартманъ поспѣшилъ свидѣться со мною. Оказалось, что его свѣдѣнія по электричеству помогли ему устроиться и на чужбинѣ. Въ Парижѣ онъ встрѣтился со своимъ старымъ знакомымъ, эмигрантомъ Преферанскимъ, который, сообща съ какимъ-то русскимъ, фамилію котораго теперь не помню,—назовемъ его Петровымъ,—устроилъ маленькую мастерскую для приготовленія электрическихъ лампочекъ, каковыя они сбывали извѣстному тогда изобрѣтателю Яблочкину. Гартманъ присоединился къ этой компаніи.

Наше съ нимъ знакомство на родинѣ и одинаковыя условія жизни въ Парижѣ на «нелегальномъ положеніи» сблизили насъ другъ съ другомъ, и мы стали часто встрѣчаться. Къ тому же намъ обоимъ Парижъ былъ совершенно неизвѣстенъ; мы, поэтому, предпринимали совмѣстныя прогулки для ознакомленія съ достопримѣчательностями столицы Франціи.

Однажды, встрѣтившись съ Гартманомъ въ ихъ общей мастерской, мы условились въ ближайшее воскресенье предпринять совмѣстную прогулку. Преферанскій и его компаньонъ Петровъ вызвались также пойти съ нами, тутъ же предложивъ намъ маршрутъ.

Собравшись въ условленное время, мы позавтракали въ какомъ-то ресторанѣ, а затѣмъ отправились въ концертную залу, находившуюся вблизи Елисейскихъ полей.

У входа, растянувшись въ длинную шеренгу, стояла гуськомъ публика, желавшая войти въ залу. Мы присоединились къ ней, при чемъ, помню, Преферанскій и Петровъ стали впереди меня, а Гартманъ—позади.

Медленно приближалась шеренга къ кассѣ. Случайно обернувшись я увидѣлъ, что Гартманъ вышелъ изъ цѣпи и въ сопровожденіи какихъ-то двухъ, прилично одѣтыхъ, но совершенно незнакомыхъ намъ лицъ, направляется куда-то въ сторону.

— Куда вы?—закричалъ я.

Гартманъ обернулся, но находившіеся возлѣ него люди схватили его подъ руки. Догадавшись, что это за люди, бросился къ нимъ, закричавъ Преферанскому и Петрову: «его хотятъ арестовать!» Они немедленно также подбѣжали къ Гартману, въ котораго съ обѣихъ сторонъ вцѣпились агенты. Мы стали освобождать его, но они до того крѣпко держали его, что наши усилія оставались тщетными.

Видя нашу борьбу, кругомъ собралась большая толпа. Я обратился къ французамъ со словами что это «шпіоны, которые

въ Парижѣ хотятъ схватить политическаго эмигранта; помогите освободить его». Но они остались совершенно безучастными.

— Сбросьте съ себя сюртукъ! — закричалъ я Гартману. Когда онъ послѣдовалъ этому предложенію, намъ удалось на моментъ оторвать его отъ агентовъ, которыхъ мы держали за руки.

— Скорѣй бѣгите!—сказалъ я.

Но лишь только онъ успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ одинъ изъ агентовъ, оказавшихся очень ловкими и сильными парнями, вырвался изъ рукъ кого-то изъ насъ и, бросившись къ Гартману, вновь вцѣпился въ него, словно клещами. Когда намъ, послѣ нѣкоторыхъ усилій, удалось его освободить отъ этого человѣка, другой, вырвавшись изъ рукъ державшаго его, вновь вцѣпился въ Гартмана.

Возня эта продолжалась нѣсколько минутъ, пока появился полисменъ. На его вопросъ, въ чемъ дѣло, я вновь повторилъ свое предположеніе о намѣреніи русскихъ агентовъ схватить политическаго эмигранта.

— Пойдемте-ка всѣ къ комиссару — тамъ разберутъ!— предложилъ полисменъ.

Но мнѣ это вполнѣ естественное его предложеніе, въ виду моей собственной «нелегальности», не показалось заманчивымъ. Преферанскій почему-то также нашелъ его для себя неудобнымъ; кажется, онъ вовсе не говорилъ по-французски. Но онъ предложилъ своему знакомому отправиться въ полицейское бюро, что-бы объяснить тамъ, въ чемъ дѣло, такъ какъ Гартманъ также не говорившій по-французски, не могъ сдѣлать этого.

Петровъ послѣдовалъ за группой, уведшей Гартмана, а я съ Преферанскимъ, взявъ извозчика и попросивъ его ѣхать какъ можно скорѣе, отправились къ Лаврову.

— Это большая непріятность, которая можетъ очень худо окончиться!—сказалъ Петръ Лавровичъ, выслушавъ нашъ разсказъ.—У меня имѣется знакомый полицейскій, членъ общества позитивистовъ,—я немедленно къ нему отправлюсь и узнаю, въ чемъ дѣло.

Лавровъ назвалъ фамилію этого позитивиста-полицейскаго, но я ее теперь не помню.

Закрывъ книгу, которую онъ читалъ предъ нашимъ приходомъ, Петръ Лавровичъ быстро собрался. Помню при этомъ такой курьезъ. Натянувъ на себя довольно таки поношенный черный сюртукъ и повернувшись къ намъ спиной, онъ спросилъ, не видно-ли, что штаны его сзади прорваны? Не смотря на далеко не веселое

наше настроеніе, мы съ Преферанскимъ въ этотъ моментъ не могли удержаться отъ смѣха.

— А вы лучше, Петръ Лавровичъ, перемѣните брюки,— предложилъ я.—А то можетъ случиться, что фалды сюртука растопырятся.

— Вотъ въ томъ-то и суть, что у меня другихъ брюкъ нѣтъ!—признался онъ.

Бывшій полковникъ, профессоръ и ученый съ европейскимъ именемъ имѣлъ лишь одни, да и то прорванные брюки...

Мы съ Преферанскимъ принялись прилаживать фалды его сюртука такъ, что-бы онѣ въ критическій моментъ не выдали крупныхъ изъяновъ, имѣвшихся на штанахъ. Затѣмъ, осмотрѣвъ Петра Лавровича со всѣхъ сторонъ и успокоивъ его на счетъ его костюма, мы всѣ вмѣстѣ отправились на розыски нужнаго Лаврову человѣка.

Не буду передавать здѣсь всѣхъ перипетій предпринятой Лавровымъ агитаціи для освобожденія Гартмана, такъ какъ объ этомъ многіе уже, съ большей или меньшей точностью, разсказывали въ печати. Скажу лишь, что Петръ Лавровичъ проявилъ въ этомъ случаѣ,—какъ, впрочемъ, и во всякомъ предпріятіи, за которое онъ брался,—громадную настойчивость и неутомимую энергію. Онъ видался со многими лицами, имѣвшими значеніе, и съ всесильнымъ тогда президентомъ палаты депутатовъ Гамбеттой. На нѣсколько недѣль Петръ Лавровичъ, кажется, совсѣмъ забросилъ свои научныя занятія и нарушилъ обычный, давно имъ для себя установленный строгій режимъ, что наврядъ-ли въ теченіе тридцатилѣтняго его пребыванія въ эмиграціи еще когда-либо случалось у него.

Агитація въ пользу освобожденія Гартмана приняла неимовѣрные размѣры. По нѣсколько разъ въ день газеты выпускали спеціальныя приложенія по поводу положенія дѣла и состоянія Гартмана. Имя его непрерывно выкрикивали разносчики, и на время онъ сдѣлался самымъ популярнымъ человѣкомъ не только въ Парижѣ, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ.

Мы съ Лавровымъ видались ежедневно, а то и по нѣсколько разъ въ день, обсуждая всѣ предпринимаемые имъ шаги. Въ одно изъ такихъ моихъ посѣщеній Петръ Лавровичъ сталъ настойчиво уговаривать меня уѣхать въ Лондонъ. Въ газетахъ появилось подробное описаніе ареста Гартмана и нашей попытки освободить его, при чемъ сообщалось,—съ описаніемъ моихъ примѣтъ,—что одинъ изъ русскихъ обратился къ публикѣ съ рѣчью.

Все это вызвало у добраго Петра Лавровича опасеніе,

какъ бы и меня не схватили. Уже со дня ареста Гартмана онъ неоднократно заговаривалъ о необходимости для меня уѣхать въ Лондонъ, но я рѣшительно отклонялъ эту мысль. Предполагая, вѣроятно, что я отказываюсь изъ-за отсутствія у меня денегъ, онъ въ указанное мною посѣщеніе заявилъ:

— Вотъ я досталъ для васъ деньги, а это—письмо къ Марксу и Энгельсу; видите, я все приготовилъ; уѣзжайте поскорѣе въ Лондонъ, поживите тамъ, а когда все здѣсь успокоится, можете вернуться сюда.

Я готовъ былъ броситься на шею этому хорошему старику, до того я тронутъ былъ его заботливостью и вниманіемъ. Но отъ предложенія покинуть Парижъ я все же отказался, потому что самъ Лавровъ раньше того изобразилъ мнѣ жизнь въ Лондонѣ въ довольно непривлекательномъ свѣтѣ. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось дождаться финала агитаціи по поводу Гартмана. Не будучи увѣренъ въ благополучномъ ея исходѣ, я сообща съ двумя лицами велъ переговоры объ устройствѣ побѣга Гартмана, если бы выдача его была рѣшена французскимъ правительствомъ.

Мнѣ также хотѣлось выяснить, какимъ образомъ агенты узнали и прослѣдили Гартмана до концертной залы. Соображая всѣ обстоятельства, я остановился на предположеніи, что они заранѣе знали о приходѣ его къ этому зданію. Кто же изъ насъ троихъ могъ имъ это сообщить? Никто иной, какъ знакомый Преферанскаго, котораго я назвалъ Петровымъ. Только при этомъ условіи могло случиться, что мы четверо не въ состояніи были отбить Гартмана отъ двухъ, хотя и здоровыхъ, агентовъ. Если Петровъ былъ за одно съ агентами, то, путаясь между нами, онъ помогалъ имъ, такъ какъ выпускалъ то одного, то другого изъ нихъ, когда мы предполагали, что онъ вмѣстѣ съ нами удерживаетъ ихъ.

Преферанскій сперва энергично отрицалъ правильность моего подозрѣнія на счетъ его хорошаго знакомаго и компаньона; но когда Петровъ, до котораго, вѣроятно, дошелъ слухъ объ этихъ подозрѣніяхъ, исчезъ неизвѣстно куда, то и онъ вынужденъ былъ согласиться.

Какъ извѣстно, Гартманъ не былъ выданъ, не смотря на энергичныя хлопоты нашего правительства: въ сопровожденіи одного агента онъ былъ отправленъ въ Лондонъ. Проживъ тамъ года два и близко познакомившись съ Марксомъ и Энгельсомъ, Гартманъ переселился въ С. Ам. Соед. Штаты, гдѣ временами бѣдствовалъ. Умеръ онъ лѣтъ шесть-семь тому назадъ гдѣ-то на югѣ Соед. Штатовъ, вдали отъ всѣхъ русскихъ.

Лавровъ и еще нѣсколько русскихъ эмигрантовъ за дѣло Гартмана поплатились изгнаніемъ изъ Франціи, что для Лаврова, сросшагося со своей обширной библіотекой и Парижемъ, было большимъ лишеніемъ. Впрочемъ, недолго пришлось ему прожить въ Лондонѣ: ему частнымъ образомъ сообщено было, что онъ можетъ вернуться въ Парижъ.

Мои сношенія съ Лавровымъ не ограничились вышеописаннымъ. Въ теченіе послѣдовавшихъ за тѣмъ лѣтъ, проведенныхъ мною за границей, я велъ съ нимъ переписку, а также имѣлъ и личныя свиданія. Наиболѣе любопытными изъ послѣднихъ были по поводу переговоровъ такъ называемаго «Исполнительнаго комитета» съ такъ называемой «Добровольной дружиной» или «охраной». Но объ этомъ когда-нибудь въ другой разъ.

Левъ Дейчъ.

ТЕАТРЪ И ЦЕНЗУРА.

(Очеркъ одного англійскаго парадокса).

На одной изъ центральныхъ торговыхъ улицъ Лондона, на Гоборнѣ (Holborn), застроенной огромными зданіями новѣйшей архитектуры, сохранился домикъ, построенный еще лѣтъ триста назадъ, въ царствованіе Іакова I. Домикъ—двухъэтажный, съ остроконечными фронтончиками, съ выступившимъ наружу и нависшимъ надъ улицей верхнимъ этажемъ, съ деревянной обшивкой и подслѣповатыми, узенькими окнами, въ стилѣ эпохи Елизаветы. Общее впечатлѣніе отъ него угрюмое, какой-то придавленности и тѣсноты, и контрастъ съ сосѣдними зданіями, между которыми онъ втиснутъ, очень поразителенъ. Особенно жалкимъ кажется старый домишко въ сравненіе съ красивымъ, величавымъ зданіемъ изъ красной терракоты и гранита, выстроеннымъ недавно какъ разъ противъ его, на другой сторонѣ улицы. И замѣчательно, оба дома, старый и новый, принадлежатъ одному и тому-же страховому обществу «Prudential», которое лишь изъ уваженія къ старинѣ все еще не рѣшается снести остатокъ далекаго прошлаго и поставить на его мѣсто нѣчто болѣе нужное и красивое, и болѣе отвѣчающее требованіямъ времени. Старый домикъ на Гоборнѣ въ сущности мало кому мѣшаетъ. Никакими опасностями не грозитъ, и если онъ не даетъ такого дохода, какъ новый, то вѣдь страховое общество и не нуждается особенно въ какомъ-нибудь лишнемъ доходѣ: оно и такъ богато. На домикѣ-же между тѣмъ легко изучить старое архитектурное искусство и увидѣть, какъ далеко по внѣшности и по жилищнымъ своимъ удобствамъ Лондонъ ушелъ за послѣднія триста лѣтъ. И вотъ, «средь новыхъ поколѣній докучный гость, и лиш-

ній и чужой», стоитъ на Гоборнѣ старый домикъ, извѣстный подъ именемъ «Staple Inn», подъ названіемъ еще болѣе стариннаго происхожденія.

Такимъ именно Staple Inn'омъ среди англійскихъ учрежденій является и театральная цензура. Все кругомъ измѣнилось. Во всемъ воцарился новый духъ свободы и демократіи. Снесены и сметены всяческіе остатки абсолютизма, произвола и безправія, и на ихъ мѣсто воздвигнуты роскошнѣйшія зданія права и гражданственности. Но къ удивленію, въ назиданіе да въ предостереженіе современникамъ, втиснутой среди этихъ новыхъ сооруженій прогресса, сохранилась чуть-ли не во всей своей свѣжести должность театральнаго цензора. Свободна печать, свободны собранія, свободна пѣсня и всякія другія представленія и игры, но не свободна драма! Нѣтъ цензуры для книгъ, нѣтъ цензуры для газетъ и журналовъ, вообще нѣтъ въ Англіи цензуры для печатнаго, а тѣмъ болѣе устнаго слова, но есть цензура для слова, произносимаго съ подмостковъ театра.

Нечего говорить, что современная Англія начинаетъ энергично протестовать противъ такого порядка, и громко раздаются требованія объ уничтоженіи этого послѣдняго остатка былого абсолютизма, и уже въ 1909 г. правительство вынуждено было учредить комитетъ изъ членовъ обѣихъ палатъ для изученія вопроса о театральной цензурѣ. Отчетъ комитета съ его предложеніями вышелъ въ концѣ того-же года, и правительство, несомнѣнно, не замедлило-бы внести въ парламентъ соотвѣтственный билль, если бы, во-первыхъ, предложенія комитета встрѣтили общее сочувствіе, и если бы правительство не было тогда такъ занято бюджетной борьбой, а затѣмъ такими крупными законодательными реформами, какъ билли о страхованіи и гомрулѣ. Рѣшеніе вопроса о театральной цензурѣ невольно было отложено, но, очевидно, не надолго. Цензура продолжаетъ давать о себѣ знать; раздраженіе авторовъ растетъ, и общество, относившееся до сихъ поръ къ этому вопросу совершенно равнодушно, начинаетъ наконецъ заинтересовываться этимъ страннымъ, не отъ вѣка сего учрежденіемъ, этой одинокой тѣнью прошлаго. Можно поэтому сказать навѣрное, что дни театральной цензуры въ Англіи сочтены, и если не въ текущемъ году, то въ одинъ изъ ближайшихъ годовъ она исчезнетъ окончательно и канетъ въ ту же пропасть забвенія, въ какую ровно 220 лѣтъ назадъ (въ 1692 г.) канула здѣсь цензура печати.

Но пока она еще не исчезла, интересно познакомиться съ ея характеромъ и особенностями, столь напоминающими старую

Англію и въ то же время столь бытовыми, столь типичными для англійской жизни въ прошломъ и настоящемъ. И только познакомившись съ этими особенностями, мы поймемъ, какимъ образомъ она могла просуществовать до нашего времени и чѣмъ именно вызвано раздраженіе противъ нея въ новѣйшее время. Такое знакомство съ положеніемъ театральной цензуры въ Англіи вмѣстѣ съ тѣмъ уяснитъ и новѣйшія теченія ея драматической литературы.

II.

Въ защиту свободы слова въ Англіи произнесено было много рѣчей какъ въ парламентѣ, такъ и въ судахъ. Въ исторіи ея политической жизни хорошо извѣстны рѣчи Фокса, Шеридана, Эрскина и другихъ. Но среди нихъ выдѣляются двѣ рѣчи, сдѣлавшіяся не только достояніемъ политической исторіи и юриспруденціи, но и образцами литературы. Это—знаменитая «Рѣчь» Мильтона, Areopagitica, которую онъ, впрочемъ, устно никогда не произносилъ, въ защиту безцензурной печати (unlicensed printing), и рѣчь графа Честерфильда, извѣстнаго автора «Писемъ къ сыну», произнесенная имъ въ палатѣ лордовъ въ 1737 г. противъ закона о театральной цензурѣ.

Но судьба этихъ двухъ рѣчей не одинакова, и въ то время, какъ защита Мильтона имѣетъ теперь лишь интересъ литературнаго памятника, рѣчь Честерфильда сохранила всю свою жизненность, всю свою настоятельность и необходимость. Она еще звучитъ голосомъ современности и все еще требуетъ своего признанія на практикѣ, какъ ни сильны ея аргументы, какъ ни блестящи ея афоризмы. Лордъ Честерфильдъ былъ не противъ судебнаго преслѣдованія театральныхъ пьесъ, если пьеса оказалась противной общеустановленнымъ понятіямъ о приличіи или клеветнической. «Всякое лишнее ограниченіе непристойности это—путы на ногахъ и кандалы на рукахъ свободы. Одно изъ величайшихъ благъ, которыми мы пользуемся, одно изъ величайшихъ благъ, которыми народъ можетъ пользоваться, это—свобода. Но каждое добро въ этой жизни имѣетъ свою лигатуру зла. Непристойность это лигатура свободы. Это—кипѣніе черезъ край, наростъ. Это—пятнышко на глазу политическаго организма, и дотронуться до него можно лишь очень осторожно, съ страхомъ и опасеніемъ, чтобы не разрушить организмъ и чтобы не повредить глазу, на которомъ оно склонно появляться. Если

сцена дѣлается непристойной; если пьеса кажется клеветою на правительство или частное лицо, суды открыты и законы достаточны для наказанія виновнаго»...

Затѣмъ дальше, касаясь той-же неразрывной связи свободы съ излишней вольностью (licentiousness), Честерфильдъ настаиваетъ на осторожности съ послѣдней, чтобы не испортить первой. «Крайне трудно,—говоритъ онъ,—опредѣлить настоящую границу между ними. Подобно шелку—муарэ, свобода отливаетъ двумя цвѣтами, и трудно открыть, гдѣ начинается одинъ и кончается другой... Когда я слышу жалобы на излишнюю вольность сцены и на недостаточность нашихъ законовъ, я боюсь, что и у насъ больше основаній жаловаться на плохія мѣропріятія въ нашей политикѣ и на общій упадокъ добродѣтели и нравственности въ народѣ. Въ жизни общественной, единственнымъ средствомъ избѣжать насмѣшекъ и порицаній должно служить избѣжаніе смѣшныхъ и вредныхъ мѣръ и исканіе только тѣхъ, которыя добродѣтельны и достойны. Люди никогда не смѣются надъ тѣми, кого они любятъ и уважаютъ, и не допускаютъ надъ ними насмѣшекъ другихъ. Если-же кто и пытается насмѣхаться, то онъ самъ дѣлается предметомъ общественнаго презрѣнія и ненависти.

«Дѣйствіе и поведеніе частнаго лица могутъ пройти незамѣченными, не вызывая ни аплодисментовъ, ни упрековъ. Другое дѣло съ лицами высокопоставленными. Ихъ поступки всегда на виду и не могутъ не подвергнуться осужденію или одобренію. Вотъ почему администрація, не пользующаяся ни уваженіемъ, ни авторитетомъ въ народѣ, всегда будетъ предметомъ насмѣшекъ, какъ бы ни была велика ея власть и какъ бы произвольна она ни была. Никакіе строжайшіе запреты, никакія наказанія не сумѣютъ ее защитить отъ насмѣшекъ. Если поэтому кто либо считаетъ, что его осудили или осмѣяли въ театрѣ, пусть онъ посмотритъ на дѣла свои, и тогда онъ найдетъ причину, пусть онъ измѣнитъ свое поведеніе—и онъ найдетъ средство противъ насмѣшекъ. Никто изъ насъ не совершенъ, никто изъ насъ не можетъ считаться непогрѣшимымъ, и самый осмотрительный человѣкъ можетъ оказаться виновнымъ въ какомъ нибудь смѣшномъ поступкѣ, и то, что какое нибудь важное лицо можетъ услышать со сцены упрекъ, котораго никто изъ его друзей, по недостатку откровенности или преданности, ему лично не сдѣлаетъ, не есть непристойность, а полезная свобода... Когда человѣкъ имѣетъ несчастье навлечь на себя ненависть и презрѣніе народа, когда мѣропріятія вызываютъ чувства враждебныя, то публика въ театрѣ будетъ встрѣчать аплодисментами и будетъ считать сатирой

даже то, что вовсе не относится къ предмету общественной ненависти. Болѣе того, если даже публика не приметъ это за сатиру, то сами лица, сознающія свою вину, свою слабость или безнравственность, придадутъ пьесѣ такой смыслъ, котораго у автора и не было. Общественный воръ склоненъ принять сатиру, какъ онъ беретъ деньги, которыя никогда для него не предназначались».

Въ виду того, что въ рѣчи Честерфильда содержится почти все, что можно было сказать въ Англіи въ защиту свободы театра, то считаю не лишнимъ привести изъ нея еще нѣсколько выдержекъ, и тогда уже намъ въ дальнѣйшемъ изложеніи не придется останавливаться много на аргументахъ другихъ защитниковъ этой свободы, въ общемъ повторяющихъ лишь блестящаго оратора 1737 года.

Отвергая вообще театральную цензуру, Честерфильдъ съ одинаковымъ краснорѣчіемъ протестовалъ и противъ того порядка цензуры, который закрѣплялся законопроектомъ, т. е. противъ единоличной власти цензора, состоящаго въ придворномъ вѣдомствѣ. «Неограниченная власть судить и рѣшать, безконтрольная и безапелляціонная, находясь въ рукахъ одного лица, составляетъ такое полномочіе, которое неизвѣстно нашимъ законамъ и противорѣчитъ нашей конституціи,—говоритъ Честерфильдъ:—она выше и болѣе абсолютна, чѣмъ та власть, которую мы довѣряемъ самому королю, и слѣдовательно мы не можемъ довѣрить ее лорду-камергеру».

Честерфильдъ обратилъ вниманіе и на матеріальное положеніе драматурговъ, пьесы которыхъ на основаніи предложеннаго закона должны были быть представлены на цензуру лорда-камергера за двѣ недѣли до постановки на сценѣ.

«Талантъ, — сказалъ онъ,—это своего рода собственность, на которую цензура посягаетъ. Собственность эта принадлежитъ тому, кто ею владѣетъ и для кого она часто составляетъ единственныя средства къ жизни. Мы обязаны поощрять и покровительствовать таланту, чью бы собственность онъ ни составлялъ... Между тѣмъ раньше, чѣмъ найти покупателя, собственникъ таланта обязывается биллемъ представить свой товаръ на обшариванье въ цензуру, въ это новое акцизное управленіе, гдѣ онъ можетъ быть задержанъ двѣ недѣли, и послѣ этого товаръ можетъ оказаться запрещеннымъ и безъ рынка сбыта. И все это безъ объясненія причинъ, безъ тѣни основанія, согласнаго съ законами страны или съ законами сцены».

Свою защиту свободы сцены лордъ Честерфильдъ закон-

чилъ словами: «сцена и печать двое нашихъ наружныхъ часовыхъ. Удаляя ихъ, завязывая имъ глаза или налагая на нихъ цѣпи, мы раскрываемъ двери непріятелю».

Къ счастью для Англіи, хотя сцена оказалась ограниченной, печать осталась свободной, и этого одного «наружнаго часового» было достаточно, чтобы оберечь права народа. Но не оказавъ особаго вреда общему правовому строю въ Англіи, театральная цензура все же была ограниченіемъ права сама по себѣ, и рѣчь Честерфильда до сихъ поръ сохранила свое практическое значеніе.

III.

Лордъ Честерфильдъ, какъ мы уже сказали, произнесъ свою рѣчь въ палатѣ лордовъ въ 1737 г. До тѣхъ поръ въ Англіи театральная цензура существовала, строго говоря, нелегально. Она представляла собою остатокъ законодательства въ административномъ порядкѣ, сохранившійся съ 16-го вѣка. Въ 16-мъ вѣкѣ, при Тюдорахъ, не смотря на существованіе парламента, многія установленія, имѣвшія силу закона, издавались отъ имени Тайнаго Совѣта, или, точнѣе, отъ имени «короля въ тайномъ совѣтѣ». Въ то время въ Англіи все подлежало государственной регламентаціи, во все вмѣшивались, все ограничивали. Каждый родъ дѣятельности требовалъ особаго разрѣшенія, «патента», «привилегіи», «паспорта». Купецъ, ремесленникъ, издатель, нищій, проповѣдникъ, музыкантъ и т. д. и т. д.—должны были раньше, чѣмъ начать свою профессію, получить позволеніе; при этомъ они обязывались дѣйствовать на особыхъ условіяхъ, отъ которыхъ подъ страхомъ наказаній ни должны были уклоняться. Нечего говорить, что и театръ, тогда только что вышедшій изъ своей церковной куколки, не ускользнулъ отъ общаго административнаго наблюденія. Тайный совѣтъ, которой съ такой заботливостью опредѣлялъ, какія проповѣди англичане могутъ слушать, какія книги читать, какія платья носить, какими забавами развлекаться, не могъ, конечно, остаться равнодушнымъ къ пьесамъ и вообще къ представленіямъ, которыя могли разыгрываться на театральной сценѣ. Опредѣленной цензорской должности не было, но существовали разныя власти, которыя исполняли ея обязанности. Повидимому, до 1582 г. главнымъ цензурнымъ начальствомъ былъ тайный совѣтъ, раздѣлявшій свою власть съ звѣздной палатой, съ «коммиссарами религіи», съ лон-

донскимъ лордъ-меромъ и съ придворнымъ чиновникомъ, носившимъ титулъ Master of Revels, или, какъ онъ обозначался при назначеніи должности Генрихомъ VIII въ 1544 г., «Magister jocorum revellorum et mascorum», т. е. завѣдующій забавами, обязанность котораго состояла «въ устройствѣ веселья и сохраненіи въ то же время порядка», который въ первый періодъ своего существованія имѣлъ дѣло только съ представленіями и пьесами, предназначенными для дворцовыхъ постановокъ, и сдѣлался съ теченіемъ времени единственнымъ театральнымъ цензоромъ Англіи. Уже въ 1574 г. Елизавета, предоставляя труппѣ графа Лестера безпрепятственное право играть повсюду въ Англіи «какъ для развлеченія нашихъ возлюбленныхъ подданныхъ, такъ и ради нашей собственной утѣхи, когда мы сочтемъ нужнымъ посмотрѣть ихъ (актеровъ)», ставитъ условіемъ, чтобы «комедіи, трагедіи, интермедіи и сценическія игры были предварительно просмотрѣны и дозволены Master'омъ of Revels».

Такимъ образомъ театральная цензура оказалась въ вѣдомствѣ двора, въ которомъ она остается въ Англіи и до сихъ поръ. Master of Revels состоялъ подъ непосредственнымъ начальствомъ лорда-камергера, и когда должность перваго была уничтожена,— а это случилось въ 40-хъ годахъ 18-го вѣка,—то для цензурной обязанности лордъ-камергеръ назначалъ себѣ помощника, который уже прямо и носилъ титулъ «The Examiner of Plays» (разборщикъ пьесъ). Подъ этимъ титуломъ извѣстенъ и въ современной намъ Англіи театральный цензоръ.

Не останавливаясь на всѣхъ перемѣнахъ, которыя пережила театральная цензура до узаконенія ея въ 1737 г. парламентомъ, скажемъ лишь, что въ общемъ она поражаетъ общей безсистемностью и пестротой. Завися отъ воли одного человѣка, который и самъ никогда не былъ увѣренъ, что отъ него требуется, она была то придирчива до смѣшного, то снисходительна до полнаго самоуничтоженія. За свою цензуру Master of Revels получалъ особый доходъ въ видѣ гонорара или пошлины за каждую просмотрѣнную пьесу, и полученіе этой пошлины сдѣлалось со временемъ какъ бы главной заботой цензора. Его интересовало не столько содержаніе пьесы, сколько тѣ два фунта стерлинговъ, которые обычно прилагались къ ней за просмотръ. И пошлина эта, какъ и сама должность Master of Revels, была установлена административно, безъ всякой санкціи парламента. Даже послѣ революціи, окончательно сокрушившей въ Англіи систему законодательства въ административномъ порядкѣ, обратившей тайный совѣтъ въ мертвый трупъ и сметшей съ лица

земли звѣздную палату, цензура все-таки осталась, потому что остался лордъ-камергеръ. Во время революціи и при Кромвеллѣ театральной цензуры не существовало только потому, что не было лордъ-камергера и не было театровъ. Зато при реставраціи все опять ожило, и на сценѣ опять появился цензоръ, но настолько снисходительный, что его какъ бы и не существовало. Приблизительно, на протяженіи сорока лѣтъ, отъ 1660 г. до конца 17-го вѣка, театръ въ Англіи пользовался большей свободой, чѣмъ печать и церковный амвонъ. Пьесы ставились настолько непристойныя, что женщины рѣшались являться въ театръ лишь въ маскахъ, а въ политическомъ отношеніи откровенность доходила до того, что въ присутствіи короля давали пьесы, въ которыхъ осмѣивался дворъ и критиковались самымъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствія короля. О такомъ, напримѣръ, спектаклѣ разсказываетъ извѣстный авторъ дневника Пипсъ (Pepys). Подъ 15 апрѣля 1667 г. мы, напримѣръ, находимъ слѣдующую запись: «Попалъ въ театръ... Полнехонько, какъ никогда раньше. Пришлось простоять все время у дверей. Присутствовали король, королева, герцогъ Іоркскій и герцогиня. Давали «The Change of Crownes», пьесу Неда Говарда (шурина Драйдена), серьезную и прекрасную пьесу. Лэси игралъ провинціала, очень остроумно и откровенно ругающаго дворъ за продажу мѣстъ и за то, что онъ все готовъ дѣлать за деньги»...

По словамъ того же автора, король былъ «страшно сердитъ» (mighty angry) и запретилъ дальнѣйшую постановку этой пьесы.

Къ концу 17-го вѣка нравы въ Англіи сдѣлались болѣе строгими, и вмѣстѣ съ ними измѣнились и вкусы у театральной публики. Раздались требованія большей сдержанности выраженій, большаго уваженія къ установленнымъ религіознымъ, политическимъ и соціальнымъ авторитетамъ, и требованія эти нашли себѣ выраженіе въ небольшой книжкѣ пастора Джереми Кольера, появившейся въ 1697 г. и озаглавленной «A Short View of the Immorality and Profanenes of the English Stage» (Бѣглый взглядъ на безнравственность и кощунство англійской сцены). Нападки Кольера, очевидно, отвѣчали вновь народившемуся настроенію общества. Иначе трудно себѣ объяснить огромный тогдашній успѣхъ этой книжки, отличающейся крайней узостью взглядовъ и полной дѣтскихъ мыслей. Какъ бы то ни было, книжка эта ознаменовала собою возвратъ театральной цензуры. Стушевавшійся за прежній періодъ Master of Revels опять сталъ проявлять себя и, находя поддержку въ общественномъ мнѣніи,

потребовавшемъ «чистой» сцены, смѣло заработалъ цензурными чернилами, и въ усердіи своемъ дошелъ даже до того, что не допустилъ разъ къ постановкѣ шекспировской трагедіи «Ричардъ III», потому что убійство короля Генриха IV Ричардомъ заставило бы публику вспоминать объ изгнанномъ королѣ Іаковѣ, жившемъ тогда во Франціи!

Однако, особенно долго это цензурное рвеніе не продолжалось, и хотя лордъ-камергеръ позволялъ себѣ распоряжаться театрами, какъ своей собственностью, содержаніе пьесъ оставалось почти нетронутымъ.

Въ началѣ 18-го вѣка англійское общество уже слишкомъ сжилось съ правовымъ строемъ, слишкомъ далеко ушло отъ вѣка административнаго законодательства, чтобы безусловно подчиняться какому-то «Master'у of Revels» и лорду-камергеру, не имѣющимъ за собою санкціи парламента или суда. Многіе театры, поэтому, мало-по-малу совершенно перестали обращать вниманіе на существованіе предварительной цензуры и ставили пьесы, никогда не представлявшіяся на разсмотрѣніе цензуры. Съ другой стороны и Master of Revels и его начальникъ лордъ-камергеръ, чувствуя слабость своей позиціи, настаивали на своихъ правахъ лишь до тѣхъ поръ, покуда имъ уступали, а уступали имъ потому, что патентъ на содержаніе театра все же зависѣлъ отъ лорда-камергера, и, слѣдовательно, не совсѣмъ удобно было ссориться съ нимъ. Идти-же въ судъ они не рисковали. Вотъ въ такомъ-то нелегальномъ положеніи театральная цензура просуществовала до 1737 г. Къ тому времени особенно расцвѣла политическая сатира на сценѣ, и главнымъ предметомъ насмѣшекъ сдѣлался первый министръ, серъ Робертъ Вальполь, который усвоилъ систему откровеннаго подкупа членовъ парламента и вообще оппозиціи. Особенно рѣзко былъ онъ осмѣянъ въ двухъ пьесахъ Генриха Фильдинса «Pasquin», поставленной во 1736 г., и «Historical Register», поставленной въ 1737 г. Въ обѣихъ этихъ пьесахъ, изображающихъ какъ бы репетицію представленій съ участіемъ авторовъ пьесъ, подкупъ избирателей и другихъ лицъ, отъ которыхъ могла зависѣть участь министерства, игралъ главную роль, а въ одной изъ нихъ дѣйствующее лицъ подъ именемъ «Quidam» довольно прозрачно изображало собою перваго министра. По словамъ историковъ англійской сцены, именно пьеса «Historical Register» переполнила чашу терпѣнія Вальполя, и онъ рѣшилъ придать театральной цензурѣ болѣе прочное положеніе, облекши ее новою, обязательною

силою закона, вмѣсто обветшалой традиціи, на которую перестали обращать вниманіе.

Съ цѣлью быстраго и рѣшительнаго воздѣйствія на парламентъ, который и при системѣ подкуповъ все-же оставался довольно строптивымъ, когда рѣчь шла объ ограниченіи свободъ, серъ Робертъ Вальполь воспользовался какой-то пьесой въ рукописи, названной «The goldon Rump», какъ образцомъ безграничнаго цинизма, клеветы и непристойности. Эту пьесу, будто-бы, какой-то анонимный авторъ представилъ на усмотрѣніе антрепренера Гиффорда, который считалъ ее настолько изъ ряду вонъ выходящей по дерзости по отношенію къ королю и министрамъ, что не осмѣлился принять ее, не посовѣтовавшись раньше съ Вальполемъ. Злые языки говорятъ, что все это было подстроено самимъ Вальполемъ, что, быть можетъ, онъ самъ или Гиффордъ и сочинили эту пьесу. Какъ бы тамъ ни было, принесши рукопись въ палату общинъ и показывая ее всѣмъ членамъ парламента, Вальполь заявилъ, что только благодаря честности и лояльности Гиффорда, король и его министры избѣгли публичныхъ оскорбленій, какія имъ готовилъ анонимный авторъ. А такъ какъ не всякій антрепренеръ такъ любезенъ, какъ Гиффордъ, то для пресѣченія въ будущемъ возможности такихъ оскорбленій, нужно поспѣшить съ закономъ о театральной цензурѣ. Парламентъ попалъ въ ловушку, и черезъ какихъ нибудь десять дней, не смотря на блестящую рѣчь лорда Честерфильда, выдержки изъ которой нами даны выше, билль о цензурѣ прошелъ черезъ всѣ стадіи и сталъ закономъ, а Гиффордъ за «лояльность« получилъ 1000 ф. стерлинговъ.

Замѣчательно, что и съ «вещественнымъ доказательствомъ», съ этой пьесой «The golden Rump» Вальполь все-же какъ-то не смѣлъ предложить откровенно предварительную театральную цензуру, а прибѣгъ къ содѣйствію стараго закона, изданнаго въ царствованіе Анны о «бродягахъ, смутахъ и закоренѣлыхъ попрошайкахъ». Предложенный Вальполемъ билль былъ озаглавленъ лишь какъ «объясненіе и исправленіе» именно этого акта о «бродягахъ», хотя рѣшительно ничего общаго не имѣлъ съ нимъ, если не считать того, что во время королевы Анны уличныя и бродячія труппы актеровъ приравнивались вообще къ классу «бездѣльниковъ, попрошаекъ и бродягъ».

Въ своемъ «объясненіи и исправленіи» Вальполь оставляетъ цензуру по прежнему въ рукахъ лорда-камергера, которому антрепренеры обязываются присылать на просмотръ всѣ пьесы за 14 дней до ихъ исполненія на сценѣ, при чемъ постановка

не процензурованной пьесы влечетъ за собою штрафъ въ 50 ф. ст. и уничтоженіе разрѣшенія на открытіе театра. Такимъ образомъ право цензорскаго усмотрѣнія, принадлежавшее въ 16-мъ и 17-мъ вѣкахъ звѣздной палатѣ, тайному совѣту, епископу, лордъ-меру, Master'yof Revels и лично королю въ 18-мъ вѣкѣ перешло къ чиновнику. Въ первый годъ публика протестовала противъ новаго закона и освистывала пьесы, подвергшіяся предварительной цензурѣ, но все же продолжала посѣщать театры и вскорѣ совсѣмъ успокоилась. Въ 1843 г. въ законъ Вальполя внесены незначительныя измѣненія. Вмѣсто 14 дней установленъ срокъ въ семь дней для представленія пьесы ранѣе постановки, а право запрещенія пьесы оговорено словами: «во всѣхъ случаяхъ, когда по мнѣнію лорда-камергера оно (запрещеніе) необходимо въ видахъ сохраненія добрыхъ манеръ и приличія или общественнаго спокойствія».

Какъ видите, гарантія для драматуровъ не большая. Во всемъ же прочемъ цензура сохранила основы закона 1736 г. Однако, если можно себѣ объяснить появленіе этого закона послушностью продажнаго и обманутаго парламента, то чѣмъ объясняется то, что ограниченіе свободы театра, предпринятое въ 1736-мъ г., осталось по сей день? Откуда эта живучесть театральной цензуры въ странѣ, гдѣ всякая другая цензура давно уничтожена, гдѣ общественное мнѣніе относится съ такой враждебностью ко всякимъ попыткамъ господства бюрократіи и личнаго усмотрѣнія власти?

IV.

Прежде всего терпѣливое отношеніе англичанъ къ театральной цензурѣ объясняется тѣмъ, что она не такъ страшна, какъ можно было бы думать, судя по цензурѣ въ другихъ странахъ. Драматическая цензура въ Англіи растворяется, такъ сказать, въ общей свободѣ слова и печати. Запрещенная къ постановкѣ пьеса можетъ появиться въ печати и распространяться на книжномъ рынкѣ безвозбранно, при чемъ автору ея предоставляется полная возможность въ предисловіи или въ газетахъ и другихъ изданіяхъ полемизировать съ цензоромъ и порицать, высмѣять и осудить его, насколько у него хватаетъ силъ и умѣнья. Если поэтому пьеса богата идеями и красивыми образами, то она дѣлается достояніемъ общества и помимо театра.

Но что еще важнѣе, цензоръ драматическій далеко не все-

силенъ въ Англіи даже въ отношеніи театральной постановки. Его власть простирается лишь на «публичныя» представленія, а не на «частныя». Разница-же между тѣми и другими можетъ быть сведена лишь къ одной пустой формальности, къ одной фикціи, какими такъ изобилуетъ англійское право. Частнымъ представленіемъ считается такое, на которое публика пускается безплатно, при чемъ, конечно, можно что нибудь «пожертвовать» или уплатить «членскій взносъ» въ «общество», устраивающее для своихъ членовъ безплатный спектакль. Такимъ образомъ, напримѣръ, пьеса Эдена Филпотса «The secret woman», запрещенная цензоромъ въ началѣ прошлаго (1912) года, потому что авторъ не согласился на смягченіе въ ней двухъ-трехъ фразъ, была тогда-же поставлена «частнымъ» образомъ шесть разъ въ томъ же театрѣ «Kingsway», на сценѣ котораго ее собирались ставить съ разрѣшенія цензуры «публично». Публика была приглашена «безплатно», хотя на самомъ дѣлѣ больше половины мѣстъ было заранѣе распредѣлено между лицами, «подписавшимися» на расходы.

Около того же времени запрещенная пьеса Тангвилля «The Netl Religion» была дана два раза передъ «членами общества», спеціально учрежденнаго для постановки этой пьесы, т. е. вмѣсто платы за билеты, лица, желавшія присутствовать на представленіи, вносили «членскій взносъ», который не былъ ограниченъ и какъ то страннымъ образомъ совпадалъ съ обычными театральными цѣнами на избранныя ими мѣста. Членъ общества, занимавшій кресло, платитъ какъ бы за кресло, а сидѣвшій на галлереѣ, платилъ за мѣсто въ галлереѣ, хотя всѣ «члены» были равноправны, какъ водится во всякомъ литературномъ или иномъ обществѣ.

Кстати, пьеса Филпотса не только была поставлена вопреки требованію цензора измѣнить кое-какія мѣста, но и вызвала энергичный протестъ, подписанный 24 извѣстными англійскими литераторами (Вил. Арчеръ, Джеромъ, Коннанъ-Дойлъ, Пинеро, Тангвилль, Бернардъ Шоу, Уэллсъ и др.) и помѣщенный въ «Times» 14 февр. 1912 г. Авторы протеста, выступивъ въ защиту коллеги, не пожалѣли сарказма и самой ѣдкой ироніи, направленной противъ лорда-камергера, номинально отвѣчающаго за цензуру, хотя фактически дѣло ведетъ подчиненный ему чиновникъ.

«Никогда за эти годы, въ теченіе которыхъ Филпотсъ выступалъ, какъ авторъ романовъ, никто не разу не сказалъ слова противъ его добраго имени, но вотъ стоило ему написать пьесу, передѣланную изъ его же романа, какъ онъ оказывается во вла-

сти чиновника, настолько ничего не понимающаго, что не умѣетъ его цѣнить. Мы только говоримъ, что лордъ-камергеръ ничего не понимаетъ. Мы не сомнѣваемся въ его добрыхъ намѣреніяхъ, когда онъ учитъ насъ, какъ исправлять наши сочиненія къ полному его удовлетворенію, и мы увѣрены, что онъ не понимаетъ, какъ глубоко онъ насъ оскорбляетъ, когда онъ предлагаетъ спасти насъ отъ насъ самихъ, исправивъ себя келейнымъ образомъ... Быть можетъ, нѣтъ въ современной Англіи такого прекраснаго поприща для писателя, какъ сцена. Но въ то время, какъ всякая другая литературная карьера свободна, на пути къ драматической стоитъ слѣпой быкъ. Мы употребляемъ это выраженіе не въ отношеніи къ лицу, занимающему должность, а въ отношеніи самой должности».

Затѣмъ, пьеса, запрещенная въ Англіи, можетъ свободно ставиться въ одномъ изъ театровъ въ Ирландіи, гдѣ законъ о драматической цензурѣ, какъ изданный еще до сліянія парламентовъ Англіи и Ирландіи, не дѣйствуетъ. И напримѣръ, драма Бернарда Шоу «The Showing up of Blanco Posnet», не допущенная къ постановкѣ безъ нѣкоторыхъ измѣненій въ Лондонѣ, шла свободно въ Дублинѣ.

Но не только есть возможность познакомиться со сцены или въ печати съ запрещенной пьесой, но и само запрещеніе весьма недолговѣчно, если только оно кажется для общества стѣснительнымъ. То и дѣло цензоръ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, отмѣняетъ собственные свои запреты. Общественное мнѣніе въ Англіи настолько властно и могуче, что ему безусловно подчиняются не только правительство и парламентъ, которые вѣдь по натурѣ своей являются лишь выраженіемъ его, но и чиновникъ, призванный лишь исполнять волю начальства. И тутъ мы подошли къ одной изъ особенностей англійскаго цензора, кореннымъ образомъ отличающей его отъ его собратьевъ въ другихъ странахъ. Драматическій цензоръ въ Англіи творитъ не волю начальства, а олицетворяетъ собою уровень обывательскихъ требованій. Не смотря на то, что постъ лорда-камергера политическій и при смѣнѣ партій мѣняется, лицо, занимающее этотъ постъ, должность цензора, подчиненнаго лорду-камергеру, ничего общаго съ направленіемъ политики не имѣетъ. Цензоръ назначается лордомъ-камергеромъ пожизненно. Партіи мѣняются, самъ лордъ-камергеръ уступаетъ свое мѣсто другому, но цензоръ или, точнѣе, «разборщикъ пьесъ» остается.

О томъ, какъ самъ цензоръ смотритъ на свои обязанности, видно изъ отчетовъ разныхъ парламентскихъ комитетовъ, изслѣ-

довавшихъ театральный вопросъ. Эти комитеты засѣдали въ разные времена, а послѣдніе три въ 1866, 1892 и 1909 годахъ. Изъ нихъ спеціально цензорскому вопросу былъ посвященъ комитетъ 1909 г., первые же два разсматривали театральный вопросъ съ точки зрѣнія пожарной безопасности и административной, имѣя дѣло лишь съ зданіями, гдѣ даются спектакли, и съ разрѣшеніями на открытіе театровъ, но не съ содержаніемъ пьесъ. Но и комитеты 1866 и 1892 гг. не обошли вовсе молчаніемъ цензуру и, пригласивъ драматическихъ цензоровъ, выслушали, между прочимъ, ихъ мнѣнія насчетъ разрѣшенія пьесъ къ постановкѣ. И вотъ, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ цензоровъ, мистеръ Пиготтъ, дающій показанія передъ комитетомъ въ 1892 г. и на котораго то и дѣло ссылался его преемникъ Редфордъ, допрошенный въ комитетѣ 1909 г., слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ предѣлы своей компетенціи: «Конечно,—сказалъ онъ,—въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ ошибки въ сужденіяхъ неизбѣжны. Но можно принять за достовѣрное, что ошибки разборщика пьесъ въ Англіи всегда будутъ въ сторону не суровости, а крайняго снисхожденія, по той простой причинѣ, что попробуй онъ натянуть вожжи, какъ онѣ у него сейчасъ же лопнутъ».

Говоря иначе, драматическій цензоръ въ Англіи обязанъ руководствоваться общимъ настроеніемъ.

Этотъ-же самый Пиготтъ, отвѣчая на вопросъ предсѣдателя, какъ называется его должность—рѣшительно запротестовалъ противъ именованія его «цензоромъ». «Я—examiner of stage plays» (разборщикъ сценическихъ пьесъ);—сказалъ онъ,—и прошу у комитета позволенія высказать протестъ противъ термина «цензоръ», который звучитъ непріятно и можетъ быть употребленъ въ очень непріятномъ смыслѣ. Для многихъ это напоминаетъ звѣздную палату, инквизицію и всякаго рода старинныя учрежденія, между тѣмъ какъ моя должность просто должность «разборщика».

«Принципы, на которыхъ дѣйствуетъ цензура,—докладывалъ дальше Пиготтъ,—заключаются въ слѣдующемъ: избѣжать хотя бы и малѣйшаго намека на легкомысленное и придирчивое вмѣшательство въ дѣла дирекціи театра; не тратить престижа на мелочи; дѣйствовать по возможности черезъ личныя сношенія или посредствомъ конфиденціальной переписки съ директорами, а иногда съ самими авторами. Однимъ словомъ, избѣгать ненужныхъ треній».

«Я никогда не считалъ своимъ правомъ или долгомъ,—сообщалъ онъ далѣе,—мѣшать самой широкой свободѣ абстрактныхъ политическихъ мнѣній или чувствъ, какія могутъ быть вы-

сказаны на сценѣ, но случалось, что я позволялъ себѣ обращаться къ мыслящимъ директорамъ съ совѣтомъ, не находятъ-ли они сами, что въ странѣ и въ обществѣ, переполненныхъ политикою такъ, какъ мы переполнены, публика менѣе всего нуждается въ томъ, чтобы обратить театры въ политическія арены, и по отсутствію настоящаго остроумія и юмора, глупыми и грубыми шутками сдѣлать изъ сцены позорный столбъ для общественныхъ дѣятелей».

Мы уже знаемъ, что думалъ объ этомъ лордъ Честерфильдъ за полтораста лѣтъ до Пиготта. Мы знаемъ, что, по мнѣнію этого современника Вальполя, винить въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ не сцену, а тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые ведутъ себя такъ, что вызываютъ насмѣшки. Но вѣдь Пиготтъ былъ цензоромъ, а не противникомъ цензуры, и мы привели здѣсь его слова, чтобы показать, что мнѣніе его, хотя и вполнѣ достойное его званія и должности, далеко не дѣлаетъ его тѣмъ суровымъ церберомъ у дверей театра, какимъ вообще представляютъ себѣ типъ цензора. Пиготтъ не охраняетъ ту или другую политику, онъ не состоитъ стражемъ консерватизма или либерализма. Вообще какой-либо «измъ» англійскому цензору совершенно чуждъ. Онъ знаетъ только то, что «прилично» для сцены и что «неприлично». А оцѣнкѣ же того, насколько та или другая вещь или фраза соотвѣтствуетъ требованіямъ приличія, онъ руководствуется не указаніями начальства, не теоретическими теченіями и политическими симпатіями, а взглядами средняго обывателя. Въ этомъ кроется и все достоинство и весь недостатокъ англійской драматической цензуры. Какъ обывательская, она идетъ слѣдомъ за вкусами большинства; она старается всегда попасть въ тонъ его и ничѣмъ не стѣснять театръ. Но эта-же обывательщина или, говоря моднымъ словомъ, буржуазность цензора настраиваетъ его враждебно противъ всего, что выходитъ за кругъ обычныхъ вкусовъ и представленій, что составляетъ новшество и можетъ угодить лишь избранному меньшинству.

Преемникъ Пиготта, давшій показанія передъ комитетомъ 1909 года, подтвердилъ и еще больше развилъ взгляды своего предшественника на обязанность англійскаго драматическаго цензора. Мы поэтому перейдемъ теперь къ этимъ показаніямъ, какъ и къ другимъ фактамъ, которые окончательно выяснятъ намъ, какъ причину живучести цензуры въ Англіи, такъ и причину возрастающаго къ ней антагонизма.

V.

Чисто, такъ сказать, обывательскій характеръ англійскаго драматическаго цензора выступаетъ ярко уже въ системѣ его назначенія. Это не чиновникъ, выслужившійся передъ начальствомъ и добивающійся его благосклонности. Это и не особый знатокъ драматической литературы, не выдающійся критикъ или писатель, имѣющій хотя и односторонніе, но все же культурно - выработавшіеся профессіональные вкусы и теоріи. Это просто обыватель, занимавшійся раньше чѣмъ угодно и попавшій на должность examiner of plays по знакомству. Почти всѣ они назначаются на эту должность уже на склонѣ лѣтъ, испробовавъ всякія другія карьеры и ни въ одной изъ нихъ не достигнувъ значительнаго успѣха. Они какъ-бы нарочно вербуются изъ неудачниковъ, изъ людей никогда никакой яркостью взглядовъ не грѣшившихъ, изъ среднихъ обывателей, достаточно интеллигентныхъ, чтобы слѣдить за ходомъ пьесы и понять общій смыслъ ея, и въ то же время достаточно «свободныхъ отъ подвиговъ духовныхъ», чтобы не мудрствовать лукаво. Такъ напримѣръ, преемникъ Пиготта, мистеръ Редфордъ, служилъ раньше въ какомъ то банкѣ. Онъ былъ близкимъ другомъ Пиготта, часто помогалъ ему читать представленныя на разрѣшеніе пьесы; одно время, по случаю отъѣзда Пиготта, даже исполнялъ его обязанности и «естественно», что когда тотъ умеръ, лордъ - камергеръ назначилъ на его мѣсто бывшаго банковскаго служащаго.

Нечего говорить, что члены комитета чрезвычайно заинтересовались этимъ откровенно-обывательскимъ способомъ назначенія лица на должность, которая въ обычномъ представленіи держитъ судьбы драмы и театровъ въ своихъ рукахъ. И вотъ нѣкоторые изъ заданныхъ цензору вопросовъ и отвѣты его:

Вопросъ: Требуется-ли какой-либо экзаменъ для вашей должности?

Отвѣтъ: Лично я ни о какихъ экзаменахъ не знаю.

— Собираются-ли какія-либо предварительныя свѣдѣнія?

— Никакихъ.

— Не справляются и объ образовательномъ цензѣ?

— Лордъ-камергеръ, бывшій тогда въ должности, несомнѣнно былъ удовлетворенъ насчетъ моей компетентности, если рѣчь у васъ идетъ о ней.

— Я вообще касаюсь лишь принятыхъ порядковъ. Когда,

напримѣръ, назначаютъ помощника учителя, то отъ него требуется извѣстный аттестатъ. Этотъ порядокъ, очевидно, не имѣетъ мѣста въ конторѣ лорда-камергера?.. Чѣмъ-же вы раньше занимались?

— Я былъ управляющимъ банка.

Лишенный какихъ-либо теоретическихъ принциповъ, которые руководили бы взглядами его на дозволенное и недозволенное, цензоръ въ то же время лишенъ, по свидѣтельству того-же Редфорда, какихъ-либо инструкцій. Онъ всецѣло предоставленъ «прецедентамъ и обычаямъ» и собственному своему «разуму и опыту». Можно себѣ поэтому представить, какова должна быть безсистемность и совершенная произвольность, наблюдаемыя въ дѣйствіяхъ англійскаго драматическаго цензора. И дѣйствительно, онъ, напримѣръ, запрещаетъ «Монну Ванну» и пропускаетъ «The Devil», которая во всѣхъ почти отношеніяхъ повторяетъ главную фабулу первой, и когда членъ комитета Робертъ Гаркоуртъ спрашиваетъ, чѣмъ онъ руководствовался, онъ можетъ только отвѣчать, что первая (Monna Vanna) — вещь литературная, а вторая ничтожная, крикливая мелодрама. И невольно у Гаркоурта вырвался слѣдующій вопросъ:

— Такъ что литературная вещь вами осуждается, какъ негодная, а ничтожная мелодрама проходитъ. Не такъ-ли?

Цензоръ молчитъ, и другой членъ комитета повторяетъ вопросъ:

— Не въ этомъ-ли заключается принципъ, которымъ руководствуетесь?

— О, нѣтъ! Конечно, нѣтъ, — отвѣчаетъ, наконецъ, цензоръ.

— Въ чемъ-же принципъ вашъ?—спрашиваетъ Гаркоуртъ.

И цензоръ признается, что онъ вообще забылъ уже, чѣмъ онъ тогда руководился.

Онъ также запрещаетъ пьесу Бернарда Шоу «Mrs. Warren's Proffession», въ которой рѣчь идетъ о торговлѣ проституціей, и пропускаетъ «The Christian» Голлъ Кэна, трактующую ту же тему. Онъ разрѣшаетъ къ постановкѣ драму на библейскую тему «Eager Heart», и запрещаетъ пьесу на ту же тему «Bethlehem». Пигготъ запрещаетъ почти всѣ ибсеновскія драмы, а Редфордъ ихъ всѣ пропускаетъ безъ исключенія. Такихъ цензурныхъ противорѣчіи было указано на засѣданіяхъ комитета 1909 года не мало. Но и въ этихъ противорѣчіяхъ, какъ и въ безуміи Гамлета, «есть методъ». Они всѣ объединяются той буржуазностью, тѣмъ средне-обывательскимъ характеромъ, кото-

рые отличаютъ драматическую цензуру въ Англіи. Лозунгъ цензора—это «приличіе», поверхностная приглаженность, не мозолящая глазъ, не рѣжущая ухо. Дѣло не въ содержаніи, а въ формѣ. Пусть проповѣдуютъ со сцены, что угодно, пусть передъ глазами зрителя развертывается самая глупая или вредная белиберда. Суть не въ ней, а въ томъ, нарушаются ли ею общепринятыя формы жизни, или нѣтъ. Такъ, напримѣръ, въ отношеніи политики важно не то, что говорится на сценѣ, а то, задѣвается ли откровенно личность какого-либо политическаго дѣятеля. Вотъ почему либретто Гильберта, какъ «Jolanthe», въ которомъ съ такой ѣдкостью были осмѣяны палата лордовъ, лордъ-канцлеръ и другіе министры, или его-же «The Pirates of Penzance», «The Mikado» и прочія сатирическія оперетты, полныя насмѣшекъ надъ придворными, генералами, адмиралами и судьями, прошли черезъ драматическую цензуру безъ малѣйшей запинки, а «Press Cuttings» Бернарда Шоу, являющаяся слабымъ подражаніемъ гильбертовскаго юмора, была запрещена. Дѣло въ томъ, что у Гильберта все «прилично». У него все происходитъ въ фантастической обстановкѣ, съ фантастическими именами, а у Бернарда Шоу «неприлично», такъ какъ, кромѣ того, что все происходитъ въ весьма реальной обстановкѣ, въ Лондонѣ, дѣйствующія лица носятъ у него слишкомъ явно имена живыхъ дѣятелей: Баскитъ (Асквитъ), Митченеръ (Китченеръ), Белла-Кристина (Изабелла Панкгерстъ).

Въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго вѣка на сценѣ одного изъ лондонскихъ театровъ шелъ какой-то фарсъ, содержавшій пѣсню о лордѣ Рандольфѣ Черчилѣ (отцѣ нынѣшняго перваго лорда адмиралтейства). Актеръ, пѣвшій ее, былъ загримированъ въ видѣ предмета пѣсни, который назывался еще къ тому весьма прозрачнымъ именемъ Randy-Pondy. Драматическій цензоръ эту пѣсню, составлявшую явную шутку надъ живымъ тогда выдающимся политическимъ дѣятелемъ, запретилъ, но когда вмѣсто имени Randy-Pondy поставили имя Jack-a-Dandy, то хотя и содержаніе и гримъ остались прежніе, пѣсня сразу стала «приличной», и пьеса съ ней была дозволена.

Нѣсколько лѣтъ назадъ большимъ успѣхомъ пользовался въ Лондонѣ фарсъ «Orchid», въ которомъ въ насмѣшливомъ видѣ изображался Чемберленъ, подъ именемъ Честертона. Пьеса была пропущена, потому что, какъ объяснялъ въ комитетѣ въ 1909 г. цензоръ, тутъ не было явнаго воспроизведенія портрета Чемберлена.

— Конечно, — прибавилъ онъ, — если кто изъ публики принималъ его за Чемберлена, то пусть себѣ.

Нужно сказать, что если цензоръ не получаетъ какихъ-либо опредѣленныхъ инструкцій и всецѣло предоставленъ собственному такту и пониманію, то театръ, получая разрѣшеніе на открытіе, получаетъ въ то же время общія указанія и насчетъ своего поведенія. Не останавливаясь здѣсь на всѣхъ порядкахъ, касающихся разрѣшеній на открытіе театровъ, и на подраздѣленіи ихъ на разныя категоріи, изъ которыхъ иныя, какъ такъ называемые «music-halls», совершенно свободны отъ всякой цензуры, скажемъ лишь, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Лондона драматическіе театры подлежатъ юрисдикціи лорда-камергера, а въ другихъ частяхъ Лондона, какъ и въ провинціи, зависятъ отъ городскихъ и земскихъ управленій. И вотъ, на оборотѣ всякаго разрѣшенія, которое выдается конторою лорда-камергера на право содержанія театра, имѣется слѣдующая надпись: «Не позволяется на сценѣ кощунственный или неприличный языкъ. Не позволяются неприличные костюмы, танцы или жесты. Не позволяются оскорбительныя личности или изображенія живыхъ лицъ, и ничего такого, что разсчитано на учиненіе безпорядка и нарушеніе спокойствія.

Какъ видите, тутъ рѣчь идетъ не объ «анти-правительственномъ», не объ «анти-религіозномъ», или «безнравственномъ», а самомъ очевидномъ и ясномъ, одинаково признанномъ всѣми партіями и религіями, всѣмъ обществомъ. Неприличный жестъ, неприличный языкъ, оскорбительныя личности, или учиненіе безпорядка — все это недопустимо, съ какой бы точки зрѣнія ни разсуждать. Въ современномъ обществѣ, при современныхъ нравахъ общество требуетъ соблюденія такого рода приличія, и англійскій цензоръ именно и судитъ о предоставляемыхъ ему пьесахъ только съ точки зрѣнія общепринятыхъ представленій о приличіи. Конечно, у цензора можетъ оказаться недостаточно такта, онъ можетъ ошибаться, но онъ кость отъ кости и плоть отъ плоти не своего начальства, а общества. И въ этомъ его сила. И насколько его взгляды гармонируютъ съ господствующими въ обществѣ вкусами, показываетъ уже тотъ фактъ, что когда цензоръ Редфордъ подалъ въ отставку, его пригласила въ цензора ассоціація фабрикантовъ, изготовляющихъ ленты для кинематографовъ. Послѣдніе никакой цензурѣ въ Англіи не подчинены, но въ виду жалобъ на развращающее вліяніе нѣкоторыхъ кинематографныхъ картинъ, сами фабриканты рѣшили учредить, съ 1-го января 1913 года, совѣтъ ленточной цензуры, во

главѣ котораго, съ жалованіемъ въ 1000 ф. ст. въ годъ, они поставили стараго Редфорда, набившаго руку на драматической цензурѣ. Театры, гдѣ даются кинематографныя представленія, запасшись свидѣтельствомъ цензора, снимутъ съ себя нареканія въ дурномъ вліяніи на молодежь своими сценами изъ быта воровъ и разбойниковъ, или сценами супружеской невѣрности и любовныхъ исторій и т. под., а посѣтитель, въ свою очередь, будетъ имѣть нѣкоторую гарантію въ томъ, что ему покажутъ нѣчто приличное и занятное.

Но при всей безобидности англійской драматической цензуры она начала вызывать противъ себя, въ послѣднія 10 или 15 лѣтъ, сильный протестъ со стороны драматурговъ. Пусть себѣ общество, съ его буржуазной моралью и старыми художественными и литературными традиціями, довольно своимъ театральнымъ цензоромъ. Новая драма знать его не хочетъ. Она отрицаетъ его мораль, не признаетъ его сужденій о кощунственности языка и тяготится какими бы то ни было ограниченіями. Вмѣстѣ съ возрожденіемъ англійской драмы выросло и чувство собственнаго достоинства у драматурга, и онъ считаетъ просто обиднымъ для себя дать на просмотръ рукопись какому-то маленькому чиновнику въ конторѣ лорда-камергера, который беретъ на себя смѣлость сказать, моральна или не моральна пьеса, написанная извѣстнѣйшимъ авторомъ. Это все было возможно тогда, когда англійская сцена пробавлялась одними передѣлками съ французскаго, слезливыми никчемными мелодрамами и пустыми фарсами. У прежнихъ авторовъ не только не могло быть какихъ-либо столкновеній съ цензурой, но не было и авторской гордости, той самоувѣренности въ «прокладываніи новыхъ путей», въ созиданіи новыхъ драматическихъ формъ и образовъ, какая, несомнѣнно (правильно или нѣтъ — другой вопросъ), переполняетъ нынѣшнихъ Пинеро, Голеворти, Бернарда Шоу и многихъ другихъ. И на драматическую цензуру, которая существовала до сихъ поръ, скромно запрятавшись среди современныхъ свободныхъ учрежденій, и о которой мало кто зналъ, кромѣ непосредственно заинтересованныхъ въ ней театральныхъ директоровъ и авторовъ, было обращено вниманіе общества. Новые драматурги не могли уже мириться съ нею и подняли шумъ. Драматическій цензоръ показался имъ не только вреднымъ и обиднымъ для авторовъ, но и нарушеніемъ англійской конституціи и остаткомъ абсолютизма, уничтоженіе котораго составляетъ долгъ всякаго гражданина въ Англіи. Къ драматургамъ присоединились и другіе выдающіеся писатели, которые и напечатали въ октябрѣ 1907 г.

въ англійскихъ газетахъ энергичный протестъ противъ драматической цензуры.

«Мы предъявляемъ формальный протестъ,—говорилось въ заявленіи, подписанномъ 71 литераторомъ,—противъ этой должности, учрежденной съ политической, а не съ моральной цѣлью, къ которой ее послѣ приладили, противъ должности, самодержавной по процедурѣ, враждебной духу конституціи и противной общепринятой справедливости и здравому смыслу.

«Мы протестуемъ противъ власти, — порученной одному чиновнику, который судитъ втихомолку и на приговоръ котораго нѣтъ апелляціи, — бросить тѣнь на доброе имя и разрушить средство къ жизни любого члена благородной профессіи писательской...

«Мы требуемъ, чтобы наше искусство было поставлено на одну ногу съ другими искусствами, и чтобы мы сами пользовались одинаковымъ закономъ съ другими гражданами».

Прямымъ результатомъ поднятой литераторами агитаціи противъ драматической цензуры и было назначеніе столь часто упоминавшагося здѣсь парламентскаго комитета въ 1909 г. для изслѣдованія поднятаго вопроса. Комитетъ, состоявшій изъ пяти членовъ палаты лордовъ, выслушалъ въ публичныхъ засѣданіяхъ 49 свидѣтелей. Среди нихъ было множество выдающихся литераторовъ, театральныхъ директоровъ, цензоръ Редфордъ и чины конторы лорда-камергера, какъ и спикеръ палаты общинъ. И сразу же обнаружился тотъ парадоксъ англійской жизни, что цензура въ ней не стѣсняетъ, а оберегаетъ свободу театра. Цѣлый рядъ свидѣтелей, въ томъ числѣ всѣ театральные антрепренеры и нѣсколько литераторовъ выступили въ пользу сохраненія предварительной цензуры, и не потому, чтобы они были реакціонерами и искали какихъ-либо ограниченій слова, а потому, что цензуру они считаютъ защитницей свободы театра! Въ глазахъ этихъ свидѣтелей цензура не мѣшаетъ театру, а охраняетъ его, такъ какъ, пользуясь «покровительствомъ» цензора, онъ совершенно изъятъ отъ тѣхъ полицейскихъ преслѣдованій и набѣговъ, которымъ, напримѣръ, подлежатъ театры во Франціи и Соед. Штатахъ С. Америки, гдѣ театральной цензуры нѣтъ.

Уже раньше, до учрежденія комитета 1909 г., въ виду поднявшейся противъ цензуры агитаціи, лондонскіе антрепренеры и выдающіеся актеры поспѣшили подать петицію объ оставленіи цензуры по прежнему. «Требуя для сцены полной свободы, мы въ то же время,—писали петиціонеры,—считаемъ нужнымъ подтвердить необходимость цензуры, какъ защиты для насъ

и для публики. Съ уничтоженіемъ цензуры не только могутъ быть представлены нежелательныя для публики пьесы, но вмѣшательство полиціи, муниципальныхъ властей и разныхъ обществъ, имѣющихъ цѣлью наблюдать за нравственностью, сдѣлало бы веденіе театральнаго дѣла крайне непріятнымъ и повредило бы лучшимъ интересамъ драмы».

Этотъ взглядъ на цензуру въ Англіи, какъ на охрану театра отъ излишняго вмѣшательства «улицы» и частныхъ лицъ, былъ особенно развитъ въ показаніяхъ многихъ свидѣтелей, и объясняется, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что и въ современной Англіи еще довольно прочно удержался духъ узкаго, сектантскаго пуританства 16-го и 17-го вѣковъ. Еще по настоящее время существуютъ разныя vigilance societies, которыя зорко слѣдятъ за «чистотою нравовъ», и своей агитаціей и судебными преслѣдованіями могли бы разорить не одно театральное предпріятіе, если имъ дать волю.

Но замѣчательно, что даже защитники драматической цензуры допускали необходимость реформы въ томъ смыслѣ, чтобы ограничить единоличное усмотрѣніе цензора. Для этого многіе изъ свидѣтелей совѣтовали устроить нѣчто въ родѣ апелляціонной инстанціи изъ частныхъ лицъ, знакомыхъ съ драматической литературой и театральнымъ дѣломъ. Этому совѣту отчасти и послѣдовалъ лордъ-камергеръ, который, по собственной иниціативѣ, учредилъ въ 1910 г. «Совѣщательный совѣтъ» изъ семи лицъ, считая и самаго лорда-камергера, занимающаго въ немъ мѣсто президента. Совѣтъ этотъ, однако, не «апелляціонная» инстанція, къ которой можетъ обращаться собственникъ недозволенной пьесы, а высшая совѣсть самаго цензора, который, въ случаяхъ сомнѣній и споровъ, самъ отдаетъ дѣло на судъ совѣщательнаго совѣта.

Само собою разумѣется, что учрежденіе этого совѣта не рѣшаетъ вопроса о драматической цензурѣ. Это было временной уступкой, въ ожиданіи рѣшенія вопроса парламентомъ. Что вопросъ не можетъ остаться въ теперешнемъ его положеніи, достаточно выяснилось работами комитета 1909 г. Но и этотъ комитетъ въ своихъ предложеніяхъ держался золотой середины. Онъ нашелъ, что цензуру нужно оставить, но лишить ея обязательнаго характера. Театрамъ слѣдуетъ предоставить играть какія угодно пьесы, прошедшія черезъ цензуру или не прошедшія. Но зато степень отвѣтственности за такія пьесы, которыя нарушаютъ общественныя нормы приличія, должна зависѣть отъ того, поставлена-ли пьеса съ предварительнаго дозволенія цензора или

безъ его дозволенія. Въ то же время комитетъ рекомендовалъ полную независимость театра отъ муниципальныхъ учрежденій, отъ которыхъ теперь требуется ежегодное возобновленіе разрѣшенія. Это разрѣшеніе фактически дѣлаетъ думу или земство цензоромъ театра, такъ какъ въ случаѣ постановки непріятной или излишне «свободной» пьесы, муниципалитетъ можетъ отказать въ разрѣшеніи играть въ театрѣ. Комитетъ также совѣтуетъ ограничить свободу преслѣдованій, которою теперь могутъ пользоваться всякіе шантажисты, «блюстительныя общества» и разныя узко-нетерпимыя лица. Въ общемъ, комитетъ 1909 г. сдѣлалъ очень полезныя и разумныя предложенія, клонившіяся, съ одной стороны, къ расширенію независимости сцены и къ свободѣ драматическаго творчества, а съ другой—къ сохраненію той доли добра, которая все же заключается въ англійской драматической цензурѣ.

Самое трудное въ вопросѣ то, что если уничтожить въ Англіи драматическую цензуру, авторы и театральные директоры рискуютъ попасть изъ огня да въ полымя. Вмѣсто одного цензора, передъ ними могутъ оказаться 12 въ лицѣ суда присяжныхъ изъ лавочниковъ и пр., которымъ придется рѣшать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что «прилично» и что «неприлично». Законъ безсиленъ опредѣлить съ полной точностью такія понятія, и опредѣленіе ихъ придется невольно предоставить сначала полиціи, а потомъ суду. Выиграетъ-ли отъ этого свобода театра?

Именно въ такой-то постановкѣ вопроса, а не съ точки зрѣнія ежовыхъ рукавицъ, англійскому перламенту и придется заняться цензурой.

С. И. Рапопортъ.

ВСЕЙ ДУШОЮ.

Романъ Ренэ Базэна.

(*Продолженіе*) *).

VIII.

Элоа Мадьо надѣлъ черный сюртукъ и парадную шляпу, которую онъ надѣвалъ по воскресеньямъ или на похороны кого-нибудь изъ членовъ товарищеской кассы: онъ обязанъ былъ присутствовать на нихъ подъ угрозой штрафа. Старикъ почистился сегодня особенно тщательно и долго, но не отъ желанія пофрантить, а отъ смущенія, чтó онъ скажетъ патрону, этому страшному Лемарье?

Въ обѣдъ, днемъ, Генріетта прибѣжала изъ мастерской веселая и сообщила:

— Знаете, дядюшка? Мари принята сегодня съ утра на работу: я такъ рада!

Она проводила дядю на Бульваръ Делормъ, къ особняку Лемарье, гдѣ на отполированной дубовой двери воротъ сверкали двѣ мѣдныя дощечки. Старый рабочій оглядѣлъ подъѣздъ, скрывавшій за собою столько таинственнаго и ему невѣдомаго, и затѣмъ сталъ здоровой рукой неловко нажимать кнопку электрическаго звонка. Какой-то прохожій разсмѣялся тому, какъ толстые пальцы не могли совладать съ маленькой костяной пуговицей. Въ это время обѣ половины воротъ распахнулись, и показались двѣ головы лошадей: звеня упряжью, стуча копытами по асфальту и будя гулкое эхо подъ каменнымъ сводомъ двора, выѣхала коляска и остановилась у дома.

— Я хотѣлъ бы поговорить съ хозяиномъ — сказалъ Мадьо.

---

*) См. іюнь, стр. 187.

Лакей, уже притворяя обѣими руками половинки двери, отвѣтилъ:

— Вы видите, баринъ сейчасъ уѣзжаетъ. Зайдите завтра въ контору. Дома онъ рабочихъ не принимаетъ.

Но Мадьо съ помощью своей здоровой руки проскользнулъ въ раскрытую дверь; онъ оттолкнулъ лакея и очутился посреди вестибюля, гдѣ высоко поднималась молчаливая, играющая пятнами свѣта лѣстница, устланная пурпурнымъ ковромъ: снизу вестибюль казался темнымъ, а чѣмъ выше, тѣмъ свѣтлѣе.

Лакей пошелъ вслѣдъ за Мадьо, котораго гипнотизировало все окружающее богатство.

— Доложу я всю исторію барину,—ворчалъ лакей,—и посмотримъ, кто будетъ правъ.

Но широкія плечи рабочаго внушали ему нѣкоторое опасеніе, и онъ удалился. Элоа остался одинъ. Онъ въ безмолвномъ удивленіи глядѣлъ на большое готическое окно, сквозь которое въ красныя, бѣлыя и блѣдно-желтыя стекла, такъ красиво смѣшиваясь, лились потоки свѣта. Элоа казалось, что онъ попалъ на цвѣточный рынокъ. И, глядя на розовую чашечку огромнаго цвѣтка, который извивался, утоньчаясь, онъ вспомнилъ о пучкахъ цвѣтовъ на длинныхъ стебелькахъ, что Генріетта приносила весною.

Да, хорошо быть богатымъ! Они умѣютъ впустить къ себѣ въ домъ радость и веселье! Какъ свѣтло въ ихъ домахъ!

На лѣстницѣ, гдѣ всѣ звуки разносились особенно гулко послышался глухой шумъ шаговъ, потомъ другіе шаги, болѣе медленные и шелестъ шелка. Появился фабрикантъ Лемарье въ черномъ сюртукѣ, держа на рукѣ сѣрую накидку отъ пыли. Онъ надѣвалъ перчатки и, хотя казался поглощеннымъ этимъ занятіемъ, всетаки даже не видя его глазъ, можно было замѣтить, что онъ человѣкъ властный и неудовлетворенный. Онъ спускался внизъ, тонкій, прямой, методически ставя ногу въ лакированной ботинкѣ посреди красной ковровой дорожки. Привычка къ частымъ дѣловымъ размышленіямъ давала его физіономіи выраженіе непроницаемой серьезности. Что̀ бы онъ ни дѣлалъ, онъ всегда имѣлъ видъ человѣка, заканчивающаго въ умѣ сложный расчетъ, и всѣ другія мимолетныя выраженія вниманія, интереса, даже гнѣва не вытѣсняли его, а только временно оттѣсняли на задній планъ, покрывая собой. На послѣдней площадкѣ Лемарье увидѣлъ стоявшаго внизу рабочаго, но не обнаружилъ ни удивленія, ни неудовольствія, ни какого бы то ни было чувства. Онъ попрежнему продолжалъ спускаться

внизъ. Взглядъ его былъ прикованъ къ кончику мизинца: онъ плохо входилъ въ шведскую кожу перчатки... Только на послѣдней ступенькѣ онъ остановился, застегивая пуговицы, и обратилъ на рабочаго взглядъ, еще полный тысячи разныхъ вещей, но въ которомъ явственно читался вопросъ:—Что вы здѣсь дѣлаете?

— Я пришелъ насчетъ пенсіи,—сказалъ Мадьо.

Въ здоровой рукѣ, вытянутой впередъ, онъ держалъ шляпу и прижималъ ее къ груди въ видѣ щита. Но отвѣчая, онъ невольнымъ движеніемъ высвободилъ наружу больную руку, слабо повисшую въ красной повязкѣ. Хозяинъ нѣсколько минутъ слѣдилъ за страннымъ пульсированіемъ увѣчнаго члена, не покорявшагося сильной, почти безумной волѣ стараго рабочаго. Мадьо ожидалъ, что хозяинъ сразу разсердится, но этого не случилось. Онъ уже, правда, велѣлъ выставить за дверь разъ Антуана, который просилъ о томъ же, потому что Антуанъ былъ плохой рабочій, нарушитель существующаго порядка. Но въ данномъ случаѣ дисциплина не была задѣта; и на авторитетъ патрона не было сдѣлано никакого посягательства: надо было просто разъяснить толкомъ дѣло достойному сожалѣнія бѣдному малому, просившему того, чего ему нельзя было дать. Лемарье вздохнулъ, какъ вздыхаютъ люди, обремененные всякими заботами, на которыхъ валится еще новая непріятность. Затѣмъ онъ проговорилъ, очень медленно и раздѣльно, чтобы быть понятнымъ неграмотному человѣку:

— Мадьо, я уже далъ вамъ разъ отвѣтъ черезъ своего кассира. Я вынужденъ былъ удалить вашего племянника, который дерзко требовалъ пенсіи. Я не имѣю времени, другъ мой, снова возвращаться къ тому же вопросу. Вы, вѣдь, знаете меня: если я сказалъ разъ «нѣтъ», то ужъ не уступлю.

— Помилуйте, мосье Лемарье, разсудите сами...

— Простите, любезный: будь вы на моемъ мѣстѣ, вы разсудили бы точно такъ же. Кажется, вещь простая, а вашему брату никакъ не втолкуешь: Вы поранили себѣ руку, я вамъ искренно сочувствую; я послалъ вамъ своего домашняго врача; я платилъ вамъ втеченіе перваго мѣсяца. Больше я ничего не могу сдѣлать, Мадьо, потому что уступи я вамъ, завтра я долженъ буду дать пенсіи всѣмъ своимъ рабочимъ, которые, какъ вы, по собственной винѣ, поранили себя.

— Послѣ тридцати лѣтъ службы, мосье Лемарье, состарившись у васъ...

— Да я противъ васъ ничего не говорю. Вы хорошій

человѣкъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я долженъ былъ вамъ выдать ренту. Законъ строгъ и формаленъ. Вы работали при легкомъ дѣлѣ, нисколько не опасномъ для жизни. Пострадали вы отъ собственной неловкости. Что же мнѣ прикажете дѣлать?

Въ это время по лѣстницѣ, залитой розовымъ свѣтомъ, стала спускаться дама въ черномъ платьѣ. Мадьо не видѣлъ ея и не слышалъ отъ охватившаго его волненія. По мозаичнымъ плиткамъ вестибюля онъ подошелъ ближе къ той ступенькѣ, гдѣ стоялъ хозяинъ.

Чувствовалось, что дѣло уходитъ изъ-подъ рукъ. Жилы на шеѣ его напряглись. Онъ окинулъ снизу вверхъ однимъ взглядомъ корректнаго буржуа, котораго черезъ минуту уже не будетъ видѣть и, вѣроятно, никогда не увидитъ, и невольно, въ порывѣ злобы, изъ устъ его вырвались слова, больше двадцати лѣтъ таившіяся въ сердцѣ.

— Но, мосье Лемарье, вѣдь та, которую я воспиталъ, Генріетта...

Но увидѣвъ на лѣстницѣ черную фигуру, онъ остановился.

Наступила минута такого глубокаго молчанія, что слышно было какъ вверху, въ высокое окно, бьется и гудитъ шмель.

— Пройдите же, Луиза,—спокойно сказалъ Лемарье.— Вы всегда такъ долго собираетесь, что даете время этимъ безпутнымъ людямъ устраивать мнѣ сцены.

Мадамъ Лемарье, похожая на башню, увѣнчанную пучкомъ перьевъ, продолжала спускаться.

Она прошла между мужемъ, отодвинувшимся къ стѣнкѣ, и Мадьо, попятившимся вглубь, и не произнесла ни одного слова.

Глаза ея смотрѣли внизъ, подъ ноги.

Она слегка кивнула головой въ сторону Мадьо, какъ всегда дѣлала, встрѣчаясь съ бѣдными. Шелестъ шелка и позвякиваніе бисера показали, что она прошла вестибюль и выходитъ изъ подъѣзда. И когда Мадьо, котораго отъ дальнѣйшихъ словъ удержало почтеніе къ ней, приблизился теперь къ фабриканту, чтобы узнать отвѣтъ, онъ увидѣлъ, что тонкая, властная рука Лемарье нажала кнопку звонка.

Появился лакей.

Снопъ яркаго свѣта изъ сосѣдней залы хлынулъ въ вестибюль и затопилъ Мадьо. Лемарье, небрежно опираясь на подоконникъ, указалъ на стараго рабочаго.

— Максимъ, я уѣзжаю съ барыней. Если этотъ человѣкъ

не уйдетъ отсюда сейчасъ же, вслѣдъ за мной, телефонируйте въ полицейскій комиссаріатъ.

Полчаса спустя пара гнѣдыхъ лошадей, запряженная въ ландо, уносила супруговъ Лемарье берегомъ Эрдры по загородной дорогѣ: они ѣхали на дачу къ друзьямъ съ визитомъ. Коляска была открыта только впереди. Въ глубинѣ направо сидѣла m-me Лемарье. Вуаль она приподняла, и видно было покраснѣвшее лицо, точно лакированное отъ слѣдовъ слезъ. Она упрямо смотрѣла вдаль, но ничего не видѣла: глаза ея были неподвижны, и даже вѣки не вздрагивали.

Никто,—а особенно мужъ,—не подозрѣвалъ, сколько эта женщина выстрадала съ тѣхъ поръ, какъ мосье Лемарье женился на ней изъ-за ея приданаго. Она стала жертвой якобы превосходства своего мужа; ее не жалѣли, ее не щадили насмѣшки свѣта ни тогда, когда она молчала, ни тогда, когда она униженно уступала,—ни при какихъ условіяхъ: потому что она занимала положеніе, котораго ее считали недостойной. Но она молчала и терпѣла. Она простила измѣны мужа, презрѣніе людей, безчисленные уколы и обиды. Она стушевалась до такой степени, что въ своемъ домѣ не имѣла никакого голоса, кромѣ одного только: будучи женой фабриканта, отъ котораго зависѣло много людей, m-me Лемарье сохранила привычку протестовать противъ всякой несправедливости, о которой она узнавала и предметомъ которой была не она. Вотъ и сегодня она слышала начало фразы, въ сердцахъ сказанное старымъ Мадьо; она вспомнила о прежней просьбѣ этого рабочаго и сказала мужу:

— Отчего вы не даете ничего этому человѣку? Мнѣ кажется, вы неправы.

Онъ вспылилъ, и возмущеніе его естественно обратилось противъ нея, такъ какъ Мадьо уже не было. Опершись на край ландо, онъ говорилъ, прерывая свои слова молчаніемъ и въ эти промежутки дѣлая видъ, что заинтересованъ ходомъ лѣвой лошади: она немножко прихрамывала.

— Повторяю: ни вы, ни вашъ сынъ ничего не смыслите въ этихъ вопросахъ. Но у васъ, если нѣтъ настоящаго сужденія, то хоть есть человѣколюбіе, а у него, Луиза,—запомните хорошенько! — это одни слова. Ничего, кромѣ словъ! Я знаю: это все поколѣніе—фразёры!

Мадамъ Лемарье вздохнула и стала выгораживать сына, котораго она баловала:

— Оставимъ Виктора въ покоѣ,— сказала она.—Онъ въ этомѣ дѣлѣ не при чемъ. Это я лично нахожу, что вы должны были бы въ данномъ случаѣ уступить. Мадьо у васъ одинъ изъ старѣйшихъ рабочихъ; можетъ быть, даже самый старый. Если вы боитесь установить прецедентъ, признавая за собой обязательство, котораго на дѣлѣ нѣтъ, то дайте ему просто пенсію за выслугу лѣтъ. Это не часто встрѣчается: тридцать лѣтъ службы!

— Нѣтъ, у меня ни водится никакихъ такихъ пенсій. Я имѣю только то, что зарабатываю—пусть и мои рабочіе довольствуются этимъ.

Оба замолчали. Вокругъ нихъ, этихъ проѣзжающихъ богачей, лѣто щедро разсыпало тысячи цвѣтовъ и колосьевъ.

Обновленная молодость земли окутывала ихъ, но они не чувствовали ея. Иногда изъ-за двухъ холмовъ выглядывала раскинувшаяся вѣеромъ зеленая лощинка, желтѣли нивы, а съ краю, въ сырой прохладѣ, склонялись надъ Эрдрой ивы. Но горе и злоба слѣпы.

— Вы говорили только что о милосердіи, — заговорила она снова.—Ну, хорошо! такъ окажите помощь или позвольте мнѣ...

Ее перебилъ нетерпѣливый, отрицательный жестъ мужа.

— Нѣтъ, сударыня! Довольно мнѣ приходилось страдать отъ вашего милосердія, которымъ вы вредили моему хозяйскому авторитету и моимъ рѣшеніямъ. Здѣсь я этого не желаю. Мы довольно сдѣлали. Я запрещаю вамъ видѣть этихъ Мадьо, передавать имъ что бы то ни было и вообще заниматься ими какимъ бы то ни было образомъ.

Жена его, оскорбленная, уязвленная въ единственной области, гдѣ она пользовалась свободой, вышла изъ обычнаго повиновенія.

— А почему это такъ?

Онъ съ минуту глядѣлъ на нее въ изумленіи. Онъ увидѣлъ ея увядшее лицо, губы, съ опущенными внизъ, отъ вѣчной печали, углами, выдающіяся скулы, красные глаза, шелковый лифъ, туго натянутый планшетками корсета.

— У меня есть свои основанія,—сказалъ онъ холодно.— А теперь я васъ прошу вспомнить, что вы сопровождаете меня въ гости. Вотъ уже и Браземонъ. У васъ ужасный видъ.

Тонкая, золотистая пыль подымалась надъ дверцами и уносилась назадъ, за коляской. Вѣтви деревьевъ задѣвали кучера по спинѣ. Лошади, почуявъ близость конюшни, поддали шагу.

Нѣсколько женщинъ, пасшихъ коровъ, выглядывали изъ-за кустовъ, поднявшись на цыпочки, и съ завистью провожали богатую даму взглядомъ.

Элоа Мадьо пришелъ домой озлобленный. Генріетта, только что вернувшаяся изъ мастерской, встрѣтила его и стала успокаивать. Онъ былъ во всеоружіи: сильныя выраженія противъ богачей такъ и сыпались съ его устъ; вѣроятно, ими снабдилъ его Антуанъ, но въ свиданіи съ нимъ онъ не признавался. Генріетта, видя, что дѣло обстоитъ серьезно, ласково предложила ему:

— Знаете что, дядя? Давайте посидимъ сегодня попозже. Мнѣ, кстати, надо кончать шить: сколько времени уже ждутъ эти рубашки. Проведемъ вечеръ у меня въ комнатѣ и выпьемъ чаю, какъ-будто хозяинъ далъ пенсію. Вы согласны?

Комната Генріетты казалась старому Мадьо священной обителью, куда нельзя было войти безъ разрѣшенія. Сидѣть у нея—было для него праздникомъ.

Ея комната была свѣтлѣе и больше другой. Въ ней были: орѣховая кровать съ бѣлыми занавѣсками, съ аккуратно заглаженными складками и бахромой съ помпонами, золоченое зеркало, зеркальный шкафъ полисандроваго дерева и столъ на одной ножкѣ—тоже полисандровый—оба подаренные Генріеттѣ одной подругой по мастерской, которая вышла замужъ почти богато.

На столѣ, покрытомъ вязанной скатертью, между двумя стопками модныхъ журналовъ, возвышалась фарфоровая ваза съ нѣсколькими искусственными розами. На стѣнѣ висѣла полка для книгъ и нѣсколько акварелей съ видами Норвегіи, Швейцаріи и Италіи.

Въ углу, на рѣзномъ консолѣ, стояла статуэтка Богоматери, съ крупными четками на шеѣ. Лицо у нея было кротости необычайной. Она давала благословеніе, поднявъ три перста, въ память Отца, Сына и Святого Духа.

Да, комната была пріятная для глаза. И что́ особенно дѣлало ее очаровательной, это была душа молодой дѣвушки, оживлявшая ее, даже въ отсутствіе Генріетты. Разстановка вещей обнаруживала свой, особенный вкусъ. Часто на креслѣ лежалъ какой-нибудь изъ предметовъ туалета, дешевенькій, но удачно выбранный: кушакъ, галстучекъ, зонтикъ, жилетка къ костюму съ кружевами по шесть су, пара простыхъ перчатокъ, сохраня-

ющихъ еще форму тонкихъ, слегка согнутыхъ, отъ привычки къ иглѣ, пальцевъ. Иногда днемъ старый Элоа, соскучившись по Генріеттѣ, которая обѣдала днемъ у мадамъ Клемансъ, подымался со своего кресла и, отворивъ дверь, не входя, любовался этой свѣтлой кельей. Видъ всѣхъ этихъ вещей волновалъ его и напоминалъ ему глаза, глубокіе, какъ тихое озеро, и прелестное, юное женское лицо. И дядюшка Элоа, какъ бы молодѣя отъ гордости своей воспитанницей, уходилъ погулять въ городъ.

Плутовка Генріетта! Въ этотъ вечеръ она, чтобы утѣшить дядю, выдвинула для него единственное въ домѣ кресло съ вышивкой, на которое никто никогда не садился; а сама она устроилась тутъ же у стола и склонилась надъ шитьемъ, при свѣтѣ лампы подъ праздничнымъ абажуромъ. Руки ея спокойно и увѣренно прилаживали дешевое кружево къ вороту и рукавамъ рубашки. Иногда она останавливалась, чтобы взять со стола ножницы, катушку или кружево. Тогда она подымала глаза на Мадьо, утонувшаго въ своемъ креслѣ, потомъ на открытое окно, въ которое иногда шаловливо налеталъ вѣтеръ, и тогда вѣтки олеандра хлестали, шелестя по рѣшеткѣ балкона или по стѣнкѣ. Съ рѣки два раза донесся плескъ веселъ, и Генріетта прислушивалась къ нему съ улыбкой. Она чувствовала себя легко оттого, что въ мастерской мадамъ Клемансъ такъ хорошо приняли Мари и еще особенно оттого, что въ этотъ вечеръ она играла роль утѣшительницы дяди Мадьо—роль, которая всегда была ей больше всѣхъ по душѣ. Она говорила ему:

— Напрасно вы огорчаетесь отказомъ хозяина, дядя. Я не согласна съ Антуаномъ. Вы сдѣлали все, что могли. Дѣло не удалось. Развѣ оно удастся лучше, если бы будете волноваться и грозить ему судомъ? Съ такими маленькими людьми, какъ мы, не страшно ему судиться.

— Онъ укралъ у меня мою пенсію!

— Развѣ мы не сводили концы съ концами до сихъ поръ? Конечно, мы не всегда были богаты, это вѣрно...

И она нѣжнымъ взглядомъ окинула зеркальный шкафъ и акварели.

— Но теперь годы нужды прошли. Антуанъ зарабатываетъ себѣ на жизнь, я—тоже... Вы знаете, что сказала мнѣ мадамъ Клемансъ въ субботу, когда явилась Мари Шварцъ? Она сказала мнѣ: «Ну, маленькая волшебница!», но такимъ тономъ, который означаетъ многое, если только я вѣрно поняла. Какъ вамъ понравится, дядюшка, если ваша племянница станетъ старшей!». Старшей въ первомъ модномъ магазинѣ Нанта! « А

этого можно ожидать со дня на день. Наша «старшая», Августина, сильно идетъ на убыль...

Генріетта разсмѣялась звонкимъ, молодымъ смѣхомъ, держа иголку, точно копье, между двухъ пальцевъ.

— Въ нашемъ, модномъ, ремеслѣ бѣда старымъ!

— У насъ тоже самое,—сказалъ Мадьо,—бѣда старикамъ!

Генріетта поняла, что ея задорный молодой смѣхъ былъ жестокъ. Она прикусила свои блѣдныя губы, которыя только что такъ безразсудно радовались горю товарки и сказала:

— Я ничего не дѣлаю для того, чтобы занять ея мѣсто, дядя. Повѣрьте мнѣ. Но такъ ужъ выходитъ: насталъ мой чередъ повыситься.

Съ минуту они разсматривали другъ друга: она все еще въ молодомъ увлеченіи, онъ — удрученный, слѣдя за ея словами противъ воли и втайнѣ размышляя только о своемъ горѣ. Морщины его не разглаживались. Онъ сидѣлъ, глубоко зарывшись въ вышитое кресло; глаза его были устремлены на Генріетту, но лицо все окаменѣло: только вѣки вздрагивали. Она не понимала почему неудача, которую они предвидѣли, такъ сильно опечалила старика; его упорное возбужденіе она приписывала вліянію полныхъ яда рѣчей Антуана.

И она сказала, снова втыкая иголку въ полотно:

— Какъ давно все-таки это было: когда я поступила въ обученіе! Помните, какъ вы меня проводили къ m-elle Лорѣ, которая дѣлала дѣтскія шапочки, тамъ, возлѣ мостовъ? А вечеромъ, помните, вы совсѣмъ замерзли, ожидая меня около часу внизу! Я была маленькая, но и тогда мы уже крѣпко любили другъ друга.

Она напрасно припоминала прошлое, старалась воскресить всегда окружавшее ее самоотверженіе дяди Мадьо. Старикъ чувствовалъ жгучій стыдъ за себя.

— Подумать только: я готовъ уже былъ сказать!—думалъ онъ,—я, мужчина, старый солдатъ! Еще минутка и я бы потребовалъ денегъ цѣною ея безчестья! А, вѣдь, тайну ея я храню въ сердцѣ больше двадцати четырехъ лѣтъ? Что же это? Не люблю я ее, что ли? Или я трусъ?

Глядя на племянницу, онъ чувствовалъ, что это неправда, что онъ любитъ ее. Но стыдъ за то, что онъ сдѣлалъ, оставался, и воспоминанія о жалкомъ прошломъ заполонили его бѣдный умъ.

— Знаете, дядечка: если меня произведутъ въ «старшія», то я получу прибавку. Вотъ тогда разбогатѣемъ! Я скоплю де-

негъ и устрою вамъ поѣздку: до устья Луары! Этьенъ обѣщалъ повезти меня въ лодкѣ.

И она смѣялась, чтобы развеселить старика. Она знала, что часто дружеское, теплое слово мигомъ мѣняетъ его настроеніе. Но въ этотъ разъ въ глазахъ Мадьо заблестѣли слезы.

— Когда подумаю, что я хотѣлъ сдѣлать! Ее предать, ее!

Генріетта отложила работу. Она нагнулась и погладила грубую морщинистую руку, крѣпко ухватившуюся за ручку кресла.

— Дядечка, что съ вами?

Онъ склонилъ голову, боясь, чтобы она не прочла у него по глазамъ.

Олеандръ на балконѣ зашелестѣлъ, забился объ стѣнку, и вѣтки его подъ напоромъ вѣтра пригнулись до самой комнаты. Заглушенный вѣтромъ голосъ, какъ-будто съ улицы, закричалъ:

— Эй, гдѣ вы? Мадьо! Вы слышите?

Старикъ прислушался. Кто бы это могъ звать въ такой поздній часъ?

— Ого-го! Мадьо! Идите посмотрѣть!

Элоа всталъ. Генріетта тоже уже вскочила съ мѣста. Они напрошли черезъ комнату и, не видя ничего въ потемкахъ, нащупывая правой рукой балюстраду, вышли на балконъ, который былъ немножко выше пола. Генріетта, нагнувшись, пролѣзла подъ вѣтками олеандра и увидѣла въ окнѣ нижняго этажа чепецъ и сѣрое платье подъ нимъ; затѣмъ изъ тьмы выдѣлилась рука и, наконецъ, смутно обрисовалась человѣческая фигура, напряженно вглядывавшаяся куда-то вдаль.

— Это старая Ложере,—сказала тихо Генріетта.—Въ чемъ дѣло?

Въ ту же минуту снова послышался голосъ—хриплый, нетерпѣливый, какъ призывъ на помощь.

— Мадьо-о, да гдѣ же вы всѣ? Посмотрите туда! какой пожаръ!

Старый рабочій проворчалъ басомъ:

— Мы здѣсь! Не орите!

Въ узкомъ, высоко стоящемъ надъ городомъ, домишкѣ, снова все затихло. Трое людей, жившихъ въ немъ, съ тревогой всматривались въ ночную тьму, стараясь разгадать, въ какомъ мѣстѣ произошло несчастье.

Весь первый рукавъ Луары былъ охваченъ пожаромъ. Въ какомъ разстояніи, гдѣ, на какомъ островѣ горѣло? Никто не могъ сказать. Ночь заволокла всѣ начала и концы, и среди нихъ терялся взоръ. Слѣва, гдѣ въ туманѣ рѣки толпились суда,

виднѣлась только цѣпь огоньковъ газовыхъ фонарей среди огромнаго поля тьмы—неба, слитаго съ землей. Кое-гдѣ надъ горизонтомъ вспыхивали, какъ звѣзды, цѣлые островки свѣта; другіе раскидывались пучками, точно перья; затѣмъ шло черное пространство и снова тянулась нитка разсыпавшагося ожерелья. Все это вмѣстѣ казалось жалкимъ сравнительно съ пространствомъ, занятымъ тьмой; эти маленькіе островки ничего не освѣщали и ни въ чемъ не напоминали дневного свѣта. Но между ними двѣ красныя линіи прорѣзывали ночь—вѣроятно, двѣ линіи оконъ, и сквозь нихъ отражалось бушевавшее пламя. Блескъ этотъ съ каждой минутой усиливался, мѣнялъ направленіе: огонь то яростно перекидывался направо, то сильнѣе вспыхивалъ налѣво. Дождь искръ прервалъ верхнюю линію оконъ и высоко, высоко взлетѣлъ въ воздухъ. Послѣ него побѣжалъ языкъ пламени, лизнулъ откосъ стѣны и притаился, не имѣя больше, куда направиться.

— Пропалъ домъ!—сказалъ Мацьо, — вотъ ужъ и срубъ занялся.

Генріетта вся дрожала мелкой дрожью. Она тихо прошептала:

— Бѣдные люди!

И они снова замолчали. А драма между тѣмъ развертывалась все шире. Цвѣтъ двухъ красныхъ линій сталъ ярче. Огонь перебрасывался снопами то туда, то сюда, и отъ нихъ вставали розовые столбы дыма. Вѣтромъ стало доносить крики ужаса, которые были похожи на праздничные клики: у толпы издали голосъ только одинъ. Вдругъ крыши обвалились. Образовался цѣлый огромный костеръ, откуда взвились клубы дыма и огня, затѣмъ улеглись отъ вѣтра. Тучи на небѣ стали краснокирпичныя. Горячее зарево освѣтило улицы, площади, дома, крыши и трубы. Старый Мацьо, потрясенный волненіемъ, прислонился къ стѣнкѣ. Въ яркомъ отблескѣ пожара лицо его было совсѣмъ бѣло.

— Генріетта!

Она положила руку на его плечо.

— Вы знаете, гдѣ это? Что это?

Онъ закричалъ, съ отчаяніемъ въ голосѣ:

— Я знаю. Это горитъ Лемарье!

— Вы увѣрены?

— Я узнаю наше отдѣленіе. Пламя добирается уже до запаснаго склада. Пусти меня, я пойду!

— Вамъ нельзя... въ ваши годы... и съ этой рукой... нѣтъ, я не хочу...

Но онъ оттолкнулъ ее, быстро прошелъ въ комнату, ощупью досталъ въ кухнѣ свою шапку, захлопывая дверь, кричалъ:

— Надо пойти! Надо! Это у насъ горитъ.

IX.

Элоа Мадьо вернулся домой только въ четвертомъ часу утра, измученный, въ вымокшемъ и почернѣвшемъ отъ дыма платьѣ. Онъ спалъ. По его разсказамъ сгорѣла вся фабрика Лемарье: мастерскія, склады, контора—все! Дѣло, созданное трудами двухъ поколѣній впродолженіе пятидесяти лѣтъ, рухнуло въ одинъ моментъ, и опустошенная, оголённая земля ожидала новаго творчества среди дымящихся развалинъ, уже утратившихъ всякое значеніе и не могущихъ передать, сколько работы, энергіи и смѣлости было на нихъ затрачено.

Когда Генріетта утромъ раскрыла свое окно, она увидѣла среди тумана дымъ, бѣлый отъ водяныхъ паровъ и черный отъ тлѣющихъ головешекъ. Какъ печально зрѣлище гибели даже бездушнаго предмета для тѣхъ, кому тоже суждено погибнуть! Генріетта была подавлена впечатлѣніемъ этого разрушенія и вчерашнимъ страхомъ, когда крыша фабрики рухнула. Она занята была уборкой своей комнаты и, двигаясь взадъ и впередъ, вспоминала свою встрѣчу, два дня назадъ, съ Викторомъ Лемарье, его поклонъ и красивую упряжь, которую она замѣтила проходя, какъ замѣчаютъ фасонъ платья. Она также вспомнила,—Боже мой, какъ трудно сегодня перевернуть матрацъ на другую сторону и какимъ удушливо-грозовымъ воздухомъ вѣетъ въ окно!—что видала когда-то одинъ разъ отца Виктора, самого фабриканта Лемарье. Это было пять или шесть лѣтъ назадъ. Онъ предсѣдательствовалъ на праздникѣ гимнастическихъ обществъ и говорилъ съ трибуны рѣчь передъ блестящей публикой, между двухъ рядовъ трехцвѣтныхъ знаменъ. Онъ жестикулировалъ, а внизу у подножья тѣснились гимнасты и апплодировали. Дамы, офицеры, штатскіе сидѣли въ тѣни, болтали между собой и не слушали. Генріетта, съ своего дальняго мѣста, не слышала ничего. Она видѣла только жесткую, старающуюся улыбаться, физіономію, маленькую бѣлую двигавшуюся эспаньолку и быстрыя движенія рукъ. Кто-то рядомъ съ ней сказалъ:

— Мели, мели! Ухъ, и не любятъ же тебя, какъ ты ни разливайся!

Генріеттѣ такъ ясно вспоминалось сейчасъ и празднество, и фигура оратора, и это замѣчаніе. А какое волненіе теперь должно быть въ его домѣ и у всѣхъ служащихъ и рабочихъ— вѣдь, огонь сдѣлалъ ихъ всѣхъ сразу безработными.

Молодая дѣвушка окончила перестиланіе своей кровати, сгладила ладонью всѣ складки одѣяла и задернула занавѣски съ бахрамой такъ, что между ними оставалась только маленькая щелочка.

Съ улицы донеслись крики газетчиковъ.

— Страшный пожаръ! Гибель фабрики. Послѣднія новости!

Въ восемь часовъ, на пятнадцать минутъ раньше обычнаго, она уже была на дворѣ. Со всѣхъ сторонъ только и говорили о катастрофѣ. Весь городъ полонъ ею. Молочницы толковали о ней со своими покупателями, таможенные служащіе съ грузчиками, хозяева кафэ со своими ранними посѣтителями, которые, выпивъ стаканчикъ мюскаде, уходили, вытирая губы ладонью. Всѣ издалека или вблизи видѣли картину несчастья; каждый зналъ какую-нибудь неизвѣстную еще подробность, прибавлявшуюся къ общей, мало варьировавшейся формулѣ ламентацій. Воображеніе улицы было взволновано этой картиной: ночь, пламя, сильной вѣтеръ, лазящіе по сосѣднимъ крышамъ пожарные, полное разрушеніе огромнаго дѣла; и отъ Эрмитажа до табачной мануфактуры не было ни одного дома, гдѣ у окна или у двери, выходящей на востокъ, хозяйка не постояла бы немножко, вздыхая и дивясь на бѣлый дымъ, который все еще клубился надъ развалинами.

Въ мастерской мадамъ Клемансъ въ это утро не было обычнаго порядка. Въ половинѣ девятаго, когда пришла Генріетта, первыя явившіяся мастерицы еще разговаривали стоя, въ шляпахъ и съ зонтиками въ рукахъ, не обращая вниманія на m-elle Августину: она сѣла демонстративно и довольно язвительнымъ тономъ повторяла: «Ну, что жъ, болтайте, болтайте, господа. Я доложу обо всемъ мадамъ Клемансъ». Онѣ не слушали ея. Всѣ были возбуждены и торопились разсказать то, что знали.

— Я, знаешь, въ это время ложилась. Весь вечеръ читала одну книгу. Забавная такая!

— А я уже спала. Вдругъ слышу грохотъ, пожарные ѣдутъ. Я въ рубашкѣ къ окну. Холодно такъ было! Какой-то человѣкъ закричалъ: «Это на островѣ Глоріеттъ!» Тогда я легла опять—далеко!

— А меня разбудилъ свѣтъ: окна такъ и горѣли! Испугалась я, Господи! Будто тутъ у меня пожаръ. Я смотрѣла, смотрѣла, но не видѣла ничего: только черную ночь и столбъ огня. А слышать ничего не слышала.

— Говорятъ, двое ранено?

— Нѣтъ, трое. Балками придавило. Ихъ увезли въ больницу. Такъ въ газетѣ написано. Я прочла, когда шла сюда. Вотъ, видите въ этомъ столбцѣ: убытку милліонъ.

Огромная цифра ошеломила всѣхъ. Молодыя головы склонились надъ газетой, которую протягивала Ирма. Мари Шварцъ, стоявшая въ сторонѣ, у окна, въ своемъ убогомъ платьѣ, подошла къ Генріеттѣ, которая, поднявъ руки и выпрямившись, осторожно высвобождала пряди своихъ волосъ изъ-подъ зацѣпившаго ихъ соломеннаго борта шляпки. Черные и свѣтлые глаза улыбнулись другъ другу.

Дверь отворилась. Вошла ученица, Луиза, потряхивая рыжей головой и круглыми щеками и сказала:

— Еще новость, господа!

У нея былъ значительный видъ человѣка, хранящаго тайну.

— И новость сногсшибательная!

— Да въ чемъ дѣло?

— Хотите вѣрьте мнѣ, хотите нѣтъ, но только Лемарье приказалъ долго жить!

Всѣ встрепенулись. Августина перестала работать и строго сказала:

— Луиза, ты сочинила эту исторію, чтобы потѣшить мастерскую. Садись на свое мѣсто.

Дѣвочка, какъ будто для большей убѣдительности, опустила руки вдоль тѣла и шагнула впередъ; стали видны ея худые башмаки, просившіе пить со всѣхъ сторонъ.

— Да, я, ей Богу, не сочинила. У насъ сосѣдъ пожарный. Онъ и разсказывалъ все. Патронъ, говоритъ, какъ начался пожаръ, такъ сейчасъ и пошелъ туда. И такъ это его разобрало видѣть, какъ горитъ его добро. Онъ упалъ. Его принесли домой, и онъ умеръ — не успѣлъ даже узнать, что уже потушено. Говорю всю правду, и даже еще кюре пришелъ на десять минутъ слишкомъ поздно: не засталъ уже его въ живыхъ. Вотъ!

— Сколько несчастій сразу!—произнесъ чей-то голосъ.

Никто не отвѣчалъ. Имя ея—неизбѣжной смерти—было произнесено. И какъ всѣ камни мостовой сотрясаются при проѣздѣ ломовой телѣги, такъ были потрясены души при упоминаніи ея имени. Дѣвушки стали быстро убирать въ шкафъ свои шляпы и

накидки, придвинули табуреты къ столамъ, и стукъ ножницъ и катушекъ показалъ, что рабочій день начался, какъ каждое утро. Генріетта была нервна и разсѣянна отъ плохо проведенной ночи и волненія. Садясь, и подтыкая подъ себя платье, она быстро окинула своими свѣтлыми глазами всѣхъ сидящихъ за столомъ дѣвушекъ: не видно было сверкающихъ бѣлыхъ зубовъ Сесиль, ни веселыхъ ямокъ на щекахъ Анны, помощницы Генріетты, тоненькой нормандки—не было у нихъ всѣхъ горячихъ искорокъ жизни, которыя всегда дрожали у нихъ въ глазахъ по утрамъ, какъ ранняя зорька. Всѣ молчали и заняты были своей работой; у нѣкоторыхъ былъ серьезный и даже печальный видъ. Ближайшая сосѣдка «старшей», Ренэ, похожая на святую со статуи, тихонько шевелила губами, и рѣсницы ея были опущены.

Подоспѣли еще три или четыре запоздавшія мастерицы и принесли съ собой струйку свѣжаго воздуха въ складкахъ платья. Онѣ подтвердили разсказанное Луизой. Дѣйствительно, Лемарье скончался отъ удара, не приходя въ сознаніе; всѣ окна ихъ дома закрыты; говорятъ, что фабрику наслѣдники его не будутъ отстраивать. Ходитъ также слухъ, что возбуждено ходатайство въ городскомъ совѣтѣ о помощи оставшимся безъ средствъ рабочимъ.

Мало по малу выступили впередъ всякія соображенія и разсчеты, связанные съ этой смертью, и разсѣяли первое зловѣщее впечатлѣніе.

Надъ волосяными и соломенными формами колыхались шелковыя розы, гирлянды маргаритокъ и пучки васильковъ. Иголки съ трескомъ прорывались сквозь плотный каркасъ. Гарнировщицы, держа на рукѣ будущій шедевръ, очертанія котораго были еще неясны для другихъ, поворачивали его то въ одну, то въ другую сторону, любуясь имъ.

— Я увѣрена, что получу сегодня заказъ отъ мадамъ Лемарье,—сказала «старшая»: длительное молчаніе мастерицъ удовлетворяло ея самолюбію, какъ личная побѣда.—Уже больше десяти лѣтъ я дѣлаю ей всѣ шляпы.

Ирма, дѣвушка съ большими лихорадочно горящими глазами, испорченная, но искусная работница, ненавидѣвшая «старшую», откликнулась изъ-за того же стола:

— Я вамъ, правду сказать, не завидую: велика радость,—траурная шляпа!

— Можно ихъ сдѣлать болѣе или менѣе элегантными.

— Да никогда: крепъ, бѣлый кантикъ, вуаль длинный до пола—что съ этимъ сдѣлаешь?

— Извините.

— Не могу извинить. Это уродство.

— Мои шляпы не бываютъ уродливы.

— Да что тамъ? Вы бы не надѣли такое чучело на голову, правда? И я тоже.

M-elle Августина, раздосадованная, натянуто разсмѣялась. Три складки обозначались на ея дряблыхъ щекахъ.

— Какой же это резонъ? Развѣ я—вдова?—возразила она.

Заглушенный смѣхъ пробѣжалъ вокругъ столовъ. Люси, фасонщица, съ вѣчно влажными руками, сидѣвшая черезъ два мѣста отъ Генріетты, прошептала:

— А и вправду, похоже на то.

Генріетта сидѣла визави Августины. Не улыбнувшись даже, она сказала:

— Увѣряютъ, что мадамъ Лемарье очень добрая женщина.

Со всѣхъ сторонъ послышалось въ отвѣтъ:

— Она лучше мужа! Онъ не любилъ рабочихъ. Злой былъ человѣкъ! Настоящій богачъ!

— Бываютъ и хорошіе богачи. Вотъ, напримѣръ, Мурьё.

— Сказала! Какой же онъ богачъ, Мурьё? Она зарабатываетъ себѣ на жизнь, какъ мы,—немножко лучше, чѣмъ мы.

— За цвѣты онъ деретъ немилосердно, но я его люблю, просто люблю и все. И пошутитъ, и посмѣется, сразу чувствуешь къ нему довѣріе; а Лемарье не то! тотъ только и зналъ, что приказанія отдавать, да приказанія, а только попросишь что-нибудь, сейчасъ и кулакъ показываетъ.

— Моя мать разсказываетъ, что когда онъ пустилъ въ ходъ двѣ машины для лущенія гороха, четыреста женщинъ осталось безъ работы. Все семейныя, съ дѣтьми на рукахъ. Моя тоже была среди нихъ. Онѣ всѣ пошли къ нему въ контору и стали просить отсрочки или помощи. Онъ отвѣтилъ: «Каждому свое. Одна машина замѣняетъ мнѣ двѣсти работницъ. Я покупаю машину и даю работницамъ расчетъ. Я пользуюсь своимъ правомъ». Это порядочно, по вашему?

— Онъ былъ правъ. Не могъ же онъ терпѣть убытки изъ-за насъ!

— А плата какая! У него зарабатывали только на хлѣбъ. А онъ загребалъ себѣ милліоны.

— А какъ онъ нахальничалъ съ хорошенькими работницами!

Молодая дѣвушка, сказавшая это, покраснѣла, замѣтивъ,

что нѣсколько головъ медленно поднялось отъ работы. И она быстро прибавила!

— За что купила, за то и продаю.

Ирма, слишкомъ элегантная для модистки, получающей пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ, блѣдная, съ обведенными глазами, капризная и артистическая натура, имѣла какое-то особенное свойство: ее слушали всѣ, о чемъ и когда бы она ни заговорила.

— Однимъ словомъ, это человѣкъ, который строитъ свое богатство на бѣдности другихъ. Вы читали «Въ 2000-мъ году», Жанна?

— Нѣтъ. Это кто написалъ?

— Это Беллами. Американецъ одинъ. Я три раза перечитала эту книгу. Онъ разсказываетъ, чѣмъ будетъ общество въ концѣ двадцатаго вѣка. Мы не будемъ жить тогда, и жалко, потому что будетъ лучше.

Насмѣшливый голосъ спросилъ:

— Какъ можно это знать? Соціалистъ онъ, значитъ? Вы ихъ любите?

Ирма не переставала работать. Съ тонкимъ вкусомъ обвивая вѣтку вьюнка вокругъ бѣлой соломы, она серьезно, почти строго, отвѣтила:

— Да, я люблю. Я была на нѣсколькихъ собраніяхъ. Я не понимаю всѣхъ ихъ теорій, но они по крайней мѣрѣ признаютъ, что люди страдаютъ и оттого жалуются! Невеселая штука жизнь!

Съ нѣсколькихъ юныхъ устъ сорвалось: «О, да!», но такъ тихо, что нельзя было разобрать, кто именно прошепталъ.

— Я прочла романы Эліотъ,—сказала Ренэ.— Такъ они меня разволновали, и все-таки я чувствовала, что это такъ— фантазія бумажная.

— Развѣ требовать справедливости—это значитъ фантазировать?

Ренэ вытянула свою шею. Она у нея была длинная и цвѣтомъ похожа была на старую слоновую кость.

— Я не вѣрю,—сказала она.—За что они могутъ такъ любить другихъ людей? Я понимаю, еслибъ они любили Бога!

— Вотъ тебѣ и святая!

— Да вотъ именно они ничего не ждутъ отъ загробной жизни и оттого заявляютъ всѣ права на эту, земную жизнь. Не можетъ весь свѣтъ вѣрить въ Бога и молиться такъ, какъ вы.

Есть такія, которыя страдаютъ, хотя ничѣмъ не заслужили этого, и негодуютъ... Я сама первая...

Вопросъ этотъ, часто затрагиваемый въ разговорахъ, близко задѣвалъ всѣхъ и со всѣхъ сторонъ послышались короткія, въ полголоса, замѣчанія:—Я тоже... а я нѣтъ... Я начинаю роптать иногда... Ахъ, Боже мой! иголку сломала.

Генріетта уже нѣсколько минутъ была поглощена разсматриваніемъ трехъ оттѣнковъ ленты съ отливомъ, которую надо было подобрать къ лиловымъ цвѣтамъ. Она разворачивала ленту, мяла ее и прищуривала глаза.

Слушая разсужденія этихъ шестнадцати- семнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ, она, болѣе старшая и умная, невольно покачала головой. Ирма замѣтила это и спросила:

— Ну, вы то, мадемуазель Генріетта!

— Почему «я-то»?

— Потому что ваше мнѣніе хорошо извѣстно. Вамъ нѣтъ надобности говорить. Вы—сама мудрость, добродѣтель, разсудительность, дѣвушка, которая не можетъ упасть...

— И слава Богу: упадешь—расшибешься!—сказала смѣясь Генріетта.

Ирма непріязненно посмотрѣла на нее и замолчала. Зазвякали ножницы, застучали наперстки, заработали иголки; каждый умъ пошелъ по своему пути, туда, куда никто не можетъ за нимъ слѣдовать, въ царство мечты, гдѣ нѣтъ дорогъ. Солнце палило все сильнѣе. Въ полуоткрытое окно вливался душный, насыщенный электричествомъ воздухъ. Онъ давилъ и стѣснялъ дыханіе, и легкія быстро выталкивали его изъ груди, точно ядъ. Капли пота блестѣли на открытыхъ шеяхъ дѣвушекъ. Отъ времени до времени чей-нибудь каблукъ нетерпѣливо стучалъ по полу или на столѣ выбивалась пальцами мелкая дробь. Работать было уже труднѣе, и хорошія идеи терялись въ лѣнивой полудремотѣ. О смерти Лемарье уже всѣ забыли.

— Пора бы уже сезону кончаться,—сказала толстая Люси: она задыхалась.—Лучше сидѣть дома безъ гроша, чѣмъ работать въ такую адскую жару!

Ея фраза не встрѣтила отклика среди усталаго равнодушія дѣвушекъ. Но она волновала ихъ, какъ ударъ весла волнуетъ глубокія воды. На поверхности кое-гдѣ легкая рябь; камышъ стоитъ, не шелохнется; мухи и пчелы попрежнему пьютъ сладкій медъ изъ чашечекъ желтыхъ кувшинокъ; но волна воздуха прошла и возмутила покой рѣки до самыхъ корней, спрятанныхъ подъ водою травъ. Прекратится работа! Ну да, начнется мертвый сезонъ, и

съ нимъ придутъ дни, свободные, но полные глухого раздраженія, въ эти дни труднѣе достать хлѣба въ кредитъ; мучатъ сомнѣнія; возьмутъ ли опять въ мастерскую, такъ какъ хозяйку осаждаютъ просьбами новыя работницы; даже мысли о смерти мелькаютъ въ умѣ между двумя прогулками или въ долгіе часы праздности. Вынужденныя каникулы, грязная домашняя работа, стычки съ матерями, которыя многаго не понимаютъ, соблазны, отъ которыхъ некуда уйти, скверныя исторіи прошлаго, тоска одиночества—вы возвращаетесь вновь! Вы здѣсь, такъ близко!

На потолкѣ, въ правомъ углу, зажглась бѣлая полоса; это было отраженіе оранжереи, которая лѣтомъ посѣщалась обыкновенно около одиннадцати часовъ.

Ученица Луиза съ любопытствомъ кинула взглядъ въ окно.

Въ тотъ же моментъ раздались рыданія. Плакала одна изъ дѣвушекъ за столомъ, запустивъ руки въ волосы, опираясь грудью на столъ и конвульсивно вздрагивая плечами. Никто не удивился, и всѣ продолжали работать, даже еще болѣе прилежно склоняясь, чтобы не смущать подругу. Онѣ дѣлали это всегда другъ для друга.. Случалось нерѣдко, что одна изъ нихъ разражалась слезами, не имѣя силъ больше бороться со своимъ горемъ, которое всѣмъ такъ и оставалось неизвѣстнымъ.

На этотъ разъ плакала Ирма, соціалистка, съ огромными глазами. Ей дали время успокоиться, вытереть глаза, оправить волосы.

Всѣ дѣвушки знали, что два дня назадъ ее бросилъ любовникъ.

Вошла мадамъ Клемансъ. Она сдѣлала видъ, что ничего не замѣчаетъ, и улыбалась подъ напудренными волнами своей прически. Она останавливалась на мгновеніе позади каждой гарнировщицы, и по выраженію ея лица и языку можно было бы подумать, что она осматриваетъ коллекцію рѣдкостей въ какомъ-то волшебномъ музеѣ.

Одобрять—было ея принципомъ.

— Отлично... вотъ это прелестная идея! Сиреневый и фіолетовый было бы еще лучше, m-elle Жанна!.. Приподымите этотъ бокъ, m-elle Матильда: два букетика фіалокъ вотъ здѣсь, три или четыре листочка должны небрежно свисать внизъ—вы понимаете? Оттѣнокъ темный, не забудьте... Заказчица блондинка... M-elle Генріетта, вы съ каждымъ днемъ дѣлаете успѣхи. Я получила за ваши шляпы благодарность отъ графини Занисской и отъ мадамъ де-Стревиль. Придайте немножко больше мягкости ва-

шимъ шу (вотъ если придержать пальцемъ здѣсь), и получится настоящій шедевръ... Вы должны больше вытягивать формы, m-elle Ренэ, вы ихъ недостаточно разрабатываете. Но модель хороша. Ее надо будетъ скопировать, m-elle Августина... Да, кстати: двѣ бѣлыя соломенныя шляпки съ розами для дочерей генеральши должны быть готовы къ сегодняшнему вечеру—ѣдутъ на дачу... Я обѣщала...

— Онѣ въ работѣ у m-elle Ирмы,—отвѣтила «старшая».

Мадамъ Клемансъ окинула взглядомъ заплаканную дѣвушку, ничего не сказала и вдругъ замѣтила Мари Шварцъ.

— А, это новая? а что вы ей даете?

— Я ее усадила за дѣтскіе капора. Ничего, справляется.

Хозяйка направилась уже было къ двери уходить, но вдругъ вспомнила еще что-то. Она выпустила дверную ручку, за которую уже взялась, сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ и наклонясь къ Генріеттѣ, сидѣвшей съ краю стола, сказала довольно тихо:

— М-elle Генріетта, сейчасъ же послѣ обѣда отправьтесь, пожалуйста, къ m-me Лемарье. Она проситъ васъ.

Хотя хозяйка говорила пониженнымъ голосомъ, все же многія мастерицы разслышали ея слова и раскрыли большіе глаза. Августина приняла обиженный видъ и подтянулась на своемъ табуретѣ. Хозяйка почувствовала необходимость подробнѣе мотивировать свое распоряженіе, чтобы избѣжать конфликта между двумя своими лучшими работницами.

— Я только что получила отъ мадамъ Лемарье записку. Она проситъ, чтобы прислать именно васъ, m-elle Генріетта. Вы возьмете три модели съ нашей выставки съ бѣлымъ бандо, конечно, какъ для вдовы. Пусть пойдетъ съ вами и m-elle Шварцъ. Она начнетъ свою профессію примѣряльщицы.

— Хорошо, мадамъ.

Когда дверь за хозяйкой закрылась, дѣвушки стали многозначительно перешептываться: «Вотъ тебѣ и разъ! еще одно событіе!» — «А какъ Августинка злится!» — Ну, еще бы! Она цѣлыхъ десять лѣтъ всегда имѣла дѣло съ этой дамой. Настоящій абонементъ и вдругъ!» — «Надо все-таки сознаться, что Генріеттѣ везетъ во всемъ. И какой у нея веселый видъ!» — «А та? Вотъ старая обезьяна! Какую рожу скорчила!»

«Старая обезьяна» была сорокалѣтняя модистка, которая чувствовала, что впала въ немилость и скоро останется безъ заработка. Она постаралась принять осанку, которую она считала полной достоинства, чтобы скрыть подъ ней свое отчаяніе;

а дѣвушки смѣялись и не хотѣли ее понять, потому что она немолода, и горе ея—не на любовной почвѣ.

Прозвонилъ звонокъ. Звукъ его былъ заглушенъ стѣнами, обоями и казался выходящимъ изъ-подъ земли. Призывали къ обѣду. Всѣ иголки мигомъ воткнуты были въ подушечки. Дѣвушки медленно встали, и нѣкоторыя сняли бѣлые нарукавники, одѣвавшіеся для работы. Нѣкоторыя стояли нѣсколько минутъ неподвижно, закостенѣвшія отъ долгаго сидѣнья. Затѣмъ коридоръ наполнился шумомъ заглушенныхъ ковромъ шаговъ, шелестомъ юбокъ, молодымъ сдержаннымъ смѣхомъ; вымывъ руки въ комнаткѣ рядомъ съ бюро кассирши, работницы мадамъ Клемансъ вошли въ большую, темноватую столовую, гдѣ хозяйка занимала предсѣдательское мѣсто за обѣденнымъ столомъ. Дѣвушки разсаживались, какъ хотѣли, за исключеніемъ «старшей» и кассирши, которыя садились по правую и по лѣвую руку мадамъ Клемансъ. Обыкновенно Генріетта занимала мѣсто рядомъ съ Августиной, но въ этотъ разъ Августина позаботилась помѣстить между собой и соперницей свою фасонщицу Ренэ. Разрывъ былъ открытый.

Генріетту это мало тревожило. Она думала о томъ, что ей надо сейчасъ идти къ мадамъ Лемарье.

X.

Въ особнякѣ Лемарье всѣ семь оконъ фасада — перваго, второго и третьяго этажей были закрыты, и жалюзи спущены. Къ подъѣзду почти безпрерывно подходили и звонили господа, посыльные, лакеи. Они очень легко—оттого, что въ домѣ лежалъ покойникъ—нажимали кнопку звонка; дверь открывалась слегка, притрагивались рукой къ своей шляпѣ, протягивали визитную карточку и удалялись.

На столѣ въ вестибюлѣ серебряный подносъ былъ весь, до рѣзныхъ ручекъ, заваленъ визитными карточками. Каждые четверть часа приносили вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ или изъ бисера.

Въ желтой гостиной перваго этажа на атласномъ стеганомъ пуфѣ сидѣла мадамъ Лемарье. Черное ея платье свѣшивалось на полъ. Она смотрѣла на дверь, куда только что вышелъ ихъ домашній нотаріусъ Леканю. Комната было слабо освѣщена. Съ улицы свѣтъ проникалъ сквозь неплотно закрытыя жалюзи, а съ другой стороны черезъ полуоткрытую дверь въ сосѣднюю

комнату, гдѣ лежало тѣло Лемарье, съ руками, скрещенными подъ распятіемъ, съ рѣзко осунувшимся, но все еще властнымъ лицомъ. Горѣли двѣ свѣчи, и двѣ монахини дежурили у ложа. Ихъ не было видно изъ гостиной. Яркая полоса свѣта, упираясь въ навощенный паркетъ, соединяла обѣ комнаты. Можно было бы подумать, что въ гостинной совсѣмъ пусто, еслибъ оттуда не раздавались иногда позвякиваніе четокъ вдовы или мягкій шелестъ вѣнка, который лакей клалъ на другой, и шумъ его заглушенныхъ осторожныхъ шаговъ.

Мадамъ Лемарье была погружена въ раздумье.

Кто-то вошелъ. Она узнала приближавшагося толстяка: онъ подвигался чуть не ощупью, боясь опрокинуть что-нибудь изъ мебели.

— Это вы, Мурьё? Вы сдѣлали заявленіе?

— Да. Жду только вашихъ распоряженій, чтобы сдѣлать остальное вмѣстѣ съ Викторомъ. Нѣтъ ли въ завѣщаніи какихъ-нибудь указаній насчетъ похоронъ?

— Нѣтъ. Ничего...

И она замолчала. Уронивъ руки на колѣни, она раскрыла ихъ, ладонями вверхъ, покорно-пассивнымъ жестомъ, который соотвѣтствовалъ, должно быть, настроенію ея безхитростной души. Пристально глядя на Мурьё, она сказала:

— Я вдвойнѣ опечалена. Вышло такъ, какъ я думала: мы очень богаты.

Мурьё проворчалъ:

— Это много лучше, чѣмъ бѣдность.

Она продолжала тѣмъ же вдумчивымъ тономъ:

— Не всегда, Мурьё... Но дѣло вотъ въ чемъ: Леканю сообщилъ мнѣ сейчасъ, что мужъ завѣщалъ мнѣ всю ту часть состоянія, которымъ онъ могъ располагать какъ угодно.

— Возможно ли? Вамъ?

Мурьё удивленно поднялъ свои косматыя брови. И добавилъ:

— Ну что-жъ, дорогая мадамъ Лемарье, я изумленъ и очень... очень счастливъ.

— А я... я не изумлена, Мурьё. Покойный мужъ боялся, что сынъ оказался бы слишкомъ расточительнымъ. А затѣмъ... онъ меня не любилъ,—это вѣрно,—но уважалъ.

— Безъ сомнѣнія.

— Можетъ быть, онъ подумалъ, что это будетъ своего рода... ну, компенсаціей, что ли. У самыхъ суровыхъ мужчинъ

есть иногда въ основѣ доброта. Какъ бы то ни было, его воля выражена формально. Я—наслѣдница. Состояніе огромное.

Мурьё кивнулъ утвердительно.

Она вздохнула и прибавила:

— И нечестно нажитое.

— Ахъ, что вы?

— Я знаю, что я говорю, Мурьё, и я повторяю—нажито гадкимъ путемъ.

— Но, позвольте! Упорный тяжелый трудъ, много потраченной энергіи, много ума и интеллигентности... Вашъ мужъ заработалъ честно...

— По ходячимъ и общепринятымъ понятіямъ—да, мой другъ. Но я—свидѣтель всей его жизни. Знаете, тотъ единственный свидѣтель, котораго нельзя обмануть. Я знала, какъ берутся деньги, которыя мнѣ теперь достались, и задолго до того, какъ онѣ стали моими, я страдала, пользуясь ими. Страдала сильно, повѣрьте мнѣ. Въ концѣ Имперіи—вы тогда не были здѣсь—мы ставили подряды въ двѣсти тысячъ франковъ: консервы десятаго сорта, сфабрикованные для иностраннаго флота; пріемщики ихъ признавали великолѣпными, потому что... вы понимаете, неправда ли? И тогда же, и позже, и всегда вы не видали, какъ депутаты отъ рабочихъ приходили въ контору и сюда, на домъ—сколько разъ я слыхала эти сцены!—и жаловались, что заработка имъ не хватаетъ—а мы не увеличивали, потому что конкурентовъ у насъ почти не было. Вамъ не пришлось слышать жестокихъ отвѣтовъ, увольненій безъ всякаго повода, рѣчей служащихъ, спеціально тренированныхъ, что-бы разъяснять несчастнымъ, получившимъ увѣчья, что катастрофа не обязываетъ фабрику къ отвѣтственности. Вотъ изъ какихъ сбереженій составились наши капиталы!.. А сколько нравственнаго страданія, которое можно было видѣть, можно было смягчить! Проклятыя стѣны фабрики! смотрю на нихъ бывало, и плачу. Сегодня ночью, когда я узнала, что фабрика горитъ, первой моей мыслью было: тѣмъ лучше!..

Мадамъ Лемарье перевела дыханіе, нѣсколько успокоилась и затѣмъ продолжала съ обычнымъ своимъ выраженіемъ невозмутимости:

— Впрочемъ, не стоитъ продолжать. Вы меня избавляете отъ новыхъ доказательствъ, правда?

— Да,—отвѣтилъ Мурьё наивно,—я хорошо зналъ покойнаго и, не соглашаясь со всѣми вашими...

— Я говорю все это не ради желанія обвинять, мой другъ,

но для того, чтобы подготовить васъ къ моему рѣшенію Это состояніе мнѣ омерзительно, я принимаю его только для того, чтобы хорошо его истратить. Я буду отдавать все, что только смогу.

Мурьё невольно повернулъ голову въ ту сторону, гдэ лежалъ покойникъ: какъ-будто тотъ могъ услышать эти слова. Тишину въ гостиной нарушилъ шелестъ перекладываемаго на другое мѣсто бисернаго вѣнка, и этотъ звукъ подтвердилъ, что настоящее принадлежитъ ей, женщинѣ, которая только что говорила. Мурьё, охваченный волненіемъ, которое онъ не могъ не проявить въ какомъ-нибудь внѣшнемъ дѣйствіи, всталъ, протянулъ руку и сказалъ:

— Окажите мнѣ честь и дайте мнѣ пожать вашу руку, мадамъ Лемарье; ваши слова преувеличены, но всетаки это золотыя слова!

— Вы поможете мнѣ, голубчикъ Мурьё, правда? Мнѣ самой не справиться толково со всѣми этими деньгами. Это такъ трудно! Мнѣ будутъ нужны ваши совѣты.

Мурьё стоялъ, восхищенный этой женщиной, душа которой такъ полно и неожиданно раскрылась передъ нимъ.

— А Викторъ освѣдомленъ уже?

— О содержаніи завѣщанія? Да, онъ присутствовалъ здѣсь.

— А объ остальномъ?

— Я поговорю съ нимъ при первомъ же случаѣ наединѣ, какъ мать съ сыномъ. Я считаю его способнымъ понять. А вы? Помните, что́ онъ говорилъ при отцѣ въ тотъ вечеръ въ саду?

— Да... онъ говорилъ...

— Вы сомнѣваетесь въ немъ? А онъ такъ привязанъ къ вамъ.

— Мадамъ,—возразилъ старикъ, уклоняясь отъ отвѣта,— я слишкомъ старъ для того, чтобы предпринимать что бы то ни было. Нужды всюду много. Сколько ее среди портнихъ и модистокъ, которыхъ я хорошо знаю! Но вамъ бы нужна была для собиранія свѣдѣній и для помощи одна изъ нашихъ дѣвушекъ, чуткая, интеллигентная и знающая хорошо изнанку своего ремесла—такія у насъ попадаются...

— Вы мнѣ говорили когда-то раньше о м-ль Мадьо?

— Да, вѣрно. Еслибъ только она захотѣла! Это прелестная дѣвушка.

— Она сегодна должна быть у меня, — спокойно произнесла м-мъ Лемарье.

Мурье сдѣлалъ удивленный жестъ: какъ могла она въ такой день прежде всего подумать объ этомъ?

— Не изумляйтесь,—сказала мадамъ Лемарье,—я нисколько не намѣрена говорить сегодня объ этомъ вопросѣ съ м-ль Мадьо. Нѣтъ! Дѣло идетъ о другомъ.

И снова негодованіе на прошлое и энергичный протестъ противъ долгаго униженія залили краской ея лицо.

— Дѣло въ томъ, что съ Мадьо поступлено было несправедливо. Надо исправить это сейчасъ-же, потому что они—бѣдные люди. Вчера мнѣ было въ этомъ отказано. Мнѣ хочется, чтобы поскорѣе было забыто все слишкомъ тяжелое въ прошломъ.

Дверь отворилась, и вошедшій лакей спросилъ:

— Барыня, пришли отъ m-me Клемансъ со шляпами.

— Хорошо, попросите наверхъ.

Когда лакей вышелъ, она сказала:

— Я болѣе несчастна, чѣмъ другія, милый Мурьё, оттого, что я была рождена для скромнаго положенія, а теперь у меня обязанности, которыя трудно понять и исполнить... Дайте мнѣ руку.

Она поднялась, и Мурьё довелъ ее до конца вестибюля, къ лѣстницѣ. Тамъ онъ распрощался. М-мъ Лемарье, глядя вслѣдъ сгорбленной фигурѣ стараго друга, который еще больше. чѣмъ обыкновенно склонилъ голову къ лѣвому плечу, видѣла въ то же время двѣ стройныя дѣвичьи фигуры, подымавшіяся по лѣстницѣ, въ розовомъ сіяніи стекляннаго цвѣтка. Это были Генріетта и Мари. Мари шла сзади и несла три круглыя картонки. М-мъ Лемарье старалась угадать, которая изъ двухъ была эта Генріетта Мадьо. Была ли это та, что подымалась такъ легко, безъ усилія? Лица были скрыты полями шляпъ.

Генріетта пришла сюда незнакомкой. Входя, она думала: «Какъ здѣсь красиво!» М-мъ Лемарье, съ своей стороны, не испытывала и не могла испытывать ничего, кромѣ любопытства и симпатіи къ этой работницѣ, которую ей хвалили, какъ умную и чуткую дѣвушку. Но симпатія еще увеличилась, когда на послѣдней ступенькѣ широкой каменной лѣстницы постепенно открылось передъ ней лицо Генріетты: сначала подбородокъ и нѣжно-бѣлая шея блондинки, затѣмъ маленькій ротъ, небольшой, прямой носикъ и наконецъ свѣтлые, съ золотыми искорками, глаза, которые поднялись при взглядѣ на нее. Старая дама подумала: «Какъ она хороша!» И главное, она съ волненіемъ, которое часто давало ей жизнь, почувствовала въ Генріеттѣ дѣ-

вушку,—существо безконечной и хрупкой прелести, которое счастливыя матери держатъ возлѣ себя.

И эта мысль заставила ее вспомнить о своей умершей дочкѣ и быстро отвернуться, не говоря ни слова.

— Какая безобразная,—прошептала Мари.—И она такая богачка?

Вслѣдъ за мадамъ Лемарье онѣ прошли въ темно-синюю комнату, выходящую во дворъ.

Окна здѣсь были открыты.

— Вотъ шляпы, которыя вы желали видѣть, мадамъ,—сказала Генріетта,—угодно вамъ, чтобы барышня сначала примѣрила ихъ передъ вами?

Отвѣтомъ было едва слышное «да». Генріетта подняла вуаль и нагнулась надъ картонками, которыя Мари поставила на полъ; но завязки были затянуты въ узелъ, и ей пришлось стать на колѣни.

— Простите, пожалуйста, — сказала она,—надо распутать тесемки.

— Ничего. Не торопитесь, m-elle. Я не свѣтская дама и не особенно капризна.

— У насъ три модели, madame, которыя отличаются только богатствомъ плиссировки. Вотъ это самая скромная... Станьте хорошенько противъ свѣта, m-elle Мари, пригладьте немножко волосы.

Говоря это, Генріетта поднялась гибкимъ движеніемъ, держа между двухъ пальцевъ токъ изъ чернаго крепа, съ рѣзко подчеркивающимъ его траурность бѣлымъ кантикомъ. Она увѣренно посадила шляпу на голову манекенши, ни слишкомъ впередъ, ни слишкомъ назадъ, притянула на виски двѣ черныя пряди, подражая прическѣ старыхъ женщинъ, заколола булавку и спросила:

— Въ такомъ жанрѣ?

Но тотчасъ замѣтила, что мадамъ Лемарье не обращаетъ на шляпу никакого вниманія, а все время не сводитъ глазъ съ нея самой, Генріетты, хотя обыкновенно покупательницы въ такихъ случаяхъ совершенно игнорируютъ продавщицу. Это удивило ее. Она вызывала вниманіе. Проявляли даже восхищеніе, и она не могла не улыбнуться. Въ этой улыбкѣ польщенной юности была благодарность. Но она быстро подавила это проявленіе личнаго ощущенія, здѣсь неумѣстнаго.

— Желаете ли вы,—снова начала она,—чтобы мы примѣрили другой фасонъ?

Но, повидимому, богатая вдова фабриканта была странная особа, такъ какъ она спросила:

— Вы такая молоденькая, m-elle. Простите, но сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать четыре, мадамъ.

— И вы уже давно работаете?

— Конечно, мадамъ. Съ дѣтства.

— И ваше дѣло нравится вамъ, правда? Вы очень искусны. Вы заняты у m-me Клемансъ круглый годъ, не такъ ли? У васъ нѣтъ мертваго сезона?

У Генріетты, какъ у всѣхъ дѣвушекъ-модистокъ, была извѣстная профессіональная гордость, которая не позволяла ей жаловаться. Да и, кромѣ того, она была настолько демократична, что не могла не замкнуться холодно отъ разспросовъ и сожалѣнія представительницы враждебнаго класса. И она холодно отвѣтила:

— Нѣтъ, madame, я всегда занята. И я всѣмъ довольна.

Морщины на щекахъ вдовы Лемарье углубились. Своими добрыми глазами она нѣсколько мгновеній разсматривала обѣихъ дѣвушекъ: одну прямую, изящную, почти высокомѣрную, другую равнодушную и такую странную въ траурномъ токѣ. Затѣмъ, безъ тѣни горечи, она сказала:

— Я очень счастлива, m-elle, что вы всѣмъ довольны. Что касается меня, то я многимъ недовольна. Напримѣръ, вотъ хотя бы этимъ: между вашимъ дядей и моимъ мужемъ были разговоры, касавшіеся денегъ, не правда ли?

— Да, мадамъ... И разговоры эти, кажется... кончены.

— Вотъ именно. Но не такъ, какъ я бы хотѣла. Пожалуйста, передайте вашему дядюшкѣ, что ему назначена пенсія въ пятьсотъ франковъ въ годъ, какъ старому рабочему нашей фабрики.

Генріетта оторопѣла. Она покраснѣла такъ сильно, что даже слезы выступили у нея на глазахъ.

— Господи! какъ онъ будетъ счастливъ. Какъ я вамъ благодарна за него, мадамъ! Онъ ужъ пересталъ надѣяться... Я не знаю право, какъ выразить вамъ...

Мадамъ Лемарье протянула ей руку, но Генріетта не рѣшалась подать ей свою, такъ какъ не привыкла къ такимъ фамильярностямъ со стороны кліентокъ: она чувствовала себя сконфуженной и счастливой и не знала, какъ ей быть. Вдругъ какая-то тѣнь вытянулась передъ ней по паркету. Это былъ Викторъ

Лемарье. Онъ вошелъ изъ вестибюля. Въ рукахъ у него была пачка конвертовъ съ широкой черной каймой.

— Виноватъ,—сказалъ онъ, увидѣвъ Генріетту и Мари.

— Ахъ, это ты, дитя мое!—сказала мадамъ Лемарье, не видя сына, но только услыхавъ его голосъ.—Я сейчасъ. Кончаю выбирать шляпу.

Она приблизилась къ Мари.

— Дайте мнѣ эту,—сказала она.—Болѣе элегантной мнѣ не нужно.

Мари, съ чувствомъ облегченія, быстро сняла шляпу и положила ее на мраморъ комода, затѣмъ быстро собрала двѣ полныя картонки. Генріетта поклонилась, пристально устремивъ на старую даму смягченный взглядъ, который точно говорилъ:

— Спасибо за него и спасибо за меня.

Дѣвушки вышли изъ комнаты. Въ вестибюлѣ, близко отъ дверей, Викторъ Лемарье, стоявшій у стѣны, увидѣвъ проходившую Генріетту, нагнулъ книзу свою острую бородку и сказалъ:

— Здравствуйте, m-elle Мадьо.

Звукъ этого яснаго, молодого голоса замеръ безъ отвѣта, ударившись о стѣнку, гдѣ безъ конца стучали четки монахинь.

— Я пришелъ надписывать адреса приглашеній,—сказалъ Викторъ, входя въ комнату матери.—Вы не очень устали?

Кивкомъ головы она отвѣтила «нѣтъ» и указала на маленькій столикъ, гдѣ они могутъ писать, усѣвшись рядомъ.

XI.

Траурные билеты для разсылки знакомымъ были напечатаны на толстой бумагѣ и украшены сверху крестомъ: какое мѣсто занималъ крестъ въ этой угасшей жизни? Было написано: «Скончался, напутствуемый благословеніями церкви». Это было невѣрно, такъ какъ покойный никогда не заботился объ этомъ. Въ билетахъ отпечатанъ былъ «De Profundis». Кто его прочитаетъ?

Мадамъ Лемарье вздохнула, вкладывая въ конвертъ первый сложенный ею билетъ, и стала молча надписывать адресъ своимъ аккуратнымъ, четкимъ почеркомъ, одинъ, другой, третій. Викторъ дѣлалъ то же самое. Иногда они взглядывали въ лежавшій между ними списокъ.

— Надо послать, конечно, только иногороднимъ. Остальное все сдѣлаетъ похоронное бюро. Мурьё тамъ былъ: весь городъ будетъ извѣщенъ.

— Да, я знаю.

— Генералу д'Эспелеттъ, командующему 16-ой дивизіей... Вы увѣрены, что эта фамилія пишется съ двумя т..? Да?.. Ну, хорошо... Этотъ генералъ можетъ мнѣ быть полезенъ, когда я буду отбывать свою службу, офицеромъ запаса, въ январѣ.

Отвѣтомъ на это замѣчаніе былъ только скрипъ пера, выводившаго на конвертѣ: «Господину Ле-Мансаръ, генеральному совѣтнику...»

— Вы приглашаете Мансара, мама?

— Разумѣется.

— Но онъ выступалъ противъ отца. Отецъ его ненавидѣлъ.

Мадамъ Лемарье взглянула на сына съ упрекомъ и сказала, снова продолжая писать:

— Видишь ли, голубчикъ! Мнѣ бы хотѣлось имѣть возможность пригласить всѣхъ враговъ твоего отца. И, можетъ быть, благодаря такому маленькому вниманію получить прощеніе нѣкоторыхъ. Человѣческая жизнь сплетается съ такимъ множествомъ другихъ, особенно жизнь владѣльца большого предпріятія... Часто даже противъ воли дѣлаются несправедливости, обиды...

— Въ такомъ случаѣ, мама, слѣдовало бы пригласить всѣхъ бывшихъ уволенныхъ рабочихъ, разсчитанныхъ за ненадобностью при введеніи машинъ, всѣхъ вдовъ, не получившихъ пенсіи...

Мадамъ Лемарье прислонила перо къ краю стеклянной чернильницы и сказала:

— Да, еслибъ всѣ эти бѣдняки прочитали хоть одну молитву за твоего отца!

— Ну вотъ еще! Они даже не знаютъ молитвъ!

— Я бы съ готовностью отдала за это часть своего состоянія. Душамъ умершихъ такъ тяжело распрощаться съ землей, когда у нихъ нѣтъ этихъ крыльевъ. Мальчикъ мой, я счастлива хоть тѣмъ, что ты одинаково со мной думаешь, когда дѣло идетъ о нашихъ рабочихъ. Я, видишь ли, смотрю на нихъ—эта мысль у меня была всю жизнь—какъ на своего рода компаньоновъ, только безъ контракта. Отецъ думалъ иначе и оставилъ намъ состояніе, съ которымъ можно сдѣлать много добра.

Она остановилась, но отвѣта не было, и она продолжала:

— Какой огромной радостью будетъ для меня расквитаться! А тебѣ? Я увѣрена, что ты уже думалъ объ этомъ: у тебя, вѣдь, столько души. Отдавать—такое прекрасное слово!

— Думалъ ли я?.. Нѣтъ, я еще не успѣлъ.

— Но ты, вѣдь, не отказываешься, конечно, помогать мнѣ въ добрыхъ дѣлахъ, которыя я хочу дѣлать?

— Конечно, если только вы будете поступать благоразумно.

Тогда мать спросила его съ довѣрчивой просьбой въ голосѣ:

— Ну, а скажи мнѣ, Викторъ, что ты называешь «благоразумно»!

Онъ подумалъ съ минуту.

— Напримѣръ... напримѣръ, вотъ эти Мадьо. Я бы считалъ, что за долгую службу дяди надо было бы устроить имъ маленькую пенсію.

— Прекрасно, милый другъ: это уже сдѣлано.

— Какимъ образомъ?

— И еслибъ ты увидѣлъ, какъ удивлена, какъ обрадована была только что эта дѣвушка! Право, благодарность превышала цѣну подарка. Это было наивно, это было...

— Позвольте, мама: сколько же вы даете?

— Пятьсотъ франковъ въ годъ.

— Однако! Какъ вы сразу начали! Вотъ это уже неблагоразумно.

Мать мягко, не желая спорить, возразила:

— Подумай, Викторъ: тридцать лѣтъ службы! Я еще стѣснялась, что назначила слишкомъ мало. Вѣдь, пойми, это не благотворительность, а необходимость, почти что долгъ. При такомъ состояніи, какъ наше, знаешь, какая у меня мечта?

Молодой человѣкъ, нахмуривъ брови, вертѣлъ между пальцами ручку, упрямо не сводя глазъ съ чернильницы.

— Моя мечта—это создать нѣсколько большихъ фондовъ, дѣлъ что-ли, для помощи рабочимъ и ремесленникамъ. Какихъ фондовъ? Я еще сама не рѣшила, хотя у меня есть идеи. Мы бы вмѣстѣ подумали, вмѣстѣ составили планъ, мы бы создали новую репутацію фамиліи Лемарье, которую столько людей проклинало... Мнѣ бы хотѣлось, чтобы мы были не такъ богаты, но любимы. Хочешь этого, дитя мое?

Не сводя глазъ съ чернильницы, Викторъ произнесъ съ видомъ превосходства надъ женщиной, которое такъ быстро появляется у мужчинъ въ денежныхъ вопросахъ:

— Вотъ что, мама: я предлагаю продолжать наши адреса: уже три часа, и почта ждать не будетъ.

Она вздрогнула, какъ-будто отъ боли, но сдержалась: надо было охранять будущее, все ихъ будущее! Она грустно проговорила:

— А какъ же то, что ты говорилъ отцу? Я перестаю понимать, другъ мой.

Онъ поднялъ руки:

— Да я и теперь думаю точно такъ же! Но черезчуръ наивно, знаете ли, раззоряться, чтобы измѣнить вещи, которыя являются результатомъ всего склада общества... Надо мѣнять воспитаніе, нравы... Ужъ не знаю какъ...

Слова его упали, не вызвавъ отвѣта. Мадамъ Лемарье снова взялась за писаніе, низко нагнувшись надъ конвертами съ черной каймой. Она узнала своего сына и оказалось, что онъ гораздо больше похожъ на отца, чѣмъ она всегда думала. Съ нимъ тоже надо молчать. Впродолженіе тихаго часа, который они провели вмѣстѣ за писаніемъ, Викторъ нѣсколько разъ видѣлъ, что она смахивала слезу.

По лѣстницѣ все приносили вѣнки.

. . . .

А старый Мадьо въ этотъ вечеръ былъ внѣ себя отъ радости. Пятьсотъ франковъ казались ему богатствомъ. Онъ то и дѣло принимался благодарить Генріетту, которая отрицала всякую свою заслугу и повторялъ ей: «Теперь, дѣвочка моя, когда дѣло въ шляпѣ, не ходи ты лучше къ этимъ богачамъ!»

— Но, дядя, если меня посылаетъ m-me Клемансъ?

Онъ не находилъ отвѣта. Но радость такъ и бушевала въ немъ. Онъ былъ такъ доволенъ, что племянница позволила ему— она теперь давала ему позволеніе—зайти къ тремъ-четыремъ старикамъ-пріятелямъ, имѣвшимъ, какъ и онъ, медали за Мексику и Крымскую кампанію, которыхъ онъ вспоминалъ только въ важные моменты своей жизни.

XII.

На слѣдующее утро, причесываясь, Генріетта нашла себя хорошенькой.

Она вышла одна, на залитую солнцемъ улицу.

Сирень въ цвѣту, любимая моя! Ты чувствуешь ея запахъ? Сирень? Нѣтъ. Ея время прошло, и ея ароматъ не возвращается. Это, вѣроятно, цвѣтетъ ракитникъ: его золотые гроздья колокольчиками спадаютъ на ажурную зелень листвы. Но цвѣты его благоухаютъ, и ароматъ ихъ вызываетъ много тревожныхъ мыслей. Что это? Въ своемъ воображеніи вы соединили три вѣтки златоцвѣта и говорите: «Это не то». Луга уже скошены. Вѣтеръ притаился, отдыхаетъ. Милая моя, твои волосы душисты, какъ полевыя маргаритки. Они тоже цвѣтутъ. Ты вся—благоуханіе. Живи, дыши, улыбайся, пей дыханіе жизни. Ты будешь кружить головы и услышишь много признаній.

Красивая Генріетта идетъ въ мастерскую. Она будетъ дѣлать шляпы, и ея хозяйка ихъ продастъ. Этотъ день—не для нея, такъ же, какъ и другіе. Но пока она на улицѣ, она чувствуетъ себя маленькой принцессой.

XIII.

Два дня спустя, рано утромъ, когда надъ водой встаютъ узкія полосы тумана, похожія на бѣлыя стружки, плоскодонная лодка появилась изъ-за луговъ, скользя по Луарѣ. У человѣка, который правилъ ею при помощи шеста, усы были мокры отъ тумана, а глаза полны радостнаго оживленія. Упираясь обѣими руками на шестъ, конецъ котораго касался песчанаго дна и, шагая по ускользающей подъ нимъ лодкѣ, стройный и гибкій въ своемъ синемъ вязанномъ жилетѣ, онъ правилъ напрямикъ къ противоположному берегу, гдѣ находились два островка, отдѣленные другъ отъ друга и отъ земли узкими рукавами Луары. Это былъ Этьенъ,направлявшійся, какъ ежедневно, въ городъ.

Дивная тишина окружала его. Иногда только изъ камышей раздавался крикъ бекаса, всплескъ крыльевъ. Половодья больше не было. Голубая вода, кое-гдѣ замутненная, еще не сверкала дневнымъ яркимъ блескомъ, и только вокругъ песчаныхъ отмелей струя становилась особенно прозрачной и легкой.

Рыбакъ думалъ:—«Ужъ очень люблю ее. Надо сказать ей». Лодка скользила, а день все больше бѣлѣлъ вокругъ него.

Открылся узкій протокъ, гдѣ теченіе почти замирало. Здѣсь, подъ прикрытіемъ двухъ островковъ, среди ила, пышно разрослись камыши, прямые, зеленые, дальше они сломанными желтыми щитами полегли надъ водой. Здѣсь были натянуты верши. Цѣлыхъ полчаса Этьенъ упорно работалъ; онъ подымалъ своимъ желѣзнымъ наконечникомъ ивовые стержни, на которые попалась рыба, отцѣплялъ опутывающіе ихъ клубки тины, и бросалъ рыбу въ ящикъ на кормѣ лодки. Ловля удалась. Этьенъ обогнулъ такимъ образомъ и другой островокъ и попалъ на поворотъ, гдѣ Луара уже разворачивалась широкой лентой, а за нею, въ тающемъ туманѣ, видны были фермы на берегу и очертанія предмѣстья. Этьенъ выпрямился, пустилъ свой шестъ свободно по теченію и, напрягши грудь, какъ трубачъ, закричалъ:

— Эй! кто тамъ? Изъ Жибрэ!

Съ берега ему отвѣтилъ такой же заглушенный крикъ. Люди изъ Жибрэ услыхали. Они поджидали проѣзда рыбака, и

черезъ нѣсколько минутъ весь передъ лодки былъ заставленъ корзинами. Капуста, брюква, порей были навалены грудами и свѣшивались съ обѣихъ сторонъ лодки надъ водой; пучки моркови высились надъ ними, перемѣшанные съ зеленью щавеля и укропа; а все свое зеленое зданіе Этьенъ увѣнчалъ тремя букетами огненныхъ настурцій. Онъ сѣлъ сзади, отчалилъ отъ берега и тремя взмахами весла очутился въ широкомъ мѣстѣ, гдѣ лодку понесло теченіемъ.

«Да, я долженъ говорить съ ней сегодня. Не могу больше молчать»,—думалъ онъ.

Жизнь просыпалась на рѣкѣ. Изъ-за поросли ивняка послышался стукъ колотушки о мокрое бѣлье. Рыбацкія лодки то здѣсь, то тамъ мелькали пятнами на скатерти рѣки, которая уже снизу искрилась блѣднымъ зонтомъ. Силуэтъ города во многихъ мѣстахъ прорывалъ еще не поднявшійся съ воды утренній туманъ.

А Этьенъ дрожащими губами шепталъ слова, которыхъ онъ никогда не осмѣлится произнести и съ бьющимся сердцемъ ждалъ той минуты, когда изъ тумана обрисуется на фонѣ тополей маленькій домъ, высокій и бѣлый, какъ маякъ.

. . . .

У окна своей комнаты Генріетта застегивала послѣднія пуговицы своей черной блузки. Ей хотѣлось видѣть Этьена, но она не разсчитывала, что удается. У бѣдныхъ людей такъ мало свободнаго времени. Въ которомъ часу лодка должна проѣхать мимо? Онъ не сказалъ. И она думала: «Немножко могу еще подождать здѣсь, но долго нельзя!»

Взглядъ ея блуждалъ по всей окрестности, начиная отъ дальнихъ луговъ до самаго города. Вдругъ, на самой серединѣ Луары, она увидала лодку, корзины зелени съ букетами настурціи наверху и стоявшаго въ ней Этьена.

Онъ не правилъ, а бросивъ весло, предоставилъ лодкѣ итти по теченію. Онъ глядѣлъ въ сторону бѣлаго дома и увидалъ Генріетту у окна. Тогда онъ всталъ на заднюю скамеечку, чтобы быть виднѣе, и обѣими руками послалъ въ пространство воздушные поцѣлуи.

Генріетта покраснѣла.

— Ахъ, этотъ Этьенъ!—проговорила она вслухъ.—Онъ начинаетъ себѣ много позволять, однако!

Она отошла вглубь комнаты.—Но черезъ минуту вернулась. Этьенъ повернулъ свою лодку однимъ ударомъ весла, и

уже его не видно было среди шлюпокъ и барокъ маленького порта.

Генріетта заканчивала уборку своей комнаты. Она улыбалась, думая объ Этьенѣ, и рѣшила выбранить его при свиданіи. На щекахъ у нея все еще горѣлъ легкій румянецъ.

Когда она проходила черезъ кухню, старый Мадьо сказалъ ей:

— Что́ это съ тобой сегодня, дѣвочка? Ты какая-то прыткая, точно рыбка.

Да, въ самомъ дѣлѣ, ей сегодня было трудно принять обычную серьезную, будничную физіономію, которая служила ей защитой противъ взглядовъ улицы. Она легко сбѣжала по лѣстницѣ, захлопнула за собой тяжелую дверь. Прямо передъ собой она увидѣла Этьена — онъ стоялъ, прислонясь къ одной изъ акацій, посаженныхъ между скалъ.

Сердце ея сильно забилось. Она почувствовала себя взволнованной и смущенной. Этьенъ шелъ ей навстрѣчу. Лицо у него смѣющееся, но съ выраженіемъ безпокойства. На вязанную куртку онъ надѣлъ черный пиджакъ, а бѣлокурую голову его украшала воскресная фетровая шляпа.

— Я надѣялся увидѣть васъ,—сказалъ онъ.

Генріетта подала ему руку, почти робѣя. По уклону холма лѣпились домики, одинъ возлѣ другого, и передъ каждымъ возилась дѣтвора и выглядывали изъ оконъ хозяйки.

— Какъ бы намъ поговорить!—сказалъ Этьенъ.

— Если хотите проводить меня до канавки, то мы потолкуемъ дорогой,—отвѣтила Генріетта.

Они пошли. Но обои молчали нѣсколько минутъ: онъ глядѣлъ на паруса судовъ, позади которыхъ подымалось солнце, а она слѣдила разсѣяннымъ взглядомъ за знакомой вереницей домовъ, низенькихъ дверей и оконъ, откуда то и дѣло раздавалось: «Доброе утро, m-elle Генріетта»!—«Здравствуй, Марселина! Здравствуйте, бабушка Вивіенъ»!—отвѣчала Генріетта.

Но вотъ они сошли съ холма Мизери, повернули на набережную. Здѣсь стали встрѣчаться незнакомые прохожіе, рабочіе, шедшіе группами или просто гуляющіе. Эта толпа давала молодымъ людямъ ощущеніе одиночества. Этьенъ искоса, нѣсколько смѣлѣе, сталъ вглядываться въ розовое личико хорошенькой дѣвушки, шедшей рядомъ съ нимъ. Молча, какъ бы по уговору, они обошли толпившихся насильщиковъ, выгружавшихъ пароходъ съ зерномъ, а затѣмъ снова пошли вдоль Луары и набрели на

большую кучу мѣшковъ извести: это убѣжище показалось имъ подходящимъ. Они остановились.

— Дѣло въ томъ,—сказалъ Этьенъ тихо,—что я больше не могу.

— Вы хотѣли мнѣ что-то сказать?—спросила Генріетта.

Онъ подождалъ съ минуту, пока отошелъ дежурный таможенный солдатъ.

— Мадемуазель Генріетта, нельзя же вѣчно питать къ вамъ чувство и молчать!

Молодая дѣвушка слегка отшатнулась назадъ, поблѣднѣвъ отъ волненія, и оперлась рукой на кучу мѣшковъ.

— Не уходите! Постойте! Отецъ думаетъ, что я сталъ возить овощи для того, чтобы зарабатывать больше денегъ. Да! и это конечно. Но, главное, мнѣ хотѣлось почаще васъ видѣть. И вотъ-уже ровно три мѣсяца, каждый Божій день я искалъ васъ...

Ему хотѣлось сказать другое, но онъ не могъ продолжать: судорога волненія сдавила ему горло. Слова не шли больше, и онъ подавленно поникъ головой.

Тогда онъ почувствовалъ, что двѣ маленькія ручки, обтянутыя перчаткой, обхватили его руку, и голосъ, тоже взволнованный, проговорилъ:

— Такъ это серьезно, Этьенъ? Видите, я тоже разволновалась. Я не ожидала того, что вы мнѣ сказали. Нѣтъ, я знала, что вы чувствуете ко мнѣ симпатію... мы были такъ дружны съ дѣтства. И мнѣ было это пріятно. Когда вы немножко ухаживали за мной, я думала: «Ничего, ему можно: по праву старой дружбы? Между пріятелями дѣтства нѣтъ ничего особеннаго въ комплиментѣ. А теперь... теперь мнѣ хочется плакать, зачѣмъ вы говорили такъ? Я очень васъ любила!

Этьенъ поднялъ голову. Что-то жесткое проступило въ его лицѣ и звукѣ голоса.

— Значитъ, вы отталкиваете меня? Я слишкомъ маленькій человѣчекъ для васъ?

Генріетта вскинула на него сверкающій слезами искренній взглядъ.

— Я не говорю этого, Этьенъ! Пожалуйста, не надо: мнѣ и такъ тяжело. Посмотрите на меня: я говорю вамъ отъ всей души: я вовсе не презираю васъ, Этьенъ. Я никого не люблю такъ, какъ васъ. Но я не могу вамъ отвѣтить. Я не думала

объ этомъ. Все это слишкомъ неожиданно. Дайте мнѣ немножко времени.

— Сколько?

— Не знаю. Мой братъ скоро уходитъ въ солдаты, и надо подработать для него кое-что. Безъ денегъ трудно въ полку привыкнуть. И потомъ, къ концу года должна рѣшиться моя судьба: быть ли мнѣ старшей у m-me Клемансъ, или нѣтъ. Все мое будущее зависитъ отъ этого. Подождите, пока я буду знать, чтобы мнѣ рѣшать, твердо зная, что я дѣлаю.

Она попробовала улыбнуться ему.

— Мы еще увидимся, Этьенъ. Не приходите въ отчаяніе. А теперь уже половина девятаго: я запоздала.

Она быстро повернулась и пошла, легкая среди утренняго свѣта. Но передъ Этьеномъ еще долго свѣтили ея глаза, глаза нѣжной, ласковой сестры. Онъ долго, не двигаясь съ мѣста, глядѣлъ на набережную, потомъ на боковую улицу, гдѣ стройный, темный силуетъ дѣвушки все уменьшался и наконецъ исчезъ. А лучи тихихъ глазъ Генріетты все свѣтили, проникая въ самое его сердце.

. . . .

Цѣлый день Генріетта перебирала въ умѣ впечатлѣнія этого утра, и еще другія, которыя ее взволновали. Съ работы, вечеромъ, она возвращалась усталая, равнодушная къ мягкой прелести іюньскаго вечера, противъ которой не устояли даже больные: то и дѣло изъ окна бѣдныхъ домиковъ виднѣлись головы молодыхъ матерей, приподнявшихся съ подушекъ, но еще слишкомъ слабыхъ, чтобы встать. Генріетта ни о чемъ не думала. Она даже не слышала голосовъ дѣтей, которыя издали привѣтствовали ее. И малыши замолкали, видя, что знакомое лицо не улыбается имъ; нѣсколько секундъ смотрѣли съ удивленіемъ ей вслѣдъ, а затѣмъ снова продолжали свою прерванную игру. Генріетта даже забывала сегодня приподнять юбку, и весь подолъ ея былъ бѣлый отъ пыли.

Когда она проходила мимо дома Герье, у забора стояла небольшая бѣлая телѣжка на колесахъ, и въ ней лежала дѣвочка—калѣка. Марселина Эсно не вставала уже три года. Она жила въ полной неподвижности, поднявъ голову къ небу, ей стоило усилія даже увидѣть край улицы. Ее перевозили изъ одного тѣнистаго мѣстечка въ другое, по мѣрѣ того какъ солнце передвигалось.

Она была спокойна спокойствіемъ тѣхъ, кто слабо держится за жизнь. Когда Генріетта проходила мимо, глядя неопредѣленно въ пространство, она вдругъ услышала слабый голосокъ откуда-то снизу, точно изъ-подъ земли:

— Мадемуазель Генріетта!

Оглянувшись, она увидала позади телѣжку съ тюфячкомъ изъ морской травы и въ ней блѣдное личико, окруженное рѣдкими, не имѣвшими силы расти, волосами. Она нагнулась, какъ часто дѣлала, чтобы приласкать рукой щеку Марселины. Но сегодня щека дѣвочки была вся мокрая отъ слезъ, а взглядъ ея выражалъ столько страданія, что Генріетта спросила:

— Что съ тобой, дѣтка? Тебѣ больно?

Медленное движеніе головы отвѣтило, что нѣтъ.

— Тебя кто-нибудь обидѣлъ?

Больная прошептала:

— Подойдите совсѣмъ близко. Я вамъ скажу.

И когда молодая дѣвушка склонилась надъ кроваткой больной, составивъ съ ней трогательную группу, которую сосѣдки наблюдали, поднявъ головы отъ своихъ чулковъ, тихій голосокъ прошепталъ ей на ухо:

— Мадемуазель Генріетта, не выходите замужъ! Не уходите съ этой улицы. Я тогда не буду видѣть васъ!

— Бѣдненькая глупышка! Откуда ты взяла это? — сказала Генріетта, выпрямляясь и поглаживая голову дѣвочки.—Что ты? Я и не думаю выходить замужъ—можешь быть спокойна.

Она ушла—еще болѣе взволнованная, чѣмъ была раньше. Она вспомнила, что утромъ, когда она спускалась внизъ съ Этьеномъ, колясочка Марселины была уже на дворѣ, передъ домомъ.

Какой день! Генріетта чувствовала, что не скоро заснетъ въ эту ночь. Она не притронулась къ ужину, который дядя Мадьо приготовилъ для нея; сказала, что у нея сильно болитъ голова и ушла въ свою комнату. Тамъ она раскрыла тетрадку въ сѣромъ полотняномъ переплетѣ, давно заброшенную, куда она раньше записывала свои смутныя юношескія мысли и мечты: это было въ томъ возрастѣ, когда просыпается душа, а нѣтъ друзей, передъ которыми можно было бы высказаться, хотя высказывать и нечего: ощущается только потребность любить.

Генріетта писала:

«У меня нѣтъ никого, съ кѣмъ я могла бы подѣлиться своими огорченіями, никого, кто бы ободрилъ меня и далъ совѣтъ. И странное дѣло: всѣ приходятъ искать помощи у меня, какъ-будто бы у меня есть какая-то сила. На дняхъ Ирма сказала: «Ну, вы, другое дѣло. Какъ будто я принадлежу къ особой породѣ. Увы! нѣтъ. Я изъ породы тѣхъ, которыя любятъ, которыя привязываются къ тысячѣ вещей и множеству людей ихъ окружающихъ и потомъ наконецъ сосредоточиваютъ всю свою любовь на томъ, кто ея до-

стоинъ. Отъ этого я страдаю, но это моя защита. Слабость моя сказывается во многомъ: я легко плачу, я часто оскорбляюсь, мои мысли разсѣянны, и я не могу собрать ихъ. Но такъ какъ я—то, что называется «вполнѣ порядочная дѣвушка», то вся мастерская воображаетъ, что я обладаю особымъ секретомъ, что я—сама-твердыня и могу служить прибѣжищемъ для другихъ. О, какъ онѣ ошибаются!

«Сегодня утромъ, послѣ встрѣчи съ Этьеномъ, вся взволнованная, я пришла въ мастерскую. Ирма, увидя мои красные глаза, сказала: «А, настала, наконецъ, и ваша очередь?» Надо было сдержать слезы, надо было заставить успокоиться плакавшее въ груди сердце и принять обычный видъ въ присутствіи всѣхъ этихъ дѣвушекъ, которыя, можетъ быть, скоро будутъ мнѣ подчинены. Мнѣ было стыдно за себя. Тѣ, которыя поддаются часто огорченіямъ, съ удовольствіемъ смотрѣли на меня. Къ счастью, мадамъ Клемансъ не приходила. Работалось вяло, безъ всякаго интереса. Въ десять часовъ, когда мы, т. е. Августина, Ирма, Матильда и я,—поднялись, чтобы итти на вѣнчаніе м-ль дю Мюэль, бѣдная Мари Шварцъ (я получила разрѣшеніе взять и ее съ собой) подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «У васъ тоже непріятности? Можетъ быть, это изъ-за меня? Хозяйк хочетъ мнѣ отказать?» Я ее успокоила. Она столько перетерпѣла бѣдняга, что всякое страданіе связываетъ со своей особой.

«Черезъ полчаса мы были въ церкви св. Креста, въ дальнемъ углу, среди толпы похуже.

«Я узнала модистокъ отъ мадамъ Луизы и одного моднаго магазина, который открылъ отдѣленіе шляпъ. Церковь была убрана роскошно: ковры, цвѣты, бархатныя кресла и затѣмъ цѣлая процессія настоящихъ дамъ и кавалеровъ—не то, чтобы только богатыхъ, а такихъ, которые умѣютъ носить туалетъ и вести подъ руку даму. Мнѣ было интересно. Вѣдь, съ тѣхъ поръ, какъ я вышла изъ школы, я всегда живу интересами моды и роскоши. Пальцы мои работаютъ для нея ежедневно; у меня остается въ памяти форма банта или оттѣнокъ пучка цвѣтовъ, какъ у другихъ—красивое выраженіе изъ книги. Невѣста медленно подвигалась по среднему проходу—ее велъ отецъ. Мы всѣ встали—нѣкоторыя даже влѣзли на стулья—всѣ мы были охвачены волненіемъ, любопытствомъ и немножко завистью, потому что мы женщины. Вдругъ я замѣчаю, что Мари—она стояла рядомъ со мною — не смотритъ вовсе на свадебныхъ гостей. Я замѣтила это по тому, что мы всѣ поворачивали головы въ одну сторону, чтобы видѣть всѣ проходящія пары, а она

отлонилась назадъ, какъ-будто слушая кого-то. Уже ея черное пальто, которое она, бѣдная, почти постоянно носитъ, соскользнуло на стулъ. Я оглянулась. Тяжелая, нехорошая мысль явилась у меня, когда я увидѣла возлѣ нея своего брата, Антуана.

«Мари я ничего не сказала. Антуана я спросила: «Что ты тутъ дѣлаешь? Отчего ты меня не окликнулъ?» Онъ отвѣтилъ, что дожидался, потому что я была вся поглощена зрѣлищемъ. Жаловался, что у нихъ въ мастерской почти нѣтъ заказовъ, и онъ работаетъ только три дня въ недѣлю. Чтобы избавиться отъ него, я дала ему пять франковъ. Онъ ушелъ. Мари въ эту минуту слушала органъ и не обернулась, не поклонилась ему, даже не видѣла, что онъ ушелъ. Глаза у нея были такіе темные, прекрасные, какъ я люблю.

«У меня на душѣ осталась тревога. Я такъ хорошо знаю Антуана и такъ мало еще знаю Мари Шварцъ! Не умѣю предупредить ее. А между тѣмъ не могу я оставить ее безъ защиты. Онъ будетъ преслѣдовать ее: я чувствую это, чувствую, какъ будто я сестра или мать этой несчастной дѣвушки. И потомъ ужъ такъ я создана: я не могу не страдать, когда вижу ихъ паденіе. Должно быть, это оттого, что мама такъ заботилась обо мнѣ, когда я была маленькая.

«Мы вернулись назадъ. Дорогой я попробовала заставить Мари описать шляпы, которыя она видала въ церкви. Матильда тоже попыталась задать ей нѣсколько вопросовъ. Но, боюсь, что у нея нѣтъ способностей настоящей модистки: запомнила она только лица, походку и подражала имъ, чтобы позабавить насъ.

«Мнѣ было грустно. Въ пять часовъ пришла мадамъ Клемансъ и распустила насъ всѣхъ по домамъ, кромѣ старшей, Ренэ и ученицы. Многія вздрогнули, почувствовавъ приближеніе мертваго сезона и потерю мѣста. Я сказала Мари: «Пойдемте, я хочу посмотрѣть вашу комнату». И мы, какъ старые друзья, побрели вдвоемъ къ улицѣ С.-Симильенъ.

Я вспомнила свою хорошенькую комнату, когда вошла къ ней. Это во дворѣ. Мари нашла тамъ за восемь франковъ конуру съ мебелью,—мнѣ страшно дѣлается, когда я подумаю, кто жилъ тутъ до нея, и какіе люди ее окружаютъ. Навѣрное, двѣсти бѣдняковъ живетъ въ двухъ боковыхъ и въ среднемъ корпусахъ этого большого стараго дома. Мы поднялись по ступенькамъ, заплатаннымъ черепицей. Мари открыла дверь и сказала шутя:

— Вотъ онъ, мой рай! Смотрите!

«Четыре стѣны, выбѣленныя известью, но много, много лѣтъ назадъ, покосившаяся кровать, два стула и столикъ съ крохотнымъ зеркальцемъ, висящимъ у окна.

«Чтобы не расплакаться, я начала шутить. Два стула, къ счастью, нашлись. Я предложила: «Знаете, что? Давайте устроимъ ужинъ»! Мари показала черный очагъ безъ огня, безъ единой кастрюльки. «Это все забыли, видите». Тогда я сбѣгала внизъ и купила провизіи: немного больше, чѣмъ надо было, немножко больше хлѣба, и мы закусили у бѣлаго деревяннаго стола. Мы были веселы обѣ: точно деревья, у которыхъ на мертвыхъ вѣткахъ снѣгъ хоть непрочно, но красиво блеститъ. Я благословляла свою рѣшимость пойти къ ней. Мари была откровенна, и она позволила мнѣ, по-дружески, предостеречь ее насчетъ Антуана. Но какіе у нея странные взгляды!

«Она сказала мнѣ:

— До сихъ поръ ни онъ, ни кто другой. Я думаю, что мужчины просто трусы: они не любятъ такъ, какъ мы. Они бросаютъ насъ, а тѣ женщины, которыя продолжаютъ тянуть лямку, еще болѣе несчастны. Но я себя знаю хорошо, и не хочу васъ обманывать. Если я свихнусь, то это будетъ вина моего дурного совѣтчика.

— Какого?

— Да все того же. Подумайте. За комнату я плачу восемь франковъ въ мѣсяцъ. Получаю я пятнадцать. А надо ѣсть, одѣваться, стирать мои несчастныя двѣ рубашки и три платка. У меня уже больше пятнадцати франковъ долга. Какъ же такъ жить? Въ одинъ прекрасный день, когда захочется ѣсть, я выйду на улицу.

«Меня эти слова такъ и ударили по сердцу. Не знаю сама, что я говорила. Мы обѣ заплакали, обнявшись у стола съ остатками ужина.

«Мари ни во что не вѣритъ. Она забыла молитвы, которыя знала когда-то. А натура при этомъ нѣжная, вся изъ порывовъ. Къ сожалѣнію, порывъ у нея въ темную сторону, ко злу, къ смерти. Мнѣ казалось, что я прижимаю къ себѣ свою большую сестру. Мы страдали вмѣстѣ; я чувствую, что меня связываетъ съ ней ея довѣрчивое признаніе и страхъ, который я испытываю за нее. Мы много потомъ разговаривали. Я старалась пріободрить ее. Предложила ей планъ сокращенія расходовъ, но мы тутъ же стали хохотать надъ нимъ—такъ онъ неисполнимъ! Я обѣщала сдѣлать для нея все, что могу у мадамъ Клемансъ: попытаться выхлопотать ужинъ или маленькую прибавку жалованья.

«Когда я уходила, она такъ крѣпко поцѣловала меня. Небо было полно звѣздъ, но я увидала ихъ только тогда уже, когда пришла домой. Я все время думала о Мари. Мнѣ было радостно, что я могу не думать о себѣ. Боже мой! какъ бы мнѣ хотѣлось помочь ей! Но у меня ничего для этого нѣтъ. Онѣ всѣ называютъ меня доброй, но у меня есть только смутное желаніе дѣлать добро. Я чувствую себя слабой и даже виноватой.

«Да, сейчасъ, въ уютной тишинѣ моей комнатки, я сознаю себя виноватой по отношенію къ Этьену. Какъ и у другихъ дѣвушекъ, у меня есть жажда любви. И я позволила ухаживать за собой потому, что пріятно чувствовать себя предметомъ нѣжности. Я не думала, что Этьенъ такъ скоро заявитъ права на мою любовь. Наша старая дружба оправдывала, казалось мнѣ, фамильярность нашихъ отношеній; я повторяла это сама себѣ, чтобы объяснить взгляды Этьена, его комплименты, его вниманіе. Я сама себя обманывала. Чтобы не лишиться радости этихъ полупризнаній, я слушала ихъ и отказывалась понимать.

«А теперь, послѣ его открытаго объясненія, я не могу больше видѣться съ нимъ, я не могу давать ему случай говорить мнѣ: — «Вы красивы. Вы мнѣ нравитесь безконечно. Вы — та, которую я избралъ»,—и всѣ слова, которыя живутъ въ мечтахъ у всѣхъ насъ, молодыхъ дѣвушекъ. Мнѣ сердечно жаль бѣднаго Этьена, потому что онъ хорошій, честный, любитъ меня и потому, что я чувствую себя немножко виноватой передъ нимъ. Но я хорошо замѣтила въ тотъ день: онъ ничего ровно не понимаетъ въ моемъ дѣлѣ, а, вѣдь, это главное занятіе моей жизни. Развѣ это не важно, если бы мы женились? Развѣ я могла бы, даже любя его, снова сдѣлаться той дѣвочкой, какой я была ровно десять лѣтъ тому назадъ, выйдя изъ школы, ничего не читавшей, не знавшей ничего, кромѣ предмѣстья, и не представляющей себѣ ничего иного, кромѣ брака мѣщанки съ ремесленникомъ?

«Слишкомъ много перебывало въ моихъ рукахъ шелка, бархата и кружевъ; слишкомъ много перебрала я красивыхъ матерій, слишкомъ много придумала красивыхъ вещей для другихъ! У меня отъ всего этого выработался вкусъ, наклонность къ элегантности и изяществу, которую онъ не можетъ раздѣлять. Даже, если бы я бросила свою профессію, если бы я бросила ради берега Луары старѣющагося дядю Элоа, была ли бы я счастлива, ставъ женой Этьена? Не знаю. Когда я встрѣчаю молодыхъ людей изъ настоящаго общества, я знаю прекрасно, что они не могутъ жениться на модисткѣ, и многіе изъ нихъ очень недву-

смысленно признались, какъ они смотрятъ на нашу сестру; но мнѣ нравится что-то въ ихъ манерахъ и разговорѣ, и это что-то я бы хотѣла встрѣтить въ томъ, кого я полюблю.

«Безумная я! Боюсь, что модное ремесло пробудило во мнѣ неисполнимыя желанія. У меня есть подруги дѣтства, которыя пошли по другой дорогѣ. Онѣ замужемъ: у нихъ есть мужъ, хозяйство, квартирка изъ двухъ комнатъ гдѣ-нибудь въ Шантене. Проходя, я часто вижу ихъ съ ребенкомъ на рукахъ и завидую имъ. И все-таки, когда ихъ скромное счастье идетъ мнѣ на встрѣчу, я растеряна и чувствую, что это не то... что я не похожа на нихъ...

«Кто мнѣ скажетъ куда идти? Кто поможетъ мнѣ? Ахъ, совѣтчица, совѣтчица! Какъ бы онѣ всѣ жалѣли меня, если бы могли знать!»...

. . . .

Было уже очень поздно, когда Генріетта заснула. Ночью стало холодно, и окна запотѣли. На набережной было очень тихо—только съ полей доносилось кваканье лягушекъ да мѣрно позвякивала цѣпь большого судна, которое мѣрно колыхала волна.

Генріеттѣ снилось, что она вѣнчается въ фатѣ и бѣломъ шелковомъ платьѣ, и что женихъ ея похожъ на Этьена, но только лицомъ. Онъ очень богатъ и нарядёнъ, и, склонившись, шепчетъ ей:—«Любимая моя, страданія надо забыть. Я люблю тебя».

Въ эту же ночь Мари въ своей жалкой каморкѣ видѣла во снѣ, что у нея пышныя занавѣси у кровати, а кругомъ большія зеркала, въ которыхъ она видитъ себя во весь ростъ. Была будто бы зима. Она разливала чай въ красивыя чашки съ цвѣтами и угощала свою мать, которая пріѣхала изъ Парижа, примиренная и нѣжная, какъ когда-то, и радостно грѣла усталыя руки у камина дочери—онъ пылалъ такъ ярко и весело, какъ у богатыхъ.

А еще дальше, въ одной изъ улицъ квартала св. Феликса, маленькая Луиза, съ ногами, распухшими отъ безконечной бѣготни, грезила о томъ времени, когда она будетъ взрослой, гарнировщицей или фасонщицей, когда можно будетъ спокойно сидѣть на мѣстѣ, и товарки будутъ говорить ей:—«Будьте любезны, m-lle Луиза!»—И отъ одной этой мысли о лучшемъ будущемъ, губы дѣвочки улыбались въ темнотѣ.

Такъ для многихъ ночь заглаживала обиды дня, и душа уносилась далеко, далеко отъ усталаго, спящаго тѣла.

XIV.

Былъ конецъ іюня. Генріетта не видала больше Этьена. Но однажды дядя Элоа сказалъ:—«Славный парень, этотъ Этьенъ Лутрель! Люблю его рѣшительный характеръ. Изъ него вышелъ бы храбрый солдатъ, если бы пришлось, и отличный мужъ. Ты какъ полагаешь, Генріетта?»—Она сдѣлала выводъ изъ этихъ словъ, что молодой рыбакъ имѣлъ свиданіе съ ея дядей, и что они заключили союзъ: одинъ открылъ свой секретъ, другой сочувственно принялъ его. Еще болѣе убѣждало ее въ этомъ новое настроеніе духа дядюшки: онъ не жаловался больше на руку, былъ веселъ и строилъ разные планы, какъ человѣкъ, передъ которымъ открывается новая жизнь.

У мадамъ Клемансъ работы съ каждымъ днемъ становилось меньше. Однажды въ субботу вечеромъ при выходѣ изъ мастерской, Ренэ, которая въ этотъ день ходила къ Мурьё выбирать отдѣлки, отозвала Генріетту въ сторону и сказала ей:

— Мурьё проситъ васъ зайти къ нему завтра утромъ. Ужъ не замужъ ли онъ собирается васъ выдать?

— Мурьё? Я во всю жизнь съ нимъ и не разговаривала никогда. Весь нашъ разговоръ такой: «Здравствуйте, мосье Мурьё! Позвольте мнѣ десять метровъ золотого галуна!» «Сію минуту, мадемуазель!» Вотъ и все.

— Тѣмъ не менѣе онъ питаетъ къ вамъ страшное уваженіе!

Ренэ, быстро шагавшая рядомъ съ Генріеттой, приподняла къ ней свое тонкое личико фарфоровой святой и глаза, блѣдные какъ зернышки нежареннаго кофе, и прибавила:

— Какъ и всѣ, впрочемъ!

Въ воскресенье, когда било десять часовъ, Генріетта отправилась къ Мурьё. Магазинъ его находился въ самой бойкой и торговой части Нанта, на одной изъ маленькихъ улицъ, спускающихся къ Королевской площади. Всѣ почти лавки были закрыты. Магазинъ Мурьё—только наполовину, потому что желѣзныя шторы закрывали витрину съ выставленными въ ней цвѣтами, перьями, галунами и лентами, но дверь оставалась открытой, точно черная дыра на улицу. Внутри магазинъ имѣлъ форму топора или молотка. Вначалѣ узкій, съ двумя прилавками, заставленными высоко по стѣнкѣ товарами, и двумя дубовыми конторками, онъ расширялся въ глубинѣ: тамъ помѣщалось бюро,

шкафъ, а на стѣнѣ висѣла большая таблица, на которой привѣшены были на шнуркахъ бумажки: «Спросъ и предложеніе труда для модистокъ».

Впродолженіе многихъ лѣтъ Мурьё почти никогда не покидалъ своего магазина, вѣрнѣе, задней его половины, слабо освѣщенной боковымъ окошкомъ, выходившимъ на сосѣдній дворъ. Его можно было застать во всякое время, и всегда онъ былъ тотъ же: толстый, коренастый, съ косматыми нависшими бровями, короткими, густыми усами, съ сѣдоватыми черными волосами, тщательно прилизанными отъ бокового пробора къ правому уху. Съ виду онъ былъ грубоватъ и вульгаренъ. Его живые, очень глубоко сидящіе глаза, смотрѣли всегда прямо впередъ и точно проникали въ самый мозгъ собесѣдника. Сразу его можно было принять за мужика себѣ на умѣ, который зорко слѣдитъ за своими дѣлами и за своими тремя приказчиками и кассиромъ. Но модистки всѣ знали, что подъ этой наружностью отставного жандарма скрывается мягкое, сочувствующее сердце, лучше котораго трудно встрѣтить. Надъ нимъ подсмѣивались за то, что онъ постоянно окруженъ хорошенькими дѣвушками и бесѣдуетъ съ ними вполголоса въ глубинѣ магазина, пока приказчики отмѣриваютъ ленты и увязываютъ пакеты. Но онѣ сами, тонко чувствуя тайную причину вниманія къ нимъ мужчинъ, знали и по опыту, и по традиціи, полученной отъ старшихъ, что Мурьё оказываетъ имъ услуги ради удовольствія быть полезнымъ, и что это стало его привычкой, прочно укоренившейся за тридцать почти лѣтъ. Его любили. Мурьё устраивалъ имъ мѣста, рекомендовалъ ихъ хозяйкамъ которыя обращались къ нему, и оттого невольно, не ища, узнавалъ болѣе или менѣе скрытыя стороны жизни своихъ protegées. Онъ никогда не шутилъ съ ними, и это свидѣтельство уваженія трогало ихъ всѣхъ.

Генріетта мало знала Мурьё. Она вошла въ магазинъ и въ глубинѣ его, около шкафа съ книгами въ истасканныхъ переплетахъ, которыя онъ давалъ читать своимъ кліенткамъ—модисткамъ, она увидѣла его сидящимъ въ креслѣ. Рядомъ, возлѣ шкафа стояла Луиза, маленькая ученица изъ мастерской. Дѣвочка разсматривала заглавія на корешкахъ.

— Но какую же ты книгу хочешь?—спрашивалъ Мурьё.

— Я не знаю. Это, чтобы читать въ воскресенье.

— Хочешь разсказъ? путешествіе? или, можетъ быть, сказки?

Луиза стояла на одной ногѣ: лѣвая больше опухла и болѣла. Она протянула руки наивнымъ дѣтскимъ жестомъ и сказала:

— Я не знаю. Дайте такую книгу, чтобы надъ ней плакать.

Мурьё поднялся, досталъ изъ шкафа одинъ томикъ и подалъ его Луизѣ. Она ушла, немножко прихрамывая и, увидя въ проходѣ Генріетту, поклонилась ей, радостно блеснувъ глазами.

— Здравствуйте, мадемуазель Генріетта!—сказалъ Мурьё.— Извините, что я васъ побезпокоилъ. Мнѣ, видите ли, трудно уйти въ воскресенье.

— Это ваша собственная вина,—сказала Генріетта, садясь около книжнаго шкафа, визави Мурьё, который тяжело опустился въ кресло.—Вы сдѣлались библіотекаремъ изъ любви къ своимъ кліенткамъ. Это уже роскошь.

Мурьё, слѣдившій въ этотъ моментъ за тѣмъ, какъ въ бѣломъ четырехугольникѣ двери мелькнула фигурка Луизы, сказалъ:

— Славная дѣвочка—эта ваша ученица. А бьютъ ее дома— ужасъ какъ! И вы хотите, чтобы я по воскресеньямъ уходилъ? Если я не буду здѣсь, чтобы выбирать ей книги, она пойдетъ въ общественную библіотеку, гдѣ имъ даютъ все, что угодно... Мадемуазель Генріетта, я долженъ поговорить съ вами отъ имени мадамъ Лемарье.

Упоминаніе этого имени измѣнило настроеніе Генріетты: оно стало болѣе офиціальнымъ.

— Опять?—спросила она.—Но, вѣдь, дѣло идетъ не о второй шляпѣ?

— Нѣтъ.

Мурьё сидѣлъ глубоко въ своемъ креслѣ и, склонивши голову на бокъ, своими зоркими глазами наблюдалъ, какъ слова отражаются на выраженіи лица его собесѣдницы.

— Мадемуазель Генріетта, мнѣ кажется, что вы несправедливо относитесь къ ней. Я знаю ее съ самаго ея замужества. Она несчастна, и это спасло ее отъ эгоизма. Она добра, она щедра, и теперь она свободна поступать такъ, какъ хочетъ. Она подумала о васъ...

— Спасибо. Мы не богаты, но живемъ, и особенно теперь, съ дядиной пенсіей...

— Вы не дали мнѣ окончить. Она подумала о васъ, какъ о помощницѣ въ своихъ добрыхъ дѣлахъ. Она знаетъ, что у васъ, мадемуазель Генріетта, есть много друзей среди бѣдняковъ вашего квартала, что васъ не боятся, что вы знаете ихъ нужды. О! не скромничайте! я знаю, какая вы. Такъ вотъ, если бы вы согласились указывать ей, кому именно слѣдуетъ помочь, кто истинно нуждается?

— Но это такая обязанность...

— Только почетная обязанность, мадемуазель. И замѣтьте:

вы бы могли тихонько и скрыто поддерживать своихъ товарокъ, больныхъ и безработныхъ. Въ модномъ дѣлѣ тоже немало нужды, особенно въ мертвый сезонъ.

— Да,—сказала Генріетта,—но почему именно я?

— Я открою секретъ, кто васъ отрекомендовалъ въ этомъ смыслѣ мадамъ Лемарье. Не трудитесь искать далеко: это я. Я бы не хотѣлъ васъ ни обидѣть, ни встревожить, но я давно уже это думаю: вы какая-то особенно добрая дѣвушка, у васъ душа милосердная...

Генріетта нервно разсмѣялась.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вотъ интересно! Объясните же, мосье Мурьё, какъ это?

И продолжая смѣяться, она съ тревогой посматривала на человѣка, высказавшаго такъ рѣшительно то же мнѣніе о ней, которое она уже не разъ слышала съ волненіемъ. Развѣ другіе не обращались къ ней тоже, какъ къ избранному существу, котораго призваніе—жалость и состраданіе? Ей хотѣлось встать, уйти, бѣжать отъ этого жребія самопожертвованія, на который ее толкали; но прямая натура поборола это желаніе. Генріетта осталась на своемъ мѣстѣ. Она склонилась покорная, какъ-будто услышавъ голосъ самой судьбы, ея гибкая шея вытянулась, глаза блестѣли.

Мурьё отвѣтилъ не сразу; тогда она снова спросила:

— Что вы всѣ хотите отъ меня? Не понимаю. Я такая же, какъ всѣ.

Старикъ нѣсколько смущенно потеръ руками колѣни и сказалъ:

— Простите меня, я могу ошибаться. Но не думаю. Я прошу у васъ только немножко помощи тѣмъ людямъ, которые заняты интересами другихъ. Такіе люди рѣдки, голубушка моя. Я уже старъ; я на многое не гожусь. Но вы молодая и красивая, какъ много вы можете сдѣлать! Однимъ взглядомъ, однимъ словомъ вы можете утѣшить несчастныхъ! Это пріятнѣе, чѣмъ вы думаете.

Онъ тряхнулъ своей большой головой.

— Вы скажете, что я вмѣшиваюсь въ дѣла, которыя меня не касаются. Но мадамъ Лемарье просила меня переговорить съ вами. Она не рѣшалась, такъ какъ знаетъ васъ еще меньше меня.

Генріетта приподнялась со стула. Лицо ея еще отражало всѣ тѣ мысли, которыя онъ высказалъ, какъ бываетъ у тѣхъ, кто слушаетъ съ глубокимъ вниманіемъ.

— Напротивъ, мосье Мурьё, я благодарю васъ. Боюсь

только, что вы судите обо мнѣ слишкомъ хорошо. И потомъ, мнѣ двадцать четыре года, и я...

Губы ея остались полураскрытыми. Она чуть не произнесла конецъ фразы: «И я любима». Въ самомъ дѣлѣ, образъ Этьена всталъ передъ нею въ этотъ моментъ, какъ поводъ не соглашаться на предложеніе. Она увидала его, среди утренней тишины рѣки, въ лодкѣ, съ протянутыми руками. Ей показалось, что что-то плачетъ глубоко, въ тайникѣ ея сердца. Но, вѣдь, то, что отъ нея просятъ, не есть помѣха ни для обыкновенной жизни, ни для замужества. Какъ у нея разошлись нервы!

Она медленно встала, поправила перчатки, посмотрѣла на хрустальную ручку своего зонтика и сказала:

— Я не желала всего этого. Но, можетъ быть, другимъ будетъ хуже, если я этого не сдѣлаю. Если вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что я должна пойти къ мадамъ Лемарье...

— Я васъ очень прошу объ этомъ.

— Хорошо, я пойду.

Черезъ минуту Мурьё, стоя нагнувшись на порогѣ своей лавки, смотрѣлъ вслѣдъ удалявшейся дѣвушкѣ. Она быстро шла, приподымая лѣвой рукой складки своей черной юбки.

Видъ у него былъ довольный.

«Если бы она только захотѣла!» думалъ онъ. «Да одного вида ея достаточно, чтобы самые несчастные люди почувствовали радость и облегченіе. И подумать только: вѣдь, есть дураки, которые увѣряютъ, что всѣ дѣвушки-модистки продажны! Они просто не знаютъ ихъ. Конечно, не всѣ онѣ святыя; но хорошія попадаются среди нихъ души, честныя, стойкія натуры, и столько самопожертвованія, что плакать хочется!»

XV.

Генріетта пошла на-угадъ, поворачивая изъ одной улицы въ другую, снова возвращаясь на прежнее мѣсто; она наслаждалась смѣной солнца и тѣни и уличнымъ оживленіемъ и радовалась тому, что это отдаляетъ ея визитъ. Итти ли? Зачѣмъ брать на себя новыя обязанности, хлопоты, возню? Ее удивило, что толстякъ Мурьё оказался такимъ интеллигентнымъ человѣкомъ. Среди модистокъ его считали добрымъ, обязательнымъ человѣкомъ, любившимъ оказывать услуги, что, впрочемъ, ему было и выгодно, такъ какъ укрѣпляло за нимъ покупательницъ-модистокъ. «Я не ожидала, что онъ такой симпатичный», думала

Генріетта. И въ умѣ у нея мелькала сказанная имъ фраза: «Вы, такая молодая и красивая... однимъ взглядомъ можете утѣшить несчастныхъ».

Въ концѣ концовъ она подошла къ дому мадамъ Лемарье и позвонила.

Лакей проводилъ ее въ синюю комнату. Въ этотъ разъ Генріетта пожала руку, которую мадамъ Лемарье протянула ей.

— Сегодня мнѣ приходится благодарить васъ, мадемуазель. Вы, значитъ, видѣли Мурьё?

Но прежде чѣмъ затронуть тотъ вопросъ, ради котораго онѣ сошлись, онѣ поговорили о разныхъ вещахъ: о дядѣ Мадьо, о мастерской, о товаркахъ по работѣ. Мадамъ Лемарье изучала понемножку свою новую союзницу, а та чувствовала, что ее все больше побѣждаетъ скромная сердечность этой женщины. Побесѣдовавши съ четверть часа, мадамъ Лемарье поняла, что можетъ говорить съ дѣвушкой свободно.

— Я должна открыть вамъ секретъ,—сказала она,—одинъ изъ моихъ самыхъ завѣтныхъ. Мой старый Мурьё дряхлѣетъ съ каждымъ днемъ. Онъ въ свое время много оказывалъ мнѣ услугъ, помогая передавать деньги, которыя не были бы приняты изъ моихъ рукъ. Когда кто нибудь изъ нашихъ рабочихъ получалъ разсчетъ безъ достаточнаго основанія или на основаніи, которое мнѣ казалось слишкомъ ужъ убѣдительнымъ, я, вѣдь, не могла предложить ему вспомоществованіе — неправда ли? Въ такихъ случаяхъ Мурьё былъ моимъ посредникомъ. Кромѣ того, я была его партнершей въ пособіяхъ, которыя онъ раздавалъ среди модистокъ—конечно, не высшимъ работницамъ,—а начинающимъ, которыя еще не зарабатываютъ, больнымъ, слабымъ, оставшимся безъ мѣста. И вотъ именно теперь, когда я могу свободнѣе и больше давать, моему вѣрному Мурьё это становится не подъ силу. Мнѣ нужно имѣть сотрудницу изъ вашей среды, которой бы не боялись, которой довѣряли бы больше, чѣмъ мнѣ, и чтобы она мнѣ говорила: «Послушайте, вотъ тамъ то и тамъ то есть нужда, которой надо помочь». Потому что люди такъ разъединены нынче, что надо имѣть позволеніе, чтобы пожалѣть. Какъ вы думаете, найду я такую сотрудницу?

Генріетта протянула руку и сказала своимъ яснымъ голосомъ:

— Я попробую.

— Вамъ не придется даже приходить ко мнѣ. Я не хочу просить васъ объ этомъ, такъ какъ у васъ, вѣдь, мало свободнаго времени. Пишите мнѣ. Отмѣчайте всякую нужду—большую

или маленькую—какую вы встрѣтите, и говорите какъ, по вашему, можно было бы ей помочь. Я буду держать ваше участіе въ секретѣ, а вы—мое, насколько это будетъ возможно.

Генріетта чувствовала уже такое довѣріе къ мадамъ Лемарье, что она рѣшилась разсказать ей о Мари. Онѣ обсудили положеніе, и мадамъ Лемарье, наконецъ, сказала:

— Купите ей что нужно изъ вещей для комнаты и убѣдите, что это на ваши деньги. Иначе она не захочетъ.

Генріетта не сразу ушла послѣ того, какъ потолковали о Мари. Она осталась—ее удерживало дивное ощущеніе. Она чувствовала, что на нее пріятно смотрѣть, и ее пріятно слушать. На лицѣ старой дамы она читала слова, которыя часто дѣтямъ и красивымъ молодымъ женщинамъ приходится встрѣчать вокругъ себя.

— Не уходите! Останьтесь еще!

Въ это же время мадамъ Лемарье думала:

— Какъ она быстро поняла меня!

И сама не зная почему, руководимая таинственнымъ инстинктомъ, она довѣрила дѣло милосердія рукамъ, которые умѣли бережно и мягко касаться ранъ, и предложила этой дѣвушкѣ неожиданную, сладкую награду: благословеніе бѣдняковъ.

XVI.

Открывается ли передъ нею новая жизнь? Никто не можетъ предсказать, какая часть стараго прошлаго войдетъ въ то, что мы называемъ будущимъ. Но слѣдующіе два мѣсяца были для Генріетты самымъ пріятнымъ временемъ ея жизни.

Она умѣренно и тактично пользовалась властью, которая была ей дана. Каждый разъ ей стоило усилія просить—хоть и не для себя, а только для того, чтобы передать другимъ. Но ея чувство жалости получило сильный импульсъ, а это чувство овладѣваетъ всей жизнью, если ему продоставлена свобода для развитія—когда позволено говорить: «Вы нуждаетесь? Возьмите».

Вечеромъ, послѣ ужина, въ тѣ лѣтніе вечера, которые незамѣтно переходятъ въ свѣтлую ночь, Генріетта спускалась по холму Мизери; и тамъ, въ невѣроятной скученности рабочаго предмѣстья, гдѣ дома жмутся другъ къ другу, — одинъ выше, другой ниже—показывая все свое внутреннее убожество и деревянныя спирали шаткихъ лѣстницъ,—она встрѣчала на улицѣ кучки людей, вышедшихъ подышать воздухомъ. Эти люди зады-

хались днемъ въ душныхъ мастерскихъ, а ночью—въ тѣсныхъ, переполненныхъ комнатахъ, и они оставались на дворѣ до тѣхъ поръ, пока отъ тумана не сырѣли ихъ волосы и кончики усовъ. Генріетта спрашивала: «Какъ ваши дѣти?» или: «Что, работаютъ уже на вашемъ заводѣ? Кончилась безработица?» или же: «Скажите, мадамъ Вивьенъ, ваша сестра родила уже? Что у нея— мальчикъ или дѣвочка?» Къ ней относились безъ недовѣрія, потому что она была своя, изъ простыхъ и изъ того же предмѣстья. Всѣмъ пріятна была ея нарядная молодость и привѣтливость: она умѣла говорить, улыбаться и одѣваться, какъ настоящая дама. Передъ ней не стѣснялись... Ее называли «мадемуазель Генріетта», забывая фамилію и помня только имя, а это признакъ дружескаго расположенія. Съ спокойнымъ ужасомъ невинной юности, которая все знаетъ, она проникала въ самую глубину несчастья и бѣдствій. Семейные раздоры, измѣны, неблагодарность дѣтей, отказывающихъ въ поддержкѣ старымъ родителямъ, обиды, перешедшія по наслѣдству отъ отца къ сыну, отчаянная борьба за кусокъ хлѣба, изнеможеніе души и тѣла—все это открывалось ей—какъ будто вся земля взывала къ ней въ своей жалобѣ.

Весь міръ представлялся Генріеттѣ страдающимъ. У нея не было для него другого лѣкарства, кромѣ жалости, кромѣ словъ, которыя она не умѣла еще гладко произносить: «Не теряйте надежду! забудьте, помиритесь. Завтра будетъ лучше. Сегодня я страдаю вмѣстѣ съ вами». И хотя въ этомъ было такъ мало утѣшенія, все же, къ ея изумленію, огромное горе какъ будто смягчалось, слезы переставали литься, и въ измученныхъ душахъ наступало временное успокоеніе. Люди слушали ее и думали: «Развѣ и вправду есть еще надежда?» И это простое сомнѣніе уже пріободряло ихъ. Генріеттѣ иногда казалось, что она бросаетъ доски утопающимъ. Въ такіе вечера она возвращалась домой, съ такимъ легкимъ сердцемъ, что ей приходила мысль: «Я какъ будто молодѣю. Мнѣ хочется пѣть». Дядя ворчалъ: «Давно уже спать пора! Если бы я не зналъ тебя, я подумалъ бы, что у тебя любовь завелась. Ей Богу!» Генріетта успокаивала его, но не объясняла ему цѣли своихъ позднихъ странствій.

По воскресеніямъ она ходила гулять либо съ дядюшкой, либо съ Мари. Но она никогда не забывала заглянуть на площадь св. Анны, возлѣ церкви, которая какъ-бы увѣнчиваетъ холмъ. Тамъ, въ тѣни низкихъ домовъ или подъ деревьями, выросшими между скалъ, она встрѣчала почти всѣхъ своихъ друзей

и сосѣдей. Дѣти играли партіями. Матери сидѣли маленькими группками, отдѣльно, каждая въ своемъ углу, и бесѣдовали.

Между тѣмъ мертвый сезонъ дѣлалъ свое дѣло въ мастерской мадамъ Клемансъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней нѣсколько мастерицъ было отпущено до конца сентября: Матильда, Жанна, Люси и другія. Происходило это такъ. Когда наступалъ конецъ работы, хозяйка призывала къ себѣ одну изъ нихъ. Черезъ нѣсколько минутъ та возвращалась назадъ съ красными глазами. Она собирала всѣ свои силы, призывала на помощь всю свою оскорбленную гордость, чтобы сказать: „До свиданія, господа! Настала моя очередь: получила отпускъ“. Тѣ, кто дружили съ ней, цѣловали ее, другія—пожимали руку. Всѣ дѣлали видъ, что, безъ всякаго сомнѣнія, увидятся снова въ октябрѣ, однако по опыту онѣ знали, что это не такъ, и что тѣ, которыхъ отправляютъ съ обѣщаніемъ принять снова, не всегда возвращаются. Онѣ торопливо одѣвались и раньше другихъ спускались по лѣстницѣ. Въ этотъ вечеръ онѣ впервые за весь годъ не дожидались товарокъ у дверей, чтобы повторить: „До свиданія, Ирма! До свиданія, Ренэ! До свиданія, Генріетта!“ Бѣда быстро гнала ихъ домой, прочь отъ привилегированныхъ, которыя будутъ безъ нихъ работать за длинными столами. Ученица прятала табуретъ въ стѣнной шкафъ. На слѣдующій день, придя въ мастерскую, кто-нибудь изъ дѣвушекъ искалъ глазами отсутствующую, вспоминалъ и молча вздыхалъ.

Мари Шварцъ, къ счастью, осталась. Благодаря хлопотамъ Генріетты она даже получила нѣкоторую маленькую прибавку жалованья. „Я дѣлаю это только для васъ“,—сказала мадамъ Клемансъ Генріеттѣ,—„и это, въ сущности, даже несправедливо“. Такое благоволеніе хозяйки, конечно, способствовало укрѣпленію симпатій къ Генріеттѣ, проявленіе которыхъ раньше удерживала боязнь гнѣва „старшей“, мадемуазель Августины. Однажды днемъ Ренэ вдругъ нагнулась надъ столомъ и сказала:

— Мадемуазель Генріетта, мнѣ хочется подѣлиться съ вами своей радостью. Я, кажется, выйду замужъ осенью. Жизнь будетъ очень скромная, но онъ меня такъ любитъ! Онъ служитъ на желѣзной дорогѣ. Заходите ко мнѣ въ воскресенье. Мнѣ такъ бы хотѣлось, чтобы онъ вамъ понравился! Я ему разсказывала о васъ.

А Ирма, которую Генріетта какъ-то спросила:—Что это вы раскашлялись такъ? Устали, должно быть?—отвѣтила:

— Эхъ! моя пѣсенка спѣта. Я давно это знаю. Когда я буду уже совсѣмъ больна, то попрошу васъ прійти утѣшать

меня. Да!... но невеселую штуку я вамъ предлагаю, однако. А вотъ что: вамъ не хотѣлось бы прочесть одну сказку Додэ? Она такая чудная, что я ее всю списала, потому что книгу надо было отдать. Принести вамъ тетрадку?

Мари не мѣнялась. Она была все такъ же дерзка въ рѣчахъ, все такъ же посредственно работала, но въ искренности и сердечности ея невозможно было сомнѣваться. Однажды въ воскресенье, во время прогулки, она сказала смѣясь:—Ты знаешь, твой братъ Антуанъ, кажется, серьезно не прочь поухаживать за мной. Но я не хочу. Я знаю, что это было бы для тебя огорченіемъ". Дѣвушки перешли на ты съ того дня, какъ Мари получила прибавку. Генріетта воздержалась отъ всякихъ разговоровъ по этому поводу.

Она съ рвеніемъ принялась устраивать подругѣ уютную комнату. Она знала, что безобразныя, голыя стѣны—дурные совѣтчики. И постепенно, при помощи поддержки мадамъ Лемарье и усиленной экономіи, ей удалось придать комнаткѣ Мари почти кокетливый видъ. Все было выбѣлено заново; на окнахъ висѣли новыя занавѣси, стоялъ новый столъ съ красивой скатертью, а на стѣнѣ красовались два любимыхъ Генріеттой пейзажа, которые она одолжила пріятельницѣ. „Когда разбогатѣешь, вернешь мнѣ ихъ, Мари",—сказала она.

Расцвѣтшая душа способна къ повышенному творчеству. Генріетта теперь создавала такія прелестныя модели, что мадамъ Клемансъ, собственноручно располагая ихъ на высокихъ черныхъ подставкахъ въ салонѣ, думала про себя: „Я знаю; это расцвѣтъ. У многихъ изъ нихъ бываетъ такой періодъ, когда онѣ превращаются въ фей. Это продолжается три, пять, шесть мѣсяцевъ и больше не возвращается".

Въ этомъ году молодыя дамы и барышни, которыя носили шляпы, придуманныя Генріеттой, выслушивали отъ всѣхъ комплименты своему изящному вкусу. Онѣ имѣли успѣхъ въ казино приморскихъ курортовъ, на скачкахъ, на гуляньяхъ. Онѣ не думали при этомъ о безвѣстной художницѣ, которая не отмѣтила своимъ именемъ свое произведеніе, но которая тѣмъ не менѣе вложила въ него истинно-художественную идею. Ахъ, богатыя, если бы вы знали, сколько грустныхъ часовъ и счастливыхъ комбинацій вы носите на себѣ!

Почти каждое утро Этьенъ на своей лодкѣ переѣзжалъ Луару и причаливалъ въ портъ. И Генріетта утромъ часто стояла, опираясь на перила своего балкона, подъ олеандромъ, который былъ весь въ бутонахъ. Мечтательная и всегда немного блѣдная,

она смотрѣла на рыбака, который тоже не прерывалъ своихъ молчаливыхъ грезъ. Только два раза, въ очень ясныя утра, когда на рѣкѣ не было тумана, и они совершенно отчетливо могли различать черты лица другъ у друга, Этьенъ взялъ свѣжій букетъ, лежавшій на корзинахъ зелени и бросилъ его въ воздухъ. Маленькій комокъ, игравшій всѣми оттѣнками радуги, взлетѣлъ надъ водой, потомъ былъ подхваченъ теченіемъ и быстро поплылъ внизъ по Луарѣ.

XVI.

Съ первыми сентябрьскими дождями акаціи Эрмитажной улицы стали желтѣть. Двойные ряды ихъ листьевъ висѣли желто-коричневые, какъ засохшіе финики. Среди модистокъ начались разговоры о тѣхъ, кто вернется къ концу мѣсяца. Утра и вечера были холодные. Въ шкафу мастерской мадамъ Клемансъ стали появляться прошлогодніе жакеты и пальто дѣвушекъ, съ новымъ воротникомъ или обшитые новой тесьмой. Но днемъ бывало очень душно, и часто по всей долинѣ Луары проносились грозы. Въ одинъ изъ такихъ дней Генріетта, уставшая отъ всей лѣтней работы, чувствовала себя особенно разбитой. Въ окно видны были тучи, точно сдѣланныя изъ сѣрой ваты, съ рѣзко освѣщенными солнцемъ краями—они мѣнялись безпрерывно, но общая масса тучъ казалась застывшей среди неба. Генріетта, всегда дѣятельная и изобрѣтательная, теперь лѣниво скользила взглядомъ отъ окна къ голубымъ, выцвѣтшимъ цвѣтамъ обоевъ на стѣнѣ. Она откинулась на спинку стула. Волосы давили ее своей тяжестью, точно ихъ завитки были изъ золота, и она незамѣтно задремала.

Вошла мадамъ Клемансъ. Она сказала довольно сухо:

— Мадемуазель Генріетта, мнѣ надо поговорить съ вами. Зайдите ко мнѣ, пожалуйста.

Старшая, Августина, ненавидѣвшая Генріетту и безумно завидовавшая ей, захохотала, закрывая лицо руками. Генріетта, сконфуженная, поднялась, не говоря ни слова, и пошла вслѣдъ за хозяйкой въ сосѣдній кабинетъ. Тонъ мадамъ Клемансъ тотчасъ измѣнился.

— Вотъ что, голубушка,—сказала она,—я имѣю вамъ сообщить пріятную новость. Съ завтрашняго дня вы у меня—старшая. Дѣло у васъ въ рукахъ такъ и кипитъ. Мастерицы васъ любятъ. Я имѣю полное довѣріе къ вамъ.

Генріетта поблѣднѣла отъ неожиданности. Рѣсницы ея опустились; она медленно подняла ихъ и поблагодарила. Но тотчасъ же, невольно слѣдуя своему теченію мыслей, она спросила:

— А что же будетъ съ мадемуазель Августиной?

— Мы разстаемся съ ней, разумѣется.

— А она уже знаетъ?

— Она догадывается.

Но видя, что, несмотря на отсутствіе симпатіи между обѣими модистками, новая «старшая» непріятно поражена увольненіемъ старой, мадамъ Клемансъ прибавила:

— Что же дѣлать, дитя мое? Ея время прошло... Я тутъ безсильна помочь... А для васъ я имѣю одно важное порученіе. Послѣзавтра вы должны съѣздить въ Парижъ закупить модели и вообще подготовить намъ зимній сезонъ. Я сама сейчасъ ѣхать не могу—мнѣ очень нездоровится. Завтра утромъ подробно поговоримъ обо всемъ этомъ.

Мадамъ Клемансъ замолкла, кокетливымъ жестомъ поправила бѣлые локоны своей красивой прически и затѣмъ продолжала съ той улыбкой, которой она обыкновенно удостаивала только своихъ лучшихъ кліентокъ:

— Сейчасъ, мадемуазель Генріетта, вы, мнѣ кажется, немножко взволнованы. Въ салонѣ нѣтъ никого. Идите, отдохните немножко. Возьмите съ собой какой-нибудь фасонъ, если придетъ счастливая идея, сдѣлайте намъ новый шедевръ.

Въ дѣйствительности, она хотѣла избавить свою любимицу отъ встрѣчи съ Августиной и отъ непріятной сцены.

Генріетта поняла это. Она вошла въ голубой плюшевый салонъ, безшумно скользя по толстому ковру и тотчасъ же четыре счастливыя, улыбающіяся Генріетты появились со всѣхъ сторонъ изъ обитыхъ зеленью зеркалъ. Она была красива въ эту первую, сладкую минуту своей новой власти. И свое счастье она различала на себѣ, точно брилліантъ, который она надѣла. Оно было въ ея взглядѣ, въ царственной золотистой коронѣ ея волосъ, въ уголкахъ губъ, которыя имѣли рѣдкое свойство флорентинскихъ портретовъ улыбаться при полномъ спокойствіи лица и, наконецъ, въ посадкѣ головы, не склонявшейся больше отъ усталости. Она усѣлась въ углу гостиной. Свѣтъ проникалъ черезъ потолокъ шлифованнаго стекла, играя лучами и мягко лаская рельефы вещей. Въ этой тишинѣ, среди красивой, богатой обстановки, Генріетта чувствовала, что радость ея растетъ и ширится въ ней.

Но дѣвушки ея профессіи не могутъ долго предаваться

бездѣятельнымъ мечтамъ, и мечта Генріетты скоро приняла реальную форму. Она выбрала изъ коробки, одну за другой, четыре шелковыхъ розы, эспри изъ марабу, двѣ блѣдныя жемчужныя пряжки, четыре жемчужныхъ листка, слегка тронутыхъ ржавчиной, и, ловко сгибая стебли, укладывая листья, однимъ стежкомъ укрѣпляя нѣжные лепестки, она принялась за работу. Она снова чувствовала себя въ ударѣ. Меньше чѣмъ въ часъ шляпка была почти готова.

— Вотъ, — подумала она, — мадамъ Клемансъ будетъ довольна! Какъ все легко, когда на душѣ радостно!

Дверь легонько скрипнула. Генріетта подняла голову. Недалеко отъ входа стояла Августина, четыре раза отраженная зеркалами салона, растерянная, съ жакеткой на одной рукѣ и сумочкой въ другой. Она уходила, отдавъ работѣ всю молодость, и выброшенная за бортъ теперь въ томъ возрастѣ, когда уже учиться дальше нельзя. Еще нѣсколько мгновеній, еще нѣсколько шаговъ, и она очутится въ страшной неизвѣстности. Она увидала Генріетту. Ея глаза, злые, какъ у затравленнаго звѣря, встрѣтились съ глазами удачливой соперницы, полными счастливыхъ грезъ.

— Простите... я зашла посмотрѣть... въ послѣдній разъ...

Генріетта подошла къ ней. Она протянула Августинѣ свои трудолюбивыя руки, истыканныя иголкой; она протягивала ихъ съ чувствомъ товарищеской, рабочей солидарности и съ желаніемъ оправдаться и объяснить. «Мы столько трудились, — говорили длинные пальцы, казавшіеся прозрачными на свѣту, — смотрите, кровь, которая течетъ въ нашихъ жилахъ, такъ блѣдна, мы измучены и устали». А глаза говорили ей: «Не сердитесь за то, что я счастлива. Я ничего не сдѣлала вамъ во вредъ. Я не могла васъ любить, но мнѣ жаль васъ: вы уходите во тьму».

Августина колебалась. Призракъ несчастья уже терзалъ ее, какъ злой кошмаръ. Она подняла голову движеніемъ, которое считала гордымъ, кинула на Генріетту презрительный взглядъ, который относился къ ея молодости, способностямъ, удачѣ, словомъ, ко всему, что покинуло ее безвозвратно. Потомъ красныя вѣки ея увлажнились. Она слегка, едва-едва протянула руку.

И онѣ разстались, не сказавъ ни слова.

. . . .

Семь часовъ вечера, у стараго Мадьо. Старикъ возился у печки. Онъ неловкой рукой мѣшалъ кипѣвшую кашу, когда

вдругъ услышалъ скрипъ ступенекъ—онѣ всѣ начинали стонать, чуть только нога касалась одной изъ нихъ.

Онъ прислушался и радостно пробормоталъ:

— Гляди-ка! какъ-будто моя дѣвочка возвращается. И такъ торопится. Что́ бы такое случилось?

Шаги мелкой частой дробью застучали ближе, и ступеньки заскрипѣли, точно мельничный жерновъ.

Генріетта открыла дверь и, прежде чѣмъ старикъ успѣлъ оглянуться, она уже обѣими руками обвила его шею. Онъ почувствовалъ себя плѣненнымъ среди шелковыхъ отворотовъ, тюля и кружевъ, и три звонкихъ поцѣлуя прозвучали на его щекѣ.

— Дядечка, я назначена старшей!

— Батюшки мои! надо было предупредить. Я бы по этому случаю побрился. Старшей... надъ кѣмъ это?

— Да въ мастерской! у мадамъ Клемансъ. На мѣсто Августины. Теперь я имѣю сто франковъ въ мѣсяцъ. Мы богаты! Ахъ, дядя, какъ я рада!

Она отошла немножко назадъ, чтобы лучше насладиться его изумленіемъ. Вѣдь, онъ былъ единственный, который могъ настоящимъ образомъ раздѣлить ея радость, онъ представлялъ собою всю ея семью. Но Мадьо былъ тяжелъ на подъемъ и не легко поддавался чувству. Сразу онъ сказалъ только:

— Меня не удивляетъ, что ты получила повышеніе!

И сталъ накрывать столъ; а Генріетта прошла въ свою комнату. Но постепенно радость стала овладѣвать имъ и подыматься все выше и выше, какъ вода по стеблямъ стараго мха, который погрузили въ воду. Старикъ начиналъ оживляться, и пошелъ разговоръ изъ комнаты въ комнату.

— Да! и я бы имѣлъ повышеніе по службѣ, если бы покойный отецъ далъ мнѣ образованіе. Но я почти грамоты не зналъ. А ты! Какой чинъ будетъ «старшая», если перевести по военному? Сержантъ, что ли?

— Выше,—отвѣтилъ смѣющійся молодой голосъ.

— Тогда адъютантъ, пожалуй? Чортъ возьми! Это уже персона! Значитъ, мастерская у тебя подъ начальствомъ?

— Совершенно правильно, дядечка.

— И какая мастерская! Всѣ дѣвушки какъ есть красивыя. Повезло тебѣ! Ты еще такъ молода. А ей было сорокъ лѣтъ—той, что уходитъ?

— Даже немножко больше.

— Вотъ видишь, какая тебѣ честь! Но, что-то у тебя видъ не больно радостный.

— Да это оттого, что вы не радовались.

— Я сразу не сообразилъ хорошо. Иди, поцѣлуй меня, моя маленькая старшая.

За обѣдомъ много болтали и мало ѣли. Послѣ ѣды дядюшкѣ захотѣлось пойти прогуляться по городу и показать свою племянницу. Кому? Всѣмъ. Вѣдь, день то какой!

— Одѣнься хорошо. Надѣнь красивую шляпу съ бѣлыми крыльями.

— Куда же мы пойдемъ?

— На музыку. Увидимъ моихъ пріятелей.

Они побродили немного по шикарнымъ, богатымъ улицамъ. Элоа Мадьо велъ Генріетту подъ руку. Онъ выступалъ такъ важно, съ такимъ достоинствомъ, точно велъ ее къ алтарю—усы у него были подкручены, на головѣ красовалась шляпа, пріобрѣтенная послѣ войны. Иногда онъ раскланивался съ купцами, стоявшими на порогѣ своихъ лавокъ, и прислушивался къ тому, что шептали имъ вслѣдъ: «Красивая... хорошо одѣта... еще зеленая... куда это они идутъ?»

Чортъ возьми! Они шли на бульваръ Камброннъ, гдѣ подъ стриженными вязами военная музыка играла марши, мазурки и вальсы.

Они стали прогуливаться среди толпы, пришедшей за два су насладиться пылью и музыкой, и Мадьо казалось, что всѣ смотрятъ только на Генріетту и говорятъ:

— Смотрите, это мадемуазель Мадьо, новая «старшая» мастерица у мадамъ Клемансъ.

Раза два или три онъ останавливался потолковать со старыми пріятелями, тоже отставными солдатами. И послѣ первыхъ же словъ привѣтствія, онъ не забывалъ ни одному сообщить:

— Вотъ моя племянница. Привалило ей счастье, можете себѣ представить. Выбрана старшей надъ всѣми!

Собесѣдникъ, конечно, ничего не понималъ; тогда Мадьо прибавлялъ:

— Ты не понимаешь? Старшая—это какъ-бы адъютантъ въ модномъ ремеслѣ. Сообразилъ?

Нѣтъ, друзья не соображали. Но ему не хотѣлось ни о чемъ говорить, кромѣ новаго успѣха Генріетты.

На обратномъ пути онъ сказалъ ей:

— Знаешь, что мнѣ въ голову пришло? Когда ты вер-

нешься изъ Парижа, надо спрыснуть маленько твое повышеніе. Жалко, что нельзя позвать Этьена обѣдать!

— А если бы мы позвали Антуана, дядюшка? Вѣдь, ему скоро уходить въ солдаты.

Старикъ подумалъ съ минуту и сказалъ:

— Вотъ ужъ пять лѣтъ, какъ онъ не садился съ нами за столъ. Но такъ и быть: позову его.

Черезъ день Генріетта уѣхала въ Парижъ, а дядя пригласилъ Антуана.

XVII.

Съ мая мѣсяца Антуанъ ухаживалъ за Мари Шварцъ. У него была особая, усвоенная на фабрикѣ, манера провожать дѣвушекъ, выходящихъ изъ мастерскихъ, шутить со всѣми, а ту изъ нихъ, которая больше ему нравилась, обнимать за талію среди кучи ея подругъ, разбѣгавшихся съ притворнымъ испугомъ. Онъ былъ завсегдатаемъ загородныхъ гуляній, деревенскихъ праздниковъ во всей окрестности Нанта, баловъ въ рабочихъ предмѣстьяхъ, гдѣ танцы происходятъ въ туннеляхъ подъ звуки кларнета или флейты. Онъ легко сорилъ деньгами, былъ забавнымъ разсказчикомъ,—эти два обстоятельства создавали ему успѣхъ въ этомъ міркѣ, гдѣ веселье—рѣдкій гость. Онъ, не задумываясь, въ одинъ вечеръ спускалъ весь недѣльный заработокъ. Часто среди группы слушателей раздавались шумныя одобренія, когда смолкалъ его насмѣшливо-звонкій тенорокъ.

По странному, трудно объяснимому противорѣчію у этого забавника бывали часто приступы меланхоліи и неяснаго стремленія къ чему-то иному; онъ испытывалъ тяжкое ощущеніе эмигранта, который не можетъ вернуться на родину и знаетъ это. Въ немъ сказывалась, конечно, въ измѣненномъ видѣ крестьянская порода суровыхъ каменотесовъ, выросшихъ на берегу моря, легко поддающихся соблазну и порчѣ города, но неспособныхъ забыть грустную пѣсню, которая убаюкивала ихъ въ дѣтствѣ. Бретонецъ никогда не бываетъ вполнѣ веселъ. И когда Антуанъ, провожая Мари по улицѣ Симильенъ, говорилъ ей: «Меня считаютъ весельчакомъ, потому что я смѣюсь; но мнѣ это дается съ трудомъ, какъ и вамъ, мадемуазель Мари»,—то онъ не лгалъ. Женщина, родившая его, никогда не простила себѣ своего грѣха, а онъ? —Онъ впиталъ въ себя всю ненависть къ эксплоататорамъ и высшимъ классамъ, которая жила въ

рабочей средѣ, но въ душѣ его никогда не переставала болѣть тоска по тому, что было у всѣхъ его предковъ: по семьѣ. Со своей семьей онъ порвалъ и перенесъ и на нее свою ненависть. Благодаря этому, онъ чувствовалъ себя обездоленнымъ членомъ своего рода, лишеннымъ большой, общей радости. И какъ онъ ни высмѣивалъ деревенскихъ парней, неуклюжихъ и растерянныхъ среди городской сутолоки, онъ и самъ, по существу, былъ такимъ же, какъ они, только искушеннымъ и искусившимся. Еслибъ дѣдушка его, сильно выпивъ въ одинъ прекрасный день, не поклялся бы ни съ того, ни съ сего бросить свою деревню и уѣхать, Антуанъ былъ бы крестьяниномъ и вечеромъ, послѣ трудового дня, возвращался бы съ киркой на плечѣ къ себѣ домой, гдѣ ждала его жена, нарѣзывая хлѣбъ къ ужину.

Истый бретонецъ по натурѣ, онъ еще былъ имъ по своему упрямству, этой первобытной формѣ вѣрности, и по внезапности отвращенія, какое нападало на него въ самый разгаръ буйнаго веселья и погружало его на нѣсколько дней въ самое подавленное настроеніе; въ такіе дни онъ бросалъ своихъ товарищей и бродилъ цѣлыми часами одинъ въ порту среди рабочихъ и грузчиковъ, глядя вокругъ себя безумными глазами. Но это не было ни сумасшествіе, ни раскаяніе. Это были отголоски далекихъ предковъ,—мечты народа, привыкшаго вслушиваться въ ропотъ волнъ: стѣны фабрикъ и улицы большого города никогда не заглушатъ ихъ вполнѣ.

Часто онъ смѣялся и въ то же время говорилъ: «Я страдаю». И этимъ онъ полонилъ душу этой одинокой дѣвушки, которую жизнь толкнула на его путь. Первые два раза, когда онъ провожалъ Мари—какъ она призналась Генріеттѣ—онъ шутилъ съ ней. Во второй разъ Мари постаралась сплавить его. Онъ пересталъ провожать ее, но какъ будто нечаянно повстрѣчался ей въ другой разъ по дорогѣ. Онъ сказалъ: — Видите, я, какъ вы, отщепенецъ; мы—одного поля ягоды.

Тогда она стала слушать его слова. Мало по малу они привыкли встрѣчаться вечеромъ, на одномъ и томъ же углу. Проходила Мари. Антуанъ выходилъ изъ подъ навѣса, гдѣ онъ поджидалъ ее, и они разговаривали двѣ-три минуты, въ тѣни свода или у стѣны. Онъ нахлобучивалъ шляпу пониже, она прикрывалась складками своего стараго пальто, чтобы скрыться отъ рѣдкихъ прохожихъ. Они разсказывали другъ другу свой день; часто-больше ничего. Иногда Антуанъ вдругъ говорилъ: «Какіе у васъ волосы, Мари!», но его взглядъ обжигалъ ее всю, и жаркая страсть, которая

вспыхивала въ немъ, еще долго спустя волновала Мари, тогда какъ слова быстро исчезали изъ ея памяти.

Однажды ночью, въ августѣ—въ послѣднюю ночь, когда у мадамъ Клемансъ была сверхурочная работа — Мари Шварцъ, измученная голодомъ и усталостью, торопливо шла домой, въ улицу Симильенъ. Было уже такъ поздно, что она и не подумала о встрѣчѣ съ Антуаномъ. И когда она увидѣла его фигуру, внезапно отдѣлившуюся отъ черной стѣны, гдѣ онъ поджидалъ ее, она задрожала отъ волненія и тяжкаго предчувствія. Нѣтъ, это уже слишкомъ! Онъ не долженъ былъ ждать ее теперь.

— Я уже два часа здѣсь, Мари, потому что я люблю тебя,— сказалъ онъ, притягивая ее къ углу стѣны.

У него, явно, былъ періодъ его мрачной грусти. Онъ взялъ ея руки въ свои и, почти касаясь губами ея пышныхъ черныхъ волосъ, тяжелыми локонами спадавшихъ на шею, шепталъ.

— Мари, Мари, я такъ люблю тебя, что, если бы могъ, я бы сдѣлалъ тебя своей женой...

— Замолчите! оставьте меня, не говорите ничего!

— Мари, мнѣ надо ѣхать въ полкъ. Я, можетъ быть, не вернусь. Мнѣ осталось только два мѣсяца жизни. Иди со мной!

— Оставьте меня, Антуанъ!

Она отбивалась, уже потерянная мысленно, потому что онъ сказалъ «я бы сдѣлалъ тебя своей женой». Высвободилась и убѣжала съ крикомъ:

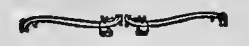
— Нѣтъ! Нѣтъ! Я не хочу. Не приходите больше! Никогда!

Но онъ долженъ былъ снова прійти. Онъ пришелъ. Въ тотъ самый день, когда Элоа Мадьо позвалъ его обѣдать, Антуанъ поджидалъ Мари на обычномъ мѣстѣ. Она была сломлена; въ этотъ вечеръ ей не доставало послѣдней опоры: она не видѣла Генріетты наканунѣ, она не увидитъ ее еще нѣсколько дней.

Она со слезами склонилась на плечо Антуана и пошла съ нимъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Съ франц. пер. М. Славинская.

* * *

На камняхъ горячихъ и сонныхъ,
На бѣлыхъ и пыльныхъ дорогахъ,
Въ лачугахъ, на стертыхъ порогахъ,—
Быть можетъ, хранятся и нынѣ
Слѣды твоихъ ногъ обнаженныхъ,
Босыхъ, загорѣлыхъ подъ солнцемъ,
Подъ вѣтромъ, рожденнымъ въ пустынѣ.
И небо, какъ раньше, какъ прежде
Сверкаетъ отъ края до края,
Надъ темной землей зажигая
Все тѣ же огни золотые, —
Дрожавшіе въ грубой одеждѣ
И въ складкахъ льняного хитона
Что выткала сыну Марія.
И старыя, мудрыя звѣзды
Надъ старой и мудрой землею
Полны и донынѣ Тобою, —
И вѣтеръ, какъ вѣстникъ крылатый,
Весеннимъ побѣгамъ въ борозды
Кидаетъ: «Онъ съ вами и нынѣ, —
Растите! Вы святы! Вы святы!»

Ада Чумаченко.

РУССКІЕ ЭМИГРАНТЫ и „РИМСКІЙ СЪѢЗДЪ“.

Русская художественная литература послѣднихъ лѣтъ неоднократно пыталась изобразить жизнь русской политической эмиграціи, главнымъ образомъ парижской, въ ея красѣ и непригладности. Изъ этихъ попытокъ мнѣ припоминаются романы г.г. Винниченка и Золотарева, какъ лицъ, писавшихъ не гадательно, а, очевидно, по личнымъ переживаніямъ и наблюденіямъ. Оба эти романа (я не касаюсь ихъ художественныхъ достоинствъ и недостатковъ) должны приводить читателя къ довольно печальнымъ, въ общемъ, выводамъ относительно русскихъ эмигрантовъ. Если отдаться впечатлѣніямъ перваго, то можно думать, что моральный уровень эмиграціи упалъ сильно, и вмѣсто прежнихъ идеалистовъ мы имѣемъ лишь бывшихъ людей и проститутокъ. Значительно мягче и любовнѣе тонъ у г. Золотарева («Во едину отъ субботъ»), но достаточно вспомнить у него сцену ночью возлѣ парижскаго Jardin des plantes, чтобы придти къ выводамъ самымъ пессимистическимъ. Обсуждая эти и другіе того же цикла романы и повѣсти, русская критика искала въ нихъ неумышленнаго и умышленнаго сгущенія красокъ, не допуская мысли о подобномъ моральномъ крахѣ «заложниковъ русской свободы».Можно лишь поблагодарить ее за доброе намѣреніе, но, къ сожалѣнію, *по тому времени* бытописатели эмигрантской жизни грѣшили многимъ, только не сгущеніемъ красокъ. Грѣшили они главнымъ образомъ тѣмъ, что не умѣли глубже проникнуть въ причины такого печальнаго явленія, что, фотографируя и обобщая отдѣльные факты, они не брали ихъ во взаимной связи, не могли показать, почему эти факты являются неизбѣжными, а не случайнымъ тяжелымъ явленіемъ. *По тому времени*, говорю я, они

были относительно вѣрными отразителями внѣшней эмигрантской жизни, въ маломъ переувеличивая, кое въ чемъ не договаривая. Жизнь русской эмиграціи въ періодъ 1907-1910 гг. была тяжела и печальна до крайности и никому не могла внушить довѣрчивыхъ надеждъ. Это—періодъ крайней прострацiи, распаденія партій, изощренной подозрительности къ ближайшему сосѣду и вчерашнему пріятелю, внутрипартійныхъ сыскныхъ учрежденій, ловли провокаторовъ и т. п. Въ то время еще слишкомъ остро чувствовался «проигрышъ» и, какъ всегда, виновникъ его отыскивался не въ сложныхъ условіяхъ развитія русской жизни и русской мысли, а въ лицѣ опредѣленныхъ индивидумовъ. Кромѣ того въ этотъ періодъ заграница (и въ особенности Парижъ) была еще переполнена эмигрантами, не только не нашедшими себѣ пристанища, но и не видѣвшими никакой возможности и не имѣвшими никакой охоты найти себѣ хотя бы временную, до лучшаго вѣтра, пристань внѣ родины, чтобы отдохнуть и набраться силъ. Осколки разбитыхъ организацій, держась за осколки разбитыхъ вѣрованій и надеждъ, плавали въ открытомъ морѣ заграничной жизны подлинно безъ руля и безъ вѣтрилъ. Никакой кличъ къ сбору не могъ быть тогда дѣйствительнымъ, и всѣ попытки этого рода рушились систематически. Главнымъ факторомъ деморализаціи была поистинѣ ужасающая нищета среди эмигрантовъ, ряды которыхъ въ эти года впервые пополнились бѣжавшими изъ Россіи рабочими, солдатами, матросами, неспособными къ труду интеллигентному, не знающими языковъ, ослабѣвшими для труда физическаго,—да и тотъ можно было находить лишь въ крайне ограниченномъ количествѣ. Ожидать, чтобы въ такихъ условіяхъ жизни русская эмиграція могла сохранить въ чистотѣ лучшее, что она унесла съ родины, чтобы она сразу побѣдила эти условія, перешагнувъ легко, какъ это бывало въ Россіи, и черезъ бѣдность, и черезъ сомнѣнія, чтобы она сразу могла оріентироваться и создать себѣ за границей una più grande Russia,—было бы слишкомъ наивно и смѣло. Въ русскую молодежь заложено много природной моральной силы, что́ она достаточно доказала и въ періоды тяжкихъ испытаній; но кто же могъ бы требовать героической силы сопротивленія отъ *массовой* эмиграціи, каковою является эмиграція русская? Единицы спаслись, массы гибли, удобряя почву для новыхъ, ими же выдвинутыхъ единицъ, еще болѣе сильныхъ и здоровыхъ.

Вотъ почему тѣ, въ чьихъ глазахъ среда русской эмиграціи была *только* средой полнаго моральнаго распада, были не болѣе правы, чѣмъ тѣ, кто въ самой Россіи пропѣли отходную русской интеллигенціи и, въ частности, ея самой молодой, лишь нарождаю-

щейся части, среди которой видѣли много «огарковъ» и совсѣмъ не хотѣли видѣть здоровыхъ ростковъ новой культуры. Не нужно забывать и того, что на процессѣ переживанія эмигранта, естественно живущаго отголосками родной страны, невольно сказываются и отражаются всѣ этапы, проходимые ея творческой мыслью. Связь между обѣими частями интеллигентской арміи—ея разбитымъ въ неравномъ бою авангардомъ и ея деморализованными резервами,—никогда не прерывалась, хотя и неодинаково реагировали они на одни и тѣ же лозунги и призывы. Въ то время, какъ въ Россіи молодежь безъ особаго раздумья и часто безъ сожалѣнья отказывалась отъ завѣтовъ прошлаго, бросаясь къ любому новому миражу, какъ бы ни была явна его обманчивость, какъ бы ни противорѣчилъ онъ всѣмъ прежнимъ вѣрованіямъ,—въ средѣ эмигрантской тѣ же лозунги встрѣчали прежде всего недовѣріе и острое недоброжелательство. Могло ли быть иначе? Вѣдь для первой это было лишь отказомъ отъ теоріи, ею на дѣлѣ еще не приложенной или приложенной въ незначительномъ размѣрѣ и безъ всякихъ послѣдствій лично для себя; для второй это означало отказъ отъ яснаго, вошедшаго въ плоть и кровь, приложеннаго на практикѣ міросозерцанія, руководившаго личнымъ поведеніемъ и приведшаго къ жертвѣ, принятой, какъ заслуженный мученическій крестъ.

Возьмемъ, напримѣръ, такъ пышно расцвѣтшее въ тѣ года въ Россіи презрѣніе ко всякой «политикѣ» и безудержное стремленіе къ полнотѣ и исчерпанности проблемъ личнаго счастья. Быть можетъ, у людей, отслужившихъ свою службу по чистой совѣсти, отдавшихъ обществу все, что́ они были въ силахъ отдать, устраненныхъ, наконецъ, изъ сферы приложенія ихъ силъ не по своей охотѣ, быть можетъ, у этихъ людей было больше права вспомнить о своей личной жизни и пожить «для себя», чѣмъ у тѣхъ, кто, не пожертвовавъ ничѣмъ, отдавалъ теперь на порицаніе и самую идею самопожертвованія во имя блага ближнихъ. Но, съ другой стороны, отдаться этому теченію и пойти такимъ образомъ по линіи наименьшаго сопротивленія—значило бы осудить свое прошлое, признать его роковой ошибкой, отречься отъ тѣхъ дней и тѣхъ воспоминаній, которые были единственно дорогими, гордость которыми помогаетъ переносить тяжесть изгнанія.

Но если въ эмигрантской средѣ не наблюдалось массоваго увлеченія новѣйшими лозунгами россійской фабрикаціи, то въ отдѣльныхъ случаяхъ внутренняя борьба была гораздо глубже и трагичнѣе. Жонглированье лозунгами и порханье отъ міросозерцанія сегодняшняго къ міровоззрѣнію завтрашнему здѣсь было невозможно уже въ силу привычнаго преклоненія предъ авторитетомъ общественнаг-

контроля, въ силу врожденнаго и воспитаннаго годами активной работы священнаго трепета передъ буквой програмы-максимумъ и дирижерской палочкой таинственнаго «комитета». Эмигрантская среда сильно поотстала отъ параллельной ей среды внутрироссійской—но русская мысль, по крайней мѣрѣ въ области вопросовъ морали, сдѣлавъ безполезный логическій кругъ, возвращается на старое мѣсто, съ такимъ презрѣньемъ покинутое.

Все это не значитъ, конечно, что россійскія шатанья не нашли здѣсь жертвъ. Напротивъ, то, что въ Россіи часто заканчивалось лишь веселымъ водевилемъ съ переодѣваніями, здѣсь имѣло исходъ трагическій. Мы не можемъ не признать, что 1906-ой годъ перебросилъ черезъ русскую границу людей сильныхъ и выдающихся, шедшихъ въ авангардѣ всякаго прогрессивнаго общественнаго движенія (а не одной только революціи, какъ многіе думаютъ). Но тотъ, кто выше поднимался—ниже падаетъ, когда внезапно надорвутся его силы. Надрывъ въ душѣ арцыбашевскихъ героевъ—вещь не опасная; это суда мелкаго плаванія, и ихъ пробоины легко заклепываются обрывкомъ просмоленной пакли. Но трещину въ стройномъ міросозерцаніи убѣжденнаго человѣка, притомъ—человѣка дѣла, а не салоннаго болтуна и не митинговаго оратора, долгимъ лѣченіемъ часто не можетъ исцѣлить даже такой опытный врачъ, какъ жизнь. При этомъ эмигрантская среда, въ особенности ея ортодоксальное и фанатическое ядро, до послѣдняго времени не только не склонна была помогать своимъ членамъ въ ихъ исканіяхъ, но наоборотъ—предвзятымъ осужденіемъ встрѣчала всякую попытку свободной дискуссіи, кладя клеймо «ереси» на все, что не помѣчено партійнымъ клеймомъ и не укладывается свободно въ рамки программы. Отстаивая свой ветхій завѣтъ, партійные ортодоксы руководятся благороднымъ намѣреніемъ сохранить чистоту и цѣльность нѣкогда кристаллизовавшихся взглядовъ, забывая, что идеи, какъ и сама жизнь, развиваются непрестанно, что новый завѣтъ не отмѣняетъ ветхаго, а лишь вбираетъ его въ себя, перерабатывая и озаряя новымъ свѣтомъ ту же великую идею. Борьба «отцовъ и дѣтей» наблюдается въ средѣ эмигрантской въ той же, если не большей степени, какъ наблюдается вездѣ, и здѣсь, въ обстановкѣ отчужденности отъ родины, источника воды живой, въ условіяхъ оторванности отъ живой работы, вынужденной абстрактности разсужденій, эта борьба ведется ожесточеннѣе и непримиримѣе.

За примѣрами ходить не далеко. Возьмемъ, напримѣръ, оригинальную судьбу романа В. Ропшина: «То, чего не было». Этотъ романъ, написанный перомъ человѣка, знающаго больше другихъ, и притомъ крупнаго художника, еще не былъ оконченъ, какъ ортодоксальное

эмигрантское ядро выступило въ томъ же журналѣ «Завѣты», гдѣ романъ печатался, со строжайшимъ осужденіемъ и автора, и редакціи журнала. Ропшинъ—не публицистъ и не выступаетъ съ поученіями; онъ даже не рискуетъ на ясно подчеркнутую идею, онъ говоритъ лишь о сомнѣніяхъ, онъ ставитъ сложнѣйшій вопросъ человѣческой мысли о правѣ насилія во имя благородной цѣли. Но такъ какъ онъ ставитъ вопросъ, уже предрѣшенный партійной программой, такъ какъ онъ не считаетъ нужнымъ скрыть отрицательныя стороны закулисъ революціи, то онъ объявляется еретикомъ дискредитаторомъ пережитыхъ Россіей великихъ дней. То, что стремится изобразить Ропшинъ въ художественной формѣ, совсѣмъ не ново. Сомнѣнія, владѣвшія душою его героя, Болотова, были сомнѣніями всѣхъ крупныхъ дѣятелей революціи, за исключеніемъ ея убѣжденныхъ чиновниковъ. Если бы не было этихъ сомнѣній — не было бы никакого оправданія тому, что дѣлалось и что вѣнчалось ореоломъ героизма. И не Ропшинъ первый поставилъ вопросъ о роли партійныхъ жрецовъ, всѣхъ этихъ Арсеніевъ Ивановичей, докторовъ Берговъ и Аркадіевъ Розенштерновъ его романа. Тѣ, кто писали протестъ противъ редакціи «Завѣтовъ», прекрасно знаютъ, что вопросъ о «жрецахъ» и «генералахъ революціи» стоялъ рѣзко и ребромъ еще въ періодъ разгара движенія (и ставился не единицами слабой интеллигентской среды, а партійной периферіей, рабочими кружками), что именно на этой почвѣ начались расколы, приведшіе впослѣдствіи къ появленію максимализма всѣхъ родовъ и къ распыленію революціонной среды. Авторы протеста говорятъ, что Ропшинъ невѣрно и тенденціозно рисуетъ картину русскаго движенія. Такъ ли? Это нужно еще доказать! И доказать не пустымъ и голословнымъ возраженіемъ, а прямымъ указаніемъ на ошибки, такъ сказать, контръ-картиной, возсоздающей истину. Такой контръ-картины никто еще не создалъ, для насъ же, пережившихъ это время, картина, данная Ропшинымъ, является въ общемъ поразительно яснымъ отраженіемъ пережитого, его подлиннымъ художественнымъ перевоплощеніемъ. Я прохожу мимо критики романа съ художественной стороны; въ этой критикѣ есть правда, но много злобнаго и недалекаго. Конечно, Ропшинъ—несложившійся еще писатель, но, конечно, онъ очень талантливъ. Для насъ сейчасъ важно лишь то, что во всей этой странной исторіи повторилась вѣковая борьба отцовъ и дѣтей, кастовыхъ жрецовъ—съ проповѣдниками и искателями новой истины и новой жизни. Кто побѣдитъ—сказать не трудно; отцы никогда еще не побѣждали дѣтей. И пораженіе отцовъ тѣмъ болѣе несомнѣнно, что, уже безсильные владѣть умами, они пускаютъ въ ходъ единственное, старое и затасканное орудіе: ссылку на реакцію, раcша-

тавшую и погубившую людей, ссылку на «завѣты», носителями и хранителями которыхъ якобы являются лишь они, Арсеніи Ивановичи, Берги и Розенштерны, муллы правовѣрныхъ. И нѣтъ ничего удивительнаго, если ихъ уже болѣе никто не хочетъ слушать.

На случаѣ съ романомъ Ропшина я остановился лишь какъ на образчикѣ, достаточно выразительномъ, той глубокой и трагической борьбы, которая совершается въ кругахъ эмигрантскихъ, какъ и въ кругахъ внутрироссійской интеллигенціи. Въ этой борьбѣ побѣдитъ сильный, и никакой пощады не можетъ ждать слабый. Эмигрантская среда, какъ всякая тюремная, строга и безжалостна въ своихъ приговорахъ и осужденіяхъ. Она всегда болѣе склонна казнить, чѣмъ протягивать руку помощи. Примѣръ этого опять-таки недалекъ и очень показателенъ, хотя въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не о «борьбѣ убѣжденій», а о простомъ житейскомъ фактѣ: о недавно облетѣвшемъ всѣ газеты дѣлѣ виднаго эмигранта, бывшаго дѣятеля Совѣта рабочихъ депутатовъ, (я не хочу трепать его фамилію лишній разъ).

Исторія этого дѣятеля, въ самыхъ краткихъ чертахъ, такова. Онъ былъ петербургскимъ студентомъ, выдѣлился умѣньемъ говорить на сходкахъ и склонностью начальствовать, затѣмъ, въ періодъ революціонный, будучи уже адвокатомъ, сумѣлъ также попасть въ «вожди движенія» и сталъ самымъ виднымъ членомъ Совѣта рабочихъ депутатовъ. Далѣе—арестъ, ссылка, бѣгство за-границу; короче говоря—онъ продѣлалъ всю ту карьеру, которую продѣлываютъ Арсеніи Ивановичи, Берги и Розенштерны, но, работая, по условіямъ времени, на виду у всѣхъ, сумѣлъ болѣе прогремѣть своимъ именемъ. Сходство между нимъ и жрецами было въ томъ, что и онъ, и они были лишь начальствомъ, играя роль мандантовъ, а не исполнителей, да еще въ томъ, что и онъ, и они не являлись людьми центра, облеченными довѣріемъ периферіи и ею избранными для этой роли, а играли свою роль путемъ самоизбранія и самоназначенія; иначе и быть не могло въ условіяхъ конспиративной жизни и дѣятельности. Манданты-Арсеніи Ивановичи посылали Сережу убивать прокурора, а мандантъ, о которомъ мы говоримъ, посылалъ на демонстраціи массы рабочихъ, или во всякомъ случаѣ былъ увѣренъ, что это онъ ихъ посылаетъ. Послѣ, оторванный отъ дѣятельности, сдѣлавшейся привычною, перенесенный въ условія вынужденно-праздной и матеріально-трудовой эмигрантской жизни. онъ не надолго могъ здѣсь сохранить свой престижъ «народнаго вождя»; его полоса прошла, а на роли рядовыхъ работниковъ и трудовыхъ людей онъ себя не подготовилъ. Пробовалъ онъ выступать съ публичными рефератами въ Парижѣ и въ Швейцаріи, сразу обнаруживъ недостатокъ багажа,

ни въ комъ не вызвавъ живого интереса, но, какъ полагается, пріобрѣтя себѣ враговъ въ разныхъ группахъ эмиграціи. Затѣмъ ему волей-неволей пришлость стать въ ряды борющихся за кусокъ хлѣба и пробиваться мелкими заработками. Года два тому назадъ прошелъ слухъ, попавшій и въ газеты, о какой то растратѣ, имъ совершенной, и, конечно, слухъ этотъ былъ усердно подхваченъ и пущенъ въ обращеніе, хотя врядъ ли многимъ пришло въ голову не только заинтересоваться психологіей «преступника», прежде чѣмъ постановлять надъ нимъ приговоръ, но попросту удостовѣриться, были ли дѣйствительно какія-нибудь основанія для самыхъ слуховъ. Во всякомъ случаѣ въ этотъ моментъ—быть можетъ, самый критическій въ его жизни,—руки ему никто не протянулъ и на его защиту, насколько помнится, никто открыто и рѣшительно не сталъ. Если бы на его мѣстѣ былъ человѣкъ сильный, онъ сумѣлъ бы самъ защитить себя—если онъ не былъ виноватъ,или подняться—если онъ дѣйствительно палъ. Но онъ оказался безсильнымъ, и тѣмъ опредѣлилась его судьба. Виноватъ ли онъ въ томъ, въ чемъ винятъ его теперь (онъ, судя по газетамъ, былъ арестованъ въ Парижѣ по обвиненію въ мелкой кражѣ), или это опять умышленно раздутый слухъ съ цѣлью дискредитировать революціонную эмиграцію или попросту добить лежащаго,—мы не знаемъ. Да это и не важно. Важно лишь отношеніе, проявленное къ обвиняемому эмигрантской средой, въ минуту его предполагаемаго паденія: она выбросила его разъ на всегда и окончательно за бортъ. И вотъ теперь по лежащему человѣку ходятъ всѣ, кто прежде считалъ за нѣкоторую честь пожать руку «вождя рабочаго движенія». Что до «жрецовъ», которымъ онъ ближе всего родствененъ по духу, то они отвели отъ себя всякую отвѣтственность за моральную гибель своего ближайшаго товарища тѣмъ, что теперь, заднимъ числомъ, признали его «случаянымъ элементомъ» революціи, ея соромъ, вынесеннымъ общей волной подъема, а затѣмъ, когда сбыла вода, отстоявшимся и представшимъ взору всѣхъ въ своемъ подлинномъ видѣ. Возможно, что доля правды въ этомъ есть; но самый пріемъ отрясанья праха отъ ногъ своихъ и умыванья рукъ достаточно характеренъ. Онъ прежде всего свидѣтельствуетъ о недостаткѣ мужества въ эмигрантской средѣ; не хватаетъ мужества признать, что этотъ человѣкъ, пусть «павшій», былъ и есть плоть отъ плоти и кровь отъ крови нашей, что теперь открещиваться отъ него поздно. Ссылка на то, что такое открещиваніе необходимо ради сохраненія чести самой эмигрантской среды и чести эпохи,—ссылка и неправильная, и не дѣлающая чести авторамъ. Честь марается не болтовней газеты «Matin» и другихъ газетныхъ кукушекъ и ихъ высокихъ покровителей, а самыми фак-

тами, поскольку эти факты вѣрны. Честь эпохи вообще не нуждается въ защитѣ, такъ какъ не только случай, о которомъ мы говоримъ, но и всѣмъ извѣстная исторія Гапона и Азефа не способны бросить на нее ни малѣйшей тѣни въ глазахъ людей серьезныхъ и безпристрастныхъ. Если бы даже романистъ Ропшинъ, пользуясь скрытымъ авторитетомъ своего имени, дѣйствительно далъ невѣрное толкованіе той эпохи и попробовалъ ее дискредитировать, неужели его попытка не обрушилась бы на него же, безъ всякой помощи тѣхъ «жерцовъ и хранителей завѣтовъ», которые обратились въ редакцію журнала, также желающаго хранить завѣты, избравшаго это слово своимъ заголовкомъ и однако напечатавшаго романъ «То, чего не было»? Но хуже всего то, что теперь, по отреченіи бывшихъ друзей, по тѣлу лежащаго человѣка уже никто не стѣсняется гулять, одни— хитро посмѣиваясь, другіе—негодуя, третьи—жалостливо и брезгливо, застегивая на ходу пуговку бѣлыхъ перчатокъ. То, что до сихъ поръ писалось въ русскихъ и французскихъ газетахъ объ этомъ печальномъ дѣлѣ можно озаглавить однимъ возгласомъ: «Добивай лежачаго!» Можетъ быть писать это людямъ было пріятно, но читать было противно. Въ лучшей и наиболѣе человѣчной изъ статей, посвященныхъ данному случаю, все же было выражено какъ бы пріятное удивленіе, что этотъ человѣкъ, начальная карьера котораго такъ сходна съ карьерой Гапона, все же не пошелъ въ Азефы, а предпочелъ дойти до воровства изъ-за куска хлѣба, ибо даже и это «имѣетъ свой вѣсъ въ нашъ подлый вѣкъ». Не знаемъ, можно ли назвать вѣкъ нашъ подлымъ, но ужъ во всякомъ случаѣ онъ безжалостенъ!

Примѣры, на которыхъ я остановился, въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуютъ о томъ, насколько средѣ эмигрантской свойственен замкнутый кастовый характеръ, вообще чужда широта взглядовъ, и насколько строга эта среда къ своимъ еретикамъ и безжалостна къ своимъ пасынкамъ. Но мы сдѣлали бы глубокую и непростительную ошибку пройдя мимо явленій другого порядка и, главное, не отмѣтивъ, что за послѣднее время въ эмигрантской средѣ повсюду за границей наблюдается какъ реакція противъ кастовой замкнутости, такъ и стремленіе организоваться на почвѣ безпартійной, на началахъ болѣе демократическихъ, съ устраненіемъ жреческихъ коллегій и съ свободнымъ допущеніемъ въ затхлую атмосферу струй чистаго воздуха. Одновременно наблюдается желаніе создать обстановку, въ которой бы впавшій въ нищету или павшій духомъ членъ колоніи могъ найти поддержку и нравственную, и матеріальную. Что именно на этотъ путь обновленія твердо рѣшили стать колоніи итальянскія, правда—весьма немногочисленныя, мы

увидимъ дальше, занявшись ихъ съѣздомъ, который былъ вообще первымъ съѣздомъ русскихъ культурныхъ и экономическихъ эмигрантскихъ организацій, вполнѣ открытымъ, вполнѣ легальнымъ и абсолютно не имѣвшимъ ни малѣйшаго отношенія къ какой бы то ни было политикѣ. Судя по привѣтствіямъ, выраженнымъ этому Римскому съѣзду аналогичными организаціями другихъ странъ, и вообще по проявленному къ нему интересу (даже въ русской прессѣ), нужно думать, что съѣздъ дѣйствительно былъ показателемъ близкаго пробужденія эмигрантской среды къ жизни, менѣе печальной во всѣхъ отношеніяхъ и болѣе активной.

Я назвалъ «эмигрантскимъ» конгрессъ русскихъ культурныхъ и экономическихъ организацій, происходившій въ Римѣ въ мартѣ этого года. Несмотря на то, что какъ составъ делегатовъ конгресса, такъ и составъ пославшихъ ихъ организацій далеко не былъ чисто эмигрантскимъ, и не былъ таковымъ даже на половину, я все же думаю, что употребленное мною названіе правильно. И вотъ почему. Большинство членовъ русскихъ демократическихъ колоній въ Италіи—студенты мѣстныхъ университетовъ. Несмотря на ихъ полную политическую легальность, иногда даже исключительную «благонамѣренность», ихъ положеніе трудно отличить отъ эмигрантскаго, такъ какъ учатся они здѣсь, и вообще за границей, по большей части вовсе не въ виду какихъ нибудь преимуществъ заграничнаго преподаванія. Просто они или не видятъ никакой возможности спокойно заниматься наукой въ русскихъ университетахъ, функціонирующихъ нерегулярно и частью разгромленныхъ за время министерства г. Кассо, или же не имѣютъ права поступленія въ университеты русскіе. Преобладающимъ элементомъ среди русскаго заграничнаго студенчества являются, конечно, евреи, стекающіеся сюда въ силу ограничительныхъ законовъ о процентномъ отношеніи евреевъ въ русскихъ университетахъ. До сихъ поръ ни одна страна не считала возможнымъ или приличнымъ подражать Россіи въ этомъ отношеніи. Лишь въ послѣднее время такое же ограничительное правило, въ скрытомъ видѣ, прошло въ Германіи, гдѣ пріемъ въ университеты закрывается для русской молодежи, не бывшей раньше въ одномъ изъ университетовъ русскихъ, другими словами—прежде всего для евреевъ, лишенныхъ въ Россіи права на образованіе. Къ счастію, пока въ другихъ странахъ ничего подобнаго нѣтъ и не предвидится. Не такъ давно опытъ стѣсненія иностранцевъ, въ частности—русскихъ (другихъ иностранцевъ здѣсь и немного), былъ сдѣланъ въ Италіи; министерство, по личной ли старательности, или по чужому внушенію, сочло нужнымъ возродить къ жизни старый и отмѣненный обычаемъ законъ объ удостовѣреніи документовъ иностран-

цевъ, принимаемыхъ въ итальянскіе университеты. Чтобы выпол-
нить всѣ требуемыя закономъ формальности, каждый документъ,
представляемый студентомъ въ канцелярію, долженъ бы пройти
шесть удостовѣряющихъ его инстанцій (русскій университетъ или
гимназія, русское министерство иностранныхъ дѣлъ, итальянскій
консулъ въ данномъ русскомъ пунктѣ, итальянское министерство
иностранныхъ дѣлъ, итальянскій университетъ, а въ случаѣ, если
переводъ документа дѣлается здѣсь, на мѣстѣ—также и русскій
консулъ). Не мѣшаетъ прибавить, что каждое учрежденіе взимаетъ
за удостовѣреніе опредѣленный за это сборъ, и отнюдь не малый.
При такой системѣ поступать въ университетъ могли бы только
люди съ большимъ запасомъ и энергіи, и денегъ, и во всякомъ слу-
чаѣ не могли бы попасть эмигранты. Впервые примѣненіе отмѣ-
неннаго обычаемъ закона было испробовано въ Неаполѣ, гдѣ нѣ-
сколько русскихъ не были приняты по формальнымъ причинамъ.
Къ счастію, въ Италіи есть кому заступиться за людей, стѣсняе-
мыхъ въ правахъ, да и вообще излишняя формалистика здѣсь не
въ большомъ фаворѣ. Повидимому законъ прилагаться на практикѣ
не будетъ по прежнему. Упомянулъ же я о немъ главнымъ обра-
зомъ потому, что вопросъ о немъ былъ возбужденъ на съѣздѣ рус-
скихъ организацій, хотя и не входилъ прямо въ его порядокъ дня.
Какъ бы то ни было, но русскій студентъ ѣдетъ въ заграничные
университеты главнымъ образомъ по тѣмъ же причинамъ полити-
ческаго неустройства Россіи, по какимъ возникаютъ здѣсь русскія
демократическія колоніи. Такимъ образомъ, онъ, являясь доброволь-
нымъ эмигрантомъ, хотя бы временнымъ, можетъ быть безъ всякой
натяжки сопричисленъ къ одной и той же большой эмигрантской
семьѣ. Хотя безпартійная студенческая среда въ значительно мень-
шей мѣрѣ заражается кастовой психологіей и проявляетъ меньше
рѣзкихъ антиобщественныхъ чертъ, но, подчиненная равнымъ усло-
віямъ, той же или почти той же нуждѣ, той же вынужденной отор-
ванности отъ родины (не всякому удается часто ѣздить въ Россію),
и она нерѣдко вырабатываетъ удушливую атмосферу жизни, въ
которой гибнутъ менѣе сильные или надорвавшіе силы еще въ
Россіи. Впрочемъ, въ Италіи начало организаціямъ на новыхъ
принципахъ положено именно студентами, и въ этомъ отношеніи
эмигрантское ядро обязано имъ благодарностью.

Я не имѣю въ виду излагать здѣсь подробно хода работъ
«Русскаго конгресса въ Римѣ», отсылая интересующихся къ до-
вольно обстоятельнымъ отчетамъ, появившимся почти во всѣхъ
большихъ русскихъ газетахъ. Въ общихъ чертахъ, этотъ маленькій
конгрессъ—маленькій по количеству представленныхъ на немъ орга-

низацій, по числу делегатовъ, по скромности задачъ и даже по достигнутымъ пока результатамъ—заслуживалъ бы особаго вниманія всѣхъ, кто интересуется судьбами «заложниковъ русской свободы». Не это, однако, является прямой темой настоящаго очерка. Поэтому ограничусь лишь краткими пояснительными словами.

За послѣдніе годы въ разныхъ пунктахъ Италіи, главнымъ образомъ въ университетскихъ городахъ, образовались довольно крупныя колоніи русскихъ. Большимъ скопленіемъ русскихъ всегда отличался курортъ Нерви, на восточной Ривьерѣ, неподалеку отъ Генуи; но здѣсь студентовъ почти нѣтъ, и главная часть демократической колоніи — больные эмигранты. Значительная колонія постоянно живетъ на островѣ Капри, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, когда туда съѣзжаются и русскіе студенты изъ Неаполя. Собственно неаполитанская колонія также отличается сравнительной численностью, причемъ почти вся ютится въ наиболѣе здоровой, красивой и относительно дешевой части города—на Вомеро, Римъ, какъ городъ дорогой и малоудобный для жизни, только за послѣдніе два-три года собралъ колонію, организованное ядро которой объединяетъ человѣкъ пятьдесятъ. Немногіе русскіе во Флоренціи живутъ пока вразбродъ. Въ нѣсколько особомъ положеніи Миланъ, гдѣ русскихъ немало, но большинство ихъ пѣвцы и музыканты, ученики консерваторіи и частныхъ профессоровъ, элементъ текущій и мало склонный къ сплоченію въ организацію.

Первые зачатки колоніальной организованности проявилъ Неаполь. Тамъ имѣется русская библіотека, касса взаимопомощи, изрѣдка читаются рефераты. Римъ, начавшій позже другихъ, успѣлъ организоваться очень быстро. Дѣло было начато устройствомъ крошечной студенческой библіотеки, развившейся затѣмъ въ общеколоніальную, состоящую при вновь образовавшемся «Обществѣ Библіотеки имени Л. Н. Толстого». За послѣдній годъ здѣсь, при томъ же обществѣ, образовались Трудовое и Справочное Бюро и Касса Взаимопомощи. Нерви, какъ курортъ по преимуществу, давно уже имѣлъ «Общество для помощи больнымъ русскимъ», чисто благотворительнаго характера; но недавно при этомъ обществѣ открылась небольшая русская библіотека, имѣющая шансы развиться. Такая же библіотека-читальня есть и въ Миланѣ. На Капри необходимость экономической организаціи была сознана подъ вліяніемъ большого притока неимущихъ, которые часто, покидая островъ, оставляли долги въ магазинахъ и частнымъ лицамъ. Сначала эти долги систематически покрывались средствами одного лица (Максима Горькаго), затѣмъ образовался особый фондъ для помощи неимущимъ, наконецъ—касса взаимопомощи. Вслѣдъ за этимъ положено

было начало организаціи культурной (лекціи, рефераты, библіотека). Особыя условія жизни на островѣ помогаютъ сближенію, и капрійская колонія оказалась наиболѣе дѣятельной въ смыслѣ выработки новыхъ, вполнѣ демократическихъ началъ организаціи. Именно ей и принадлежитъ иниціатива созыва перваго конгресса, тогда какъ осуществленіе этого начинанія взято было на себя всецѣло Римомъ, какъ естественнымъ центромъ и средоточіемъ силъ интеллектуальныхъ.

Упомянутыя выше организаціи пяти городовъ и были представлены на Римскомъ конгрессѣ въ лицѣ ихъ делегатовъ. Самымъ удивительнымъ и характернымъ явленіемъ конгресса была совершенно исключительная дѣловитость и разсудочность его засѣданій. Эмигрантскія колоніи вообще такъ привыкли къ сборищамъ шумнымъ и бурнымъ, что разноголосица и споры никого бы не удивили; но вмѣсто этого представителямъ печати пришлось присутствовать при трехдневномъ серьезнѣйшемъ обсужденіи насущныхъ вопросовъ эмигрантской и студенческой жизни. Въ шесть засѣданій конгрессъ выработалъ рядъ нормальныхъ уставовъ справочныхъ и трудовыхъ бюро, кассъ взаимопомощи и библіотечныхъ обществъ, установилъ принципы обмѣна книгами, референтами и справками, выдвинулъ необходимость и даже положилъ начало организаціи «Музея русскаго общественнаго движенія», и установилъ пути для духовнаго пріобщенія русскихъ колоній къ культурной жизни Италіи. Не останавливаясь на резолюціяхъ конгресса, я выдѣлю лишь одинъ докладъ, прочитанный представителемъ Капри, виднымъ литераторомъ, и выдѣлю его именно какъ любопытнѣйшій образчикъ преломившейся эмигрантской психологіи.

Докладъ этотъ посвященъ «культурнымъ задачамъ русскихъ обществъ въ Италіи». Одной изъ первыхъ культурныхъ задачъ докладчикъ считаетъ «всемѣрное содѣйствіе и помощь изгнанникамъ». Въ этомъ смыслѣ,—говоритъ онъ,—каждая касса взаимопомощи, каждое бюро труда, каждая библіотека, усиливая стойкость и мощь, духовную и матеріальную, той или иной колоніи, не только даетъ возможность сберегать для Россіи оторвавшихся и выброшенныхъ изъ нея людей, но мало того—поможетъ нѣкоторымъ изъ нихъ, говоря словами Бруно, «обрѣсти въ тѣсномъ изгнаніи необъятную родину», поможетъ приспособиться на чужбинѣ, узнать, полюбить ее, войти въ ея жизнь, стать изъ ненужнаго пришельца-чужака своимъ на любомъ мѣстѣ и среди каждаго народа. Это задача временная, т. е. на время существованія политической эмиграціи. Но докладчикъ не упускаетъ изъ виду и даже особо выдвигаетъ впередъ задачу

вѣчную, основанную на извѣстномъ культурномъ значеніи и вліяніи Италіи, «страны великихъ понтифексовъ и великихъ зодчихъ на землѣ». Громадность ея исторической миссіи обязываетъ всякаго иностранца, живущаго здѣсь, помогать своимъ соотечественникамъ въ важномъ дѣлѣ ознакомленія «со страной священнаго историческаго преданія, великаго героическаго дѣйствія и художественнаго всесвѣтнаго зодчества». Отсюда естественно вытекаетъ задача наиболѣе тѣснаго объединенія колоній между собой, чтобы каждый русскій, будь то художникъ или студентъ, ученый или рабочій, могъ прикоснуться къ сокровищницамъ міровой культуры» возможно быстрѣе и съ наименьшей затратой силъ.

Третья культурная задача—«ознакомленіе Италіи съ Россіей, установленіе болѣе интимной дружественной связи между русскимъ и итальянскимъ народами, взаимное проникновеніе, обмѣнъ и перекрестное оплодотвореніе двухъ культуръ — итальянской и русской». «Сейчасъ въ міровой культурѣ,—говорилъ докладчикъ,—происходитъ очень любопытное явленіе взаимнаго проникновенія, фильтраціи, и, если можно такъ выразиться, осмоса разнородныхъ культуръ; никогда еще такъ настоятельно не чувствовалась вся важность и настоятельность общенія народовъ, никогда не ощущалось такъ близко грядущее братство. Народы идутъ другъ другу на встрѣчу. Въ такой историческій моментъ каждое начинаніе, тѣмъ болѣе неуклонная работа въ смыслѣ сближенія хотя бы только двухъ народовъ, дастъ плодъ—и въ очень близкомъ будущемъ—сторицею. Къ сожалѣнію, въ Россіи громадное большинство нашихъ соотечественниковъ еще не понимаетъ и потому не цѣнитъ всей важности этой роли своихъ зарубежныхъ колоній, не понимаетъ, какую отвѣтственную роль мы, зачастую невольные выходцы-изгнанники, несемъ здѣсь во благо и на пользу своего народа и своей страны. Убѣдить русскихъ людей—и немедленно—въ громадномъ культурномъ значеніи зарубежныхъ колоній было бы чуть не половиной дѣла. Поставить себя въ дѣлѣ созиданія современной вселенской культуры если не вровень, то рядомъ съ итальянцами—было бы другой половиной дѣла».

Докладчикъ очень основательно указываетъ на удивительную индифферентность русскихъ, въ противоположность другимъ иностранцамъ проявляемую ими въ тѣхъ случаяхъ, когда всякая другая нація непремѣнно старается показать и доказать, что она—неизмѣнная участница міровой культуры. Таково, напримѣръ, «постыдное отсутствіе русскихъ» на послѣдней римской выставкѣ въ павильонѣ «Иностранцы въ Римѣ», объясняемое недостаткомъ иниціативы и чувства народнаго достоинства. Таково—прибавлю я отъ себя—

отсутствіе русскихъ делегатовъ на цѣломъ рядѣ ученыхъ интернаціональныхъ конгрессовъ. Въ числѣ другихъ примѣровъ докладчикъ указываетъ на «домъ Гоголя» въ Римѣ, т. е. домъ на via Sistina, гдѣ Гоголь жилъ и писалъ «Мертвыя Души»; этотъ домъ, освященный великой работой добровольнаго изгнанника, Россія должна купить, и поднять этотъ вопросъ, при содѣйствіи итальянскаго общественнаго мнѣнія, обязаны русскія культурныя организаціи въ Италіи. Точно также во Флоренціи, съ которой Россія связана столькими историческими воспоминаніями, начиная отъ московскаго періода, должна бы найтись кучка людей, которая собрала бы хорошую библіотеку; докладчикъ не сомнѣвается, что въ такомъ дѣлѣ окажетъ свою помощь и флорентійскій муниципалитетъ, «во вниманіе къ услугамъ, оказаннымъ когда-то Флоренціи Демидовымъ-Санъ-Донато».

Наконецъ — сколько вообще можно и должно сдѣлать для всесторонняго ознакомленія итальянцевъ съ нашею своеобразною и открывающею новые горизонты жизнью! «Это дѣло можетъ дать полное удовлетвореніе множеству энергій, вянущихъ и сходящихъ на нѣтъ безъ точки приложенія своихъ силъ; энергій, сильныхъ когда-то у себя на родинѣ, но которыя чувствуютъ себя здѣсь и не у мѣста, и не у дѣлъ, и не по себѣ. А главное—пусть эта мысль свѣтитъ намъ далекою звѣздой: такимъ путемъ шли до насъ тѣ, кто съ полнымъ правомъ могъ впослѣдствіи сказать о своихъ изгнанническихъ годахъ: «Exulando didici quia inveni... in angusto exilio patriam amplissimam» («Скитальчествуя, достигъ я знанія... ибо въ тѣсномъ изгнаніи нашелъ себѣ необъятнѣйшую родину»—слова Джордано Бруно).

Излишне говорить, насколько такія, не только оптимистическія, но почти утопическія рѣчи не похожи на тѣ настроенія эмигрантской среды, о которыхъ мы говорили въ началѣ. И въ то же время цитированный мною докладъ отнюдь не шелъ въ разрѣзъ съ другими докладами Римскаго конгресса. Наоборотъ, онъ явился лишь суммированьемъ тѣхъ идей, практическое приложеніе которыхъ и выразилось въ выработкѣ всевозможныхъ нормальныхъ уставовъ, въ организаціи «Музея русскаго общественнаго движенія» и въ предположеніи ряда лекцій для русскихъ объ Италіи и для итальянцевъ (на ихъ родномъ языкѣ) о Россіи. Многія ли изъ этихъ начинаній осуществятся—покажетъ будущее; но несомнѣнно, что намѣренія эмигрантской среды вполнѣ серьезны и, въ предѣлахъ возможнаго, осуществимы. Несомнѣнно и то, что сама жизнь толкаетъ на пути обновленнаго, болѣе широкаго и болѣе просторнаго міросозерцанія, что рамки прежнихъ интересовъ сдѣлались слишкомъ узкими и

стѣснительными, что ясность сказавшейся недавно (въ періодъ ожиданія амнистіи) невозможности близкаго возвращенія на родину заставляетъ подумать серьезнѣе объ устройствѣ себѣ сноснаго существованія здѣсь, въ «предѣлахъ недосягаемости».

Нельзя, однако, скрыть одной нотки, которая, быть можетъ независимо отъ желанія автора, ясно звучитъ въ его докладѣ. Никакой «порывъ къ человѣчеству» не можетъ заслонить первѣйшій и естественнѣйшій порывъ—къ родинѣ. Никакая мечта о «сліяніи съ вселенской культурой» не обманетъ сердце, стремящееся прежде и больше всего «къ плохому, да своему». Стараніе отмахнуться отъ щемящей душу, всѣмъ эмигрантамъ знакомой тоски по роднымъ мѣстамъ и по работѣ въ нихъ и для нихъ, какъ бы ни было благородно и спасительно это стараніе, все же есть самообманъ. Никакая «обширнѣйшая родина, найденная въ тѣсномъ изгнаніи», не можетъ замѣнить тѣснѣйшаго и ничтожнѣйшаго клочка родной земли. Закрывать на это глаза напрасно, ненужно, какъ напрасно прятаться отъ солнца подъ стеклянный колпакъ: солнце все равно будетъ жечь.

Почему-то принято думать, что русскій человѣкъ или, во всякомъ случаѣ, русскій интеллигентъ,—космополитъ по натурѣ. Это одно изъ обычныхъ нашихъ заблужденій. Русскій не болѣе, а можетъ быть и менѣе космополитъ, чѣмъ французъ, нѣмецъ, англичанинъ, китаецъ, кто угодно. При этомъ, больше чѣмъ кто иной, русскій несетъ съ собой повсюду за границей свои родные житейскіе навыки, отъ привычки поздно вставать до небрежности въ одеждѣ, и отрѣшиться отъ этихъ навыковъ ему такъ же трудно, какъ отъ ежедневной порціи чая. Врядъ ли мы ошибемся, предположивъ, что презумпція нашего космополитизма выработана именно поколѣніями политической эмиграціи, которая, періодически переходя отъ годовъ внутренняго душевнаго бунта къ годамъ приспособленія, отъ психологіи эмигрантства временнаго къ психологіи эмигрантства длительнаго, старалась выработать въ себѣ иллюзію мнимаго космополитизма, способности находить «въ тѣсномъ изгнаніи обширнѣйшую родину». Это, если хотите, своеобразный, правда—спасительный, эмигрантскій аристократизмъ.

Недавно мнѣ пришлось имѣть на тему о «тоскѣ по родинѣ» разговоръ, продолжившійся потомъ перепиской, съ однимъ очень извѣстнымъ русскимъ писателемъ-эмигрантомъ, имени котораго я назвать, къ сожалѣнію, не въ правѣ. Въ своемъ роскошномъ уединеніи онъ увѣрялъ меня, что тоска по родинѣ вообще не свойственна русскимъ, что онъ лично совсѣмъ не понимаетъ этого чувства, считая его просто «тоской по привычному мѣсту, свой-

ственной и животнымъ». Онъ приводилъ мнѣ въ доказательство духоборовъ и своихъ земляковъ-крестьянъ и мѣщанъ, сдѣлавшихся подлинными французами и говорящихъ: «А ну ее, вашу Россію!» Думается мнѣ, что мало убѣдительны эти примѣры переселенцевъ, если даже ссылка на нихъ правильна. Тоска по родинѣ даетъ себя остро чувствовать именно тогда, когда возвратъ на родину рѣшительно прегражденъ, когда она является недостижимой или, во всякомъ случаѣ, недостижимыми являются легальный возвратъ и легальная дѣятельность на ея почвѣ. И я не понимаю, почему нужно отмахиваться отъ этого чувства, лучшаго изъ чувствъ, —хотя понимаю, что подъ вліяніемъ его опускать руки уже совсѣмъ непозволительно.

Съ этой точки зрѣнія авторъ цитированнаго мною доклада правъ лишь относительно. Войти въ жизнь второй родины нужно и важно, искать въ ней слѣды своего, русскаго, важно и интересно не менѣе. Правъ онъ и въ томъ отношеніи, что русскія эмигрантскія колоніи должны способствовать и способствуютъ взаимному проникновенію двухъ народовъ—способствуютъ, конечно, въ несравненно большей степени, чѣмъ для сего поставленные посланники и консулы. Но онъ не вполнѣ правъ, ставя это первой и важнѣйшей задачей и умалчивая о задачѣ еще болѣе важной: о завоеваніи для себя и своихъ сородичей своей истинной родины—не той, какова она сейчасъ, а какою она да будетъ. Возможно, что эта задача меньше по «вселенскому» значенію, но она ближе на очереди, естественнѣе и обязательнѣе. Только сдѣлавшись полноправнымъ гражданиномъ своей временно потерянной родины—гражданиномъ родины свободной—можно съ чистой совѣстью и полнымъ усердіемъ позаботиться о розыскахъ «Россики» въ Италіи, о покупкѣ дома Гоголя въ Римѣ, о чтеніи итальянцамъ лекцій о Россіи. Италія имѣетъ свое «общество Данте Алигьери» стремящееся распространить ея языкъ и ея культуру по всему міру; но общество это основалось уже по объединеніи Италіи, по изгнаніи изъ нея «внутренняго врага». Ея великіе эмигранты, какъ Маццини и Гарибальди, также старались ознакомлять Европу съ жизнью ихъ угнетенной родины, но главной своей цѣлью они ставили не это, а свое личное участіе въ ея освобожденіи. И исторія отнюдь не осудила ихъ за то, что они не искали «обширнѣйшаго отечества» за предѣлами Италіи (хотя и искали его на словахъ) и не успокаивались на чисто «культурныхъ задачахъ» эмигрантства. Все это нужно, но есть нѣчто болѣе нужное, и отъ сознанія этого болѣе нужнаго не спасаетъ никакой плащъ космополита, причастника культуры вѣчной.

Какъ ни желательно внутреннее просвѣтлѣніе и успокоеніе

эмигрантской среды, но все же хотѣлось бы предостеречь ее отъ излишняго подчиненія духу приспособляемости, который, не доставивъ ей твердости достаточной, и въ маломъ приблизившій ее къ интересамъ родины, въ несравненно большемъ и главнѣйшемъ ее отъ этой родины окончательно отрѣжетъ и отдѣлитъ. Здѣсь на лицо та же опасность, которая въ свое время была прекрасно изображена въ Россіи понятіемъ сидѣнія «въ кельѣ подъ елью».

Впрочемъ оговорюсь: если не убѣдительны примѣры духоборовъ и офранцузившихся арзамасцевъ, то не болѣе убѣдительны примѣры Гарибальди и Мацции. Послѣдніе были слишкомъ героями, чтобы ихъ выставлять за образецъ эмигрантской массѣ. Поэтому, въ концѣ концовъ, нельзя не привѣтствовать стремленія этой массы выйти изъ тупика безпочвенныхъ партійныхъ раздоровъ и дрязгъ и пойти на встрѣчу призыву къ организаціи на менѣе кастовыхъ и болѣе культурныхъ началахъ. Римскій съѣздъ доказалъ не только наличность подъема духа эмигрантовъ и студенчества, но и полную осуществимость для нихъ взаимообщеній болѣе разумныхъ. Остается лишь пожелать имъ, найдя «обширнѣйшую родину», все же освободиться отъ «тѣснаго изгнанія».

Римъ. М. А. Осоргинъ.

ПРЕДСТОЯЩЕЕ ОТКРЫТІЕ ПАНАМСКАГО КАНАЛА.

(Письмо изъ Америки).

I.

Еще въ прошломъ сентябрѣ мѣсяцѣ строитель Панамскаго канала, военный инженеръ, полковникъ американской арміи Джорджъ Готальсъ (George W. Goethals) объявилъ офиціально, что его постройка будетъ окончена къ 1 октября 1913 года, слишкомъ за годъ раньше срока, и что въ этотъ день или еще раньше первое судно пройдетъ черезъ каналъ изъ Атлантическаго въ Тихій океанъ. Первые американскіе строители канала, Wallace, затѣмъ Stevens, за три года завѣдыванія имъ, сдѣлали сравнительно очень мало и ушли, не справившись съ дѣломъ. Президентъ Рузвельтъ пришелъ къ заключенію, что для успѣха необходимъ человѣкъ, который не имѣлъ бы возможности уйти. И за тѣ шесть лѣтъ, которыя прошли съ тѣхъ поръ, когда, въ апрѣлѣ 1907 года, онъ на-

значилъ Готальса строителемъ канала, американскій народъ, а за нимъ и Европа, научились безусловно довѣрять этому геніальному человѣку. Крупныя торговыя сферы всего міра готовятся теперь къ тѣмъ перемѣнамъ, которыя вызоветъ въ международной торговлѣ открытіе этого новаго великаго воднаго пути. Никто не сомнѣвается въ томъ, что каналъ будетъ оконченъ въ назначенный Готальсомъ срокъ, и притомъ закончeнъ съ абсолютнымъ успѣхомъ. Исчезъ пессимизмъ, неизмѣнно сопровождавшій это предпріятіе больше полувѣка и до самаго послѣдняго времени. Увѣренность передалась и Европѣ, которая уже организовала многія новыя пароходныя линіи для пользованія каналомъ и строитъ многіе десятки крупнѣйшихъ пароходовъ для ихъ обслуживанія.

Весь каналъ имѣетъ 50,4 анг. миль въ длину и раздѣляется на три части: атлантическую, въ 7,7 миль длины, отъ входа въ заливъ Лимонъ до шлюзовъ Гатунъ, центральную въ 31,7 миль, отъ шлюзовъ Гатунъ до шлюза Педро Мигуэль, и тихоокеанскую въ 11 миль, отъ этого послѣдняго до входа въ заливъ Бальбоа. Заливъ Лимонъ, съ портомъ и городомъ Колонъ, огражденъ отъ Караибскаго моря громадными плотинами и представляетъ собою закрытый водный бассейнъ значительной глубины, способный вмѣстить въ себѣ всѣ флоты міра. Три шлюза Гатунъ поднимаютъ судно на 85 футовъ и составляютъ южную часть плотины Гатунъ, заграждающей теченіе рѣки Шагресъ и образующей озеро Гатунъ, въ 24 мили длины, съ поверхностью въ 164 кв. мили. Уровень этого озера предполагаютъ держать на высотѣ 115 футовъ надъ среднимъ уровнемъ обоихъ океановъ, что дастъ наименьшую глубину всего канала въ 41 футъ. Озеро предназначается для питанія шлюзовъ Гатунъ и Педро Мигуэль. Установлено внѣ сомнѣній, что одна рѣка Шагресъ даетъ въ самые сухіе годы достаточно воды для пропуска ежегодно судовъ въ 80 милліоновъ тоннъ, т. е. около 21,000 судовъ—а Суэцкій каналъ еще не достигъ пропуска 4,000 судовъ въ годъ. Въ озеро Гатунъ впадаетъ съ обѣихъ сторонъ, и помимо рѣки Шагресъ, нѣсколько десятковъ рѣчекъ и ручьевъ. Такимъ образомъ пропускная способность канала [1]) обезпечена на долгое время впередъ, такъ какъ maximum предполагаемаго тоннажа въ началѣ не превышаетъ 12 милл. тоннъ въ годъ. Плотина Гатунъ въ $1^1/_2$ мили длины и $^1/_2$ мили ширины приспособлена къ спуску излишней воды въ озерѣ въ старое русло рѣки Шагресъ, на сѣверъ отъ канала, и этотъ излишекъ использованъ въ видахъ полученія силы для эксплоатаціи канала, же-

[1]) Для пропуска судна черезъ каналъ нужно всего 10—12 часовъ; черезъ шлюзы—всего 3 часа.

лѣзной дороги, портовъ и всѣхъ сооруженій и для освѣщенія канала и всѣхъ прилежащихъ къ нему поселеній. Въ озерѣ Гатунъ нѣсколько сотъ острововъ, крупныхъ и мелкихъ, и нѣсколько судовыхъ проходовъ, оборудованныхъ маячной системой, такъ что и ночью оно будетъ освѣщено, какъ днемъ, на всемъ своемъ протяженіи. Озеро это и теперь уже представляетъ собою чудную тропическую картину, съ гигантской растительностью на островахъ и берегахъ, оживленную цѣлыми массами обезьянъ и тропическихъ птицъ, избравшихъ его своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ. Изъ озера каналъ входитъ въ выемку Кулебра (Culebra—значитъ змѣя), въ 9 миль длины, съ шириной на поверхности не менѣе 300 футовъ и на днѣ не меньше 100. Это самое узкое мѣсто канала. Выемка эта слегка изогнута на всемъ своемъ протяженіи, и ея берега въ самомъ высокомъ мѣстѣ достигаютъ 534 футовъ надъ уровнемъ океана; изъ нея вынуто 85 милліоновъ кубическихъ ярдовъ матеріала, къ которымъ слѣдуетъ прибавить до 18 м. куб. ярдовъ оползней, приключившихся въ разное время. Выемка кончается шлюзомъ Педро Мигуэль, опускающимъ каналъ на 30 футовъ въ озеро Мирафлоресъ, въ 2 мили длины и въ 2 кв. мили поверхности, принимающее въ себя рѣку Педро Мигуэль и нѣсколько меньшихъ и, при посредствѣ плотины Мирафлоресъ, обслуживающее два шлюза того же имени, со спускомъ въ 55 футовъ на уровень Тихаго океана. Отъ этихъ шлюзовъ опять идетъ выемка до входа въ Панамскій заливъ, огражденный отъ океана плотинами и вмѣщающій въ себѣ портъ Бальбоа. Матеріалъ изъ выемки Кулебра, свыше 100 мил. куб. ярдовъ, перевезенъ цѣликомъ по желѣзной дорогѣ на оборудованіе этихъ плотинъ и порта; они представляютъ собою во всѣхъ отношеніяхъ дубликатъ такихъ же сооруженій въ Колонѣ, при входѣ въ Караибскій заливъ. И въ Колонѣ, и въ Бальбоа устраиваются громадныя угольныя станціи, приспособленія для снабженія проходящихъ судовъ прѣсной водой, доки, заводы, мастерскія и склады всевозможныхъ нужныхъ мореплаванію припасовъ и товаровъ. Всѣ эти учрежденія будутъ содержаться правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, будутъ производить на проходящихъ судахъ нужныя работы и починки и отпускать имъ припасы по заготовительной цѣнѣ, безъ какой-либо прибыли, только въ видахъ устраненія частныхъ монополій и доставленія всевозможныхъ удобствъ пользующемуся каналомъ судоходству.

На постройку плотинъ Гатунъ и Мирафлоресъ и шлюзовъ пошло свыше 4 милл. куб. ярдовъ матеріала. Шлюзы всѣ парные, въ 1000 футовъ длины, 110 ширины и 80 глубины. Всего шесть лѣтъ тому назадъ, когда размѣры эти были окончательно утверждены,

они считались возможнымъ maximum'омъ требованій мореплаванія. Но съ тѣхъ поръ эволюція кораблестроенія шла впередъ неожиданно быстро: послѣдній американскій дрэднотъ, «Pensylvania», уже достигъ 97 футовъ ширины, а въ Англіи заложено судно и въ 100 футовъ.

Наружныя стѣны шлюзовъ въ 50 футовъ толщины у основанія и 8 футовъ на вершинѣ, а внутреннія, раздѣляющія пары, въ 60 ф. толщины во всю вышину. Вода вводится туннелями въ толщѣ этихъ стѣнъ и посредствомъ отверстій въ днѣ шлюзовъ; на наполненіе шлюза нужно всего 8 минутъ. Суда движутся въ шлюзахъ посредствомъ электрическихъ моторовъ, ходящихъ по рельсовымъ путямъ на внутренней стѣнкѣ, со скоростью двухъ миль въ часъ, и ихъ движеніе контролируется натянутыми на извѣстныхъ разстояніяхъ во всю ширину шлюза цѣпями. Ворота шлюзовъ створчатыя, изъ стали, обшитой мѣдью, вѣсятъ всѣ вмѣстѣ 58.000 тоннъ, и стоютъ 5.375.000 долларовъ.

Вотъ уже около 9 лѣтъ, какъ на Панамскомъ каналѣ работаетъ отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ, собранныхъ со всѣхъ концовъ земного шара и говорящихъ на 45 языкахъ. Между ними только 2% американцевъ, занимающихъ высшія административныя и техническія мѣста. Десятки милліоновъ долларовъ были издержаны на созданіе цѣлесообразной жизненной и санитарной обстановки. Несмотря на самыя неблагопріятныя климатическія и общественныя условія, эта громадная рабочая армія, составляющая съ семьями и обслуживающими ее элементами до 200.000 душъ, пользуется нигдѣ доселѣ въ тропическихъ странахъ недоступнымъ комфортомъ. Крайне незначительны проценты заболѣваемости и смертности. Организаторскій геній Готальса достигъ поразительной продуктивности труда и дѣйствующей, какъ часовой механизмъ, дисциплины. Не было ни стачекъ, ни эпидемій, ни какихъ-либо задержекъ. Готальсъ облеченъ чисто диктаторской властью, и своимъ безпристрастіемъ, твердостью и неизмѣнной гуманностью успѣлъ пріобрѣсти безграничный авторитетъ въ глазахъ всей своей рабочей арміи. Каналъ посѣщаютъ тысячи туристовъ и корреспондентовъ, американскихъ и иностранныхъ, и они единогласно свидѣтельствуютъ объ удивительной эффективности всей организаціи дѣла и его поразительномъ техническомъ совершенствѣ. Въ этомъ общемъ хвалебномъ хорѣ до сихъ поръ не было ни одного диссонанса. Имя Готальса и теперь уже навѣки заняло почетное мѣсто на скрижаляхъ всемірной исторіи. Онъ—старый холостякъ, въ высшей степени скромный и безпритязательный, съ суровыми солдатскими привычками и безграничной работоспособностью. Онъ принялъ дѣло почти безнадежно испорченное его многочисленными

предшественниками въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, дѣло окутанное пессимизмомъ и долгими, упорными неудачами. Говорятъ, что Готальсъ не сдѣлалъ ни одной ошибки въ выборѣ и оцѣнкѣ своихъ помощниковъ; онъ умѣетъ сразу вселить абсолютное къ себѣ довѣріе всякаго новаго лица и одушевить его работу преданностью дѣлу. Успѣхъ канала—единственный девизъ, который автоматически движетъ всей этой человѣческой массой, цементируетъ ее въ одно стройное цѣлое. Это многотысячное разноязыкое цѣлое выдрессировано какъ одинъ человѣкъ, и научено справляться съ встрѣчающимися громадными затрудненіями, часто совершенно неожиданными, какъ съ обычной рутинной работой. Готальсъ пріѣхалъ въ Панаму съ непоколебимымъ рѣшеніемъ окончить каналъ въ срокъ во чтобы то ни стало—и достигъ этого.

II.

Разница (въ миляхъ) морскихъ разстояній между главными портамн міра черезъ Суэцкій и Панамскій каналы и черезъ Магеллановъ проливъ и вокругъ мыса Доброй Надежды опредѣляется слѣдующей таблицей:

	Черезъ Суэцъ.	Черезъ Панаму.	Черезъ Маг. пр.	Черезъ М. Д. Н.	
Нью-Іоркъ	—	5.300	13.100	—	Санъ-Франциско
»	8.186	14.982	—	11.393	Бомбей
»	9.829	14.165	—	12.254	Калькута
»	11.628	11.190	—	13.687	Гонконгъ
»	12.384	10.645	—	14.457	Шанхай
»	13.079	9.677	16.200	15.099	Іокогама
»	13.471	9.691	12.860	13.306	Сидней
»	—	3.359	9.702	—	Каллао.
»	—	4.630	8.461	—	Валпарайзо
Ливерпуль	6.266	17.610	—	—	Бомбэй
»	9 783	13.819	—	—	Гонконгъ
»	10.539	13.274	—	—	Шанхай
»	11.234	12.306	—	—	Іокогама
»	11.563	12.220	—	—	Сидней
»	—	6.098	10.072	—	Каллао
»	—	7.369	8.831	—	Валпарайзо
Соутгэмптонъ	11.294	12.500	—	—	Мельбурнъ
»	—	8.510	14.550	—	Ванкуверъ

Эта таблица доказываетъ весьма наглядно, что открытіе Панамскаго канала будетъ имѣть не только преобладающее, но и почти исключительное вліяніе на мореходные пути Новаго Свѣта, отзываясь только болѣе или менѣе косвенно на уже существующихъ путяхъ для сношеній между различными частями Стараго; даже

Японія и Австралія, не говоря ужъ объ Остъ-Индіи и Китаѣ, останутся ближе къ портамъ Европы черезъ Суэцкій каналъ, чѣмъ черезъ Панамскій. Этотъ послѣдній, для развитія имѣющаго пользоваться имъ тоннажа, долженъ будетъ, во первыхъ, взимать очень ограниченную плату, отнюдь не выше настоящей Суэцкой, во вторыхъ, убѣдить всемірное пароходство, что его управленіе въ состояніи дать ему по меньшей мѣрѣ тѣ же портовыя удобства и цѣны на уголь и другіе припасы, что и существующіе уже пути; въ третьихъ, развить своимъ вліяніемъ сравнительно незначительный въ настоящее время тоннажъ странъ американскаго тихоокеанскаго побережья [1]). А между тѣмъ, его постройка, включая покупную сумму въ 50 мил. долларовъ, будетъ стоить около 400 мил., не считая процентовъ. Его поддержка и эксплоатація будутъ стоить не меньше трехъ милліоновъ въ годъ, по разсчетамъ полковника Готальса, очень скромнымъ и оспариваемымъ другими авторитетами въ этомъ вопросѣ. Деньги на покупку и постройку были получены частью изъ свободныхъ остатковъ государственнаго казначейства, частью отъ продажи спеціальныхъ облигацій, приносящихъ 2% въ годъ. Если смотрѣть на дѣло только съ финансовой точки зрѣнія, каналъ, чтобы не давать убытковъ, долженъ приносить около 12 мил. валового дохода, не считая расхода на погашеніе облигацій. Предполагаемый самыми оптимистическими выкладками тоннажъ долгое время не можетъ дать ничего подобнаго такому доходу; судя по опыту Суэцкаго канала, нужна будетъ цѣлая четверть вѣка, чтобы каналъ могъ сбалансировать свой бюджетъ, а къ тому времени наросшіе проценты и погашеніе удвоятъ его настоящую стоимость. Словомъ, какъ чисто коммерческое предпріятіе, каналъ представляетъ собою финансовую невозможность: онъ способенъ функціонировать только какъ государственная необходимость, вызванная территоріальнымъ положеніемъ Союза на земномъ шарѣ и стратегическими военно-морскими требованіями его защиты. Американскіе народъ и правительство, предпринимая его постройку, отлично понимали это. Понимала это и Европа, цѣлое столѣтіе относившаяся къ его постройкѣ не только нерѣшительно, но и съ явными сомнѣніями относительно его пользы для нѣкоторыхъ ея прямыхъ инте-

---

[1]) Чтобы опредѣлить значеніе открытія Панамскаго канала для всемірнаго судоходства, необходимо имѣть въ виду, что для паруснаго онъ абсолютно не пригоденъ и можетъ обслуживать только паровое. Караибское море подвержено частымъ и страшнымъ бурямъ, а въ Тихомъ океанѣ на цѣлыя 2000 м. во всѣ стороны отъ устья канала господствуетъ почти вѣчный штиль, и парусное судно скорѣе и безопаснѣе обогнетъ мысъ Горнъ, чѣмъ доберется до назначенія черезъ каналъ.

ресовъ. Она всегда опасалась, и опасается и теперь, что присущія американскому народу предпріимчивость и энергія съ теченіемъ времени сумѣютъ использовать каналъ такъ или иначе въ ущербъ ей. Вслѣдствіе этого Англія, еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, запаслась нѣсколькими концессіями отъ всѣхъ тѣхъ республикъ центральной Америки, на территоріи которыхъ постройка канала считалась возможной, якобы съ цѣлью такой постройки, но въ дѣйствительности только для того, чтобы по возможности связать будущихъ предпринимателей дипломатическими путами. Попытка Лессепса не имѣла поддержки французскаго правительства, и была просто мошеннической продѣлкой шайки спекуляторовъ на народное легковѣріе: ни Англія, ни Союзъ не допускали возможности ея удачи. Въ Америкѣ никто никогда не сомнѣвался въ осуществимости самой идеи, въ коммерческомъ значеніи канала для Новаго Свѣта и въ томъ, что его постройка послужитъ самымъ могучимъ средствомъ къ обузданію желѣзнодорожныхъ монополій. Но только война съ Испаніей доказала до очевидности его неотложную необходимость для военноморской защиты страны и послужила тѣмъ рѣшающимъ импульсомъ, который сдѣлалъ возможнымъ такое быстрое его осуществленіе. Разъ эта необходимость была сознана и народомъ, и правительствомъ, всѣ препятствія, долго казавшіяся неодолимыми, были сметены съ пути. Рузвельтъ, получивъ отъ Конгресса директиву построить каналъ, не остановился предъ возбужденіемъ революціи въ несговорчивой Колумбіи, организаціей независимой республики Панамы и покупкой какъ необходимой территоріи, такъ и всѣхъ французскихъ притязаній. А русско-японская война, внезапно выдвинувшая на міровую арену Японію, какъ сильную морскую державу, взвинтила ту энергію, съ которой каналъ строился до нея, и ускорила вдвое его окончаніе.

Въ виду скораго открытія канала, прошлый Конгрессъ опредѣлилъ особымъ закономъ его будущее положеніе и, между прочимъ, постановилъ сдѣлать его пользованіе безплатнымъ для каботажнаго плаванія самого Союза и вовсе закрыть каналъ для судовъ, принадлежащихъ трансконтинентальнымъ желѣзнымъ дорогамъ. Эти двѣ статьи вызвали бурный протестъ Англіи и недовольство другихъ европейскихъ государствъ. Хотя офиціальная нота Грэя, переданная бывшему статсъ-секретарю Союза Ноксу 9-го декабря прошлаго года, и протестуетъ повидимому одинаково энергично противъ обѣихъ этихъ статей, но относительно первой изъ нихъ она и не особенно категорична, и сопровождается многими оговорками, тогда какъ относительно второй она даже рѣзка.

Слѣдуетъ думать, что именно здѣсь и заключается суть дѣла. Недовольство другихъ европейскихъ державъ сосредоточивается, наоборотъ, вокругъ первой статьи и совсѣмъ не касается второй, такъ какъ только Канада, или, еще уже, ея трансконтинентальныя желѣзныя дороги прямо въ ней заинтересованы. Я обращаю особенное вниманіе на эту существенную разницу, выясняющую закулисную подкладку дѣла.

Иностранное обозрѣніе «Вѣстника Европы» (сентябрь 1912 г.) высказалось въ свое время весьма опредѣленно по поводу изданнаго Конгрессомъ положенія о Панамскомъ каналѣ, вызвавшаго нѣкоторую оппозицію и въ самомъ Союзѣ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ въ этомъ вопросѣ Америка никогда не уступитъ Англіи, и, до его рѣшенія, такъ или иначе онъ неминуемо долженъ будетъ привлекать къ себѣ общественное вниманіе Европы, я считаю необходимымъ выяснить его дѣйствительное значеніе и привести ту аргументацію, на которой основано занятое американскимъ правительствомъ и громаднымъ большинствомъ народа положеніе. Европейская печать, за очень немногими исключеніями, вѣритъ Англіи на слово, и даетъ, на мой взглядъ, только одну сторону дѣла.

Прежде всего необходимо установить, что совершенно невозможно сравнивать въ чемъ-либо Суэцкій каналъ съ Панамскимъ. Первый есть частное коммерческое предпріятіе, дающее огромный чистый доходъ, и расположенъ онъ на египетской территоріи, номинально подвластной Турціи, фактически же управляемой Англіею. Существованіемъ международной комиссіи гарантируется нейтралитетъ канала и та степень безпристрастія въ его управленіи, которая достижима вообще въ мутномъ морѣ европейской политики. Панамскій каналъ есть государственное дѣло одной страны, стоившее ей огромныхъ денегъ и не только бездоходное, но и весьма убыточное. Морская торговля Стараго Свѣта всегда будетъ въ чистомъ барышѣ отъ его постройки, именно потому, что онъ представляетъ изъ себя государственную необходимость для Союза. Построенъ онъ на территоріи, столь же безспорно принадлежащей союзу, какъ купленыя имъ въ разное время Флорида у Испаніи, Луизіана у Франціи, Аляска у Россіи. Въ области каботажнаго плаванія управленіе каналомъ является такимъ же внутреннимъ дѣломъ Союза, какъ управленіе Россіи Ладожскимъ или Бѣлозерскимъ каналами, или Англіи—Манчестерскимъ. Единственнымъ предлогомъ къ какому-либо иностранному вмѣшательству являются трактатъ Клэйтона Бульвера, заключенный съ Англіей въ 1850 г., и замѣнившій его въ 1901 г. трактатъ Хэя-Паунсефута. Но оба они были заключены прежде чѣмъ возникла самая мысль о постройкѣ Союзомъ Панамскаго канала, и

не имѣютъ къ нему ни малѣйшаго, отношенія. Въ 1901-мъ году территорія на которой онъ строится, принадлежала республикѣ Колумбіи, была связана концессіями французской компаніи, и правительство Соединенныхъ Штатовъ и общественное мнѣніе Союза были всецѣло на сторонѣ канала черезъ Никарагву. Только въ 1904 г. облеченный дискреціонной властью Рузвельтъ неожиданнымъ coup d'état рѣшилъ оставить Никарагвскій проектъ и строить Панамскій каналъ. Вышеупомянутые два трактата были вызваны къ жизни по почину двухъ разныхъ частныхъ американскихъ компаній, намѣревавшихся въ свое время строить каналъ на арендованной ими землѣ въ республикѣ Никарагвѣ, на иностранной территоріи, у которой были разныя обязательства по отношенію къ Англіи, и имѣли въ виду только эти спеціальные проекты, оставшіеся неосуществленными за неспособностью компаній добыть необходимый капиталъ. Основы этихъ трактатовъ не могутъ быть примѣнены ни къ настоящему мѣсту постройки канала, ни къ перемѣнѣ владѣнія каналомъ изъ частнаго на государственное. Оба они, какъ и десятки имъ подобныхъ въ портфеляхъ министерствъ иностранныхъ дѣлъ всѣхъ государствъ, предусматривали нѣчто опредѣленное, оставшееся въ проектѣ, и стремленіе придать не принадлежащее имъ общее толкованіе ничѣмъ не обосновано. Нельзя даже поставить въ упрекъ американскому правительству, что оно не озаботилось своевременно объявить эти трактаты уничтоженными, такъ какъ международное право не дѣлаетъ этого обязательнымъ, и общая практика, со смертью такихъ проектовъ, и до сихъ поръ довольствуется сдачей вызванныхъ ими трактатовъ въ архивъ безъ какихъ-либо формальностей. Общественное мнѣніе Америки сильно возбуждено неосновательными, на его взглядъ, притязаніями Англіи, и весьма возможно, что его напоръ вынудитъ правительство покончить съ вопросомъ именно такимъ способомъ—объявленіемъ вышеупомянутыхъ трактатовъ уничтоженными. Это общественное мнѣніе, самый могучій факторъ въ американской политической жизни, повидимому все больше и больше приходитъ къ заключенію, что въ данномъ случаѣ Англія прибѣгаетъ и къ натяжкамъ, и къ крючкотворству; да и съ чисто этической международной точки зрѣнія, Америка считаетъ занятое ею положеніе неуязвимымъ. Каковы бы ни были заднія мысли Англіи при заключеніи этихъ трактатовъ, и какъ бы кто ихъ ни толковалъ, онѣ могутъ относиться только къ международному судоходству—а въ этомъ направленіи каналъ открытъ всѣмъ націямъ міра, не исключая и Америки, на одинаковыхъ основаніяхъ. Американскій пароходъ, идущій изъ Лондона или Нью-Іорка въ Вальпарайсо, Ванкуверъ или Шанхай, заплатитъ за проходъ черезъ каналъ

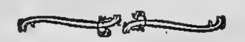
столько же, сколько англійскій или русскій. Исключеніе сдѣлано только для судовъ, идущихъ прямо изъ одного американскаго порта въ другой, напр., изъ Нью Іорка въ Санъ-Франциско или изъ Лосъ Анжелеса въ Новый Орлеанъ. Такія суда могутъ быть только американскими, такъ какъ каботажное плаваніе, согласно давно существующему закону, доступно только имъ. Еслибы Союзъ не считалъ эти трактаты уничтоженными ipso facto, онъ легко могъ бы обойти ихъ требованія, назначивъ такимъ судамъ государственную субсидію въ объемѣ платы за проходъ канала. Такого права не отрицаетъ никто, даже Англія. Всѣ европейскія государства субсидируютъ многія свои пароходныя линіи въ той или другой формѣ—Америка же всегда отрицала въ принципѣ такое субсидированіе своего мореходства, никогда ничего ему не платила, и не пожелала отступиться отъ такого правила и въ этомъ случаѣ. Конгрессъ, издавая законъ объ управленіи Панамскимъ каналомъ, и президентъ Тафтъ, подписывая его, руководствовались не какими-либо трактатами, и не финансовыми соображеніями, а, признавая каналъ всемірнымъ дѣломъ, только строгимъ безпристрастіемъ относительно судоходства всѣхъ странъ. Освобождая отъ проходной платы свое собственное каботажное плаваніе и запрещая проходъ каналомъ принадлежащимъ желѣзнымъ дорогамъ судамъ, они рѣшали домашнее дѣло, вопросъ исключительно внутренней политики, обусловленный не стремленіемъ дать своему судоходству опасныя для другихъ государствъ льготы, а желаніемъ уничтожить чрезвычайно вредную и жадную монополію въ трансконтинентальномъ желѣзнодорожномъ транзитѣ. И въ этомъ вопросѣ Америка ни въ какомъ случаѣ не допуститъ какого-либо иностраннаго вмѣшательства, какъ не допуститъ его Англія или Россія относительно платимыхъ ими своему судоходству субсидій.

Будучи основательно знакомъ и съ положеніемъ, занятымъ по этому вопросу англійской, а за нею и обще-европейской прессой, и со взглядами и настроеніемъ американскаго народа, я думаю, что въ Европѣ, по обыкновенію, и по настоящій моментъ неправильно понимаютъ и оцѣниваютъ эти послѣдніе. Во-первыхъ, внутренняя оппозиція закону въ самомъ Союзѣ тенденціозно преувеличена во много разъ: въ дѣйствительности она ограничена трансконтинентальными желѣзнодорожными интересами, столько же у насъ вліятельными, какъ и непопулярными, да еще очень немногими теоретиками—сторонниками самаго широкаго толкованія международныхъ обязательствъ. Знакомство съ составомъ того незначительнаго меньшинства, которое говорило и голосовало противъ закона въ Сенатѣ, устанавливаетъ это внѣ всякихъ сомнѣній. У насъ

думаютъ, что и самый протестъ Англіи исходитъ главнымъ образомъ изъ тѣхъ же себялюбивыхъ — канадскихъ — или односторонних источниковъ. Во-вторыхъ, воображеніе нашихъ народныхъ массъ крайне занято въ настоящее время борьбою народной воли и закона со всевозможными монополіями, особенно желѣзнодорожными. Европа не сознаетъ ни всей интенсивности этой борьбы— европейскіе трёсты еще далеко не достигли американской стадіи дѣятельности,—ни той роли, которую, въ представленіи нашего общественнаго мнѣнія, должно сыграть въ этой борьбѣ открытіе Панамскаго канала. Въ протестѣ Англіи оно усматриваетъ главнымъ образомъ замаскированную дипломатическимъ туманомъ поддержку желѣзнодорожнаго трёста, стремленіе иностраннаго государства вмѣшаться въ самый жизненный вопросъ современной внутренней нашей политики, пользуясь для того столь любезными дипломатіи пустыми формальностями и даже крючкотворствомъ. Протестъ вышелъ изъ чуждаго странѣ источника, разсматривается почти исключительно какъ неожиданная преграда страстнымъ народнымъ надеждамъ, задѣваетъ въ самой сильной степени національное самолюбіе—и все дѣло получило остроту, мѣшающую спокойному, хладнокровному его обсужденію. Эта острота быстро растетъ, и я склоненъ думать, что она-то и окажется рѣшающимъ факторомъ. Никакой арбитражъ въ данномъ случаѣ непріемлемъ — не потому, чтобы нашъ народъ опасался неблагопріятнаго, пристрастнаго рѣшенія, а потому, что онъ смотритъ на него какъ на иностранное вмѣшательство въ чисто внутреннее наше дѣло.

Само собой разумѣется, что въ такомъ сложномъ, запутанномъ вопросѣ, требующемъ основательнаго знанія всѣхъ тонкостей международнаго права, правильное, безпристрастное рѣшеніе можетъ быть достигнуто только всестороннимъ изученіемъ всѣхъ связанныхъ съ нимъ деталей. Я привелъ выше только краткій остовъ американской аргументаціи, практическую, жизненную сущность дѣла, какъ она у насъ понимается. И для меня несомнѣнно, что тѣ негодующія обвиненія въ умышленной недобросовѣстности, которыя вслѣдъ за Англіей, высказываетъ и европейская пресса, совершенно необоснованы и являются результатомъ недостаточнаго знакомства съ дѣйствительностью и односторонняго ея освѣщенія.

П. А. Тверской.

ВОКРУГЪ ТРЕХЛѢТНЕЙ СЛУЖБЫ.

(Письмо изъ Парижа).

Законопроектъ о возвратѣ къ трехлѣтней военной службѣ будетъ принятъ по всей вѣроятности до наступленія лѣтнихъ парламентскихъ каникулъ,—т. е. черезъ двѣ-три недѣли. За него въ палатѣ имѣется право-умѣренное большинство; Сенатъ тоже не откажетъ ему въ утвержденіи—потому что «отечество въ опасности». А когда отечество въ опасности—нѣтъ тѣхъ жертвъ, на которыя не рѣшится «добрый патріотъ». Однако, если послушать Жореса, ведущаго усиленную кампанію противъ трехлѣтней службы, онъ тоже добрый патріотъ: правда, патріотическая концепція Жореса отличается отъ патріотической концепціи Барту-Этьенна и ихъ сторонниковъ,—тѣмъ не менѣе патріотизмъ и тамъ, и тутъ. Аргументъ любви къ отечеству, поэтому, теряетъ значительную долю своего вѣса и уступаетъ первое мѣсто аргументу цѣлесообразности. Франція должна быть сильна; охрана территоріи, населенія, и того, что можетъ быть цѣннѣе и территоріи, и населенія,—культуры, требуетъ усиленія ея военныхъ силъ. Какимъ образомъ достигнуть его? Возвратомъ къ трехлѣтней военной службѣ,—говорятъ одни. Путемъ перехода отъ системы постоянной арміи къ системѣ «вооруженнаго народа»—говорятъ другіе. Кто правъ? И почему если правъ Жоресъ, побѣдитъ тѣмъ не менѣе Барту-Этьенъ?

Аргументація Жореса такова. Всеобщая воинская повинность съ ограниченнымъ и, въ общемъ, непродолжительнымъ срокомъ дѣйствительной службы въ постоянной арміи есть промежуточная ступень между профессіональной арміей, характерной для прошлаго, и милиціей, характерной для будущаго. Организація военныхъ силъ въ исторіи эволюціонируетъ отъ профессіональныхъ армій съ длительнымъ срокомъ службы небольшой части населенія, черезъ всеобщую воинскую повинность съ сравнительно сокращенными сроками службы, къ всеобщему ополченію, къ вооруженію всего народа. Эта эволюція находится въ тѣсной и органической связи съ общимъ ходомъ развитія современнаго общества и съ прогрессомъ демократіи. Нѣтъ европейскаго государства,—за исключеніемъ островной Англіи,—которое сохранило бы профессіональную армію, по необходимости

малочисленную, и всегда зараженную антиобщественнымъ духомъ. Всѣ государства, въ интересахъ какъ чисто военныхъ, такъ и экономическихъ, понемногу сокращаютъ срокъ дѣйствительной службы. Демократическая Францiя идетъ во главѣ этого сокращенiя, имѣетъ уже двухъ-лѣтнiй срокъ; слѣдующiй обязательный для нея шагъ, если она не хочетъ вступить въ противорѣчiе съ логикой исторiи и своими демократическими учрежденiями, долженъ привести её къ милицiонной системѣ, на дѣлѣ доказавшей свое право на существованiе. Этимъ доказательствомъ Жоресъ считаетъ не только опытъ Швейцарской республики, но и боевые успѣхи армiй, состоявшихъ изъ резервистовъ и ополченцевъ—во время франко-прусской войны, 1870 г., во время англо-бурской войны и, наконецъ, во время послѣдней балканской войны, гдѣ славянскiя государства фактически вооружили весь народъ и повели въ огонь, по существу, милицiю. Какъ извѣстно, она оказалась на высотѣ задачи. «Вооруженный народъ, защищающiй свои очаги, непобѣдимъ—говоритъ Жоресъ,—и представляетъ болѣе могучую силу, чѣмъ любая армiя постояннаго состава». Съ этимъ можно согласиться: вооруженiе всего народа представляетъ, очевидно, maximum военнаго усилiя. Но вопросъ вѣдь не въ этомъ. Вопросъ въ томъ, путемъ какихъ мѣръ теперь, въ опредѣленныхъ конкретныхъ условiяхъ, усилить защиту Францiи—путемъ ли увеличенiя продолжительности службы, или путемъ перехода къ милицiи?

Военный Совѣтъ, Совѣтъ нацiональной защиты, кабинетъ министровъ и поддерживающiе его парламентскiе элементы потому признали необходимымъ удлиненiе срока дѣйствительной службы, что это наиболѣе скорый, прямой и легкiй путь. Прибавить годъ службы, значитъ увеличить дѣйствительную армiю въ полтора раза, безъ ломки дѣйствующей и привычной системы военнаго обученiя, пополненiя кадровъ резервистами, прикрытiя границы, мобилизацiи Все остается по старому: толькона границѣ окажется больше войскъ, чтобы оказать сопротивленiе «первому натиску» непрiятеля, и пополненныя резервистами части будутъ болѣе богаты свѣжеобученными, втянувшимися въ службу солдатами. Между тѣмъ, принявъ систему милицiи и сокративъ дѣйствующую армiю на треть, на половину или болѣе, уменьшивъ срокъ службы до восемнадцати, двѣнадцати, шести мѣсяцевъ, съ параллельнымъ усиленнымъ военнымъ обученiемъ взрослаго населенiя страны и возведенiемъ второй линiи крѣпостей и укрѣпленныхъ лагерей,—какъ того требуетъ Жоресъ,—пришлось бы произвести радикальную ломку всей системы нацiональной защиты. Кто-же рѣшится на такую ломку въ ожиданiи возможнаго нападенiя? Но вѣдь Жоресъ и его товарищи рѣшаются? Да. Но они не вѣрятъ въ близкое и неминуемое нападенiе;

они — сторонники *принципіальной* политики, а не политики d'occasion, приспособляющейся, случайной и безпринципной. Они учитываютъ, кромѣ того, соціально-экономическія послѣдствія возврата къ трехлѣтней службѣ, и такъ какъ послѣдствія эти, очевидно, отрицательнаго характера, они и становятся въ оппозицію реакціонному законопроекту. Въ прекрасной, обстоятельно мотивированной и разработанной рѣчи, сказанной въ палатѣ, Альберъ Тома, соціалистическій депутатъ отъ Парижа, указалъ на тотъ громадный экономическій вредъ, который принесетъ Франціи увеличеніе продолжительности дѣйствительной службы. Оно еще уменьшитъ рождаемость въ странѣ, гдѣ малое число рожденій и безъ того является подлиннымъ національнымъ бѣдствіемъ; во вторыхъ, оно обостритъ еще сильнѣе недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, испытываемый французской промышленностью и французскимъ сельскимъ хозяйствомъ. Этотъ недостатокъ уже великъ. Сельское хозяйтво въ настоящее время занимаетъ свыше 60,000 постоянныхъ рабочихъ иностранцевъ, преимущественно итальянцевъ. Третья часть рабочихъ, занятыхъ въ желѣзныхъ и каменноугольныхъ копяхъ, состоитъ изъ иностранцевъ—итальянцевъ, чеховъ, поляковъ, нѣмцевъ и т. д. Французскій рынокъ заполненъ нѣмецкими издѣліями, такъ какъ собственная французская производительность недостаточна. И вотъ, въ такихъ то условіяхъ трудъ и семья лишатся ежегодно 240,000 человѣкъ, наиболѣе энергичныхъ, дѣятельныхъ и сильныхъ! Палата слушала Альбера Тома внимательно и даже сочувственно—но рѣчь его никакого вліянія на вотумъ палаты тѣмъ не менѣе имѣть не будетъ. Этотъ вотумъ предрѣшенъ.

Если я правильно понимаю положеніе дѣлъ, къ трехлѣтней службѣ вернутся потому, что другой путь закрытъ для правящей буржуазіи: переходъ къ милиціонной системѣ для нея психологически, политически и соціально невозможенъ. Для доказательства этого положенія позвольте вернуться немного назадъ, къ тому времени, когда трехлѣтняя военная служба была замѣнена двухлѣтней. Это было въ 1905-мъ году, при министерствѣ Клемансо. Клемансо взялъ власть—и былъ моментъ, когда многіе думали, что съ нимъ осуществится та старая республикански-демократическая программа, которую республиканцы создали во времена имперіи и которой тридцать пять лѣтъ поворачивали спину при республикѣ. Но и Клемансо оказался недостаточно сильнымъ, чтобы осуществить ее. Онъ очень скоро почувствовалъ, что правящая буржуазія не хочетъ ни широкихъ соціальныхъ реформъ, ни послѣдовательной демократизаціи учрежденій, ни отказа отъ колоніальной политики, ни, тѣмъ болѣе, государственныхъ экспериментовъ. Эта, очень опре-

дѣленная тенденція правящей буржуазіи подрѣзала крылья всѣмъ реформамъ. Клемансо подчинился ей; его преемникамъ не надо было и подчиняться—они сами являлись апостолами и апологетами осторожности и консерватизма. Поэтому проведенный Клемансо законопроектъ о двухлѣтней службѣ оказался незавершеннымъ, изолированнымъ, лишеннымъ органической связи какъ съ внутренней, такъ и съ международной политикой Франціи.

Сокращеніе дѣйствительной службы на одну треть сокращало размѣръ активной арміи тоже на цѣлую треть—а между тѣмъ международная политика Франціи по прежнему вздохновлялась идеями франко-германскаго антагонизма и колоніальнаго распространенія. Франко-германскій антагонизмъ—явленіе сантиментальнаго порядка. Франція не забываетъ Эльзаса-Лотарингіи; Франція не можетъ забыть и простить «ампутацію»; идея «реванша» не высказывается открыто и оффиціально, но она тѣмъ не менѣе живетъ гдѣ-то подъ спудомъ, мѣшая открытому и оффиціальному франко-германскому сближенію, которое позволило бы Франціи наполовину разоружиться. Дѣйствительно, если бы Франція искренно помирилась съ потерями сороколѣтней давности, сразу обнаружилось бы, что между вчерашними врагами не существуетъ «антагонизма интересовъ»; болѣе чѣмъ кто либо другой они имѣютъ основаніе идти въ мірѣ рука объ руку, такъ какъ фактически между ними давно уже установилось экономическое сотрудничество. Экономически Франція необходима Германіи, Германія—Франціи, на подобіе того, какъ банкиръ нуженъ фабриканту и фабрикантъ банкиру. Франко-германскій союзъ позволилъ бы сократить срокъ службы не только до двухъ лѣтъ, но и больше—до года, до шести мѣсяцевъ,—но Франція не допускаетъ и мысли о такомъ союзѣ—и всетаки сокращаетъ свою армію на цѣлую треть!

Колоніальная политика привела Францію въ послѣдніе годы къ конфликтамъ изъ-за Марокко и къ его «умиротворенію». Этимъ умиротвореніемъ въ настоящее время занята армія въ 70,000 человѣкъ. По общему мнѣнію въ теченіе еще долгихъ лѣтъ «военное усиліе» въ Марокко будетъ только расти: вся внутренность страны и весь гористый Атласъ не признаютъ французскаго протектората, и будутъ долго и упорно бороться съ нимъ. Дѣлать «міровую политику», и въ то-же время сокращать свою армію,—въ этомъ есть глубокое противорѣчіе и очевидная непослѣдовательность.

Большое значеніе имѣетъ и внутренняя политика. Именно во время министерства Клемансо обострилась во Франціи до чрезвычайности соціальная борьба, участилось вмѣшательство арміи въ кон-

фликты труда и капитала. При преемникахъ Клемансо, особенно при Бріанѣ, армія стала орудіемъ поддержанія «порядка» внутри страны; ея «миссія», такъ сказать, удвоилась, численность-же ея уменьшилась.

Чтобы закончить этотъ перечень «наглядныхъ несообразностей», остановимся на чисто военной сторонѣ вопроса. Переходъ отъ трехлѣтней службы къ двухлѣтней долженъ разсматриваться не какъ изолированный актъ, а какъ выраженіе общей и постоянной тенденціи къ сокращенію срока пребыванія солдата въ казармѣ. Наличность этой тенденціи заставляетъ предвидѣть не только возможность, но даже неизбѣжность дальнѣйшаго сокращенія срока службы и связанныхъ съ этимъ сокращеніемъ измѣненій системы національной защиты и системы военнаго обученія народа. Въ Швейцаріи, гдѣ дѣйствуетъ милиціонная система, мы имѣемъ частые и продолжительные военные сборы милиціонеровъ, широкое развитіе стрѣлковыхъ обществъ, усиленное обученіе военному «ремеслу» во время кратковременнаго пребыванія новобранцевъ въ казармѣ. Далѣе: такъ какъ созывъ и концентрація милиціонной арміи требуетъ большаго времени, чѣмъ концентрація арміи постоянной, то обстоятельство это должно быть компенсировано усиленіемъ крѣпостныхъ укрѣпленій на границѣ и устройствомъ второй линіи укрѣпленныхъ лагерей для сравнительно медленно прибывающихъ изъ глубины страны милиціонныхъ отрядовъ. Было-ли что-нибудь сдѣлано въ этомъ направленіи за восемь лѣтъ, протекшихъ со времени введенія двухлѣтней службы? Ничего. Никто изъ членовъ смѣнявшихся министерствъ, никто въ средѣ командующихъ арміей генераловъ не смотрѣлъ на двухлѣтнюю службу какъ на переходную стадію къ милиціонной системѣ. Никто не считалъ нужнымъ возмѣстить ослабленіе дѣйствительной арміи усиленной подготовкой молодежи съ одной стороны, резервовъ—съ другой; система національной защиты, принятая генеральнымъ штабомъ, оставалось неизмѣнной; по прежнему въ военныхъ школахъ и въ тактическихъ сочиненіяхъ военныхъ авторитетовъ защищалась идея наступательной тактики. Было очевидно, что буржуазія, сдѣлавшая уступку демократіи, требовавшей кроткосрочной службы, офицерство, вынужденное подчиниться въ этомъ вопросѣ давленію политиковъ, не смотрѣли серьезно на реформу, не принимали ее во всемъ ея значеніи и со всѣми ея послѣдствіями. Реформу дали въ моментъ, когда въ Европѣ было относительно спокойно, дали—чтобы заткнуть горло вѣчно недовольному народу, но давъ, на другой же день начали жалѣть о томъ; на другой-же день обнаружилось, что при двухлѣтней службѣ прикрытіе границы слабо, особенно въ первые

мѣсяцы послѣ набора, когда молодые солдаты недостаточно обучены; что двухъ лѣтъ мало, чтобы сформировать безупречнаго артиллериста, сапера и даже кавалериста, а мобилизаціонные кадры малочисленны. Люди военнаго ремесла, командующіе офицеры, воспитанные въ духѣ старыхъ идей, начинали ворчать. Требованія военнаго ремесла, по ихъ мнѣнію, не совмѣщались съ требованіями демократіи. Уже два года тому назадъ, въ то время, какъ президентомъ кабинета министровъ былъ Пуанкарэ, а военнымъ министромъ—Милльеранъ, былъ поднятъ вопросъ о возвратѣ къ трехлѣтней службѣ для квалифицированныхъ родовъ оружія—былъ поднятъ и рѣшенъ въ военномъ министерствѣ положительно. Оставалось найти предлогъ. Предлогъ дала Германія, увеличившая свою армію на счетъ неиспользованнаго прироста населенія. Это усиленіе арміи противника произвело на Францію громадное впечатлѣніе. Какая его цѣль? Новое нашествіе? Новая ампутація? Въ такомъ случаѣ напряжемъ всѣ силы, принесемъ всѣ жертвы, чтобы избѣжать этого величайшаго изъ несчастій. Какія же жертвы слѣдуетъ принести? Министерство отвѣтило на этотъ вопросъ законопроектомъ о возвратѣ къ трехлѣтней службѣ, радикальная лѣвая межеумочнымъ проектомъ о тридцатимѣсячной службѣ, соціалисты—предложеніемъ постепеннаго сокращенія срока службы до 6 мѣсяцевъ, съ тѣмъ, чтобы къ 1916-мъ году перейти къ милиціонной системѣ, по образцу швейцарской. Этотъ послѣдній проектъ на дняхъ отвергнутъ всей палатой за исключеніемъ соціалистовъ, изъ которыхъ одинъ тоже голосовалъ съ большинствомъ. Этотъ провалъ соціалистическаго проекта понятенъ и естественъ: великія реформы для своего осуществленія нуждаются въ общемъ признаніи,—въ признаніи какъ населенія, такъ и тѣхъ, кому придется реформу осуществлять. Но населеніе услышало о милиціонной системѣ только теперь; только теперь, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, *одна* партія—соціалистическая—поставила вопросъ о милиціи на очередь дня; до тѣхъ поръ онъ мирно покоился, похороненный въ одномъ изъ параграфовъ соціалистической программы, мало кого интересовавшемъ. Командующій офицерскій корпусъ открыто враждебенъ милиціонной системѣ. Очевидно, нужно много лѣтъ упорной агитаціи и упорной общественной борьбы, чтобы въ народѣ совершился поворотъ въ пользу идеи, которая пока, — это нужно признать,—во Франціи не созрѣла. Остаются, слѣдовательно, два проекта: тридцатимѣсячной и трехлѣтней службы. Оба они составляютъ шагъ назадъ, въ одномъ случаѣ половинчатый и робкій, въ другомъ полный и смѣлый. Не надо удивляться, если рѣшительный и смѣлый шагъ получитъ предпочтеніе. Ужъ если надо идти

назадъ, то идти надо въ мѣру истинной потребности, т. е. подальше. Къ тремъ годамъ? Да, къ тремъ. А потомъ?

Здѣсь то и закопана собака, какъ гласитъ нѣмецкая поговорка. Что же дѣлать дальше, если Германія, численность населенія которой растетъ, будетъ и далѣе увеличивать свою армію? Что дѣлать Франціи, населеніе которой будетъ и впредь, по всѣмъ видимостямъ, сокращаться? Слѣдуя тѣмъ путемъ, на который она вступила, придется періодически удлинять срокъ службы, идти назадъ и назадъ, къ экономическому разоренію, къ полному конфликту съ демократическими учрежденіями и съ духомъ новаго режима,— т. е. къ революціи. Очевидно, Франція въ трагическомъ тупикѣ, изъ котораго нѣтъ выхода, т. е. выходъ существуетъ, какъ существуетъ онъ изъ всякаго тупика, но для того, чтобы найти его, надо проломать какую-нибудь стѣну,—въ данномъ случаѣ или дѣйствующую систему международной политики, или систему организаціи военныхъ силъ страны, или, что вѣрнѣе, и ту, и другую. Но это такой трудъ, объ осуществленіи котораго преждевременно даже и говорить. Въ тоже время это угроза, которая сегодня только умопостигается; дѣйствительной опасностью она станетъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ. И такъ какъ довлѣетъ дневи злоба его, то объ этой будущей опасности не думаютъ, или думаютъ тѣмъ меньше, чѣмъ болѣе заняты настоящимъ. Можно съ увѣренностью сказать, что когда палата, черезъ нѣсколько недѣль вотируетъ возвратъ къ трехлѣтней военной службѣ, депутаты разъѣдутся на каникулы съ сознаніемъ исполненнаго общественнаго долга и въ умиленіи передъ грандіозностью жертвы, принесенной ими и страной pour la patrie.

Размѣръ жертвы, приносимой страною или возложенной на страну, дѣйствительно грандіозенъ, и едва ли можетъ въ настоящее время быть усчитанъ даже приблизительно. Оставимъ въ сторонѣ чисто матеріальный ущербъ, обусловленный тѣмъ, что 240,000 человѣкъ будутъ оторваны отъ производительнаго труда и обречены на праздность казарменной жизни, и остановимъ свое вниманіе на политическихъ и культурныхъ послѣдствіяхъ понятной реформы.

Въ парламентѣ она сблизитъ—и уже сблизила—правые, антиреспубликанскіе элементы съ умѣренными республиканскими. Давно поколебленному преобладанію радикальной партіи положенъ конецъ организаціей въ палатѣ «демократическаго и соціальнаго соглашенія. («Entente démocratique et sociale»), первымъ актомъ котораго было рѣшеніе поддержать министерство въ вопросѣ о трехлѣтней службѣ. Эта новая группа, иниціаторомъ и фактическимъ руководи-

телемъ которой является Бріанъ, а герольдомъ—радикальный депутатъ Мажино, представляетъ попытку закрѣпить руководящую роль за тѣмъ консервативно-республиканскимъ теченіемъ, которое вотъ уже нѣсколько лѣтъ обезпечиваетъ власть за консервативными республиканцами, отдало президенство республики Пуанкарэ и тормозитъ въ странѣ всѣ демократическія и соціальныя реформы. Вѣроятно поэтому оно и приняло названіе «демократическаго и соціального» соглашенія! До сихъ поръ это теченіе господствовало въ парламентѣ, имѣя вмѣсто доктрины одинъ лозунгъ: «L'apaisement», теперь оно дѣлаетъ первые организаціонные шаги. «Демократическое и соціальное соглашеніе» офиціально живетъ всего лишь три или четыре дня, и тѣмъ не менѣе насчитываетъ въ своихъ рядахъ 102 члена; оно имѣло всего два засѣданія—и уже выпустило декларацію, опредѣляющую его физіономію. Вотъ эта декларація. «Демократическое и соціальное соглашеніе» является группировкой депутатовъ, принадлежащихъ исключительно къ четыремъ группамъ республиканской лѣвой. Новая организація имѣетъ цѣлью позволить республиканцамъ, жаждущимъ болѣе постояннаго согласія и болѣе тѣснаго сотрудничества, встрѣчаться, обмѣниваться взглядами и подготовляться къ общимъ дѣйствіямъ, несмотря на существованіе партійныхъ перегородокъ, которыя, при всей своей искусственности, препятствуютъ необходимому сближенію.

«Организація наша не представляетъ «группы» въ прямомъ смыслѣ этого слова. Она ограничиваетъ свои задачи совмѣстнымъ изученіемъ и совмѣстными дѣйствіями, не опредѣляя политической физіономіи своихъ сочленовъ. Она не требуетъ, чтобы послѣдніе покидали группы, въ которыя они въ настоящее время записаны.

«Въ качествѣ парламентской организаціи она намѣрена сохранить свою полную независимость какъ отъ внѣпарламентскихъ организацій, такъ и отъ чьей-либо личной гегемоніи.

«Не желая ни въ какомъ случаѣ расчленять и ослаблять республиканскую партію, «Соглашеніе» хотѣло бы выдѣлить изъ хаоса, царствующаго въ ней, и сгруппировать вокругъ общихъ принциповъ прочное и постоянное большинство, свободное отъ разнообразныхъ личныхъ комбинацій. Это сдѣлало бы возможнымъ методическую законодательную работу и планомѣрное управленіе.

«Соглашеніе» обращается ко всѣмъ республиканскимъ депутатамъ, которые, не раздѣляя крайностей націонализма, цѣнятъ выше всего величіе и безопасность родины и вмѣстѣ съ тѣмъ готовы защищать и укрѣплять принципы свѣтскаго государства, хотятъ видѣть нашу фискальную систему болѣе справедливой и нашу соціальную организацію болѣе гуманной,—которые, однимъ словомъ,

хотятъ, руководясь началами порядка и уваженія къ закону, вести лѣвую политику, не компрометируя себя ни связями съ реакціонными партіями, ни уступчивостью по отношенію къ революціонерамъ».

Какъ самое образованіе новой группы, такъ и декларація ея не произвели на политическіе круги впечатлѣнія разорвавшейся бомбы только потому, что «событій» въ послѣднее время и безъ того было слишкомъ много, и воспріимчивость политиковъ въ значительной мѣрѣ притупилась. Тѣмъ не менѣе образованіе «соглашенія» не прошло незамѣченнымъ, а на лѣвую республиканскую оно произвело угнетающее впечатлѣніе. На собраніи радикаловъ-соціалистовъ, состоявшемся на дняхъ, было внесено предложеніе немедленно исключить «измѣнниковъ», вошедшихъ въ составъ новой группы, и только съ трудомъ удалось наиболѣе умѣреннымъ изъ радикаловъ-соціалистовъ добиться отсрочки рѣшенія до болѣе полнаго выясненія характера «соглашенія». Это произошло до опубликованія деклараціи. Едва-ли однако послѣдняя можетъ помирить съ собою радикаловъ. Опытные политики отличатъ въ ней, подъ покровомъ ставшихъ банальными заявленій о вѣрности принципамъ свѣтскаго государства, тенденцію къ разрушенію сложившихся партій, и особенно оцѣнятъ указаніе на ихъ безпринципность и склонность дѣйствовать по личнымъ соображеніямъ и подъ гегемоніей отдѣльныхъ лицъ. Если это и правда, то правда горькая, которую политическое злопамятство не прощаетъ.

Новая группа внесетъ, поэтому, раздѣленіе въ республиканскую партію, и линіей раздѣла явится граница, отдѣляющая прогрессивныхъ республиканцевъ отъ республиканцевъ консервативныхъ, которые и соберутся подъ эгидою «соглашенія». Когда эта «концентрація» закончится, палата разобьется на четыре группы: правительственный центръ, соціально-реакціонный; правую оппозицію, охотно поддерживающую правительство въ его соціальной и экономической политикѣ; лѣвую республиканскую оппозицію, безсильную вслѣдствіе розни съ соціалистами, и, наконецъ, соціалистическую оппозицію. И первую скрипку въ этомъ разноголосомъ концертѣ будетъ играть центръ, руководимый Бріаномъ и поддерживающій политику Пуанкарэ!

Въ настоящее время этотъ формирующійся центръ, при содѣйствіи правой, поддерживаетъ Барту и его внутреннюю политику, составляющую явное отрицаніе республиканской традиціи, и даже принциповъ правового строя. Чтобы найти нѣчто подобное тому, что творится въ настоящее время во Франціи, надо вернуться къ временамъ Шарля Дюпюи и Мелина. Я имѣю въ виду тотъ по-

зальный розыскъ, который идетъ по всей странѣ, съ цѣлью открыть «антимилитаристскій комитетъ».

Это очень печальная исторія, тѣмъ болѣе печальная, что творится она въ республикѣ, въ странѣ свободы и всеобщаго голосованія, въ странѣ народоправства. Исторія, послѣдовательно разсказанная, такова.

Когда кабинетъ Барту, вступивъ во власть, объявилъ, что онъ не только внесетъ законопроектъ о возвратѣ къ трехлѣтней службѣ, но и задержитъ на третій годъ солдатъ, отслужившихъ уже два года и подлежавшихъ нынѣшней осенью роспуску по домамъ,—въ рядѣ войсковыхъ частей произошли прискорбные безпорядки, протесты и столкновенія съ офицерами. Они свидѣтельствовали, конечно, объ ослабленіи дисциплины въ арміи, а такъ же о томъ, что въ ней нѣтъ духа слѣпого повиновенія. Я не знаю, существовалъ ли онъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь, но очевидно, что въ странѣ демократической, гдѣ пропаганда всевозможныхъ идей и критика правительственныхъ дѣйствій составляютъ основное право всякаго гражданина, трудно требовать слѣпого повиновенія и отъ солдата. Во всякомъ случаѣ расчитывать на него можетъ только правительство, дѣйствія котораго строго легальны и не идутъ въ разрѣзъ съ чувствами націи. Но легальность рѣшенія Барту задержать отпускныхъ на третій годъ оспаривается многими. Законъ предоставляетъ правительству это право *въ случаѣ непосредственной національной опасности.* Существуетъ ли такая опасность въ настоящую минуту? Грозитъ ли Франціи нападеніе со стороны иноземца? Какъ будто нѣтъ. И потому даже въ радикальной прессѣ было высказано мнѣніе о нелегальности рѣшенія Барту, которымъ онъ хотѣлъ предпослать законодательному рѣшенію вопроса о трехлѣтней службѣ его фактическое рѣшеніе. Онъ хотѣлъ создать fait accompli—и создалъ волненія въ казармахъ, тѣмъ болѣе понятныя, что эта мѣра тяжело отзывается на частныхъ интересахъ людей, поступившихъ на службу при господствѣ закона о двухлѣтней службѣ и расчитывавшихъ вернуться осенью къ своимъ гражданскимъ занятіямъ! Весьма возможно, однако, что недовольство не нашло бы выраженія въ дѣйствіяхъ, если бы страна была вообще спокойнѣе, если бы въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ, особенно послѣдняго года, антимилитаристская агитація въ странѣ не достигла такой напряженности. Но эта напряженность антимилитаристской агитаціи есть неустранимый коррелятивъ растущаго милитаризма. Еще очень недавно пролетаріатъ, миролюбивый по принципу, оставался глухъ къ антимилитаристской агитаціи крайнихъ лѣвыхъ синдикалистовъ анархическаго толка,—точно такъ же какъ и миролюбивая по расчету бур-

жуазія оставались глуха къ патріоторнымъ завываніямъ націоналистовъ. Но подъ вліяніемъ общеевропейскаго положенія дѣлъ, грозящаго возможностью общеевропейскаго конфликта, подъ вліяніемъ «Марокkской авантюры» и обостренія франко-германскихъ отношеній, республиканской буржуазіей овладѣлъ духъ патріотическаго милитаризма, а соціалистическимъ и синдикалистскимъ пролетаріатомъ— духъ революціоннаго пасифизма. Одни выдвинули лозунгъ: «будемъ вооружаться!» Другіе отвѣтили: «guerre à la guerre!», и заявили, что если, вопреки миролюбивымъ чувствамъ трудящихся, «преступное правительство» приметъ участіе въ войнѣ, или объявитъ ее, пролетаріатъ отвѣтитъ на призывъ къ мобилизаціи саботажемъ, всеобщей стачкой, соціальной революціей. Не будемъ здѣсь разбирать, кто, въ чемъ, и сколько правъ или виноватъ въ этомъ идейномъ, соціальномъ и политическомъ конфликтѣ; констатируемъ просто фактъ глубокого противорѣчія идейныхъ, соціальныхъ и политическихъ концепцій, раздѣляющихъ страну и обусловливающихъ страстную борьбу партій, каждый моментъ которой давалъ мѣсто эксцессамъ и озлобленнымъ взаимнымъ обвиненіямъ. Могла ли казарма, открытая во Франціи для газетъ и не отдѣленная барьеромъ ни отъ партійной жизни, ни отъ народныхъ митинговъ, остаться чуждой этой борьбѣ? Конечно, нѣтъ. Всѣ идеи, циркулирующія и борющіяся въ странѣ, проникали въ нее свободно и заражали ея обитателей. Поэтому въ тотъ день, когда одна изъ борющихся партій задѣла ихъ интересы и ихъ права, обитатели казармъ, увлеченные общимъ потокомъ протестовъ, «нарушили дисциплину». Таковъ генезисъ солдатскихъ протестовъ и маленькихъ бунтовъ, волной пронесшихся по Франціи.

Правительство ихъ подавило, притомъ очень сурово. Можетъ быть, такъ и надо было — не будемъ касаться этого вопроса. Но оно рѣшилось, кромѣ того, воспользоваться этими протестами, чтобы посчитаться со своими соціальными и политическими противниками, терроризировать ихъ, скомпрометировать ихъ—и тѣмъ обезпечить свою побѣду. Эту кампанію оно начало съ розыска зачинщиковъ. Произошли «прискорбныя событія», произошли возмутительныя «нарушенія дисциплины въ арміи»: *чѣмъ* они вызваны? Этотъ вопросъ оставили въ сторонѣ, и замѣнили другимъ: *кѣмъ* они вызваны? Общій отвѣтъ подсказывался самъ собой: они вызваны синдикалистами, соціалистами, вообще политическими противниками, профессіональными антимилитаристами и революціонерами. Но этого общаго отвѣта было недостаточно для уголовнаго преслѣдованія; имъ воспользовалась буржуазная и націоналистская, а кстати, и правая пресса, для того, чтобы должнымъ образомъ подготовить

общественное мнѣніе. Правительство же начало розыскъ. Прежде всего во всѣхъ казармахъ Франціи произведены были у всѣхъ солдатъ поголовно тщательнѣйшіе обыски: искали связей съ рабочими организаціями, уликъ въ сношеніяхъ съ подстрекателями. Одновременно судебный слѣдователь Друо, ведущій дѣло, предписалъ обыскать въ Парижѣ конфедерацію труда, союзъ синдикатовъ, нѣсколько рабочихъ кооперативовъ и большинство секретарей рабочихъ синдикатовъ на ихъ частныхъ квартирахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отправилъ аналогичныя предписанія въ 80 городовъ Франціи, причемъ,—подробность достойная того, чтобы быть отмѣченной,— приказы объ обыскахъ были подписаны безъ обозначенія имени лицъ или учрежденій, подлежащихъ обыску. Заполнять эти пропуски должны были мѣстныя власти, на основаніи собственныхъ соображеній. Такимъ образомъ, по усмотрѣнію мѣстныхъ властей и по предписаніямъ «en blanc», были обысканы какъ отдѣльныя лица, такъ и редакціи соціалистическихъ газетъ, кооперативы, синдикаты, рабочія биржи—всѣ организаціи рабочаго класса, показавшіяся властямъ подозрительными. При этомъ производились выемки: забирались дѣловая переписка, счетныя книги, частныя письма, оригиналы статей, печатныя соціалистическія и синдикалистскія изданія, письма депутатовъ. Обыски производились съ нарушеніемъ установленныхъ закономъ гарантій: раньше легальнаго времени, при отсутствіи хозяевъ или администраторовъ, безъ понятыхъ. Можно было думать, что вернулись времена декабрьскаго государственнаго переворота. Но нѣтъ, это только кабинетъ Барту и вышколенная во враждѣ къ пролетаріату полиція искали уликъ, чтобы раздавить политическихъ противниковъ! Угодливость полиціи доходила до того, что она конфисковала во время обысковъ заполненные подписями листы петицій противъ возстановленія трехлѣтней службы, подлежащихъ подачѣ въ парламентъ, разсматривая легальную петицію какъ преступный и уличающій документъ!

Когда соціалистическій депутатъ Клосса развернулъ предъ палатой длинный списокъ совершенныхъ нарушеній закона, права и свободы, даже реакціонная палата была возмущена, даже самъ иниціаторъ незаконыхъ преслѣдованій, Барту, обѣщалъ разслѣдовать дѣло и принять мѣры для прекращенія «беззаконій». Съ тѣхъ поръ прошло дней десять, но все осталось по прежнему: обѣщаніе Барту не воплотилось въ дѣйствіе. По крайней мѣрѣ соціалистическій депутатъ Пулэнъ принесъ на трибуну сообщенія о новыхъ актахъ произвола, совершенно тождественныхъ съ тѣми, которые были отмѣчены Клосса. Такъ, произведенъ былъ обыскъ въ редакціи соціалистической газеты, издающейся въ департаментѣ Арденнъ:

«Арденскій Соціалистъ». Редактируется она очень умѣреннымъ и пользующимся всеобщимъ уваженіемъ гражданиномъ Будэ, который оставался абсолютно чуждымъ антимилитаристкой агитаціи; издается газета въ помѣщеніи, снятомъ на имя интерпеллянта-депутата Пулэна.—«Производя обыскъ у меня, депутата, что расчитывали вы найти?—спрашиваетъ Пулэнъ президента кабинета министровъ. — Быть можетъ, динамитъ? Или доказательства моего соучастія съ антимилитаристами? (смѣхъ и аплодисменты). Въ такомъ случаѣ надо допустить, что ваши агенты сошли съ ума и перестали понимать ваши приказанія. Мой журналъ извѣстенъ. Въ немъ нечего было искать; отчего же все таки устроили вы этотъ обыскъ? Чтобы успокоить тѣхъ, кто боится. Чтобы всѣ знали, что есть сильное правительство. Вы захотѣли показать, что правительство г. Барту располагаетъ всѣми средствами, какія бывали у правительствъ въ старину, и что вы сумѣете зажать рабочій классъ въ тиски, если онъ вздумаетъ пошевелиться... Важнѣе, однако, то, что вы продолжаете разсылать безымянные приказы объ обыскахъ. Въ Брестѣ вы обыскали редакцію газеты «Cri du Peuple»,—но приказъ, по которому былъ совершенъ этотъ обыскъ, былъ подписанъ en blanc. Заполнили его въ Брестѣ. Вы такимъ образомъ отдаете дѣло юстиціи на произволъ мѣстныхъ властей и позволяете полиціи сводить счеты съ своими антагонистами. Возьмемъ опять тотъ-же Брестъ. Тамъ существуетъ кооперативная типографія, съ трудомъ конкурирующая съ лучше оборудованными частными предпріятіями, но все таки конкурирующая. Чтобы сдѣлать угодное нѣсколькимъ крупнымъ предпринимателямъ, полиція обыскала по безымянному приказу кооперативную типографію и распространила слухъ, что она искала тамъ динамитъ: такимъ образомъ она отбила отъ типографіи рядъ заказчиковъ».

Быть можетъ, надо съ недовѣріемъ относится къ подобнаго рода сообщеніямъ, какъ исходящимъ отъ соціалистическихъ депутатовъ, и потому тенденціознымъ? Обратимся въ такомъ случаѣ къ общей прессѣ. Тамъ встрѣчаемъ слѣдующаго рода хроникерскую замѣтку: 20-го мая въ Булони подъ Парижемъ мѣстный комиссаръ полиціи задержалъ автомобиль, украшенный панкартами съ надписями: «долой трехлѣтнюю службу», и хотѣлъ арестовать шоффера. Такъ какъ шофферъ протестовалъ, онъ былъ избитъ полицейскими. Случайно проходившій мимо и видѣвшій это инженеръ Робертъ Лузонъ подошелъ къ шофферу и передалъ ему свою визитную карточку съ тѣмъ, чтобы тотъ могъ сослаться на него, какъ на свидѣтеля, передъ судомъ. Немедленно полиція арестовала инженера и продержала его въ каталажкѣ съ 2 до до $10^1/_2$ часовъ вечера. Въ дѣло

вступилась «Лига Правъ Человка» и обратила вниманіе министра внутреннихъ дѣлъ Клотца на «скандальное поведеніе его агентовъ». Случаевъ подобнаго поведенія теперь такъ много, что имъ не подведешь и счета. Такъ, напр., во многихъ департаментахъ префекты, въ цѣляхъ выясненія «неблагонадежныхъ лицъ»,—т. е. всѣхъ подписавшихъ петицію противъ 3-лѣтней службы,—предписываютъ мэрамъ сообщать полиціи и слѣдственнымъ властямъ имена этихъ лицъ. Мэръ Невшато, получившій такое «словесное приказаніе» черезъ посредство жандарма, изготовилъ требуемый списокъ и внесъ въ него — свое собственное имя, отвѣтивъ, что хотя онъ и мэръ, но не доносчикъ.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какая нездоровая политическая атмосфера создалась вокругъ «реакціоннаго законопроекта»—реакціоннаго не потому только, что онъ составляетъ прямой шагъ назадъ, а по всей совокупности сопутствующихъ ему политическихъ и соціальныхъ идей, административныхъ и полицейскихъ дѣйствій.

Съ грустью приходится константировать, что много разъ отмѣчавшійся нами развалъ прогрессивныхъ республиканскихъ партій продолжается, и по обѣимъ сторонамъ образующейся пустоты крѣпнутъ: направо—реакціонная тенденція, налѣво—революціонная.

Господствуетъ, однако, первая изъ нихъ.

Бѣлоруссовъ.

М. М. КОЦЮБИНЬСКІЙ.

† 12 апрѣля 1913 г.

«Прекрасное, это—рѣдкое»,—говорили Гонкуры.

Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые при первой-же встрѣчѣ съ ними вызываютъ благостное чувство удовлетворенія: именно этого человѣка ты давно ждалъ, именно для него у тебя есть какія-то особенныя мысли.

Въ мірѣ идеи красоты и добра онъ—«свой» человѣкъ, родной человѣкъ, и съ первой встрѣчи онъ возбуждаетъ жажду видѣть его возможно чаще, говорить съ нимъ возможно больше.

Обо всемъ подумавшій, онъ какъ-то особенно близокъ хоро-

шему, и въ немъ всегда кипитъ органическая брезгливость къ дурному. У него тонко развита эстетическая чуткость къ доброму, онъ любитъ добро любовью художника, вѣритъ въ его побѣдную силу; въ немъ живетъ чувство гражданина, которому глубоко и всесторонне понятно культурное значеніе, историческая стоимость добра.

Однажды, разсказывая ему планъ организаціи на Руси широкаго демократическаго книгоиздательства, я услыхалъ его мягкій голосъ, задумчивыя слова:

— Нужно-бы вести изъ года въ годъ «Лѣтопись проявленій человѣчнаго», ежегодно выпускать книгу-обзоръ всего, что сотворено за годъ человѣкомъ въ области его заботъ о счастьѣ всѣхъ людей. Это было бы прекрасное пособіе людямъ для знакомства ихъ съ самими собою, другъ съ другомъ. Насъ, вѣдь, больше знакомятъ съ дурнымъ, чѣмъ съ хорошимъ... А для демократіи такія книги имѣли-бы особенно огромное значеніе...

Онъ очень часто говорилъ о демократіи, о народѣ, и всегда это было какъ-то особенно пріятно слушать, пріятно и поучительно.

Я разсказалъ ему однажды, тихимъ вечеромъ, легенду о калабрійцѣ Чиро, угольщикѣ, который въ 49-мъ году, во время борьбы Сициліи противъ Фердинанда Бомбы, пришелъ къ благородному Руджіеро Сеттимо и простодушно предложилъ:

— Синьоръ, если неаполитанскій деспотъ побѣдитъ, онъ, навѣрное, захочетъ отрубить вамъ голову,—да? Тогда, синьоръ, предложите ему три головы за одну вашу: вотъ эту, мою, голову брата моего и зятя. Мы всѣ ненавидимъ Бомбу, такъ-же, какъ и вы синьоръ, но — маленькіе люди — мы не сумѣемъ такъ умно и успѣшно бороться за свободу, какъ умѣете вы. Я думаю, что отъ этой мѣны народъ очень выиграетъ, а Бомба, вѣроятно, съ большимъ удовольствіемъ убьетъ троихъ, вмѣсто одного;—вѣдь онъ, бездѣльникъ, любитъ убивать! Мы-же съ радостью умремъ за свободу.

Легенда понравилась Михаилу Михайловичу; радостно поблескивая ласковыми глазами, онъ сказалъ:

— Демократія всегда романтична, и это хорошо, знаете! Вѣдь романтизмъ наиболѣе человѣчное настроеніе; мнѣ думается, что его культурный смыслъ недостаточно понятъ. Онъ преувеличиваетъ, ну-да! Но вѣдь онъ преувеличиваетъ добрыя начала, свидѣтельствуя этимъ, какъ велика жажда добра въ людяхъ!

Былъ такой случай: щенилась впервые и очень мучительно большая романская овчарка; щенята рождались мертвыми; собака, истерзанная болью, почти издыхала, и эта тяжелая картина вызвала

совершенно ясное чувство состраданія у фоксъ-терьера, тоже суки но еще не рожавшей.

Маленькая, изящная собака поражала напряженностью своихъ ощущеній: съ тихимъ воемъ бѣгая вокругъ овчарки, она слизывала слезы съ ея измученныхъ глазъ и сама плакала; мчалась въ кухню, хватала тамъ кости и стремглавъ несла ихъ больной; бѣжала къ людямъ и, тихонько, жалобно лая, прыгала на нихъ, какъ бы прося о помощи, и все плакала: такъ и капали слезы изъ ея красивыхъ глазъ. Это было очень трогательно и даже немножко жутко.

— Это — удивительно!—волнуясь, сказалъ Коцюбиньскій.—И я ничѣмъ инымъ не могу объяснить себѣ такой силы чувства у собаки, какъ тѣмъ, что люди уже создали вокругъ себя неотразимую и внушительную атмосферу человѣчности, способную перевоспитать даже животное, прививъ ему нѣчто отъ души человѣка.

Человѣчность, красота, народъ, Украина — это любимыя темы бесѣдъ Коцюбиньскаго; онѣ всегда были съ нимъ, какъ его сердце, мозгъ и славные, ласковые глаза.

Онъ очень любилъ цвѣты и, обладая солидными знаніями ботаника, говорилъ о нихъ, какъ поэтъ. Было какъ-то особенно пріятно видѣть, когда онъ, держа въ рукѣ цвѣтокъ, ласкалъ его и разсказывалъ о немъ.

— Смотрите, вотъ орхидея приняла форму пчелы; этимъ она желаетъ сказать, что не нуждается въ посѣщеніи насѣкомыхъ.— Сколько разума всюду, сколько красоты!

Его больное сердце мѣшало ему ходить по неровнымъ тропинкамъ Капри, по камнямъ, горячо нагрѣтымъ солнцемъ, въ жаркомъ воздухѣ, густо насыщенномъ запахами обильныхъ цвѣтовъ; но онъ не щадилъ себя, гулялъ много, часто—до утомленія.

И когда, бывало, скажешь ему:

— Зачѣмъ вы позволяете себѣ уставать?

Онъ отвѣчалъ, легко побѣждая совѣты благоразумія:

— Хочется видѣть какъ можно больше, мнѣ вѣдь не долго ужъ ходить по землѣ, а я ее люблю...

Онъ особенно горячо и нѣжно любилъ свою Украйну и часто слышалъ сладкій запахъ чабреца тамъ, гдѣ его не было и нѣтъ.

А однажды, увидавъ у бѣлой стѣны рыбацкаго дома блѣдно-розовыя мальвы,—весь освѣтился улыбкой и, снявъ шляпу, сказалъ цвѣтамъ:

— Здоровенькі були! Як живеться на чужині?

Сконфузился и пошутилъ:

— Знаете,—немножко сантименталенъ становлюсь! Но вѣдь и

вамъ, думаю, не рѣдко вздыхается по бѣлой березѣ, которой васъ сѣкли, бывало? Э, всѣ люди—люди, а кто не человѣкъ—да будетъ ему стыдно!

Онъ любилъ Капри и писалъ о немъ:

«Чувствую себя не важно, мнѣ только и хорошо на Капри. Впечатлѣнія отъ капрійской природы такъ гармоничны и такъ благотворно дѣйствуютъ на мою психику, что положительно оздоровляютъ меня».

Но я думаю, что это не совсѣмъ вѣрно, и тепличный воздухъ острова не былъ полезенъ ему. А къ тому-же его украинское черяонное сердце всегда было на родинѣ, — ея скорбями онъ жилъ, ея муками мучился.

Бывало, видишь: идетъ онъ тихо, немножко согнувшись, обнаживъ сіяющую голову, съ тѣмъ вдумчивымъ лицомъ, какъ на портретѣ Жука. Видишь и догадываешься: думаетъ о своей Черниговщинѣ!

Такъ и есть: пришелъ въ свою бѣлую комнату, сѣлъ утомленно въ кресло и говоритъ:

— Знаете, тамъ, по пути къ Arca Naturale стоитъ хата совсѣмъ такая, какъ у насъ! И люди въ ней — наши: дідусь такой ветхій и мудрый сидитъ на порогѣ съ трубкой, и баба такая же, да еще и дівчина съ карими очами—полная иллюзія. Только вотъ— горы, камень, море! А то—все, и солнце, совсѣмъ, какъ у насъ!

И начиналъ тихонько говорить о судьбахъ родины, о будущемъ ея, о ея людяхъ, любимыхъ имъ крѣпко, о литературѣ о благотворной работѣ загубленной нынѣ «Просвіти». Слушаешь его и видишь человѣка, который именно обо всемъ подумалъ, и то, что знаетъ—знаетъ хорошо.

Въ іюлѣ 1911 г. онъ писалъ съ Карпатъ, изъ Криворівни:

«Все время провожу въ экскурсіяхъ по горамъ, верхомъ на гуцульскомъ конѣ, легкомъ и граціозномъ какъ балерина. Побывалъ въ дикихъ мѣстахъ, доступныхъ немногимъ, на «полонинахъ», гдѣ гуцулы-номады проводятъ со своими стадами все лѣто. Если бы Вы знали, какъ величественна здѣсь природа, какая первобытная жизнь. Гуцулы—оригинальнѣйшій народъ, съ богатой фантазіей, со своеобразной психикой. Глубокій язычникъ, гуцулъ всю свою жизнь, до смерти, проводитъ въ борьбѣ со злыми духами, населяющими лѣса, горы и воды. Христіанствомъ онъ воспользовался только для того, чтобы украсить языческій культъ. Сколько здѣсь красивыхъ сказокъ, преданій, повѣрій, символовъ. Собираю матеріалъ, переживаю природу, смотрю, слушаю и учусь».

А въ слѣдующемъ письмѣ, изъ Чернигова, ему пришлось сказать:

«Не утерпѣлъ я, взбирался на горы и, конечно, повредилъ своему здоровью; но было необычайно красиво, а это—главное».

Не щадя, въ стремленіи къ знанію жизни и красоты ея, своихъ физическихъ силъ, онъ и къ своему таланту поэта относился чрезмѣрно строго, предъявлялъ къ себѣ требованія слишкомъ суровыя: «чувство недовольства собою у меня очень развито», не однажды говорилъ онъ мнѣ. «Мои разсказы всегда кажутся мнѣ блѣдными, неинтересными, ненужными даже, и какъ-то совѣстно предъ литературой и читателемъ», писалъ онъ 19-го декабря 1910-го года.

Эти мысли, казалось мнѣ, всегда были съ нимъ и неотступно точили его измученное сердце.

Спрашиваетъ:

— Вамъ нравится «Самотніі»?

— Это лучшее изъ трехъ вашихъ стихотвореній въ прозѣ, а они всѣ, на мой взглядъ, очень хороши...

Онъ грустно улыбается:

— А я прочиталъ сегодня утромъ—и стало неловко. Никому это не нужно, не интересно никому. Что за вой? Всѣ люди одиноки. И не такъ нужно писать объ этомъ проклятіи нашемъ.

Потомъ—продолжалъ уже сердито:

— Да, тамъ еще въ концѣ горный крикъ есть,—это уже и не искренно, а такъ сказано, для самоутѣшенія. Чѣмъ тутъ гордиться? Одинокъ, значитъ,—не нуженъ никому.

Мы часто бесѣдовали на эту тему и всегда онъ жестоко казнилъ себя.

— Смотрите, какъ это хорошо:

Жаль маю до землі
Бо тіни, що вкривають ii,
Пересунуться на инше місце,
І де було тьмяно и сумно,
Знов ляже золото сонця...

Онъ усмѣхнулся и тотчасъ передѣлалъ эти строки въ юмористическое стихотвореніе...

Однажды ему сказали:

— Какая вѣрная и страшная вещь вашъ «Сьміх».

Онъ небрежно отмахнулся рукою:

— Да это-жъ заимствовано!.. И неумѣло сдѣлано, въ жизни этотъ смѣхъ страшнѣе и законнѣй.

Иногда было досадно, чаще—больно слышать такіе возгласы. Много звучало въ нихъ великой, искренней муки.

Но, относясь безжалостно къ себѣ, къ другимъ онъ относился очень снисходительно, умѣя всюду, даже и въ плохомъ, найти хорошее—мѣткое слово, звучную фразу.

— Дорогой мой,—сказалъ онъ однажды ночью, когда море и островъ молчатъ такъ странно, точно въ тихомъ изумленіи ждутъ чего-то необычнаго.—Столько видано, столько пережито, въ душѣ волнуется цѣлый міръ образовъ, мыслей, какихъ-то до слезъ простыхъ и ласковыхъ пѣсенъ! Такъ-бы дождемъ съ неба и опрокинулъ все это на землю, на людей, а не удается, не умѣется!

Не удавалось,—да, но онъ могъ-бы, онъ-бы сумѣлъ написать прекрасныя, большія вещи. Многое у него было уже до конца продумано, готово—и красиво, оригинально, по своему.

Не удавалось потому, что за три года нашего знакомства, почти въ каждомъ письмѣ его звучала, все усиливаясь, одна и та же нота: «Долженъ сознаться, что со мною что-то не ладно. Сердце работаетъ все хуже и хуже, порою приходится ложиться въ постель; работа такъ утомляетъ меня, что нѣтъ уже силъ приняться за что либо другое».

«Почти ничего не удалось заработать зимою, значитъ, создалось трудноодолимое препятствіе. А между тѣмъ вилла въ четыре комнаты за 65 лиръ, съ доброй хозяйкой, манятъ и улыбаются».

И наконецъ, 9-го октября 1912 г. онъ написалъ:

«Плохо мнѣ, дорогой А. М., болѣю упорно, продолжительно и жестоко; хуже всего—не могу работать. Остается испробовать героическое средство: лечь въ больницу на продолжительное время, для чего, на дняхъ, отправляюсь въ Кіевъ».

А изъ клиники Образцова онъ бодро сообщаетъ:

«Перевели меня, наконецъ, въ Кіевъ, уложили въ клинику, какъ «тяжелаго сердечника». Однако, я нахожу, что иногда чудесно эдакъ побаловаться! Какіе великолѣпные люди посѣщаютъ меня ежедневно, принося мнѣ все, что я люблю,—цвѣты, книги, самихъ себя! Въ окно смотритъ то же солнце, которое васъ грѣетъ и оттого кажется еще теплѣй и ласковѣй».

Онъ любилъ сказать человѣку ласковое, хорошее слово и даже въ этотъ день, сильно огорченный наканунѣ смертью Н. В. Лысенка, всетаки нашелъ въ душѣ это слово, милый...

Онъ зналъ, что скоро умретъ, и нерѣдко говорилъ объ этомъ просто, безъ страха, но и безъ той наигранной бравады, которою многіе рисуются столь лживо.

—«Смерть необходимо побѣдить, и она будетъ побѣждена!—сказалъ онъ однажды.—Я вѣрю въ побѣду разума и воли человѣка надъ смертью, такъ же, какъ въ то, что самъ скоро умру. И еще

умрутъ милліоны людей, а всетаки, современемъ, смерть станетъ простымъ актомъ нашей воли: мы будемъ отходить въ небытіе такъ-же сознательно, какъ отходимъ ко сну. Смерть будетъ побѣждена тогда, когда большинство людей ясно сознаютъ цѣну жизни, поймутъ ея красоту, почувствуютъ наслажденіе работать и жить.

Человѣкъ высокой духовной культуры, солидно вооруженный знаніемъ естественныхъ наукъ, онъ внимательно слѣдилъ за всѣмъ, что творится въ области борьбы со смертью; но и поэзія умиранія, поэзія непрерывной смѣны формъ тонко чувствовалась имъ.

Не разъ, благодарно глядя на сѣрыя скалы Капри, богато одѣтыя пышной зеленью травъ и цвѣтовъ, онъ говорилъ:

— Какая сила жизни! Мы привыкли къ этому и не замѣчаемъ побѣды живого надъ мертвымъ, дѣйственнаго надъ инертнымъ, и какъ-бы не знаемъ, что солнце творитъ цвѣты и плоды изъ мертваго камня, не видимъ, какъ всюду торжествуетъ живое, чтобъ бодрить и радовать насъ. Мы должны-бы улыбаться міру дружески...

Онъ очень умѣлъ улыбаться такъ, всему—улыбкой друга.

По поводу смерти Л. Н. Толстого онъ писалъ:

—«Больно мнѣ было читать, что вы такъ тяжело пережили смерть Толстого. Мнѣ тоже тяжело было, но—не знаю, стыдиться ли?—и хорошо знать, что на свѣтѣ бываетъ большое. Смерть какъ-будто вѣрнѣе опредѣляетъ размѣры, чѣмъ жизнь».

Для меня смерть Михаила Коцюбинскаго опредѣлилась какъ тяжелая, личная утрата: я потерялъ сердечнаго товарища.

Прекрасный, рѣдкій цвѣтокъ отцвѣлъ, ласковая звѣзда погасла. Трудно жилось ему: быть честнымъ человѣкомъ на Руси очень дорого стоитъ и морально, и матеріально.

Бѣднѣетъ наше время хорошими людьми,—насладимся грустью воспоминаній о нихъ, о красотѣ этихъ свѣтлыхъ душъ, любившихъ беззавѣтно людей и весь міръ, о сильныхъ людяхъ, которые умѣли работать для счастья родины своей!

Вѣчная память честнымъ людямъ!

М. Горькій.

ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Письмо въ редакцію).

Намъ удалось ознакомиться съ интереснымъ запроснымъ листомъ, разосланнымъ епархіальнымъ начальствомъ сельскимъ священникамъ. Этотъ «современный» документъ стоитъ привести цѣликомъ.

I. Паства.

1. Увеличеніе или уменьшеніе паствы и его причины и обстоятельства.

2. Состояніе благочестія въ приходѣ и признаки возвышенія онаго или противнаго тому.

3. Съ какимъ въ какихъ мѣстахъ усердіемъ притекаютъ православные къ богослуженіямъ и таинствамъ; примѣтно ли возростаніе сего усердія (особенно, въ большей ли противъ прежняго и въ какой именно степени исполняютъ они христіанскій долгъ очищенія совѣсти) и нѣтъ ли обстоятельствъ, разстраивающихъ такое усердіе.

4. Состояніе знанія прихожанами начальныхъ истинъ вѣры, заповѣдей, молитвъ и достаточны ли свѣдѣнія о семъ.

II. Внѣбогослужебныя чтенія и собесѣдованія.

Кто ведетъ чтенія и собесѣдованія и въ какое время. Какъ принимаются они прихожанами. Собирается ли народъ на собесѣдованія и замѣтно ли благотворное ихъ дѣйствіе на народъ.

III. Приходское братство.

Число членовъ и въ чемъ проявилась его дѣятельность. Заведено ли общество трезвости. На какихъ основаніяхъ оно дѣйствуетъ, съ какимъ успѣхомъ и изъ сколькихъ лицъ состоитъ.

IV. Церковно-приходское попечительство.

Кругъ и характеръ его дѣйствій.

V. Пожертвованія.

Какія поступили пожертвованія въ пользу церкви, причта и отъ кого, въ семъ и прошломъ году.

Заключеніе.

Здѣсь вкратцѣ изложить благосостояніе прихода, съ означеніемъ степени улучшенія противъ прежнихъ лѣтъ или противнаго тому.

Недавно мы узнали, что въ нѣсколькихъ деревняхъ N—скаго уѣзда быстро распространяется секта, въ родѣ штунды. Церквей здѣсь нѣтъ на довольно большомъ пространствѣ, и населеніе приписано къ приходамъ ближайшаго мѣстечка.

По дальности разстоянія, доходящей до семи верстъ, жители этихъ деревень рѣдко посѣщали церкви въ мѣстечкѣ. Эти рѣдкія посѣщенія болѣе всего замѣтны были въ церкви, гдѣ настоятелемъ состоитъ священникъ В., теперь уже очень старый человѣкъ, давно извѣстный своей стяжательностью, поборами съ прихожанъ и далеко неблагочестивой жизнью.

Прихожане этого пастыря, когда стала распространяться среди нихъ секта, чтобы по возможности обезопасить себя, продолжали вѣнчаться въ церкви (вѣнчаніе—самая доходная треба для священника) и при объѣздахъ причтомъ прихода «съ молитвою» (что̀ бываетъ нѣсколько разъ въ годъ, причемъ идетъ поголовный сборъ съ каждаго двора деньгами и натурой) одаряли причтъ своими приношеніями.

Отбывая формально эти церковныя повинности, сектанты въ остальномъ зажили своей особою жизнью. При крайне низкомъ, вообще, уровнѣ развитія сельскаго населенія въ нашей мѣстности, когда въ другихъ деревняхъ идетъ повальное пьянство, сопровождаемое дикими столкновеніями, грубыми насиліями и звѣрскими драками, развивается все сильнѣе воровство и каждый живетъ исключительно для себя, заботясь только о своей наживѣ,—сектантскія деревни въ короткое время совершенно переродились. Водку тамъ совсѣмъ перестали пить. Вмѣсто эгоистической отчужденности возникли самыя теплыя отношенія и взаимная поддержка. Драки и насилія исчезли. А если они и происходятъ между не присоединившимися еще къ сектантству, то сектанты стараются дер-

жаться отъ нихъ подальше и удаляются, если дерущіеся задѣваютъ ихъ. Воровство у сектантовъ совсѣмъ прекратилось. По праздникамъ они собираются въ чьей-нибудь болѣе просторной хатѣ, читаютъ Евангеліе и ведутъ бесѣды по поводу прочитаннаго. Крестьяне, живущіе довольно далеко отъ этихъ деревень, высказываются очень сочувственно о жизни и нравахъ сектантовъ, и секта, несомнѣнно, будетъ привлекать все больше послѣдователей.

Священникъ В., конечно, очень хорошо зналъ, что его деревенская паства отпала отъ церкви, но, повидимому, считалъ болѣе удобнымъ игнорировать это явленіе и не доносить о немъ начальству: ему же досталось-бы за то, что онъ не удержалъ своей паствы «на истинномъ пути». Гражданскія власти также не тревожили сектантовъ: налоги они уплачивали исправно, никакихъ происшествій, требующихъ вмѣшательства властей, у нихъ не было. Такъ и жили сектанты спокойно въ теченіе нѣскольких лѣтъ.

Но существованіе секты не могло, конечно, очень долго оставаться неизвѣстнымъ. Недавно для обращенія заблудшихся въ лоно церкви командированъ былъ такъ называемый миссіонеръ.

Извѣстно, что наши миссіонеры не имѣютъ ничего общаго съ миссіонерами французскими или англійскими, поселяющимися надолго среди людей, которымъ они намѣрены проповѣдывать, и безкорыстной, доходящей до самоотверженія заботой о нуждахъ окружающихъ привлекающими къ себѣ сердца темныхъ людей. У насъ—это священники-чиновники, отличающіеся отъ другихъ только сравнительно крупнымъ окладомъ жалованья. Командируемые для обращенія «инако мыслящихъ», они обыкновенно никого не обращаютъ.

Пріѣхалъ миссіонеръ въ одну изъ сектантскихъ деревень. Староста, по его приказу, «согналъ» къ нему сектантовъ. Начались увѣщанія. Слушатели вступили съ проповѣдникомъ въ бесѣду, цитируя мѣста изъ Евангелія о любви и милосердіи къ ближнему, о безкорыстіи, воздержаніи и справедливости, указывая примѣры нарушенія евангельскаго ученія и властями, и пастырями церкви, и всѣми, ставящими свои выгоды и интересы выше евангельскихъ истинъ, и спрашивая миссіонера, почему-же допускается такое грубое отступленіе отъ ученія Христа. Миссіонеръ сначала отдѣлывался общими фразами, которыя никого не могли убѣдить, затѣмъ вышелъ изъ себя и началъ произносить угрозы, стуча кулаками по столу. Сектанты удалились.

Въ виду неуспѣшности этой командировки, послали туда другого миссіонера, на котораго возлагали больше надеждъ. Но всѣ старанія старосты собрать къ нему слушателей остались безъ успѣха.

Сектанты на призывъ старосты отвѣчали, что у нихъ нѣтъ никакой охоты снова подвергаться браннымъ крикамъ и угрозамъ.

Что ожидаетъ теперь нашихъ мирныхъ искателей новой вѣры—еще неизвѣстно. Безъ преслѣдованій, въ наше время «свободы совѣсти и вѣротерпимости», вѣроятно, не обойдется. Вѣдь поголовный отказъ отъ употребленія водки, непризнаніе авторитета священниковъ и умаленіе ихъ доходовъ—это «колебаніе основъ», за которое по головкѣ не гладятъ.

Распространеніемъ сектантства въ знакомой намъ мѣстности и проявляющимися въ другихъ мѣстахъ губерніи признаками духовнаго броженія среди сельскаго населенія и вызвана, несомнѣнно, приведенная выше анкета.

При чтеніи изложенныхъ вопросовъ невольно возникаетъ недоумѣніе: или составлявшій ихъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о положеніи нашей сельской паствы и ея пастырей, или-же эти вопросы посланы съ цѣлью получить въ отвѣтъ шаблонныя общія фразы: благочестіе въ приходѣ возвышается, православные притекаютъ въ храмъ съ должнымъ усердіемъ, попечительство и братство заботятся о нуждахъ церкви и о преуспѣяніи нравственности и т. п. Вѣдь иныхъ отвѣтовъ священники дать не могутъ. И болѣе развитые изъ нихъ, которые хотѣли-бы высказать горькую правду и указать радикальныя мѣры для дѣйствительнаго поднятія умственнаго и нравственнаго состоянія прихожанъ, для преобразованія прихода, для измѣненія безправнаго положенія священниковъ, для устраненія зависимости ихъ отъ подачекъ паствы,—не рѣшатся этого сдѣлать, Такая смѣлость могла-бы обойтись имъ очень дорого.

А правда о нашихъ селахъ—особенно въ мѣстностяхъ глухихъ, гдѣ народъ живетъ почти первобытно,—для тѣхъ, кто не желаетъ закрывать глаза на эту правду, очень и очень горька. Въ селахъ, близко знакомыхъ пишущему эти строки, грамотныхъ не больше 20%, да и изъ нихъ только очень немногіе что-нибудь читаютъ и начинаютъ сознательно относиться къ явленіямъ окружающей ихъ тяжелой жизни. Остальные едва умѣютъ нацарапать свою подпись и читаютъ съ трудомъ, забывъ весь скудный багажъ, вынесенный изъ школы. Сознаніе общественнаго интереса и альтруистическія побужденія совершенно отсутствуютъ. Грубость семейныхъ нравовъ поразительна. Сплошь и рядомъ приходится слышать о жестокихъ избіеніяхъ жены или дѣтей главою семьи. Недавно старикъ сосѣдъ, раздавъ имущество сыновьямъ и очутившись въ положеніи короля Лира, со слезами разсказывалъ мнѣ, что отношеніе къ нему сыновей выражается только въ постоянныхъ вопросахъ: да когда же ты издохнешь? Когда же перестанешь ѣсть даромъ нашъ хлѣбъ?.. Извѣ-

стенъ намъ и такой недавній фактъ: выдали дочь замужъ въ другое село. Она серьезно заболѣла. Мужъ, занятый работами, опасаясь оставлять больную безъ всякаго ухода, привезъ ее къ родителямъ, прося пріютить ее до выздоровленія. Родители сурово отвѣтили, что они сдѣлали для дочери все что могли и дальше заботиться о ней не желаютъ. Такихъ фактовъ можно встрѣтить у насъ сколько угодно.

Что касается благочестія прихожанъ, усердія ихъ въ посѣщеніи богослуженій, знанія ими истинъ вѣры, заповѣдей и молитвъ, отношенія ихъ къ чтеніямъ и бесѣдамъ,—то на эти вопросы можно дать только одинъ отвѣтъ: на утреннихъ богослуженіяхъ бываетъ вообще довольно много народа, большею частью изъ села, гдѣ находится церковь, особенно если есть порядочный церковный хоръ. Особенно бываетъ переполнена церковь въ день храмоваго праздника. Но это усердіе едва-ли можно объяснить одними благочестивыми побужденіями. У насъ есть давній обычай принимать въ каждомъ дворѣ пріѣзжающихъ въ этотъ день изъ окрестныхъ селъ родныхъ и знакомыхъ. Въ этотъ день и въ слѣдующій происходитъ гомерическое пьянство. Въ 1911 г. въ эти дни продано было водки на сумму болѣе 2800 р.! Это на 400 дворовъ прихода!

Селяне наши знаютъ болѣе употребительныя молитвы, но произносятъ ихъ обыкновенно безъ всякаго пониманія, съ искаженіями, доходящими до смѣшного. Къ тому, что читается и поется въ церкви на мало понятномъ церковно - славянскомъ языкѣ, молящіеся относятся почти безсознательно. Говѣютъ всѣ въ великій постъ исправно; но изъ бесѣдъ съ ними о говѣньи нельзя не придти къ выводу, что они смотрятъ на это какъ на обязательную повинность, соединенную съ уплатой гривенника за исповѣдь каждаго члена семьи. Объ истинахъ вѣры и заповѣдяхъ знаютъ кое-что развѣ недавно вышедшіе изъ школы, да и то безъ всякаго пониманія, такъ какъ заучивалось все это въ зубрячку. Вѣра въ заговоры, примѣты, знахарское лѣченіе у насъ еще очень сильна.

При такомъ состояніи нравовъ и умственнаго развитія, возможно-ли устраивать чтенія и собесѣдованія? Ихъ въ нашихъ селахъ и не бываетъ. Нѣкоторые священники дѣлали попытки организовать религіозныя бесѣды, но онѣ оказались неинтересными, и скоро ихъ перестали посѣщать.

Конечно, бесѣды на евангельскія темы, если онѣ ведутся живо и иллюстрируются примѣрами изъ дѣйствительности, могутъ привлекать слушателей и дѣйствовать на нихъ благотворно. Но вѣдь у насъ и Евангеліемъ нужно пользоваться осторожно. Мнѣ пришлось быть у знакомаго судебнаго слѣдователя. Ему въ это время принесли

изъ окружнаго суда бумагу и большой пакетъ. Оказалось, что въ пакетѣ заключаются «вещественныя доказательства» по дѣлу объ обвиненіи штундиста въ совратительствѣ. Вскрывъ пакетъ, слѣдователь вручилъ мнѣ толстую книгу въ прекрасномъ переплетѣ, съ надписью на корешкѣ золотыми буквами: «Новый Завѣтъ». Предполагая, что это какое-нибудь апокрифическое изданіе, я раскрылъ заглавную страницу. На ней значилось, что книга напечатана въ синодальной типографіи.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на слѣдователя.

«Просмотрите на выдержку нѣсколько страницъ, и вы увидите, въ чемъ дѣло», сказалъ онъ, улыбаясь.

Я довольно долго перелистывалъ Евангеліе. На поляхъ тѣхъ страницъ, гдѣ изложены самыя возвышенныя христіанскія истины о любви къ ближнему, о безкорыстномъ служеніи ему и т. п., мелкимъ бисеромъ тщательно написаны замѣтки читавшаго: «вотъ какъ слѣдуетъ поступать истинному христіанину» и т. п. и скорбные возгласы о несоотвѣтствіи существующихъ житейскихъ отношеній высокому ученію Христа. Никакихъ приписокъ иного содержанія въ книгѣ не было. Очевидно, у насъ опасаются, что при внимательномъ изученіи Евангелія могутъ возникать превратныя мысли на счетъ внутренней политики и соціальныхъ отношеній.

Закрывъ книгу, я невольно подумалъ: что если-бы Христосъ проповѣдывалъ свое ученіе въ наше время въ Россіи?...

Остается еще сказать нѣсколько словъ о пастыряхъ. Слова эти далеко не новы, но о нихъ необходимо напоминать тѣмъ, кому «вѣдать надлежитъ», особенно теперь, когда такъ много говорятъ о созывѣ собора и о возстановленіи патріаршества, а въ Государственной Думѣ возбуждается вопросъ о реформѣ прихода.

Извѣстно, что уже десятки лѣтъ огромное большинство оканчивающихъ духовныя семинаріи стремится въ высшія учебныя заведенія или въ какую-бы то ни было гражданскую службу, лишь-бы избавиться отъ поступленія въ священники. Полнѣйшее безправіе нашихъ пастырей, безусловная зависимость ихъ отъ дискреціоннаго и совершенно безконтрольнаго произвола архіереевъ, необходимость протягивать руку за подачками прихожанъ, торгуясь съ ними за требы, привлеченіе священниковъ къ сотрудничеству по охраннымъ дѣламъ—все это условія непривлекательныя для того, кто не потерялъ чувства собственнаго достоинства. Къ этому нужно прибавить, что и матеріальное положеніе священниковъ во многихъ сельскихъ приходахъ далеко не обезпечено, особенно когда приходится нести усиленные расходы на воспитаніе дѣтей.

Недавно еще въ нашей губерніи въ иные годы оставалисч

незамѣщенными до сотни священническихъ вакансій. Одинъ священникъ завѣдывалъ иногда двумя-тремя приходами, совершая безпрестанные разъѣзды, во всякую погоду, во всякое время дня и ночи, часто на разстояніи болѣе десятка верстъ, для выполненія необходимыхъ требъ. Можно представить себѣ, какъ выполнялись эти пастырскія обязанности.

Въ послѣднее время высшее духовное начальство придумало выходъ изъ этого положенія. Оно устраиваетъ краткіе курсы, съ программой самыхъ необходимыхъ свѣдѣній объ отправленіи богослуженія и таинствъ. На эти курсы принимаются дьяконы и псаломщики, съ весьма скудной грамотностью и крайне низкимъ уровнемъ умственнаго развитія. Курсисты въ короткое время выучиваютъ положенное по программѣ—и сельскіе пастыри готовы, а епархіальное начальство успокоено: вакантные приходы замѣщены. Въ близко извѣстномъ намъ благочинническомъ округѣ такихъ священниковъ большинство. Между ними есть настолько малограмотные, что не могутъ написать самой несложной дѣловой бумаги въ нѣсколько строкъ.

Приходы въ нашей губерніи замѣщаются не только такими курсистами. Настоятелями церквей охотно принимаются священники, перемѣщающіеся изъ другихъ губерній. Губернія наша не славится молочными рѣками и кисельными берегами, и стремиться сюда изъ насиженнаго мѣста нѣтъ особыхъ основаній. Значитъ, есть какія-то личныя причины, вынуждающія священника уходить въ чуждую ему обстановку, гдѣ онъ даже съ трудомъ понимаетъ языкъ мѣстнаго населенія. Но объ этомъ не спрашиваютъ: была бы только выполнена форма.

Вообще, наше епархіальное начальство не очень заботится о нравственномъ уровнѣ своего духовнаго воинства. Намъ извѣстенъ такой случай: въ одномъ селѣ К... уѣзда священникъ совсѣмъ спился и дошелъ до послѣдней степени паденія. Застать его трезвымъ прихожане почти никогда не могли и брали его на требы, если онъ сколько-нибудь сохранялъ сознаніе и держался на ногахъ. А бывало и такъ, что этого несчастнаго, вышедшаго изъ дома для выполненія требы, находили храпѣвшимъ среди улицы. На этого священника неоднократно посылались жалобы, но онѣ оставляемы были безъ вниманія. Наконецъ, прихожане обратились съ просьбой къ сосѣднему землевладѣльцу похлопотать лично объ избавленіи ихъ отъ такого пастыря. Имъ отвѣтили такъ: мнѣ извѣстны слабости вашего священника, но перемѣстить его неудобно. Вѣдь если я возьму въ вашъ приходъ хорошаго священника, а на его мѣсто переведу вашего, за что же я накажу тѣхъ прихожанъ?—Значитъ, въ такихъ

случаяхъ полагается только перемѣщеніе, а о томъ, чтобы совсѣмъ убрать никуда не годнаго человѣка, не можетъ быть и рѣчи.

При такомъ состояніи паствы и большинства пастырей, развѣ можно серьезно говорить о преуспѣяніи благочестія и нравственности, о развитіи въ селахъ чтеній и собесѣдованій и о благотворномъ вліяніи ихъ на населеніе?

Могли бы сдѣлать не мало полезнаго въ селѣ церковныя попечительства. На эти безсословныя учрежденія, кромѣ заботъ о церкви и причтѣ, возлагаются по уставу и функціи благотворительнаго и просвѣтительнаго характера. Выполненіе такихъ функцій, помимо достиженія непосредственныхъ цѣлей, могло бы имѣть для селъ воспитательное значеніе. Но изъ собранныхъ свѣдѣній о существующихъ въ губерніи попечительствахъ, предсѣдателями которыхъ состоятъ по большей части священники, я убѣдился, что члены попечительствъ почти никогда не собираются, объ уставѣ, правахъ и кругѣ дѣятельности этихъ учрежденій не имѣютъ никакого понятія; средства попечительствъ употребляются на нужды причта, а объ иномъ назначеніи этихъ средствъ нѣтъ и рѣчи. Епархіальнымъ властямъ слѣдовало бы подумать о томъ, какъ поднялось бы въ глазахъ населенія значеніе церкви и уваженіе къ ней, еслибы представители ея заботились объ устройствѣ больницъ, пріютовъ, богадѣленъ и помогали школамъ. Такія заботы были бы гораздо благотворнѣе муссированія часто мертворожденныхъ школъ духовнаго вѣдомства.

Объ образованіи въ приходахъ братствъ только недавно послѣдовало у насъ распоряженіе. Они почти нигдѣ не открываются, а если, при усиленныхъ стараніяхъ священника, кое-гдѣ формально и возникли, то это только форма безъ всякаго содержанія. Заботы объ учрежденіи братствъ священники объясняютъ тѣмъ, что издаваемый въ губерніи духовный журналъ, почти исключительно выписываемый по приказу церквами и монастырями, далъ крупный дефицитъ. И вотъ, учреждены на бумагѣ братства, куда принудительно и посылается болѣе тысячи экземпляровъ журнала для покрытія дефицита. На эти фиктивныя братства возлагается и забота объ образованіи обществъ трезвости. Такихъ обществъ въ нашей губерніи почти нѣтъ. Да и трудно имъ было бы бороться противъ колоссальнаго распространенія пьянства. Вѣдь въ Черниговской губ. въ 1911 г. выпито водки на сумму около 10 мил. руб.! Для ослабленія этого ужаснаго зла нуженъ рядъ радикальныхъ мѣръ, нужно полное обновленіе сельской жизни. Можно, конечно, кое-что сдѣлать энергичнымъ нравственнымъ воздѣйствіемъ, но такой энергіи едва ли можно ожидать отъ сельскихъ священниковъ

изъ которыхъ иные далеко не являются для прихожанъ примѣрами трезвости и воздержанія.

Все изложенное охотно подтвердили-бы своими подписями болѣе развитые сельскіе священники. Но, при настоящемъ ихъ безправіи, они, конечно, не могутъ этого сдѣлать. А если-бы такимъ священникамъ предоставлена была полная свобода высказаться о томъ, что нужно предпринять для дѣйствительнаго поднятія вѣры и нравственности въ селахъ, они несомнѣнно указали-бы такія мѣры:

Широкое распространеніе начальныхъ училищъ, съ болѣе продолжительнымъ курсомъ и болѣе полною программой.

Свободное пользованіе библіотеками, чтеніями и другими просвѣтительными средствами для укрѣпленія пріобрѣтенныхъ въ школѣ знаній и для дальнѣйшаго развитія окончившихъ школу, съ освобожденіемъ отъ всякихъ запретовъ и стѣсненій.

Сельское безсословное управленіе, свободное отъ административнаго вмѣшательства и гнета.

Открытіе при университетахъ богословскихъ факультетовъ и замѣщеніе священническихъ должностей только лицами съ высшимъ образованіемъ.

Предоставленіе священникамъ самостоятельнаго положенія, обезпеченнаго отъ архіерейскаго произвола, съ подчиненіемъ всѣхъ правонарушеній, совершаемыхъ священниками, общимъ судебнымъ установленіямъ.

Назначеніе священникамъ достаточнаго жалованья и полное упраздненіе всякихъ подачекъ прихожанъ церковному причту, денежныхъ и натуральныхъ.

Безъ осуществленія этихъ основныхъ положеній, поднятія вѣры и нравственности въ селахъ и удержанія прихожанъ «на лонѣ церкви» ожидать нельзя.

Но, къ сожалѣнію, пожеланія лучшихъ священниковъ выслушаны не будутъ. Въ составѣ собора они, вѣроятно, будутъ отсутствовать. А отъ собора, образованнаго изъ высшаго монашествующаго духовенства, никакихъ радикальныхъ перемѣнъ въ положеніи церкви и священниковъ ожидать нельзя. Наши іерархи новшествъ не любятъ и заботятся только о томъ, чтобы все оставалось попрежнему.

А если настоящее положеніе будетъ продолжаться, сектантство будетъ несомнѣнно расти.

X.

СОВРЕМЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ СОЦІОЛОГИ.

Мнѣ на дняхъ пришлось беседовать съ однимъ изъ представителей «отвлеченной науки объ обществѣ» по вопросу о новыхъ теченіяхъ въ области соціологіи, и мы оба пришли къ заключенію, что въ текущемъ столѣтіи нельзя отмѣтить, покрайней мѣрѣ во французской литературѣ, ничего поистинѣ новаго. Послѣднимъ «открывателемъ» былъ, пожалуй, Тардъ, съ его ученіемъ о «междуумственномъ взаимодѣйствіи» и о тѣхъ потокахъ подражанія, какіе вызываетъ всякое новшество въ соціальной средѣ.

Строго говоря, и Тардъ только придалъ бо́льшее значеніе давно извѣстному явленію, безъ котораго, очевидно, немыслимъ былъ бы самый поступательный процессъ развитія общества или такъ называемый прогрессъ. Вѣдь образованіе, получаемое нами въ юности, сводится ни къ чему другому, какъ къ усвоенію началъ общечеловѣческой культуры. А это означаетъ массовый процессъ подражанія.

И дальнѣйшее наше развитіе связано съ усвоеніемъ возрастающаго запаса знаній, техническаго опыта и вызываемыхъ обоими измѣненій въ хозяйственномъ и политическомъ быту, а также въ сферѣ общественной идеологіи.

Конту, ставившему въ прямую зависимость отъ роста наукъ измѣненіе хозяйственныхъ, общественныхъ и политическихъ устоевъ, не могла, очевидно, оставаться неизвѣстной міровая роль подражанія. Тардъ только развилъ его мысль, пытаясь установить, не всегда удачно, тѣ законы, которые управляютъ самымъ процессомъ подражанія.

Если такимъ образомъ въ построеніи новыхъ доктринъ протекшія 15—20 лѣтъ не оставили замѣтнаго слѣда, то слѣдуетъ ли изъ этого, что насталъ періодъ упадка соціологической мысли, что подорвана вѣра въ возможность, при быстро накопляющихся конкретныхъ знаніяхъ, установить сколько-нибудь прочныя и охватывающія всю ихъ массу обобщенія или такъ называемые эмпирическіе законы? Я лично далекъ отъ такой мысли. Четверть вѣка прошла не даромъ. Голыя формулы, висящія въ воздухѣ гипотезы, нерѣдко полученныя чисто дедуктивно, подвергнуты были провѣркѣ на обширномъ матеріалѣ этнографическихъ и историческихъ данныхъ, послѣ чего однѣ разсѣялись, какъ миражъ, другія

пустили корни въ почву и явилась возможность строить на добытыхъ обобщеніяхъ все новыя и новыя гипотезы. Найдутся, разумѣется, «стародумы», которые при всякомъ пользованіи соціологомъ выводами конкретныхъ наукъ объ обществѣ будутъ повторять обычную фразу: «это не соціологія, это антропологія, этнографія, исторія, психологія» и т. д., и т. д. Они не только найдутся, но и нашлись на страницахъ нашихъ толстыхъ журналовъ (подчеркиваю «нашихъ», но не иностранныхъ). Леви-Брюли и Дюркгеймы такими разоблаченіями не стѣсняются и строятъ генетическую соціологію на положительномъ фундаментѣ строго провѣренныхъ наблюденій этнографовъ и фольклористовъ. Въ результатѣ получаются выводы, очевидно не лишенные соціологическаго интереса, что религія въ такой же степени, какъ и языкъ, является продуктомъ коллективнаго творчества, отражаетъ на себѣ коллективную психологію массъ, и та же коллективная психологія выступаетъ въ общественномъ укладѣ и въ той системѣ дозволенныхъ и запрещенныхъ дѣйствій, въ которой надо искать зародышей столько же морали, сколько и права. Сказать, что такіе выводы совершенно новы, было бы опять таки преувеличеніемъ. Вѣдь Тэйлоръ не выдавалъ своего ученія о первобытномъ анимизмѣ, какъ результатъ индивидуальнаго открытія того или иного первобытнаго генія. И то же въ равной степени можно сказать и о тѣхъ болѣе раннихъ сравнительныхъ миѳологахъ, которые предпосылали анимизму фетишизмъ или культъ растеній и животныхъ. Кто позволитъ себѣ утверждать также, что Лафито, впервые заговорившій о материнствѣ у краснокожихъ, считалъ его продуктомъ индивидуальнаго изобрѣтенія, или что тѣ запреты, которые связаны съ понятіемъ экзогаміи или съ системой «табу», кѣмъ-либо объявляемы были новшествомъ, введеннымъ какимъ-либо опредѣленнымъ лицомъ.

Вся перемѣна, пережитая этими основными построеніями соціологіи, состоитъ въ томъ, что изъ области весьма вѣроятныхъ гипотезъ они перешли на степень основныхъ началъ, строго провѣренныхъ на громадномъ фактическомъ матеріалѣ, приведенныхъ въ соотвѣтствіе съ другими, не менѣе основными положеніями, нерѣдко почерпаемыми изъ данныхъ психологіи животныхъ и психологіи дѣтей, т. е. стали тѣми индуктивно-дедуктивными построеніями, съ которыми необходимо связано понятіе о законахъ или о «постоянныхъ отношеніяхъ, возникающихъ изъ самой природы вещей».

Положительное пріобрѣтеніе для соціологической мысли заключаютъ въ себѣ, поэтому, такіе труды, какъ «Элементарныя формы религіозной жизни» Дюркгейма, «Умственныя функціи на низшихъ ступеняхъ общественности», «Мораль и наука о нравахъ» Леви-Брюля.

Но этого мало: такое же значеніе должно быть признано и за работами Сенара, а за нимъ Бугле о кастахъ, и цѣлаго ряда другихъ ревнителей соціологіи во Франціи о сословіяхъ и классахъ; не лишены того же значенія и пренія, происходившія въ «Соціологическомъ обществѣ» въ Парижѣ и на международныхъ конгрессахъ «Института соціологіи» въ Женевѣ и въ Римѣ, о природѣ столкновеній между обществами, объ общественной солидарности и о прогрессѣ. Эта коллективная работа болѣе намѣчала возможныя рѣшенія поставленныхъ вопросовъ, чѣмъ устанавливала сразу окончательные и безспорные выводы. Параллельно съ нею шли болѣе систематическія изслѣдованія, производимыя отдѣльными соціологами, къ числу которыхъ я считаю возможнымъ отнести и бельгійца Де-Грэфа, и недавно скончавшагося французскаго философа Фулье, и основателя «Международнаго Института Соціологіи» Рене Вормса.

Недавняя кончина Фулье вызвала первыя попытки изложить въ систематическомъ видѣ его философскія и соціологическія воззрѣнія. Одна изъ нихъ принадлежитъ перу сына, того молодого и тѣмъ не менѣе уже знаменитаго философа, который самъ былъ духовнымъ сыномъ Фулье, превзошелъ его извѣстностью и умеръ въ самый разгаръ своей славы. Я разумѣю автора переведенной и на русскій языкъ книги «Иррелигіозность будущаго». Въ тѣсномъ общеніи съ нимъ протекла добрая половина жизни покойнаго Фулье. Онъ явился также издателемъ посмертныхъ сочиненій Гюйо, отстаивалъ пріоритетъ нѣкоторыхъ его взглядовъ по отношенію къ Ницше и занялся философскимъ образованіемъ оставленнаго имъ сына.

Только что появившаяся въ «Бібліотекѣ современной философіи», издаваемой Алканомъ, книга благодарнаго ученика заключаетъ въ себѣ и первый по времени біографическій очеркъ Фулье, написанный его вдовою и сжатую передачу того, что авторъ называетъ его философіей и соціологіей. Читая это сочиненіе, проникаешься убѣжденіемъ, что Фулье далеко не былъ тѣмъ эклектикомъ, какимъ привыкли считать его у насъ, что ученіе объ «идеяхъ-силахъ» выражено имъ давно, еще въ первыхъ его трудахъ, что имъ проникнута вся его коллективная психологія, въ частности—психологія расъ, и вся его соціологія.

Многихъ изъ русскихъ читателей быть можетъ поразитъ самое упоминаніе объ особой соціологіи Фулье. Я самъ въ моей книгѣ «О современныхъ соціологахъ» не счелъ нужнымъ посвятить ей особой главы. Мнѣ остается теперь только покаяться въ столь существенномъ упущеніи.

Фулье внесъ несомнѣнно значительную оригинальность въ старое ученіе объ общественномъ договорѣ, стараясь примирить его

съ болѣе современнымъ и повидимому его исключающимъ ученіемъ объ общественномъ организмѣ. Попытка примиренія сдѣлана Фулье съ помощью той самой теоріи «идей-силъ», которая служила ему путеводной нитью и въ теоріи познанія, и въ области морали, и въ области педагогики.

Въ довольно сжатой главѣ, такъ и озаглавленной: «Соціологія идей-силъ», Огюстенъ Гюйо отмѣчаетъ, что еще въ 1880 г., въ сочиненіи, озаглавленномъ «Современная общественная наука», Фулье явился до нѣкоторой степени предшественникомъ и Тарда, и Дюркгейма, т. е. и доктрины о «между-умственныхъ процессахъ», лежащихъ въ основѣ соціальныхъ явленій, и ученія объ обществѣ, какъ объ объективномъ явленіи, отвѣчающемъ совокупности коллективныхъ идей или представленій. Согласно Фулье, соціологія ставитъ своей задачей изученіе природы, происхожденія и развитія общества, подъ вліяніемъ причинъ физическихъ, біологическихъ, психологическихъ и, въ особенности, соціальныхъ.

Дѣйствіемъ ихъ объясняется и самая организація общества, и его дальнѣйшее развитіе. Въ числѣ этихъ причинъ Фулье выдвигаетъ одну: то представленіе, какое человѣческія общества имѣютъ о своемъ собственномъ устройствѣ и о дальнѣйшей эволюціи. Соціальный фактъ, по мнѣнію Фулье, на лицо только тогда, когда имѣется и воздѣйствіе одного сознанія на другое, и воздѣйствіе совокупности сознаній на одно. Въ конечномъ исходѣ основной чертой соціальнаго порядка является возможность его измѣненія вмѣстѣ съ развивающимся сознаніемъ. Соціальный порядокъ—это продуктъ коллективнаго самоопредѣленія, зарождающагося подъ вліяніемъ «идеи-силы» я «чувства-силы». Каждое общество находится постоянно въ состоиніи самотворчества, въ видоизмѣненіи существующаго подъ вліяніемъ идей и идеаловъ. Авторъ отмѣчаетъ четыре оригинальныхъ ученія въ соціологической теоріи Фулье: одно изъ нихъ составляетъ идея договорнаго организма. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что самое понятіе внутренне-противорѣчиво. Но оно во всякомъ случаѣ передаетъ оттѣнки мысли Фулье также точно, какъ идея надъ-организма, пущенная въ ходъ Г. Спенсеромъ.

Въ печатаемомъ Гюйо неизданномъ отрывкѣ частнаго письма Фулье мы читаемъ: «общество—несомнѣнно нѣчто живущее (vivant), изъ чего не слѣдуетъ, однако, чтобы оно было животнымъ или растеніемъ».

Жизнь предполагаетъ волю, направленную на самосохраненіе и дальнѣйшее развитіе; эта воля оживляетъ органы и осуществляется посредствомъ функцій. Функціи являются взаимнымъ приспособленіемъ органовъ между собою и ихъ пріуроченіемъ къ внѣшней

средѣ. Всѣ эти характерные признаки жизни мы находимъ во всякомъ организованномъ обществѣ. Въ немъ на лицо общее желаніе жизни, совмѣстное направленіе отчасти безсознательныхъ тенденцій къ сохраненію и прогрессу всей совокупности. Есть взаимныя приспособленія индивидовъ другъ къ другу и всѣхъ къ общему цѣлому. Есть приспособленія этого общаго къ внѣшней средѣ; имѣются органы и функціи. Общество живетъ, поэтому и образуетъ организмъ—но организмъ особаго рода. Оно реагируетъ не только на внѣшнія воздѣйствія. Оно имѣетъ также внутреннюю жизнь, которая состоитъ въ томъ, что-бы создавать идеалы и осуществлять ихъ въ дѣйствительности.

Въ «Соціологическихъ элементахъ морали», изданныхъ въ 1905-мъ году, какъ и четвертью вѣка раньше, въ томикѣ, посвященномъ «Современной общественной наукѣ», Фулье высказывается въ томъ смыслѣ, что общество обязано своимъ существованіемъ не только совокупности коллективныхъ необходимостей, но и индивидуальнымъ согласіямъ на признаніе этихъ необходимостей, согласіямъ болѣе или менѣе предполагаемымъ, а не открыто выраженнымъ. Въ представленіи Фулье общество является не столько законченнымъ организмомъ, сколько организаціей, постоянно переживающей новый творческій процессъ. Соціологу—говоритъ онъ,—приходится имѣть дѣло не столько съ законченнымъ и неизмѣннымъ бытіемъ, сколько съ постояннымъ становленіемъ. Поэтому, въ глазахъ Фулье, общество является организмомъ «осмысленнымъ и волевымъ».

Къ этой доктринѣ примыкаетъ и второе ученіе Фулье объ обществѣ, построенномъ на договорномъ началѣ. Между людьми, принадлежащими къ одному и тому же обществу, существуетъ реальный договоръ, хотя и не открыто выраженный. Такое ученіе, издали напоминающее извѣстную договорную теорію Руссо, привлекло къ себѣ общественныя симпатіи тѣми выводами, какіе дѣлалъ изъ него самъ авторъ. Онъ полагалъ, что у членовъ общества и ихъ совокупностей имѣются обязательства не только другъ къ другу, но и къ предшествующимъ поколѣніямъ, наслѣдіе которыхъ они приняли. А отсюда слѣдуетъ, что общество-государство не въ правѣ отказать въ содержаніи ни тѣмъ, кто лишенъ возможности зарабатывать жизнь трудомъ, ни оставленнымъ безъ призрѣнія дѣтямъ. Эта идея долга, падающаго на нарождающіяся поколѣнія по отношенію къ предшествующимъ имъ во времени—долга, направленнаго къ возстановленію справедливости,—составляетъ третью оригинальную черту въ доктринѣ Фулье. Она построена была на томъ началѣ гражданскаго права, по которому на дарителя, какъ и на всякаго вступающаго въ мѣновую сдѣлку, вмѣстѣ съ выгодами переходятъ и обязательства (charges).

Такія обязательства тяготѣютъ не на частныхъ лицахъ, а на всей совокупности членовъ общества. То, что привыкли называть братствомъ, въ дѣйствительности является не болѣе, какъ справедливостью (justice réparative).

Изъ всего сказаннаго само собой слѣдуетъ, что то ученіе объ общественной солидарности, которое за послѣднее время связываютъ съ именемъ Буржуа—автора книги, напечатанной подъ этимъ заглавіемъ—задолго до ея появленія нашло пропагандиста въ лицѣ Фулье. Ему принадлежитъ извѣстная фраза: «изобрѣтатель плуга невидимо работаетъ за одно съ пахаремъ». Но въ этомъ отношеніи Фулье кажется мнѣ только истолкователемъ мысли Конта, что міромъ управляютъ покойники.

Достаточно ли только что приведенныхъ положеній, чтобы признать за Фулье честь быть однимъ изъ основателей современной соціологіи, какъ это думаетъ его преданный ученикъ, авторъ недавно вышедшей книги? (стр. 132).

Мы склонны думать, что это было бы преувеличеніемъ. Не одинъ Фулье старается оттѣнить характеръ добровольности, якобы присущей всякому обществу, понимая подъ нимъ народъ-государство. О такомъ consensus socialis говорятъ и Де-Грэфъ, и покойный русскій соціологъ Новиковъ, котораго трудно не отнести къ числу французскихъ писателей по обществовѣдѣнію, такъ какъ книги его выходили въ Парижѣ. Въ предисловіи ко второму изданію [1]) своего двухтомнаго «Вступленія къ Соціологіи» Де-Грефъ говоритъ о себѣ, какъ о сторонникѣ «контрактуализма», пытаясь въ тоже время обособить свои взгляды отъ высказанныхъ Фулье. Что касается до Новикова, то ему принадлежитъ, какъ извѣстно, цѣлое разсужденіе о сознаніи и волѣ общественной.

У Конта, несомнѣнно, надо искать зародышъ того воззрѣнія, что общество является не столько законченнымъ организмомъ, сколько прогрессирующей организаціей, на которой отражаются ростъ знаній и соотвѣтствующія перемѣны техники и хозяйственнаго строя. Такимъ образомъ, на примѣрѣ Фулье оправдывается общая мысль, выраженная мною въ началѣ статьи—мысль о томъ, что современные соціологи Франціи только углубляютъ положенія своихъ предшественниковъ, подкрѣпляя ихъ въ то же время новыми фактами и соображеніями.

Еще въ большей степени, чѣмъ къ Фулье, сказанное примѣнимо къ Ренэ Вормсу, иниціатору «Международнаго Института Соціологіи» и «Парижскаго Соціологическаго общества».

---

[1]) Изд. 1910 г. т. I, стр. CIXIX; т. II, стр. 440 и слѣд.

Вторымъ изданіемъ выходитъ въ нынѣшнемъ году его «Философія соціальныхъ наукъ». Авторъ предпочелъ это названіе термину «соціологія», хотя и не прочь признать, что философія соціальныхъ наукъ и соціологія—понятія взаимно покрывающія другъ друга. По его опредѣленію, которое я вполнѣ раздѣляю, соціологія является синтезомъ результатовъ, полученныхъ конкретными общественными науками. Она показываетъ постоянную связъ феноменовъ экономическихъ, генезическихъ, эстетическихъ, интеллектуальныхъ, нравственныхъ, юридическихъ и политическихъ. Принимая эту классификацію соціальныхъ явленій, Вормсъ, по собственному признанію, слѣдуетъ за де-Грефомъ, предложившимъ ее въ своемъ уже упомянутомъ нами «Вступленіи въ соціологію» и пользующимся ею и въ своихъ «Соціологическихъ законахъ» и въ «Соціальномъ Трансформизмѣ», наконецъ, и въ тѣхъ трехъ томахъ, которые озаглавлены «Структура обществъ», и являются частичнымъ осуществленіемъ давно поставленной имъ темы общей соціологіи.

Мнѣ кажется, полезно будетъ при дальнѣйшемъ изложеніи взглядовъ Вормса сопоставлять сказанное имъ съ тѣмъ, что ранѣе или одновременно развито де-Грефомъ. Это не значитъ, чтобы между обоими авторами существовало тѣсное умственное родство. Вормсъ рѣшительно отдѣляетъ соціологію, какъ науку, отъ соціальнаго искусства или общественнаго реформаторства. Вспоминая о томъ, что Энрико Ферри однажды заявилъ: «соціологія будетъ соціалистической или ея не будетъ вовсе», онъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія пишетъ, что истина лежитъ въ обратномъ, т. е., что только подъ условіемъ строгаго обособленія соціальнаго искусства возможно поступательное развитіе обществовѣдѣнія. Де-Грефъ далеко не такъ утвердителенъ. Въ одномъ мѣстѣ своего вступленія онъ даже не прочь допустить, что общественная наука прониклась ученіями соціалистовъ, и эти послѣднія въ свою очередь близко подходятъ къ соціологическимъ рѣшеніямъ, такъ что нѣтъ возможности при установленіи общихъ положеній новой науки совершенно игнорировать подготовительную работу соціальныхъ реформаторовъ. Тѣмъ не менѣе въ самомъ содержаніи его книги вліяніе Сенъ-Симона и сенъ-симонистовъ, какъ и взгляды Прудона, принимаются въ расчетъ лишь настолько, насколько въ первыхъ можно видѣть зародышъ послѣднихъ по времени построеній Конта, а во вторыхъ—критику доктрины соціальной гармоніи и всей вообще Манчестерской школы. Ни Вормсъ, ни де-Грефъ не выдаютъ себя за автодидактовъ; они почтительно относятся къ своимъ предшественникамъ, при чемъ первый считаетъ ими всѣхъ вообще основателей

и работниковъ въ конкретныхъ наукахъ объ обществѣ, а второй—главнымъ образомъ Кетлэ, Конта и Спенсера.

Излагая общія имъ съ другими мысли, они каждый разъ указываютъ на то, что̀ новаго вносится ими самими въ общую съ ихъ предшественниками доктрину. Вормсъ дѣлаетъ это попутно; Де-Грефъ облегчаетъ задачу читателя во вступительномъ очеркѣ, написанномъ въ 1910 г., гдѣ въ 18-ти положеніяхъ передаются основныя черты той доктрины, съ которой онъ выступилъ, четверть вѣка тому назадъ, въ первомъ изданіи своего «Введенія въ соціологію». Не все, конечно, въ этихъ 18-ти пунктахъ носитъ печать оригинальности, напр., хотя бы извѣстное положеніе, что психологія должна быть вставлена въ классификацію наукъ Конта, и что мѣсто ей между біологіей и соціологіей. Вѣдь то же самое сказано было раньше и Спенсеромъ. Но вотъ, напр., мысли новыя въ то время, когда онѣ были впервые высказаны, да и то не вполнѣ, такъ какъ сходство ихъ съ тѣми, какія развивалъ Фулье, бросается въ глаза каждому.

Необходимость созданія соціологіи, какъ особой науки, вытекаетъ изъ того, что различія между обществами и организмами—не только количественныя, но и качественныя. Контрактуализмъ или способность къ самоорганизаціи встрѣчается въ однихъ только обществахъ. Мы видѣли, что близкое къ сказанному развивалъ и Фулье. Болѣе своеобразно то положеніе, что всякій общественный феноменъ есть результатъ комбинаціи населенія и физической среды. Всякій феноменъ становится соціальнымъ, если онъ одновременно не только органическій и психическій, но и физическій. Театръ и актеръ сливаются въ немъ воедино.

Признавая іерархію наукъ Конта де-Грефъ продолжаетъ ее, примѣняя къ различнымъ порядкамъ соціальныхъ явленій. Экономическій феноменъ онъ ставитъ въ основу всѣхъ другихъ, самый же этотъ феноменъ порождается соотношеніемъ территоріи и населенія.

Остановимся на этихъ послѣднихъ мысляхъ; покажемъ, что скрывается за ними и спросимъ себя, въ какой мѣрѣ онѣ раздѣляются и Вормсомъ?

Я не былъ еще знакомъ съ построеніями того и другого писателя, когда въ качествѣ гипотезы высказалъ то положеніе, что біосоціальный факторъ густоты населенія является первичнымъ по отношенію къ экономическому, который, въ свою очередь, обусловливаетъ собою политическую надстройку. Эта мысль въ первой ея половинѣ встрѣчена была сочувственно Костомъ въ его «Объективной соціологіи». Авторъ,—я это ясно вижу теперь,—даже излишне подчеркивалъ оригинальность моей мысли, которая, какъ читатель можетъ убѣдиться изъ сдѣланной у де-Грефа выдержки, довольно

близка къ утвержденію, что экономическое явленіе вызывается комбинаціей территоріи и населенія. Вормсъ рѣшительно стоитъ на точкѣ зрѣнія Коста, когда въ 3-й части своей «Философіи Общественныхъ Наукъ», говоря о населеніи, какъ объ одномъ изъ соціальныхъ элементовъ, указываетъ на зависимость экономическихъ явленій отъ густоты и концентраціи населенія. Приливъ или отливъ его изъ селъ въ города, или наоборотъ, имѣетъ важныя не только экономическія, но и нравственныя послѣдствія: является возможность говорить о «densité morale», т. е. о нравственной густотѣ.

И въ этомъ отношеніи между соціологами Франціи или, точнѣе, соціологами, пишущими по французски, установилось за послѣднее время полное соглашеніе. Въ «Раздѣленіи Общественнаго труда» Дюркгеймъ въ сущности говоритъ то же самое, указывая на вліяніе, какое ростъ населенія оказываетъ даже на постановку вопросовъ о рентѣ, о срочномъ пожизненномъ или наслѣдственномъ съемѣ земель у собственниковъ, о возникновеніи такимъ образомъ арендныхъ соглашеній, о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ или открѣпленіи ихъ отъ нея, о возникновеніи различій между условіями городской и сельской жизни, что въ свою очередь вліяетъ на нравы и представленія людей. Въ этомъ отношеніи соціологи нашли готовыя обобщенія у экономистовъ, которые, начиная съ Тюрго и Адама Смита, переходя къ Мальтусу и Рикардо и оканчивая Лоріа и историками хозяйственнаго быта селъ и городовъ, какъ нельзя лучше выяснили взаимоотношеніе, существующее между возрастающей или убывающей густотой населенія и цѣлымъ рядомъ экономическихъ явленій, въ свою очередь находящихъ отраженіе и въ политическомъ укладѣ, и въ гражданскомъ правѣ, и въ нравахъ, и въ этическихъ представленіяхъ людей. И въ этомъ вопросѣ подтверждается ранѣе высказанная нами мысль, что соціологія строитъ свои положенія, пользуясь выводами конкретныхъ наукъ объ обществѣ. А если такъ, то какой смыслъ и значеніе имѣютъ заявленія тѣхъ или другихъ ея критиковъ, что она, молъ, беретъ свой матеріалъ и свои выводы на прокатъ то у антропологовъ и этнографовъ, то у историковъ и экономистовъ? Она иначе и поступать не можетъ, если только не считать ее—что было бы неправильно—также своего рода конкретной дисциплиной, изучающей одинъ вопросъ о природѣ и формахъ общенія, какъ это дѣлаетъ Зиммель [1]). Вормсъ принимаетъ установленную де-Гре-

[1]) По вопросу о вліяніи густоты населенія, т. е. того біосоціальнаго фактора, который въ моихъ глазахъ является первичнымъ, Зиммель и въ Американскомъ журналѣ «Соціологія» отъ іюля 1902 г., и въ своей Soziologie говоритъ приблизительно то же, что и Дюркгеймъ. Общественная структура соціальной группы существенно зависитъ отъ числа индивидовъ,

фомъ іерархію соціальныхъ явленій, съ оговоркой, значительно ослабляющей ея смыслъ. Онъ не рѣшается утверждать, что они слѣдовали въ извѣстномъ историческомъ преемствѣ, а не зародились одновременно. Это замѣчаніе подкашиваетъ въ корнѣ ученіе, напр., о политической надстройкѣ надъ экономическимъ фундаментомъ, на которомъ покоится, какъ извѣстно, теорія историческаго матеріализма. Но авторъ «Философіи общественныхъ наукъ» не пускается на этотъ счетъ въ желательныя подробности и не преломляетъ, такъ сказать, копья съ послѣдователями Марксова ученія. Не будемъ и мы останавливаться на этой сторонѣ столь распространенной въ наши дни соціологической доктрины, тѣмъ болѣе, что мы имѣли случай довольно обстоятельно заняться ею въ отдѣльной главѣ нашихъ «Современныхъ соціологовъ». Единственная оригинальная черта внесена въ этотъ старый споръ не Вормсомъ, который въ этомъ отношеніи является только послѣдователемъ чужихъ мнѣній, а де-Грефомъ. Въ спеціальномъ сочиненіи, посвященномъ экономической эволюціи, Де-Грефъ указываетъ на то, что формула Маркса: порядокъ производства опредѣляетъ собою общественную политическую и умственную жизнь,—можетъ быть замѣнена другою, по которой во всѣхъ этихъ отношеніяхъ перемѣна условій обмѣна или, какъ онъ выражается, циркуляція цѣнностей, играетъ роль рѣшающаго фактора [1]). Дюркгеймъ, въ сущности, думаетъ то же, противополагая общества, построенныя на началѣ раздѣленія труда и вытекающаго отсюда обмѣна, обществамъ, въ которыхъ самое большее встрѣчается обособленіе занятій между обоими полами. Такимъ образомъ подъ различными только формулами скрывается одна и та же мысль. И Вормсъ принимаетъ ее, но скорѣе какъ доказательство тому, что въ вопросѣ о взаимодѣйствіи экономическихъ и политическихъ факторовъ далеко не сказано послѣднее слово и не установилось полнаго соглашенія даже между послѣдователями историческаго матерализма.

Другой, весьма существенный предметъ, затронутый де-Грефомъ и вносящій оргинальность въ его доктрину—это не столько построеніе имъ новаго закона, «закона ограниченія» (loi de limitation), сколько протестъ противъ мысли Конта, что человѣчество въ своемъ

въ ней объединенныхъ. Извѣстныя формы общежитія необходимы и даже возможны только подъ условіемъ извѣстнаго численнаго отношенія между населеніемъ и территоріей. Какъ на примѣръ, онъ ссылается на коммунистическія общества древности, необходимо предполагающія численно ограниченную организацію.

[1]) Dans l'ordre économique le phénomène circulatoir est lui-même à la base comme plus simple et plus général que la consommation et la production. «Introduction à la sociologie», т. I, 1911, XCVI.

цѣломъ рано или поздно составитъ ту общественную организацію которая лежитъ въ основѣ его соціологическихъ синтезовъ. Въ просторѣчіи это означаетъ ни больше, ни меньше, какъ слѣдующее: государства, какъ политическія организаціи исторически сложившихся народностей, не призваны къ исчезновенію даже въ отдаленномъ будущемъ, что не мѣшаетъ, разумѣется, возникновенію не только европейскаго, но и міроваго федерализма. Эта мысль и составляетъ ближайшую задачу перваго тома того обширнаго сочиненія, которое едва ли будетъ доведено до конца неутомимымъ бельгійскимъ соціологомъ. Я разумѣю его «Структуру обществъ» (La Structure générale des sociétés).

Въ такомъ бѣгломъ очеркѣ, каковъ настоящій, я не могу дать даже приблизительнаго понятія объ этомъ наиболѣе обстоятельномъ и оригинальномъ изъ сочиненій де-Грефа. Я могу привесть изъ него только отрывокъ, указывающій, каково заданіе автора. Всякій общественный аггрегатъ, получаемый путемъ комбинаціи населенія и территоріи, является одновременно не только комбинаціей біологической и психической, но еще чѣмъ-то болѣе сложнымъ и конкретнымъ. Въ этомъ аггрегатѣ имѣется равновѣсіе, какъ внутреннее, такъ и внѣшнее. Всякій аггрегатъ, подобно любой органической матеріи, имѣетъ форму или структуру: ни одинъ не является аморфнымъ; его равновѣсіе никогда не бываетъ устойчивымъ. Увеличеніе массы служитъ ближайшимъ и простѣйшимъ условіемъ общественной дифференціаціи. Квантитативная варіація лежитъ въ основѣ всѣхъ варіацій квалитативныхъ. Всякій соціальный аггрегатъ, какова бы ни была его масса, разъ онъ имѣетъ опредѣленную форму, необходимо ограниченъ, какъ ограничены всѣ силы природы, математическія, механическія, астрономическія, физическія, какъ ограничена и всякая организованная матерія. Ограничены также физическія и умственныя силы человѣка. Этотъ наипростѣйшій и наиболѣе общій законъ, въ силу котораго всякая матерія, какъ и всякій организмъ, имѣетъ свои границы, свою форму, структуру, примѣнимъ и къ человѣческимъ обществамъ: и они подлежатъ такъ называемому де-Грефомъ закону ограниченія. Де-Грефъ старается приложить этотъ общій законъ къ человѣческимъ обществамъ, доказывая необходимость государственныхъ границъ и обособленность классовъ. Развитію первой мысли посвященъ второй томъ, а развитію второй-третій.

Вормсъ считается съ общими положеніями ихъ автора, когда говоритъ, что общество можетъ считаться конституированнымъ, разъ на лицо имѣется политически организованная нація, отвѣчающая понятію государства. «Четыре слова,—пишетъ онъ,—употребляются иногда

безразлично, какъ бы замѣняя одно другія: народъ, нація, общество и государство. Полезно, однако, установлять между ними различія. По нашему мнѣнію они примѣняются къ одной и той же коллективной единицѣ, но разсматриваемой съ различныхъ точекъ зрѣнія. Термины народъ и нація означаютъ группу, изучаемую со стороны ея структуры; термины же общество и государство имѣютъ въ виду самое ея функціонированіе. Соціальная группа называется народомъ или націей, когда мы разсматриваемъ ее только какъ существующую; она называется обществомъ или государствомъ, когда мы разсматриваемъ ее какъ живущую. Теперь спрашивается: чѣмъ отличается народъ отъ націи, а общество отъ государства? Термины народъ и общество употребительны, разъ заходитъ рѣчь о множественности составляющихъ ихъ элементовъ или множественности феноменовъ, представляемыхъ ихъ жизнью. Термины же нація и государство являются подходящими каждый разъ, когда мы имѣемъ въ виду оттѣнить единство, къ которому сводятся составляющіе ихъ элементы и развивающіяся въ нихъ явленія. Нація— это организованный народъ; государство—это общество, дисциплинированное правительствомъ и законами. Жизнь самопроизвольно развивается въ обществѣ; она стѣснена всякаго рода обязательствами въ государствѣ. Народъ можетъ быть разсѣянной толпою; нація— внутренно объединенная масса. На низшихъ ступеняхъ исторіи, среди первобытнаго человѣчества или отсталыхъ типовъ современнаго, имѣются уже народы и общества, но неизвѣстны націи и государства». Вормсъ заканчиваетъ свои противоположенія приведеніемъ таблицы, позволяющей однимъ взглядомъ распознать эти отличительныя черты народа и націи, общества и государства [1]).

Я привелъ этотъ отрывокъ съ цѣлью показать самый способъ изложенія Вормсомъ его мыслей. Онъ отличается сжатостью, своего рода «лапидарностью» и на первый взглядъ грѣшитъ догматизмомъ, пожалуй, даже схоластикой. Но дѣло въ томъ, что на французскомъ языкѣ термины народъ, нація, общество и государство, исключаютъ собою употребленіе такихъ терминовъ, какъ народность, которая, очевидно, можетъ и не совпадать съ народомъ, какъ составленнымъ подчасъ изъ нѣсколькихъ народностей или включающимъ въ себя лишь часть опредѣленнаго народа. Съ этой точки зрѣнія классификація, предлагаемая Вормсомъ, можетъ показаться нѣсколько узкой и не обнимающей собой всего разнообразія политическихъ организацій этнографическихъ группъ. Вормсу приходится разсматривать, напримѣръ, Австрійскую Имперію, съ разнообразіемъ населяющихъ ее

[1]) Философія Обществ. наукъ, т. I, стр. 36—37.

племенъ и различіемъ въ политическихъ отношеніяхъ этихъ племенъ между собою и къ общему цѣлому, какъ явленіе исключительное, какъ нѣчто напоминающее тотъ monstrum politicum, какимъ воображенію Пуффендорфа рисовалась предшествовавшая образованію Австріи Римско-Германская Имперія. Мы задумаемся поэтому, прежде чѣмъ перенесть въ нашъ толковый словарь предлагаемую Вормсомъ классификацію. Но она во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ глазахъ ея автора не человѣчество, а организованное въ государство населеніе отвѣчаетъ понятію общества.

Для Вормса процессъ общественной эволюціи рисуется въ формѣ объединенія семей въ роды, родовъ въ племена, племенъ въ государства. Онъ не особенно останавливается на этомъ вопросѣ, но, видимо, отдаетъ предпочтеніе ходячей доктринѣ надъ тою, которая выдвинута была англійскими и за ними нѣкоторыми нѣмецкими писателями, говорящими объ обособленіи семьи изъ болѣе безразличной массы особей разныхъ половъ, обнимаемыхъ, по терминологіи столько же Спенсера, сколько и Колера, терминомъ «стадныхъ соединеній».

Характернымъ для автора «Философіи общественныхъ наукъ» является отрицаніе имъ идеи прогресса. Вормсъ—противникъ не одного лишь ученія Кондорсэ о безостановочности поступательнаго движенія человѣчества и отождествленія его съ возрастающимъ счастьемъ наибольшей части людей; онъ просто на просто отрицаетъ самую мысль объ усовершенствованіи матеріальныхъ и нравственныхъ условій человѣчества въ связи съ эволюціей обществъ. Для него, повидимому, несомнѣннымъ является одинъ ростъ знанія. Но какое отраженіе этотъ ростъ имѣетъ на то, что мы называемъ прогрессомъ—объ этомъ Вормсъ не то что не говоритъ, а не считаетъ даже возможнымъ поднять рѣчи. «Идея прогресса—пишетъ онъ—имѣетъ чисто субъективную цѣнность. Мы называемъ прогрессомъ то, что кажется намъ усовершенствованіемъ по отношенію къ предшествующимъ порядкамъ, но критерій для сужденія объ этомъ усовершенствованіи мы создаемъ сами. Мы говоримъ о томъ, что тѣ или другія существа прогрессируютъ, когда они болѣе или менѣе осуществляютъ нашъ идеалъ. А между тѣмъ нужно было бы знать какъ разъ обратное—знать, насколько они приблизились къ ихъ собственному идеалу. А это именно то, что нерѣдко всего труднѣе опредѣлить.

Наша точка зрѣнія въ этомъ отношеніи радикально противоположна точкѣ зрѣнія Вормса. За одно съ Контомъ мы полагаемъ, что безъ идеи прогресса не можетъ быть и соціологіи, самый же прогрессъ, какъ мы не разъ доказывали, сводится къ расширенію

сферы солидарности, какъ внутри политически обособившихся національныхъ группъ, такъ и между этими группами, обнимаемыми общимъ понятіемъ человѣчества.

Только что вышедшій во второмъ изданіи І-й томъ «Философіи общественныхъ наукъ» Вормса отразилъ на себѣ то вліяніе, какое оказали на автора пренія какъ въ соціологическомъ обществѣ въ Парижѣ, такъ и на конгрессахъ международнаго института соціологіи. Въ своемъ введеніи онъ говоритъ о томъ, что коллективная работа во многомъ выяснила его взгляды на спорные вопросы, раздѣляющіе соціологовъ и, въ частности, заставила нѣсколько отступить отъ слишкомъ ортодоксальнаго отношенія къ теоріи государства-общественнаго организма. Второй и третій томы во второмъ изданіи, насколько можно судить по первому, посвящены будутъ вопросу о методахъ соціальныхъ наукъ и объ основныхъ положеніяхъ, вытекающихъ изъ изученія этихъ наукъ.

Начинающимъ свои занятія ими нельзя не рекомендовать въ особенности II-ой томъ сочиненія Вормса. Онъ введетъ ихъ въ самую лабораторію изслѣдованій, посвященныхъ раскрытію отдѣльныхъ сторонъ общественнаго быта, указывая въ то же время на связь, существующую между методами общественныхъ наукъ и методами наукъ о матеріи неорганической и органической. Особенно полезной кажется мнѣ попытка Вормса свести въ систему тѣ пріемы, какими орудуетъ соціологъ и вообще ревнитель общественнаго знанія, подъ двѣ группы: пріемовъ анализа и пріемовъ синтеза. Къ числу первыхъ принадлежатъ пріемы непосредственнаго наблюденія, статистическій, монографическій, пріемъ анкеты, пріемы этнографическій, историческій и даже экспериментальный. Говоря о послѣднемъ, авторъ указываетъ на ограниченность его примѣненія; такъ какъ каждое общественное явленіе необыкновенно сложно, то о повторяемости его въ исторіи едва-ли можетъ быть рѣчь. Экспериментація ограничивается поэтому наблюденіемъ перемѣнъ, происходящихъ въ разныхъ странахъ подъ дѣйствіемъ тѣхъ или другихъ причинъ, напримѣръ, новыхъ законовъ по одному и тому же предмету. Въ концѣ концовъ важнѣйшимъ пріемомъ анализа въ соціальныхъ наукахъ все же является наблюденіе.

Переходя къ пріемамъ синтеза, авторъ посвящаетъ отдѣльныя главы разсмотрѣнію такихъ вопросовъ, какъ поискъ причинъ, отношеніе сосуществованія, отношеніе преемства. Второй томъ заканчивается четырьмя главами о классификаціи, индукціи и дедукціи въ области соціальныхъ наукъ, наконецъ объ аналогіи и гипотезѣ.

Читая этотъ томъ, въ которомъ въ сжатомъ и общедоступномъ видѣ изложены способы изученія общественныхъ вопросовъ, къ

какимъ прибѣгали и прибѣгаютъ въ наши дни этнографы, экономисты, статистики, историки и, наконецъ, соціологи, трудно не придти къ заключенію, что онъ является существеннымъ дополненіемъ къ тому образцовому использованію пріемовъ Огюста Конта при построеніи имъ соціологіи, какое мы находимъ во второй части извѣстной «Логики» Милля. Сказать это—равносильно очень высокой квалификаціи самой книги. Несомнѣнно, что въ ней нельзя искать послѣдняго слова по методологіи всѣхъ и каждой изъ конкретныхъ наукъ объ обществѣ. Она не освобождаетъ, напримѣръ, отъ чтенія такихъ монографій, какъ та, которая посвящена была недавно методамъ историческаго изслѣдованія академикомъ Лаппо-Данилевскимъ. Но насколько послѣднее сочиненіе обращено къ лицамъ, уже имѣющимъ нѣкоторую историческую подготовку, настолько книга Вормса обращается ко всѣмъ, кто обнаруживаетъ простую любознательность по вопросу, какъ добываются эмпирическія обобщенія въ области соціальныхъ знаній. Неудивительно, если книга, вышедшая частями въ 1903—1904 и 1907 г.г., уже потребовала новаго изданія въ 1913-мъ году.

Въ противоположность II-му тому, третій едва ли удовлетворитъ тѣхъ, кто, не будучи самъ посвященъ въ вопросъ о спорности общихъ положеній, выдвигаемыхъ конкретными соціальными науками, ждетъ отъ книги, посвященной ихъ синтезу, своего рода откровеній. Оказывается, что болѣе или менѣе безспорными можно считать только нѣкоторые труизмы, съ которыми давно познакомила широкую публику европейская журналистика. Но эта, такъ сказать, самоограниченность автора, избѣгающаго всякаго спора о гипотезахъ и ставящаго себѣ, повидимому, задачу ознакомить читателя не столько съ собственными взглядами, сколько съ тѣми, по отношенію къ которымъ существуетъ большее или меньшее единомысліе, имѣетъ и свои выгодныя стороны. Оно очерчиваетъ контуры той terra ferma, той незыблемой почвы, на которой приходится строить дальнѣйшія обобщенія. Да и самая банальность развиваемыхъ въ книгѣ взглядовъ на самомъ дѣлѣ является только мнимой. Она существуетъ исключительно для тѣхъ, кто привыкъ считать безспорными извѣстныя положенія, не разъ повторенныя популяризаторами современнаго общественнаго знанія. Въ доказательство нашей мысли остановимся на нѣкоторыхъ примѣрахъ. Вторая глава посвящена вопросу о расѣ. Мы столько разъ слышали за послѣднее время о расовой враждѣ, что у насъ не зарождается даже сомнѣнія въ томъ, что понятіе расъ вполнѣ выяснено и что есть возможность не только признать ихъ постоянство, но и установить опредѣленную іерархію ихъ. А между тѣмъ оказывается, что чистыхъ расъ почти не

существуетъ, что ихъ свойства мѣняются съ временемъ, что онѣ постоянно дѣлаютъ заимствованія другъ у друга и что въ ходѣ исторіи культурное руководительство не разъ переходило отъ одной расы къ другой. Іерархія расъ — пишетъ Вормсъ — не представляетъ собою ничего абсолютнаго и неизмѣннаго. Въ теченіе вѣковъ превосходства, которыми отличалась та или другая раса, подвергались измѣненію и руководящая роль переходила отъ одного народа къ другому. Черныя расы быть можетъ предшествовали бѣлымъ столько же въ долинѣ Нила, сколько и на берегахъ Инда. Желтая раса достигла значительнаго экономическаго и общественнаго развитія въ предѣлахъ Китая задолго до Европы; краснокожіе Мексики и Перу обладали довольно развитой культурой. Среди народовъ бѣлой расы умственное господство переходило отъ Египта, къ Халдеямъ, Евреямъ, Финикіянамъ, Персамъ, Грекамъ и Римлянамъ. А въ новое время рядъ націй: итальянцы, испанцы, французы, голландцы, англичане, нѣмцы, американцы, вправѣ гордиться тѣмъ, что въ извѣстныя эпохи они были главными иниціаторами въ поступательномъ ходѣ человѣчества. (т. Ш-й, стр. 42—43).

Такъ какъ авторъ ставитъ себѣ задачей не столько передачу собственныхъ взглядовъ, сколько болѣе или менѣе установившихся и всѣми признанныхъ,—то онъ скорѣе можетъ считаться консерваторомъ, нежели новаторомъ въ научной доктринѣ. Это рѣзко выступаетъ, напр., въ такихъ вопросахъ, какъ вопросъ объ индивидѣ. Ревнители такъ называемой коллективной психологіи сходятся въ развитіи того взгляда, что индивидуальность также является продуктомъ исторіи. Эта мысль красной нитью проходитъ, напримѣръ, въ сочиненіяхъ Дюркгейма, не исключая и его послѣдняго по времени трактата: «Объ элементарныхъ формахъ религіозной жизни». Въ томъ же направленіи написана появившаяся недавно въ «Американскомъ журналѣ соціологіи» статья Дюрбара, озаглавленная «Соціальный базисъ индивидуальности». Вормсъ смотритъ на вопросъ съ ранѣе установившейся точки зрѣнія или, точнѣе, онъ старается выдѣлить въ новомъ ученіи то, что кажется ему прочно установленнымъ, отъ того, что носитъ еще характеръ гипотетическій. Не слѣдуетъ ли—пишетъ онъ—объяснять самого индивида общественными необходимостями? Въ наши дни не прочь думать такъ. Въ обширныхъ современныхъ обществахъ индивидъ принадлежитъ къ значительному числу независимыхъ другъ отъ друга группъ—къ опредѣленной расѣ, полу, возрасту; онъ живетъ въ опредѣленной мѣстности, исполняетъ извѣстную профессію, состоитъ членомъ того или другого класса, примыкаетъ къ той или другой партіи, числится въ

томъ или иномъ вѣроисповѣданіи, участвуетъ въ тѣхъ или иныхъ свободныхъ ассоціаціяхъ. Такимъ образомъ съ разныхъ сторонъ воздѣйствуютъ на него несходныя вліянія; онъ становится тѣмъ или инымъ подъ вліяніемъ силъ, развившихся въ этихъ разнообразныхъ кругахъ; онъ будетъ ихъ порожденіемъ и то направленіе котораго онъ будетъ держаться въ жизни, явится комбинаціей тѣхъ разнообразныхъ импульсовъ, которые всѣ эти круги будутъ давать ему. Можно также представить себѣ всѣ эти группировки въ формѣ круговъ, имѣющихъ свои отличные размѣры и свои отдѣльные центры и пересѣкающихъ другъ друга въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Индивидъ явится въ такомъ случаѣ мѣстомъ преломленія этихъ различныхъ круговъ. Чтобы опредѣлить его положеніе въ пространствѣ, достаточно будетъ установить ихъ собственныя положенія, такъ какъ тѣмъ самымъ будутъ указаны ихъ общіе элементы. А отсюда тотъ выводъ, что можно познать индивида, опредѣливъ, къ какимъ группамъ онъ принадлежитъ. Оставимъ въ сторонѣ математическую терминологію приверженцевъ такого возрѣнія и проникнемъ въ самую суть ихъ мнѣнія. Въ нѣкоторомъ смыслѣ они правы, а въ нѣкоторомъ смыслѣ ихъ точка зрѣнія ошибочна. Справедливо, что можно было бы узнать все объ опредѣленномъ человѣкѣ, еслибы мы могли окончательно приписать его ко всѣмъ тѣмъ группамъ, къ которымъ онъ принадлежитъ; но это, какъ мы увидимъ, немыслимо. Съ другой стороны, не группа—созданіе индивида, а индивидъ — группы. Правда, группа вліяетъ на человѣка, развиваетъ его, видоизмѣняетъ и увлекаетъ; но почему человѣкъ принадлежитъ къ той или другой группѣ? Потому, что присущія ему характерныя особенности привлекли его въ ея среду. Группа возникаетъ потому, что въ ней сошлись люди, имѣющіе однѣ и тѣ же отличительныя особенности. Вормсъ указываетъ, что въ число неразрѣшимыхъ вопросовъ, по крайней мѣрѣ при современномъ состояніи знанія, надо включить вопросъ о происхожденіи индивидуальности. Онъ связываетъ его съ другимъ, еще болѣе широкимъ—съ вопросомъ о томъ, чѣмъ обусловливается различіе организмовъ всѣхъ вообще живыхъ существъ, и далѣе, отчего всякая матерія, какъ неорганическая, такъ и органическая, принимаетъ опредѣленныя и различныя формы? Этимъ вопросомъ занимались еще Платонъ и его учитель Сократъ, надъ нимъ останавливались схоластики, искавшіе опредѣлить principium individuationis, надъ нимъ работали двадцать вѣковъ ученые мыслители,—и онъ все же покрытъ мракомъ неизвѣстности.

Спорнымъ, крайне труднымъ, но не устраняющимъ возможности разрѣшенія является и другой вопросъ, тѣсно связанный съ

предыдущимъ,—вопросъ о природѣ и условіяхъ появленія великихъ людей, тѣхъ, кого мы въ просторѣчіи называемъ геніями. Для многихъ геній не болѣе, какъ интенсивный выразитель своего времени, его запросовъ и требованій; онъ появляется въ положенное время. Тардъ критикуетъ такой взглядъ, говоря, что выборъ этого времени зависитъ отъ самого «генія». Вопросъ не можетъ быть рѣшенъ безъ долгой предварительной работы. Нужно было бы,—говоритъ Вормсъ,—составить списокъ всѣхъ великихъ людей, выяснить, чѣмъ каждый обязанъ своей средѣ и что, затѣмъ, должно быть приписано исключительно его прирожденнымъ способностямъ или генію. По вѣрному замѣчанію Тарда, не существуетъ какой-то бездны между геніальнымъ человѣкомъ и толпою. Изобрѣтенія и открытія не составляютъ исключительнаго достоянія чрезвычайныхъ способностей. Мы всѣ въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ—разъ попавъ въ извѣстныя условія—обнаруживаемъ иниціативу. Вопросъ о великихъ людяхъ въ сущности сводится къ вопросу о томъ, при какой счастливой встрѣчѣ двухъ или бо́льшаго числа разнородныхъ мыслей въ умѣ, разумѣется, способномъ къ обобщенію, зажигается та искорка, отъ которой исходитъ всякое новшество въ наукѣ, техникѣ, искусствѣ или жизни.

Говоря объ индивидуальности, Вормсъ, по моему, недостаточно останавливается на вопросѣ о томъ, въ какой мѣрѣ переходъ отъ общества, не знавшаго дифференціаціи соціальныхъ функцій, къ обществу, построенному на началѣ раздѣленія труда, содѣйствовалъ развитію индивидуальности. Дюркгеймъ, а за нимъ и другіе ревнители такъ называемой коллективной психологіи, въ послѣднее время—Дюрбаръ, справедливо останавливаются на той мысли, что индивидуальность стала развиваться въ тѣсной связи съ только что указанной эволюціей. О дикарѣ,—говоритъ Дюрбаръ,—трудно собственно сказать, что онъ ведетъ индивидуальное существованіе, въ особенностяхъ котораго отъ жизни другихъ членовъ одного съ нимъ рода-племени онъ даетъ себѣ ясный отчетъ. Даже при допущеніи, что его жизнь имѣетъ личный отпечатокъ, стороны, которыми она отличается отъ другихъ, такъ немногочисленны и эти отличія въ такой степени лишены сколько-нибудь систематическаго единства, что трудно говорить серьезно о томъ, что на практикѣ онѣ вносятъ много новаго и своебытнаго. Психическая жизнь дикаря исчерпывается его родовымъ общеніемъ. Онъ и не думаетъ независимо, и не поступаетъ иначе, какъ въ согласіи съ обычаемъ; наконецъ, онъ даже не индивидуализируетъ своей оцѣнки жизненнаго опыта. Фетишизмъ, представляющій въ культурѣ дикаря религіозную интерпретацію этого опыта и основаніе для общественной

морали, принимается каждымъ членомъ племени безъ всякой критики и опредѣляетъ его поведеніе. Согласный съ обязательными нормами образъ дѣйствій въ обществахъ, близкихъ къ первобытному, опредѣляется не логическимъ признаніемъ необходимости авторитета и власти, а исключительно тѣмъ, что такого же порядка держались предки. Въ своей практической жизни дикарь не выходитъ изъ круга созданныхъ религіей запретовъ или «табу», которыми опредѣляется вся рутина повседневной жизни. Дикарь не ищетъ усовершенствованій и ни въ чемъ не отступаетъ отъ порядка, установленнаго этимъ «табу», такъ какъ всякое отступленіе могло бы повергнуть его группу въ бѣду. Преступленіе и наказаніе являются дѣломъ рода, такъ какъ не зародилось еще понятія объ индивидѣ, какъ о моральной цѣнности. Такимъ образомъ на этой ступени развитія элементъ общественный достигаетъ максимальнаго развитія, а индивидуальный—минимальнаго [1]).

Изъ приведеннаго отрывка, отражающаго собою не столько мысли самого автора, сколько всей плеяды тѣхъ мыслителей, которые не считаютъ возможнымъ обходиться безъ того, что мы называемъ генетической соціологіей, и что прежде слыло подъ еще менѣе удачнымъ названіемъ «до-исторіи»—съ очевидностью выступаетъ ограниченность той точки зрѣнія, на которой стоитъ Вормсъ. Въ одномъ мѣстѣ своей книги онъ говоритъ, что не видитъ причины строить обобщенія на другихъ фактахъ, какъ на фактахъ по преимуществу новой исторіи. «Къ чему соціологамъ обширное знакомство съ бытомъ дикарей и варваровъ, пишетъ онъ на стр. 14 III тома своей книги. Оно раскроетъ предъ нимъ такіе порядки, которыхъ мы только стараемся избѣжать. Что намъ дѣйствительно нужно, это узнать, какъ и какою цѣною создана современная гражданственность, а этого можно достигнуть, опираясь преимущественно на факты новой исторіи». Авторъ обѣщаетъ, поэтому, опирать свои выводы на наблюденіяхъ, заимствованныхъ изъ среды современныхъ народовъ.

Въ этихъ строкахъ не трудно увидѣть критику того направленія, котораго держатся Дюркгеймъ, Маусъ, Леви-Брюль и цѣлая плеяда ученыхъ, частью опубликовавшихъ уже, частью не опубликовавшихъ результаты своихъ личныхъ изслѣдованій, плеяда, къ которой принадлежитъ и сравнительный историкъ-юристъ Флакъ, настаивающій на тѣсной связи зарождающагося права съ магіей,—этой предшественницей религіи, какъ пытался доказать англійскій ученый Фразеръ.

Въ такомъ сжатомъ очеркѣ, какъ настоящій, я не имѣю разу-

1) «Американскій Журналъ Соціологіи». Іюль, 1912 г.

мѣется возможности даже резюмировать тѣ выводы, къ которымъ пришли перечисленные мною изслѣдователи. Но они во всякомъ случаѣ клонятся къ признанію, что человѣческая психика, мораль, право, подверглись съ вѣками такимъ измѣненіямъ, которыя необходимо приводятъ къ признанію человѣческаго прогресса, съ чѣмъ, какъ мы видѣли, Вормсъ не считаетъ возможнымъ согласиться.

Дюркгеймъ въ новѣйшей своей работѣ удачно использовалъ обильный матеріалъ, накопленный трудами англійскихъ этнографовъ въ Австраліи, начиная съ работъ Файзона и Хауита «о Камиларояхъ и Курнаяхъ»—австралійскихъ племенахъ, сохранившихъ многія черты первобытности, въ томъ числѣ дѣленіе на тотэмы, экзогамію или запретъ брачнаго сожитія въ предѣлахъ одного и того же тотэма или его подраздѣленія, и оканчивая обширными томами Спенсера и Гиллена о племенахъ южной и центральной Австраліи. Онъ восполнилъ полученныя такимъ образомъ свѣдѣнія тѣми, какія объ организаціи тотемистическихъ группъ заключаетъ книга извѣстнаго Моргана «О древнемъ обществѣ», построенная не на всегда удачномъ сопоставленіи быта краснокожихъ сѣверной Америки съ древнѣйшимъ бытомъ римлянъ и грековъ. На основаніи всего этого Дюркгеймъ сдѣлалъ попытку показать, что религія имѣетъ своимъ источникомъ коллективную психологію тѣхъ начальныхъ, частью материнскихъ, частью отеческихъ родовъ, какими являются тотэмы. Общераспространенность такой организаціи кажется ему болѣе или менѣе доказанной не только благодаря наличности ея у туземцевъ Индіи, какъ установлено англійскими этнографами, но и тѣмъ сводомъ свѣдѣній о тотэмахъ, какой сдѣланъ былъ Фразеромъ, и тѣми попытками доказать наличность тотемистической организаціи въ древнемъ Египтѣ, и въ древней Греціи, какія принадлежатъ Масперо и новѣйшимъ французскимъ египтологамъ, — съ одной стороны, и Соломону Рейнаку—съ другой.

Въ тѣсномъ умственномъ общеніи съ Дюркгеймомъ работаетъ и Леви-Брюль, главнымъ образомъ, надъ выясненіемъ исторіи развитія нравовъ и на анализѣ первобытныхъ умственныхъ представленій. Онъ также не прочь признать вліяніе общественной организаціи на выработку тѣхъ запретовъ или «табу», которыми дикари установляютъ цѣлую систему недозволенныхъ дѣйствій — первоначальный источникъ тѣхъ нормъ, изъ которыхъ слагается одинаково и нравственность, и право. Его точка зрѣнія, такимъ образомъ, существенно расходится съ тою, которая считаетъ источникомъ моралирелигію. Въ интересной работѣ Гастона-Боне-Мори, озаглавленной: «Моральное единство религій», сдѣлана попытка показать, что основатели міровыхъ религій болѣе или менѣе сошлись въ основ-

ныхъ началахъ этики. Очень интересны въ этомъ отношеніи, напримѣръ, слѣдующія сопоставленія. Душа усопшаго, представши на судъ Озириса, говоритъ ему въ качествѣ рекомендаціи своего добраго поведенія: «я никому не причинилъ зла, я не убилъ, не укралъ, не прелюбодѣйствовалъ, я не повиненъ въ лжесвидѣтельствѣ, я не остался глухъ къ мольбамъ просителей». Развѣ то же не повторяется въ Декалогѣ: не убій, не прелюбы сотвори, не укради, не пожелай жены искренняго твоего, ни вола его, ни двора его и т. д. Соглашаясь даже съ тѣмъ, что, какъ выразился одинъ изъ членовъ конгресса религій въ Стокгольмѣ, раввинъ Клейне, исторія религій и исторія нравственности указываютъ намъ, какъ во всѣ времена великіе умы стремились достигнуть одинаково нравственнаго уровня, мы тѣмъ самымъ ни мало не отрицаемъ глубокой бездны, отдѣляющей эпоху зарожденія нравственныхъ запретовъ отъ эпохи появленія связанныхъ съ религіозными системами этическихъ ученій. Религіозные реформаторы не довольствовались признаніемъ существующихъ въ ихъ странѣ нравовъ: они дѣлали попытку видоизмѣнить ихъ въ направленіи, благопріятномъ расширенію человѣческой солидарности.

Книга Леви-Брюля проводитъ, поэтому, весьма основательно различіе между нравственностью и нравами. Въ правилахъ нравственнаго поведенія всегда отражается культура народовъ, стоящихъ на одинаковомъ уровнѣ развитія. Немудрено, поэтому, если среди бѣлой расы эти совѣты добраго поведенія болѣе или менѣе одинаковы. Этимъ объясняется, почему между нравственными воззрѣніями различныхъ религіозныхъ толковъ встрѣчается столько сходства. Но его нельзя констатировать при сопоставленіи нравственныхъ ученій отдѣльныхъ мыслителей, а это обстоятельство и заставляетъ Леви-Брюля отрицать самую возможность «теоретической», какъ онъ выражается, морали, т. е. такой, которая одновременно являлась бы и спекулятивной, и нормативной... Попутно авторъ высказываетъ нѣсколько положеній общаго характера, имѣющихъ ближайшее отношеніе и къ опредѣленію задачъ соціологіи. «Несомнѣнно,—говоритъ Леви-Брюль,—что она въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыя посвящены религіозному, нравственному и юридическому развитію человѣчества, неотдѣлима отъ психологіи. Но абстрактная психологія, имѣющая своей задачей изученіе умственной жизни современнаго человѣчества, способна дать только вѣроятное и въ большинствѣ случаевъ ложное рѣшеніе. Прогрессъ научной соціологіи одинъ проливаетъ свѣтъ на начальныя умственныя функціи людей (les fonctions mentales primitives). Этихъ свѣдѣній мы не могли бы получить другимъ путемъ, и такъ какъ то, что

она намъ открываетъ по отношенію къ воображенію, къ коллективнымъ представленіямъ, къ организаціи мыслей и вѣрованій, касается древнѣйшаго проявленія этихъ функцій, до котораго мы только можемъ подняться, соціологія со временемъ можетъ сдѣлаться весьма полезной для положительнаго объясненія и нашихъ высшихъ умственныхъ функцій. Предполагаемое знакомство наше съ человѣческой природой вообще въ отношеніи къ нравственной и умственной ея сторонѣ уступитъ со временемъ мѣсто совершенно иной психологіи. Она основана будетъ на терпѣливомъ, мелочномъ, методическомъ изученіи нравовъ и учрежденій, въ которыхъ объектировались чувства и мысли различныхъ человѣческихъ обществъ, когда-либо существовавшихъ и оставившихъ доступные нашей интерпретаціи слѣды». («Мораль и наука о нравахъ», стр. 81-я).

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ развитія соціологіи предвидится существенное измѣненіе и другихъ научныхъ дисциплинъ, предшествующихъ ей въ той схемѣ наукъ, какая намѣчена была Контомъ и восполнена Г. Спенсеромъ. Подобно тому, какъ теорія Мальтуса и установленная имъ формула роста средствъ пропитанія въ ариѳметической прогрессіи, а роста населенія въ геометрической, оказали свое вліяніе на біологическую доктрину о борьбѣ за существованіе, какъ лежащей въ основѣ всего растительнаго и животнаго царства,—такъ точно ученіе о ростѣ нравовъ и учрежденій несомнѣнно отразится и на научной постановкѣ психологіи, обогащая ее точными представленіями о начальныхъ умственныхъ и чувственныхъ процессахъ, проявлящихся столько же у дикарей, сколько и у младенцевъ.

Самъ Леви-Брюль сдѣлалъ попытку въ своей книгѣ: «Объ умственныхъ функціяхъ въ обществахъ, близкихъ къ первобытности»—использовать то, что мы называемъ «генетической соціологіей», для построенія системы начальнаго мышленія. Разумѣется, мы не можемъ дать нашимъ читателямъ и приблизительнаго понятія о всемъ богатствѣ содержанія его сочиненія (почти 500 стр. мелкаго шрифта). Мы можемъ отмѣтить только тотъ фактъ, что въ этой книгѣ ставится вопросъ,—отвѣчаетъ ли начальная умственная дѣятельность людей тѣмъ же законамъ элементарной логики, на какихъ построено наше мышленіе. Писатели, ранѣе Леви-Брюля поднимавшіе этотъ вопросъ, въ томъ числѣ Тэйлоръ, не высказывали на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. То же самое можно сказать о Бринтонѣ, хорошемъ знатокѣ религіозныхъ вѣрованій краснокожихъ. И въ моихъ сочиненіяхъ по сравнительной этнографіи, древнѣйшему праву и генетической соціологіи, я указывалъ на то, что ограниченность знаній и суевѣрное отношеніе къ зиждительной силѣ

магіи—ближайшая причина того, что дикари довольствуются въ своихъ умственныхъ процессахъ самыми грубыми аналогіями и признаютъ возможность вызывать актами магіи аналогичныя явленія въ жизни природы. Такъ, они льютъ воду на землю въ надеждѣ вызвать тѣмъ самымъ дождь; они наносятъ раны грубому изображенію того или другого лица въ надеждѣ вызвать его смерть. Поступая такимъ образомъ, они только въ болѣе грубой формѣ впадаютъ въ тѣ ошибки, отъ какихъ несвободны многіе современные писатели, допускающіе причинную связь между слѣдующими во времени явленіями, руководствуясь началомъ post hoc ideo propter hoc. Но недавнія наблюденія этнографовъ въ Австраліи познакомили насъ съ такимъ дѣтствомъ мысли, которое наводитъ Леви-Брюля на рѣшеніе, колеблющее самое представленіе о томъ, что человѣческая логика осталась неизмѣнной въ своихъ основныхъ положеніяхъ съ древнѣйшихъ временъ. Доселѣ мы думали, что различіе первобытныхъ обществъ отъ культурныхъ въ этомъ отношеніи болѣе квантитативное, чѣмъ квалитативное. Мы не допускали, напр., способности дикарей считать далѣе извѣстнаго, ограниченнаго круга чиселъ. Мы видѣли слѣды тому и въ языкѣ нѣкоторыхъ культурныхъ народовъ, напр., англичанъ, которые отправляясь отъ цифры 20-ть (Score) и помножая ее на цифры отъ одной до двадцати, вызывали тѣмъ въ умѣ представленіе о болѣе крупныхъ числахъ. Мы указывали и на то, что у евреевъ счетъ не шелъ далѣе сотенъ, а для тысячи и бо̀льшихъ суммъ — употреблялся не спеціализированный терминъ «тьмы», и на то, что численныя представленія осетинъ были болѣе или менѣе ограничены. Работы Спенсера и Гиллена о бытѣ уроженцевъ Австраліи подтвердили вполнѣ нашу точку зрѣнія. Но въ то же время онѣ обнаружили такія элементарныя отступленія въ мышленіи первобытныхъ народовъ отъ общепризнанныхъ началъ логики, какъ признаніе, напр., части за цѣлое. Значитъ ли это, однако, что мы въ правѣ говорить въ примѣненіи къ нимъ о какой-то особой логикѣ? Развѣ и въ наши дни не встрѣчается суевѣрныхъ людей, которые считаютъ нужнымъ закапывать обстриженные волосы и ногти изъ опасенія, чтобы они не могли попасть въ руки враговъ, которые, дѣйствуя чарами, способны вызвать болѣзнь и смерть? Но Леви-Брюль еще далѣе идетъ въ своихъ утвержденіяхъ, стараясь доказать, что первобытному мышленію неизвѣстенъ законъ противорѣчія. Прежде чѣмъ согласиться съ нимъ, необходимо будетъ подвергнуть тщательной провѣркѣ тѣ данныя, на которыхъ опираются его выводы. Многое изъ того, что считалось болѣе или менѣе установленнымъ Спенсеромъ и Гилленомъ, вызываетъ сомнѣнія въ позднѣйшихъ путешественникахъ. Они

не могутъ примириться, напр., съ тѣмъ, чтобы австралійцамъ неизвѣстенъ былъ тотъ фактъ, что рожденію предшествуетъ половой актъ. Во всякомъ случаѣ Леви-Брюлемъ поставленъ одинъ изъ важнѣйнѣйшихъ вопросовъ исторіи культуры и соціальной динамики—вопросъ о томъ, можно ли допустить то, что онъ называетъ mentalité prélogique, для которой онъ выводитъ, на основаніи богатаго этнографическаго матеріала, свои особые законы: напр., законъ соучастія (loi de participation), сводящійся въ сущности къ тому, что сопутствующія другъ другу явленія находятся въ причинной связи между собою. Этотъ законъ устраняетъ необходимость противополагать цѣлое его части и устраняетъ, какъ думаетъ Леви-Брюль, дѣйствіе основного закона логики—закона противоположенія. Но въ заявленіяхъ тѣхъ или другихъ дикарей, что они попугаи или земноводные, быть можетъ, скрывается иной смыслъ, чѣмъ тотъ, какой находитъ въ нихъ Леви-Брюль—смыслъ прямого отождествленія себя съ животными? Въ заявленіи, что они земноводные, пожалуй, скрывается память о томъ отдаленномъ періодѣ, когда для защиты отъ дикихъ звѣрей они привуждены были жить въ отстраиваемыхъ среди озеръ и заливовъ свайныхъ постройкахъ? А въ заявленіи, напр., одного племени Центральной Бразиліи, что его члены — попугаи, можно видѣть слѣды той системы тотэмовъ, которая, какъ выяснено работами Фразера, Масперо, Соломона Рейнака и др., не говоря уже о Морганѣ и объ авторахъ этнографическихъ описаній Австраліи, пользовалась и пользуется широкимъ распространеніемъ среди древнихъ народовъ и отсталыхъ племенъ нашего времени. Книга Леви-Брюля, такимъ образомъ, ставитъ на очередь новые вопросы, остающіеся, однако, спорными и послѣ ея выхода. Это нисколько не умаляетъ ея цѣны. Когда Лафито впервые указалъ на существованіе племенъ, у которыхъ счетъ родства производится по матери, а не по отцу, его сообщеніе признано было болѣе или менѣе баснословнымъ. Оно нимало не помѣшало построенію теоріи происхожденія агнатическаго рода путемъ разростанія патріархальной семьи. А о самомъ Лафито и объ его оригинальной доктринѣ вспомнили только тогда, когда Бахофену и Макъ-Леннану, защищая теорію первобытнаго материнства, пришла мысль—первому — объ изученіи миѳическихъ сказаній грековъ и римлянъ, а второму — этнографическихъ матеріаловъ, сообщенныхъ древними анналистами и того, какой даютъ намъ путешественники о бытѣ отсталыхъ племенъ, населяющихъ Новый и Старый Свѣтъ. Позднѣйшія изслѣдованія показали, что счетъ родства по матери вовсе не говоритъ о томъ, что владычество нѣкогда принадлежало женщинамъ, какъ думалъ Бахофенъ. Отсутствующаго нерѣдко отца замѣ-

нялъ всегда извѣстный братъ по матери, которому и принадлежало руководительство возрастающимъ поколѣніемъ. Сказать, что и въ настоящее время всѣ споры рѣшены и выяснена дѣйствительная природа материнства—нельзя. И главная трудность несомнѣнно лежитъ въ томъ, что съ теченіемъ времени однажды сложившіеся обычаи нерѣдко начинаютъ служить другимъ цѣлямъ, чѣмъ тѣ, ради которыхъ они были созданы. Толкованіе ихъ по здравому смыслу нерѣдко оказывается, поэтому, ошибочнымъ.

Сказанное объ обычаяхъ въ значительной степени можетъ быть повторено и объ обрядахъ. Леви-Брюль приводитъ тому разительный примѣръ. Мертвецамъ у нѣкоторыхъ народовъ влагаютъ въ уста золото или яшму. При допускаемой, подъ вліяніемъ по преимуществу греческой миѳологіи, гипотезѣ о всеобщемъ господствѣ анимизма, это обрядъ интерпретируется въ томъ смыслѣ, что золото послужитъ покойнику въ будущей жизни, и является затѣмъ какъ бы подтвержденіемъ первобытной вѣры въ духовъ, ведущихъ болѣе или менѣе близкое къ намъ существованіе. Но изъ распросовъ туземцевъ оказывается, что они связываютъ съ этимъ обрядомъ совершенно иное представленіе: считая золото и яшму самыми чистыми металлами, они полагаютъ, что ихъ чистота сообщится и трупу покойника и вызоветъ его нетлѣнность. А такое толкованіе даетъ поводъ Леви-Брюлю настаивать на мысли о томъ, что дикарямъ недоступенъ законъ противоположенія и что ихъ логика, наоборотъ, отправляется отъ неизвѣстнаго намъ представленія о необходимомъ воздѣйствіи другъ на друга двухъ или болѣе сопутствующихъ явленій (loi de participation).

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ,что работы по генетической соціологіи, къ которымъ, благодаря Дюркгейму, обратились напослѣдокъ и французскіе ученые обѣщаютъ не малую поживу и для ученія о прогрессѣ. Въ этомъ отношеніи я становлюсь рѣшительно на сторону новой школы и высказываюсь противъ той, какая имѣетъ своимъ важнѣйшимъ представителемъ Тарда и находитъ откликъ и въ книгѣ Вормса, и въ недавней статьѣ Фагэ, появившейся въ Парижскомъ журналѣ «Revue» по поводу выхода въ свѣтъ интереснаго тома Дельваля объ исторіи идеи прогресса. Дельваль доводитъ свою исторію до конца 18-го вѣка, обѣщая читателямъ продолженіе своего труда. Мы дождемся исполненія этого обѣщанія, чтобы познакомить русскихъ читателей съ главными выводами автора. Въ настоящее же время мы обратимся къ разсмотрѣнію тѣхъ соображеній, по которымъ Вормсъ не только отрицаетъ идею прогресса въ смыслѣ усовершенствованія условій общественной жизни, но и высказываетъ нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ общепримѣнимости той формулы обществен-

ной эволюціи, какую даетъ Спенсеръ, говоря о все большей дифференціаціи и интеграціи общественныхъ функцій. Главнымъ возраженіемъ противъ непрерывности поступательнаго движенія, является паденіе древней культуры—культуры классическихъ народовъ и зарожденіе новой гражданственности лишь на разстояніи нѣсколькихъ столѣтій со времени нашествія варваровъ. Я полагаю, что причина такого, на мой взглядъ, узкаго пониманія исторіи ранняго средневѣковья лежитъ въ добровольномъ игнорированіи, во-первыхъ, культурной роли Византіи, а во-вторыхъ, того положенія, что въ понятіе поступательнаго роста человѣчества должны входить столько же квантитативныя, сколько и квалитативныя явленія. Культура древняго міра, какъ всѣмъ извѣстно, не выходила за сравнительно ограниченные предѣлы orbis romani, въ центрѣ котораго лежало Средиземное море. Въ средніе вѣка эта культура, благодаря Византіи, распространяется и на Востокъ; одновременно она переходитъ за границы Рейна, подъ вліяніемъ распространенія римской гражданственности на нѣмецкія племена, въ эпоху Тацита еще сохранявшія свою относительную первобытность. При возстановленіи Карломъ Великимъ Римской имперіи въ тѣсномъ союзѣ съ главою католическаго міра, начинается насильственное сближеніе съ греко-римской культурой или, точнѣе, съ усвоенными изъ нея началами обращенныхъ въ христіанство варваровъ вплоть до нѣмецкаго моря. Полусвѣтскіе, полурелигіозные ордена тевтонскихъ рыцарей и меченосцевъ распространяютъ ее затѣмъ на прибалтійскихъ славянъ и финскія племена — прусовъ, латышей и эстонцевъ. Еще ранѣе идетъ, благодаря христіанскому миссіонерству, передача элементовъ древней культуры кельтамъ Ирландіи, Шотландіи и саксонскому населенію Англіи. Скандинавскій міръ вмѣстѣ съ христіанствомъ получаетъ и элементы античной гражданственности. Наконецъ, подъ вліяніемъ миссіонеровъ, вышедшихъ съ Балканскаго полуострова, и принятія княземъ Владиміромъ восточнаго православія, расширяется культурное вліяніе Византіи на славянскія и финскія племена, поселенныя по Волхову, Днѣпру и верховьямъ Волги.

Римско-эллинская культура, не обнаруживая поступательнаго хода въ смыслѣ квалитативномъ, переживая даже въ этомъ отношеніи нѣкотораго рода пониженіе, въ то же время охватываетъ собою весь материкъ Европы. Квалитативный ростъ ея начинается съ зачатками Возрожденія, быть можетъ и нѣсколько ранѣе, со времени находки рукописей Аристотеля и позднѣе Платона и комментированія ихъ сперва арабскими философами — Аверроэсомъ и Авиченой, а затѣмъ Ѳомой Аквинатомъ и схоластиками. Съ этого времени и идетъ безостановочный ходъ развитія точнаго знанія. Кван-

титативно европейская культура, выросшая на почвѣ усвоенія культуры классическихъ народовъ, распространяется и на новые материки, со времени открытія Америки, острововъ Тихаго и Индійскаго океановъ и материка Австраліи. Мы вошли въ тотъ періодъ исторіи, когда исчезаетъ возможность говорить объ одной лишь европейской культурѣ и приходится замѣнить эту квалификацію прилагательнымъ «міровой». Съ защищаемой здѣсь точки зрѣнія трудно отнестись иначе, какъ съ полнымъ скептицизмомъ, и къ теоріи ricorsi или какого-то спиральнаго развитія человѣчества, какую въ серединѣ XVIII-го вѣка построилъ итальянецъ Вико, и къ тѣмъ попыткамъ ея оживленія, какія мы находимъ у нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей—Рауля де ля Грассери, напр., пріурочивающаго свою доктрину къ Гегелевской тріадѣ (тезисъ, антитеза и синтезъ). Вормсъ говоритъ объ этой послѣдней попыткѣ, что она, подобно теоріи нѣмецкаго соціолога Вейзенгрюна, указываетъ на то, что за періодомъ противодѣйствія или оппозиціи вновь развившемуся теченію въ различнѣйшихъ сферахъ общественности слѣдуетъ какъ бы возрожденіе стараго и его примиреніе съ новымъ. Эта мысль защищается де-ля-Грассери нѣкоторыми далеко не безспорными данными, представляемыми на правахъ примѣровъ. Они почерпнуты главнымъ образомъ изъ исторіи права. Де-ля-Грассери ссылается, напр., на то, что права женщины, одно время отнятыя мужчинами, снова оживаютъ. Кровомщеніе, одно время подавленное государственной властью, снова оживаетъ въ примѣненіи къ преступленіямъ, направленнымъ противъ чести (дуэли). Прямое народоправство, одно время уступившее мѣсто представительному, возрождается въ формѣ плебисцита и референдума и т. д. Если болѣе внимательно разобрать эти примѣры, то можно будетъ усомниться въ точности приведенныхъ фактовъ. Мы видѣли, что система материнства не совпадаетъ съ первоначальнымъ владычествомъ женщинъ. Есть основанія сомнѣваться въ томъ, чтобы дуэли и система личнаго отмщенія обидъ чести вступили бы въ періодъ прогрессивнаго развитія, а не наоборотъ—упадка. Дуэль, весьма распространенная въ англо-американской средѣ еще въ XVIII в., несомнѣнно дискредитирована въ общественномъ мнѣніи Новаго Свѣта, допускающемъ замѣну ея столь «буржуазнымъ» пріемомъ, какъ привлеченіе обидчика къ вознагражденію за вредъ и убытки. Она едва ли прививается также къ русскому обществу; появившіеся со времени введенія у насъ представительныхъ палатъ случаи подражанія французскимъ пріемамъ рѣшать шпагою столкновенія между депутатами, встрѣтили въ русскомъ обществѣ скорѣе насмѣшливое отношеніе. Наконецъ, въ плебисцитѣ, особенно въ той формѣ, какую онъ принялъ въ эпоху

обѣихъ Наполеоновскихъ Имперій, слѣдуетъ видѣть не возвращеніе къ началу прямого народоправства, а каррикатуру той практики, какой придерживались въ эпоху Гракховъ. Остаются референдумъ и прямой законодательный починъ, которые опять таки трудно сближать съ вѣчевыми порядками и съ присущимъ имъ стремленіемъ рѣшать всѣ дѣла единогласно, «едиными усты». Гдѣ принято считать волю большинства за выраженіе общей воли — тамъ отсутствуетъ всякая идея первобытности. Наше время готово отнестись съ большимъ признаніемъ къ правамъ меньшинства и не прочь говорить даже о пропорціональномъ представительствѣ. Но въ этомъ нѣтъ ничего схожаго съ тѣми порядками, о которыхъ въ примѣненіи къ Германцамъ говоритъ Тацитъ: «о менѣе важныхъ дѣлахъ судятъ старѣйшины, а о болѣе важныхъ—всѣ». Попытки возвращенія къ старому часто вызываются силою традиціи, но и это старое возсоздается или только внѣшнимъ образомъ, какъ напр. тогда, когда городскія власти средневѣковыхъ республикъ Италіи получаютъ римское названіе консуловъ, или подвергается такимъ видоизмѣненіямъ, которыя даютъ поводъ говорить не о возрожденіи, а о приспособленіи. Что вновь появившіяся теченія встрѣчаютъ отпоръ въ старомъ и что исходомъ ихъ столкновенія съ нимъ является приспособленіе стараго къ вновь заявленнымъ требованіямъ,—это въ значительной степени отвѣчаетъ дѣйствительности. На признаніи такого скорѣе эмпирическаго обобщенія, чѣмъ закона причинности, остановились по справедливому замѣчанію Вормса, какъ на конечномъ выводѣ, и теоретическія построенія Тарда. Хотя Тарда и считали непримиримымъ противникомъ Спенсеровой доктрины объ эволюціи, но Вормсъ справедливо указываетъ на то, что въ дѣйствительности они далеко не стояли на двухъ противоположныхъ полюсахъ. Чтобы показать дѣйствительное согласіе взглядовъ Спенсера и Тарда—думаетъ Вормсъ—достаточно ввести въ формулу перваго легкую перемѣну терминовъ, отъ которой она только выиграетъ. Когда Спенсеръ говоритъ, что общество переходитъ отъ смутной гомогенности къ координированной гетерогенности, онъ далеко не такъ рѣшительно противопоставляетъ эти два существительныхъ, какъ склонны понимать это мы. Его мысль можетъ быть передана болѣе точно положеніемъ, что общество переходитъ отъ смѣшенія въ гомогенности, къ координаціи въ гетерогенности. Но то же самое допускаетъ и Тардъ. Спенсеръ, говоря о гомогенности, имѣетъ въ виду только опредѣленную соціальную группу, а Тардъ, настаивая на гетерогенности всего человѣчества, не распространяетъ ея на отдѣльныя соціальныя группы, націи и государства. Къ тому же онъ ничего не говоритъ о періодѣ первобытности. При началѣ же исторической жизни

народовъ общество несомнѣнно представляетъ, въ глазахъ обоихъ писателей, значительную гетерогенность. И по отношенію къ позднѣйшимъ періодамъ ихъ взгляды сходны. Тардъ настаиваетъ на томъ, что подъ вліяніемъ подражанія устанавливается большее однообразіе, а Спенсеръ говоритъ о возрастающей координаціи. Когда послѣдній останавливается на ростѣ обособленія между отдѣльными соціальными органами и индивидами, онъ опять-таки встрѣчается съ Тардомъ, настаивающимъ на возрастающей индивидуализаціи людей.

Только что приведенныя страницы разсѣиваютъ довольно распространенное представленіе о томъ, что Тардъ и Спенсеръ расходились въ основныхъ точкахъ зрѣнія. Насколько дѣло идетъ объ общественной эволюціи, такого расхожденія, какъ показываетъ Вормсъ, въ дѣйствительности не было. Но мнѣ кажется, что между обоими мыслителями, какъ и ихъ послѣдователями—Вормсомъ съ одной стороны и Дюркгеймомъ съ другой—продолжаетъ держаться одна существенная противоположность: дифференціація и связанная съ ней интеграція общественныхъ функцій рисуется воображенію Спенсера и за нимъ Дюркгейма чѣмъ-то наступающимъ самопроизвольно, процессомъ до нѣкоторой степени механическимъ, вызываемымъ къ жизни самымъ сгущеніемъ населенія. Тардъ и Вормсъ, наоборотъ, настаиваютъ на той мысли, что въ основѣ всякаго общественнаго трансформизма лежатъ психическія причины: появившіяся въ людяхъ желанія или, точнѣе, запросы и вожделѣнія. Вормсъ посвящаетъ цѣлую главу вопросу о двигателѣ общественной эволюціи и старается свести всѣ факторы ея къ одному—къ новымъ запросамъ, пробуждающимся въ людяхъ и подъ вліяніемъ требованій среды, и подъ вліяніемъ измѣненія въ техникѣ производства и общественной структурѣ, въ свою очередь обусловленнымъ новыми измѣненіями въ психикѣ. Что же такое, спрашиваетъ онъ, эти вновь пробуждающіяся вожделѣнія или запросы? Это тотъ импульсъ, который человѣкъ получаетъ при мысли, что его современное состояніе можетъ быть улучшено проявленіемъ дѣятельности или движенія въ направленіи къ лучшему. Въ соціологіи, — говоритъ онъ, — намъ предстоитъ заняться исключительно коллективными запросами; насколько они индивидуальны, они насъ не интересуютъ. Для насъ важны только тѣ, которые проявляются во всемъ человѣчествѣ или въ отдѣльныхъ національныхъ группахъ (т. III-й, стр. 257 и 258).

Вормсъ грѣшитъ въ этомъ мѣстѣ чрезмѣрной исключительностью; очевидно, и желанія, проявившіяся въ болѣе тѣсныхъ группахъ — въ городѣ-республикѣ, въ классѣ, партіи и т. д. — входятъ также въ область коллективной психологіи и, тѣмъ самымъ,

въ область соціологіи. Но основная его мысль тѣмъ не менѣе остается вѣрной. Мнѣ вспоминается по поводу ея споръ, какой еще въ ранней молодости мнѣ пришлось слышать въ Лондонѣ, въ гостепріимномъ домѣ философа Джорджа Льюиса. Его жена—извѣстная англійская писательница Джорджъ Элiотъ—упрекала Бокля за то, что его общая схема какъ бы порождаетъ въ умѣ представленіе, что тотъ или иной общественный и политическій укладъ опредѣляется чѣмъ-то независимымъ отъ воли людей. Такая доктрина—полагала она,—весьма опасна, такъ какъ она парализуетъ то сознательное стремленіе къ лучшему будущему, которое, въ ея глазахъ, являлось ближайшимъ рычагомъ для поступательнаго движенія общества. Насколько справедливъ упрекъ, направленный великой писательницей противъ Бокля — это еще вопросъ. Но несомнѣнно одно въ ученіи Тарда и его послѣдователей: сведеніе причинъ всѣхъ перемѣнъ въ общественномъ и политическомъ укладѣ къ появленію, какъ выражался Тардъ, извѣстныхъ вѣрованій и желаній—представляетъ одну изъ наиболѣе положительныхъ сторонъ. Другое дѣло—въ какой мѣрѣ она можетъ быть признана оригинальной. Развѣ Контъ не училъ тому, что въ ростѣ положительнаго знанія лежитъ причина всякаго общественнаго трансформизма, и развѣ перемѣны въ нашихъ вѣрованіяхъ и желаніяхъ не стоятъ въ тѣсной связи съ ростомъ знанія? Не станемъ же мы въ настоящее время вѣровать въ наступленіе дождя при совершеніи извѣстныхъ магическихъ дѣйствій и произнесеніи извѣстныхъ заклинаній и соотвѣтственно желать совершенія этихъ дѣйствій и заклинаній?—Мы не станемъ дѣлать этого, очевидно, только потому, что источникъ происхожденія дождя для насъ въ настоящее время не составляетъ тайны. Не будемъ мы, поэтому, также преклоняться передъ чародѣемъ—«дождедателемъ» и признавать неограниченность его власти надъ собою.

А съ этой перемѣной въ нашей коллективной психикѣ тѣсно связана и невозможность тѣхъ политическихъ порядковъ, которые опирались на такихъ вѣрованіяхъ и желаніяхъ. Но если вѣрованія и желанія, стоя въ тѣсной связи съ уровнемъ знаній, въ свою очередь вызываютъ явленія общественнаго и политическаго трансформизма, то наступленіе ихъ мыслимо только тогда, когда эти опредѣленныя вѣрованія и желанія станутъ осуществимыми. Для этого необходимы тѣ перемѣны въ общественной средѣ, источникъ которыхъ въ концѣ-концовъ лежитъ въ біо-соціальномъ факторѣ размноженія населенія и его уплотненія. Тѣ или другіе мыслители могли мечтать и въ древности, и въ средніе вѣка, о наступленіи братскаго обмѣна между людьми естественныхъ продук-

товъ почвы и климата. Но при разобщенности, вызываемой прежде всего слабой густотой населенія—такія вѣрованія и желанія необходимо оставались безъ осуществленія, и идея мірового обмѣна и общественной солидарности всѣхъ членовъ великой человѣческой семьи не встрѣчала даже того скромнаго признанія, какое выпало ей въ удѣлъ въ наши дни.

Все это я говорю съ цѣлью показать, что взаимодѣйствіе психическаго и біо-соціальнаго факторовъ въ дѣйствительности гораздо болѣе тѣсно, чѣмъ склонны допускать это, съ одной стороны, послѣдователи психологической школы въ соціологіи, съ другой—сторонники экономическаго или историческаго матеріализма. На этой мысли я настаивалъ въ моей книгѣ о современныхъ соціологахъ и продолжаю настаивать и теперь.

Но, поступая такимъ образомъ, я, въ сущности, только развиваю взгляды, которыхъ придерживался самъ основатель соціологіи. Дюркгеймъ справедливо указалъ, что Контомъ по достоинству оцѣнено было и вліяніе біо-соціальнаго фактора возрастанія плотности населенія, и связанныхъ съ нею измѣненій въ условіяхъ техники, въ свою очередь зависящихъ отъ роста знаній. Меня не удивляетъ поэтому, если французскіе соціологи, и въ числѣ ихъ Вормсъ, не перестаютъ отводить въ своемъ преподаваніи значительное мѣсто изложенію соціологической доктрины Конта, если съ этой цѣлью въ теченіе ряда лѣтъ читаются отдѣльные курсы и въ парижской юридической школѣ, и въ школѣ Обществовѣдѣнія въ томъ же Парижѣ. Контъ все еще продолжаетъ оставаться не только прадѣдомъ, но и отцомъ соціологіи, и всякое игнорированіе высказанныхъ имъ мыслей сопровождается хотя бы тѣмъ неожиданнымъ послѣдствіемъ, что оригинальныя ученія, высказываемыя отдѣльными писателями по отвлеченному обществовѣдѣнію, оказываются, при повѣркѣ, въ лучшемъ случаѣ только развитіемъ его мыслей, а иногда суживаніемъ ихъ и искаженіемъ. Что совершается въ области соціологіи, то повторялось уже не разъ въ исторіи другихъ наукъ: критики Дарвина въ концѣ концовъ не упразднили необходимости восхожденія къ нему въ вопросахъ біологіи; и то же значеніе по отношенію къ наукамъ о неорганической природѣ сохранили доктрины Ньютона и Лавуазье. Если мы все еще должны считаться со взглядами Конта, то это доказываетъ только, что основныя положенія соціологіи уже установлены, и установлены ея творцомъ. Соціологія дѣйствительно является наукой не только зарождающейся, но и зародившейся, и современнымъ ея ревнителямъ остается только продолжать и укрѣплять давно начатое дѣло.

Максимъ Ковалевскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Исключительное положеніе губернаторской власти и его результаты.—Дѣятельность губернатора Муратова.—Деморализація полицейской среды.—Передвиженіе любимцевъ вмѣстѣ съ губернаторами.—Ропотъ полицейской среды.—Помраченная внутренняя политика.—Преслѣдованіе малороссовъ.—Школа и деревня.—Нарожденіе новой деревенской интеллигенціи.

Россійскіе губернаторы, кажется, вскорѣ дадутъ поводъ къ созданію международной поговорки: «Скажи мнѣ, каковы у васъ губернаторы, и я скажу, какой строй въ вашей странѣ». Это въ общей суммѣ. А въ частности, всякій губернаторъ прообразуетъ строй «ввѣренной» ему губерніи. И, словно въ цвѣтное стеклышко, можно смотрѣть сквозь губернаторскую психику на жизнь губерніи. Есть стеклышки черныя, багровыя (особенно въ недавніе ужасные годы), безцвѣтныя, игриво-пестрыя, грязно-закопченныя, сѣрыя, тусклыя и т. д. Но каждое изъ нихъ старается дать свою окраску губерніи, а главное, подъ этотъ цвѣтъ стремительно поддѣлываются,—подобно нѣкоторымъ низшимъ организмамъ, обладающимъ свойствомъ имитировать окружающую покровительственную окраску,—всѣ мелкіе чины администраціи, разсыпанные по губерніи.

Послѣдніе годы были, какъ извѣстно, расцвѣтомъ исключительныхъ положеній. Но въ исключительное положеніе попали не только обыватели, а и губернаторы. Обѣ стороны оказались почти внѣ закона. Разница лишь въ томъ, что обывателя зажали въ петлю всякихъ стѣсненій, ограниченій, каръ и возмездій, а губернаторы получили небывалую дотолѣ свободу и независимость дѣйствій.

Положеніе, поистинѣ, исключительное (не даромъ губернаторы всякій разъ, когда вопросъ касается отмѣны исключительныхъ положенія, энергично высказываются противъ отмѣны), положеніе чрезвычайно удобное для выявленія истинной природы россійской губернаторской власти.

Вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ исторія и литература дадутъ длинную и блестящую галлерею губернаторскихъ портретовъ изъ нынѣшняго періода русской жизни. Пока-же газеты даютъ бѣглые штрихи для обрисовки нѣкоторыхъ, наиболѣе яркихъ провинціальныхъ властителей.

Весьма характерна, напримѣръ, фигура бывшаго тамбовскаго, а

нынѣ курскаго губернатора Муратова. Доведя дѣло до окончанія въ одной губерніи и работая въ томъ-же направленіи въ другой, г. Муратовъ, очевидно, значительно одушевленъ подбодреніемъ сверху и преданнымъ сочувствіемъ вокругъ. И этотъ миражъ сочувствія доводитъ губернатора почти до маніи величія. Такое впечатлѣніе производитъ слѣдующая газетная замѣтка: «Курскій губернаторъ Муратовъ, выѣзжая на богомолье въ Саровскую пустынь, за нѣсколько дней до отъѣзда обратился къ нижегородскому губернатору съ письмомъ, въ которомъ просилъ его оказать содѣйствіе въ томъ смыслѣ, чтобы ему, Муратову, по пути слѣдованія въ предѣлахъ Нижегородской губерніи были оказаны соотвѣтственныя почести. Это письмо курскаго губернатора вызвало недоумѣніе у нижегородскаго. Губернаторъ Борзенко командировалъ однако въ распоряженіе Муратова одного изъ полицейскихъ чиновъ. Съ такимъ же письмомъ объ оказаніи «соотвѣтственныхъ» почестей Муратовъ, по словамъ харьковскаго «Утра», обратился и къ тамбовскому губернатору».

Привычка къ «почестямъ», къ лести, къ власти, видимо, такъ уже крѣпко вросласъ въ психику г. Муратова, что ему трудно проѣхать простымъ смертнымъ черезъ чужія губерніи. Фактъ забавный и почти анекдотическій.

Но улыбка сбѣгаетъ съ лица, когда вспоминаешь, что эта анекдотическая власть произросла на русской почвѣ и что сейчасъ она попираетъ ногами эту почву то въ одной губерніи, то въ другой.

И особенно знаменательно, что именно такая самоувѣренная и упоенная собою власть оставляетъ позади себя недвусмысленный слѣдъ. Вотъ что, напримѣръ, оставилъ послѣ себя г. Муратовъ въ Тамбовской губерніи. «Тамбовскимъ губернаторомъ Ошанинымъ,— пишутъ «Русскія Вѣд.»,—напечатанъ въ «Тамбовск. Губ. Вѣд.» приказъ о взяткахъ, какъ извѣстно, процвѣтавшихъ въ муратовскія времена среди чиновъ полиціи Тамбовской губерніи вообще и Козловскаго уѣзда въ особенности. Этотъ приказъ г. Ошанинъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Пора показать населенію и всѣмъ тѣмъ, кто, посылая подобныя письма съ «благодарностью», надѣется завербовать на свою сторону блюстителя порядка и законности и тѣмъ усыпить его бдительность и добиться всякихъ льготъ, что былое прошло, а настали времена законности и порядка».

Еще выразительнѣе корреспонденція той-же газеты изъ г. Козлова, Тамбовской губерніи. «По распоряженію тамбовскаго губернатора Ошанина управляющій канцеляріей В. Н. Левицкій произвелъ ревизію козловскихъ городского и уѣзднаго полицейскихъ управленій. Результаты ревизіи таковы. Изъ всѣхъ чиновъ козлов-

ской уѣздной полиціи только одинъ приставъ Пономаревъ остался на своемъ мѣстѣ въ Козловскомъ уѣздѣ, всѣ же другіе полицейскіе чины, отъ исправника до полицейскихъ урядниковъ включительно, смѣщены, уволены и отданы подъ судъ по обвиненію въ цѣломъ рядѣ различныхъ преступленій. Ревизія раскрыла множество злоупотребленій. Козловскій исправникъ З. постановленіемъ тамбовскаго губернскаго правленія привлекается по преступленіямъ, предусмотрѣннымъ ст.ст. 13, 14, 328, 342, п. 1 и 2 третьей части 354 ст., 403, 406, 410, 411 и 447 Уложенія о наказаніяхъ. Помощникъ козловскаго исправника Ц. постановленіемъ того же губернскаго правленія привлекается къ слѣдствію по ст.ст. 13, 14, п. 2 3 части 354 ст., 362, 385, 403, 406, 411 и п. 1 481 ст. Улож. о наказ. Секретарь уѣздной полиціи Л. привлекается по п. 2 третьей части 354 ст. и 411 ст. Улож. о нак. Становому приставу В. предъявлено обвиненіе въ растратѣ 2,000 руб., столоначальнику козловскаго уѣзднаго полицейскаго управленія Н. — въ совершеніи подлога. Секретарь Л. послѣ обнаруженія ревизіей его преступныхъ дѣяній отравился и умеръ. Ревизія обнаружила, что полицейскіе стражники занимали почти у каждаго старшаго чина полиціи должности лакеевъ, поваровъ, кучеровъ! Нѣкоторые стражники командировались въ имѣнія знакомыхъ исправнику помѣщиковъ для исполненія хозяйственныхъ по имѣнію обязанностей: ссыпки хлѣба, взвѣшиванія муки и проч. Въ числѣ стражниковъ числился и сынъ самого исправника, который, конечно, только получалъ жалованье, къ службѣ же никакого отношенія не имѣлъ. Наградныя деньги, обмундировочныя, даже жалованье и время поступленія и увольненія нижнихъ чиновъ въ книгахъ не записывалось, и въ дѣлахъ полицейскаго управленія нѣтъ даже росписокъ многихъ стражниковъ въ полученіи денегъ. Письмоводитель исправника сознался, будучи уличенъ ревизоромъ, въ растратѣ денегъ—жалованья стражникамъ. Отданные подъ судъ полицейскіе чины были любимцами бывшаго тамбовскаго губернатора Муратова, а помощникъ исправника Ц., который привлекается по обвиненію чуть ли не по двумъ десяткамъ статей Уложенія о наказаніяхъ, переведенъ Муратовымъ на службу въ Курскую губернію, гдѣ служитъ въ настоящее время. Въ Курскую губернію переведенъ и бывшій козловскій полицеймейстеръ В., который вынужденъ «уйти въ отставку» послѣ вышеупомянутой ревизіи».

Таковъ блестящій слѣдъ, оставленный режимомъ губернатора Муратова въ Тамбовской губерніи. И если-бы русская жизнь способна была на сильную и здоровую иронію, то на просьбу г. Муратова объ оказаніи ему «почестей» при проѣздѣ черезъ Тамбовскую

губернію полезно было-бы прикомандировать для его сопровожденія бывшихъ его любимцевъ, обрядивъ ихъ въ арестантскіе халаты...

Но для такой ироніи время еще не пришло. Губернаторы переходятъ изъ губерніи въ губернію, пользуясь «почестями» и взбираясь все выше по служебной лѣстницѣ, а та деморализація власти, которая остается позади нихъ, какъ-то не связывается ни съ ихъ дѣятельностью, ни съ общимъ безправнымъ положеніемъ Россіи. Мелкую сошку, изобличивъ въ плутняхъ, гонятъ, судятъ и заточаютъ, любимцы покрупнѣе переѣзжаютъ вслѣдъ за покровителемъ въ новую губернію, и все заболачивается свѣжимъ слоемъ тины, съ яркой зеленью бюрократическаго благополучія наверху.

А жизнь ведетъ и ведетъ свой подсчетъ. Не случайность, что послѣ губернатора князя Горчакова пришлось въ Вятской губерніи ужаснуться разложенію полицейской власти. Не случайность, что тоже самое, буква въ букву, повторилось послѣ губернатора Муратова въ Тамбовской губерніи. Не случайность, что почти по всѣмъ губерніямъ—судя даже по газетнымъ извѣстіямъ, по необходимости блѣднымъ и краткимъ,—наблюдается та-же печальная картина деморализаціи полицейской и административной власти.

Сдѣлалась также почти повсемѣстной привычка или система губернаторовъ переводить съ собой изъ губерніи въ губернію излюбленныхъ «сотрудниковъ» (г. Хвостовъ, между прочимъ, не только перевелъ вслѣдъ за собой чиновниковъ изъ Вологды въ Нижній Новгородъ, но даже сумѣлъ одного изъ нихъ—г. Барача—провести вмѣстѣ съ собой въ Государственную Думу).

И эта сомнительная система вводитъ даже въ полицейскую среду смущенье и ропотъ. Изъ Минска, напримѣръ, сообщаетъ корреспондентъ «Рѣчи»: «Чистка полиціи»—въ полномъ разгарѣ Увольненія отъ должностей съ преданіемъ суду стали повседневнымъ явленіемъ. Уволенный мозырскій исправникъ Хоцяновичъ преданъ суду по дѣлу о воинской повинности, становой приставъ Ивицкій, прослужившій 37 лѣтъ, преданъ суду за неправильныя выдачи удостовѣреній о заграничныхъ паспортахъ, приставъ Отрыганьевъ—за упущеніе арестованнаго. Избѣгли преданія суду уволенные отъ службы пинскій исправникъ Ансенсъ, пом. рѣчицкаго исправника Мельниковъ, становой приставъ Корховъ и др. Увольняютъ за самыя ничтожныя упущенія: такъ, пом. пристава Мильковскій уволенъ за то, что не снялъ пальто, когда явился къ управляющему Крестьянскаго банка. Слуцкій исправникъ Алексѣевъ былъ уволенъ, опять назначенъ и снова смѣщенъ въ помощники исправника, почему оставилъ должность и перешелъ на службу въ одесскую полицію. Почти всѣ высшіе чины городской и уѣздной полиціи озабочены подыскива-

ніемъ мѣстъ въ другихъ губерніяхъ. Вакансіи освобождаются для чиновъ кіевской полиціи, какъ болѣе близко знающихъ настроеніе губернатора Гирса, бывшаго кіевскаго. Пинскимъ исправникомъ назначенъ Лященко, въ свое время уволенный сенаторомъ Турау».

Такимъ образомъ произволъ губернаторской власти, который справа провозглашался преувеличеннымъ жупеломъ лѣвой прессы, приходится ощущать на себѣ и самой полицейской средѣ. Это лишній примѣръ того, до чего гибельно долгое отсутствіе въ жизни законности и до чего опасно увлеченіе произволомъ власти: начинаетъ никнуть не только жизнь обывателя, но подгниваютъ и корни самой власти.

Не хочется шутить на такую скорбную и мрачную тему, но невольно приходитъ въ голову, что можетъ быть въ одно время съ замотаннымъ обывателемъ, готовымъ воскликнуть: «Долой исключительныя положенія»—назрѣваетъ и среди наиболѣе приличной части полицейской мелкоты искренній вопль: «Долой исключительное положеніе губернаторовъ!».

Теперь, когда судьба Россіи колеблется на жуткой и смутной грани предъ новой возможной ужасной войной, когда наиболѣе враждебныя Россіи державы куютъ свою выгоду на разгорающейся розни славянскихъ народностей,—наша внутренняя политика по отношенію къ Малороссіи и Польшѣ изумляетъ и ужасаетъ своимъ упорнымъ помраченіемъ. Кіевскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» дѣлаетъ слѣдующую удручающую сводку послѣднихъ дѣяній нашей администраціи. «Открытіе новыхъ украинскихъ культурно-просвѣтительныхъ обществъ неукоснительно запрещается. Въ Екатеринославѣ губернское объ обществахъ присутствіе отказало въ регистраціи «Екатеринославскому украинскому общественному собранію». Въ Борзнѣ существовавшій ранѣе украинскій драматическій кружокъ былъ закрытъ администраціей «за бездѣятельность». Дѣятельность функціонирующихъ украинскихъ обществъ стѣснена до невѣроятныхъ предѣловъ. Воронежскому украинскому литературно-драматическому обществу запрещено устройство шевченковскаго вечера. Въ Одессѣ градоначальникъ запретилъ чтеніе реферата на шевченковскомъ вечерѣ, устроенномъ обществомъ «Украинська хата». Подольской «Просвітѣ» запрещенъ рядъ спектаклей и рефератовъ. Широкой ареной для проявленія административнаго усмотрѣнія служитъ область украинскаго театра. Въ Борзнѣ запрещаютъ печатать афиши на украинскомъ языкѣ, не даютъ разрѣшенія на постановку такихъ пьесъ, какъ «Паничъ Штукаренко», «Зоря новаго житія» и т. п.

Въ Умани мѣстнымъ любителямъ запрещено устройство шевченковскаго вечера. Въ Бердичевѣ полицеймейстеръ до тѣхъ поръ не разрѣшалъ въ печати афишу украинской труппы Горемыка, пока крамольное слово «украинскихъ» (артистовъ) не было въ ней замѣнено словомъ «малорусскихъ». Въ с. Осіевкѣ, Подольской губ., не разрѣшена къ постановкѣ идущая повсемѣстно пьеса «Панъ Штукаревичъ». Въ Кіевѣ запрещено устройство ежегоднаго шевченковскаго народнаго вечера на Куреневкѣ. Даже невинныя «веснянки» подвергаются гоненію въ деревняхъ; напр., въ с. Поташнѣ, Подольской губ., крестьянскимъ дѣвушкамъ о Пасхѣ запрещено было пѣть «веснянки» и водить хороводы. Драматическая цензура запрещаетъ одну украинскую пьесу за другой. Недавно запрещены къ постановкѣ украинскій переводъ «Судей» Выспянскаго и пьеса изъ еврейской жизни нѣкоего Голубенка. Въ с. Самородкѣ, Кіевской губ., учитель мѣстнаго двухкласснаго училища запрещаетъ ученикамъ читать украинскія книги и газеты, угрожая имъ за это репрессіями. Въ мѣстечкѣ Ясногородскѣ, той же губерніи, завѣдующій земскимъ училищемъ возбудилъ ходатайство о прекращеніи выписки украинскихъ книгъ для земской библіотеки. Земство вняло ходатайству, прекратило выписку новыхъ книгъ и изъяло бывшія въ библіотекѣ старыя. Въ Полтавѣ воспитанникамъ средне-учебныхъ заведеній подъ страхомъ увольненія запрещено было посѣтить шевченковскій вечеръ. Въ Прилукахъ инспекторъ народныхъ училищъ, узнавъ, что слушатели мѣстныхъ педагогическихъ курсовъ читаютъ украинскія книжки и разговариваютъ между собой по-украински, строго-на-строго запретилъ имъ это. Въ Харьковской губерніи изъ всѣхъ народныхъ библіотекъ изъяты сочиненія Шевченка «Катерина», «Невольникъ» и «Назаръ Стодоля». Въ Новозыбковѣ директоръ мѣстнаго пятикласснаго сельскохозяйственно-техническаго училища, г. Ходневъ, запретилъ ученикамъ выписывать и читать украинскія газеты. Полоса украиноборства захватила и церковную жизнь. Въ Черниговской епархіи священники-великороссы тщательно искореняютъ мѣстные церковные обычаи, усматривая въ нихъ чуть ли не проявленіе «украинскаго сепаратизма». Въ подольской епархіи еп. Серафимъ запретилъ въ этомъ году служить панихиды по Шевченко «въ виду ихъ демонстративнаго характера». Въ кіевской духовной академіи ректоръ запретилъ въ этомъ году чтеніе евангелія на украинскомъ языкѣ на Пасхѣ. Извѣстны и такіе факты: въ Подольской губерніи не утвержденъ губернаторомъ приглашенный земствомъ статистикъ В. П. Кошевой, «въ виду его неблагонадежности по украинофильству». Въ Курскѣ по распоряженію губернатора произведены многочисленные обыски

среди мѣстныхъ украинцевъ, при чемъ взяты письма, украинскія открытки, евангеліе на украинскомъ языкѣ, украинскія книги и газеты. Въ с. Максимовкѣ, Черниговской губ., приставъ приказалъ «немедленно замазать» вывѣску потребительной лавки, написанную по-украински («Товариська крамниця»)».

Ради чего съ такой настойчивостью бьютъ и бьютъ по живымъ нервамъ родственной и спаянной съ нами народности? Ради чего оскорбляется естественное національное чувство славянскаго организма, часть котораго находится въ смежномъ, враждебномъ Россіи государствѣ, гдѣ, наоборотъ, предусмотрительно даютъ славянамъ правовой порядокъ, культурность быта и свободу языка? Удары, получаемые въ Россіи, съ болью передаются и зарубежнымъ славянамъ. И къ пользѣ-ли Россіи невольныя сравненія, предметомъ которыхъ служитъ славянскій бытъ у насъ и за границей?

Вопросы эти раздаются уже давно и безъ всякаго результата. Но, казалось бы, теперь, когда собственные кровные интересы Россіи громко говорятъ не только объ ошибочности и несправедливости, но прямо о явной опасности утѣснительнаго отношенія къ Малороссіи и Польшѣ, пора, наконецъ, сообразить, что любовь и сплоченность интересовъ національностей,—какъ и отдѣльныхъ людей,—пріобрѣтается не враждой, оскорбленіями и преслѣдованіями, а иными, болѣе разумными способами.

Измѣняться господствующіе у насъ взгляды будутъ, по всей вѣроятности, медленно и только тогда, когда молчаливое большинство страны—крестьянство—постепенно созрѣетъ и прозрѣетъ. Совершить эту не малую работу придется главнымъ образомъ школѣ. Это уже, къ счастью, и дѣлается, и, повидимому, въ ускоряющемся темпѣ.

Изъ этой области пріятно привести такіе небольшіе, но знаменательные факты. «Послѣднее чрезвычайное собраніе по Староконстантиновскому уѣзду, Волынской губерніи,—пишетъ мѣстный корреспондентъ,—обсуждало вопросъ объ утвержденіи плана школьной сѣти и введенія всеобщаго обученія въ Староконстантиновскомъ уѣздѣ. Боясь значительнаго повышенія обложенія на нужды школьнаго строительства, помѣщики-гласные рѣшили оттянуть принятіе проекта всеобщаго обученія. Но гласные-крестьяне этому воспротивились и настаивали на скорѣйшемъ разрѣшеніи этого важнаго вопроса, и ихъ голоса возымѣли свое дѣйствіе, но только чисто случайно. Этому же земскому собранію былъ предложенъ докладъ о субсидіи земства открывающейся въ г. Староконстантиновѣ мужской

гимназіи въ 17,000 рублей. Безъ этой поддержки со стороны земства гимназія не могла быть открыта. Крестьянская группа категорически заявила, что будетъ поддерживать субсидію гимназіи лишь только тогда, когда земское собраніе утвердитъ школьную сѣть. Крестьянская группа составляла большинство, и земское собраніе приняло ея условіе. Школьная сѣть была принята. Крестьяне съ своей стороны поддержали предложеніе о субсидіи гимназіи». Итакъ, во-первыхъ, крестьяне заговорили въ земствѣ, а во-вторыхъ, заговорили они о школѣ и добились утвержденія плана всеобщаго обученія.

Еще характернѣе корреспонденція изъ Ядрина, Казанской губерніи. «Въ свое время,—говоритъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»,—мы писали объ открытіи Ядринскаго реальнаго училища, которое преимущественно обслуживаетъ крестьянское населеніе. Теперь уже въ реальномъ училищѣ шесть классовъ. Недавно директоръ реальнаго училища Э. А. Вестерманъ произвелъ анкету среди учениковъ. Эта анкета небезынтересна. Большинство учениковъ-крестьянъ лѣтомъ занимаются полевыми работами. Въ I кл. участвуютъ въ полевыхъ работахъ 56% изъ всѣхъ учениковъ класса, во II кл.—36%, въ III кл.—44%, въ IV кл.—36%, въ V кл.—30%, въ VI кл.—33%. Есть одинъ очень способный и трудолюбивый ученикъ, который, возвращаясь домой на лѣтній вакатъ, каждое лѣто поступаетъ въ пастухи, исполняя эту обязанность съ перваго класса. Въ деревнѣ онъ снимаетъ городской костюмъ, форму реалиста и облачается въ бѣлый домотканный холщевый чувашскій костюмъ. Такъ дѣлаютъ большинство учениковъ-чувашъ (въ училищѣ учится ихъ 26,8%). Въ городѣ ученики живутъ на очень скромныя средства, живутъ на квартирѣ у мѣщанъ по нѣсколько человѣкъ въ комнатѣ, питаются чернымъ хлѣбомъ, картошкой, овощами, рѣдко ѣдятъ мясо. Анкета дала любопытныя данныя относительно стоимости содержанія ученика. Въ среднемъ въ мѣсяцъ содержаніе ученику обходится: квартира 2—5 руб., пропитаніе 5—7 руб., остальные расходы 3—5 руб. Деревенскій воздухъ хорошо вліяетъ на здоровье дѣтей. Врачъ констатировалъ немного болѣзней у учениковъ. Ученики и во время учебнаго года много занимаются спортомъ, гимнастикой и немало проводятъ времени на чистомъ воздухѣ».

Это уже совсѣмъ новое явленіе въ русской жизни. Не только то важно, что среднее образованіе, наконецъ, приблизилось къ деревнѣ; еще важнѣе, что оно (въ приведенномъ примѣрѣ) не отрываетъ дѣтей отъ деревенскаго быта. До сихъ поръ трагедію развитія русской культуры составляло то, что образованіе фатальнымъ образомъ отрывало людей отъ деревни, влекло ихъ въ города

и приковывало къ быту чужому и далекому отъ деревни. Интеллигенція чувствовала вѣчный разрывъ съ народомъ. Она съ мученьемъ и терзаніемъ старалась подходить къ нему («хожденіе въ народъ»). И даже службу интеллигенціи въ деревнѣ въ качествѣ врачей и учителей какъ-то принято было до сихъ поръ считать или жертвой, или тяготой, отъ которой многимъ хочется сбѣжать. Приведенная корреспонденція даетъ намекъ на глубокое и жизненно-знаменательное явленіе: нарождается собственная деревенская интеллигенція, выростающая изъ [ея быта и, видимо, желающая продолжать жизнь въ рамкахъ того же быта.

Если бы это оказалось такъ, то вотъ нити, которыхъ давно ждала русская культура и которыя сослужатъ безцѣнную службу: онѣ скрѣпятъ, наконецъ, деревню съ оторванной и тщетно-стремящейся къ ней интеллигенціей, придвинутъ бытъ деревни, измѣнивъ его, къ общерусскому культурному быту и принесутъ Россіи неисчислимыя добрыя послѣдствія.

И. Жилкинъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Война и миръ. Памяти Л. Толстого. Сборникъ подъ редакціей В. П. Обнинскаго и Т. И. Полнера. Москва, изд. «Задруга», 1912. VII+311 стр. Цѣна 3 р. 50 коп.

Изъ эфемерной, хотя очень обильной литературы прошлаго года, посвященной воспоминаніямъ Отечественной войны, этотъ изящный и интересный сборникъ выдѣлился очень выгодно. Только теперь онъ доходитъ до публики: въ свое время онъ подвергся аресту, и лишь недавно арестъ снятъ. Эта задержка не отразится на успѣхѣ книги: содержаніе ея, конечно, шире рамокъ чисто юбилейнаго изданія. Принявшіе въ сборникѣ участіе авторы—читаемъ въ предисловіи—«принадлежатъ къ разнымъ политическимъ направленіямъ, но объединены любовью къ Толстому-художнику и ненавистью къ войнѣ—этому варварскому пережитку кулачнаго права».

Сборникъ распадается на двѣ части. Въ первой половинѣ даны

обширная статья о «Войнѣ и мирѣ»—Т. И. Полнера, двѣ статьи К. В. Покровскаго—объ исторіи работы Толстого надъ романомъ и объ его источникахъ, и статья В. Н. Перцева о той философіи исторіи, которая развита въ «Войнѣ и мирѣ». Это изученіе приводитъ къ выводу, правда, не новому, но детально обоснованному: «идеи «Войны и мира» во многомъ находятся въ противорѣчіи съ позднѣйшими взглядами Толстого, и если бы великій писатель подошелъ черезъ 20—30 лѣтъ послѣ окончанія романа къ описанію тѣхъ же событій, онъ взглянулъ бы на нихъ совсѣмъ иначе». Вторая часть книги представляетъ собою комментарій къ произведенію Толстого, подкрѣпляемый значительнымъ количествомъ матеріаловъ, неизвѣстныхъ Толстому. Комментарій освѣщаетъ истинное значеніе войны 1812 года для русскаго общества, внѣ рамокъ ходячаго представленія о «національномъ подъемѣ» и пр. Статьи: А. К. Дживелегова «Александръ и Наполеонъ», С. П. Мельгунова «На войнѣ 1812 года», К. В. Сивкова «Вліяніе войны 1812 г. на духовную жизнь Россіи» и В. И. Пичета «Война 1812 г. и народное хозяйство» обрисовываютъ болѣе или менѣе ярко разлагающее вліяніе войны на ходъ общественной и государственной жизни, обостреніе тяжелаго экономическаго положенія народа, гнета крѣпостного права и длительную суровую реакцію противъ освободительныхъ стремленій. Возможенъ упрекъ, что все это развито не безъ тенденціозности, въ противовѣсъ ходячей псевдо-патріотической точкѣ зрѣнія на войну 1812 года, но тотъ же упрекъ можетъ быть обращенъ ко всякому научному изслѣдованію и изображенію: только равнодушіе къ предмету разсказа можетъ быть свободно отъ подобныхъ упрековъ. Статья «Война сто лѣтъ назадъ и теперь» В. П. Обнинскаго напоминаетъ читателю современное положеніе вещей, когда Молохъ войны, даже при такъ называемомъ «мирѣ», раззоряетъ народы и тормозитъ соціальную реформу и когда ужасы «Войны и мира» стали дѣтскими игрушками въ сравненіи съ колоссальными бойнями современной войны. Наконецъ въ заключительной статьѣ Л. С. Козловскаго: «Война и миръ въ ученіи Толстого» сдѣлана сводка послѣднимъ взглядамъ Толстого на войну, какъ на ни чѣмъ не оправдываемое убійство, при чемъ отмѣчено расхожденіе Толстого не только съ современнымъ милитаризмомъ, но и съ такъ называемымъ пацифизмомъ. Сравнительно маленькій вопросъ освѣщенъ въ статьѣ В. Степановой «Война 1812 г. въ живописи»: авторъ констатируетъ, что картины на сюжеты бѣдствій войны оказались несравненно жизненнѣе и художественнѣе безчисленныхъ картинъ, изображающихъ офиціальную побѣдоносную сторону войны; для послѣдней

стороны императору Николаю I пришлось даже приглашать иностранныхъ художниковъ.

Въ своихъ отношеніяхъ къ войнѣ 1812 года и къ войнѣ вообще Левъ Толстой, какъ прекрасно показано въ сборникѣ, прошелъ чрезъ существенно различныя точки зрѣнія, отдавъ дань отвлеченной идеализаціи войны, какъ величественнаго зрѣлища и выраженія національныхъ достоинствъ народа. Въ этомъ развитіи онъ, конечно, отразилъ весьма ярко настроенія и представленія и русскаго общества. Въ этомъ также заключается не послѣдній интересъ книги, помимо значенія ея для характеристики личности, творчества и взглядовъ Толстого.

— Проф. Е. А. Бобровъ. Этюды объ А. И. Полежаевѣ. Варшава, 1913. 69 стр. Цѣна 45 коп.—Его же. Замѣтки по исторіи русской литературы, просвѣщенія и культуры, Варшава, 1913, 71 стр. Цѣна 50.

Въ началѣ нынѣшняго года исполнилось 75 лѣтъ со дня смерти Полежаева. Въ общемъ эта годовщина прошла незамѣченной, только г. Бобровъ, перу котораго принадлежитъ цѣлая серія мелкихъ изслѣдованій и замѣтокъ о злополучномъ поэтѣ, выпустилъ нѣсколько новыхъ замѣтокъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Все это мелочи, но любовный ихъ подборъ и тщательное освѣщеніе придаютъ извѣстную цѣну «этюдамъ», какъ матеріалу для сужденій о Полежаевѣ. Въ первыхъ двухъ этюдахъ рѣчь объ юношеской поэмѣ «Иманъ-козелъ», произведеніи Полежаева, которое при напечатаніи надѣлало не мало шуму. Оно воспроизводитъ народное сказаніе о попѣ, превращенномъ за жадность и переодѣваніе въ черта—въ козла. Эта басня о появленіи попа-козломужа распространилась въ Петербургѣ въ половинѣ октября 1825 года, за два мѣсяца до декабрьскихъ событій. Изъ слѣдствія надъ декабристами открылось, что якобы эта басня была пущена въ обращеніе для испытанія народа декабристами. Г. Бобровъ предполагаетъ, что на судьбу Полежаева, кромѣ услужливо кѣмъ-то подсунутаго царю «Сашки» (гдѣ есть несомнѣнный намекъ на декабристовъ: «О ты, который возведенъ погибшей вольности на тронъ!), могъ имѣть вліяніе также «Иманъ-козелъ»; возможно, что на Полежаева былъ съ чьей-либо стороны сдѣланъ одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ доносовъ, какіе кишѣли съ 1826 года. Въ слѣдующемъ этюдѣ г. Бобровъ дѣлаетъ попытку извлечь кое-какія авто-біографическія данныя изъ стихотвореній Полежаева, съ этой стороны пока весьма мало изслѣдованныхъ (въ этомъ отношеніи привлекалъ вниманіе только «Сашка»). Любопытно, напр., стихотвореніе «Геній», написанное Полежаевымъ

студентомъ во славу Николая I, очевидно, не принятое во вниманіе при рѣшеніи его участи. Въ дальнѣйшихъ замѣткахъ—рѣчь о статьѣ Добролюбова и нѣкоторыхъ мелочахъ біографіи Полежаева. Въ заключеніе г. Бобровъ довольно справедливо протестуетъ противъ искаженія образа Полежаева въ беллетристическомъ наброскѣ г. Б. Садовского («Погибшій пловецъ» въ сборникѣ «Узоръ чугунный»). Беллетристъ воспользовался извѣстнымъ эпизодомъ встрѣчи Полежаева, незадолго до смерти, съ Бибиковою; послѣдняя въ своихъ воспоминаніяхъ трогательно передала этотъ эпизодъ, какъ самый свѣтлый и поэтическій моментъ всей своей жизни. Подъ перомъ г. Садовского это все преобразилось въ каррикатуру на Полежаева. Г. Бобровъ могъ бы дополнить, что въ «Русской Каменѣ» того же автора, Полежаевъ, какъ человѣкъ и поэтъ, обрисованъ также нѣсколько предвзято. Позволимъ себѣ высказать пожеланіе, чтобы г. Бобровъ собралъ воедино свои статьи и замѣтки о Полежаевѣ, разбросанныя теперь въ мало доступныхъ брошюрахъ и, изданіяхъ. Своимъ творчествомъ и ужасною судьбою Полежаевъ конечно, заслуживаетъ цѣльной, обстоятельной книги.

Вторая брошюра г. Боброва содержитъ рядъ замѣтокъ весьма пестраго содержанія. Больше другихъ по объему собранные г. Бобровымъ матеріалы для біографіи собирателя народныхъ духовныхъ пѣсенъ В. Г. Варенцова. Во второй замѣткѣ опровергается извѣстная легенда о томъ, что на кафедру философіи въ Харьковскомъ университетѣ въ началѣ XIX вѣкѣ былъ назначенъ попечительскою властью квартальный надзиратель, или частный приставъ. По справкѣ, наведенной г. Бобровымъ, къ чести русской науки оказывается, что назначенный на кафедру философіи нѣкій Чановъ, дѣйствительно, три мѣсяца числился по полиціи въ Ярославлѣ, но фактически въ полиціи никогда не служилъ, а зачисленъ былъ съ тѣмъ, чтобы предоставить ему въ какой либо формѣ субсидію, когда онъ окончилъ дворянскую гимназію при Московскомъ университетѣ и переведенъ былъ въ Демидовскій лицей. Далѣе даны замѣтки и матеріалы о критикѣ шестидесятыхъ - семидесятыхъ годовъ Н. И. Соловьевѣ, объ источникѣ стихотворенія Ѳ. А. Кони «Гондольеръ», о «Недостроенномъ памятникѣ» Апухтина, о помощи со стороны Николая I семьямъ нѣкоторыхъ декабристовъ, дана также копія завѣщанія поэта Державина. Наконецъ, въ замѣткѣ «Изъ казанской старины» напечатано любопытное письмо Н. Н. Булича къ Н. Я. Гроту о Львѣ Толстомъ. Здѣсь мы узнаемъ новый существенный фактъ для біографіи Толстого. Въ молодости Буличъ очень увлекался философіей. Старшій товарищъ Толстого по казанскому университету, онъ часто встрѣчался съ нимъ «и на губернскихъ баликахъ танцуя, и въ его ком-

наткѣ, возлѣ темныхъ хоръ, въ квартирѣ его тетки и у меня. Тогда мы вели серьезные разговоры и всего больше о философіи. Я изучалъ Спинозу, и помнится впечатлѣніе, произведенное на меня, оригинальнымъ умомъ Толстого». Съ этими указаніями Булича котораго впослѣдствіи весьма тепло вспоминалъ Л. Н. Толстой, придется считаться при опредѣленіи вліяній на развитіе взглядовъ Толстого: извѣстно, что отъ казанскаго его періода сохранились тетрадки разсужденій по философіи, упоминаемыя въ бирюковской біографіи.

— Конст. Эрбергъ. Цѣль творчества. Опыты по теоріи творчества и эстетикѣ. Москва. Книгоиздательство «Русская Мысль». Стр. IX + 253. Ц. 1 р. 75 коп.

Авторъ предувѣдомляетъ въ предисловіи, что «основная идея проходящая сквозь всю книгу, принадлежитъ къ числу такихъ убѣжденій, для уясненія которыхъ приходится раскрывать передъ читателемъ общую картину міросозерцанія автора». Эту картину онъ и даетъ въ довольно пространномъ введеніи.

Свое отношеніе къ міру Эрбергъ характеризуетъ какъ *иннормизмъ*, въ смыслѣ отвращенія ко всякой принудительной нормѣ, въ смыслѣ отрицанія всякихъ насилующихъ волю велѣній: «хочу быть свободнымъ въ своемъ хотѣніи чего бы то ни было». Та сила, которая остановитъ безгранично свободнаго въ своихъ хотѣніяхъ человѣка передъ нарушеніемъ воли сосѣда, «живетъ въ свободолюбивомъ духѣ человѣческомъ. Имя ей—*гордость*». «Смѣлая человѣческая гордость, покоящаяся на откровенномъ, ни чѣмъ не замаскированномъ свободномъ эгоизмѣ, какъ разъ по мѣркѣ плѣненому необходимостью духу. Съ этой гордостью, и только съ нею, будетъ пользоваться каждый индивидумъ наивысшей мѣрой свободы, возможной въ сферѣ общественности». «Homo homini leo»—вотъ формула общественности будущаго; въ настоящемъ же необходимо бороться противъ главнаго и непримиримаго врага свободы—«многоголоваго мѣщанина и его законовъ рабскаго благополучія».

Исходя изъ этого упрощеннаго ничшеанства, слѣдуя которому сверхчеловѣкъ не захочетъ вредить другимъ сверхчеловѣкамъ, г. Эрбергъ строитъ свою теорію творчества. Оно есть освобожденіе человѣческаго духа въ моменты интуитивныхъ переживаній отъ узъ природы. «Все художественное творчество сводится къ борьбѣ человѣческаго духа съ природой для преодолѣнія ея власти, для освобожденія отъ ея колодокъ... Существеннымъ, основнымъ и самымъ цѣннымъ моментомъ въ переживаніяхъ творческаго духа является

именно духовное озареніе. Это есть то мгновеніе, когда вдругъ нежданно разсыпаются пылью гранитныя стѣны тюрьмы - природы, расплавляются желѣзные кандалы законовъ необходимости и ядъ свободы отравляетъ духъ навсегда... Въ моментъ озаренія совершается протестъ моей далекой свободы противъ природнаго насилія. Таинственныя вѣсти даетъ знать она о себѣ, даетъ знать моему духу, распятому на крестѣ природы... Здѣсь совершается преступленіе противъ законовъ природы: здѣсь совершается чудо. Ибо чудо всегда преступленіе. Это внезапное мгновенное чудо есть центральный положительный моментъ въ переживаніяхъ человѣческаго духа, и къ повторенію этихъ переживаній стремится онъ во время творчества... Принципъ освобождающагося бытія торжествуетъ здѣсь побѣду надъ принципомъ бытія рабскаго». Исходъ совокупности творческихъ усилій въ искусствѣ и наукѣ, заражающихъ собою и толпу, въ томъ, что «съ теченіемъ времени, толпа сама становится творцомъ-художникомъ», и тогда бьетъ часъ самой природы: «Человѣкъ-творецъ, человѣкъ-геній подрываетъ милліоннолѣтніе устои природы. Она колеблется, готова рухнуть. Стальные мускулы природы ослабѣваютъ, природа обезсиливаетъ, природа въ агоніи,—природа издохла! Да будетъ такъ! Да будетъ такъ! Да будетъ свобода отъ этой косной природы! Да будетъ освобожденное отъ насилія природы бытіе!»

Какъ оно будетъ обстоять безъ «издохнувшей» природы, авторъ не поясняетъ, но указываетъ и еще путь освобожденія, именно — въ «трагическомъ моментѣ интуиціи», при чемъ повторяетъ отъ себя кошмарную кирилловщину Достоевскаго: «Если я разбиваю себѣ голову о стѣну ради протеста, ради того мгновенія освобожденія, которое несетъ съ собою этотъ протестъ, то въ это мгновеніе побѣждаетъ не природа, а я; въ это мгновеніе совершается актъ нарушенія основного закона природы: самосохраненія каждой ея крупинки въ предѣлахъ рабскаго бытія; въ это мгновеніе совершается чудо». Впрочемъ, когда «издохнетъ» природа, половина человѣчества, «испытавшая все», какъ-то уцѣлѣетъ: «истинно отчаявшіеся—я знаю—спасутся отъ природы. Ихъ тяжкіе кандалы станутъ орлиными крыльями».

Таково это странное введеніе въ книгу, напряженно лирическое и напыщенное, порожденіе мысли, строющей въ абсолютной пустотѣ какой-то воздушный замокъ мистической свободы. Въ общемъ довольно характерный сколокъ съ нѣкоторыхъ больныхъ идей Достоевскаго. При всемъ «иннормизмѣ» автора въ книгѣ имъ владѣетъ также настоящій схоластическій духъ системы, особенно заявляющій себя въ главной статьѣ книги. Эта статья, подъ заглавіемъ

«Цѣль творчества»,—нѣчто въ родѣ диссертаціи, обозрѣвающей по параграфамъ и сложнымъ пугающимъ таблицамъ всѣ роды и виды творчества. Сознаемся, что у насъ не хватило духа одолѣть полностью всѣ эти сухія схемы и построенія; при поверхностномъ просмотрѣ они показались намъ не хуже и не лучше старыхъ подобныхъ схемъ и построеній, основанныхъ на другихъ апріорныхъ принципахъ. Кромѣ основной статьи «Цѣль творчества» въ книгѣ собрано еще нѣсколько болѣе мелкихъ статей, въ которыхъ также повторяется и утверждается тотъ же апріорно-взятый принципъ о природѣ художественнаго творчества, какъ освобожденія духа путемъ интуиціи.

Если бы авторъ не былъ безнадежно зараженъ представленіемъ объ интуиціи, какъ чисто мистическомъ моментѣ освождающаго общенія съ тайнами міра, его книга, тѣмъ не менѣе, представила бы нѣкоторый интересъ: анализъ интуиціи, положенной имъ въ основу его теоріи, долженъ лежать въ основѣ и научной психологической теоріи творчества. Временами авторъ становится на вполнѣ правильную дорогу, когда, напримѣръ, настаиваетъ на тождествѣ интуитивнаго момента въ чисто научномъ и художественномъ творчествѣ. Мѣстами мелькаетъ правильная мысль о природѣ художественнаго творчества, какъ мышленія, идущаго наиболѣе выгоднымъ экономически путемъ наименьшей затраты усилій. Но отдѣльныя интересныя мысли и проблески загромождены чисто словесными и формальными построеніями, и искренній, повидимому, энтузіазмъ тонетъ въ мутныхъ волнахъ мистической фразы. Напрасно авторъ оправдываетъ ее тѣмъ, что будто бы «иная убѣдительно произнесенная фраза цѣннѣе цѣлой системы очень логичныхъ, но неубѣдительныхъ для даннаго случая доказательствъ». «Неубѣдительныя» доказательства вообще многаго не стоятъ, даже подмѣна ихъ красивой лирикой, и намъ больше всего понравилось въ одной статьѣ г. Эрберга откровенное признаніе, что мистическая философія можетъ дать лишь «воздушный замокъ» теоріи творчества.

— André Lirondelle. Le poète Alexis Tolstoï. L'homme et l'oeuvre. Paris. 1912. Pp. XI+677. Prix 12 fr.

Книга лилльскаго профессора Андре Лиронделя о поэтѣ графѣ Алексѣѣ Толстомъ является выраженіемъ той взаимности литературныхъ и научныхъ интересовъ, которая все болѣе устанавливается между Западомъ и Россіею. Французскій ученый любовно изучилъ русскаго поэта, составилъ по первоисточникамъ его подробную біо-

графію и далъ необыкновенно внимательный и всесторонній обзоръ его творчества. Его книга по детальности разработки біографіи и творчества Алексѣя Толстого стоитъ впереди всѣхъ другихъ работъ о немъ, и надолго останется исчерпывающей, и приходится добавить, едва ли многія монографіи русскихъ ученыхъ, даже о корифеяхъ родной литературы, могутъ сравняться съ трудомъ г. Лиронделя.

Авторъ держится взгляда на Алексѣя Толстого, какъ на характеръ «глубоко славянскій, вопреки нѣкоторымъ видимостямъ», и объясняетъ этимъ характеромъ его политическія идеи и литературныя произведенія, разбираетъ технику ихъ и даетъ очеркъ судьбы ихъ у современниковъ и потомства. «Нашей цѣлью было,—говоритъ авторъ—установить оригинальность этого поэта, котораго упрекаютъ въ космополитизмѣ и книжности и котораго мы считаемъ національнымъ и самостоятельнымъ». Въ текстѣ книги дано не мало отрывковъ изъ неизданныхъ писемъ Толстого, въ обширномъ приложеніи напечатаны: юношеская фантастическая новелла его: «Le rendez-vous dans trois sents ans», написанная на французскомъ языкѣ и впервые появляющаяся въ печати, письмо къ Александру II (объ уничтоженіи въ Россіи памятниковъ старины), нѣсколько писемъ къ Маркевичу, юношескія стихотворенія Толстого, впервые публикуемыя (на русскомъ языкѣ), нѣсколько варіантовъ къ разнымъ стихотвореніямъ, и наконецъ—весьма полная библіографія литературы объ Алексѣѣ Толстомъ и указатель именъ.

Біографія, разсказанная съ подробностями общественно-литературной жизни эпохи, для русскаго читателя общеизвѣстными и съ обильными цитатами стихотвореній въ весьма точномъ переводѣ, даетъ весьма живой и привлекательный образъ; это—искренній поэтъ, всецѣло отданный своему призванію, хранящій самостоятельность и независимость и въ обстановкѣ свѣта и Двора, и среди распри враждующихъ партій. Во второй части книги, начиная съ «Князя Серебрянаго», авторъ слѣдитъ, какъ тѣсно связана личность поэта съ произведеніями его; даже въ историческій романъ и драматическую трилогію перенесены его личныя сужденія, мысли, образы, разсѣянныя въ интимной перепискѣ писателя, и всюду разлитъ глубоко искренній, неподдѣльный лиризмъ его души, выкупающій тѣ или иные недочеты творчества и промахи техники, погоню за внѣшне живописными эффектами и т. п. Отъ чисто романическаго и условнаго взгляда на красоту, поэтъ постоянно развивался въ сторону широкаго объективнаго реализма; послѣдній выразился въ особенности въ «Посадникѣ». Далѣе разсмотрѣны поэтическія произведенія, навѣянныя историческимъ изученіемъ и народной поэзіей, философскій и артистическій идеализмъ Толстого, въ особенности выразившійся

въ «Донъ-Жуанѣ», чувство природы, юморъ и сатира и въ заключеніе поэтическій языкъ Толстого. Въ общей оцѣнкѣ творчества своего любимца, авторъ достаточно объективенъ: указываетъ значительную неровность его таланта, достигавшаго только временами высоты геніальности (Царь Ѳедоръ), но полагаетъ, что ему суждено жить столько же, сколько и величайшимъ русскимъ поэтамъ; ему лучше, чѣмъ многимъ болѣе утонченнымъ или глубокимъ русскимъ лирикамъ удавалось передавать чувства общія всякой человѣческой душѣ, и стихъ его и фраза полны жара убѣдительности: «въ нихъ слышенъ мужественный голосъ, въ нихъ угадываешь добрую улыбку, въ нихъ чувствуешь благородное, нѣжное и вѣчно юное сердце: это не слова, это пѣсня, и отъ пѣсни его трепещутъ сердца и отверзаются уста».—Безусловно желателенъ переводъ этой книги на русскій языкъ, какъ потому, что у насъ нѣтъ подобной оригинальной работы объ Алексѣѣ Толстомъ, такъ и потому, что она поучительна для насъ и въ методологическомъ отношеніи, по отмѣченной уже полнотѣ и тщательности разбора избраннаго авторомъ писателя.

— Валерій Брюсовъ. За моимъ окномъ. М. Кн—во «Скорпіонъ». 1913. Стр. 62. Цѣна 50 коп.

Въ брошюрѣ собраны воспоминанія и впечатлѣнія автора отъ разнообразныхъ встрѣчъ и поѣздокъ. Въ первомъ очеркѣ переданы впечатлѣнія, пережитыя на похоронахъ Толстого; въ нихъ живо подчеркнуто единство настроенія, владѣвшаго тогда всею Россіею. «Начинаешь разговоръ съ каждымъ не безъ смутной боязни: какъ бы онъ неосторожнымъ выраженіемъ, не «тѣмъ» словомъ, не нарушилъ сложившагося здѣсь строя чувствъ. Но, должно быть, всѣмъ въ этотъ день хочется однихъ и тѣхъ же словъ, и все, что я слышу, естественно сливается съ моими мыслями»... Въ моментъ «вѣчной памяти» на могилѣ «хочется слить свой голосъ съ общимъ хоромъ, съ хоромъ *всѣхъ*. Въ эту минуту вѣришь, что этотъ хоръ—вся Россія». «Состоялись» народныя похороны», какъ удачно назвалъ кто то это погребеніе. Нужды нѣтъ, что «народу», въ сколько нибудь значительномъ количествѣ, *не дали* присутствовать на погребеніи. Всѣ, кто могъ явиться, чувствовали себя представителями всей Россіи... Все совершилось просто, но было въ этой простотѣ что то болѣе сильное, чѣмъ волненія и шумъ многотысячныхъ толпъ на иныхъ погребеніяхъ. Словно кто то подсказалъ всѣмъ, какъ надо вести себя въ эти часы, и похороны Толстого... были достойны Россіи»... Слѣдующій очеркъ—«Послѣдняя работа Врубеля»—раз-

сказъ о томъ, какъ художникъ писалъ портретъ съ самаго г. Брюсова, въ лѣчебницѣ душевно больныхъ, уже не всегда вѣрной рукою, при чемъ подъ конецъ, по словамъ г. Брюсова, сильно испортилъ свое произведеніе. Дальше, въ двухъ наброскахъ разсказано о визитѣ г. Брюсова бельгійскому поэту Верхарну и поѣздкѣ по Средиземному морю на венгерскомъ пароходѣ, впечатлѣнія переданы, вѣроятно, точно, но холодновато и мало интересны. Въ заключеніе даны воспоминанія о П. И. Бартеневѣ подъ заглавіемъ «Обломокъ старыхъ поколѣній». Это—тепло и умно написанный очеркъ о покойномъ редакторѣ «Русскаго Архива», своеобразномъ человѣкѣ и дѣятелѣ историческаго просвѣщенія. Пожалуй, это лучшая статья въ сборникѣ, и лучшая изъ характеристикъ Бартенева, какія появлялись въ печати по поводу смерти его. «За своимъ окномъ» авторъ видѣлъ не очень то много, но разсказалъ безъ скуки, хотя и съ свойственною ему четкою сухостью письма.

Ч. В—скій.

— Земля. Сборникъ двѣнадцатый. М. 1913 г.

Въ очередномъ сборникѣ «Земля» напечатаны только двѣ вещи: небольшой разсказъ Арцыбашева: «Мститель» и объемистая повѣсть Крашенинникова: «Дѣвственность». Арцыбашевскій разсказъ отличается, обычною для послѣднихъ произведеній этого писателя, надуманностью. Несмотря на экзотическое содержаніе—дѣйствіе происходитъ въ далекомъ прошломъ, гдѣ-то въ Италіи—въ немъ все—характерно арцыбашевское: и главный герой, пожиратель женскихъ сердецъ, неутомимый донъ-жуанъ, и основное настроеніе. Герой разсказа, итальянскій маркизъ, страдаетъ той же болѣзнью, что и прежніе арцыбашевскіе герои: крайнимъ эгоцентризмомъ и хочетъ быть «рѣшительнымъ и дерзкимъ». «Его гладкое выбритое лицо съ черными выпуклыми глазами, характернымъ носомъ и правильно очерченными губами надъ маленькимъ крутымъ подбородкомъ, говорило о рѣдкой самоувѣренности, доходящей до наглости, до шика. И ему, дѣйствительно казалось, что все—и солнце, и вѣтеръ, и горы, и люди, и животныя—все для него, ибо онъ одинъ, блестящій, элегантный и красивый, достоинъ всѣмъ пользоваться и жить. Онъ чувствовалъ себя центромъ—кумиромъ женщинъ и прирожденнымъ господиномъ мужчинъ...» Это—хорошо знакомый арцыбашевскій мотивъ, къ сожалѣнію, далеко не чуждый современному молодому поколѣнію, запутавшемуся въ сѣтяхъ инди-

видуализма. Но въ разсказѣ звучитъ и та новая нота не то примиренія, не то сомнѣнія, которая сказывалась и въ послѣднемъ романѣ Арцыбашева. Прежніе рыцари любви совершали свои «подвиги» безнаказанно, при явномъ покровительствѣ суда, а нынѣшніе нерѣдко несутъ кару за свой рискованный принципъ «все дозволено». Кара пока, конечно, самая грубая—фактическая, ибо до моральной они не доросли. Но и это важно. Арцыбашевскій маркизъ погибаетъ отъ ножа неизвѣстнаго мстителя за оскорбленное нравственное чувство.

Тотъ же «духъ времени» проникъ и въ обширную повѣсть Крашенинникова, несмотря на несходство, даже контрастъ между этими писателями. У Арцыбашева все такъ аляповато и грубо, хотя и ярко. А у Крашенинникова муза отличается изяществомъ и тонкостью, даже красивостью. Но въ утонченности иногда больше яда, чѣмъ въ прямолинейной грубости. Двѣ будто бы противуположныя авторскія мечты—объ истребленіи человѣческаго рода путемъ самоубійствъ и объ обновленіи дѣвической непорочностью въ сущности очень сходны. Зачѣмъ обновлять то, что обречено на погибель, на прекращеніе? Вѣдь послѣдовательное осуществленіе «дѣвственности» должно же привести къ прекращенію человѣческаго рода на землѣ, т. е. къ той же цѣли, которая является желанной для Арцыбашева. Все, что стоитъ внѣ мечты о дѣвственности: материнство, естественная любовь и естественное сближеніе мужчины и женщины, для г. Крашенинникова—гнусность. По отношенію къ людямъ у него тоже пренебреженіе и недоброжелательство, что и у автора романа «У послѣдней черты», такое же желаніе получше отгородиться отъ людей, поглубже уйти въ свое подполье... Только въ затхломъ подпольѣ, въ искуственномъ уединеніи отъ міра и замкнутости въ своемъ больномъ ограниченномъ «я», могутъ рождаться подобныя мечты. «Какъ нѣкогда обратила умиравшій міръ къ солнцу Дѣва,—такъ и теперь дѣвушка пройдетъ по міру, сіяя чистотой и призывая къ ней. Дѣвушка эта будетъ какъ дитя, ибо только дѣти войдутъ въ царство вѣчности... она не будетъ знать любви—*этой* любви; къ ней никто не подойдетъ съ желаніемъ: желаній въ ней не будетъ, какъ нѣтъ желаній въ утреннемъ вздохѣ цвѣтка». Эта дѣвушка, которой предстоитъ обновить жизнь, должна быть воспитана особеннымъ образомъ—въ невѣдѣніи зла и грѣха, въ незнаніи жизни. Такимъ же непорочнымъ, «дѣвственнымъ», долженъ воспитываться и мужчина. Зачѣмъ?.. Неужели только для жизни въ «бѣлой мечтѣ?..» И такъ, изъ одного источника два крайнихъ полюса: «Мнѣ нужна не одна—всѣ женщины!»—и въ результатѣ—такое отвращеніе къ себѣ и къ окружающему, отъ котораго

одно лекарство—самоистребленіе: а другая крайность: не прикасайся къ женщинѣ.

Какъ ни паталогично настроеніе арцыбашевскихъ героевъ, въ немъ есть хотя и уродливые, но живые корни современности, ему нельзя отказать въ искренности и послѣдовательности. Въ повѣсти же Крашенинникова поражаетъ надуманность. Она такъ искусственна и вычурна, что, несмотря на тонкость и углубленность настроеній, не только не убѣждаетъ, но и не трогаетъ. Невольно сомнѣваешься въ искренности автора: неужели онъ, въ самомъ дѣлѣ, додумался до такой странной безжизненной и даже безсмысленной философіи? Не маневръ ли это и выкрутасъ съ его стороны? Философія замкнутости и цѣломудрія сквозила у г. Крашенинникова въ прежнихъ произведеніяхъ, напр., въ «Сказкѣ любви», но не была выражена съ такой полнотой и претенціозностью. Тамъ замкнутая жизнь брата и сестры съ ихъ исключительною любовью другъ къ другу, а здѣсь еще болѣе болѣзненная страсть отца и дочери, переполненная чудачествами и истериками. Особенно юродствуетъ отецъ, писатель—создатель добродѣтельной философіи непорочности. Онъ не можетъ помириться съ мыслью что его дочь Тася влюбилась въ молодого человѣка Этьена и рѣшаетъ покончить съ собой. Передъ тѣмъ онъ ѣдетъ въ гостиницу, покупаетъ кровать, на которой спала Тася, когда была «непорочной», и собирается завѣщать, чтобы ее поставили на его могилѣ, вмѣсто памятника...

Противъ чистоты и непорочности, какъ символа, ничего нельзя было бы возразить; но, во первыхъ, онъ невыдержанъ авторомъ—чистота постоянно смѣшивается имъ съ невинностью, непорочность съ нетронутостью, во вторыхъ, для символа въ повѣсти ужъ слишкомъ громоздкая, грубо конкретная рамка. Всѣ эти отели, garçon'ы, кровати не способствуетъ пріобщенію къ «бѣлой мечтѣ» Крашенинникова, а только подчеркиваютъ ея безжизненность. Эта путаница и смѣшеніе стилей произошли, очевидно, потому, что г. Крашенинниковъ вообразилъ себя символистомъ и прививаетъ себѣ соотвѣтствующіе пріемы. На самомъ же дѣлѣ талантъ его чисто реалистической природы, родственный тургеневскому. И его слѣдовало-бы культивировать, а не заставлять блуждать по ложнымъ путямъ. Въ героинѣ повѣсти, Тасѣ, не смотря на всѣ педагогическіе фокусы, которые продѣлывалъ надъ ней отецъ, всетаки въ концѣ концовъ, побѣдила всесильная жизнь. Надо надѣяться, что то же произойдетъ и съ самимъ авторомъ. «Дѣвственность» написана умѣло и съ размахомъ, красивымъ, хотя и нѣсколько приторнымъ, языкомъ.

Е. Колтоновская.

— Проф. А. Дастръ. Жизнь и смерть. Перев. съ 12-го франц. изд. Б. С. Бычковскаго. Кн-во «Прометей». 1913 г.

Г. Бычковскій продолжаетъ неутомимо преслѣдовать свою цѣль, заключающуюся въ томъ, чтобы портить безобразными переводами хорошія книги иностранныхъ авторовъ. Мнѣ уже приходилось на страницахъ «Вѣстника Европы» отмѣчать перлы его переводческой дѣятельности, въ родѣ открытія философа Кузиніена, проповѣди на Монтанѣ (нагорной проповѣди), Рюбэна (т. е. Рубенса) и т. д. Новый переводъ не многимъ лучше прежнихъ. Вотъ немногіе примѣры, замѣченные при простомъ перелистываніи книги. Извѣстный Лёбъ превратился у г. Бычковскаго въ Лейба, нѣмецкій ученый Фойтъ (Voit) упорно называется имъ Воа; на тотъ же французскій ладъ говоритъ онъ о «панженахъ» Девріе (стр. 134), о «жемулахъ» (ib.). Крахмалъ иногда именуется амиданомъ, а рулевой—пилотомъ. На стр. 21 мы встрѣчаемъ Парацельзеса; тамъ же и на слѣдующихъ страницахъ намъ разсказываютъ объ археусахъ и какихъ то blas. Но лучше всего, конечно, открытіе, сдѣланное г. Бычковскимъ на стр. 16 его перевода. Мы здѣсь узнаемъ, что «Пиѳагоръ различалъ дѣйствительную, мыслящую душу, *мы*, это разумное и безсмертное начало, характеризуемое аттрибутами сознанія и воли, и жизненный принципъ, *Психію*, одушевляющій тѣло» и т. д. Аристотель тоже отличалъ «Мы» и «Психію». Читатель, конечно, догадался, что это чудесное «Мы» есть ни что иное, какъ греческое Νοῦς (или, пользуясь латинской транскрипціей, Noûs), которое г. Бычковскій въ простотѣ душевной отожествилъ съ французскимъ Nous. Недурна также и антитеза этого «Леве»—Психія!

Съ плохимъ переводомъ вполнѣ гармонируетъ небрежный характеръ изданія, буквально пестрящаго опечатками.

— Новыя идеи въ философіи. Неперіод. изд., выходящее подъ редакціей Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сборникъ № 5. Теорія познанія. II. Изд. «Образованіе». Спб. 1913 г. Цѣна 80 к.
— Сборникъ № 6. Существуетъ ли внѣшній міръ?

Содержаніе пятаго сборника «Новыхъ идей въ философіи» нѣсколько пестрое. Двѣ статьи въ немъ—одна оригинальная, В. Сеземана, и другая переводная, Натарпа—посвящены философіи Марбургской школы. Г. Сеземану удалось дать ясное и доступное изложеніе нелегко усваиваемой системы взглядовъ Г. Когена и его послѣдователей. Этой ясностью далеко не отличается статья П. На-

тарпа «Кантъ и Марбургская школа», въ которой онъ указываетъ поправки, введенныя въ ученіе Канта марбургской школой, а также защищаетъ взгляды ея отъ критики со стороны риккертіанцевъ.

Въ интересной статьѣ, трактующей о «Мистицизмѣ въ современной философіи» Э. Радловъ отмѣчаетъ наблюдающійся въ настоящее время поворотъ европейской мысли въ сторону мистицизма и иллюстрируетъ эту мысль на анализѣ воззрѣній Джемса, Бергсона и Соловьева. Намъ кажется, однако, что зачислить Джемса и Бергсона (по крайней мѣрѣ, теперешняго) въ мистики нельзя безъ нѣкоторой натяжки, которая и заключается въ широкомъ пониманіи термина мистицизмъ. Врядъ ли также правильно заключеніе Э. Радлова о возможности добрососѣдскихъ отношеній между наукой и мистицизмомъ: ceci tuera cela, или обратно.

Въ статьѣ «Невозможность теоріи познанія» (представляющей докладъ, читанный на болонскомъ философскомъ конгрессѣ) Л. Нельсонъ старается доказать, что теорія познанія невозможна и что однако это не означаетъ отказа отъ попытки созданія философіи. Такъ называемая имъ теорія «метафизическаго критицизма» должна спасти философскую мысль какъ отъ безплодія и самопротиворѣчивости теоріи познанія, такъ и отъ догматизма старинной метафизики.

Совсѣмъ особнякомъ какъ то стоитъ въ сборникѣ статейка Р. Эйслера «Сознаніе и бытіе».

Очень цѣльный характеръ носитъ за то сборникъ 6—«Существуетъ ли внѣшній міръ?», всѣ статьи котораго по существу посвящены борьбѣ съ тѣмъ, что Шопенгауэръ называлъ «основнымъ идеалистическимъ воззрѣніемъ» («die idealistische Grundansicht»), именно съ утвержденіемъ, что міръ есть наше представленіе. Въ блестящей, написанной въ видѣ діалога, статьѣ «Солипсизмъ», недавно умершій В. Шутте доказываетъ ошибочность теоріи солипсизма. Непосредственную данность реальнаго внѣшняго міра защищаетъ и близкій къ имманентизму І. Ремке въ статьѣ «О достовѣрности внѣшняго міра для насъ». Очень содержательна обстоятельная статья Фришейзенъ-Кёлера «Ученіе о субъективности чувственныхъ качествъ и его противники», гдѣ, въ связи съ историческимъ развитіемъ проблемъ философіи, приводятся аргументы, выставляемые въ пользу теоріи о субъективности чувственныхъ качествъ, и возраженія, видвинутыя—въ особенности за послѣднее время—противъ этой теоріи.

Въ концѣ сборника приложенъ краткій списокъ книгъ и статей, относящихся къ литературѣ вопроса. Не понимаю, въ силу какихъ соображеній въ этомъ спискѣ не указаны работы Авена-

ріуса и его учениковъ, Маха, Бергсона, защищающія ту же точку зрѣнія непосредственной данности внѣшняго міра.

— Э. Л. Радловъ. Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и ученіе. Изд. «Образованіе». Спб. 1913 г. Стр. 266. Цѣна 1 р. 50 к.

За послѣднее время, вмѣстѣ съ ростомъ интереса къ философіи въ нашемъ обществѣ, усилился интересъ и къ представителямъ русской философской мысли. Въ московскомъ издательствѣ «Путь» вышли уже монографіи о Хомяковѣ (Н. Бердяева) и о Козловѣ (г. Аскольдова). Издательство «Образованіе» недавно выпустило работу Радлова о Вл. Соловьевѣ. Книга г. Радлова посвящена изложенію основныхъ взглядовъ высоко-даровитаго философа-богослова, при чемъ авторъ старательно воздерживался отъ критики, находя, что, съ одной стороны, критика воззрѣній Соловьева преждевременна, ибо философскій обликъ его еще не достаточно выясненъ, а, съ другой, что критика эта вообще затруднительна въ виду особенности всей его философіи, покоящейся на вѣрѣ въ божественную природу Христа и представляющей простой выводъ изъ христіанского вѣроученія (см. Предисловіе). Изложеніе философіи В. Соловьева—которому предпосланъ довольно обстоятельный біографическій очеркъ—касается послѣдовательно его теологическихъ метафизическихъ и этическихъ взглядовъ, его воззрѣній на исторію и политику, гносеологіи и эстетики. Изложеніе, сжатое и ясное, нечуждо однако нѣкоторыхъ повтореній, что объясняется характеромъ самой книги, составившейся изъ различныхъ отдѣльныхъ статей, спаянныхъ новыми, специально для этого изданія, написанными главами, о чемъ авторъ и предупреждаетъ въ предисловіи. Для ознакомленія съ философіей В. Соловьева книга является цѣннымъ пособіемъ.

П. Юшкевичъ.

— С. Ф. Ивановъ. «Бухгалтерская экспертиза въ судебномъ процессѣ». Съ предисловіемъ сенатора Случевскаго. Спб. 1913.

Развитіе банковаго дѣла и всякаго рода торгово-промышленныхъ предпріятій, связанныхъ съ правильнымъ веденіемъ бухгалтерскихъ счетовъ, отразилось на судебной дѣятельности, вызывая обширный рядъ споровъ по разсчетамъ и уголовныхъ обвиненій по поводу преступной дѣятельности какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ учрежденій. Сложные процессы по обвиненію въ недобро-

совѣстномъ веденіи дѣлъ, въ превышеніи власти, въ нарушеніи устава и въ растратахъ возникаютъ все чаще и чаще, и судебное по нимъ слѣдствіе тянется иногда по цѣлымъ недѣлямъ, при чемъ центръ тяжести разбирательства переносится съ объясненій подсудимаго и показаній свидѣтелей на работу и заключеніе свѣдущихъ людей. Это заключеніе является обыкновенно руководящей нитью въ дремучемъ лѣсу цифръ, записей, книгъ, итоговъ и отчетовъ, въ которомъ такъ легко заблудиться не-спеціалисту и опустить въ безсиліи, понять что-либо, руки. Поэтому всякій трудъ, посвященный задачамъ и условіямъ дѣятельности такихъ свѣдущихъ людей заслуживаетъ особаго вниманія. Между тѣмъ, въ нашей литературѣ доселѣ не существовало трудовъ, въ которыхъ вопросъ о бухгалтерской экспертизѣ былъ бы разработанъ систематически. Нынѣ этотъ пробѣлъ пополненъ книгой С. Ф. Иванова, которая является результатомъ его многочисленныхъ теоретическихъ и практическихъ работъ, нашедшихъ отголосокъ въ рядѣ его статей, въ журналѣ «Коммерческое образованіе», по исторіи бухгалтеріи и ея современному положенію (перу автора также принадлежатъ переводы трудовъ извѣстнаго изслѣдователя бухгалтеріи Кейля). Написанная живымъ и понятнымъ для не-спеціалиста языкомъ, книга С. Ф. Иванова даетъ возможность завершить рядомъ практическихъ совѣтовъ и указаній циклъ главнѣйшихъ экспертизъ, съ которыми приходится имѣть дѣло судебнымъ дѣятелямъ. Давно уже подробно разработаны основанія и способы судебно-медицинскаго изслѣдованія въ уголовномъ процессѣ, выясненъ объемъ и значеніе экспертизы психіатрической, установлены условія каллиграфической и смѣнившей ее фотографической экспертизы, не говоря уже объ экспертизахъ техническихъ, какова, напримѣръ, строительная. Книга С. Ф. Иванова ставитъ прочныя основанія бухгалтерской экспертизы, разбираетъ ея виды, намѣчаетъ задачу изслѣдованія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, разбираетъ пріемы и условія изслѣдованія документовъ и книгъ, подробно останавливается на особенностяхъ этой экспертизы при предварительномъ слѣдствіи, приводитъ чрезвычайно интересные примѣры бухгалтерской судебной экспертизы въ громкихъ процессахъ и даетъ обзоръ современнаго законодательства объ экспертахъ и экспертизѣ въ Россіи и Западной Европѣ. Ближайшее знакомство съ книгой заставляетъ вполнѣ присоединиться къ мнѣнію В. К. Случевскаго, считающаго трудъ автора весьма цѣннымъ и проникнутымъ тѣмъ любовнымъ отношеніемъ къ разработкѣ избранной темы, которое составляетъ главный залогъ успѣха и—прибавимъ отъ себя—дѣлаетъ ее не только цѣнной, но и необходимой для всякаго юриста, посвящающаго себя практической дѣятельности.

А. Ѳ. Кони.

— А. Трайнинъ. Несостоятельность и банкротство. Спб. 1913.

Небольшая работа г. Трайнина представляетъ собою воспроизведеніе доклада, читаннаго имъ въ концѣ прошлаго года въ Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ. Подготовляя къ печати теоретическое изслѣдованіе о банкротствѣ, авторъ изданіемъ своего доклада имѣетъ въ виду «привлечь вниманіе къ назрѣвшей реформѣ конкурснаго права и посильно содѣйствовать ея осуществленію». Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Трайнинъ, какъ участникъ въ работахъ по изготовленію «законопроекта объ измѣненіи производства дѣлъ о несостоятельности» (предпринятыхъ по иниціативѣ «Московскаго временнаго комитета по изысканію мѣръ противъ неплатежей»), защищаетъ въ своемъ докладѣ основныя положенія этого законопроекта.

Въ первой части своего доклада авторъ, вслѣдъ за проф. Шершеневичемъ, признаетъ, что общимъ основаніемъ несостоятельности должно быть прекращеніе платежей, а не доказанное превышеніе актива надъ пассивомъ, т. е. неоплатность,—l'impossibilité de payer, а не l'insolvabilité. Это положеніе доказывается не только соображеніями техническаго характера, въ частности—необходимостью усовершенствованія производства по дѣламъ о несостоятельности, но и болѣе общими: авторъ полагаетъ, что оно продиктовано самымъ процессомъ экономическаго развитія. Устанавливая такое основаніе несостоятельности, законодатель—полагаетъ авторъ—вовсе не отказывается отъ принципа неоплатности. «Законъ оперируетъ здѣсь съ тою же неоплатностью, но схваченной не во внутреннемъ и трудно уловимомъ соотношеніи актива и пассива, а въ ея внѣшнемъ, отчетливомъ проявленіи—прекращеніи платежей». Что касается того, долженъ ли законъ опредѣлить признаки, по которымъ судъ въ отдѣльныхъ случаяхъ будетъ устанавливать фактъ прекращенія платежей, то г. Трайнинъ склоняется къ отрицательному мнѣнію, опасаясь, что иначе законъ «скажетъ лишнее или не договоритъ существеннаго».

Вторая часть доклада посвящена вопросу о банкротствѣ. Авторъ справедливо отмѣчаетъ, что теоретическая разработка его весьма недостаточна. Важнѣйшимъ послѣдствіемъ такого невниманія теоріи явилось смѣшеніе частно - правовой и публично - правовой точекъ зрѣнія на банкротство. Двойственность пониманія банкротства съ особой силой выступаетъ въ нашемъ законодательствѣ. Коренной недостатокъ его въ этомъ отношеніи—неестественно длинный путь, и притомъ черезъ органы *гражданскаго* правосудія и *гражданскаго*

судопроизводства, который должно проходить слѣдствіе о банкротствѣ прежде чѣмъ придти къ прокурорскому надзору. Результатомъ такого положенія вещей является необычайно слабая репрессія банкротства: въ среднемъ, ежегодно во всей Россіи не осуждается за банкротство и двухъ человѣкъ. Поражаетъ и % оправданныхъ по дѣламъ о банкротствѣ, который достигаетъ 87,7. Такое огромное число оправданій авторъ объясняетъ тѣмъ, что если слѣдственный матеріалъ и попадаетъ отъ конкурснаго управленія къ прокурорскому надзору, то въ такомъ видѣ и такъ поздно, что постановленіе на основаніи этого матеріала обвинительнаго приговора оказывается, большею частью, невозможнымъ. Необходимо измѣнить этотъ порядокъ—освободить конкурсное управленіе отъ обязанностей судебнаго слѣдователя, и все слѣдствіе о банкротствѣ передать въ распоряженіе прокурорскаго надзора.

Изъ предложеній, затрагивающихъ личное положеніе должника, едва ли можно одобрить отягченіе участи несостоятельнаго не по торговлѣ въ проектѣ, защищаемомъ г. Трайнинымъ: по дѣйствующему закону такой несостоятельный не заключается подъ стражу, а по проекту до опредѣленія мѣры пресѣченія и ему придется быть въ заключеніи.

Заслуживаетъ вниманія критика конструкціи простого банкротства въ дѣйствующемъ правѣ и попытка новаго построенія простого и злостнаго банкротства. Вопросъ объ умыслѣ въ деликтѣ банкротства, къ сожалѣнію, затронутъ авторомъ слишкомъ бѣгло, а между тѣмъ онъ имѣетъ первостепенное значеніе.

Въ общемъ, несмотря на свой небольшой объемъ, книжка г. Трайнина очень содержательна. Основательная критика нашихъ устарѣвшихъ постановленій о несостоятельности и банкротствѣ и практическія предложенія реформы, вылившіяся въ форму законченнаго проекта новаго закона, не должны пройти незамѣченными.

Ал. Маклецовъ.

— Г. Кауфманъ. «Теорія потребительской кооперацій». Перев. съ нѣмец. Л. Щегловой-Хейсинъ, съ предислов. В. Ф. Тотоміанца. Ц. 50 к. СПБ. 1912 г.

Небольшая, ярко написанная брошюра принадлежитъ перу извѣстнаго дѣятеля потребительской кооперацiи въ Германiи. Заглавіе книги не вполнѣ отвѣчаетъ ея содержанію. Къ теоріи, въ собственномъ смыслѣ, относится только небольшая часть VII-ой главы, гдѣ авторъ вкратцѣ повторяетъ уже высказанное имъ ранѣе опредѣ-

леніе потребительской кооперации. Къ теоріи, затѣмъ, можно отнести описательную главу о «тенденціяхъ развитія потребительской кооперации», выясняющую основныя черты потребительской кооперации, какъ хозяйственнаго явленія. Въ большей-же своей части работа Г. Кауфмана посвящена разработкѣ нѣкоторыхъ чисто практическихъ вопросовъ, по поводу которыхъ въ нѣмецкомъ кооперативномъ движеніи возникла оживленнная полемика. «Отвѣтить на вопросъ: почему кооперативное движеніе должно быть нейтральнымъ и что нужно понимать подъ нейтралитетомъ»—вотъ главная задача автора. Потребительскій кооперативъ Г. Кауфманъ разсматриваетъ, какъ хозяйственное предпріятіе, членами котораго могутъ состоять лица различныхъ классовъ. Поэтому «потребительская кооперація, какъ представительница потребительныхъ интересовъ различныхъ классовъ, должна по своей внутренней сущности быть нейтральной по отношенію къ политическимъ партіямъ, защищающимъ производительные интересы отдѣльныхъ классовъ». Нейтралитетъ-же, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, что кооперація въ опредѣленіи своихъ дѣйствій должна руководиться только хозяйственными потребностями даннаго кооператива, и «то, что должно дѣлать кооперативное движеніе, оно сдѣлаетъ по внутренней необходимости, не взирая ни чьи-либо партійныя соображенія».

Поскольку Г. Кауфманъ отстаиваетъ нейтралитетъ кооперации въ смыслѣ организаціонной самостоятельности, находя, что кооперативныя организаціи не должны преслѣдовать общественно-политическія и религіозныя цѣли—онъ отстаиваетъ положеніе, еще не получившее общаго признанія и потому нуждающееся въ пропагандѣ и защитѣ. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на твердой почвѣ, такъ какъ нарушеніе нейтралитета кооперации въ вышеуказанномъ смыслѣ грозитъ ей хозяйственной слабостью и неустойчивостью. Но авторъ, въ своей теоріи «внутренней необходимости», идетъ, повидимому, дальше такого простого и не возбуждающаго сомнѣній представленія о нейтралитетѣ кооперации. Подобно тому, какъ экономисты классической школы въ своихъ построеніяхъ исходили изъ абстрактнаго представленія объ «экономическомъ человѣкѣ», такъ и нашъ германскій теоретикъ кооперации предполагаетъ нѣчто въ родѣ «кооперативнаго человѣка», который руководствуется исключительно кооперативно-потребительскими интересами. Онъ какъ-будто не признаетъ взаимодѣйствія между коопераціей и другими общественными явленіями, а также не допускаетъ вліянія на кооператоровъ со стороны различныхъ теченій общественной мысли. «Что думаютъ кооператоры о кооперативномъ движеніи—это ихъ дѣло», говоритъ авторъ (стр. 60). Въ дѣйствительности, конечно, кооперація отражаетъ на себѣ всѣ

противорѣчія современнаго общественнаго строя, и судьба ея опредѣляется людьми, на которыхъ также отражаются различныя теченія общественной мысли. Съ нѣкоторыми изъ нихъ кооперація въ своей практикѣ отнюдь не можетъ не считаться. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, представленіе Кауфмана о характерѣ кооперативнаго нейтралитета выходитъ изъ предѣловъ, отмежеванныхъ этому вопросу дѣйствительностью.

Нѣсколько одностороннее направленіе книги Г. Кауфмана не мѣшаетъ ей быть интересной по яркости изложенія и по содержательности. Для русскаго читателя наибольшій интересъ представляютъ главы, посвященныя выясненію «тенденцій развитія» и «программныхъ требованій» потребительской коопераціи. Книга написана довольно общедоступно и переведена хорошимъ языкомъ.

Сем. Масловъ.

— Ausgewählte Lesestücke zum Studium der politischen Oekonomie, herausgegeben von Prof. Dr. Karl Diehl und Dr. P. Mombert. T. I—VI, Карлсруэ, 1912—1913.

Задача настоящаго изданія избранныхъ отрывковъ для изученія политической экономіи (насколько намъ извѣстно, такое собраніе появляется впервые)—облегчить преподаваніе и изученіе основныхъ проблемъ политической экономіи. Оно предназначено преимущественно для работъ въ семинарахъ, но можетъ оказать серьезную помощь всякому, желающему самостоятельно ознакомиться съ основными вопросами теоретической экономіи.

Указанная задача разрѣшена слѣдующимъ образомъ. Издатели намѣтили рядъ основныхъ проблемъ (цѣна, цѣнность, заработная плата и т. д.) и каждой изъ нихъ посвятили особый выпускъ. Въ началѣ каждой книги помѣщено введеніе, содержащее краткій историческій очеркъ, сравнительное изложеніе главныхъ теорій и перечень основныхъ литературныхъ пособій для подробнаго изученія данной проблемы. Затѣмъ слѣдуютъ тексты изъ классиковъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова). При выборѣ текстовъ издатели имѣли въ виду дать, въ соотвѣтствующихъ извлеченіяхъ, все то, что можетъ быть признано «классическимъ» по данному вопросу, что даетъ возможность понять исторически и теоретически данную проблему. Поэтому, въ большей части выпусковъ приведены произведенія авторовъ, предшествовавшихъ классической школѣ (меркантилисты, физіократы, камералисты), засимъ слѣдуютъ англійскіе классики и ихъ современники, далѣе, представители исторической

школы, научнаго соціализма, австрійской школы и, наконецъ, наиболѣе видные изъ современниковъ (напр., Маршаль, Кнапп). Изъ произведеній каждаго автора приводится то, что, по мнѣнію издателей, является наиболѣе яркимъ и типичнымъ для него. И этотъ выборъ въ большинствѣ случаевъ сдѣланъ мастерски. Конечно, имѣются недочеты. Такъ напр., неудачно извлеченіе изъ Маркса и Родбертуса.

До сихъ поръ издано шесть выпусковъ: о цѣнѣ, цѣнности, заработной платѣ, поземельной рентѣ, деньгахъ, народонаселеніи. Въ ближайшемъ будущемъ намѣчено изданіе дальнѣйшихъ выпусковъ, посвящаемыхъ вопросамъ прибыли, кризисамъ и т. д. Изданіе должно быть признано во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно удачнымъ и полезнымъ. Мы могли бы отмѣтить лишь одинъ пробѣлъ: отсутствіе подлинныхъ текстовъ (извлеченія приведены въ нѣмецкомъ переводѣ). Какъ бы ни былъ удаченъ переводъ, при серьезной научной работѣ онъ никогда не можетъ замѣнить оригинальнаго текста.

Введенія (написанныя, большею частью, проф. Дилемъ) отличаются ясностью и полной объективностью. То же можно сказать по поводу выбора текстовъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что многіе изъ приведенныхъ отрывковъ изъ старыхъ авторовъ въ настоящее время почти недоступны, такъ что въ этомъ отношеніи «избранные отрывка» сослужатъ неоцѣнимую службу.

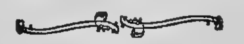
Алекс. Штернъ.

Dopsch, Alfons. Die Wirtschaftentwickelung der Karolingerzeit, vornehmlich in Deutschland. Ч. 1-я Веймаръ. 1912.

Значеніе этой книжки—не столько въ установленіи новаго пониманія экономическаго развитія ранняго средневѣковья (этого новаго пониманія слѣдуетъ ждать отъ обѣщанной второй части труда), сколько въ разрушеніи господствующаго, полнѣе всего развитаго въ трудѣ недавно умершаго вѣнскаго историка *Инама* (*Inama-Sternegg*, Deutsche Wirtschaftsgeschichte bis zum Schluss der Karolingerperiode»; 1-ый томъ вышелъ вторымъ переработаннымъ изданіемъ въ 1909 г.). Со времени трудовъ Маурера (особенно его «Geschichte der Fronhöfe, der Bauernhöfe und der Hufverfassung in Deutschland» 1862) типичною чертой соціально-экономическаго строя каролингской эпохи считается преобладаніе крупнаго землевладѣнія, королевскаго, церковнаго и свѣтскаго, которое къ концу IX вѣка почти поглотило мелкое и среднее и вобрало, подчинивъ себѣ, свободныя крестьянскія общины. Организацію и строй крупнаго землевладѣнія представляютъ себѣ строго централистическими. Эта гос-

подствующая теорія ведетъ къ своеобразной постановкѣ проблемъ о развитіи ремесла и торговли и о возникновеніи городского строя. Но уже съ 80-хъ гг. встрѣчаются отдѣльныя уклоненія отъ теоріи Инама и критика выводовъ изъ нея или ея частностей, при чемъ оспаривается исчезновеніе мелкаго и средняго землевладѣнія и утверждается свободное происхожденіе городскихъ общинъ. Каро преуменьшаетъ остроту аграрнаго кризиса конца IX в. и значеніе крупнаго землевладѣнія. Близкіе взгляды высказывали Ритчель, Зеелигеръ и другіе, а для Италіи Сальвіоли и Лейхтъ. И въ то же время изслѣдованія, посвященные отдѣльнымъ ограниченнымъ областямъ давали картины, не согласующіяся съ господствующей теоріей (Ср. *Удальцовъ*, Свободная деревня въ западной Нейстріи въ эпоху Меровинговъ и Каролинговъ—Журн. Мин. Нар. Пр., 1912, окт. и ноябрь). Къ числу сознательныхъ разрушителей отживающей системы слѣдуетъ отнести и Допша. Давъ краткій очеркъ исторіи господствующаго ученія, онъ подвергаетъ остроумной, хотя и не всегда безспорной критикѣ источники, а затѣмъ оспариваетъ теорію Инама послѣдовательно въ примѣненіи къ королевскому, церковному и свѣтскому землевладѣнію. Съ полною убѣдительностью выясняется преувеличеніе историками размѣровъ крупнаго землевладѣнія и отсутствіе той централизаціи, которую предполагаютъ въ его организаціи: типичной для крупнаго землевладѣнія оказывается его разбросанность (Streulage, Streubesitz). Только по отношенію къ свѣтскому землевладѣнію Допшъ, цѣной нѣкоторой непослѣдовательности, какъ будто приближается къ Инамѣ. Заканчивается книга разборомъ вопросовъ о гуфахъ и маркахъ, причемъ въ послѣднемъ авторъ обнаруживаетъ неожиданную для нѣмецкаго ученаго, но знаменательную близость къ Фюстель де Куланжу, считавшему древнюю германскую общину-марку «романомъ». Обстоятельныя и убѣдительныя наблюденія Допша заставляютъ отказаться отъ полнаго принятія господствовавшей до сихъ поръ теоріи, но вызываютъ тѣмъ большее ожиданіе появленія новой. Многаго слѣдуетъ ожидать отъ обѣщаннаго второго тома, но конечно это будетъ только началомъ положительной синтезирующей работы, обладающей громаднымъ значеніемъ не только для историковъ, но и для экономистовъ и соціологовъ, до сихъ поръ еще строящихъ свои выводы на плечахъ Инама.

Л. П. Карсавинъ.

НОВЫЯ «НЕПРЕЛОЖНЫЯ НАЧАЛА» СУДА.

«Судъ въ каждомъ государствѣ долженъ покоиться на двухъ непреложныхъ началахъ. Первое изъ нихъ—то, которымъ оправдывается самое существованіе суда—его государственность. Каждый судъ долженъ быть, прежде всего, государственнымъ и въ Россіи только тогда онъ будетъ достойнымъ величайшаго ему оказываемаго довѣрія—постановлять приговоры по указу Его Императорскаго Величества,—когда это будетъ судъ, стоящій дѣйствительно на стражѣ государственности. Это есть первое основное требованіе. Второе требованіе заключается въ томъ, чтобы это былъ не судъ какой-то космополитическій, или еще того хуже—судъ инородческій, а судъ русскій, т. е. такой, судъ о которомъ мы могли бы съ гордостью заявить всякому иноземному судьѣ: такъ постановилъ русскій судъ, состоящій изъ русскихъ судей».

Поистинѣ знаменательны эти слова, сказанныя министромъ юстиціи въ Государственной Думѣ при обсужденіи ею, въ засѣданіи 28-го мая, смѣты министерства юстиціи. Они не только даютъ ключъ къ пониманію «судебной политики», практикуемой у насъ въ продолженіе послѣднихъ семи лѣтъ: они бросаютъ яркій свѣтъ на всю правительственную систему, тяготѣющую надъ народною жизнью и грозящую неисчислимыми опасностями и бѣдствіями.

Основой дѣятельности суда вездѣ и всегда—при нормальныхъ условіяхъ—является законъ. Эта основа имѣетъ, прежде всего, достоинство опредѣленности. Содержаніе закона нетрудно установить съ достаточною точностью, и если оно и допускаетъ различныя толкованія, то критерій для выбора между ними всегда можно найти въ наукѣ права и въ общемъ духѣ даннаго законодательства. Оставаясь на почвѣ закона, судъ можетъ и долженъ стремиться къ осуществленію *правды*. Въ составъ понятія о правдѣ входитъ и *милость*; не даромъ эти два девиза ставились у насъ рядомъ уже на зарѣ «эпохи великихъ реформъ». Совсѣмъ другое дѣло — *государственность*. Никакого точнаго, для всѣхъ одинаково яснаго представленія это слово не вызываетъ; каждый понимаетъ его по своему и выводитъ изъ него заключенія, соотвѣтствующія его взглядамъ и интересамъ. Какое значеніе оно пріобрѣло, въ послѣднее время, въ нашихъ офиціальныхъ сферахъ—это слишкомъ хорошо извѣстно. Оно

выражаетъ собою рядъ пережитковъ закончившагося историческаго періода, несогласованныхъ и несогласуемыхъ съ новыми учрежденіями и новыми порядками, преграждающихъ путь впередъ, къ лучшему будущему. Переносимое въ судебный міръ, оно становится источникомъ сдѣлокъ съ совѣстью. Суду, озабоченному мыслью о государственности, неизбѣжно приходится разбираться въ томъ, не окажется ли его рѣшеніе идущимъ въ разрѣзъ съ господствующимъ и обязательнымъ ея пониманіемъ. Намъ могутъ возразить, что государственность свойственна суду, какъ учрежденію, дѣйствующему отъ имени государства и отъ него получающему свои полномочія. Да, было время, когда судъ государственный противопоставлялся суду, отправляемому отдѣльными лицами или корпораціями, и являлся, въ сравненіи съ послѣднимъ, несомнѣнной перемѣной къ лучшему; но это время давно прошло, и не о государственности въ этомъ смыслѣ говорилъ г. Щегловитовъ. Источникъ полномочій суда служилъ для министра юстиціи только доводомъ въ пользу обязанности судей согласовать свою дѣятельность съ торжествующей, въ данную минуту, теоріей государственности.

Столь же мало правъ на «непреложность» имѣетъ и другое начало, провозглашенное г. Щегловитовымъ. Судъ, дѣйствующій въ Россіи на основаніи русскихъ законовъ, по уполномочію русской государственной власти, не можетъ, конечно, быть не русскимъ; но не этотъ простой и безспорный фактъ имѣлъ въ виду г. Щегловитовъ, когда говорилъ о русскомъ судѣ, «состоящемъ изъ русскихъ судей». Что въ составъ суда, учрежденнаго въ Россіи и для Россіи, не могутъ входить иностранцы, т. е. граждане другого государства—это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и гордиться этимъ не было бы никакого основанія. Ясно, поэтому, что подъ именемъ «русскихъ судей» министръ юстиціи понимаетъ судей *русскаго происхожденія*. Не знаемъ только, какъ далеко онъ распространяетъ это понятіе—подводитъ ли онъ подъ него однихъ лишь великоруссовъ (и притомъ, можетъ быть, лишь великоруссовъ православныхъ, какъ единственныхъ истинно-русскихъ людей), или также малороссовъ и бѣлоруссовъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которые ничѣмъ не проявили своей обособленности отъ великорусскаго племени. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что въ силу второго «непреложнаго начала» доступъ къ судейскимъ должностямъ закрытъ для весьма значительнаго числа русскихъ гражданъ, вполнѣ способныхъ и подготовленныхъ къ ихъ занятію. И это—не только вопіющая несправедливость по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, не только явное нарушеніе дѣйствительно «непреложнаго» начала равенства передъ закономъ: это—рѣзкое ухудшеніе условій, при которыхъ отправляется

правосудіе. Устраненіе «инородцевъ» отъ судейской службы затрудняетъ обезпеченіе окраинъ судебнымъ персоналомъ, хорошо знакомымъ съ особенностями мѣстной жизни и, что всего важнѣе, съ мѣстными языками. Государственная Дума, при всей снисходительности ея къ министерству юстиціи — снисходительности, такъ ясно выразившейся въ отклоненіи формулы перехода, предложенной фракціею прогрессистовъ,—приняла предложеніе депутата кн. Гелованн, направленное къ увеличенію, на окраинахъ, числа судей, знающихъ мѣстные языки. Понятно, какимъ препятствіемъ къ осуществленію этой мѣры служитъ положеніе дѣлъ, сложившееся подъ вліяніемъ руссификаціонныхъ стремленій и до крайности обостренное новѣйшею теоріею «непреложныхъ началъ». Когда въ половинѣ 70-хъ годовъ, черезъ десять съ небольшимъ лѣтъ послѣ возстанія 1863-го года, въ царствѣ польскомъ были введены въ дѣйствіе судебные уставы Императора Александра II-го, число поляковъ, занимавшихъ судейскія должности, доходило до 26%; теперь, какъ видно изъ рѣчи деп. Парчевскаго, во всѣхъ судахъ царства ихъ не болѣе пяти, и въ варшавской судебной палатѣ нѣтъ ни одного поляка. Что этимъ путемъ достигается желанный для власти составъ суда— это безспорно; но достигается ли желанная для населенія дѣятельность его?

Заключительныя слова министра юстиціи, приведенныя нами выше, служатъ лучшимъ опроверженіемъ всей предшествовавшей аргументаціи его, отрицавшей зависимость суда отъ судебнаго управленія. Когда въ обязанность суда вмѣняется охраненіе государственности, когда подчеркивается его національное значеніе, это не можетъ не отразиться на настроеніи большинства судебныхъ дѣятелей. Нужно имѣть много самоотверженія и мужества, чтобы не поддаться давленію свыше, проводимому настойчиво и упорно. Съ указаніями на русскій характеръ суда г. Щегловитовъ выступилъ не впервые. Мы узнаемъ изъ рѣчи деп. Пападжанова, что на эту тему министръ юстиціи говорилъ еще три года тому назадъ, въ бытность его на Кавказѣ—и узнаемъ также, къ какимъ послѣдствіямъ привели его слова, нашедшія исполнителя въ лицѣ новаго старшаго предсѣдателя тифлисской судебной палаты. Послѣдній, повидимому, является и націоналистомъ, и государственникомъ въ новѣйшемъ вкусѣ. Въ Россіи—читаемъ мы въ рѣчи деп. Пападжанова—«изъ всѣхъ процессовъ о преступленіяхъ печати присужденіемъ обвиняемаго къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь окончился только одинъ; для г. Ласъ годы въ дѣлахъ этого рода нѣтъ другихъ мѣръ, кромѣ ссылки». Ссылкѣ, напримѣръ, подвергся уважаемый на Кавказѣ педагогъ за статью, приглашавшую грузинскій народъ къ единенію, при чемъ

слово «эртоба»—*единенiе*—было неправильно передано словомъ *равенство*. Къ тому же наказанiю былъ присужденъ авторъ статьи, призывавшей персiянъ къ борьбѣ противъ бывшаго шаха (въ данномъ случаѣ Сенатъ вовсе не нашелъ въ дѣянiи обвиняемаго признаковъ преступленiя). Намъ кажется, что въ подобныхъ приговорахъ, разсматриваемыхъ при свѣтѣ теорiи «непреложныхъ началъ», есть своего рода логика. Во имя «государственности»—такъ могутъ разсуждать судьи—слѣдуетъ быть до крайности строгимъ ко всему не укладывающемуся въ рамки торжествующей, въ данную минуту, правительственной системы,—а русскому суду («русскому» въ кавычкахъ) слѣдуетъ относиться съ особымъ недовѣрiемъ къ стремленiямъ и пожеланiямъ «не-русскихъ» обывателей, особенно на окраинѣ съ преобладающимъ не-русскимъ населенiемъ. При обыкновенномъ положенiи вещей, въ средѣ правильно поставленнаго и нормально функцiонирующаго суда, немыслима такая предвзятость, немыслима оцѣнка инкриминируемыхъ дѣйствiй не по внутреннему ихъ существу, а по предполагаемымъ свойствамъ дѣятеля, выводимымъ изъ принадлежности его къ той или другой партiи, къ той или другой нацiональности. Въ наше печальное время немыслимое становится обычнымъ и, возведенное въ систему, разсматривается какъ заслуга, какъ исполненiе служебнаго долга.

Почему же, однако, внушенiя, идущiя свыше, усваиваются такъ легко—конечно, не всѣми, но многими, можетъ быть весьма многими? Развѣ независимость судей недостаточно ограждена ихъ несмѣняемостью—хотя бы тою ограниченною несмѣняемостью, какая установлена новеллой 1885-го года? Давно извѣстно, что практика, въ этомъ отношенiи, какъ и въ многихъ другихъ, расходится съ закономъ. Подтвержденiе тому можно найти и въ пренiяхъ Госуд. Думы. По словамъ деп. Пападжанова, предшественникъ г. Лагоды по званiю старшаго предсѣдателя тифлисской судебной палаты былъ объявленъ подавшимъ въ отставку, хотя въ отставку не подавалъ. «Когда изъ министерства—воскликнулъ г. Пападжановъ,—вамъ говорятъ, что кого-нибудь увольняютъ въ отставку согласно прошенiю, вы этому не должны вѣрить, потому что это выраженiе прiобрѣло теперь специфическое значенiе. Когда говорятъ о подачѣ прошенiя объ отставкѣ, это значитъ, что оно не было подано». Тотъ же прiемъ, по словамъ г. Пападжанова, былъ пущенъ въ ходъ новымъ старшимъ предсѣдателемъ тифлисской судебной палаты по отношенiю къ неугоднымъ ему сослуживцамъ—и пущенъ въ ходъ съ тѣмъ же успѣхомъ. Эти заявленiя, сдѣланныя съ думской трибуны, остались безъ опроверженiя; противъ нихъ не было сказано ни слова ни представителями министерства юстицiи, ни пра-

выми ораторами, выступавшими въ защиту г. Щегловитова. Какую же цѣну могутъ имѣть, затѣмъ, усилія министра юстиціи поставить судъ выше подозрѣнія въ исполненіи чужихъ внушеній? Угроза отставки безъ прошенія, висящая Дамокловымъ мечемъ надъ головами судей—плохая гарантія судейскаго безпристрастія. Пока не опровергнута угроза, не опровергнутымъ остается и предположеніе о ея результатахъ.

Не отрицая опредѣленныхъ фактовъ давленія на судейскую совѣсть, открыто развивая теорію, неизбѣжно приводящую къ такому давленію, министръ юстиціи старался доказать, что обвиненія, раздававшіяся въ Думѣ, колеблютъ уваженіе къ суду и потому особенно неизвинительны со стороны той партіи, «которая особенно заботится, на словахъ, о насажденіи и охраненіи въ Россіи правовыхъ началъ». Новаго въ этомъ способѣ защиты нѣтъ ничего; это—варіація на старое требованіе: сора изъ избы не выносить. Отсутствіе критики—плохое ручательство въ томъ, что все обстоитъ благополучно, и, слѣдовательно, ненадежная основа для уваженія. Одно изъ двухъ: или обвиненія неосновательны—и въ такомъ случаѣ оглашеніе необходимо для столь же гласнаго опроверженія; или они основательны—и въ такомъ случаѣ оглашеніе ихъ, неудобное, можетъ быть, для отдѣльныхъ лицъ, полезно для учрежденія, какъ первый шагъ къ устраненію опаснаго зла. Не въ одной только Думѣ, не въ одной только оппозиціонной прессѣ идутъ толки о зависимомъ положеніи суда—и уваженіе къ суду колеблется не этими толками, а тою долею правды, которая въ нихъ есть или во всякомъ случаѣ въ нихъ предполагается, въ виду общихъ настроеній даннаго момента. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что прежнее высокое мѣсто во мнѣніи общества и народа нашъ судъ займетъ лишь тогда, когда «непреложнымъ» его началомъ будетъ вновь провозглашена правда, и гордиться онъ будетъ не своимъ національнымъ составомъ, а своей свободой отъ случайныхъ, преходящихъ теченій и отъ націоналистическихъ пристрастій. Меньше всего русское общество, помня первые, счастливые годы дѣйствія судебныхъ уставовъ, расположено отказывать въ уваженіи русскому суду—но чѣмъ выше оно цѣнитъ принципъ правосудія, тѣмъ строже его требованія къ судьямъ. Закрывать глаза на недостатки учрежденія, обусловливаемые общимъ ходомъ событій—плохое средство удержать его на должной высотѣ или поднять его поколебленную славу.

Совершенно напрасно министръ юстиціи пытался измѣнить предметъ спора, перенеся его съ суда коронного на судъ присяжныхъ. Да, въ послѣднее время слышались нападенія на присяжныхъ, по поводу нѣкоторыхъ произнесенныхъ ими оправдательныхъ при-

говоровъ; но г. Щегловитову хорошо извѣстно, что такія нападенія неизбѣжно повторяются отъ времени до времени, столь же незбѣжно оказываются безсильными потрясти авторитетъ лучшей формы суда и во всякомъ случаѣ не имѣютъ рѣшительно никакого отношенія къ вопросу, обсуждавшемуся Думой. Конечно, «судебная политика» можетъ отразиться и на судѣ присяжныхъ, искусственно измѣняя его составъ, поощряя предсѣдательскій произволъ и затрудняя тѣмъ самымъ дѣятельность присяжныхъ; но тѣ формы єдминистративнаго воздѣйствія, отъ которыхъ не обезпеченъ коронный судъ, непосредственно къ суду присяжныхъ непримѣнимы. Понятно, что диверсія въ сторону этого суда осталась безъ вліянія на ходъ и исходъ преній.

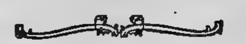
Тоже самое слѣдуетъ сказать о другомъ «обходномъ движеніи», предпринятомъ министромъ юстиціи—о его попыткѣ показать, что отъ обвиненій, порою весьма жестокихъ, несвободенъ судъ и на Западѣ Европы. Нѣтъ учрежденія, которымъ всѣ, всегда, были бы во всемъ довольны. Рѣзкіе отзывы о судѣ, раздававшіеся недавно на вѣнскомъ съѣздѣ, свидѣтельствуютъ только объ одномъ: что въ сосѣдней съ нами странѣ критика судейской дѣятельности идетъ изъ среды самихъ судей, не боящихся повредить этимъ репутаціи близкаго и родного имъ судебнаго міра. Меньше всего слѣдовало бы ссылаться на нихъ г. Щегловитову, усиливающемуся доказать несовмѣстность открытой критики съ уваженіемъ къ суду. Замѣтимъ, при томъ, что въ числѣ нелестныхъ эпитетовъ, коллекція которыхъ заимствована г. Щегловитовымъ изъ протоколовъ вѣнскаго съѣзда, нѣтъ именно того, который былъ бы необходимъ для эффекта параллели: нѣтъ указанія на зависимость судей отъ администраціи... И, конечно, восполнить недостающее звено не можетъ ссылка на «Robe rouge» Бріё. Чѣмъ исключительнѣе положеніе, созданное ищущимъ эффектовъ французскимъ драматургомъ; тѣмъ менѣе серьезна попытка отвести его пьесѣ мѣсто въ полемикѣ, завязавшейся около одного изъ самыхъ тяжелыхъ вопросовъ русской современности.

Не лишеннымъ основанія можетъ показаться, съ перваго взгляда, отвѣтъ министра юстиціи на упреки, обращенные къ нему по поводу дѣла дашнакцутюнъ. При разсмотрѣніи этого дѣла въ Сенатѣ былъ раскрытъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ подлоговъ, совершенныхъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія. Ораторы оппозиціи напоминали, что приговоръ, состоявшійся при столь ненормальныхъ условіяхъ, тѣмъ не менѣе сохраняетъ силу, оставляя полный просторъ для предположенія, что страдаютъ невинно осужденные люди. Министръ юстиціи отвѣтилъ указаніемъ на то, что никѣмъ изъ защитниковъ—къ числу которыхъ принадлежали гг. Керенскій и Маклаковъ,—

не была подана просьба о возобновленіи дѣла. Указаніе это теряетъ всякое значеніе въ виду объясненій, данныхъ деп. Керенскимъ. Для возобновленія дѣла дашнакцутюнъ нѣтъ, въ настоящую минуту, достаточныхъ юридическихъ, формальныхъ поводовъ; но участь осужденныхъ можетъ быть облегчена другимъ путемъ, вступленіе на который зависитъ отъ министерства юстиціи. Между тѣмъ, въ министерствѣ оставалось неразсмотрѣннымъ прошеніе священника Теръ-Израэльянца объ исходатайствованіи ему помилованія, въ виду его полной невиновности, обнаружившейся послѣ произнесенія приговора...

Чрезвычайно характерны усилія правой стороны скомкать пренія, мало обѣщавшія ей впереди. Какъ только деп. Замысловскій произнесъ, парафразируя доводы г. Щегловитова, апологію министерства юстиціи, съ правой стороны внесено было предложеніе ограничить рѣчи ораторовъ десятью минутами. Когда предложеніе это было отклонено, послышались голоса, требовавшіе повѣрки голосованія выходомъ въ двери—повѣрки, недопустимой, при данныхъ условіяхъ, на основаніи наказа. Благодаря рѣшенію большинства, оказались возможными рѣчи деп. Аджемова, Парчевскаго, Пападжанова, давшія яркій и убѣдительный отвѣтъ на заявленія министра юстиціи—убѣдительный если не для большинства Думы, отклонившаго, въ концѣ концовъ, формулу, порицавшую министерство, то, думается намъ, для большинства слѣдящихъ за думскими преніями. Въ защиту министерства юстиціи говорилъ, послѣ г. Замысловскаго, одинъ лишь деп. Новицкій, ограничившійся выходками противъ адвокатуры вообще и противъ адвокатовъ-членовъ Думы въ особенности—выходками, неприличіе которыхъ было признано предсѣдателемъ Думы, вообще снисходительнаго къ правымъ скандалистамъ.... Съ особенною откровенностью карты приверженцевъ министерства были раскрыты однимъ словомъ, вырвавшимся у деп. Маркова 2-го во время рѣчи П. Н. Милюкова. Когда послѣдній упомянулъ о признаніи г. Щегловитова, что онъ ведетъ политику въ судѣ, деп. Марковъ 2-й прервалъ его восклицаніемъ: «конечно»! Едва ли, послѣ этого, *фактъ* «веденія политики въ судѣ»—и притомъ политики, вызывающей сочувствіе и одобреніе худшихъ представителей реакціи,—можетъ подлежать сомнѣнію и спору. Значеніе этого факта не требуетъ дальнѣйшихъ объясненій...

К. Арсеньевъ.

«АРХИВЪ» М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.

— М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Томъ V. Съ 2 портретами. Спб., 1913. Стр. 525. Ц. 3 р.

Пятый томъ «Архива» заключаетъ въ себѣ любопытнѣйшіе матеріалы для характеристики М. Е. Салтыкова, Владиміра Соловьева М. П. Драгоманова, и цѣлаго ряда менѣе значительныхъ писателей, занимавшихъ въ свое время опредѣленное мѣсто въ русской литературѣ и журналистикѣ.

Изъ писемъ Салтыкова заслуживаетъ особеннаго вниманія обстоятельное возраженіе на критическую статью А. С. Суворина (Б—ова), напечатанную въ «Вѣстникѣ Европы» за 1871 годъ по поводу «Исторіи одного города». Онъ отвергаетъ толкованіе этого сочиненія въ смыслѣ исторической сатиры. «Я имѣлъ въ виду—говоритъ онъ — совершенно обыкновенную сатиру, направленную противъ тѣхъ характеристическихъ чертъ русской жизни, которыя дѣлаютъ ее не вполнѣ удобною». Черты эти суть: «благодушіе, доведенное до рыхлости, ширина размаха, выражающаяся съ одной стороны въ непрерывномъ мордобитіи, съ другой — въ стрѣльбѣ изъ пушекъ по воробьямъ, легкомысліе, доведенное до способности не краснѣя лгать самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Въ практическомъ примѣненіи эти свойства производятъ результаты... весьма дурные, а именно: необезпеченность жизни, произволъ, непредусмотрительность, недостатокъ вѣры въ будущее и т. п.». Попутно Салтыковъ излагаетъ свой взглядъ на задачи сатиры и на значеніе юмора по отношенію къ народу. Въ большей части остальныхъ его писемъ идетъ рѣчь о разныхъ литературныхъ дѣлахъ и о болѣзняхъ, дѣлавшихъ его жизнь крайне мучительною за послѣдніе годы. Внезапное насильственное прекращеніе «Отечественныхъ Записокъ» было для него такимъ ударомъ, отъ котораго онъ уже не могъ оправиться. «По временамъ—пишетъ онъ—нападаетъ неимовѣрная тоска и полная неспособность чѣмъ-нибудь заниматься». Къ этому присоединялись тяжкія физическія страданія. Онъ боялся, что ему грозитъ сумасшествіе; «ни писать, ни читать не могу — говоритъ онъ въ іюлѣ 1885 г. — цѣлый день дремлю, а ночь кашляю. Изъ всѣхъ литературныхъ концовъ мнѣ предстоитъ

кажется, самый жалкій и безвѣстный—можетъ быть, даже безуміе». И это было въ то время, когда печатались въ «Вѣстникѣ Европы» его замѣчательныя «Пестрыя письма» и когда задуманы были «Мелочи жизни» и «Пошехонская старина». Онъ проявлялъ большую мнительность въ оцѣнкѣ своихъ работъ и очень дорожилъ откровенными мнѣніями и совѣтами Мих. М-ча. «Ради Бога,—спрашиваетъ онъ, напримѣръ,—скажите мнѣ по сущей правдѣ, стоитъ ли продолжать «Пошехонскую старину»; ежели продолженіе будетъ не лучше послѣдней статьи, не будетъ ли это напраснымъ трудомъ, свидѣтельствующимъ объ упадкѣ таланта? И если мнѣ еще суждено писать (въ чемъ я крѣпко сомнѣваюсь), то не лучше ли разрабатывать другой сюжетъ? Послѣдняя статья мнѣ кажется совсѣмъ плохою, насильственно выжатою». Нѣкоторыя сказки, предложенныя имъ журналу, были отклонены редакціей, и по этому поводу возникли какія-то сплетни, которыми отчасти были испорчены дружескія отношенія. «Вотъ уже почти мѣсяцъ, какъ я не видалъ васъ,—пишетъ Салтыковъ въ апрѣлѣ 1887-го года. — Случайность ли это или недоразумѣніе—это меня, какъ недужнаго человѣка, въ высшей степени безпокоитъ». Оказалось, что до редакціи дошли обидныя замѣчанія его о томъ, что журналъ не печатаетъ его сказокъ послѣ того какъ собрана подписка. «Очень жалѣю, — пишетъ онъ Мих. М-чу — что вы повѣрили пустому наговору, и еще болѣе жалѣю, что даже мысль о безнадежности моего положенія не была принята вами въ соображеніе». Докторъ «можетъ засвидѣтельствовать,—говоритъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ,—какое дѣйствіе произвело ваше охлажденіе ко мнѣ на мой расшатанный организмъ. Я буквально чувствую себя хуже и хуже, именно благодаря этому. Поэтому убѣдительно васъ прошу навѣстить меня... Два года я сотрудничалъ въ «В. Е.»,—ужели это ничего не значитъ, въ смыслѣ моей симпатіи къ вамъ и вашему дѣлу?.. Очень, очень буду радъ возобновленію добрыхъ отношеній и надѣюсь, что онѣ не прекратятся больше».

Непріятный эпизодъ окончился благополучно, и переписка опять принимаетъ дружескій и довѣрчивый тонъ. Между прочимъ, Салтыковъ усердно рекомендовалъ «Вѣстнику Европы» привлечь бывшихъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ», особенно Заіончковскую (Крестовскій-псевдонимъ). «Есть еще одинъ писатель—прибавляетъ онъ,—который пишетъ немного, но хорошо. Это Гаршинъ. Не въ качествѣ вмѣшательства, но просто въ видѣ благожелательнаго мнѣнія, я думалъ бы, что ежели бы вы или Александръ Николаевичъ Пыпинъ написали ему пригласительное письмо, то онъ примкнулъ бы къ «В. Е.». Мнѣ это сдѣлать положительно неловко... По крайней мѣрѣ, я въ своей практикѣ всегда приглашалъ и по вре-

менамъ напоминалъ». Онъ пересиливалъ себя, чтобы думать о литературной работѣ, когда болѣзненное состояніе его казалось ему уже безнадежнымъ. «Воздуха не нюхаю—писалъ онъ;—сижу на одномъ мѣстѣ, закутанный въ пледы. Ужасное это положеніе: не видѣть никакого просвѣта въ будущемъ и каждое утро вставать, чтобы въ теченіе дня испытывать неимовѣрныя и загадочныя страданія... Голова совсѣмъ съ плечъ валится, а въ груди точно сыпной процессъ происходитъ, въ родѣ кори... Хотя я иногда и стараюсь обмануть себя, что боли пройдутъ и я еще буду работать, но очевидно это только самообольщеніе. Горько мнѣ до слезъ во всѣхъ отношеніяхъ. И въ матеріальномъ смыслѣ, и въ томъ, что это прекращаетъ мои связи съ міромъ живыхъ. Ибо разъ я не работаю—кому я нуженъ?» «Можетъ быть, я вамъ надоѣлъ, какъ и многимъ, и лично своей персоной, и своимъ плохимъ писаніемъ». «Надоѣлъ я вамъ, дорогой М. М.,—пишетъ онъ опять въ концѣ 1888-го года,—но организмъ мой до того расшатанъ, что малѣйшее сомнѣніе служитъ для меня источникомъ жестокихъ страданій. А между этими сомнѣніями цензурныя стоятъ на первомъ планѣ. Надѣюсь, что судьба положитъ этому предѣлъ и успокоитъ меня не вдолгѣ». Салтыковъ безпокоился, что «Пошехонскую старину» могутъ вырѣзать изъ январьской книги 1889-го года за изображеніе дворянства и въ особенности предводителя въ непріятномъ видѣ. Послѣдними главами, написанными для мартовской книги, онъ былъ недоволенъ: «конецъ неважный — говоритъ онъ,—но я чувствовалъ такую потребность отдѣлаться отъ «Старины», что даже скомкалъ». Въ началѣ того-же года онъ велъ переговоры съ фирмой Салаевыхъ о продажѣ права литературной собственности на всѣ его произведенія; «я назначилъ цѣну крови—сообщаетъ онъ — 60 тыс. безъ разсрочекъ: будьте такъ добры сообщить мнѣ ваше мнѣніе, не продешевилъ я себя или, быть можетъ, заломилъ черезчуръ много». М. М-чъ совѣтовалъ воздержаться отъ продажи и устроить самостоятельное изданіе по подпискѣ черезъ посредство его книжнаго склада; изданіе имѣло блестящій успѣхъ, было повторено нѣсколько разъ послѣ смерти Салтыкова и въ общемъ доставило вдвое больше той суммы, на которую не соглашались Салаевы; затѣмъ право дальнѣйшаго изданія было уступлено издательству «Нивы», если не ошибаемся, за сто тысячъ рублей. Въ послѣднихъ письмахъ Салтыкова постоянно повторяются фразы: «совсѣмъ погибаю»; «я положительно умираю»; «не оставьте меня, покуда я живъ»; «страдаю безмѣрно». 28 апрѣля 1889 года онъ умеръ.

Весьма содержательны и интересны письма Вл. Серг. Соловьева, дополняемыя иногда забавными стихотвореніями. Съ половины вось-

мидесятыхъ годовъ онъ находился въ сношеніяхъ съ редакціей «Вѣстника Европы» и вскорѣ сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ этого журнала. «Въ области вопросовъ русской политической и общественной жизни—писалъ онъ М. М-чу—я чувствую себя наиболѣе солидарнымъ съ направленіемъ «Вѣстника Европы» и не вижу, почему бы разница въ идеяхъ, принадлежащихъ къ области сверхчеловѣческой, должна была при тождествѣ ближайшихъ цѣлей мѣшать совмѣстной работѣ». Изъ 92 писемъ Соловьева тридцать было напечатано раньше, въ сборникѣ, вышедшемъ подъ редакціей Э. Л. Радлова; многія стихотворныя эпиграммы и характеристики появляются тутъ впервые. Мы находимъ здѣсь также «современную гражданскую феерію, въ трехъ помѣщеніяхъ дворянскаго банка», подъ заглавіемъ: «Дворянскій заемъ», гдѣ центральной фигурою является князь Мещерскій, «окруженный множествомъ столбовыхъ дворянъ, держащихъ подъ мышкой свои столбы съ цѣлью заложить оные». Въ сентябрѣ 1892-го года Вл. С. сообщаетъ изъ Москвы о своемъ романѣ, который, какъ говорили тогда, могъ окончиться гражданскимъ бракомъ. «Не боюся я холеры,—ибо приняты всѣ мѣры, чтобъ отъ этого недуга—сбереглась сія округа,—но болѣзнію любовной—я страдаю безусловно—и не вижу «сильной власти»—противъ сей зловредной страсти.—Мой микробъ — большого роста, — и хоть я не слишкомъ простъ, а—передъ нимъ умомъ слабѣю — и лишь только млѣю, млѣю. — Въ діагнозѣ нѣтъ сомнѣнія, — нѣтъ въ прогнозѣ утѣшенія: — неизбѣжный и печальный — ждетъ меня исходъ летальный». Передъ тѣмъ онъ объявилъ себя «покойникомъ» и сочинилъ надгробную эпитафію, которую и приводитъ въ письмѣ къ М. М-чу: «Владиміръ Соловьевъ лежитъ на мѣстѣ этомъ, — сперва былъ философъ, а нынѣ сталъ шкелетомъ. Инымъ любезенъ бывъ, онъ многимъ былъ и врагъ, но безъ ума любивъ, самъ ввергнулся въ оврагъ. Онъ душу потерялъ, не говоря о тѣлѣ: ее діаволъ взялъ, его-жъ собаки съѣли. Прохожій, научись изъ этого примѣра, сколь пагубна любовь и сколь полезна вѣра». Вскорѣ онъ, однако, вылѣчился отъ своей «любовной болѣзни» и пересталъ считать себя погибшимъ. Изъ многихъ остротъ, разсѣянныхъ въ его письмахъ, отмѣтимъ каламбуръ, касающійся разногласія съ А. Ѳ. Кони изъ-за статей о Пушкинѣ: «Я рѣшилъ мой инцидентъ съ Кони оставить въ Швейцаріи, именно въ Тунѣ (втуне), потому что распространять далѣе этотъ пассажъ будетъ passage. *И съ Кони искони* я въ хорошихъ отношеніяхъ».—Въ одномъ мѣстѣ (стр. 377) упоминается о «дѣльномъ и симпатичномъ молодомъ человѣкѣ», Водовозовѣ, авторѣ статьи о католическомъ соціализмѣ: это не Василій Васильевичъ, какъ указано въ примѣчаніи, а Николай Вас-

сильевичъ, рано умершій талантливый писатель по вопросамъ теоретической экономіи.

Большой интересъ представляютъ также письма М. П. Драгоманова, обрисовывающія добродушную личность этого ученаго дѣятеля, котораго почти насильственно заставили сдѣлаться политическимъ изгнанникомъ и революціонеромъ. При самомъ началѣ его профессорской карьеры, былъ возбужденъ почему-то вопросъ о неблагонамѣренности его образа мыслей, и его не утвердили въ званіи штатнаго доцента, хотя въ то же время ему дана была заграничная командировка отъ университета на два года. «Комизмъ этого положенія—говоритъ онъ—увеличивается тѣмъ, что я почитаю себя однимъ изъ самыхъ легальныхъ людей въ нашемъ отечествѣ,—а всетаки изъ неблагонадежныхъ врядъ ли выйду». Въ одномъ письмѣ онъ подробно излагаетъ разные факты для характеристики того, «какъ трудно жить на свѣтѣ такимъ бѣднымъ всероссійскимъ патріотамъ на космополитической запарѣ», какимъ онъ себя считаетъ, «въ той литературѣ, гдѣ одинъ только и есть изъ выдающихся писателей всероссійскій патріотъ, а не централистъ и сепаратистъ,—А. Н. Пыпинъ». Драгомановъ писалъ довольно много, но не всегда могъ быть увѣренъ, что его работы будутъ помѣщены въ отечественныхъ журналахъ, хотя и подъ псевдонимомъ, а между тѣмъ ему приходилось на чужбинѣ жить литературнымъ трудомъ. Это сознаніе шаткости своего положенія отражается во всей его перепискѣ и придаетъ ей крайне грустный оттѣнокъ.

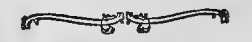
Въ высшей степени трогательна исторія юноши Гольцъ-Миллера, стихотворенія котораго печатались въ «Вѣстникѣ Европы». Будучи въ московскомъ университетѣ, онъ подвергся преслѣдованію за неблагонадежность, вынужденъ былъ скитаться по разнымъ городамъ, мучился безъ средствъ и наконецъ умеръ отъ чахотки. Некрологъ его былъ напечатанъ М. М-чемъ въ ноябрьской книжкѣ 1871-го года. Старикъ-отецъ сообщилъ подробности о трагической судьбѣ своего сына; этотъ разсказъ, вмѣстѣ съ вызванной имъ перепиской, цѣликомъ воспроизводится въ разбираемомъ томѣ. Жизнерадостный юноша, «съ характеромъ честнымъ и воспріимчивымъ, съ свѣтлымъ умомъ и—что всего важнѣе—сердцемъ благороднымъ и любящимъ», проводилъ лѣто на дачѣ, подъ Москвою, въ обществѣ товарищей-студентовъ; однажды ночью сдѣлали у него обыскъ, нашли какія-то запрещенныя книги, передали его въ распоряженіе третьяго отдѣленія, перевезли въ Петербургъ и помѣстили въ секретную камеру полицейскаго участка—«въ грязную, темную и душную конуру, съ маленькимъ круглымъ и темнымъ окошечкомъ, гдѣ вмѣсто постели былъ куль гнилой соломы». Его судили и приговорили къ

заключенію въ смирительномъ домѣ на три мѣсяца; онъ отсидѣлъ свой срокъ и былъ отпущенъ въ Минскъ къ родителямъ. «Казалось, что дѣло кончено; рѣшеніе суда надъ нимъ исполнено и за увлеченіе свое онъ уже наказанъ»; но черезъ 18 дней пребыванія въ родительскомъ домѣ, въ глухую ночь, является полиціймейстеръ съ тройкой почтовыхъ, при двухъ жандармахъ, вырываютъ «тщедушнаго мальчика» изъ рукъ несчастной семьи и увозятъ неизвѣстно куда. Впослѣдствіи отецъ узналъ, что сынъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Симбирскую губернію, подъ надзоръ полиціи. По всеподданнѣйшему ходатайству старика, молодому Гольцъ-Миллеру разрѣшено было продолжать образованіе въ одномъ изъ университетовъ, кромѣ столичныхъ. Онъ отправился въ Одессу для поступленія въ Новороссійскій университетъ; вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ съ тою же цѣлью младшій братъ, страдавшій порокомъ сердца. Оба они кое-какъ устроились; старшій писалъ фельетоны для «Одесскаго Вѣстника», давалъ уроки, но для взноса платы за ученіе не хватило средствъ; онъ былъ уволенъ изъ университета, и ему было предписано немедленно выѣхать изъ Одессы. Онъ хлопоталъ объ отсрочкѣ, въ виду болѣзни брата, но начальство было неумолимо и обязало его тотчасъ покинуть городъ; узнавъ объ этомъ рѣшеніи, больной получилъ сердечный припадокъ и умеръ на рукахъ брата. Похоронивъ брата, Иванъ Гольцъ-Миллеръ сталъ переѣзжать изъ одного города въ другой, отыскивая такое мѣсто, гдѣ ему дозволено было бы существовать; онъ пробовалъ заниматься адвокатурою въ Орлѣ, но оттуда долженъ былъ переселиться въ Курскъ, и нигдѣ не могъ избавиться отъ полицейскаго надзора, отъ котораго былъ офиціально освобожденъ по Высочайшему повелѣнію въ 1868 г. Въ сентябрѣ 1870-го года онъ покушался на самоубійство, а въ августѣ слѣдующаго года скончался отъ нажитой во время тюремныхъ мытарствъ чахотки. Изъ Курска онъ нѣсколько разъ присылалъ свои стихотворенія въ «Вѣстникъ Европы», и два изъ нихъ—переводы изъ Байрона—были напечатаны въ журналѣ («Прощаніе Чайльдъ-Гарольда» и «Euthanasia»). Послѣ его смерти, въ отвѣтъ на сообщенія несчастнаго старика-отца, М. М-чъ послалъ ему сто рублей и книжку журнала съ некрологомъ, написаннымъ очень тепло, въ необыкновенно задушевномъ тонѣ. «Мы не знали лично покойнаго,—писалъ М. М.—о талантѣ его судили по прежнимъ опытамъ и по работѣ, которая лежала предъ нами. Одинъ выборъ темъ говоритъ намъ о печальномъ настроеніи души того, кто останавливался на подобномъ выборѣ. Было ли это настроеніе личное, или оно сложилось подъ гнетомъ обстоятельствъ?.. «Отчего—осторожно спрашивалъ далѣе авторъ некролога—«у насъ талантливая натура чаще

всего подвергаетъ себя опасности? Отчего молодые люди заблуждаются вездѣ, но не вездѣ заблужденія служатъ для нихъ источникомъ погибели»? Сама жизнь «служила молодому человѣку постояннымъ безконечнымъ наказаніемъ». И при всемъ томъ, какъ замѣчаетъ біографъ покойнаго, Р. В. Авдіевъ, «никакого преступленія, никакого зла, ни даже проступковъ,—кромѣ заглаженнаго заключеніемъ въ смирительномъ домѣ». За что и для чего былъ такъ безжалостно погубленъ даровитый юноша? Дать прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ было немыслимо при безраздѣльномъ господствѣ жандармской внутренней политики. По иниціативѣ Н. А. Некрасова, возникло въ 1872-мъ году предположеніе объ изданіи всѣхъ напечатанныхъ въ журналахъ стихотвореній Гольцъ-Миллера, но мысль эта не осуществилась до сихъ поръ.

Сердечностью отличается и переписка съ талантливымъ беллетристомъ Ф. Д. Нефедовымъ, который самъ про себя говоритъ, что ему никогда и ни отъ кого не приходилось встрѣчать такое участіе и вниманіе, какъ отъ М. М-ча. Въ одномъ письмѣ онъ извиняется, что «пристаетъ» къ редактору съ своими сомнѣніями, вопросами и разсужденіями, но—прибавляетъ онъ—«вы сами мнѣ подали къ тому поводъ: зачѣмъ вы отнеслись ко мнѣ такъ хорошо, я ни въ комъ ничего подобнаго еще не встрѣчалъ къ себѣ!»—Душевной теплотой проникнуты письма покойныхъ В. М. Соболевскаго и Г. Б. Іоллоса. Остается еще упомянуть о письмахъ Н. А. Некрасова, Г. З. Елисѣева, Н. Д. Заіончковской, М. К. Цебриковой, А. А. Головачова, А. И. Левитова, А. Н. Плещеева, Г. И. Данилевскаго, Льва Толстого, А. И. Чупрова, Л. Мехелина и А. И. Эртеля. Уже по этому перечисленію, независимо отъ изложеннаго выше, можно судить о разнообразіи матеріала, вошедшаго въ пятый томъ «Архива».

Л. Слонимскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Военныя дѣйствія безъ войны.—Жестокіе споры бывшихъ союзниковъ.—Вопросъ о посредничествѣ и третейскомъ судѣ.—Офиціальныя заявленія Россіи и ихъ результаты.—Особенности международнаго кризиса на Балканахъ.—Задача русской дипломатіи.

На Балканахъ происходитъ что-то ужасное. Недавніе союзники, разгромившіе Оттоманскую имперію во имя освобожденія христіанъ отъ турецкаго ига, затѣяли между собою ожесточенный споръ изъ-за дѣлежа добычи, и этой спорной добычей оказывается «освобожденная» ими Македонія. Родственныя по вѣрѣ и по историческимъ судьбамъ народности, еще недавно совмѣстно боровшіяся противъ Турціи, обнаружили вдругъ такіе запасы взаимной злобы, что постороннимъ наблюдателямъ становится жутко. Впервые за многіе годы чувствуется въ Европѣ протестъ общественнаго мнѣнія противъ такъ называемаго права войны, которымъ готовы злоупотреблять небольшія балканскія государства. Всѣ культурныя націи съ ужасомъ и недоумѣніемъ слѣдили за воинственными порывами сербовъ и болгаръ, собиравшихся броситься другъ на друга для безсмысленной истребительной рѣзни.

Къ общему удивленію, сами спорящіе видимо не сознаютъ и не понимаютъ своей плачевной роли. Они съ гордостью говорятъ о своемъ неукротимомъ патріотизмѣ, о доблести своихъ войскъ, о своей твердой рѣшимости добиться торжества надъ противниками силою оружія. Они сообщаютъ о начавшемся кровопролитіи въ тонѣ хвастливыхъ побѣдителей, и этотъ тонъ особенно замѣчается въ извѣстіяхъ изъ сербскаго лагеря. «Сербская армія — гласитъ телеграмма изъ Бѣлграда отъ 19 іюня (2 іюля)—получила приказъ перейти въ наступленіе по всѣмъ линіямъ, при чемъ дѣйствія начнетъ не только третья армія въ Македоніи, но и вторая въ Сербіи между Нишемъ и Пиротомъ. Этой послѣдней поставлено заданіе перейти болгарскую границу и направиться черезъ Царибродъ на Софію». «Сегодня—говорится въ другой депешѣ отъ того-же числа—сраженіе продолжается по всей линіи; сербскія войска быстро подвигаются впередъ, по направленію къ городамъ Иштибу и Кочанѣ. Нѣсколько разъ сербы шли въ штыки, причемъ сербскіе полки девятнадцатый, одиннадцатый и шестой проявили особую доблесть. Новая сербская

артиллерія крупнаго калибра производила страшныя опустошенія въ рядахъ болгаръ. Доблестная шумадійская дивизія, въ рядахъ которой провелъ цѣлый день наслѣдный королевичъ Александръ, штыковой аттакой захватила у болгаръ десять полевыхъ орудій и нѣсколько зарядныхъ ящиковъ и взяла въ плѣнъ цѣлую роту». «Позиціи болгаръ при Иштибѣ были взяты штыковымъ боемъ. По слухамъ, сербы заняли также Кочану и прогнали болгаръ изъ Гевгели и Криволяки. Главнокомандующимъ предписано дѣйствовать самостоятельно». Оффиціозное-сербское бюро даетъ отчетъ объ этихъ битвахъ въ рядѣ краткихъ побѣдныхъ бюллетеней: «Послѣ ожесточенныхъ сраженій, продолжавшихся два дня, болгары отступили по всему фронту, преслѣдуемые сербскими войсками, которыя заставили ихъ очистить правые берега рѣкъ Брегальницы и Слетовской. Болгары теперь занимаютъ оборонительныя позиціи на лѣвыхъ берегахъ этихъ рѣкъ. Ихъ потери громадны. По послѣднимъ даннымъ, сербы взяли въ плѣнъ тридцать болгарскихъ офицеровъ, 120 унтеръ-офицеровъ, болѣе тысячи солдатъ, и захватили десять полевыхъ и скорострѣльныхъ орудій съ 12 зарядными ящиками. Сербскія войска продолжаютъ наступать. Сербскія войска углубились на непріятельскую территорію на десять километровъ. Болгары бѣгутъ».

Эти извѣстія объ успѣшныхъ штыковыхъ аттакахъ, о бѣгствѣ болгаръ, о занятіи непріятельской (болгарской?) территоріи и о «страшныхъ опустошеніяхъ», произведенныхъ сербской артиллеріей, сообщаются, притомъ, въ такое время, когда между обѣими сторонами офиціально сохраняется миръ, когда дипломатическія сношенія еще не прерваны и война не объявлена. Такія же предварительныя военныя дѣйствія начались и между греками и болгарами. И Греція, и Сербія обвиняютъ во всемъ Болгарію, приписывая ей починъ нападенія. Греческое правительство 17 іюня «предложило болгарскому гарнизону въ Салоникахъ сдать оружіе въ теченіе часа; по истеченіи этого срока греческія войска открыли огонь, послѣ чего болгарскій гарнизонъ сдался греческимъ властямъ». Какъ видно изъ аѳинскихъ телеграммъ, болгары оказали упорное сопротивленіе; на дома, занимаемые ими, были наведены орудія, и бомбардировка продолжалась всю ночь до ранняго утра. Въ результатѣ были взяты въ плѣнъ 1460 болгаръ; ихъ обезоружили, посадили на судно и отвезли внутрь страны. По газетнымъ свѣдѣніямъ, грекамъ приходилось идти въ штыки противъ болгаръ, чтобы выбить ихъ изъ занятыхъ ими позицій; одна рота въ теченіе четырехъ часовъ держалась противъ цѣлаго греческаго баталіона, и жестокій бой не прекращался до поздняго вечера.

И все это безъ формально объявленной войны, подъ предлогомъ фактически начатыхъ противникомъ военныхъ дѣйствій! Болгары утверждаютъ, что зачинщиками и виновниками этихъ кровавыхъ столкновеній являются единственно сербы, и многіе внѣшніе признаки говорятъ несомнѣнно въ пользу такого утвержденія. Надо признать, что со стороны болгаръ незамѣтно того крикливаго шовинизма, который такъ непріятно поражаетъ въ сообщеніяхъ и разсужденіяхъ сербскихъ патріотовъ. Болгары не хвастаютъ своими преждевременными побѣдами, не называютъ сербскую землю непріятельскою, не говорятъ о страшныхъ опустошеніяхъ, произведенныхъ ими въ рядахъ враговъ; они даже принимаютъ мѣры къ прекращенію кровопролитія, насколько это отъ нихъ зависитъ. Такъ, изъ Софіи телеграфировали отъ 17 іюня, что «отданъ строгій приказъ по арміи прекратить военныя дѣйствія и только въ случаѣ нападенія со стороны сербскихъ и греческихъ войскъ отвѣтить тѣми же мѣрами»; на этомъ основаніи, близъ Иштиба, «болгары выкинули бѣлый флагъ и просили вспомнить, что война—братоубійственная, и что слѣдуетъ остановить бой»; передъ тѣмъ болгарскій артиллерійскій полковникъ и маіоръ генеральнаго штаба обратились къ командующему сербской арміей съ заявленіемъ, что въ силу приказа, даннаго изъ болгарской главной квартиры по соглашенію съ сербскимъ военнымъ начальствомъ, они прибыли для веденія переговоровъ о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій; но предложеніе ихъ было отклонено, съ указаніемъ на то, что никакого соглашенія между обѣими главными квартирами не происходило, и заявленіе болгарскихъ офицеровъ было принято сербами за простую военную хитрость. Болгарія обращала вниманіе Сербіи и Греціи на наступательныя враждебныя дѣйствія ихъ войскъ и требовала прекращенія этихъ военныхъ операцій; а въ отвѣтъ сербское и греческое правительство упрекали болгаръ въ лицемѣріи, такъ какъ они сами начали наступленіе по всей линіи, и потому отвѣтственность за послѣдствія падаетъ всецѣло на болгаръ. Сербы и Греки «слагаютъ съ себя всякую отвѣтственность» за происходящее кровопролитіе, о чемъ офиціально доводятъ до свѣдѣнія Болгаріи; софійское правительство такъ-же точно снимаютъ съ себя всякую отвѣтственность за событія, о чемъ предупредительно даетъ знать въ Бѣлградѣ и Аѳинахъ. Отвѣтственности нѣтъ,—никто не беретъ ее на себя; правительства заинтересованныхъ странъ не отвѣчаютъ за фактическое возбужденіе войны, а между тѣмъ война развивается сама собою, подъ руководствомъ офиціальныхъ начальниковъ, при несомнѣнномъ участіи правительствъ. Въ данномъ случаѣ это

общее стремленіе сложить съ себя отвѣтственность за свои собственныя дѣйствія приводитъ къ тому, что въ самомъ дѣлѣ событіями начинаютъ распоряжаться наименѣе компетентныя лица, неуравновѣшенныя головы, легко увлекающіяся громкими словами и фразами. Отвѣтственные правители и начальники дѣлаютъ видъ, что они въ сущности не отвѣчаютъ за дѣйствія арміи; этимъ косвенно предоставляется всѣмъ желающимъ изъ среды командн аго состава создавать кровавые инциденты, изъ которыхъ могутъ выйти крупныя побѣдоносныя сраженія, достойныя попасть на страницы исторіи. Въ роли случайныхъ полководцевъ выступаютъ какіе-нибудь безотвѣтственные капитаны и майоры, а плоды ихъ упражненій могутъ быть очень тяжелыми. Какъ телеграфировали изъ Ускюба отъ 19 іюня, туда «начали привозить раненыхъ въ бояхъ у рѣки Брегальницы и у Овчаго поля; число жертвъ у сербовъ, какъ и у болгаръ, весьма значительно». По свѣдѣніямъ изъ сербскихъ источниковъ, потери болгаръ въ бояхъ двухъ дней (до 19-го іюня) составляютъ около двѣнадцати тысячъ человѣкъ ранеными и убитыми; потери сербовъ также опредѣляются въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Кто-же отвѣчаетъ за гибель этихъ тысячъ человѣческихъ жизней? При отсутствіи настоящей войны кровавыя жертвы пограничныхъ столкновеній являются совершенно напрасными и безцѣльными; онѣ не могутъ вліять на ходъ будущей кампаніи и не даютъ матеріала для разсказовъ о военныхъ подвигахъ и герояхъ. Кровь льется въ изобиліи, какъ на войнѣ, а войны нѣтъ, и отвѣтственныхъ лицъ не оказывается. Создается самая страшная форма анархіи — кровавая, обставленная всѣми усовершенствованными орудіями и принадлежностями военной техники.

Въ жизни молодыхъ и здоровыхъ по внутреннему строенію балканскихъ государствъ появляются симптомы новой болѣзни: телеграммы все чаще говорятъ о вліяніи и господствѣ военной партіи въ Бѣлградѣ, Софіи и Аѳинахъ. Въ Сербіи военная партія рѣшительно беретъ верхъ надъ другими группами и партіями; она даетъ тонъ всему общественному мнѣнію и терроризируетъ его настолько, что никто даже не пытается оказать ей отпоръ. Съ развитіемъ и процвѣтаніемъ этой партіи связывается имя королевича Александра, который будто бы добивается войны во что бы то ни стало. Національная политика Сербіи становится въ одно и то-же время воинственною и династическою; газетные слухи подготовляютъ уже почву для добровольной, будто бы, отставки короля Петра, въ виду его склонности къ миролюбію. Какъ въ Австро-Венгріи существуетъ «малый дворъ» эрцгерцога Фердинанда, служащій ядромъ и опорою военно-клерикальной партіи, такъ и въ Сербіи образуется нѣчто подобное

около королевича Александра. Но въ Сербіи нѣтъ традицій феодальной монархіи, нѣтъ поземельной аристократіи, нѣтъ привилегированнаго военнаго класса; это страна демократическая, преимущественно крестьянская, мужицкая, не имѣющая высшихъ сословій и чуждая соблазновъ внѣшняго честолюбія. Откуда же здѣсь спеціальная военная партія и какъ могла она получить преобладающее вліяніе въ странѣ? Почему она связывается съ особыми династическими тенденціями? Можно еще понять желаніе маленькой страны сдѣлаться большою и великою; жажда территоріальнаго расширенія кажется естественною при извѣстныхъ условіяхъ; но чѣмъ объяснить внезапное увлеченіе скромнаго трудящагося народа идеями военной славы и великодержавнаго могущества? Еще годъ тому назадъ національно-патріотическія мечты Сербіи не шли далѣе присоединенія Новобазарскаго санджака и Коссовской области; теперь это осуществилось, сверхъ всякаго ожиданія, вопреки намѣреніямъ Австро-Венгріи, и сербскіе патріоты даже не вспоминаютъ уже объ этихъ пріобрѣтеніяхъ: они требуютъ и того, о чемъ не смѣли думать еще недавно. Слишкомъ быстрый и неожиданный переходъ отъ робкихъ надеждъ къ великимъ успѣхамъ отразился неблагопріятно на настроеніи и національномъ самочувствіи сербовъ, какъ и болгаръ. Въ прошломъ году Болгарія едва ли серьезно мечтала о пріобрѣтеніи всей Ѳракіи, съ побережьемъ Эгейскаго моря; а теперь, получивъ Ѳракію съ Адріанополемъ и съ значительнымъ пространствомъ береговъ Эгейскаго и Чернаго морей, она упорно отстаиваетъ свое право на всю Македонію и ни за что не соглашается уступить сербамъ тѣ ея части, которыя заняты сербскими войсками. Болгары, какъ и сербы, забыли уже о планѣ созданія автономной Македоніи, хотя этотъ планъ былъ по существу лучше раздѣла и на практикѣ не вызывалъ бы никакихъ опасныхъ споровъ.

При заключеніи союзнаго договора 29 февраля 1912 года Болгарія и Сербія не разсчитывали на возможность завоеванія почти всей территоріи Европейской Турціи; онѣ предполагали еще, что Македонія получитъ автономію, и на случай раздѣла указывали приблизительную пограничную черту, болѣе точное опредѣленіе которой было предоставлено третейскому суду Россіи. Въ договорѣ предусматривалось также враждебное вмѣшательство Австро-Венгріи, и вообще имѣлись въ виду обстоятельства несравненно болѣе трудныя, чѣмъ оказавшіяся въ дѣйствительности. Въ договорѣ было сказано: «Всѣ территоріальныя пріобрѣтенія, достигнутыя совмѣстными дѣйствіями, будутъ находиться въ общемъ владѣніи обоихъ союзниковъ, а ихъ ликвидація должна состояться въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ возстановленія мира на слѣдующихъ основаніяхъ. Сербія при-

знаетъ за Болгаріей право на земли, расположенныя къ востоку отъ Родопскихъ горъ и рѣки Струмы, а Болгарія признаетъ за Сербіею право на территорію къ сѣверу и западу отъ горы Шаръ. Что касается земель, расположенныхъ между Шаромъ, Архипелагомъ и Охридскимъ озеромъ, то если обѣ стороны придутъ къ убѣжденію, что устройство этой области въ видѣ автономной провинціи невозможно въ силу общихъ интересовъ сербской и болгарской народностей или по другимъ соображеніямъ, внутреннимъ или внѣшнимъ, будетъ относительно этихъ территорій поступлено такъ: на приложенной къ договору картѣ проведена линія отъ горы Голема-Верхъ къ сѣверу отъ Эгри-Паланки черезъ середину Овчаго поля, затѣмъ черезъ Вардаръ, въ нѣсколькихъ километрахъ къ сѣверу отъ города Велеса, до озера Охриды, по близости и къ сѣверу отъ города того-же имени. Болгарія обязывается принять эту границу въ случаѣ, если за нее выскажется Русскій императоръ, къ которому обращена будетъ просьба быть верховнымъ арбитромъ въ этомъ дѣлѣ. Установлено, что обѣ стороны обязываются принять какъ окончательную границу ту линію, которую Русскій императоръ найдетъ, въ указанныхъ выше предѣлахъ, наиболѣе соотвѣтствующею правамъ и интересамъ обѣихъ сторонъ. Всякое разногласіе, могущее возникнуть по поводу толкованія или исполненія какой-либо статьи договора и секретнаго къ нему приложенія, равно какъ и военной конвенціи, будетъ передано на окончательное рѣшеніе Россіи, какъ только та или другая сторона заявитъ, что считаетъ невозможнымъ достигнуть соглашенія путемъ непосредственныхъ переговоровъ». Военная конвенція съ приблизительною точностью опредѣляла обязательства обоихъ союзниковъ. Болгарія должна была выставить для войны съ Турціею не менѣе двухсотъ тысячъ войска, а Сербія—не менѣе полутораста тысячъ. «Въ случаѣ, если Сербія и Болгарія, по предварительному соглашенію, объявятъ Турціи войну, каждая изъ нихъ обязана послать къ Вардару армію численностью не менѣе ста тысячъ человѣкъ. Если Австро-Венгрія нападетъ на Сербію, Болгарія обязана тотчасъ же объявить войну Австро-Венгріи и послать въ Сербію армію силою не менѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ, чтобы вмѣстѣ съ сербскою арміею вести всѣ операціи, какъ оборонительныя, такъ и наступательныя. Болгарія имѣетъ то-же обязательство относительно Сербіи, если Австро-Венгрія подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, съ согласія или безъ согласія Турціи, вступила бы съ своими войсками въ Новобазарскій санджакъ. Если это выступленіе Австро-Венгріи вызвало бы со стороны Сербіи объявленіе войны, или если Сербія, для защиты своихъ интересовъ, ввела бы свои войска въ санджакъ и вслѣдствіе этого произошло бы воору-

женное столкновеніе между нею и Австро-Венгріею, Болгарія обязывается оказать ту-же поддержку«.

Вопреки точному смыслу этихъ обоюдныхъ соглашеній и обязательствъ, Болгарія и Сербія не обращались къ третейскому суду Россіи для разрѣшенія возникшихъ разногласій, а открыто готовились къ вооруженной борьбѣ. Когда возбужденіе страстей доходило уже до остраго кризиса, угрожая опасностью общему миру Европы, русское правительство сдѣлало шагъ, который въ первый моментъ казался спасительнымъ. 26-го мая были отправлены изъ Москвы извѣстныя тождественныя Высочайшія телеграммы царю болгарскому Фердинанду и королю сербскому Петру.

Недѣлю спустя, въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя министра иностранныхъ дѣлъ, по поводу свиданія монарховъ въ Берлинѣ, удостовѣрено было «единомысліе по главнымъ вопросамъ европейской политики нынѣшней минуты, какъ прочный залогъ обезпеченія столь нужныхъ для счастья всѣхъ народовъ благъ мира». Если Германія и Англія раздѣляли точку зрѣнія Россіи, столь внушительно изложенную въ телеграммахъ 26-го мая, то, конечно, миръ не могъ бы быть нарушенъ Сербіей и Болгаріей. Первое впечатлѣніе, произведенное этимъ выступленіемъ Россіи, было таково, что желанный результатъ представлялся уже вполнѣ обезпеченнымъ. Трудно было предположить, что балканскія государства откажутся отъ условленнаго именно русскаго арбитража послѣ того, какъ Россія офиціально напомнила имъ объ ихъ обязательствѣ подчиниться третейскому суду. Нельзя было думать, что отвѣтственныя правительства Сербіи и Болгаріи откровенно предпочтутъ воевать, подъ угрозой двойного внѣшняго вмѣшательства—Австро-Венгріи и Румыніи. Въ русскихъ телеграммахъ новая война бывшихъ союзниковъ прямо названа «преступною». Ссылка на отвѣтственность за это предъ славянствомъ возбудила понятное неудовольствіе въ Вѣнѣ и Пештѣ, гдѣ опять заговорили о русскихъ притязаніяхъ на роль покровителей всего славянства, въ томъ числѣ и австрійскаго. Новый венгерскій министръ-президентъ, графъ Стефанъ Тисса, произнесъ 19(6)-го іюня въ палатѣ депутатовъ политическую рѣчь, въ которой доказывалъ право и обязанность Австро-Венгріи ограждать независимость балканскихъ государствъ отъ посторонней опеки и отъ иностранныхъ опекуновъ, причемъ допускалъ только естественное покровительство австро-венгерской монархіи, основанное на общности интересовъ и на будущихъ прочныхъ договорахъ. Секретное сербско-болгарское соглашеніе о совмѣстной войнѣ съ Австро-Венгріею показало вѣнской дипломатіи, насколько важно для нея добиться расторженія балканскаго союза. Вѣнскій кабинетъ стоитъ теперь за свободу дѣй-

ствій сербовъ, болгаръ и грековъ; онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы Сербія была «проучена» болгарами и чтобы бывшіе союзники перегрызли другъ другу горло послѣ чрезмѣрныхъ совмѣстныхъ побѣдъ надъ Турціею. Австрійцы надѣются, что скоро настанетъ моментъ, когда разгоряченные спорщики почувствуютъ потребность въ благосклонности и дружбѣ Австро-Венгріи, которая съ своей стороны сумѣетъ поставить свои условія. Если австрійская дипломатія и не подзадориваетъ сербовъ, то она несомнѣнно принимаетъ нѣкоторыя мѣры, чтобы внушить имъ увѣренность въ отсутствіи внѣшняго вмѣшательства; въ то же время она заботливо старается удержать Румынію отъ наступательной политики, способной повліять на Болгарію въ смыслѣ сохраненія мира. Согласіе Румыніи на мирную сдѣлку съ болгарами считалось политическимъ успѣхомъ вѣнскаго кабинета, такъ какъ оно развязывало болгарамъ руки относительно сербовъ; но сербо-болгарская распря тянулась слишкомъ долго, безъ опредѣленной развязки въ ту или другую сторону, и тѣмъ временемъ измѣнилась и румынская тактика. Правда, рядомъ съ закулисной австрійской работою шли и русскія дипломатическія усилія. Нѣчто похожее на угрозу звучало въ словахъ упомянутой выше телеграммы о томъ, что Россія оставляетъ за собою полную свободу дѣйствій въ случаѣ войны; однако это заявленіе нисколько не смутило балканскихъ шовинистовъ. Болгарія формально сообщила о своемъ согласіи на русскій третейскій судъ и на предварительное совѣщаніе балканскихъ премьеровъ въ Петербургѣ; сначала она сопровождала это согласіе оговоркою, чтобы арбитражъ касался только вопросовъ, указанныхъ въ союзномъ договорѣ, и въ установленныхъ имъ предѣлахъ, а потомъ было дано согласіе на безусловный арбитражъ. Сербія съ самаго начала и до конца требовала пересмотра союзнаго договора, признавая его нарушеннымъ или не вполнѣ соблюденнымъ Болгаріей и потому недѣствительнымъ; она допускала арбитражъ не по договору, а для разсмотрѣнія и оцѣнки всѣхъ фактическихъ условій и обстоятельствъ, при которыхъ велась союзниками совмѣстная война съ Турціею. Противъ такого радикальнаго расширенія программы третейскаго разбирательства рѣшительно протестовала Болгарія; въ свою очередь Сербія твердо стояла на своемъ, и съ этой точки зрѣнія она отнеслась отрицательно къ категорическимъ совѣтамъ и напоминаніямъ русскаго правительства.

Поразительно это отношеніе балканскихъ народовъ къ Россіи, которой они обязаны своимъ самостоятельнымъ политическимъ существованіемъ. Около мѣсяца прошло со времени отсылки телеграммъ въ Бѣлградъ и Софію, и положеніе дѣлъ на Балканахъ не только

не улучшилось, а стало совершенно невыносимымъ. Между бывшими союзниками происходятъ кровопролитныя военныя дѣйствія, а европейская дипломатія все еще питается иллюзіями насчетъ мирныхъ способовъ предупрежденія начавшейся уже войны. Румынія объявила 20 іюня (3 іюля) мобилизацію и этимъ произвела чувствительно охлаждающее дѣйствіе на умы болгарскихъ патріотовъ. Мнимые миротворцы Австро-Венгріи недовольны поступкомъ Румыніи и приписываютъ его одностороннему вліянію Россіи и Франціи; но еслибы австрійская дипломатія искренно желала сохранить миръ, она могла бы съ своей стороны безъ всякаго для себя риска употребить вѣрнѣйшее, находящееся въ ея распоряженіи средство для немедленнаго прекращенія кровопролитія. Стоило бы только вѣнскому кабинету намекнуть на возможность занятія Новобазарскаго санджака австрійскими войсками въ случаѣ возникновенія войны между Сербіей и Болгаріей,—и воинственный пылъ сербскихъ патріотовъ тотчасъ исчезъ бы, уступивъ мѣсто трезвой оцѣнкѣ даннаго положенія. Уже въ прошломъ обозрѣніи мы высказывали недоумѣніе, почему сербы не предвидятъ враждебнаго вмѣшательства Австро-Венгріи и на чемъ основано ихъ самоувѣренное спокойствіе въ этомъ отношеніи. Никакихъ новыхъ свѣдѣній по этому вопросу не прибавилось за послѣднее время, а въ отвѣтъ на однородныя замѣчанія нѣкоторыхъ русскихъ депутатовъ и журналистовъ сербскіе дѣятели обвинили ихъ въ «провокаціи», т. е. въ косвенномъ приглашеніи Австро-Венгріи сдѣлать извѣстный непріязненный шагъ относительно Сербіи. Выходитъ какъ будто, что сербы сознательно скрываютъ отъ себя очевидную для всѣхъ опасность австрійской оккупаціи санджака при наступленіи извѣстныхъ событій, и хотятъ, чтобы и другіе не говорили имъ объ этой опасности, такъ какъ подобные непріятные разговоры могутъ въ самомъ дѣлѣ заставить австрійцевъ вспомнить о санджакѣ. Бѣда только въ томъ, что мысль объ обратномъ занятіи санджака принадлежитъ къ числу завѣтныхъ идей новѣйшей австрійской политики и настойчиво поддерживается въ значительной части печати со времени смерти графа Эренталя. Послѣднему ставится въ вину, что онъ пожертвовалъ санджакомъ ради фикціи формальнаго присоединенія Босніи, и никто не сомнѣвается, что при первой возможности Австро-Венгрія вновь наложитъ руку на область, занятую нынѣ сербами. Австрійцы разсчитывали на эту возможность при ожидавшемся неблагопріятномъ для Сербіи оборотѣ войны съ Турціею; они вскорѣ убѣдились въ своей ошибкѣ и должны были отложить свой планъ до другого времени. «Преступная война» даетъ имъ новый неожиданный шансъ, которымъ они не преминутъ воспользоваться, если сербы будутъ до конца

упорствовать въ своемъ ослѣпленіи. Указывать открыто на эту опасность—прямой долгъ всѣхъ друзей и доброжелателей Сербіи. При современныхъ обстоятельствахъ было бы чрезвычайно трудно помѣшать активному выступленію Австро-Венгріи, которое съ достаточнымъ правдоподобіемъ мотивировалось бы завоевательною сербскою предпріимчивостью, единодушно осужденною всей Европою. Неужели это не ясно для каждаго просвѣщеннаго серба?

Насколько смутно рисуется сербамъ обще политическое положеніе—объ этомъ можно судить по подробнымъ телеграфнымъ отчетамъ о рѣчахъ сербскихъ министровъ и вліятельныхъ депутатовъ въ народной скупштинѣ. Эти почтенные дѣятели разсуждаютъ такъ, какъ будто рядомъ съ Сербіей не существуетъ никакихъ другихъ державъ и она можетъ опредѣлять свою политику исключительно по своимъ собственнымъ желаніямъ, не стѣсняясь никакими международными обязательствами и отношеніями. Министръ-президентъ Пашичъ, въ засѣданіи 17 іюня, вновь подтвердилъ свои прежніе взгляды и высказалъ рѣзкія обвиненія противъ Болгаріи за то, что она не соглашается съ произвольными сербскими требованіями. Въ отвѣтъ на опредѣленное русское предложеніе Сербія придумала другое, не касающееся вовсе арбитража—и министръ удивляется, что Болгарія придумала еще третье, не совпадающее съ сербскимъ; мало того—не ограничиваясь этимъ, «болгарское правительство потребовало также, чтобы въ кратчайшій срокъ обѣ стороны обратились съ меморандумомъ къ высокому арбитру для урегулированія спорныхъ вопросовъ». Другими словами, Болгарія предложила то, что прямо вытекало изъ обстоятельствъ и было ясно формулировано въ авторитетномъ русскомъ обращеніи; но «сербское королевское правительство, конечно, — неожиданно заключаетъ Пашичъ,—было вынуждено отвергнуть это предложеніе, поддерживая по прежнему свое собственное, относительно сокращенія состава армій». Сербія настаиваетъ на томъ, чтобы подписанный ею договоръ съ Болгаріей былъ замѣненъ какимъ-то другимъ, съ привлеченіемъ не участвовавшихъ въ его подписаніи двухъ балканскихъ государствъ—Греціи и Черногоріи, и чтобы «на разрѣшеніе арбитража представлены были спорные вопросы на новой и болѣе широкой основѣ», въ видахъ урегулированія вопроса о раздѣлѣ территорій между Сербіей и тремя союзными странами, независимо отъ содержанія спеціальныхъ сербо-болгарскихъ конвенцій. Это своеобразное пониманіе силы договоровъ устраняетъ самую возможность разумнаго обсужденія спора и отнимаетъ почву у третейскаго суда, тѣмъ болѣе, что Сербія повидимому неуклонно соблюдаетъ усвоенное ею новое правило международныхъ переговоровъ —

признавать и допускать только свои собственные предложенія. Тѣмъ не менѣе, по словамъ Пашича, «королевское правительство, убѣдившись въ томъ, что арбитражъ будетъ произведенъ на широкихъ основаніяхъ и что одновременно съ сербо-болгарскимъ будетъ разрѣшенъ и греко-болгарскій споръ, постановило принять арбитражъ. Принявъ предложеніе Россіи, оно вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшило подчиниться постановленію высокаго арбитра»; при этомъ оно предупреждаетъ, что остается при прежнихъ своихъ мнѣніяхъ. Такимъ образомъ арбитражъ принимается правительствомъ лишь условно, съ весьма существенной оговоркою, и какъ разъ во время вызванныхъ этимъ преній получается извѣстіе о разгорѣвшихся жестокихъ битвахъ на обоихъ театрахъ войны—сербскомъ и греческомъ. Кто виноватъ въ этомъ—неизвѣстно, ибо вопросъ объ отвѣтственности заранѣе устраненъ обѣими сторонами; но поворотъ въ сторону войны, по всей вѣроятности, соотвѣтствовалъ настроенію большинства скупщины, насколько это настроеніе успѣло выразиться въ депутатскихъ рѣчахъ и резолюціямъ. Бывшій министръ Рибарацъ высказался противъ арбитража и предложилъ объявить аннексію занятыхъ земель, не обращая вниманія ни на заключенные договоры, ни на протесты Болгаріи, ни на настойчивыя требованія Россіи и другихъ великихъ державъ. Прогрессистъ Маринковичъ упрекалъ правительство за «допущеніе слуховъ объ уступкахъ Сербіи», такъ какъ эти слухи ослабили, будто бы, престижъ Сербіи въ глазахъ Россіи и всей Европы и «способствовали принятію Болгаріею угрожающей позиціи». Въ болѣе высокомъ стилѣ не могъ бы говорить какой-нибудь представитель первоклассной великой державы; но едва ли самъ Маринковичъ предполагаетъ, что непреклонность Сербіи возвысила бы ея силу и значеніе въ глазахъ Россіи и Европы, и что Болгарія смирилась бы предъ Сербіею при отсутствіи слуховъ объ ея уступчивости. Маринковичъ не признаетъ арбитража, установленнаго сербо-болгарскимъ договоромъ,—ибо «въ резолюціи скупштины отъ 17 мая ничего не упоминается объ арбитражѣ, и правительство ничего не можетъ предпринимать противъ воли народа»; но почему международныя обязательства Сербіи не существуютъ для скупштины—этого Маринковичъ не объяснилъ. Онъ увѣренъ, что произвольный захватъ македонскихъ земель сербскимъ королевствомъ примирилъ бы всѣхъ: «Европа не противилась бы этому, Болгарія не рѣшилась бы начать войну, ибо по силѣ права и въ военномъ отношеніи она болѣе слабая сторона». Сомнительно только, чтобы сами болгары считали себя слабѣйшими по силѣ права и въ военномъ отношеніи, какъ заранѣе рѣшаетъ за нихъ сербскій депутатъ. Младо-радикалъ Драсковичъ находилъ, что правительство грѣшитъ чрезмѣрнымъ миролюбіемъ и

что, «принимая приглашеніе на арбитражъ, оно пошло ложнымъ путемъ». Ораторъ предлагалъ «открыто сказать предъ высокимъ арбитромъ, что Сербія на Балканахъ является самой сильной защитницей славянскихъ идей». Ни на какія уступки Сербія не пойдетъ: «пора покончить съ излишней нашей скромностью». Почти всѣ заявленія оппозиціи проникнуты этимъ побѣдоноснымъ Наполеоновскимъ тономъ. Многіе депутаты выражали опасеніе, что арбитражъ нарушитъ жизненные интересы Сербіи; правительственные ораторы доказывали неосновательность этихъ пессимистическихъ предсказаній; министръ Іовановичъ увѣрялъ, что историческія права Сербіи на Македонію будутъ несомнѣнно приняты во вниманіе при арбитражѣ. Старо-радикалъ Минчичъ внесъ формулу, которою подчеркивалось сохраненіе правительствомъ и скупштиною прежняго взгляда и высказывается увѣренность, что «правительство во всякомъ случаѣ сумѣетъ защитить интересы страны». Эта двусмысленная формула, умалчивающая объ арбитражѣ, принята большинствомъ 82 противъ 69 голосовъ.

Во время продолженія преній въ скупштинѣ, 18-го іюня, былъ предложенъ правительству вопросъ, какъ смотритъ оно на происходящія военныя дѣйствія, — видитъ ли оно въ нихъ дѣйствительное начало войны или только обычныя пограничныя столкновенія. Министръ Протичъ, за отсутствіемъ Пашича, заявилъ, что происшедшее нападеніе регулярныхъ болгарскихъ войскъ признается дѣйствительнымъ началомъ войны, и «соотвѣтственно съ этимъ правительство отдало войскамъ предписаніе оказать болгарамъ энергичный отпоръ и, въ случаѣ необходимости, перейти въ наступленіе». Заявленіе министра, какъ сказано въ телеграммѣ, «принято скупштиною съ энтузіазмомъ». Сообщеніе правительства,—говорится далѣе,—«вызвало въ общественныхъ кругахъ единодушное одобреніе». Энтузіазмъ и одобреніе по поводу страшной, безсмысленной, «преступной» войны между сосѣдними мирными народами, только что счастливо покончившими съ своими вѣковыми угнетателями—турками! На развалинахъ Европейской Турціи должно было водвориться господство освобожденныхъ туземныхъ народностей, связанныхъ единствомъ вѣры и общностью культурныхъ и политическихъ интересовъ,—и вмѣсто того разыгрывается свирѣпая, кровавая вакханалія, при единодушномъ будто бы одобреніи и энтузіазмѣ сербскихъ народныхъ представителей. Нельзя этому вѣрить,—до того отвратительно это зрѣлище людей, радостно встрѣчающихъ извѣстіе о начавшейся ожесточенной рѣзнѣ между вчерашними союзниками. Въ газетахъ уже опять печатаются побѣдные отчеты о сраженіяхъ, въ которыхъ «болгарскія потери пре-

вышаютъ 3500 человѣкъ убитыми и ранеными»; сербы «производятъ лихія аттаки», обращаютъ болгаръ въ бѣгство, захватываютъ цѣлыя батареи полевыхъ орудій и совершаютъ вообще великіе подвиги взаимнаго истребленія и разрушенія—подвиги, которые приводятъ въ ужасъ несчастныхъ жителей Македоніи. «Сербская артиллерія—какъ возвѣщается въ одномъ изъ газетныхъ бюллетеней—открыла убійственный огонь противъ болгарскихъ позицій около Иштиба. Спустя полчаса послѣ бомбардировки въ городѣ разразился пожаръ. Первою загорѣлась церковь. Сербская артиллерія продолжала бомбардировку до полудня и превратила въ развалины почти весь городъ Иштибъ». Сербы хотѣли доказать, что Иштибъ—сербскій городъ, а не болгарскій, и въ доказательство они его разрушили. Разбѣжавшееся или погибшее населеніе города едва ли раздѣляло восторженныя чувства «побѣдителей», стремившихся, будто бы, освободить Македонію отъ турецкаго ига.

Крайне печальную страницу исторіи начинаютъ теперь балканскія государства, недавно еще вызывавшія общее сочувствіе Европы своею энергическою и успѣшною борьбою противъ Турціи. Идея балканскаго союза потоплена въ крови. Всѣ культурныя націи съ возмущеніемъ смотрятъ на страшныя послѣдствія кроваваго безумія, овладѣвшаго сербами, болгарами и греками. Дипломатія великихъ державъ оказалась безсильною въ такомъ дѣлѣ, которое безусловно входитъ въ кругъ ея прямыхъ задачъ,—въ дѣлѣ урегулированія результатовъ послѣдней балканской войны. Чѣмъ объяснить это безсиліе?

Кабинеты сумѣли поставить на своемъ, когда надо было вырвать изъ рукъ побѣдоносныхъ балканскихъ армій занятую ими Албанію и взятый штурмомъ Скутари. Тогда Европа имѣла опредѣленную цѣль, которую навязала ей Австро-Венгрія, съ обычною своею настойчивостью и самоувѣренностью—и эта цѣль была достигнута при дѣятельномъ участіи русской дипломатіи. Создать и отстоять новое автономное государство среди территорій, охваченныхъ войною между сосѣдними народами, въ самомъ разгарѣ военныхъ дѣйствій—это было предпріятіе чрезвычайно трудное, казавшееся почти неосуществимымъ, тѣмъ болѣе, что оно поставлено было на очередь довольно неожиданно, послѣ быстрыхъ успѣховъ Сербіи и послѣ приближенія ея войскъ къ Адріатикѣ. Однако, албанская автономія, о которой незадолго передъ тѣмъ никто не думалъ, сдѣлалась совершившимся фактомъ; сербскія войска очистили албанскія земли, и даже завоеванная черногорцами Скутарійская крѣпость была отдана албанцамъ, подъ давленіемъ европейскихъ требованій и угрозъ. Европа дѣйствовала тогда сознательно и единодушно,

подчиняясь внушеніямъ вѣнскаго кабинета; теперь нѣтъ этой сознательности и единодушія, и ни одна держава не выставила ясной и положительной программы, къ выполненію которой желательно было бы стремиться при помощи совмѣстныхъ усилій. Великій грѣхъ дипломатіи заключается въ томъ, что она допустила возбужденіе спора о раздѣлѣ македонскихъ земель и не выдвинула тотчасъ-же требованія для Македоніи такой-же автономной организаціи, какая установлена для Албаніи. Десятки лѣтъ продолжаются горячія пререканія и столкновенія между сербами, греками и болгарами изъ-за національнаго соперничества въ различныхъ областяхъ и мѣстностяхъ Македоніи; поэтому нельзя было не предвидѣть, что племенныя и политическія распри примутъ опасную форму и приведутъ къ безнадежной анархіи, когда будетъ предстоять окончательный дѣлежъ спорныхъ территорій между соперниками. Европейская дипломатія долго и много занималась вопросомъ о введеніи нѣкотораго подобія автономіи въ Македоніи; объ автономіи этой злосчастной провинціи хлопотали и Болгарія, и Сербія въ своихъ обращеніяхъ къ Портѣ передъ началомъ войны. Великія державы обязаны были взять въ свои руки вопросъ объ образованіи цѣльной автономной Македоніи, послѣ того, какъ выяснилось торжество балканскихъ союзниковъ надъ Турціею. Македонія имѣетъ гораздо больше правъ на полную политическую автономію, чѣмъ Албанія: она пріобрѣла эти права всею своею мученическою исторіею, своими вѣковыми бѣдствіями и страданіями, своею неустанною борьбою за освобожденіе отъ турецкаго гнета. Русская дипломатія должна рѣшительно и твердо высказаться за неприкосновенность автономной Македоніи,—и тогда сама собою прекратится преступная война, вызванная мыслью о раздѣлѣ. Тѣмъ, которые теперь рвутъ Македонію на части, Европа могла бы съ полнымъ правомъ сказать свое властное слово: «руки прочь»! Другого разумнаго выхода нѣтъ изъ тяжелаго балканскаго кошмара.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Конфликтъ четвертой думы съ министерствомъ.—Лозунгъ: „беречь думу» и страхъ роспуска.—Реальны ли были опасенія?—Разрывъ польскаго коло съ оппозиціонными фракціями.—Польскіе націоналисты и русскій либерализмъ.—Вызовъ на дуэль А. Ф. Керенскаго.—Чему апплодировали справа? — Отказъ сената распубликовать новое положеніе о военно-медицинской академіи.—Одна изъ черточекъ положенія.

Парламентскій годъ закончился при своеобразной забастовкѣ совѣта министровъ, подъ громкія слова бюджетныхъ преній, подъ шумъ думскихъ скандаловъ и при зафиксированномъ съ трибуны Таврическаго дворца разрывѣ между польскимъ коло и оппозиціей. Незадолго до начала лѣтнихъ думскихъ вакацій, всеобщее вниманіе обратилъ на себя отказъ сената распубликовать новое положеніе о военно-медицинской академіи. Почти одновременно появился слухъ о готовящемся, будто бы, снятіи положеній усиленной и чрезвычайной охраны. Этотъ слухъ былъ встрѣченъ какъ нѣчто невѣроятное. Вскорѣ, впрочемъ, появилось извѣстіе, что министръ внутреннихъ дѣлъ имѣлъ по этому поводу съ кѣмъ-то изъ черной сотни бесѣду и далъ «успокоительныя» завѣренія: снятіе охранъ отнюдь не умалитъ чрезвычайныхъ полномочій ни самого министра, ни губернаторовъ.

Рѣшеніе министровъ не посѣщать ни общихъ собраній Думы, ни засѣданій думскихъ коммиссій, а посылать для представленія «дѣловыхъ» объясненій своихъ товарищей и директоровъ департаментовъ, сначала трактовалось какъ событіе первостепенной политической важности. И въ Думѣ, и даже внѣ ея стѣнъ, считали, что конфликтъ имѣетъ рѣзкій и рѣшительный характеръ, и въ связи съ этимъ ожидали преждевременной и близкой смерти Думы четвертаго созыва. Фракціи волновались; обсуждались и вырабатывались формы, въ которыхъ Дума могла бы капитулировать передъ министерствомъ. Наиболѣе экспансивные депутаты то предлагали, чтобы предсѣдатель отъ лица Думы принесъ извиненіе за грубую фразу г. Маркова 2-го, то требовали экстренно поставить на повѣстку давно лежащее подъ сукномъ предложеніе объ усиленіи мѣръ внутри-думскихъ репрессій за злоупотребленіе свободой депутатскаго слова. Особенную суетливость проявлялъ г. Крупенскій,

обычно претендующій на роль посредника между Думой и министерствомъ. Перебѣгая отъ одной стороны къ другой, онъ давалъ обѣщанія министрамъ и, угрожая роспускомъ, уговаривалъ членовъ Думы. Какъ и всегда передъ угрозой роспуска, фракціонныя перегородки были перепутаны. Надъ ними взяли верхъ если не индивидуальные интересы, то индивидуальныя и классовыя ощущенія, неизмѣнно дающія себя знать въ Думѣ въ моменты конфликтовъ.

На этотъ разъ побѣдили, однако, ощущенія другого порядка. Вѣрный ли разсчетъ, что Думу не распустятъ, руководилъ большинствомъ октябристовъ, націоналистовъ и партіи центра, или готовность отстоять достоинство Думы, хотя бы цѣною риска новыхъ выборовъ,—во всякомъ случаѣ правящее большинство не согласилось идти на капитуляцію. И какъ только были ликвидированы сужденія и толки объ извинительной рѣчи М. В. Родзянки и объ измѣненіи наказа въ цѣляхъ борьбы съ эксцессами парламентскаго слова, конфликтъ сразу потерялъ всю соль. Грозное рѣшеніе министровъ получило кличку «забастовки» и стало предметомъ шутокъ. Въ газетахъ появилось шутливое описаніе, какъ члены Думы вмѣстѣ съ министрами ѣздили на одномъ пароходѣ въ Кронштадтъ, на торжество освященія собора, и какъ въ пути бесѣдовали о «мирнопротекающей забастовкѣ». Въ томъ же тонѣ говорилъ 12 Іюня въ Думѣ Н. С. Чхеидзе. Свою рѣчь въ пользу спѣшности запроса по поводу забастовки рабочихъ въ Чіатурахъ, онъ началъ столько же колкимъ, сколько и остроумнымъ вступленіемъ. «Раньше—говорилъ лидеръ думскихъ соціалъ-демократовъ — забастовочное движеніе росло въ ширь и въ массу, а въ послѣднее время проявляетъ тенденцію взбираться вверхъ и задѣвать такіе слои и группы, которыхъ раньше волна забастовочнаго движенія не касалась... Наряду съ этимъ наблюдается любопытное явленіе: чѣмъ выше слои, которые охватываетъ забастовочное движеніе, тѣмъ отношеніе администраціи къ забастовкѣ благожелательнѣе. Вчера мнѣ, напримѣръ, пришлось слышать, что въ одну весьма серьезную забастовку, которая теперь происходитъ въ Петербургѣ, администрація вмѣшиваться не предполагаетъ. Пока даже неизвѣстно точно, каковы собственно требованія бастующихъ. Есть ли это инкриминируемое требованіе восьми-часового рабочаго дня или, можетъ быть, даже требованіе демократической республики и экспропріаціи земель... Мы только что утвердили роспись и, очевидно, эти деньги пойдутъ въ руки бастующихъ... Такое положеніе вещей не могло, конечно, не повліять и на чіатурскихъ рабочихъ, которые тоже забастовали. Но они ошиблись и забыли мудрую поговорку: что приличествуетъ Юпитеру, то неприлично быку»... Пока ораторъ гово-

рилъ приведенныя слова, его постоянно прерывалъ и останавливалъ предсѣдатель. Но еще чаще, чѣмъ предсѣдатель, его прерывалъ, по отчетамъ газетъ, «смѣхъ на всѣхъ скамьяхъ». И этотъ смѣхъ былъ достаточно выразителенъ.

Страхъ роспуска съ неизмѣннымъ постоянствомъ стоитъ передъ нашей нижней палатой съ самаго того дня, когда, семь лѣтъ тому назадъ, были распущены первые избранники народа. Въ сущности, этотъ страхъ сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ факторовъ, опредѣляющихъ содержаніе и направленіе дѣятельности и внутренней жизни Думы. Думѣ перваго созыва онъ не былъ извѣстенъ; съ возможностью роспуска она не считалась. Но вторая Дума, въ теченіе всѣхъ ста дней ея существованія, только и дѣлала, что лавировала среди камней, на каждомъ изъ которыхъ виднѣлось явное и ясное предостереженіе. Лозунгъ «беречь Думу» былъ тогда совершенно опредѣленно выдвинутъ кадетскимъ и безпартійнымъ центромъ. То былъ, однако, не лозунгъ сохраненія даннаго личнаго состава членовъ Думы, а сохраненія Думы, какъ учрежденія, и особенно въ отношеніи порядка ея образованія по избирательному закону 11 декабря 1905 года. Ибо нельзя было не сознавать, что роспускъ отнюдь не явится простой смѣной одныхъ представителей народа другими, а будетъ имѣть гораздо большее значеніе. И событія это подтвердили. Роспускъ второй Думы былъ концомъ равномѣрнаго представительства если не всего населенія, то всѣхъ классовъ и слоевъ. Въ тотъ же день, когда была распущена вторая Дума, получило силу положеніе о выборахъ 3-го іюня, которымъ дѣло избранія отдано, кромѣ пяти городовъ, въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ и возведено въ правовую норму вмѣшательство въ выборы центральной и мѣстной администраціи.

Октябристы и тѣ изъ правыхъ, которые впослѣдствіи откололись отъ «истинно-русскихъ» союзниковъ и сдѣлались націоналистами, пришли въ третью Думу съ тѣмъ же самымъ лозунгомъ: «беречь». Но содержаніе лозунга они принесли совершенно другое. Сначала они прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы «беречь» Думу отъ воздѣйствій слѣва. Затѣмъ—отождествили народъ съ собою, народныя желанія и воззрѣнія со своими и свое «послушаніе» сочли за выраженіе народной воли. Въ теченіе пяти лѣтъ жизни третьей Думы, въ сознаніи таинственныхъ дотолѣ, въ громадномъ большинствѣ, незнакомцевъ, которыхъ поставило въ роль выборныхъ законодателей положеніе 3-го іюня, происходила эволюція. Октябристы, націоналисты и батюшки типа соборныхъ протоіереевъ постепенно забывали условія своего избранія и переходили къ именованію себя представителями народа. Въ этомъ, пожалуй, и состоялъ главный

смыслъ словъ А. И. Гучкова, когда онъ заявлялъ, что цѣль дѣятельности октябристовъ—пріучить къ конституціи страну и примирить съ конституціей власть. Было бы лишь правильнѣе говорить наоборотъ. Посредствомъ «послушанія» октябристы мечтали привить власти конституціонные навыки, а въ отношеніи населенія они надѣялись, что съ теченіемъ все сглаживающаго времени не выбиравшій ихъ народъ, въ силу привычки, признаетъ въ нихъ своихъ представителей.

Мечты и надежды, какъ извѣстно, ни въ томъ, ни въ другомъ направленіи не оправдались. Правительство конституціонныхъ навыковъ не пріобрѣло, что блестяще доказано имъ въ элементарномъ конституціонномъ вопросѣ—при прошлогоднихъ выборахъ. Населеніе, гдѣ только имѣло малѣйшую къ тому возможность, не менѣе краснорѣчиво тогда же сказало націоналистамъ и октябристамъ, что они—не тѣ люди, которые по праву могли бы именоваться народными представителями. Въ Петербургѣ и Москвѣ націоналисты и не рисковали ставить своихъ кандидатуръ, октябристы же, съ самимъ А. И. Гучковымъ во главѣ, были торжественно забаллотированы. Въ Кіевѣ, правда, одною изъ курій былъ выбранъ націоналистъ, а въ Одессѣ архи-правые епископъ Анатолій и прославившійся на всю Россію человѣконенавистничествомъ ректоръ университета Левашевъ,—ставленникъ не менѣе безславнаго ех-градоначальника Толмачева, насадитель шпіонажа и сыска среди студенчества. Но объ одесскихъ и кіевскихъ выборахъ лучше не говорить. Относительно Одессы тайна избранія евреями-домовладѣльцами антисемита г. Левашева, а во второй куріи, еврейской интеллигенціей—антисемита епископа, уже обнаружена. Повѣрявшій одесскіе выборы отдѣлъ Думы предлагалъ избранникамъ Одессы самимъ сдѣлать экспериментъ: вложить поданные за нихъ бюллетени въ конверты, въ которые эти бюллетени якобы были вложены избирателями. И епископъ Анатолій экспериментъ дѣлалъ: бюллетени въ конверты не влѣзли.

Но если октябристамъ и націоналистамъ третьей Думы не удалось примирить съ собою населеніе, то они сами вполнѣ отдались иллюзіи. Еще задолго до конца пятилѣтія, они слили Думу, какъ представительное учрежденіе, облеченное законодательными правами, съ даннымъ составомъ ея членовъ,—составомъ, въ которомъ они были руководящимъ большинствомъ, а всѣ прочія фракціи—докучнымъ, но печально-неизбѣжнымъ придаткомъ. И что они «сберегли» третью Думу на всѣ пять лѣтъ,—это составляетъ понынѣ предметъ ихъ гордости. Какой цѣною и *что* сберегли, кромѣ печатнаго текста закона, трактующаго о Думѣ,—въ туманѣ иллюзіи одни изъ нихъ этого не сознавали, другіе не хотѣли сознать. Когда П. А. Сто-

лыпинъ, въ явное нарушеніе основныхъ законовъ, прервалъ занятія Думы на три дня и, въ порядкѣ ст. 87-ой, провелъ законъ о западномъ земствѣ, А. И. Гучковъ — глава октябристовъ и въ то время предсѣдатель Думы — отнесся къ удару не безразлично. Но свой протестъ онъ выразилъ приблизительно такъ, какъ анекдотическій чувашъ, котораго больно обидѣлъ становой. Чувашъ повѣсился; А. И. Гучковъ сложилъ предсѣдательскія полномочія и уѣхалъ въ Манчжурію. Страхъ потерять почетное званіе, жажда покоя и нежеланіе подвергать себя до срока тревогамъ, нервному волненію и риску новыхъ выборовъ, вмѣстѣ съ иллюзіей исторической отвѣтственности, оказали рѣшительное дѣйствіе. А. И. Гучковъ побывалъ въ Манчжуріи и вернулся. Третья Дума не только не воспользовалась правомъ аннулировать законъ о западномъ земствѣ, но до конца ея дней даже вопроса не поднимала, какъ быть съ этимъ закономъ. Такъ онъ и остался до сихъ поръ полу-висящимъ въ воздухѣ. Земскія учрежденія въ шести западныхъ губерніяхъ доживаютъ уже первое трехлѣтіе, а насколько они полноправны и имѣютъ ли, въ частности, мѣстныя губернскія земскія собранія право выбирать членовъ Государственнаго Совѣта, — неизвѣстно. Въ виду предстоящихъ выборовъ въ Совѣтъ, на этой почвѣ возникъ неразрѣшимый юридическій вопросъ. И для его разрѣшенія потребовалось сенатское «разъясненіе».

Четвертая Дума, несмотря на то, что она восемь мѣсяцевъ законодательствовала, все еще представляетъ собою нѣчто мало опредѣлившееся. Справа произошло рѣзкое разслоеніе. Глядя со стороны, г. Пуришкевичъ, какъ политическая величина, немногимъ отличается отъ г. Крупенскаго. А, между тѣмъ, они стали непримиримыми врагами. Г. Пуришкевичъ написалъ на г. Крупенскаго цѣлую книгу пасквильныхъ и до послѣдней степени неприличныхъ стиховъ. Г. Крупенскій, въ Думѣ, проходя мимо г. Пуришкевича, бросилъ ему въ глаза слово, за которое бьютъ по физіономіи. Всего вѣрнѣе предположить, что между ними легли личные счеты. Но обоихъ окружаютъ фракціи. За каждымъ, слѣдовательно, стоитъ нѣкій обособленный комплексъ политическихъ идей, или хотя бы политическихъ желаній. Недавно столь шумѣвшіе и столь бурно торжествовавшіе націоналисты какъ-то вдругъ притихли. Имя графа В. Бобринскаго всю зиму почти не появлялось въ газетныхъ отчетахъ. «Всероссійскій національный клубъ» выѣхалъ изъ роскошнаго особняка на Литейномъ, и дѣла клуба стали предметомъ разбирательства у мирового судьи. Октябристы тоже потеряли былую увѣренность и опредѣленность тона. А. И. Гучкова замѣнили лидеры безъ имени и безъ ораторскаго таланта. Говорили они много, но въ

ихъ словахъ все чаще и чаще слышались ноты оправданія влѣво. Рѣчи представителей оппозиціи пріобрѣли, наоборотъ, гораздо бо́льшую увѣренность и звучали значительно громче.

И, всетаки, страхъ роспуска изъ-за отказа Думы принять на себя, т. е. на Думу въ цѣломъ, выходку г. Маркова 2-го и принести за нее извиненіе, — не имѣлъ реальныхъ основаній. Что нервничали батюшки и вообще тѣ члены Думы разныхъ партій и сословій, которые, въ сущности, чужды политикѣ и которыхъ привели въ Таврическій дворецъ или воля начальства, или честолюбіе, или случайная комбинація выборныхъ симпатій, или, наконецъ, заманчивый изъ деревенской дали окладъ,—это психологически вполнѣ понятно. Выборы — тяжелая процедура и для политическихъ дѣятелей. А для дилеттантовъ въ политикѣ, по тому или по другому побужденію страстно желающихъ быть избранными, выборы—мука. И кто всего полгода назадъ съ успѣхомъ перенесъ мученія, тотъ не можетъ не страшиться ихъ повторенія. Но всѣ думскіе политики по постороннимъ соображеніямъ нервничали напрасно. Какъ ни шатается и какъ ни раздробилась правая половина четвертой Думы, она все же половина бо́льшая, правящая и въ концѣ концовъ — послушная. Она можетъ будировать противъ лицъ, образующихъ правительство, но изъ повиновенія правительству, какъ власти, она не выйдетъ. А между тѣмъ, какія невѣроятныя потребовались усилія, чтобы выборы дали хоть такое думское большинство. «Разъяснявшіе» избирателей, «направлявшіе» кампанію, мобилизировавшіе духовенство, смотрѣвшіе сквозь пальцы на явную уголовщину — на бюллетени, которые подавали мертвыя души или которые не влѣзаютъ въ конверты,— и вообще всѣ «дѣлавшіе» выборы,—они вѣдь тоже всего полгода тому назадъ испытали муку. Они тоже люди и они знаютъ — что бы ни говорили и какъ бы себя ни утѣшали—чувство стыда. Неужели они могутъ желать повторенія того, что навѣрное хотятъ скорѣе вытравить изъ воспоминаній и забыть навѣки?

Правительство, какъ власть безстрастная, растворяющая и поглощающая людей въ ея агентахъ, не можетъ не сознавать, что если второе примѣненіе положенія 3 іюня дало Думу менѣе послушную, чѣмъ первое, то третье, не взирая на самыя героическія «разъясненія», дастъ еще болѣе лѣвый результатъ, и въ количественномъ, и—что, пожалуй, даже важнѣе—въ качественномъ отношеніи. Въ странѣ запасъ Марковыхъ, Замысловскихъ, Крупенскихъ и хотя-бы Гучковыхъ очень невеликъ. Въ четвертую Думу вошло немало новыхъ людей. Изъ тѣхъ, что сѣли налѣво, уже многіе составили себѣ имена. А тѣ, что сѣли направо,—кто они, какъ ихъ зовутъ? Извѣстенъ сдѣлался, правда, г. Хвостовъ. Но онъ взятъ не

изъ страны. Онъ взятъ орловскими дворянами изъ губернаторовъ. Г. Левашевъ ничего не прибавилъ къ своей одесской славѣ. Г. Са-венко—къ кіевской... Конечно, нельзя было не учитывать возмож-ности роспуска Думы безъ назначенія новыхъ выборовъ. Но для такой возможности, само собою разумѣется, нужно нѣчто гораздо большее, чѣмъ грубое слово,—къ тому же раздавшееся оттуда, откуда только и идетъ требованіе переворота, т. е. отмѣны конституціи и замѣны законодательной Думы законосовѣщательною...

Еще въ предконституціонное время—въ послѣдніе мѣсяцы 1904 г. и въ первые 1905 г.,—когда въ Петербургъ и въ Москву неоднократно пріѣзжали польскіе общественные дѣятели для поли-тическихъ бесѣдъ съ таковыми же дѣятелями русскими,—чувство-валось, что поляки говорятъ, но своихъ мыслей до конца не дого-вариваютъ. Но тогда все исчерпывалось формулой: «такъ дальше жить нельзя». Бесѣдующіе гораздо больше говорили и думали о прошломъ и о настоящемъ, нежели о будущемъ. О будущемъ меч-тали, и оно,—т. е. то, что должно быть его политическимъ и эко-номическимъ содержаніемъ,—обрисовывалось въ самыхъ общихъ очертаніяхъ. Для царства Польскаго рисовался конецъ политики преслѣдованій и обрусѣнія, признаніе права поляковъ на національ-ное самоопредѣленіе и, какъ для всей Россіи,—торжество права и устраненіе начальственнаго произвола и усмотрѣнія всемогущей бюрократіи. Въ бесѣдахъ рѣчь, конечно, поднималась объ автоно-міи Польши. Иногда, бесѣды цѣликомъ вертѣлись вокругъ вопроса объ автономіи. Трактовался, однако, вопросъ исключительно съ точки зрѣнія исторической справедливости и культурной потребности поль-скаго народа. Въ деталяхъ поляки своихъ воззрѣній на вопросъ не развивали. А тѣ русскіе, съ которыми они вели бесѣды, въ дета-ляхъ не нуждались. Не то тогда было время.

На сентябрьскомъ земскомъ съѣздѣ 1905-го года, принявшемъ резолюцію объ автономіи царства Польскаго, установилось полное единство польскихъ націоналистовъ съ русскими лѣвыми политиче-скими кругами. Повода поднимать вопросъ о томъ, какъ опредѣ-лится автономія не для польскаго народа, а для территоріи царства и для населяющихъ ее русскихъ, евреевъ и нѣмцевъ,—не было. Этотъ вопросъ до конца покрывали широкія формулы всеобщаго равноправія. И въ дальнѣйшемъ ходѣ развивавшихся тогда событій не выдвигалось ничего такого, на чемъ могла бы обнаружиться рознь между русскимъ либерализмомъ и польскимъ націонализмомъ. Послѣдовавшія вскорѣ ссылка гр. Тышкевича, объявленіе военнаго

положенія въ царствѣ Польскомъ, высылка изъ Калиша г. Парчевскаго и особенная жестокость, съ которою въ Польшѣ шло подавленіе революціи,—все это, напротивъ, тѣмъ сильнѣе заставляло польскихъ націоналистовъ сближаться съ кадетами и съ родственными имъ лѣвыми партіями, и тѣмъ легче національный польскій вопросъ находилъ живой откликъ въ лѣвой половинѣ русской общественности.

Въ первой Думѣ поляки держались съ большой тактичностью. Они удовольствовались тѣмъ, что вопросъ объ автономіи царства былъ въ категоричныхъ выраженіяхъ отмѣченъ въ отвѣтномъ адресѣ, и не торопились къ нему возвращаться. Но внѣ залы засѣданій Думы разговоры съ поляками объ автономіи, о ея объемѣ и о соотношеніи мѣстнаго законодательства съ обще-имперскимъ происходили непрерывно. Въ этихъ разговорахъ поляки уже ясно давали понять, что имъ нужна автономія для того, чтобы оградить себя отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла царства со стороны Россіи вообще, хотя бы то былъ наирасположеннѣйшій къ нимъ русскій либерализмъ. Въ отношеніи самаго боевого въ первой Думѣ вопроса—аграрнаго, они прямо заявляли, что у себя и для себя принудительное отчужденіе земли считаютъ недопустимымъ. Въ отношеніи вопроса о національномъ равноправіи поляки были менѣе откровенны, но подчеркивали, что живущіе въ царствѣ русскіе и евреи, въ ихъ глазахъ — чужеродные пришельцы. Но все это были приватные разговоры. При всѣхъ голосованіяхъ, поляки дружно поддерживали кадетское большинство первой думы, а случалось—поддерживали и трудовиковъ. Въ Выборгъ, однако, они послѣ роспуска Думы не поѣхали, хотя, какъ доказали гр. Гейденъ и Н. Н. Львовъ, быть въ Выборгѣ еще не значило подписать выборгское воззваніе.

Во второй Думѣ главой польскаго коло былъ яркій націоналистъ Дмовскій. Поляки оказались на распутьи. Они видѣли, что сила изъ рукъ русскаго либерализма уходитъ, что ее вырываютъ, во-первыхъ, слѣва, а во-вторыхъ, вышедшее изъ состоянія паралича правительство П. А. Столыпина. Руководимое г. Дмовскимъ коло стало все чаще бросать взоры направо и обособлять себя отъ оппозиціи. Представители поляковъ въ Думѣ надѣялись, что справа они скорѣе получатъ автономію. Насколько надежды были вѣрны, показало положеніе 3-го іюня: представительство царства Польскаго было сокращено съ 28 членовъ Думы до десяти.

Направленіе взоровъ польскаго коло въ третьей Думѣ неоднократно мѣнялось. Въ первые годы коло все надѣялось и смотрѣло вправо. Поляки сближались съ октябристами и въ вопросахъ, касавшихся Россіи, согласовались съ ними. Когда же рухнули не-

сбыточныя надежды найти въ правой половинѣ русской общественности разрѣшеніе польскаго вопроса, когда, подъ давленіемъ избирателей, г. Дмовскій вынужденъ былъ выйти изъ Думы, когда полякамъ пришлось не надѣяться, а спасать царство отъ расчлененія и отъ поглощенія по частямъ,—ихъ взоры снова повернулись влѣво. Во весь длительный періодъ движенія холмскаго законопроекта польское коло шло рука объ руку съ оппозиціей.

При выборахъ въ четвертую Думу въ Варшавѣ разгорѣлась вражда между поляками и евреями. Польскій націонализмъ воочію показалъ, что лежитъ въ его основѣ. Польскіе націоналисты показали, какъ имъ, въ сущности, далеки идеи равноправія—разъ вопросъ касается равноправія не для нихъ, а съ ними. На этой же почвѣ—на почвѣ антисемитизма—и создался тотъ конфликтъ, который привелъ къ формальному разрыву польскаго коло съ оппозиціей.

Въ видѣ политической компенсаціи за отдѣленіе холмскаго края, третья Дума приняла законопроектъ о городскомъ самоуправленіи въ царствѣ Польскомъ. Законопроектъ заключалъ въ своей основѣ городовое положеніе 1892-го года. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ допускалъ веденіе преній на польскомъ языкѣ и участіе въ городскомъ представительствѣ евреевъ. Государственный Совѣтъ отвергъ и то, и другое и сдѣлалъ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ «исправленій». Въ такомъ видѣ законопроектъ поступилъ въ четвертую Думу. Думская комиссія предложила его принять въ редакціи Государственнаго Совѣта, съ самыми незначительными измѣненіями. Отъ лица польскаго коло членъ Думы Свѣжинскій выразилъ на это согласіе, заявивъ, что «въ виду неотложности реформы, въ виду полнаго разстройства и застоя въ городскомъ хозяйствѣ, мы вынуждены принять даже такую реформу, которая насъ не удовлетворяетъ». Но оппозиція попыталась поставить вопросъ на принципіальную почву. Деп. Щепкинъ, въ рѣзкой формѣ, возражалъ противъ поддержаннаго поляками предложенія комиссіи, такъ какъ оно ставитъ Думу «въ положеніе учрежденія, имѣющаго лишь совѣщательный голосъ при Государственномъ Совѣтѣ». За рѣзкое по адресу большинства Думы слово г. Щепкинъ былъ исключенъ на пять засѣданій. Затѣмъ, послѣ рѣчей деп. Фридмана и Масленникова, говорившихъ объ устраненіи отъ участія въ городскомъ представительствѣ евреевъ, поступило предложеніе о прекращеніи преній. Большинствомъ 136 голосовъ противъ 79 пренія были прекращены.

Какую роль сыграли поляки въ прекращеніи преній, въ сущности, представляется невыясненнымъ. Деп. Гарусевичъ заявилъ, что они голосовали противъ прекращенія преній. Но въ отчетѣ, вслѣдъ за этими словами, отмѣчено: «Голосъ слѣва: Вы просили октя-

бристовъ. Дымша просилъ». Далѣе въ отчетѣ, послѣ рѣчи Гарусевича, записано: «Не зажимайте намъ рта,—кричитъ съ мѣста Родичевъ». Такимъ образомъ, въ лѣвой половинѣ думскаго зала, очевидно, получилось впечатлѣніе, что поляки въ той или другой формѣ содѣйствовали прекращенію преній. И трудовая группа въ открытомъ письмѣ на имя польскаго коло, напечатанномъ въ газетахъ 16 іюня, это категорически завѣрила. «Обращаясь къ политическому содержанію конфликта,—значится въ письмѣ,—трудовая группа утверждаетъ, что обращеніе нѣкоторыхъ польскихъ депутатовъ къ представителямъ партіи центра, вызвавшее общее негодованіе членовъ трудовой группы, выразителемъ коего явился Керенскій, имѣло мѣсто въ дѣйствительности. Равнымъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію и то, что нѣкоторые члены коло голосовали за прекращеніе преній». А потому трудовая группа считаетъ, что заявленіе г. Гарусевича «даетъ основаніе обвинять польское коло въ двойной игрѣ: съ одной стороны, ведется закулисная агитація за прекращеніе преній, а съ другой, чтобы замаскировать свои реакціонныя поползновенія, коло публично голосуетъ противъ этого, имъ же самимъ подготовленнаго прекращенія преній».

По мотивамъ голосованія Ф. И. Родичевъ сказалъ: «Когда я вижу, что подъ флагомъ самоуправленія проводится законъ, вносящій въ страну не миръ, а мечъ, я задаю себѣ вопросъ: что проводится такими средствами. Водворяется не справедливость: куется то оружіе, которымъ свобода польскаго народа будетъ убита, и я не намѣренъ содѣйствовать выковкѣ этого оружія. Чтобы не очутиться въ положеніи человѣка, который видитъ правду лишь тогда, когда она ему выгодна, я буду голосовать противъ законопроекта. Вы, предложившіе обсуждать этотъ законопроектъ такъ, какъ обсуждался финляндскій,—вы ломаете ту доску и то основаніе, на которомъ только и возможна защита вашихъ правъ». Поддерживая протестъ отъ лица трудовой группы, А. Ф. Керенскій закончилъ свою рѣчь словами: «я протестую и заявляю, что представители польской націи, которые доводятъ себя до того, что идутъ къ представителямъ другихъ партій и просятъ ихъ голосовать и поддерживать прекращеніе преній,—измѣнники своему народу».

На слова А. Ф. Керенскаго польское коло отвѣтило вызовомъ на дуэль. А когда, послѣ долгихъ переговоровъ и въ силу категорическаго требованія трудовой группы, А. Ф. Керенскій отъ дуэли отказался, коло разослало членамъ Думы резолюцію, въ которой объявило, что «А. Ф. Керенскій, видимо, предпочитаетъ не нести никакой отвѣтственности за свои слова и поступки, исключая себя тѣмъ самымъ изъ категоріи людей, признающихъ такую отвѣт-

ственность необходимымъ условіемъ уваженія къ своему достоинству».

Эта резолюція едва ли удовлетворитъ большое число даже, тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые не принадлежатъ къ безусловнымъ анти-дуэлянтамъ, и едва ли будетъ способствовать усиленію симпатій къ ея авторамъ. Хотя А. Ф. Керенскій бросилъ слово «измѣнники» опредѣленнымъ «представителямъ польской націи»,—правда не называя ихъ по именамъ, но замѣнивъ имена описательными признаками («которые... идутъ къ представителямъ другихъ партій» и т. д.),—коло, однако, сочло, что оскорбленіе нанесено польскому представительству въ цѣломъ. И оно это исчерпывающимъ образомъ выразило въ томъ, что поручило сдѣлать вызовъ не тому своему члену, котораго очевидно болѣе другихъ имѣлъ въ виду А. Ф. Керенскій и чье имя вслѣдъ затѣмъ назвалъ «голосъ слѣва»,—а Ф. Ф. Рачковскому, по жребію. Если же такъ, то коло обязано было и противникомъ своимъ считать не А. Ф. Керенскаго, а трудовую группу, отъ лица которой онъ говорилъ и которая еще въ періодъ переговоровъ, подобно польскому коло, обсуждала инцидентъ и признала за собой въ цѣломъ полную отвѣтственность за слова А. Ф. Керенскаго. И форму отвѣтственности трудовая группа тогда же предложила: судъ чести, съ обязательствомъ безусловно подчиниться его рѣшенію. Отъ суда чести отказалось польское коло. Слѣдовательно, грубое оскорбленіе резолюціи, адресованное А. Ф. Керенскому, ея авторы должны были бы, прежде всего, адресовать самимъ себѣ. И это оскорбленіе тѣмъ вѣрнѣе бьетъ оскорбителей, что словамъ А. Ф. Керенскаго предшествовали вызвавшія ихъ дѣйствія нѣкоторыхъ «представителей польской націи». Раскрыть правду объ этихъ дѣйствіяхъ единственно могъ судъ чести. Дуэль же такъ и оставила бы въ неизвѣстности: вело польское коло двойную игру или нѣтъ. Прогрессисты Государственной Думы, по поводу резолюціи польскаго коло, нашли необходимымъ подтвердить чувства уваженія и симпатіи, которыя они питаютъ къ А. Ф. Керенскому, и подчеркнули, что уваженіе это въ связи съ отказомъ его отъ дуэли только выросло.

На слова Ф. И. Родичева, по порученію коло, отвѣтилъ въ засѣданіи Думы 12 іюня Я. С. Гарусевичъ. Его отвѣта правыя фракціи ждали съ нетерпѣніемъ. Засѣданіе собрало совсѣмъ не обычный для конца сессіи кворумъ. И правые, не исключая гг. Пуришкевича, Замысловскаго и Маркова, ждали не напрасно. Рѣчь г. Гарусевича они многократно прерывали аплодисментами и поощрительными возгласами. Его заключительная цитата, по словамъ газетъ, была покрыта «бурными аплодисментами въ центрѣ и осо-

бенно справа». Гг. Замысловскій, Пуришкевичъ и нѣкоторые изъ націоналистовъ устроили ему «восторженную овацію».

Я. С. Гарусевичъ—безсмѣнный представитель въ Думѣ царства Польскаго съ 27 апрѣля 1906-го года. И изъ всего прошлаго, связывавшаго такъ долго поляковъ съ оппозиціей, онъ вспомнилъ только «ошибки» фракціи народной свободы, которыя «мы», поляки, видѣли, но молчали, такъ какъ понимали «ихъ» трудное положеніе. Антисемитизмъ, которымъ коло проникнуто, г. Гарусевичъ выдвинулъ не обинуясь. Онъ упрекалъ Ф. И. Родичева въ непослѣдовательности, ссылаясь на голосованіе кадетовъ за распространеніе земскаго положенія 1890 г. на Астраханскую, Оренбургскую и Ставропольскую губерніи, т. е. за законъ, въ которомъ «также имѣются ограниченія извѣстной группы населенія». Но при этомъ онъ, конечно, не отмѣтилъ, что въ этихъ трехъ губерніяхъ евреи, особенно внѣ городовъ, насчитываются единицами, а въ городахъ царства Польскаго составляютъ главную массу населенія. Свое отношеніе къ разрыву съ оппозиціей г. Гарусевичъ опредѣлилъ стихомъ: «Была безъ радости любовь—разлука будетъ безъ печали».

Такъ ли? Была ли любовь безъ радости? Будетъ ли разлука безъ печали? Въ своемъ антисемитизмѣ польскіе націоналисты всегда будутъ встрѣчать восторженный привѣтъ со стороны русскихъ «погромщиковъ по убѣжденію». Въ порывѣ счастья видѣть людей, торжественно расписавшихся въ антисемитизмѣ, гг. Замысловскіе готовы были обнимать поляковъ. Но какую радость готовитъ полякамъ ихъ новая «любовь»? И, думается, въ томъ же засѣданіи Думы представители польскаго коло должны были испытать ощущеніе людей, на которыхъ вылили ушатъ холодной воды. Докладчикъ гр. Беннигсенъ, разбирая внесенныя въ законопроектъ поправки и коснувшись еврейскаго вопроса, заявилъ: «Мы желаемъ въ интересахъ сохраненія равенства силъ поставить евреевъ въ неполноправное положеніе. Мы не видимъ, чтобы представители другихъ національностей въ царствѣ Польскомъ достигли того культурнаго уровня, при которомъ экономическая борьба съ представителями національности еврейской была бы для нихъ вполнѣ возможна». Вотъ какъ смотрятъ на польско-еврейскій вопросъ устроившіе г. Гарусевичу «восторженную овацію»! Гордые своей «европейской» культурой, поляки требуютъ для себя господства надъ евреями. Имъ отвѣчаютъ: «нѣтъ, не потому мы ставимъ евреевъ въ неполноправное положеніе; мы ставимъ ихъ въ такое положеніе потому, что вашъ культурный уровень низокъ, и вы, если евреевъ уравнять съ вами, будете ими порабощены». А г. Гарусевичъ только что говорилъ представителямъ фракціи народной свободы о томъ, что поляки никогда

не допустятъ ничьихъ совѣтовъ и ни въ какихъ урокахъ политическаго поведенія не нуждаются. Польское коло разорвало съ оппозиціей, желая сохранить за собою самостоятельность. Оно сдѣлало это подъ «бурные» аплодисменты справа. Какъ польскіе націоналисты, въ ослѣпленіи ненавистью къ евреямъ, могли не видѣть *чему* справа аплодируютъ?..

Абсолютная незакономѣрность проведенія новаго положенія о военно-медицинской академіи черезъ военный совѣтъ, минуя общія законодательныя учрежденія, въ такой мѣрѣ не можетъ возбуждать ни малѣйшихъ сомнѣній, что если бы сенатъ дѣйствительно стоялъ на той высотѣ, на которую его всегда тщится поднять въ своихъ рѣчахъ И. Г. Щегловитовъ,—то отказа сената распубликовать это положеніе всѣ должны были ожидать, какъ факта неизбѣжнаго и неустранимаго. А между тѣмъ, когда появилось первое газетное сообщеніе объ отказѣ, впечатлѣніе получилось подобное тому, какъ если бы въ іюльскій жаркій день вдругъ хлопья снѣга покрыли деревья. Буквально нельзя было встрѣтить человѣка, который бы не недоумѣвалъ. Другъ друга спрашивали: какъ, почему? Находились освѣдомленные люди, которые говорили: между министрами нелады. И этимъ объясненіямъ охотно вѣрили. Въ отказѣ стремились прозрѣть чью-то и противъ кого-то интригу. Замѣчаніе, что сенатъ по закону не могъ поступить иначе, вызывало ироническія усмѣшки. Такъ далеки отъ дѣйствительности слова, упорно и столько лѣтъ повторяемыя въ Думѣ министромъ юстиціи.

Незакономѣрности принятаго порядка реформированія академіи не отрицало и само военное министерство. Въ этомъ отношеніи, хвастаясь откровенностью «солдата», поставилъ всѣ точки надъ і нѣкій «высокопоставленный генералъ», бесѣда съ которымъ была напечатана въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» 24 апрѣля,—генералъ, настолько «освѣдомленный», что онъ приводилъ номеръ рапорта начальника академіи военному министру и воспроизводилъ то, что генералъ Сухомлиновъ съ глазу на глазъ говорилъ профессорамъ Вельяминову, Федорову, Бехтереву и другимъ. Этотъ «высокопоставленный генералъ» не оправдывался, но спрашивалъ своего штатскаго собесѣдника: «Что было дѣлать министру? Скажите по совѣсти, когда у васъ въ домѣ пожаръ, вы станете думать о томъ, хорошо ли завязанъ вашъ галстухъ и чисты ли перчатки?» «Здѣсь тоже былъ пожаръ»—отвѣчалъ на свой вопросъ «высокопоставленный генералъ»: «закрылось со скандаломъ на всю Европу высшее учебное заведеніе, которое, подчеркиваю это, министръ не хотѣлъ закрывать,

а хотѣлъ реформировать не однобоко, введя только форму да «честь», которой добивались конференція академіи и ея глава проф. Вельяминовъ, а сполна реформировать спокойно, во-время, безъ ломки въ серединѣ учебнаго года». «Что если бы министръ послѣ выработки новаго устава и инструкціи обратился въ законодательныя палаты?—Да, вѣдь, два года нужно было бы, чтобы провести реформу, другими словами,—чтобы затушить пожаръ». «Мы—говорилъ генералъ въ заключеніе бесѣды—существо дѣла предпочитаемъ буквѣ».

Пожаръ—обычный образъ въ устахъ «энергичныхъ» администраторовъ, когда они стараются оправдать явное беззаконіе. «Если тушатъ пожаръ, то нечего жалѣть о разбиваемыхъ стеклахъ»—говорилось въ декабрѣ 1905-го года, и этимъ оправдывались разстрѣлы безъ суда, по приказамъ начальниковъ карательныхъ экспедицій. Военный министръ, если вѣрить словамъ «высокопоставленнаго генерала» (а какъ имъ не вѣрить?), руководился той же пожарной аргументаціей, когда миновалъ законодательныя учрежденія. Для него конституція и слова основныхъ законовъ: «никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы»—хорошо завязанный галстухъ и чистыя перчатки, о которыхъ не думаютъ въ моментъ «скандала на всю Европу». Для него медленность проведенія законовъ черезъ законодательныя учрежденія есть достаточное основаніе, чтобы, минуя ихъ, создавать надзаконную реформу. Основные государственные законы не принадлежатъ, по выраженію «высокопоставленнаго генерала», къ вещамъ, которыми «не шутятъ». Они — буква. А «реформа», которую законодательныя учрежденія не только замедлили бы на два года, но вовсе отвергли бы, — то существо дѣла, которое стоитъ выше буквы. Но вѣдь зналъ же военный министръ что есть и дальнѣйшія буквы: «законы обнародываются» сенатомъ и «прежде обнародованія въ дѣйствіе не приводятся». На что же онъ разсчитывалъ?

Военному министру, какъ и встрѣтившему недоумѣніемъ отказъ сената русскому обществу, очевидно и въ голову не приходило, что окажется не мертвой буквой ст. 92 законовъ основныхъ: «законодательныя постановленія не подлежатъ обнародованію, если порядокъ ихъ изданія не соотвѣтствуетъ положеніямъ сихъ основныхъ законовъ». Иначе онъ навѣрное раньше бы подумалъ о томъ безвыходномъ положеніи, въ которомъ въ настоящее время оказались академія и онъ самъ. Фактически военно-медицинская академія есть,—есть студенты, профессора, клиники и т. д.,—а юридически она не существуетъ. Воинской повинности студенты, вопреки условію принятія въ академію, не отбываютъ; считать ихъ военно-

служащими нельзя: для этого нѣтъ распубликованнаго и вступившаго въ дѣйствіе закона. Тратить на юридически несуществующую академію деньги—никто права не имѣетъ.

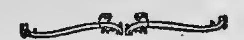
Кстати о новомъ положеніи о военно-медицинской академіи. Въ немъ есть одна черточка, исключительно характерная для нынѣшняго времени и не менѣе любопытная въ смыслѣ законодательнаго постановленія.

Спѣшность работы, какъ на пожарѣ, не помѣшала военному министерству попутно разрѣшить вопросъ, не имѣвшій ничего общаго ни съ пожаромъ, ни со скандаломъ на всю Европу, но весьма сейчасъ интересующій антисемитовъ,—вопросъ о распространеніи правоограниченій на бывшихъ евреевъ, т. е. на евреевъ, принявшихъ христіанство. И съ отмѣченной «высокопоставленнымъ генераломъ» прямолинейностью военныхъ людей, составители положенія въ перечень лицъ, которыя не допускаются къ пріему въ академію, включили «сыновей и внуковъ лицъ (мужского или женскаго пола), родившихся въ іудейской вѣрѣ». Имъ показалось мало закрыть наглухо двери академіи для евреевъ, хотя бы принявшихъ христіанство. Они рѣшили ихъ закрыть и для тѣхъ, быть можетъ, ярыхъ антисемитовъ, у которыхъ въ роду былъ дѣдъ или была бабка, родившіеся въ іудействѣ.

Есть сенаторъ весьма черносотенныхъ убѣжденій. Онъ окончилъ курсъ въ привилегированномъ учебномъ заведенія и быстро авансировалъ по службѣ. Его отецъ былъ оберъ-прокуроромъ сената. А для сына этого сенатора двери военно-медицинской академіи закрыты: его дѣдъ, бывшій оберъ-прокуроръ, рожденъ въ іудействѣ. У бывшаго губернатора, нынѣ члена Думы и «истинно-русскаго» союзника, отличавшагося на губернаторскомъ посту особенной злобностью въ преслѣдованіи евреевъ, бабка была еврейкой. Какіе бы антисемитическіе задатки ни обнаруживалъ будущій губернаторъ въ молодости, онъ, при новомъ положеніи объ академіи, не могъ бы быть ея слушателемъ. И подобныхъ примѣровъ можно привести много. Говорить, впрочемъ, о нелѣпостяхъ измышленій антисемитизма по существу—не приходится. Но составители положенія о военно-медицинской академіи должны были ясно представить себѣ другую, чисто практическую сторону вопроса. Когда законъ говоритъ, что не допускаются къ пріему иностранные подданные, женатые, перешедшіе 25 лѣтній возрастъ и т. п., то отсутствіе этихъ препятствій устанавливается весьма просто: документами, принадлежащими самому просителю. А когда говорится, что нельзя принимать сыновей и внуковъ лицъ, родившихся въ іудействѣ, то этимъ самымъ предъявляется чудо-

вищное, по трудности исполненія, требованіе ко всѣмъ рѣшительно желающимъ поступить въ академію. Каждый, прежде подачи прошенія, долженъ заняться генеалогическими розысками, дабы добыть и представить семь метрическихъ свидѣтельствъ: свое, отца, матери, дѣда и бабки со стороны отца, дѣда и бабки со стороны матери. Ибо иначе академія никакъ не можетъ удостовѣриться, что у православныхъ Сидорова или Петрова бабки по матери не имѣли родителями евреевъ. Можно съ увѣренностью сказать, что стоитъ только начать съ точностью соблюдать такое требованіе, и академію за недостаткомъ студентовъ придется закрыть.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

ОКОНЧАНІЕ ПЕРВОЙ СЕССІИ ЧЕТВЕРТОЙ ДУМЫ.

Закончилась первая сессія четвертой Думы. Положительныхъ результатовъ она принесла мало, очень мало. И все же чувствуется какая-то перемѣна, позволяющая предполагать, что даже на избранникахъ 3-го іюня отражается измѣнившееся настроеніе страны. Произошло то, что было немыслимо во времена третьей Думы: большинствомъ произнесено рѣшительное слово осужденія дѣятельности двухъ министровъ. Послѣ разсмотрѣнія смѣты министерства внутреннихъ дѣлъ принята формула, предложенная союзомъ 17-го октября. Она признаетъ, что министерство, «сохраняя дѣйствіе исключительныхъ положеній, возбуждаетъ въ населеніи общее чувство недовольства и вполнѣ справедливое возмущеніе по поводу ничѣмъ не оправдываемыхъ стѣсненій; уклоняясь отъ внесенія въ законодательныя палаты давно назрѣвшихъ реформъ, препятствуетъ водворенію въ Россіи правового порядка и убиваетъ въ народѣ чувство уваженія къ закону и власти; задерживая реформу мѣстнаго самоуправленія, препятствуетъ культурному развитію страны; способомъ примѣненія законовъ по отношенію къ отдѣльнымъ національностямъ, разъединяетъ русскихъ гражданъ и ослабляетъ мощь Россіи». И за этотъ обвинительный актъ подано при состоявшемся, по требованію правыхъ, выходѣ въ двери —164 голоса противъ 117! Немногимъ только меньше большинство (146 противъ 113), которымъ принята формула октябристовъ по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія. По словамъ этой формулы, «министерство, относясь во многихъ случаяхъ безучастно къ удовлетворенію нуждъ народнаго образованія, не только не обнаруживаетъ стремленія къ проведенію необходимыхъ преобразованій, но даже тормозитъ ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они возникаютъ по инціативѣ Думы; отношеніе министерства къ учебному персоналу ненормально, а къ учащимся—отличается сухимъ формализмомъ; въ промедленіи осуществленія неотложныхъ реформъ въ дѣлѣ просвѣщенія кроется опасность для духовнаго развитія народа».

Очень характерны усилія правыхъ, при обсужденіи обѣихъ названныхъ выше смѣтъ, убѣдить Думу въ солидарности, существующей между ними и крестьянами—и еще характернѣе отпоръ, встрѣ-

ченный ими со стороны крестьянъ. Говоря по мотивамъ голосованія, деп. Замысловскій рѣшился утверждать, что если придти въ любую деревню и спросить, существуетъ ли тамъ исключительное положеніе, то никто на этотъ вопросъ не отвѣтитъ. Эти слова вызвали энергичное возраженіе деп. Калинина, крестьянина Вятской губерніи. «Мы видѣли—воскликнулъ онъ,—какъ дѣлаютъ произволъ, насилія во время исключительнаго положенія и охраны. Намъ, крестьянамъ, нѣтъ возможности говорить ни одного слова въ оправданіе, насъ порютъ нагайками, бьютъ и дѣлаютъ, что хотятъ». Тотъ же депутатъ Калининъ—а за нимъ и другой крестьянинъ, деп. Мирошниченко,—горячо возражалъ, во время преній по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, правому депутату Новицкому, позволившему себѣ увѣрять, что онъ говоритъ отъ имени крестьянъ.

Настоящее выраженіе чувства и взгляды крестьянъ въ области народнаго образованія нашли въ формулѣ крестьянской группы, отклоненной, къ сожалѣнію, большинствомъ 137 голосовъ противъ 134. Пожеланія, перечисленныя въ этой формулѣ, свидѣтельствуютъ о томъ высокомъ уровнѣ, котораго достигло народное сознаніе. Они сводятся къ слѣдующему: 1) чтобы правительствомъ были приняты мѣры къ скорѣйшему введенію всеобщаго начальнаго обученія; 2) чтобы всѣ начальныя школы (министерскія, земскія и церковно-приходскія) были однотипны и состояли въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія; 3) чтобы образованіе: низшее, среднее и высшее имѣло одну стройную систему, допускающую послѣдовательный переходъ изъ школъ низшихъ разрядовъ въ школы разрядовъ высшихъ; 4) чтобы въ начальныхъ школахъ, помимо общаго образованія, давались и необходимыя практическія свѣдѣнія и навыки по сельскому хозяйству и ремесламъ, а въ высшихъ начальныхъ училищахъ преподавались и основы счетоводства; 5) чтобы въ начальныхъ школахъ преподаваніе допускалось и на родномъ языкѣ учащихся; 6) чтобы создана была широкая свобода учрежденія частныхъ училищъ; 7) чтобы во всѣ учебныя заведенія, содержимыя на средства казны или получающія отъ нея пособіе, принимались лица всѣхъ сословій; 8) чтобы обученіе было безплатнымъ во всѣхъ правительственныхъ школахъ низшихъ, среднихъ и высшихъ; 9) чтобы возрастныя ограниченія для полученія образованія были отмѣнены; 10) чтобы среднія учебныя заведенія открывались не только въ городахъ, но при всякой къ тому возможности въ сельскихъ мѣстностяхъ, и 11) чтобы населенію была предоставлена полная свобода учрежденія народныхъ библіотекъ, читаленъ, обра-

зовательныхъ курсовъ, вечернихъ занятій и т. п. просвѣтительныхъ учрежденій для внѣшкольнаго образованія».

Возвращаемся къ формуламъ, въ которыхъ дана Думою оцѣнка дѣятельности министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Можно, конечно, находить, что онѣ прозвучали безслѣдно, не поколебавъ положенія министровъ, ни въ чемъ не измѣнивъ ни направленія, котораго они держатся, ни способовъ проведенія его въ жизнь. Едва ли, однако, совершенно лишенъ значенія опредѣленно, ясно мотивированный приговоръ, исходящій отъ значительнаго большинства «законопослушной» Думы—единственнаго коллективнаго органа, которымъ въ настоящую минуту располагаетъ русское общественное мнѣніе. Народнымъ представительствомъ избранники третьеіюньскихъ курій, конечно, названы быть не могутъ; но въ ихъ рѣшеніи—этого отрицать нельзя—слышится голосъ именно той группы населенія, къ которой съ особымъ довѣріемъ, въ критическую минуту, отнеслось правительство [1]). Заподозрить эту группу въ «субверсивныхъ» замыслахъ, въ оппозиціи ради оппозиціи было бы болѣе чѣмъ странно. И знаменательно, что редакція формулы, въ которыя вылилось мнѣніе большинства Думы, принадлежитъ той партіи —осторожной до робости, нерѣшительной до малодушія, — которая такъ долго шла рука объ руку съ противниками ея девиза, съ нарушителями положенныхъ въ основу ея программы октябрьскихъ обѣщаній. Если наступилъ конецъ ея терпѣнію, то не ясно ли, что чаша переполнена, что пора вступить на новую дорогу. Теперь нельзя говорить, что общая политика правительства осуждается только непримиримыми врагами существующаго строя, что сѣятелями смуты являются одни «лѣвые листки» и вдохновители ихъ въ Думѣ и внѣ Думы. Неудовольствіе проникло далеко въ ширь и глубь; не считаться съ нимъ—значило бы закрывать глаза на очевидность. Нельзя, къ несчастію сказать, чтобы это было невозможно; но долго такой самообманъ продолжаться не можетъ. Поворотъ, необходимость котораго перестаетъ быть предметомъ спора, еще не начался, но признаки, предвѣщающіе его близость, имѣются уже на лицо. Быть можетъ, къ ихъ числу слѣдуетъ отнести и отклоненіе совѣтомъ министровъ законопроекта о печати, составленнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, слухи о предстоящей отмѣнѣ исключительныхъ положеній и выра-

[1]) Припомнимъ, что въ голосованіи обѣихъ формулъ представители крайнихъ лѣвыхъ партій участія не принимали; „воздержавшихся» въ одномъ случаѣ было 23, въ другомъ—20.

женную предсѣдателемъ совѣта министровъ готовность содѣйствовать скорѣйшему осуществленію земской реформы. Ледъ реакціи еще стоитъ и двинется, можетъ быть, не скоро, но трещины въ немъ становятся замѣтны даже для простого глаза.

Ретроспективный взглядъ на окончившуюся сессію четвертой Думы обнаруживаетъ съ полною ясностью, что готовила Россіи прошлогодняя выборная кампанія, поставившая себѣ задачей наводнить Думу ставленниками свѣтскаго и духовнаго начальства и сдѣлать ее проводникомъ систематической, ни передъ чѣмъ не останавливающейся реакціи. Образъ дѣйствій правыхъ, разочаровавшихся въ своихъ надеждахъ, показываетъ наглядно, чѣмъ они бы явились, что сдѣлали бы въ случаѣ побѣды. Какимъ было бы министерство, составленное подъ ихъ вліяніемъ—объ этомъ можно судить по характеру и тону нападеній, направленныхъ ими противъ неугодныхъ имъ членовъ нынѣшняго кабинета; какимъ было бы вдохновляемое ими законодательство—объ этомъ даютъ понятіе пожеланія послѣдняго общедворянскаго съѣзда, законопроектъ Н. А. Маклакова о печати и въ особенности законопроектъ о способахъ борьбы съ хулиганствомъ, внесенный правыми въ самомъ концѣ сессіи. Теперь, едва этотъ проектъ успѣлъ появиться на свѣтъ, ему стали измѣнять многіе изъ числа его подписавшихъ—и дальше своеобразной демонстраціи, всецѣло обрушивающейся на его авторовъ, онъ, очевидно, не пойдетъ; тогда онъ имѣлъ бы всѣ шансы стать правительственнымъ предложеніемъ и побѣдоносно пройти черезъ Думу и Госуд. Совѣтъ. При настоящемъ положеніи вещей откровенность, съ которою правые раскрываютъ свои влеченія и вожделѣнія, скорѣе препятствуетъ, чѣмъ способствуетъ ихъ дальнѣйшему успѣху; тогда она могла бы облегчить ихъ побѣду, конечно—кратковременную, но чреватую неисчислимыми бѣдствіями для страны. Теперь, повидимому, умножается число перебѣжчиковъ изъ праваго лагеря; тогда онъ, по всей вѣроятности, пополнился бы неразборчивыми поклонниками успѣха. Теперь, съ ростомъ политическаго сознанія въ средѣ крестьянъ, обостряется разрывъ между ними и правыми; тогда могъ бы быть заключенъ противоестественный союзъ, самоубійственный для крестьянства. Спѣшимъ прибавить, что едва ли много выиграетъ Дума отъ перехода г. Барача или самого г. Хвостова изъ стана правыхъ въ станъ націоналистовъ. Помимо того, что представляютъ собою новые адепты націоналистической партіи, самая партія не очень-то далеко ушла впередъ въ сравненіи съ правыми, часто находившими въ ней надежную опору.

Если четвертой Думѣ, въ отличіе отъ третьей, удалось провести нѣкоторую демаркаціонную черту между политикой министерства и стремленіями народа, это еще не даетъ основанія ожидать отъ нея плодотворной работы въ области законодательства. Такая работ аста-нетъ возможной только тогда, когда чрезвычайный актъ власти, выразившійся въ положеніи о выборахъ 3 іюня 1907 года, уступитъ мѣсто закономѣрнойизбирательной системѣ, предуказанной манифестомъ 17 октября и отчасти осуществленной положеніемъ 11 декабря 1905 г.

К. Арсеньевъ.

Отъ Императорскаго Московскаго Университета.

---

12 мая 1911 года русская наука понесла тяжелую утрату въ лицѣ Заслуженнаго Профессора Московскаго Университета Василія Осиповича *Ключевскаго*. Русскому Обществу хорошо знакомъ и дорогъ образъ великаго ученаго, сочетавшаго силу мысли съ даромъ художественнаго творчества и могуществомъ устнаго слова. Имя почившаго одинаково близко какъ многочисленнымъ слушателямъ его, разбросаннымъ по всей Россіи, такъ и еще болѣе многочисленнымъ читателямъ его литературныхъ произведеній. Работы его, бросая яркій свѣтъ на наше прошлое, будили общественное сознаніе, развивали мысль ряда поколѣній и воспитывали школу исторической науки.

Идя навстрѣчу проявленному со всѣхъ сторонъ горячему желанію выразить уваженіе къ памяти В. О. Ключевскаго, Московскій Университетъ остановился на мысли почтить память почившаго такъ же, какъ нѣкогда была почтена память его великаго учителя, Сергѣя Михайловича Соловьева, и возбудилъ ходатайство объ учрежденіи при Московскомъ Университетѣ стипендіи его имени для оставленныхъ при Университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ русской исторіи, а также и преміи за лучшія сочиненія по русской исторіи и исторіи русской церкви.

Нынѣ ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшено открытіе повсемѣстнаго сбора добровольныхъ пожертвованій для означенной цѣли. Объявляя объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, ИМПЕРАТОРСКІЙ Московскій Университетъ приглашаетъ всѣхъ почитателей В. О. Ключевскаго доставлять свои пожертвованія, не стѣсняясь ихъ размѣрами, въ Правленіе Университета, во всѣ Конторы и Отдѣленія Государственнаго

Банка, въ губернскія и уѣздныя казначейства Россійской имперіи для зачисленія на условный текущій счетъ въ Московской Конторѣ Государственнаго Банка за № 20255, открытый на имя Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.

Отчеты о поступившихъ пожертвованіяхъ будутъ публиковаться два раза въ годъ.

По поводу перваго полнаго собранія сочиненій А. И. Герцена.

Лѣтомъ 1915 г. въ Россіи выйдетъ въ свѣтъ первое полное собраніе сочиненій и писемъ Александра Ивановича Герцена, надъ редактированіемъ и комментированіемъ котораго уже много лѣтъ работаетъ приглашенный нами М. К. Лемке. Изданіе это будетъ болѣе, чѣмъ вдвое, полнѣе «собраній», выпущенныхъ за границею и въ Россіи. Въ него войдетъ все когда-либо написанное Герценомъ, съ исключеніемъ лишь тѣхъ мѣстъ, которыя явятся прямымъ нарушеніемъ дѣйствующаго въ Россіи закона о печати.

Предоставивъ М. К. Лемке весь хранящійся у насъ и нашихъ родственниковъ архивъ и всѣ прочіе матеріалы, заручившись такимъ же содѣйствіемъ ему со стороны нашихъ друзей и лицъ близкихъ покойному Герцену, мы обращаемся съ просьбой ко всѣмъ лицамъ и общественнымъ учрежденіямъ оказать ему и съ ихъ стороны всякое возможное содѣйствіе.

Для редактора предпринимаемаго изданія весьма важна буквально каждая строчка Герцена, будь то неизвѣстное сочиненіе, письмо, записка, автографъ на книгѣ или портретѣ и т. п. Каждая мелочь представляетъ свое серьезное, а иногда и большое значеніе.

Поэтому мы убѣдительно просимъ всѣхъ, кто имѣетъ хоть какой-нибудь *автографъ* А. И. Герцена, не отказать сообщить объ этомъ Михаилу Константиновичу Лемке (СПБ., Средній пр., 47, телеф. 419—37), а если бы ему понадобилось, то предоставить и самый оригиналъ для скорѣйшаго снятія копіи. Копіи, тщательно снятыя самими обладателями такихъ матеріаловъ, тоже, конечно, цѣнны, но опытъ показалъ, какъ вообще недостаточно хорошо разбирается почеркъ Герцена и насколько для редактора изданія важна личная свѣрка копіи съ оригиналомъ. Не рискующіе присылать частному лицу свои матеріалы, могутъ направлять ихъ въ Рукописное Отдѣленіе Библіотеки Императорской Академіи Наукъ, съ указаніемъ, что они посылаются для снятія копіи и ознакомленія

М. К. Лемке и послѣ того должны быть возвращены Отдѣленіемъ по такому-то адресу. Расходы по обратной страховой пересылкѣ М. К. Лемке принимаетъ на свой счетъ.

Кромѣ рукописныхъ матеріаловъ, большое значеніе имѣетъ и все когда и гдѣ либо *напечатанное* съ именемъ Герцена или его псевдонимами. Возможно, что кто-нибудь обладаетъ изданіемъ доселѣ неизвѣстнаго произведенія или извѣстнаго, но въ другомъ изданіи. Мы будемъ весьма признательны за точныя библіографическія произведенія и письма *современниковъ Герцена* (1812—1870), въ которыхъ заключаются упоминанія о немъ или его сочиненіяхъ. Сообщеніе М. К. Лемке выписокъ изъ такихъ матеріаловъ не менѣе цѣнно.

Наконецъ, важны точныя указанія на *иностранную литературу* (книги, брошюры, листки, журналы и газеты) о Герценѣ и его сочиненіяхъ.

Считаемъ не лишнимъ указать, что ни одна строчка изъ полученнаго такимъ образомъ матеріала не будетъ опубликована М. К. Лемке иначе, какъ въ полномъ собраніи сочиненій Герцена; нужно ли говорить, что тамъ же всегда будетъ указано, отъ кого именно полученъ тотъ или другой автографъ, съ коего снята копія.

Въ заключеніе мы впередъ приносимъ нашу искреннюю благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ и общественнымъ учрежденіямъ, которыя просвѣщенно отзовутся на это наше обращеніе.

Наталья Герценъ.

Ник. Герценъ.

Лозанна, 10 мая (27 апрѣля) 1913 г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Юр. Лигинъ. На Дальнемъ Востокѣ. Москва, 1913. Стр. 172. Цѣна 70 коп.

Книжка г. Лигина составилась изъ корреспонденцій, печатавшихся въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» лѣтомъ 1911 года. Это, какъ говоритъ самъ авторъ, «бѣглыя замѣтки по поводу видѣннаго и слышаннаго, начиная съ Иркутска и кончая Пекиномъ». Въ радѣ занимательныхъ очерковъ изображаются характерныя особенности сибирской жизни, административные нравы и пріемы, стихійныя явленія роста и упадка мѣстныхъ центровъ, въ связи съ успѣхами и завоеваніями промышленнаго класса. Свѣдѣнія, собранныя авторомъ, заключаютъ въ себѣ очень мало утѣшительнаго. Мы узнаемъ, напр., что арестантовъ, занятыхъ при постройкѣ Амурской желѣзной дороги, пороли за то, что они не хотѣли ѣсть гнилую рыбу, что больныхъ выгоняютъ на работу, чтобы они «не залеживались»; въ китайскихъ контрабандно - увеселительныхъ поселкахъ, на правомъ берегу Амура, приходится наталкиваться на соотечественниковъ, валяющихся на землѣ, — зрѣлище, мало способствующее поддержанію репутаціи русскаго народа и престижа русскаго имени въ глазахъ китайцевъ. Происходятъ иногда «дикія, унизительныя сцены, о которыхъ больно говорить. Пьяница, пропившій свои деньги, но не утолившій жажды, на колѣняхъ вымаливаетъ стаканчикъ «ханшина» (китайской водки); собирается толпа китайцевъ; они смѣются и въ концѣ концовъ ему водку даютъ, — и такъ до полнаго опьяненія». Въ болѣе зажиточной и предпріимчивой части русскаго населенія преобладаютъ грубые матеріальные интересы, инстинкты хищничества и незаконной наживы; но въ общемъ живется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ легче и свободнѣе, чѣмъ въ коренной Россіи. Здѣсь нѣтъ сословнаго неравенства; состоятельный крестьянинъ или купецъ не чувствуетъ себя паріемъ передъ представителемъ власти. «Есть люди, любящіе Дальній Востокъ, и даже много такихъ людей», и это обстоятельство, съ точки зрѣнія автора, не позволяетъ предаваться пессимизму относительно будущаго.

Л. С.

Н. Карѣевъ. Бѣглыя замѣтки по экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи. Серія первая. Спб., 1913. Стр. 192. Ц. 1 руб.

Почтенный авторъ собралъ въ этой
книгѣ статьи, печатавшіяся подъ тѣмъ же
заглавіемъ въ «Извѣстіяхъ С.-Петербурга
скаго Политехническаго института» за
1911 и 1912 годы. Обстоятельный разборъ
новыхъ историческихъ работъ г. Евг. Пет-
рова, проф. Е. В. Тарле, И. В. Лучицкаго,
М. М. Ковалевскаго и француза Брэша
даетъ Н. И. Карѣеву поводъ дѣлать много
серьезныхъ добавленій и поправокъ, имѣю-
щихъ иногда характеръ небольшихъ само-
стоятельныхъ изслѣдованій по архивнымъ
матеріаламъ. Авторъ давно уже считается
однимъ изъ лучшихъ спеціалистовъ по
внутренней исторіи Франціи въ эпоху ре-
волюціи, особенно въ области аграр-
ныхъ и промышленныхъ отношеній, и потому
его «бѣглыя замѣтки» заслуживаютъ пол-
наго вниманія со стороны всѣхъ, интере-
сующихся вопросами этой категоріи.

Л. С.

Асвагоша. Жизнь Будды. Переводъ К. Бальмонта. Со вступительной статьей Сильвэна Леви. Москва, 1913. Цѣна 2 р. 25 к.

Асвагоша, какъ объясняетъ г. Бальмонтъ въ предисловіи — имя одного изъ величайшихъ индусскихъ поэтовъ; въ поэмѣ «Жизнь Будды» ему принадлежитъ поло-

вина всего созданія,—остальное дополнено другими. Замѣчательный памятникъ индусской литературы предлагается теперь русской публикѣ въ прекрасномъ стихотворномъ переводѣ К. А. Бальмонта, и этотъ громадный трудъ, исполненный нашимъ выдающимся поэтомъ, получитъ несомнѣнно справедливую оцѣнку со стороны читателей.

Л. С.

И. С. Левитовъ. Стандартъ русскихъ прядильныхъ матеріаловъ и его государственное значеніе. Спб., 1913. Стр. 147.

Спеціальные вопросы относительно условій сбыта льняныхъ продуктовъ заграницу обсуждаются авторомъ съ точки зрѣнія международной конкурренціи, складывающейся вообще неблагопріятно для Россіи вслѣдствіе ея культурной и промышленной отсталости. По мнѣнію г. Левитова, русское производство должно сдѣлаться наконецъ вполнѣ самостоятельнымъ: намъ необходимо самимъ эксплуатировать свое сырье и руководить своей вывозной торговлей; а увеличеніе цѣнности продуктовъ можетъ поднять экономическое благосостояніе страны «на такую высоту, которая недостижима для очень многихъ изъ иностранныхъ государствъ». Г. Левитовъ думаетъ, что этого можно достигнуть установленіемъ опредѣленныхъ нормъ для прядильныхъ матеріаловъ, доставляемыхъ на международный рынокъ.

Л. С.

Въ теченіе іюня мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Акимова, Софья Кон. Пѣсни старости. Книжка 1-ая и 2-ая, Москва, 1913 г. Цѣна каждой книжки 50 коп.

Антоновъ, С. С. Льготныя правила о привозѣ изъ заграницы упаковки для отпускныхъ русскихъ товаровъ. Спб., 1913 г.

Асвагоша. Жизнь Будды. Москва. 1913 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Бергсонъ Анри. I. Интеллектуальное усиліе. II. Замѣтка о психологическомъ происхожденіи нашей вѣры въ законъ причинности. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Бѣлавенецъ, Митр. Ив. Огнестойкая постройка—первый шагъ къ богатству. Спб., 1913 г. Цѣна 10 к.

Веселовскій Юрій. Этюды по русской и иностранной литературѣ. Т. I. Москва, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Волковичъ, В. А. Національный воспитатель К. Д. Ушинскій. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Вольновъ, Ив. Повѣсть о дняхъ моей жизни. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Германовъ, Л. Очередныя задачи движенія приказчиковъ. Спб., 1913 г. Цѣна 25 коп.

Горностаевъ, А. Глубокимъ утромъ. Москва, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Кабановъ, Н. Полный эсперантско-русскій словарь. Москва, 1913 г. Цѣна 70 коп.

Жаревъ, Н. А. Сочиненія. Т. I. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Келтуяла, В. А. Курсъ исторіи русской литературы. Часть I. Исторія древней русской литературы. Изд. 2-ое. Спб., 1913 г. Цѣна 3 р.

Корсаковъ, В. В. Санаторіи и курорты въ Финляндіи. Нижній-Новгородъ, 1913 г. Цѣна 37 коп.—1 марка.

Кольцовъ, Н. К. Болотная лихорадка (малярія) и комары. Москва, 1913 г. Цѣна 16 коп.

Краллъ, Карлъ. Мыслящія животныя. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Кулжинскій, Яр. Ст. Опытъ методики систематическаго курса исторіи. Звенигородка, 1913 г. Цѣна 1 р. 70 коп.

Кульманъ, Н. К. Элементарно-практическая грамматика. Этимологія. Спб., 1913 г. Цѣна въ пер. 40 коп.

Ленскій, Вл. Собраніе сочиненій. Т. VI. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Луговскій, В. А. Русскіе писатели въ польской литературѣ. Вып. II. Салтыковъ. Цѣна 25 коп. Вып. III. Тургеневъ. Цѣна 30 коп. Спб., 1913 г.

Лунина, Софья. «У вратъ Твоихъ». Спб., 1913 г. Цѣна 70 коп.

Нелидова, Е. Русь въ ея столицахъ. II. Новгородъ. Спб., 1913 г. Цѣна 35 коп.

Нордау, Максъ. Собраніе сочиненій. Т. 3, 4, 5 и 6-ой. Москва, 1913 г. Цѣна каждаго тома 1 руб.

Окуневъ, Н. Л. Стѣнная карта Россіи въ XVI и XVIII вѣкѣ для класснаго употребленія, приспособленная къ учебнику рус. исторіи проф. С. Ѳ. Платонова, съ приложеніемъ атласа «Памятники русскаго искусства московской эпохи». Спб., 1913 г. Цѣна 3 руб.

Осоргинъ, Мих. Очерки современной Италіи. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Охитовичъ, А. П. Доказательство великой теоремы Фермара. Казань, 1910 г. Цѣна 50 коп.

Пеніонжкевичъ, К. Б. Систематическій сборникъ задачъ по элемен-

тарной физикѣ. Вып. I. Бѣлая церковь, 1913 г. Цѣна 70 коп.

Сакулинъ, П. Н. Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ѳ. Одоевскій. Томъ I. Часть I и II. Москва, 1913 г. Цѣна обоихъ частей 5 руб. 50 коп.

Сиповскій, В. В. Элементарная грамматика. Вып. I. Вводный курсъ. Спб., 1913 г. Цѣна въ пер. 40 коп.

Слоборанскій, С. Европа. Географическая хрестоматія. Часть 2-ая. Спб. 1913 г. Цѣна 80 коп.

Сологубъ, Ѳедоръ. Собраніе сочиненій. Т. XIII. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Толмачевская, Е. А. Лѣтнія площадки для дѣтскихъ игръ. Кіевъ, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Тотоміанцъ, В. Двадцать апостоловъ коопераціи. Москва, 1913 г. Цѣна 10 коп.

Трубецкой, кн., Евгеній. Міросозерцаніе Вл. С. Соловьева. Томъ II. Москва, 1913 г.

Фадеевъ, Т. Д. Школьная педагогика. Книга I. Психологія. Москва, 1913 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Фриманъ, М. С. и Шейнесъ, Д. И. Промысловый налогъ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Чурсинъ, Г. Ф. Очерки по этнологія Кавказа. Тифлисъ, 1913 г. Цѣна 60 коп.

Шарфе, I. Футболъ и лаунъ-теннисъ. Спб., 1913 г. Цѣна 75 коп.

Шаховъ, А. Вольтеръ и его время. Изд. 2-ое. Спб., 1912 г. Цѣна 1 руб.

— Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Якобзонъ, Л. Л. Евнуховдія. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Янковскій, М. Л. Наше законодательство о золотопромышленности. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Яшновъ, А. И. По русскому сѣверу. Нижній-Новгородъ, 1913 г. Цѣна 40 коп.

Боевая работа русской арміи въ войну 1904—1905 гг. Часть II. Спб., 1913 г. Цѣна 2 руб.

Краткій обзоръ дѣятельности Рижской городской управы. Рига, 1913 г.

Македонскій Голосъ. № 1. Спб., 1913 г. Цѣна 10 коп.

Матеріалы по пересмотру торговаго договора съ Германіей. Вып. VII. Австро-Венгрія. Вып. IX. Бельгія. Спб., 1912 г.

Меморандумъ представителей Ускюбской епархіи. Софія, 1913 г.

Мемуары князя Адама Чарторижскаго. Москва, 1913 г. Цѣна 2 руб.

Отчетъ о дѣятельности об-ва защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины за 1912 г. Спб., 1913 г.

Охрана жизни и здоровья рабочихъ въ промышленности. Часть I. Вып. I. Спб., 1913 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Половое воспитаніе. Сборникъ статей. Москва, 1913 г. Цѣна 55 коп.

Почтово-телеграфная статистика за 1910 годъ. Спб., 1913 г.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ общ. руков. П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго и В. И. Ламанскаго. Подъ редакціей В. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго. Туркестанскій край. Спб., 1913 г. Т. XIX. Цѣна 5 р. 50 коп.

Славянское чтеніе. Вып. I. Созиданіе Скадра. Перев. Ѳ. В. Ржила. Н.-Новгородъ, 1913 г. Цѣна 10 коп.

Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губ. за 1911 годъ. Херсонъ, 1913. г.

Три вѣка. Россія отъ смуты до нашего времени. Истор. сборникъ подъ ред. В. В. Каллаша. Т. VI. Москва, 1913 г.

$1613\frac{21}{II}1913$. День 21 февраля въ ИмператорскомъНиколаевскомъ Университетѣ. Саратовъ, 1913 г.

Carnegie Endonment for International Place. Year Book for 1912. Вашингтонъ, 1913.

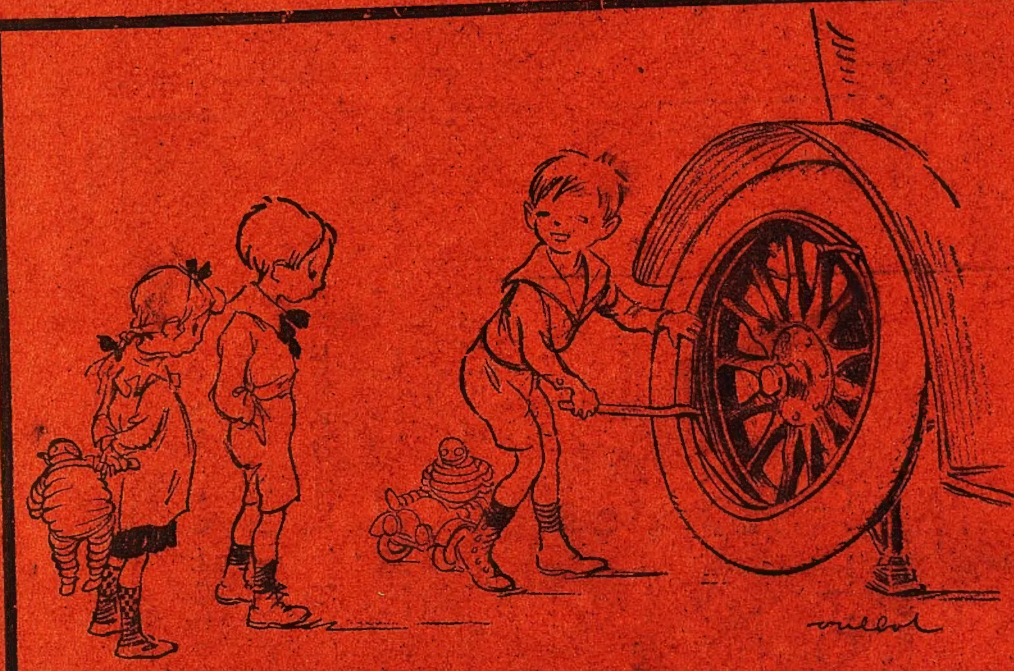
Uebersberger, Hans. Russlands Orientpolitik in den letzten zwei Iahrhunderten. Erster Band: bis zum Frieden von Iassy. Штутгартъ, 1913.

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

СПЕЦІАЛЬНО МАТЕРІИ ДЛЯ МЕБЕЛИ
КОВРЫ, ПОРТЬЕРЫ, ТЮЛЬ, БАХРОМА, ШНУРЪ, АГРАМАНТЪ
ФАБРИК.
БР. БАЛАКИНЫ
МОСКВА, ИЛЬИНКА, прот. гост. двор.
С. ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИН. КАНАЛЪ
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ВСѢХЪ СОРТОВЪ и СТИЛЕЙ
ПРОДАЖА ПО ЦѢНАМЪ ФАБРИКИ.
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Спб., Б. Подъяческая, № 39.

